КАРДИНАЛ
РИШЕЛЬЁ

МЕМУАРЫ «КРАСНОГО ГЕРЦОГА»

Чтобы управлять государством,
нужно поменьше говорить и побольше слушать.

ВЕЛИКИЕ ПРАВИТЕЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Большинство наших соотечественников знают кардинала Франции Армана Жана дю Плесси, герцога де Ришельё (1585—1642), только из художественной литературы – по романам Александра Дюма-отца.

Александр Дюма был большим писателем, но еще больше – свободолюбивым французом. В свои отрицательные персонажи он выбирал прежде всего тех, кто, по его мнению, эту французскую свободу личности во всех ее проявлениях долгие века ограничивал. Неудивительно, что кардиналу Ришельё и другим могущественным представителям Церкви в произведениях Дюма доставалось как никому другому. В бессмертном романе «Три мушкетера» литературный кардинал Ришельё – ходульный злодей, интриган, неудачливый любовник, бездарный поэт, который на фоне благородных мушкетеров выглядит мелко и комично.

В жизни все было совсем иначе, однако не менее интригующе.

Действительно, у исторического кардинала Ришельё друзей было немного, зато врагов – хоть отбавляй. Однако даже враги хорошо знали ему цену и говорили о нем не просто как о достойном противнике, а как об «одном из лучших людей, которых когда-либо знала не только Франция, но и вся Европа». И все потому, что герцог де Ришельё был блестящим, а может быть даже великим, кризис-менеджером. Этот современный термин как нельзя лучше подходит первому министру Франции, жившему четыре столетия назад.

Ришельё занял высший государственный пост своей страны в тот период, когда она находилась в политическом тупике, а дела государства пришли в полнейшее расстройство. Несколько лет его правления – и ситуация коренным образом изменилась: распри и заговоры придушены, экономика и финансы стремительно крепнут, Франция становится мощным игроком на международной арене. Ришельё как великий правитель сделал политику политикой и заставил ее служить не идеологии, а делу процветания государства.

Первый министр Ришельё не был ни идеальным человеком, ни идеальным правителем. Он всегда был жестким и часто жестоким, добивался поставленных целей, не забывал и о своекорыстных интересах. Но все же главным смыслом его жизни и деятельности была Франция. И потому этот человек мог сказать с полным правом: «Моей первой целью было величие короля,

моей второй целью было могущество королевства»…

Электронная публикация включает полный текст бумажной книги и избранную часть иллюстративного документального материала. А для истинных ценителей подарочных изданий мы предлагаем классическую книгу. Как и все издания серии «Великие правители» книга снабжена подробными историческими и биографическими комментариями. В книге великолепный подбор иллюстративного материала: текст сопровождают более 250 старинных цветных и черно-белых иллюстраций, с большинством из которых читатель познакомится впервые. Элегантное оформление, прекрасная печать, лучшая офсетная бумага делают эту серию прекрасным подарком и украшением библиотеки самого взыскательного читателя.

-
- В. Л. Ранцов. Кардинал Ришельё
- Арман Жан дю Плесси, кардинал герцог де Ришельё. МЕМУАРЫ
- ПРИЛОЖЕНИЯ
  - Екатерина Городилина. О политическом завещании Ришельё
  - Александр Дюма. Жизнь Людовика XIV[179]
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65

- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109

- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153

- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179

Арман-Жан дю Плесси, герцог де Ришельё
(1585—1642)

Арман-Жан дю Плесси,
герцог де Ришельё

Мемуары «Красного герцога»

В. Л. Ранцов. Кардинал Ришельё

Введение

Исторические деятели, на долю которых выпадает неблагодарная задача окончательного сведения счетов с давно установившимися порядками, без сомнения, не могут надеяться на справедливую оценку со стороны современников. Неудивительно поэтому, что кардинал Ришельё был при жизни и в первое время после смерти предметом то величайших похвал, то самых жестоких порицаний. В мемуарах современников великого кардинала говорит или желчная ненависть, или восторженное поклонение.

Протестантские писатели не признают в нем ни талантов, ни даже способностей и умышленно закрывают глаза на услуги, несомненно оказанные им Франции. Католикам Ришельё представляется, в свою очередь, гениальнейшим государственным деятелем, одаренным политической мудростью, беспримерной в летописях истории.

Необходимо заметить, впрочем, что даже и новейшие историки в отзывах своих о Ришельё зачастую не выказывают надлежащего беспристрастия.

Сторонники либеральных учреждений обвиняют его в том, что он не воспользовался выгодами своего положения для установления во Франции конституционных порядков, а вместо того, сломав феодальную аристократию, уничтожил единственное препятствие, способное хоть сколько-нибудь сдерживать королевскую власть в некоторых границах.

Утверждают даже, будто он стремился к усилению монархической власти именно только потому, что король Людовик XIII был в его руках послушным орудием.

Питер Пауль Рубенс. Портрет Людовика XIII.
Около 1625 г.

Легитимисты видят, в свою очередь, в Ришельё предтечу революции. Его обвиняют в том, что он, сам того не сознавая, подготовил ее и таким образом обнаружил непростительное отсутствие дальновидности.

В несравненно меньшей степени расходятся отзывы о нравственных принципах, которыми руководствовался Ришельё как в государственной деятельности, так и в частной жизни. Даже самые восторженные поклонники великого кардинала не решаются рисовать нравственный его облик в сколько-нибудь

привлекательном виде, враги же изображают его совершенным чудовищем.

На самом деле кардинал Ришельё был, с точки зрения этического развития, характерным представителем своего века. С другой стороны, нельзя отрицать, что он всегда и во всем ставил свои личные интересы на первое место. Именно только эти личные интересы заставили его разойтись с партией, поддерживающей испанскую политику, преданным сторонником которой он был в первое время.

Возгоревшаяся затем борьба с этой партией дала Ришельё случай выказать большую силу характера и недюжинные дарования. Необходимо заметить, впрочем, что он не задавался в своей государственной деятельности отдаленными видами, а всегда стремился к достижению ближайших возможных целей. Это объясняется, быть может, тем, что у него самого почва под ногами все время колебалась.

Среди забот о внутренних и внешних государственных делах Ришельё постоянно должен был помышлять о самозащите. Бесхарактерность и подозрительность Людовика XIII делали положение первого его министра до чрезвычайности непрочным.

Ришельё приходилось поэтому беспрерывно держаться настороже и вести упорную борьбу со своими явными и тайными врагами: матерью Людовика XIII – Марией Медичи, супругой его – Анной Австрийской, братом короля – Гастоном Орлеанским и многочисленными их приверженцами.

Борьба эта велась с обеих сторон самым беспощадным образом. Противники Ришельё не гнушались убийством, так что жизнь его неоднократно подвергалась серьезной опасности. Неудивительно, что и он, в свою очередь, зачастую обнаруживал крайнюю жестокость и неразборчивость в выборе средств.

Франс Младший Пурбус. Портрет королевы Марии Медичи. *1616 г.*

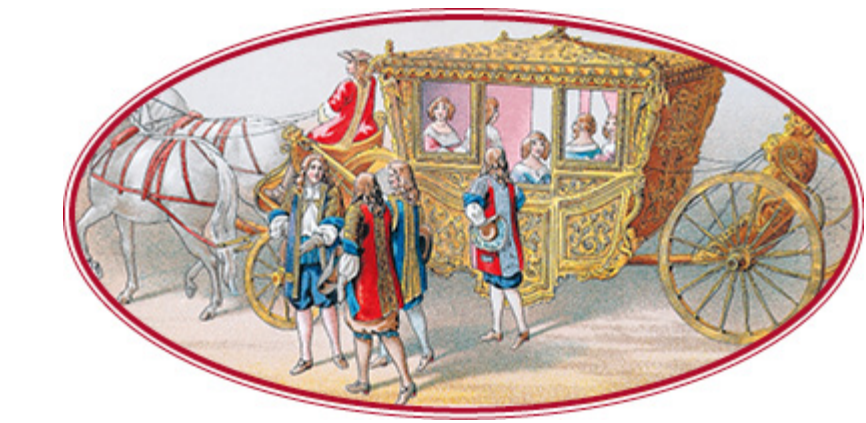
Ришельё был дворянином с головы до пят и всецело разделял презрение, с которым в его время дворянство относилось к простонародью. Если он сломил во Франции феодальную аристократию, то единственно лишь вследствие усердного участия наиболее выдававшихся ее представителей в интригах и заговорах против него лично.

Кардинал Ришельё несомненно обладал большой дозой веротерпимости, позволявшей ему поддерживать в Германии протестантов непосредственно в ущерб интересам Католической

Церкви. Если в самой Франции он вел войну с гугенотами, то руководствовался при этом чисто политическими побуждениями.

Враги кардинала объясняли его веротерпимость полнейшим равнодушием к религиозным вопросам и, может быть, в данном случае не особенно ошибались. Нельзя отрицать, однако, что государственная деятельность Ришельё, независимо от руководивших им личных мотивов, принесла громадную пользу не только Франции, но и вообще всей Европе.

Благодаря Ришельё рушилась гегемония Испании и Австрии, угрожавшая распространить власть инквизиции на всю Западную Европу. История должна поэтому признать, что кардинал Ришельё фактически оказал делу цивилизации крупную услугу.



Глава I. Молодость Ришельё и начало его политической карьеры

Арман Жан дю Плесси, кардинал и герцог Ришельё, родился в Париже 9 сентября 1585 года. (Отец его, Франсуа дю Плесси, принадлежал к старинной дворянской фамилии и в награду за услуги, оказанные королю Генриху III, был пожалован орденом Св. Духа, считавшимся в то время весьма почетным отличием.

Впоследствии, при короле Генрихе IV, он отличался блистательной храбростью на полях битв и состоял в чине капитана королевских телохранителей. Он умер в 1590 году, оставив после себя трех сыновей и двух дочерей.

Мать будущего великого кардинала предназначала его сперва к военной службе. Тем не менее он получил по тогдашним временам чрезвычайно хорошее образование, изучал в Лизье риторику и философию, а затем поступил в военное училище, где успел уже добиться больших успехов в фехтовании и верховой езде, когда домашние обстоятельства побудили его отказаться от

военной карьеры и перейти в духовное звание.

Дело в том, что Люсонское епископство, бывшее в последнее время наследственным в семье дю Плесси, неожиданно оказалось вакантным. Король Генрих IV назначил епископом юного Армана, которому в то время шел только двадцать второй год и, следовательно, еще не исполнилось возраста, требуемого церковными законами для посвящения в епископский сан.

Это не помешало ему, однако, немедленно отправиться в Рим. Папа Павел V, выслушав речь, произнесенную на латинском языке юным дю Плесси, рукоположил его в епископы. Арман был в это время до такой степени бледен и худощав, что казался моложе своих лет. Когда он преклонил пред Папой колена, Павел V, как уверяют, спросил его:

– А вы достигли уже возраста, требуемого церковными уставами?

– Точно так, ваше святейшество, – отвечал будущий кардинал, кладя пред Папой земной поклон.

По окончании священного обряда дю Плесси пал ниц пред Папой и воскликнул:

– Ваше святейшество, отпустите мне великий грех, я ведь не достиг еще надлежащего возраста!

Дав юному епископу требуемое отпущение, Папа обратился к своим приближенным и сказал:

– Из этого молодого человека выйдет недюжинный плут. Он далеко пойдет!

Может быть, Папа предвидел тогда, что Арман дю Плесси не удовлетворится епископским саном.

Филипп де Шампань. Тройной портрет кардинала Ришельё. *1637 (1642?) г.*

Во Франции Париж уже и в XVII столетии являлся могущественным притягательным центром для искателей приключений и честолюбцев. Епископы следовали примеру остальной знати и возвращались в свои епархии, только когда навлекали чем-нибудь на себя опалу.

Ришельё, приехав в Париж, в первое время продолжал научные занятия. Блистательно сдав экзамен в Сорбонне, он получил в 1607 году ученую степень доктора богословия. Король Генрих IV покровительствовал дю Плесси, которого называл своим епископом, и охотно слушал его проповеди, отличавшиеся от поучений модного тогда проповедника, патера Андре, приличным тоном и основательным знакомством со Св. Писанием.

Дю Плесси сознавал, однако, что уже вследствие молодости не может играть при дворе сколько-нибудь влиятельную роль. К тому же, обладая сравнительно очень небольшим состоянием, он понимал безнадежность соперничества с богатой аристократической молодежью, щеголявшей роскошными костюмами и экипажами.

Двадцатитрехлетний епископ предпочел поэтому вернуться в

свою епархию, причем занял для въезда в Люсон карету, лошадей и кучера у одного из своих приятелей, так как придавал большое значение представительности. Естественно, что он чрезвычайно тяготился бедностью, не позволявшей ему обзавестись соответственным штатом прислуги, порядочной мебелью и экипажами.

Вступив в управление епархией, дю Плесси сразу выказал большие административные способности. За какие-нибудь пять лет он не только отстроил заново церкви, разрушенные во время религиозных войн, но и обзавелся серебряной посудой, без которой человеку его сана и происхождения неприлично было, как он полагал, садиться за обед.

Вместе с тем юный епископ обдумывал будущую свою карьеру и вырабатывал обстоятельный план действий на случай возвращения ко двору.

Имея обыкновение письменно излагать мысли по особенно интересовавшим его вопросам, он составил тогда для себя самого подробную инструкцию, озаглавленную: «Наставления и правила, которыми я намерен руководствоваться, когда буду состоять при дворе». Этот любопытный документ прекрасно очерчивает программу будущего великого кардинала.

Дю Плесси решил, что в первое время будет являться во дворце ежедневно, чтобы произвести таким усердием на короля желаемое впечатление.

Потом можно посещать его величество и пореже, например раз в неделю. «При этом необходимо принять во внимание, что королю нравятся лишь те из приближенных, которые обращаются с ним смело и свободно, не выходя, однако, из границ должного уважения.

Надлежит почаще повторять королю, что только обстоятельства вынуждают меня ограничиваться оказанием маловажных услуг и что для верноподданного нет ничего трудного или невозможного на службе у такого доброго государя и такого великого монарха… Важнее всего наблюдать, откуда именно дует ветер, и не мозолить королю глаза, когда он в дурном расположении духа».

Юный епископ, всесторонне обсуждая вопрос, каким образом надо держаться с королевскими любимцами и фаворитками, приходит к убеждению, что их следует посещать «ввиду необходимости приносить жертвы как добрым, так и злым богам: первым – для того чтобы помогали, последним – чтобы не делали зла».

При дворе следует «воздерживаться от многоглаголания и как можно внимательнее слушать, отнюдь не дозволяя себе

принимать рассеянного, равнодушного или меланхолического вида; напротив того, надо выказывать живейшее сочувствие к предмету, о котором идет речь, но проявлять это сочувствие более вниманием и молчанием, чем словами, или жестами одобрения.

Особенно важно заручиться расположением таких служащих, которые в чем-либо могут пригодиться». К числу их принадлежат, между прочим, почтальоны. «Письма, которые опасно сохранять, следует немедленно сжигать» и т. п. В заключение дю Плесси рассматривает случаи, когда «необходимо прибегать к притворству и лести».

Тем временем Генрих IV пал от руки убийцы (14 мая 1610 года), и люсонскому епископу пришлось ехать в Париж, чтобы присягнуть на верность королеве-регентше Марии Медичи. Полгода спустя он вернулся опять в свою епархию. Материальное его положение хотя несколько и улучшилось, но все-таки он продолжал нуждаться в деньгах.

В 1614 году Мария Медичи созвала генеральные штаты, и дю Плесси снова прибыл в Париж в качестве депутата от духовенства. Во время совещаний он, несмотря на молодость, сумел приобрести до такой степени доверие сотоварищей, что ему было поручено представить королю в день открытия заседаний докладную записку от лица всего духовного сословия.

Люсонский епископ обратился при этом к Людовику XIII с речью, свидетельствовавшей как об его ораторских способностях, так и о решимости не пренебрегать никакими средствами для достижения намеченной цели. Вся Франция была в то время возмущена правлением Марии Медичи и ее фаворита, итальянца Кончини, пожалованного без всяких военных заслуг в маршалы.

В совещаниях генеральных штатов депутаты жаловались на общую неурядицу и полное расстройство финансов. Уступчивость королевы-регентши по отношению к испанской политике вызывала общее неудовольствие.

Денис Лекок. Кончино Кончини, граф делла Пенна, маркиз д'Анкра. *1835 г.*

Несмотря на это, Арман дю Плесси в своей речи осыпал Марию Медичи и ее систему управления государством незаслуженными похвалами. Речь эта послужила первой ступенью к будущей политической карьере люсонского епископа, так как юный король и регентша с благосклонным вниманием выслушали оратора. Мария Медичи не замедлила вознаградить ревностного своего апологета.

В начале 1616 года Ришельё был назначен штатным священником при дворе молодой королевы Анны Австрийской и

поселился в Париже, где купил себе дом против церкви монастырского подворья Blancs-Manteaux; в том же году он был зачислен в государственный совет и назначен секретарем в кабинет Марии Медичи, удостоившей избрать молодого, изящного и ловкого епископа своим фаворитом.

Материальное положение Ришельё значительно улучшилось, так как ему ассигновали 6 тысяч ливров (10 тысяч рублей) на расходы «по служебному положению».

Питер Пауль Рубенс. Портрет Анны Австрийской.
Около 1622 г.

Тем временем между гугенотами происходили серьезные волнения, начавшиеся тотчас же по обнародовании манифеста о предстоявшем бракосочетании Людовика XIII с Анной Австрийской и сестры его, принцессы Елизаветы, с принцем Филиппом Испанским. К недовольным примкнули многие влиятельные вельможи, желавшие воспользоваться этим случаем, чтобы низвергнуть ненавистного им Кончини.

В это смутное время Кончини возложил на дю Плесси сперва конфиденциальные переговоры с герцогом Неверским, а затем поручил ему же портфель военного министерства и министерства иностранных дел с годовым окладом в 17 тысяч ливров (30 тысяч рублей).

Сан епископа обеспечивал ему председательство в государственном совете. Всемогущий в то время Кончини и его жена покровительствовали дю Плесси, перед которым открывалась тогда уже, по-видимому, самая блестящая карьера, но судьба решила иначе.

Глава II. Первое министерство Ришельё. – Опала. – Кардинальская шапка. – Вторичное вступление в министерство

Без сомнения, никто не подозревал, что новый министр, достигший власти при помощи испанской партии, сделается со временем самым опасным противником Габсбургов. Действительно, в 1616 году Ришельё так пламенно разделял симпатии Марии Медичи и Кончини, что посол Филиппа III отзывался о нем как о самом искреннем стороннике Испании.

На этот раз люсонский епископ недолго держался в министерстве и не успел ознаменовать свое управление никакими

важными мероприятиями. Деятельность его как военного министра была парализована недостатком в деньгах, доходившим до того, что перед самой катастрофой 24 апреля 1617 года он принужден был выдать из собственных средств 3 тысячи рублей для уплаты жалованья войскам.

В качестве министра иностранных дел Ришельё деятельно хлопотал о заключении союза с протестантскими государствами, чтобы лишить мятежных французских католиков и протестантов убежища за границей.

«Суть дела не в религии, а в неповиновении, – писал люсонский епископ, – король желает одинаково относиться ко всем своим подданным без различия исповеданий, но вместе с тем требует, чтоб и католики и протестанты не уклонялись от исполнения верноподданнических обязанностей».

24 апреля 1617 года капитан королевских телохранителей Витри, получив приказание арестовать Кончини, убил его во дворце, после чего Людовик XIII вступил сам в управление государством. Накануне, вечером, люсонский епископ получил анонимное письмо, в котором его извещали о заговоре против Кончини.

Ришельё сперва задумался, а потом положил письмо под подушку и заснул. Понимая, что душою заговора был сам король, он считал опасным для себя вмешиваться в дело и даже не нашел нужным предупредить своего «друга и благодетеля» о надвигавшейся грозе. Новое министерство, составленное герцогом Люинем, следовало политике Генриха IV, прямо противоположной видам Марии Медичи и Ришельё.

Убийство Кончино Кончини

Спустя всего лишь несколько часов после трагической смерти Кончини, Ришельё явился в Лувр, чтобы участвовать в заседании государственного совета, но получил от короля повеление удалиться от двора и более не вмешиваться в государственные дела.

– Наконец-то мы избавились от вашей тирании! – воскликнул Людовик XIII, не подозревавший, что вскоре безропотно ей подчинится.

При таких обстоятельствах опальному епископу не оставалось иного выбора, как разделить изгнание королевы-матери в Блуа и ожидать там вместе с ней лучших времен. Впрочем, он предварительно навестил нового премьера Люиня, поздравил его и уверил, будто едет с бывшей регентшей, «чтобы подавать ей благие советы и доносить о всех ее намерениях и поступках».

Однако присутствие в Блуа такого ловкого дипломата, как Ришельё, начало беспокоить короля и Люиня. Люсонскому епископу велено было вернуться в свою епархию. Ришельё немедленно повиновался и как будто совершенно погрузился в богословские исследования.

Поселившись в аббатстве Куссе, он написал объемистое

сочинение под заглавием «Защита главных положений католического исповедания против докладной записки, поданной на высочайшее имя четырьмя шарантонскими пасторами».

Сочинение это доставило ему репутацию одного из самых выдающихся апологетов католицизма. Но эти богословские занятия не удовлетворяли честолюбивого прелата. Он обратился к королю с всеподданнейшей просьбой, в которой уверял в неизменной преданности своей престолу и отвращении от политических интриг.

Несмотря на эти уверения, король и первый министр имели основание подозревать люсонского епископа в тайных сношениях с Марией Медичи и выслали его из французских пределов в Авиньон. Тем временем бывшая регентша самовольно удалилась из Блуа в Ангулем и начала набирать там войска, начальство над которыми поручила герцогу Эпернону.

Франции угрожала междоусобная война. Ввиду такого критического положения Людовик XIII вызвал Ришельё из Авиньона и отправил в Ангулем к королеве-матери. Люсонский епископ добился желаемого соглашения, но оно оказалось непрочным и через год междоусобная война возгорелась с новой силой.

Только после поражения армии королевы при Пон-де-Се удалось примирить Марию Медичи с сыном. В награду за это Людовик XIII обещал исходатайствовать у Павла V кардинальскую шляпу для Ришельё. Мир между королем и его матерью был скреплен женитьбой племянника герцога Люиня на племяннице люсонского епископа.

Свадьбу торжественно отпраздновали в покоях молодой королевы, а брачный контракт был подписан в Лувре в кабинете королевы-матери. Тем не менее только смерть Люиня возвратила Марии Медичи прежнее влияние и доставила Ришельё возможность вступить в государственный совет.

Не доверявший ему Людовик XIII, по настояниям Люиня, просил Папу не обращать внимания на представления французского посла о возведении люсонского епископа в сан кардинала.

Герцог Люинь никогда не командовал армиями, но тем не менее состоял в чине коннетабля, то есть генералиссимуса. Он по своей бесхарактерности и опрометчивости был как нельзя более под стать самому королю и, вместо того чтоб энергически противодействовать замыслам Испании и Австрии, помогал их осуществлению, вызвав междоусобную войну в самой Франции.

По совету своего премьера Людовик XIII нарушил статью Нантского эдикта[1], оставлявшую в руках беарнских гугенотов

захваченное ими во время религиозных войн католическое церковное имущество. Гугеноты взялись за оружие.

Сам король двинулся на них с армией, предводимой шестью маршалами, и обложил укрепленный протестантами город Монтобан, но вынужден был снять осаду и отступить. Неудачный исход кампании подорвал авторитет герцога Люиня в глазах короля. Это так подействовало на герцога, что он умер, как уверяют, «от тревоги и огорчения».

Франс Младший Пурбус.
Шарль д'Альбер герцог де Люинь. *1622 г.*

После него во главе министерства стал принц Конде, вскоре утративший, однако, расположение Людовика XIII. Напротив того, Мария Медичи, следуя советам Ришельё, мало-помалу вернула себе доверие сына. По ее настояниям люсонский епископ получил наконец в 1622 году давно обещанную кардинальскую шляпу и вскоре после того отказался от Люсонской епархии.

Высокомерие принца Конде сильно раздражало его сотоварищей по министерству. Король, в свою очередь, был недоволен безуспешностью все еще продолжавшейся войны с гугенотами. Мария Медичи приобретала, благодаря этому, все большее значение в государственном совете.

Сблизившись с влиятельнейшими из министров, королева-мать обещала им не допускать кардинала Ришельё до непосредственного участия в государственных делах, после чего министры Брюлар и Пюизье открыто приняли ее сторону.

Ришельё тем временем благоразумно стушевался, чтобы не возбуждать подозрения в министрах, чувствовавших в нем опасного соперника.

Следуя программе действий, начертанной ее фаворитом, королева-мать всячески старалась щадить самолюбие царственного своего сына, который, постоянно нуждаясь в опеке, имел вместе с тем, подобно большинству бесхарактерных людей, большие притязания на самостоятельность.

Когда принц Конде совершенно утратил доверие короля, прочие министры, по соглашению с Марией Медичи, убедили Людовика XIII пригласить в государственный совет маркиза Вьевилля. Новый министр начал с того, что уговорил короля сформировать новый кабинет.

Отставка прежнего министерства была окончательно решена на конфиденциальном совещании между королем, его матерью, Вьевиллем и Ришельё. Вьевилль стал первым министром, но Людовик XIII был еще слишком предубежден против Ришельё, так что не дозволил включить его в состав кабинета.

Тем не менее честолюбивый кардинал был вполне уверен, что благодаря поддержке королевы-матери будет в самом непродолжительном времени призван к кормилу правления. Действительно, вскоре выяснилось, что Вьевилль не в силах справляться с возраставшими усложнениями внутренних государственных дел и внешней политики.

Людовик XIII не отличался блестящим умом, но тем не менее обладал достаточной дозой здравого смысла, чтоб понимать необходимость для Франции противиться всякому дальнейшему усилению могущества Испании и Австрии. Обе эти державы, монархи которых были соединены тесными родственными узами,

действовали с таким единодушием, как если б представляли собою одно неразрывное целое.

К счастью для Европы, между австрийскими и испанскими владениями существовала чересполосность, препятствовавшая армиям Филиппа III и Фердинанда II соединиться в одну подавляющую громаду вооруженных сил. С целью устранения этой чересполосности, испанцы решили завладеть Вальтелинской долиной, лежащей между озером Комо и Тиролем.

Долина эта, населенная по преимуществу католиками, находилась в вассальной зависимости от Граубюнденских кантонов, отличавшихся своей приверженностью к Реформации.

Губернатор испанских владений в Италии, герцог Ферия, пользуясь религиозной враждой между католиками и протестантами, убедил вальтелинцев прибегнуть к покровительству Испании, ввел в долину испанские войска и построил там несколько укреплений. Таким образом, ему удалось установить прямое, хотя и не особенно удобное сообщение между испанскими и австрийскими владениями.

Франция ограничивалась одними только протестами против этого захвата. Испанское правительство, убежденное в том, что французские протесты не будут поддержаны объявлением войны, оставляло их без внимания. Вместе с тем, однако, оно всячески старалось поддерживать неурядицу во Франции и не жалело денег на субсидии вождям беспрерывно возгоравшихся там восстаний против королевской власти.

Падение ла Вьевилля значительно ускорил памфлет, озаглавленный «Голос общества к королю». Автор этого памфлета, аббат Фонкан Больше, состоял в близких сношениях с Ришельё, зачастую прибегавшим к его перу для распространения печатных пасквилей против министров.

Кардиналу было известно, что Людовик XIII охотно читал такие пасквили и принимал их до известной степени во внимание. Фонкан в своем памфлете, написанном в сотрудничестве с самим Ришельё, обвинял Вьевилля в лихоимстве, превышении власти и прямом неповиновении королю. Вместе с тем он указывал на кардинала как на единственного человека, способного вывести Францию из затруднительного положения.

Глава III. Отношение Ришельё к Людовику XIII и его приближенным

Неизвестно в точности, когда именно Ришельё успел вкрасться в доверие Людовика XIII. Во всяком случае это произошло в промежуток между апрелем и августом 1624 года. Действительно, 26 апреля король, под влиянием упомянутого уже памфлета и настояний своей матери, лишь неохотно пригласил Ришельё в государственный совет, а 13 августа кардинал фактически занимал уже пост первого министра. Что касается ла Вьевилля, то он был арестован и заключен в замок Амбуаз.

К тому времени в политических воззрениях Ришельё произошла радикальная перемена. В качестве фаворита Марии Медичи и министра в кабинете Кончини он был ревностным сторонником союза с Испанией. Сообразив затем, что несравненно выгоднее опереться на короля, он быстро произвел перемену фронта, безусловно присоединился к политической программе Людовика XIII и сделался самым энергическим противником испанской гегемонии.

Воспользовавшись влиянием королевы-матери, чтобы попасть в министерство, и заручившись доверием короля, политическую мудрость которого беспрерывно восхвалял, Ришельё, естественно, вызвал против себя неудовольствие прежней своей покровительницы.

Людовик XIII, по-видимому, серьезно приписывал себе честь обращения кардинала Ришельё на путь истинно национальной французской политики. Уверенность эта, которую честолюбивый и умный кардинал тщательно старался поддерживать, значительно упрочила его положение при дворе.

В своем политическом завещании Ришельё говорит: «Я

обещал королю употребить все мои способности и все средства, которые ему угодно будет предоставить в мое распоряжение, на то, чтобы уничтожить гугенотов как политическую партию, ослабить незаконное могущество аристократии, водворить повсеместно во Франции повиновение к королевской власти и возвеличить Францию среди иностранных держав».

В письме к Людовику XIII, помеченном 1626 годом, Ришельё мог уже указать на достигнутые им благоприятные результаты. Он говорит: «Если Богу угодно будет продлить мою жизнь еще на полгода или более, то я умру спокойно. Гордость Испании будет сокрушена, гугеноты покорены, между членами королевской фамилии восстановится единодушие, имя же вашего величества прославится всюду».

Франс Младший Пурбус. Портрет Людовика XIII в 1611 году. *1610 г.*

Изучив до тонкости характер Людовика XIII, ловкий кардинал постоянно выставлял себя лишь хорошим исполнителем предначертаний монарха. Являясь к королю с докладом, он никогда не навязывал открыто своего мнения, но излагал обстоятельства дела так, что Людовик XIII, как будто иногда даже вопреки своему министру, принимал решение, вполне соответствовавшее его видам.

Если Ришельё удалось, несмотря на все многочисленные направленные против него интриги, сохранить расположение и

доверие короля, то именно лишь благодаря умению сообразовать свое поведение с характером Людовика XIII. Задача эта была весьма трудною, так как король не отличался особенной деликатностью и мягкосердечием в обращении с не нравившимися ему министрами, особенно же если их можно было заподозрить в желании им руководить.

Зная это, Ришельё не упускал удобного случая польстить самолюбию короля и неоднократно говорил: «Ваше величество по отношению к правильности суждений – первый во всем нашем государственном совете».

Заметив, что король, ввиду единодушного ходатайства всего своего двора, колеблется подписать смертный приговор Бутвиллю, нарушившему закон, которым воспрещались поединки, Ришельё сказал: «Вашему величеству предстоит теперь отрубить голову поединкам, или собственному своему указу».

Как и следовало ожидать, король немедленно утвердил приговор, которого добивался Ришельё в сущности для того, чтобы застращать интриговавшее против него высшее французское дворянство.

Иногда, впрочем, кардинал, ссылаясь на верноподданническое усердие, позволял себе делать Людовику XIII резкие замечания. Так, в январе 1629 года он, в присутствии королевы-матери и королевского духовника, патера Сюффрена, прочел своему монарху строжайшую нотацию.

Изложив сперва программу внутренней и внешней политики и напомнив, что эта программа исходит от самого короля, Ришельё объявил, что она может быть выполнена лишь в том случае, если его величество исправится от многочисленных своих недостатков, а именно от подозрительности, зависти, чрезмерной поспешности в решениях и склонности руководствоваться в симпатиях и антипатиях минутными капризами.

Ришельё указал королю на неуместность увлекаться чувством зависти к родному брату. Он советовал уступать принцу Гастону каждый раз, когда это не может повлечь за собою вреда для государственных интересов, но воздерживаться от всяких уступок, способных нанести ущерб королевскому достоинству, причем предложил королю быть вообще сдержаннее в речах и не говорить ничего такого, что могли бы истолковать в смысле, оскорбительном для августейшего его брата.

Королю следовало также, по словам Ришельё, «или управлять самому ходом государственных дел, или же препоручить заведование ими всецело лицу, к которому он имеет полное доверие. Чувство зависти короля к своим уполномоченным является, так сказать, завистью к собственной тени, потому что

они, подобно планетам, сияют лишь светом, заимствованным от солнца».

Само собой разумеется, что приветливость по отношению к вельможам и принцам являлась для короля обязательной, но при этом «никоим образом не следовало поощрять клевету, свирепствующую при дворах хуже чумы. Надо строжайше наказывать всякую попытку очернить в глазах короля верных его слуг.

Королю не подобает забывать оказанные ему услуги. Одобрив какой-либо проект, необходимо поддерживать его до тех пор, пока он не будет вполне осуществлен».

В заключение Ришельё увещевал короля настаивать на строгом выполнении указа против поединков. «Оставляя преступление безнаказанным и не пользуясь властью, полученной от Бога, монарх совершает великий грех. Государь, ведущий лично самую безгрешную жизнь, все-таки может попасть в ад за невыполнение с должной строгостью монарших своих обязанностей.

Отправление правосудия должно быть вполне беспристрастным и нелицеприятным даже к тем, кто пользуется расположением короля. Виновным подобает во всех случаях нести заслуженное наказание. Королю приличествует щедро вознаграждать за оказанные ему услуги, чтобы не распространялась молва, будто он скорее строгий государь, чем милостивый, распущенная еще покойным герцогом Люинем.

Воля короля должна быть всегда разумною. Не следует с горячностью устремляться к чему-либо и тотчас же затем охладевать. Точно так же неуместно для короля держать себя так, чтобы ему осмеливались приписывать равнодушие к важным государственным делам.

Надлежит обнаруживать к ним больший интерес и отзываться с похвалою о деятельности лиц, помогающих выполнению монарших предначертаний».

Не подлежит сомнению, что в этом прочитанном Людовику XIII нравоучении нравственный облик короля изображен чрезвычайно меткими и характерными чертами. Чтобы смягчить резкость своей выходки, кардинал закончил ее покаянием в собственных грехах и недостатках, являвшимся, как и следовало ожидать, чем-то вроде замаскированного похвального слова самому себе.

Указывая на многотрудные обязанности по управлению государством и на слабое свое здоровье, кардинал молил о дозволении сложить с себя столь тяжкое бремя и удалиться от дел, пока не утратил еще доверие короля и августейшей его

матери.

Маневр этот увенчался успехом. Выслушав речь кардинала с вниманием и терпением, король (как говорится в мемуарах Ришельё) объявил, что «непременно воспользуется указаниями своего министра, о выходе которого в отставку не может быть и речи».

Помимо уважения к духовному сану Ришельё, Людовик XIII действительно нуждался в его услугах и совершенно искренно считал его незаменимым. Необходимо принять во внимание чрезвычайную болезненность короля, который умер всего только сорока двух лет от роду. Людовик XIII с молодых уже лет страдал хроническим катаром желудка.

Он лечился все время слабительными и кровопусканиями, повлекшими за собою развитие сильнейшего малокровия, под влиянием которого характер его сделался меланхолическим, неустойчивым и раздражительным.

Ощущая настоятельную потребность в друге, перед которым мог бы изливать свою душу, не стесняясь условиями придворного этикета, Людовик XIII не мог в собственной своей семье найти никого, способного выполнить эту роль. Родной брат короля, принц Гастон, отличался крайней бесхарактерностью, грубостью и безнравственностью, отталкивавшими от него Людовика, отношения которого к прекрасному полу были по преимуществу платоническими.

Кроме того, принц Гастон постоянно участвовал в заговорах против державного своего брата и его правительства. К своей супруге Анне Австрийской, тоже принимавшей деятельное участие в большинстве этих заговоров, Людовик XIII питал величайшую антипатию, которую кардинал Ришельё всячески старался поддерживать.

Королева-мать, Мария Медичи, была женщиной с чрезвычайно тяжелым характером, мстительная, вспыльчивая и властолюбивая, несмотря на полнейшую неспособность к государственным делам. Вместе с тем она недолюбливала своего сына и отдавала явное предпочтение младшему.

Людовик XIII не имел фавориток в настоящем значении этого слова. Тем не менее Ришельё, оберегая свое влияние на монарха, зорко следил за девицами и дамами, возбуждавшими в сердце короля платоническую привязанность. Столь же тщательно надлежало ему наблюдать за фаворитами, которых выбирал себе король.

Сперва Людовик XIII почувствовал расположение к Люиню, который благодаря лишь этому счастливому случаю попал в герцоги, коннетабли и первые министры. По смерти Люиня место

его занял молодой паж Барада. Вмешавшись в интриги против Ришельё, он был заменен сперва Сен-Симоном, а потом Сен-Марсом, сыном преданного Ришельё маршала Эффиа.

Сам кардинал рекомендовал красавца-юношу королю, не замедлившему пожаловать нового фаворита, которому исполнилось всего только восемнадцать лет, в обер-шталмейстеры. Заносчивый и самоуверенный Сен-Марс, принявший после того фамилию Ле Грана, позволял себе, однако, обращаться весьма неуважительно даже с самим королем.

Людовик XIII вынужден был жаловаться на дурной характер своего фаворита. «Я позволил себе упрекнуть его в лености, – пишет король кардиналу, – он же возразил мне, что каков есть, таким и останется. Я заметил тогда, что, во внимание к оказанным ему милостям, г-ну Ле Грану не следовало бы говорить со мной таким тоном, он же отвечал, что не нуждается в моих благодеяниях и прекрасно обойдется без них».

Ришельё помирил тогда Людовика XIII с фаворитом, но Сен-Марс обиделся таким вмешательством. Вскоре после того он задумал устроить государственный переворот, умертвить кардинала и занять место первого министра. Сколько можно судить, Людовик XIII в беседах с фаворитом зачастую жаловался на Ришельё и говорил, что был бы очень рад, если бы кто-нибудь избавил его от «визиря», забравшего всю власть себе в руки.

Юный Сен-Марс придал слишком серьезное значение словам, вырвавшимся у короля под влиянием болезненного раздражения, и поплатился за это головою. С другой стороны, однако, имеются основания полагать, что если бы фавориту удалось привести в исполнение задуманный план, то Людовик XIII мог бы примириться с совершившимся фактом.

Кардинал Ришельё знал, что на короля позволительно надеяться лишь при условии самому не плошать, а потому, одновременно с заботами о государственных делах, вынужден был, в интересах самозащиты, внимательно следить за всеми придворными интригами и отвечать на них соответственными шахматными ходами.

Великому кардиналу приходилось остерегаться также и духовников Людовика XIII. Король был человеком очень набожным и чрезвычайно опасался попасть в когти к дьяволу. Духовники поэтому всегда оказывали на него большое влияние, почти ускользавшее от всякого контроля со стороны Ришельё.

Между тем они зачастую употребляли это влияние во вред кардиналу. Один из них, иезуит Коссен, вздумал даже потребовать на исповеди от короля удаления Ришельё от кормила правления. Бесхарактерный король, испуганный угрозами и

увещеваниями своего духовника, изъявил согласие расстаться с премьером, если Коссен приищет на место Ришельё кого-либо другого, заслуживающего доверие.

Иезуит, после некоторого колебания, остановил свой выбор на герцоге Ангулемском, который, однако, усомнился в искренности сделанного ему предложения. Опасаясь какого-нибудь подвоха, он предпочел донести обо всем кардиналу, который вместе с ним тотчас же отправился к королю. Результатом этого объяснения было отрешение патера Коссена от должности королевского духовника.

Опаснейшим противником Ришельё при дворе Людовика XIII была, однако, без сомнения королева-мать. Мария Медичи преследовала бывшего своего любимца с чисто женской беззаветной страстностью и настойчивостью. Враждебность эта приняла особенно ожесточенный характер после того, как Ришельё удалось оттеснить королеву-мать от непосредственного участия в управлении государством.

Властолюбивая, мстительная итальянка не останавливалась ни перед какими средствами в стремлении вернуть себе первенствующую роль и покарать неблагодарного честолюбца, обязанного ей своим возвышением. Борьба с этой противницей была тем труднее для кардинала, что в решающие моменты Мария Медичи прибегала к родительским своим правам на короля.

Задавшись целью удалить Людовика XIII из-под влияния Ришельё, она, опираясь на материнский свой авторитет, упрашивала сына не подвергать опасности и без того уже расшатанное здоровье и не дозволяла королю ехать в армию. Ришельё, в свою очередь, не расположен был оставлять короля в руках испанской партии и утверждал, что присутствие его в армии безусловно необходимо.

Злополучный Людовик XIII положительно не знал, на что решиться. В большинстве случаев, однако, Ришельё удавалось одержать верх. Король, которому было приятно думать, что присутствие его в войсках действительно необходимо, соглашался с доводами кардинала и уезжал, поручив ему как-нибудь успокоить королеву-мать.

Брат короля, принц Гастон, также был для Ришельё весьма неудобным противником. Ришельё не считал его, впрочем, особенно опасным, так как знал, что этот избалованный, капризный и уверенный в своей безнаказанности маменькин сынок не обладал надлежащей энергией для серьезной борьбы и не пользовался ни малейшим авторитетом у Людовика XIII.

Тем не менее имя принца Гастона являлось знаменем, вокруг

которого собирались недовольные внутренней и внешней политикой кардинала. Принц принимал деятельнейшее участие во всех заговорах и выходил всегда сухим из воды, так как, в качестве королевского брата и предполагаемого наследника престола, не мог подлежать сколько-нибудь строгой каре.

Гастон два раза уезжал за границу и открыто принимал сторону врагов Франции. Ришельё неоднократно пытался привлечь его в свой лагерь, но принц, поклявшись кардиналу в вечной любви и верной дружбе, на другой же день вступал опять против него в заговоры и объявлял его своим врагом.

Вообще же принц Гастон отличался легкомыслием, граничившим с бессовестностью. После каждого неудачного заговора он испрашивал себе прощение, выдавая всех своих сообщников.

Супруга Людовика XIII, Анна Австрийская, видела в кардинале Ришельё злейшего врага венских и мадридских своих родственников, а потому, естественно, должна была примкнуть к его противникам. Ришельё, в свою очередь, преследовал ее самым беспощадным образом и всячески старался препятствовать ее сближению с мужем.

Ж. Ж. Ансьё. Людовик XIII передает Пуссену свидетельство о назначении его первым королевским художником. *Около 1817 г.*

Анна Австрийская была замечательно хороша собою. Утверждают, что Ришельё был к ней сперва и сам неравнодушен. В мемуарах Бриана рассказывается по этому поводу следующий курьезный инцидент: «Королева со своей приятельницей, герцогиней Шеврез, были, как это свойственно вообще молодым женщинам, охотницы пошутить и посмеяться. Однажды им пришло в голову позабавиться над влюбленным кардиналом.

Герцогиня пригласила Ришельё от имени королевы в собственные апартаменты ее величества. Кардинала уверили, будто королева, наслышавшись о его ловкости и грации, хочет посмотреть, как он танцует сарабанду, и посоветовали для большего эффекта нарядиться в шутовской костюм.

Влюбленный министр вообразил, что ему удалось и на самом деле покорить сердце Анны Австрийской. Он, в сопровождении скрипача Боккаче, явился в назначенный час в комнату королевы, одетый в зеленый бархатный костюм с серебряными бубенчиками на пряжках и подвязках.

Королева с несколькими придворными дамами и кавалерами скрывалась за ширмами, из-за которых можно было видеть все жесты и движения танцора. Сначала она сдерживалась, но под конец невольно разразилась громким смехом. Оскорбленный до глубины души кардинал тогда лишь сообразил, какую смешную роль заставили его разыгрывать. Он поклялся отомстить за отвергнутую любовь и сдержал слово».

История эта сама по себе не представляется особенно правдоподобной. Нельзя отрицать, однако, что она дает без всяких натяжек объяснение странному на первый взгляд ожесточению, с которым Ришельё преследовал злополучную королеву и побуждал Людовика XIII подвергать ее грубым, не всегда заслуженным оскорблениям.

Окончательный разрыв между Ришельё и обеими королевами произошел, во всяком случае, на политической почве. Мария Медичи и Анна Австрийская стояли за союз с Италией и Австрией. Многочисленные в то время во Франции ревностные католики находили как нельзя более греховной политику Ришельё, поддерживавшего всюду за границей протестантов в борьбе против католицизма.

Глава IV. Интриги и заговоры против Ришельё

Враги Ришельё с Марией Медичи во главе вели сперва против него войну памфлетами, в которых возводили на кардинала всевозможные обвинения. Так, утверждали, будто он отравил кардинала Берюлла (занявшего его место в качестве интимного советника королевы-матери), замышлял истребить членов королевской фамилии и овладеть французским престолом, упрекали в равнодушии к интересам Церкви и в готовности жертвовать ими ради благ мира сего.

Необходимо заметить, впрочем, что и сам Ришельё, добиваясь власти, прибегал к совершенно таким же приемам в борьбе с Вьевиллем и другими министрами. Это не мешало ему обнаруживать болезненную чувствительность к ядовитым уколам, которыми изобиловали направленные против него памфлеты.

Враги кардинала не щадили и короля. Они изображали в своих пасквилях Людовика XIII простой марионеткой в руках властолюбивого и наглого визиря. Эти бестактные нападки на короля были чрезвычайно выгодными для Ришельё, так как побуждали Людовика XIII принимать все более энергическим образом сторону своего премьера против дерзких памфлетистов.

Ришельё содержал на собственном иждивении нескольких

писателей, обязав их опровергать возводимые на него обвинения и пускать отравленные стрелы по адресу его противников. Впоследствии кардинал стал издавать для этой цели особую газету. Он, впрочем, не пренебрегал и более суровыми мерами для обуздания памфлетистов враждебного лагеря.

Некоторые из них поплатились жизнью за свое усердие в нападках на кардинала, властно управлявшего судьбами Франции.

Убедившись, что памфлетами не удается потрясти доверия Людовика XIII к его первому министру, враги Ришельё решили прибегнуть к более действенным мерам. С 1626 года до самой смерти кардинала один заговор против него сменялся другим, причем в каждом заговоре Мадридский кабинет играл более или менее деятельную роль.

Королева-мать не принимала участия в первом заговоре против Ришельё. Отношения Марии Медичи к прежнему ее фавориту были в то время еще довольно сносными, и она вполне разделяла его желание сочетать принца Гастона законным браком с принцессою Монпансье, самой богатой невестой во Франции.

Напротив того, приближенные молодой королевы встретили проект этого брачного союза весьма несочувственно. Анне Австрийской поставлено было на вид, что будущая герцогиня Орлеанская может, пожалуй, родить сына, и в таком случае приобретет при дворе большое влияние в ущерб бездетной королеве.

Болезненное состояние Людовика XIII придавало большую правдоподобность гороскопам астрологов, предсказывавшим ему близкую смерть. Тогда Анне Австрийской можно было бы сохранить за собой французский престол, выйдя замуж за принца Гастона. Неизвестно, в какой степени убедительными казались эти доводы королеве.

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что она задумала воспрепятствовать браку принца Гастона с девицей Монпансье и, в присутствии нескольких свидетелей, объявила герцогине Шеврез: «Браку этому не бывать!» К заговору примкнули: принц Гастон, побочные братья короля – принцы Вандомы, маршал Орнано и граф Шале.

Заговорщики рассчитывали, что в решительную минуту сторону их примет почти вся французская аристократия, до чрезвычайности недовольная властным авторитетом Ришельё. Конечные цели заговора держались в секрете даже от самой Анны Австрийской. Она полагала, что имеется в виду лишь низложение кардинала.

На самом деле, однако, решено было не только изгнать из

Франции или же убить Ришельё, но вместе с тем свергнуть Людовика XIII с престола, заточить его в монастырь и провозгласить королем принца Гастона, предварительно женив его на Анне Австрийской.

В случае неудачи в попытках овладеть особами короля и кардинала, принц Гастон рассчитывал, с помощью гугенотов и враждебных Ришельё вельмож, устроить вооруженное восстание, которому Испания и Австрия обещали оказать содействие людьми и деньгами.

Благодаря счастливой случайности кардинал своевременно узнал об угрожавшей опасности. Граф Шале в беседе с приятелем рассказал о намерении умертвить кардинала. Об этом было сообщено Ришельё, с пояснением, что премьер обязан спасением жизни именно самому графу.

Объяснившись с неосторожным заговорщиком, кардинал признал возможным пощадить как его, так и принца Гастона, давшего при этом случае королю обещание жениться на девице Монпансье и полюбить Ришельё «всем сердцем». Людовик XIII лично съездил в Блуа, чтобы арестовать побочных своих братьев Вандомов.

Тем временем принц Гастон, изменив только что данному слову, начал деятельно готовиться к вооруженному восстанию, о чем кардиналу было немедленно донесено. Многие заговорщики, в том числе и граф Шале, нарушивший из любви к герцогине Шеврез клятву не вмешиваться более в интриги против кардинала, были арестованы.

Шале поплатился за вторичное участие в заговоре жизнью. Принц Гастон, в качестве ближайшего наследника престола, остался безнаказанным. Впрочем, он до такой степени струсил, что беспрекословно женился на принцессе Монпансье и выдал кардиналу всех своих единомышленников, не исключая и Анны Австрийской.

В награду за такую откровенность король пожаловал Гастону герцогства Орлеанское и Шартрское, графство Блуа и большую пенсию, благодаря которой ежегодные его доходы стали превышать миллион ливров (около 2 млн руб.).

Филипп де Шампань. Портрет кардинала Ришельё.
1635 г.

Самый знаменитый парадный портрет кардинала Ришельё в период апофеоза его могущества. «Король над королем» — так обозначали место кардинала его враги.

Людовик XIII заставил свою супругу явиться на заседание государственного совета. Там с горькой усмешкой бросил он ей в лицо обвинение в том, что она, при жизни одного мужа, уже собиралась выйти за другого. Королева, пожимая плечами, возразила, что слишком мало выиграла бы при такой перемене, а затем залилась слезами и вышла.

Над ней учрежден был строжайший надзор, и сверх того ей было запрещено в отсутствие короля принимать в своих апартаментах лиц мужского пола.

Кардинал Ришельё получил разрешение содержать для личной охраны стражу из пятидесяти мушкетеров. Впоследствии признано было необходимым увеличить численность ее до трехсот человек.

Четыре года спустя враги кардинала чуть было не одержали над ним верх. Ришельё убедил Людовика XIII принять начальство над действующей армией в Савойе. Мария Медичи, не ладившая уже в то время с кардиналом, решила не расставаться с сыном и доехала вместе с ним до Лиона.

Там она отказалась следовать далее и объявила, что здоровье короля может подвергнуться большой опасности в зараженных чумою местностях, через которые должна была проходить французская армия. Обвиняя кардинала в готовности ради личных своих целей жертвовать драгоценной жизнью короля, она требовала, чтобы Людовик XIII, достигший уже тем временем Гренобля, немедленно вернулся в Лион.

Король, уступая настояниям матери, действительно вернулся к ней из армии и захворал до такой степени серьезно, что Мария Медичи, Анна Австрийская и герцог Гастон начали уже считать себя полными хозяевами Франции. Они ошиблись, однако, в расчете, так как Людовик XIII совершенно неожиданно выздоровел.

Тогда Мария Медичи, искусно сыграв роль нежной матери, выманила, при содействии Анны Австрийской, почти не отходившей от постели своего мужа, у больного короля обещание расстаться с Ришельё. Бесхарактерный король, по обыкновению, уступил слезным мольбам и упрекам своей матери и жены. Тем не менее согласие его было вынужденное, и он на самом деле не собирался выполнять свое обещание.

По возвращении двора в Париж королева-мать не замедлила в этом убедиться. Вообще не отличаясь сдержанностью, она пришла в величайшее негодование и решила поставить ребром вопрос об отставке кардинала. Ришельё все еще занимал должность главного управляющего Марии Медичи, а его племянница Комбале числилась при ее особе старшей камер-юнгферой.

Королева-мать отрешила их обоих от этих должностей, объявив им вместе с тем в весьма резкой форме свою немилость. Людовик XIII умолял свою мать хоть временно примириться с первым министром, обещая ей при первой возможности уволить Ришельё в отставку.

Как будто соглашаясь уступить просьбам державного сына, она пригласила Ришельё и его племянницу явиться в Люксембургский дворец и обещала там с ними официально примириться. Не только сама Мария Медичи, но и все придворные думали, что Ришельё не сможет удержаться в должности первого министра.

Апартаменты королевы-матери в Люксембурге наполнились посетителями, тогда как приемная кардинала совсем опустела.

В день, назначенный Марией Медичи для официального примирения с Ришельё, Людовик XIII пешком отправился в Люксембургский дворец, где застал свою мать за туалетом. Она начала совершенно спокойно беседовать с ним о государственных делах. В это время доложили о прибытии г-жи Комбале.

Племянница кардинала смиренно упала к ногам Марии Медичи, прося о возвращении ей высочайшего благоволения. Королева-мать при виде бывшей своей камер-юнгферы пришла в такую необузданную ярость, что обрушилась на нее с грубой площадной бранью.

Людовик XIII, для которого эта безобразная сцена была совершенно неожиданной, сперва пытался напомнить матери ее обещания, но, убедившись в невозможности прервать поток оскорблений, сыпавшихся из ее уст, вывел обливавшуюся слезами г-жу Комбале из уборной.

Затем он вернулся к матери и снова принялся ее увещевать, напоминая, что племянница кардинала явилась во дворец по приглашению ее величества и что объяснение с ней должно было привести к совершенно иному результату.

Мария Медичи оправдывалась, утверждая, что увлеклась ненавистью к г-же Комбале, присутствие которой в придворном штате навряд ли может быть признано безусловно необходимым для блага государства. «Иное дело кардинал, с ним, разумеется, я стану говорить совершенно иным языком», – добавила она.

Вскоре за тем явился и Ришельё. Преклонив перед Марией Медичи одно колено, он приветствовал ее изъявлением глубочайшей покорности и преданности. Мария Медичи прервала речь кардинала милостивым приглашением встать, но бешеный ее нрав восторжествовал и на этот раз над благими намерениями.

Королева-мать в конце своей беседы обошлась с Ришельё совершенно так же, как с его племянницей, то есть выгнала его из

уборной, запретив когда-либо являться к себе на глаза. Кардинал вынужден был удалиться и считал дело свое окончательно проигранным.

Собираясь уехать из Парижа, он приказал уже укладываться, но по совету преданных ему лиц, в том числе и Сен-Симона, состоявшего тогда фаворитом при Людовике XIII, явился вечером в тот же день к королю в Версаль.

Король чрезвычайно милостиво принял своего первого министра, а на другой день победа, одержанная Ришельё над королевой-матерью, стала до такой степени очевидной, что придворные не замедлили снова откочевать из зал Люксембургского дворца в приемную Ришельё.

Этот день, а именно 12 ноября 1629 года, носит название «journee de dupes» (дня обманутых), так как многие тогда горько ошиблись в расчетах. Некоторым из наиболее ревностных сторонников Марии Медичи пришлось дорого поплатиться за свою вражду к кардиналу.

Сама королева-мать все еще, видимо, не хотела признать себя побежденной. Проведав, что король увлекся, насколько это было возможно при его религиозных опасениях и малокровном организме, одною из фрейлин своей супруги, девицей Готфор, Мария Медичи пыталась при ее содействии подорвать доверие Людовика XIII к первому министру.

Попытка эта оказалась безуспешной, потому что король, благодаря физиологической неспособности сильно увлекаться особами прекрасного пола, не придавал большого веса просьбам и увещаниям предмета платонической своей страсти. Кардинал Ришельё воспользовался утомлением и раздражением, в которое приводили короля интриги его матери, для того чтобы окончательно удалить ее от двора.

Уступая настояниям кардинала, Людовик XIII, находившийся со всем своим двором в Компьене, уехал оттуда тайком, на рассвете, со своей супругой, министрами и придворными. Маршал Этре остался при Марии Медичи с несколькими ротами гвардейцев в качестве почетного караула.

Ей было предложено отправиться по желанию в Мулен или в Анжер. Король изъявлял согласие предоставить ей в управление любую из областей: Бурбоне или Анжу, по собственному ее выбору; но она не хотела и слышать о каком-нибудь компромиссе и решилась с помощью младшего своего сына, Гастона Орлеанского, поднять во Франции восстание.

Ей самой чуть не удалось овладеть укрепленным городом Капелль, находившимся близ фландрской границы, но Ришельё, извещенный своими шпионами о сношениях ее с местным

комендантом, успел своевременно принять меры предосторожности.

Королева-мать въехала уже в капелльское предместье, когда узнала, что в город прибыл всего лишь за несколько часов перед тем новый комендант. Видя свои замыслы разгаданными, Мария Медичи признала всего более благоразумным для себя удалиться за границу.

Новый комендант мог бы, разумеется, этому помешать, но предпочел спокойно пропустить мимо крепости королеву и ее свиту. Весьма вероятно, что он выполнял полученную от Ришельё инструкцию и что Мария Медичи, удаляясь из Франции, куда ей не суждено уже было вернуться, сообразовалась без ведома и против желания с видами и предначертаниями своего врага.

Тем временем принц Гастон подготовил все уже к новому восстанию, к которому примкнули губернаторы областей: Прованса, Пикардии и Бурбоне. Убедившись в безуспешности мирных переговоров с братом, Людовик XIII двинул против него к Орлеану войска.

Гастон вынужден был отступить в Бургундию, откуда бежал через Франш-Конте в Лотарингию. Король объявил сообщников своего брата виновными в государственной измене, но парижский парламент, в котором существовала тогда сильная партия, враждебная Ришельё, отказался занести эту резолюцию в протокол.

Непосредственным поводом к закончившейся так печально для Марии Медичи ссоре с кардиналом послужило опять разногласие по вопросу о приискании невесты принцу Гастону. Прожив всего лишь год с первой своей женою, принц овдовел. Мария Медичи хотела женить его на одной из своих итальянских родственниц.

Анна Австрийская, в свою очередь, интриговала в пользу австрийской или испанской принцессы. Король, завидовавший брату, у которого от брака, продолжавшегося всего только год, родилась уже дочь, объявил Ришельё, что незачем торопиться с поиском принцу Гастону невесты.

Несмотря на королевское запрещение, Гастон Орлеанский, радушно встреченный при дворе владетельного герцога Лотарингского, женился на его сестре, а затем уехал в Брюссель к королеве-матери, где вместе с нею заключил договор с Испанией.

Мадридский кабинет обрадовался случаю вмешаться во внутренние французские дела, возбудив серьезное восстание против Ришельё и Людовика XIII. Заговорщикам удалось привлечь на свою сторону лангедокского губернатора, герцога Монморанси, обиженного тем, что король, по совету Ришельё,

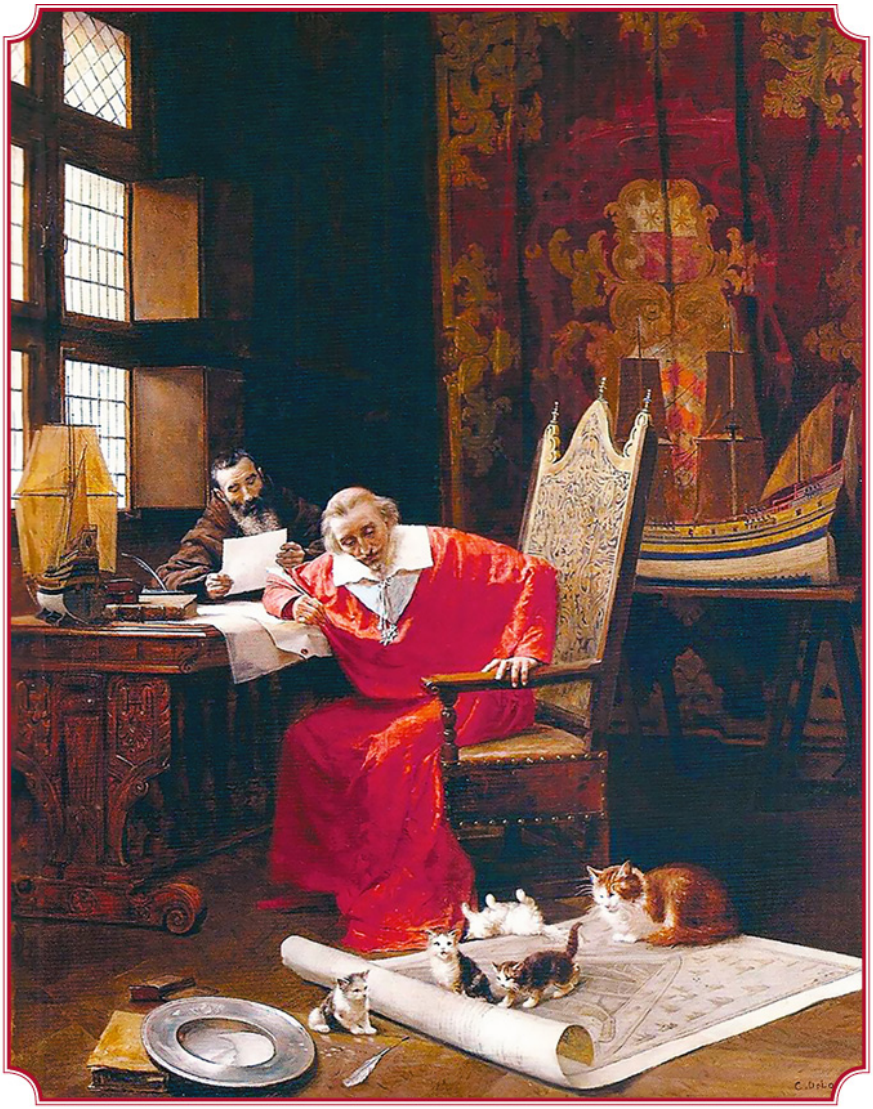
отказывался произвести его в чин коннетабля.

Чтобы устранить мятежников, кардинал предал суду сторонника Марии Медичи маршала Марильяка, сидевшего в тюрьме с самого дня «обманутых».

Маршала обвинили в лихоимстве и отрубили ему голову. Эта суровая мера красноречиво свидетельствовала о решимости Ришельё не церемониться со своими противниками, но тем не менее не произвела на заговорщиков ожидаемого впечатления.

Принц Гастон, выступив из Лотарингии с отрядом, состоявшим преимущественно из испанцев, немцев, итальянцев и бельгийцев, благополучно пробрался в Лангедок, где соединился с герцогом Монморанси. Людовик XIII и Ришельё вступили тем временем с многочисленной армией в Лотарингию, взяли Нанси и в продолжение недели окончили там войну. Счастье благоприятствовало королевским войскам и в Лангедоке.

В битве близ Кастельнодари герцог Монморанси, отличавшийся геройским мужеством, был опасно ранен и взят в плен. Несмотря на единодушное заступничество всего двора и на блестящие заслуги самого Монморанси, он был приговорен к обезглавлению и приговор этот был исполнен над ним в Тулузе.



Отец Жозеф, кардинал Ришельё и его кошки.
Начало XVIII в.

Главный зачинщик заговора, принц Гастон, видя, что дело принимает неблагоприятный оборот, изъявил покорность королю и кардиналу, выдал своих сообщников и вымолил себе помилование на самых унизительных условиях.

На обратном пути из Тулузы Ришельё заболел, вследствие чего ему пришлось пробыть довольно долго в Бордо. Пользуясь отсутствием кардинала в Париже, Мария Медичи поручила своим сторонникам похитить г-жу Комбале и привезти ее в Брюссель.

В случае, если бы похищение удалось, планировалось

держать племянницу кардинала в плену до тех пор, пока Ришельё не согласится на возвращение королевы-матери во Францию. Попытка эта не увенчалась успехом и только еще более раздражила Людовика XIII. Король писал г-же Комбале, что если бы ее действительно увезли в Брюссель, то он сам, во главе пятидесятитысячной армии, отправился бы туда выручать ее из плена.

Беспрерывно интригуя в самой Франции против короля и его премьера, Мария Медичи и принц Гастон не стеснялись высказывать свое несочувствие внешней политике кардинала. Они открыто принимали сторону Испании и Австрии, с которыми в то время Франция вела неофициальную войну.

Королева-мать отмечала иллюминацией всякую победу имперских войск над шведами, с которыми Франция состояла в союзе. Вместе с тем она из-за границы деятельно руководила покушениями на жизнь кардинала. Зная об этих покушениях, Людовик XIII советовал Ришельё не особенно доверять безвредности фруктов и дичи, присылаемых хотя бы даже из королевского дворца.

Особенно многочисленными сделались злоумышления на жизнь Ришельё с 1636 года, когда произошел формальный разрыв между Испанией и Францией. Самым опасным из них следует признать амьенское. Испанским войскам, вторгшимся в Пикардию, удалось в первое время одержать там кое-какие победы и, между прочим, овладеть укрепленным городом Корби.

Людовик XIII и кардинал Ришельё немедленно осадили этот город, имевший весьма важное стратегическое значение. Принц Гастон и граф Суассонский дали Мадридскому кабинету тайное обещание помешать успеху осады. По соглашению с четырьмя фаворитами принца, признано было самым надежным для этого средством убить кардинала.

Гастону оставалось только подать сигнал, по которому злоумышленники, окружившие уже кардинала, безотлагательно бы его умертвили. Принц, вообще не отличавшийся решимостью, совершенно растерялся и, к удивлению своих сообщников, не подал им условного знака.

Благодаря этой счастливой случайности, Ришельё, находившийся на волос от смерти, уцелел. После взятия Корби принц Гастон и граф Суассонский, узнав, что кардинал получил уже некоторые сведения о заговоре, поспешили бежать за границу.

Известно, что супруга Людовика XIII, Анна Австрийская, не сочувствовала внешней политике своего мужа. Несмотря на то что Франция находилась в войне с Испанией и Австрией,

королева поддерживала деятельную переписку с Мадридским и Венским дворами.

Ришельё, заручившись полномочиями от Людовика XIII, учредил над ней тайный надзор. Вскоре после взятия Корби шпионам кардинала удалось перехватить целый пакет собственноручных писем Анны Австрийской, адресованный на имя герцогини де Шеврез.

Ввиду явных улик королева вынуждена была сознаться в своих сношениях с испанским двором, но утверждала, будто имела при этом единственною целью побудить его к скорейшему заключению мира.

Вместе с тем она просила прощения у Людовика XIII и клялась не переписываться более с врагами Франции. Трудно сказать, сдержала ли Анна Австрийская эту клятву, но во всяком случае кардиналу более не удавалось поймать ее с поличным.

В 1637 году граф Суассонский, получив от короля помилование, вернулся во Францию и поселился в городе Седане, принадлежавшем герцогу Бульонскому. Город этот не замедлил стать очагом новых заговоров, которые в 1641 году привели к вооруженному восстанию, сразу принявшему грозные размеры.

Во главе мятежников стояли граф Суассонский и герцог Бульонский, к которым примкнула большая часть французской аристократии. Кроме того, заговорщикам обещана была поддержка Испанией, Австрией и герцогом Лотарингским. Действительно, к войскам, собранным графом Суассонским, присоединился семитысячный вспомогательный имперский отряд.

Армия, посланная Людовиком XIII против мятежников, была разбита наголову под Марфе, но счастье, всегда благоприятствовавшее кардиналу Ришельё, не изменило ему и в этом случае. Граф Суассонский, тотчас же после одержанной победы пал от руки неизвестного убийцы.

Людовик XIII, собиравшийся уже уступить мятежникам и уволить Ришельё в отставку, почувствовал после этой катастрофы еще большее уважение к кардиналу. Защитники Ришельё утверждают, будто граф Суассонский застрелился сам. В таком случае он оказался бы достойным прототипом гоголевской унтер-офицерши, которая сама себя высекла.

Дорога к Парижу была ему открыта, и к тому же фаворит Людовика XIII, Сен-Марс, сочувствовавший заговору, положительно удостоверял в собственноручных письмах, что король ищет только благовидного предлога отделаться от не в меру притязательного опекуна, каким являлся зачастую для него Ришельё.

Пуля, сразившая графа Суассонского, нанесла смертельный удар восстанию, душой и руководителем которого он был. Герцог Бульонский поспешил вступить в переговоры с королем и получил благодаря этому полное помилование. Остальные главные зачинщики бежали за границу. Замечательно, что принц Гастон на этот раз, по-видимому, не участвовал в восстании.

На следующий же год, однако, он, заручившись от Испании обещанием солидной поддержки, составил вместе с Сен-Марсом новый обширный заговор. Фаворит короля боялся, что должен будет дорого поплатиться за свои сношения с графом Суассонским, сведения о которых, как он имел основание предполагать, дошли уже до Ришельё.

Поэтому он взял на себя почин заговора, который не удался лишь потому, что Сен-Марс, принц Гастон и герцог Бульонский заключили с Испанией сделку, чрезвычайно невыгодную для Франции. Ришельё сумел добыть копию этой сделки. Представив ее Людовику XIII, он убедил короля, что успех интриги должен был бы повлечь за собою для Франции самые нежелательные последствия.

Враги Ришельё прямо утверждают, что душою заговора был на этот раз сам король, неоднократно намекавший Сен-Марсу на возможность освободиться от Ришельё тем же способом, каким освободился при содействии Люиня от Кончини. Фаворит объявил королю о своем намерении убить кардинала.

Людовик XIII не счел нужным предупредить первого своего министра об угрожавшей опасности. Говорят даже, будто король свел Сен-Марса с Ришельё и вышел сам из комнаты, предоставляя, таким образом, фавориту удобный случай покончить с кардиналом. У Сен-Марса не хватило, однако, на это решимости.

Сам Людовик XIII в письме на имя государственного канцлера, переданном в комиссию, которой поручено было судить Сен-Марса, показывает:

«Справедливо, что господин Сен-Марс видел иногда мое недовольство любезным моим кузеном, кардиналом Ришельё. Недовольство это вызывалось опасением, что кардинал, заботясь о моем здоровье, не позволит мне принять участие в осаде Перпиньяна или иными подобными же причинами.

В таких случаях г-н Сен-Марс всячески старался возбудить меня еще более против моего кузена-кардинала. Когда враждебное его настроение не выходило из границ некоторой умеренности, я иногда не прекословил; когда, однако же, г-н Сен-Марс забылся до того, что стал говорить о необходимости отделаться от моего кузена-кардинала и предложить для этого

лично свои услуги, дурные его замыслы возбудили во мне ужас и отвращение.

Знаю, что вы мне поверите на слово, но, впрочем, каждый поймет, что ничего иного и быть не могло, так как если бы г-н Сен-Марс встретил с моей стороны одобрение дурным своим замыслам, то ему незачем было бы заключать с испанским королем договор, направленный в ущерб мне и моему государству. Очевидно, что он подписал этот договор, лишь отчаиваясь достигнуть иным путем цели своих стремлений».

Немудрено, что при таких обстоятельствах кардинал Ришельё стал еще более заботиться о личной своей безопасности. Даже являясь во дворец к королю, он брал туда с собою отряд верных телохранителей.

Как уже известно, Сен-Марс поплатился за этот заговор жизнью. Герцог Орлеанский, по обыкновению, выдал всех соучастников, упрашивая лишь, чтобы его избавили от очных ставок с ними. Этот заговор против Ришельё был последним, так как в декабре того же года кардинал, влияние которого на короля достигло своего апогея, умер.

Если бы Людовик XIII походил по темпераменту на своих преемников, Людовика XIV или же Людовика XV, то Ришельё навряд ли удалось бы так успешно бороться с направленными против него интригами. К счастью для кардинала, Людовик XIII был человеком совершенно иного пошиба.

Несмотря на платонический характер привязанностей, которые возникали у него иногда к той или другой из придворных фрейлин, он всегда относился к своим чувствам с крайним недоверием, опасаясь впасть в смертный грех. Искусно играя на этой струнке, кардинал мог по своему усмотрению руководить отношениями короля к предметам его страсти.

Убежденный в готовности девицы Готфор играть роль послушного его орудия, Ришельё поощрял Людовика XIII ухаживать за красавицей-фрейлиной и утверждал, что не видит в этом невинном ухаживании ни малейшей опасности для души своего монарха.

Заметив, однако, что фаворитка короля держит сторону королевы, ловкий кардинал тотчас же произвел перемену фронта и стал рисовать перед Людовиком XIII картину адских мук, которые ожидают в загробной жизни грешивших против седьмой заповеди, хотя бы даже только помышлением.

Воспользовавшись затем легкой размолвкой, которая произошла после этого между королем и предметом его страсти, Ришельё посоветовал Людовику XIII выбивать клин клином и, короче, познакомиться с другой хорошенькой фрейлиной,

девицей Ла Файет, чтоб парализовать таким образом влияние красавицы Готфор. Интрига эта, однако, чуть не привела к последствиям, совершенно нежелательным для самого кардинала.

Кроткая и скромная Ла Файет, племянница капуцина Жозефа, пришлась очень по вкусу королю и почувствовала сама к нему сердечное влечение. Будучи девушкой чрезвычайно религиозной и нравственной, она перепугалась до того, что, несмотря на увещания королевского духовника, иезуита Коссена, удалилась в монастырь.

Король пришел в такое отчаяние, что проливал горькие слезы и несколько раз с разрешения своего духовника навещал молодую монахиню, но она во время этих свиданий упрашивала своего возлюбленного вернуться к Анне Австрийской.

Не подлежит сомнению, что если бы Ла Файет пожелала сыграть роль восстановительницы европейского мира, которую ей предназначал патер Коссен в своей интриге против Ришельё, то кардинал был бы низвергнут с поста первого министра.

Как бы то ни было, после двухлетнего увлечения девицей Ла Файет Людовик XIII принялся снова ухаживать за девицей Готфор. Опасаясь, что она приобретет над королем слишком большое влияние, Ришельё посоветовал ему «ради спасения души» выслать очаровательную фрейлину недели на две из Парижа.

Король согласился с благоразумием такого совета и, сознавая собственную слабохарактерность, запретил допускать девицу Готфор в свои апартаменты. Ей удалось, однако, проникнуть в кабинет короля. Подавая Людовику XIII указ о высылке своей из Парижа, она спросила: «Неужели вы сами, государь, подписали этот декрет?»

Король пришел в чрезвычайное смущение и начал оправдываться, ссылаясь на необходимость временной разлуки. «Разлука эта будет вечной», – возразила девица Готфор, делая королю прощальный реверанс. Действительно, она с тех пор никогда уже не виделась с Людовиком XIII, который, со своей стороны, скоро утешился, заинтересовавшись новым фаворитом, Сен-Марсом.

Глава V. Внутренняя и внешняя политика кардинала

Если бы кардинал Ришельё не обладал выдающимися способностями к борьбе с самыми хитросплетенными интригами и заговорами, то одни лишь придворные ковы[2] должны были бы отнять у него целиком все время. Пребывание его у кормила правления оказалось бы тогда столь же безрезультатным, как и деятельность его предшественников – Кончини и герцога Люиня.

К счастью для Франции и Европы, в слабом теле Ришельё жил мощный дух. Сознавая, что надежнейшим средством сохранить за собою пост первого министра является выполнение политической программы Генриха IV, которую Людовик XIII в принципе вполне одобрял, Ришельё деятельно работал над ее осуществлением.

Он обещал королю укрепить внутри государства авторитет верховной власти и возвеличить Францию извне и сдержал свое обещание. Наиболее трудною представлялась первая часть этой задачи. Целое столетие междоусобных войн и религиозных смут ослабили во Франции все внутренние связи.

Аристократия, которая при Генрихе IV начала было привыкать к повиновению королевской власти, убедилась за время регентства Марии Медичи и в первые годы царствования Людовика XIII в возможности безнаказанно сопротивляться королевским декретам.

Французские протестанты представляли собою государство в государстве. Владея, в силу Нантского эдикта, многими

крепостями, важнейшими из которых были Ла-Рошель и Монтабан, гугеноты являлись не только религиозной сектой, но вместе с тем также и политической партией, не стеснявшейся искать для себя союзников за границей.

Государственные финансы находились в полном расстройстве; правосудие существовало только номинально. Даже в Париже на глазах короля безнаказанно нарушалась имущественная и личная безопасность граждан; нельзя было выходить из дому без оружия уже потому, что среди белого дня никто не мог считать себя на городских улицах в безопасности.

В самом Париже герцог Ангулемский, побочный сын Карла IX, пользовавшийся расположением Людовика XIII, не платил многочисленной своей прислуге жалованья, ссылаясь на то, что его отель выходит на четыре улицы, на которых такие молодцы, как его лакеи, могут без труда раздобыть себе деньгу.

Если лакеи знатных бар бесцеремонно грабили и обирали прохожих, то их господа позволяли себе еще большие вольности, на которые тогдашнее общественное мнение смотрело сквозь пальцы, между тем как, с точки зрения современной нравственности, они представляются чудовищными преступлениями.

Можно было, разумеется, обращаться с жалобами в суд, но суды, по уверению современников, были «опаснее разбойничьих вертепов». К тому же французское дворянство не признавало авторитета судебной власти и смеялось над парламентскими повестками.

Судебные приставы не смели даже являться в знатные дома с такими повестками, зная, что за подобную попытку будут до полусмерти исколочены палками. Сам Людовик XIII находил такое обращение с судебными приставами в порядке вещей и приказал было проучить палкой парижского парламентского пристава, дерзнувшего явиться в королевский замок Фонтенбло с исполнительным листом на одного из придворных.

К счастью, присутствовавший при этом член государственного совета вступился за пристава и предложил королю сперва осведомиться, по чьему указу и распоряжению принесен во дворец исполнительный лист. Как и следовало ожидать, из документов выяснилось, что пристав действовал именем самого короля и по его указу.

Вообще, в знатных домах тогда держали целые команды палочников, расправлявшихся по-свойски с людьми, имевшими несчастье навлечь на себя неудовольствие господ, причем и сами господа не гнушались иной раз собственноручно прибегать для вразумления подчиненных к палке.

Кардинал Ришельё не составлял исключения из общего правила; он бил палкой не только своих служителей, но также государственного канцлера Сегье и главноуправляющего министерством финансов Бюллиона.

Будучи сам дворянином и вполне сочувствуя образу мыслей тогдашнего французского дворянства, Ришельё оказался, однако, вынужденным силою обстоятельств нанести смертельный удар исключительным правам и преимуществам, которыми фактически обладала тогда французская аристократия.

Участие наиболее видных ее представителей в интригах и заговорах против его власти заставило кардинала прибегать к строгим карательным мерам, наглядно свидетельствовавшим, что знатное дворянство не может более рассчитывать на безнаказанность для себя и своих клиентов иначе, как при условии искреннего с ним союза и соглашения.

Противники Ришельё убеждались на горьком опыте, что карательные законы писаны по преимуществу именно для них.

Первыми предостережениями по адресу французской аристократии были: арест побочных братьев Людовика XIII, двух герцогов Вандомов, и казнь графа Шале. Еще более сильное впечатление произвел смертный приговор над графом Бутвиллем из дома Монморанси.

Сделавшись первым министром, Ришельё должен был обратиться к Людовику XIII с просьбой о строжайшем воспрещении поединков. Дело в том, что большая часть аристократической молодежи сочувствовала традициям Лиги и держала сторону Анны Австрийской.

Сторонники кардинала, беспрерывно подвергавшиеся публичным оскорблениям, должны были, по установившемуся обычаю, отвечать на них вызовами. Многие из приближенных Ришельё гибли на дуэлях или же оказывались, вследствие полученных ран и увечий, не в состоянии выполнять возложенных на них поручений.

Людовик XIII издал против поединщиков суровый декрет, на основании которого их можно было присуждать к смертной казни, а также конфискации имущества. Ришельё в пояснительной записке к этому декрету указывал на желательность упразднить варварский обычай, из-за которого гибло ежегодно множество храбрых дворян, способных служить верой и правдой королю и отечеству.

Морис Лелуар. Бутвиль и Беврон дерутся на дуэли на Королевской площади. *1910-е гг.*

Не находя себе поддержки в общественном сознании, королевский декрет против дуэлей, казалось, должен был остаться мертвой буквой. Сам Людовик XIII подшучивал над теми, которые отказывались от вызовов, и насмешливо замечал, что они, вероятно, радуются возможности сослаться на его декрет.

Однако же, в тех случаях, когда это сообразовывалось с видами Ришельё, королевский указ против дуэлей применялся, хотя и в значительно смягченной форме. Несколько дворян, в том числе дю Плесси Прален, были за участие в поединках уволены от

придворных должностей. Тем не менее мания дуэлей не ослабевала.

Граф Бутвилль прибыл из Брюсселя на почтовых в Париж для поединка с маркизом Девроном. Несмотря на присутствие в столице короля, дуэль состоялась среди белого дня на Королевской площади. Секундант Деврона был убит. После поединка граф Бутвилль собирался бежать за границу, но был арестован и предан суду парижского парламента, который приговорил его к смертной казни.

Все ожидали, что король воспользуется правом помилования и что смертная казнь будет заменена воспрещением приезда ко двору, но, по настоянию кардинала, Людовик XIII подписал смертный приговор, который и был приведен в исполнение. При этом случае современники дали Людовику XIII насмешливое прозвище «Справедливого – Louis le juste» с пояснением «a tirer de l'arquebuse», то есть «метко стреляющего из ружья».

Будучи на основании теоретических соображений поклонником системы террора, Ришельё пользовался каждым удобным случаем, чтоб устрашить своих противников и наглядно показать им свое могущество. Некоторое время спустя, ему представилась возможность проявить это могущество в еще более ярком свете, побудив короля отказать в помиловании графу Монморанси, одному из самых выдающихся представителей французского дворянства.

Весь двор Людовика XIII и все его приближенные, за исключением Ришельё, умоляли короля смягчить приговор, постановленный тулузским парламентом, но король приказал отрубить Монморанси голову, запретив лишь палачу касаться при этом рукою до осужденного.

Когда маршал Шатильон указал на взволнованные и опечаленные лица всех придворных, Людовик XIII, отличавшийся прирожденной склонностью к жестокосердию, резко заметил ему:

– Какой бы я был король, если бы позволил себе питать чувства, приличествующие моим подданным!

Ришельё, не терпевший никаких ограничений своей власти, всячески добивался отмены особых прав и привилегий, которыми пользовались до того времени Нормандия, Прованс, Лангедок и многие другие французские области. Заговоры и восстания, в которых принимали участие областные губернаторы, побудили Ришельё упразднить губернаторские должности, что, в свою очередь, значительно ослабило влияние высшей аристократии.

Места губернаторов заняли королевские интенданты, непосредственно подчиненные первому министру. Чтобы вернее сломить сопротивление дворянства этим реформам, предписано

было разрушить укрепленные замки, не представляющиеся необходимыми для государственной обороны.

В своем стремлении подавить все оппозиционные элементы Ришельё не щадил также и парламент. Ему дозволялось высказывать только мнения, согласные с воззрениями кардинала. Всякая попытка к самостоятельности навлекала на парламентских советников весьма серьезные неприятности.

Необходимо заметить, впрочем, что парламенты в то время зачастую руководствовались частными областными интересами, упуская из виду интересы общегосударственные. Так, бургундский парламент отказывался от возмещения хотя бы даже части расходов, в которые королю пришлось войти для обороны этой области.

Бретонский парламент не пожелал скрепить королевский декрет об учреждении французской Ост-Индской компании, ссылаясь на несоблюдения некоторых мелочных юридических формальностей. Совершенно организовавшееся было французское Общество для торговли с Ост-Индией распалось.

Подобным же образом гренобльский парламент, опасаясь, что не хватит хлеба для населения Дофине, объявил недействительными все контракты, заключенные на поставку продовольствия королевским войскам, действовавшим в Италии.

Чтобы окончательно уничтожить политическое значение парламентов, кардинал Ришельё за год до своей смерти побудил Людовика XIII издать указ, воспрещавший им всякое вмешательство в государственные и административные дела. Указ этот, уничтожавший возможность законной оппозиции, является, по мнению Мишле и некоторых других историков, зерном, из которого выросла, полтораста лет спустя, революция, низвергнувшая королевский трон во Франции.

Ришельё, очевидно, не разделял мнения о возможности опираться на то, что оказывает противодействие. Он никакого противодействия не терпел.

Французское духовенство возлагало сперва на Ришельё большие надежды, рассчитывая, что он в качестве кардинала должен отстаивать прерогативы своего сословия. Заняв пост первого министра, Ришельё не затруднялся, однако, требовать, чтобы духовенство, владевшее в то время почти четвертою частью всей французской поземельной собственности, платило в казну соответственные налоги.

При этом он намекнул, что церкви и монастыри не имеют во Франции законного права владеть недвижимой собственностью и что король мог бы конфисковать все их имущества, назначив монахам и церковному причту приличествующее скромное

содержание.

В заключение Ришельё присовокупил: «Государство имеет действительные потребности, тогда как потребности Церкви – воображаемые и произвольные. Если бы королевским армиям не удалось отразить неприятеля, то французскому духовенству пришлось бы понести громадные имущественные убытки». Современникам казалось, что слова эти звучат чрезвычайно странно в устах кардинала.

Еще более странными признавали они отношения кардинала Ришельё к папской власти. Иезуит Санктарель обнародовал сочинение «О ереси и расколе», в котором, между прочим, утверждалось, будто Папа имеет законное право низводить с престола императоров и королей в наказание за дурные поступки или в случае непригодности к выполнению монарших обязанностей.

Ришельё, находя эту теорию оскорбительной для авторитета королевской власти, препроводил книгу Санктареля на рассмотрение парижского парламента, который присудил сжечь ее рукою палача на Гревской площади. Затем иезуитам дано было понять, что, в случае попытки защищать тезисы автора, они будут высланы из Франции. Иезуиты выказали в данном случае обычную свою гибкость и лицемерие.

Несмотря на то что книга Санктареля одобрена была Папой и генералом иезуитского ордена, шестнадцать наиболее влиятельных иезуитских патеров скрепили своими подписями приговор, постановленный против нее парламентом, убедившись в опасности борьбы с кардиналом, они после неудачной попытки низвергнуть Ришельё, начали оказывать ему усердную поддержку.

В сношениях своих с Папой Урбаном VIII Ришельё обнаружил тем более замечательный такт, что в качестве кардинала не мог открыто противодействовать видам и стремлениям римского первосвященника. Необходимо заметить, впрочем, что собственные интересы Ватикана побуждали его не предъявлять к Ришельё никаких требовании, которые шли бы вразрез с французской политикой, стремившейся ослабить преобладание Испании и Австрии.

В самом Риме серьезно опасались этого преобладания. При таких обстоятельствах если Папа, уступая давлению Мадридского кабинета, действовал иногда сообразно с видами испанской партии, то отпор со стороны Ришельё обыкновенно не вызывал в Ватикане особенного раздражения.

Несравненно сильнее негодовал Ватикан на чрезмерную, по его мнению, независимость и самостоятельность Ришельё в религиозных вопросах. Ходатайствуя в Риме о разрешении для

дочери Людовика XIII вступить в брак с английским наследным принцем, который, с точки зрения Католической Церкви, являлся еретиком, Ришельё дал понять, что в крайнем случае можно будет обойтись и без разрешения.

В отместку за это Урбан VIII не согласился возвести Ришельё в почетный сан папского легата во Франции. Несколько времени спустя отношения между Францией и Ватиканом до такой степени обострились, что Людовик XIII отказался принять папского нунция и предписал епископам воздерживаться от всяких сношений с папским престолом.

Урбан VIII струсил не на шутку, так как до него дошли слухи, будто Ришельё намерен совсем отделиться от Рима и сделаться патриархом особой галликанской церкви. В памфлете, озаглавленном «Optatus Gallus», открыто высказывалось против кардинала такое обвинение.

В возражении на этот памфлет, вышедшем за подписью одного иезуита, утверждалось, в свою очередь, что подобный шаг со стороны французского духовенства и кардинала Ришельё не представлял бы собою, в сущности, ничего еретического и противозаконного, так как для учреждения патриарших престолов в Иерусалиме и Константинополе не требовали согласия римского первосвященника.

Неизвестно, имелось ли на самом деле такое намерение у Ришельё. Папа решил, однако, на всякий случай не доходить до окончательного разрыва с могущественным кардиналом и при посредстве Мазарини заключил с ним компромисс.

Ришельё беспощадно боролся с протестантами во Франции, как с политической партией, но в то же время обнаруживал по отношению к ним полнейшую веротерпимость. Что касается янсенистов[3], то сперва он отнесся очень сочувственно к основателю этой секты аббату Сен-Сирану.

Однажды, провожая его в приемную, кардинал объявил собравшимся там посетителям: «Господа, вы видите перед собою ученейшего человека в Европе!»

Тем не менее, когда аббат, отказываясь принять участие в диспуте между католиками и протестантами, объявил, что католики должны обращать еретиков на путь истины не рассуждениями, основанными на текстах, а благочестивой жизнью и подвигами христианского милосердия, кардинал признал учение его опасным, разогнал янсенистов и посадил Сен-Сирана в Венсенский замок.

Оправдывая эту суровую меру, Ришельё утверждал, будто Сен-Сиран опаснее шестерых неприятельских армий, и говорил, что если бы Лютера и Кальвина своевременно засадили в тюрьму,

то Европа избавилась бы от многих кровопусканий.

Справиться с протестантами, или, как их называли во Франции, гугенотами, было несравненно труднее, чем с янсенистами. Тем не менее существование сильной религиозной политической партии, являвшейся государством в государстве, составляло для Франции серьезную хроническую опасность.

Ришельё не мог приступить к деятельному выполнению своей внешней политической программы и двинуть французские войска за границу, пока внутри государства существовала сильно сплоченная многочисленная партия, беспрерывно враждовавшая с королевским правительством и заключавшая против него союзы с иностранными государствами.

Главным опорным пунктом гугенотов был укрепленный город Ла-Рошель, который, благодаря своему приморскому положению и чрезвычайно сильным, по тогдашнему времени, укреплениям, считался неприступным, тем более что у Людовика XIII при вступлении Ришельё в должность первого министра не было порядочного флота.

В первое время поэтому Ришельё избегал по возможности ссор с гугенотами и выказывал по отношению к ним большую уступчивость. Вместе с тем он энергически хлопотал о приведении французских морских сил в должный порядок. Достигнув в этом отношении желаемых результатов, кардинал предложил королю издать декрет о срытии всех укреплений, ненужных для государственной обороны.

Декрет этот возбудил среди гугенотов величайшее негодование, совершенно, впрочем, понятное, так как он являлся прямым нарушением Нантского эдикта. При таком настроении умов достаточно было самой ничтожной искры, чтобы вызвать вооруженное восстание. Англия, которою управлял в то время герцог Бэкингем, обнадежила гугенотов своей поддержкой, и они стали деятельно готовиться к борьбе, представлявшейся неизбежною.

Первый министр английского короля Иакова I, герцог Бэкингем, остался у кормила правления и по вступлении на престол Карла I. При заключении брака Карла I с французскою принцессою Генриеттой, Бэкингему было поручено проводить молодую королеву в Англию. Герцог, отличавшийся, по словам современников, мужественной красотой, изяществом манер, утонченным вкусом и царственною щедростью, встретил при французском дворе чрезвычайно радушный прием.

Особенно сочувственно отнеслась к нему, как уверяют, супруга Людовика XIII, Анна Австрийская. Бэкингем, в свою очередь, до того увлекся очаровательной французской королевой,

что, после официального отъезда из Парижа, тайком вернулся туда, заранее обеспечив себе возможность застать Анну Австрийскую наедине в саду.

Утверждают, будто королева сделала ему за этот дерзкий поступок выговор, «в котором высказывалось скорее нежное расположение, чем гнев». Ришельё, узнав об этом свидании, поспешил принять меры к предупреждению дальнейших визитов герцога Бэкингема во Францию.

В то время как герцог собирался опять ехать в Париж во главе блестящего посольства, ему прислано было с курьером формальное запрещение показываться на французской территории. Это его до такой степени взорвало, что он поклялся увидеться с Анной Австрийской наперекор всем препятствиям со стороны кардинала и французского вооруженного могущества.

Решив объявить Франции войну, Бэкингем убедил Карла I заключить союз с гугенотами и высадился с семитысячным отрядом на острове Ре, в виду Ла-Рошели. Губернатор этого острова, маркиз Туара, заперся с небольшим отрядом в находившемся там укреплении и оборонялся до такой степени упорно, что французские войска успели прибыть к нему на помощь.

Герцог Бэкингем, выказавший блестящую личную храбрость, проиграл, тем не менее, сражение и должен был вернуться в Англию с остатками своего десантного отряда.

Во время высадки англичан на острове Ре жители Ла-Рошели открыто приняли их сторону. Ришельё убедил короля осадить или, лучше сказать, блокировать Ла-Рошель, окружив город с сухого пути линией укреплений и заградив доступ к нему с моря громадной плотиной.

Утверждают, будто образцом для нее служила плотина, построенная Александром Македонским при осаде Тира. Король Людовик XIII, видя, что население Ла-Рошели не расположено сдаваться, уехал в Париж, поручив ведение осады кардиналу, назначенному главнокомандующим всех королевских войск, собранных под Ла-Рошелью и в соседних областях.

Ришельё ввел в войсках строжайшую дисциплину, очень не нравившуюся французскому дворянству, наиболее выдающиеся представители которого понимали, что взятие Ла-Рошели еще более усилит и без того уже неудобное для них могущество кардинала.

Маршал Бассомпьер прямо говорил: «Ну, разве мы не сумасшедшие? Ведь мы, чего доброго, возьмем Ла-Рошель!» Действительно, несмотря на геройское мужество обороняющихся, они, после двухлетней блокады, были вынуждены голодом к

сдаче.

Английский флот дважды пытался прорвать плотину, устроенную Ришельё, и доставить в Ла-Рошель продовольствие, но обе эти попытки были крайне нерешительными и не привели к желаемому результату.

Людовик XIII, вернувшись под конец осады в лагерь, дал, по совету Ришельё, гугенотам полную амнистию. Замечательно, что через несколько дней после сдачи Ла-Рошели поднялась страшная буря, разрушившая плотину, благодаря которой королевским войскам только и удалось овладеть городом.

Кардинал Ришельё во время осады Ла-Рошели.
Литография XIX в.

Английский историк Юм говорит: «Падение Ла-Рошели закончило во Франции период религиозных войн и было первым шагом на пути к упрочению ее благоденствия.

Внутренние и внешние враги этой державы утратили могущественнейшее орудие для нанесения ей вреда, и она, благодаря разумной и энергической политике, начала постепенно брать верх над своей противницей – Испанией. Все французские партии подчинились законному авторитету верховной власти.

Тем не менее Людовик XIII, одержав победу над гугенотами,

выказал чрезвычайную умеренность. Он продолжал относиться с терпимостью к протестантскому вероисповеданию. Франция была тогда единственным государством, в котором веротерпимость признавалась законным порядком вещей».

Действительно, история должна подтвердить, что Ришельё в век инквизиции отличался такой религиозной терпимостью, какая даже и в наше время встречается далеко не повсеместно. Сам он говорит в своем «Политическом завещании»: «Я не считал себя вправе обращать внимание на разницу в вероисповедании.

И гугеноты, и католики были в моих глазах одинаково французами». Впрочем, взгляд Ришельё на религиозный вопрос не имел прочной почвы в народном сознании, так что, когда полвека спустя Людовик XIV отменил Нантский эдикт, мера эта не вызвала со стороны общественного мнения ни малейшего протеста.

Вслед за тем спор о престолонаследии в герцогстве Мантуанском дал ему повод захватить укрепленный город Пиньероль, обладание которым открывало французам свободный доступ в Италию. Испания и Австрия не могли воспрепятствовать этому захвату, так как Тридцатилетняя война была тогда в самом разгаре.

Несмотря на свой кардинальский сан, Ришельё всячески старался поддержать в Германии дело Реформации, казавшееся одно время окончательно проигранным. Победы Тилли и Валленштейна сделали императора Фердинанда II полным властелином Германии.

Правда, в протестантских немецких землях обнаруживалось сильнейшее недовольство декретом о возвращении католических церковных имуществ, конфискованных более ста лет назад, но недовольство это ограничивалось глухим ропотом.

Ришельё, опасаясь, что австрийский дом, подчинив себе всю Германию, направит свои грозные вооруженные силы против Франции, заключил со шведским королем, Густавом-Адольфом, договор, целью которого было ограждение самостоятельности германских государей и обеспечение одинаковой свободы вероисповедания немецким протестантам и католикам. Франция обещала Густаву ежегодную субсидию в 400 тысяч червонцев; он же, со своей стороны, обязался держать в Германии армию из 30 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы.

Тем временем монах капуцинского ордена, патер Жозеф, отправленный французским премьером в качестве посла на Регенсбургский сейм, уверил Фердинанда, что Франция, в случае новых осложнений в Германии, будет соблюдать строжайший нейтралитет, и уговорил императора уволить в отставку

талантливейшего его полководца Валленштейна.

Фердинанд II не замедлил раскаяться в своей легковерности, когда Густав-Адольф разбил наголову его войска под Лейпцигом. Шведы могли бы после того беспрепятственно овладеть Веной, но упустили благоприятный случай. Ришельё замечает по этому поводу в своих «Мемуарах»: «Господь Бог не хотел довести австрийский дом до окончательной гибели, находя, вероятно, ее вредной с точки зрения интересов Католической Церкви».

Очистив от имперских отрядов прирейнскую Германию, Густав-Адольф предложил Людовику XIII свидание, чтобы переговорить о германских делах. Предложение это было отклонено, так как Ришельё считал неприличным для французского короля иметь личное объяснение с «каким-нибудь северным державцем».

Густаву-Адольфу дали знать, что если он возьмет на себя труд подойти несколько ближе к Лотарингии, занятой в то время французскими войсками, то первый министр Людовика XIII приедет к нему в лагерь для переговоров. Шведский король возразил, что предпочитает послать кого-нибудь из своих министров выслушать предложения г-на кардинала.

Ответ этот произвел на Ришельё большое впечатление и значительно усилил его уважение к Густаву-Адольфу. Тем временем смерть Тилли, убитого при неудачной попытке помешать переправе шведов через Лех, заставила императора Фердинанда согласиться на все требования Валленштейна и назначить его снова главнокомандующим.

Вслед за тем война приняла оборот, менее благоприятный для протестантов. Густав-Адольф одержал, правда, над Валленштейном победу под Люценом, но был сам убит в этом сражении. Валленштейна, собиравшегося перейти на сторону протестантов, умертвили собственные его офицеры, оставшиеся верными императору.

После того война продолжалась с переменным успехом, и Франция начала усиленно готовиться к непосредственному в ней участию. Ришельё был заранее уверен, что протестантские немецкие государи окажутся вынужденными согласиться на всякие территориальные уступки, каких только захочет Франция в вознаграждение за свое содействие.

Зная, что придется вести войну не только с Австрией, но также и с Испанией, Ришельё призвал под знамена более чем стопятидесятитысячную армию.

Франция никогда еще до тех пор не располагала такой большой вооруженной силой. Содержание этих войск обходилось очень дорого и вызывало в народе сильнейшее недовольство

против кардинала, оправдывавшегося тем, что считает своей задачей возвращение Галлии естественных ее границ.

Людовик XIII принимает ключи от Ла-Рошели. *XVII в.*

В 1635 году была объявлена война Испании, от исхода которой, как заявлял Ришельё в «Gazette de France», зависели «порабощение или свобода всей Европы». Второй год этой войны чуть было не оказался роковым и для кардинала и для его политических видов.

Испанцы вторглись в Пикардию и только по собственной вине не овладели Парижем, но не сумели воспользоваться одержанными победами и дали французам время оправиться. Военное счастье стало после того склоняться на сторону Франции, но государственные расходы ее все более возрастали и к концу 1639 года королевское казначейство совершенно опустело.

Главноуправляющий министерством финансов объявил, что «чаша исчерпана до дна». Тяжесть налогов, особенно угнетавшая крестьян, вызвала в Нормандии восстание «босоногих», которое было подавлено с беспощадной суровостью. Следует заметить, что кардинал не особенно смущался жалобами народа на тяжесть податного обложения.

Он говорит в своем «Политическом завещании»: «Все государственные деятели знают, что излишнее благосостояние

только вредит народу, вызывая у него стремление забывать верноподданнические свои обязанности… Благоразумие не дозволяет освобождать от налогов податное сословие, которое утратило бы тогда внешнее наглядное доказательство подчиненного своего положения…

Крестьян можно сравнить с мулами, до такой степени привыкшими к ноше, что долгий отдых вредит им более, чем работа… С другой стороны, необходимо, впрочем, сообразовать тяжесть вьюка с силами животного. Подобным же образом следует относиться и к налогам, взимаемым с народа».

В 1640 году вспыхнуло в Португалии и Каталонии восстание против испанского владычества. Благодаря этому перевес решительно склонился в пользу Франции и ее союзников; Португалия окончательно отделилась от Испании, а Каталония в 1642 году отдалась под покровительство Людовика XIII, провозгласив его графом Барселонским и Руссильонским.

Герцог Лотарингский вынужден был заключить мир, по которому Франция приобрела часть Лотарингии. Уже с 4 мая 1641 года Ришельё начал также с австрийским домом переговоры, закончившиеся, однако, лишь через три года после его смерти, а именно в 1645 году, Вестфальским миром.

В июле 1642 года скончалась в Кельне мать Людовика XIII Мария Медичи, тщетно умолявшая Ришельё дозволить ей вернуться во Францию. Сам кардинал пережил ее лишь несколькими месяцами. Он умер 4 декабря 1642 года, объявив на прощание Людовику XIII: «Теперь песенка Испании спета».

Ришельё оставил Францию могущественным и прочно централизованным государством, обладавшим хорошо организованной армией, сильным флотом и значительными государственными доходами. При нем французы утвердились в Гвиане и в Вест-Индии, вернули себе Канаду, овладели островом Бурбоном и завели колонии на Мадагаскаре.

Вместе с тем кардинал очень интересовался французскими поселениями в Северной Африке на алжирском берегу и намеревался устроить поселения также в Тунисе. Для укрепления авторитета верховной власти упразднены были должности коннетабля и генерал-адмирала.

Тем не менее Ришельё не удалось совершенно уничтожить систему продажи государственных должностей. Напротив, возраставшая потребность в деньгах зачастую побуждала его создавать новые должности. Так, он увеличил число парламентских советников, причем, продавая патенты преимущественно своим сторонникам, убивал, как говорится, одним камнем двух воробьев.

В заслугу Ришельё надо поставить также и заботы об улучшении образования французского юношества. В 1636 году он основал Королевскую академию[4] с двухлетним курсом для подготовки молодых людей к военной и дипломатической службе.

В 1640 году были основаны еще одна академия и Королевская коллегия для французского и иностранного дворянства. По мнению Ришельё, к изучению так называемых гуманитарных наук надлежало допускать сравнительно лишь немногих избранных.

Знакомство с этими науками он считал безусловно вредным для людей, которым предстояло заниматься земледелием, ремеслами, торговлей и т. п., а потому высказывался в пользу сокращения числа классических коллегий и замены их двух– и трехклассными реальными училищами, в которых молодые люди, готовящиеся к торговле, ремесленному труду, военной службе в унтер-офицерских чинах и т. п., получали бы необходимое образование.

Лучших учеников он хотел переводить из реальных школ в высшие учебные заведения. Смерть помешала Ришельё выполнить эту программу преобразования французских учебных заведений.

Прибегая к суровым мерам, чтобы восстановить уважение к закону, и уверяя Людовика XIII в необходимости устранить лицеприятие в судах, Ришельё на самом деле обращался с правосудием довольно бесцеремонно. Он допускал суд правый и нелицеприятный лишь в тех случаях, когда это согласовалось с его собственными видами.

Процессы против политических противников и личных врагов кардинала обставлялись сплошь и рядом так, что о каких-либо гарантиях беспристрастия не могло быть и речи. Даже в случаях действительной виновности противников Ришельё приговоры над ними имели скорее характер судебных убийств, чем законной кары.

Нарушение правосудия носило зачастую характер вопиющей несправедливости, наглядными образцами которой могут служить процессы де Ту и Урбана Грандье.

Друг и приятель Сен-Марса, де Ту не принимал участия в заговоре и даже старался отклонить обер-шталмейстера от преступных его интриг. Правда, зная о них, он все-таки не счел уместным донести на своего друга. Объясняя на суде причины, по которым он не сделал этого, де Ту показал: «Я узнал о договоре, заключенном с Испанией, из рассказа самого Сен-Марса, сообщившего, что договор вступает в силу лишь в том случае, если французские войска в Германии потерпят поражение.

Войска наши постоянно одерживали победы, а потому не

было настоятельной надобности изменять другу для спасения государства от воображаемой опасности. К тому же у меня не было фактических доказательств справедливости доноса, и, если б виновные не пожелали добровольно сознаться, суд был бы вынужден приговорить меня к тяжелому наказанию за клевету».

Многие из судей, находя доводы эти основательными, были расположены оправдать де Ту, но Ришельё требовал, вследствие особых соображений, чтоб этот несчастный юноша был подвергнут смертной казни. Один из клевретов кардинала Лобардемон отыскал в архивной пыли декрет Людовика XI, предписывавший карать наравне с главными зачинщиками всех, кто, зная о договоре, не довел о нем безотлагательно до сведения правительства.

Декрет этот никогда не применялся даже в царствование самого его автора, но это не помешало судьям подчиниться воле кардинала и приговорить де Ту, наравне с Сен-Марсом, к обезглавливанию.

Враги Ришельё уверяют, будто он сказал: «Де Ту-отец включил мое имя в свою историю, я же включу имя его сына в мою». Действительно, в XXIV книге истории, составленной президентом де Ту, говорится о безнравственной жизни Антуана дю Плесси Ришельё, носившего прозвище монаха, так как он и вправду был расстригой.

Несмотря на злопамятность кардинала и мстительный его характер, трудно предположить, однако, чтоб Ришельё руководствовался в данном случае чувством мести. Гораздо правдоподобнее допустить, что он хотел казнью де Ту навести ужас на своих противников.

Сам кардинал в своих мемуарах проводит ту мысль, что там, где дело идет о политических преступлениях, правительство ни под каким видом не может щадить своих противников. Отвадить от этих преступлений можно лишь в том случае, если виновных непременно будет постигать строжайшая кара.

«Для достижения такого результата не следует останавливаться даже перед такими мероприятиями, от которых могут страдать невинные».

Гораздо труднее приискать какое-либо оправдание образу действий Ришельё и его опричников в процессе луденского каноника Урбана Грандье.

Лобардемон, который играл видную роль в большинстве судебных убийств, запятнавших репутацию великого кардинала, был прислан в Луден с поручением следить за срытием там городских укреплений.

Разузнав через наушников, что Грандье был автором

появившегося за пятнадцать лет перед тем памфлета, в котором осмеивались притязания Ришельё на получение десятины с доходов Луденского аббатства, Лобардемон донес об этом кардиналу и получил от него разрешение проучить памфлетиста надлежащим образом.

Необходимо заметить, что остроумие Грандье создало ему в самом Лудене много врагов. Этим только и можно объяснить тот странный факт, что бесноватые, появившиеся в луденском монастыре урсулинок, единогласно объявили, будто бесы вселились в них по приказанию каноника.

Злополучный Грандье, убежденный в своей невиновности, отказался бежать за границу, как ему советовали некоторые из его приятелей. Он не хотел даже подчиниться приговору суда инквизиции, который, признавая несостоятельность главного обвинения против каноника, назначил, однако, ему церковное покаяние за «легкомысленные речи и поступки».

Грандье апеллировал против этого приговора, и дело было передано, по приказанию Ришельё, в судебную комиссию под председательством Лобардемона.

Комиссия эта постановила, в принципе, что дьявол обязан говорить истину, если его заклинают надлежащим порядком. Неверующим в этот тезис дано было понять, что их могут притянуть и самих к суду в качестве соучастников колдуна или, по меньшей мере, еретиков, позволяющих себе неуважительно отзываться о католических догматах.

Угрозы эти привели к желаемому результату. Никто не осмелился выступить в защиту Грандье. Показания бесноватых были признаны имеющими силу законного доказательства. Врачи, назначенные комиссией, отыскали на теле несчастливца места, нечувствительность которых к уколу должна была неопровержимо свидетельствовать о договоре, заключенном им с сатаною.

На всякий случай признано было уместным вывесить на всех перекрестках запрещение под страхом телесного наказания и большого денежного штрафа дурно отзываться о судьях, заклинателях и бесноватых. Один из членов комиссии, патер Лактанций, раскалив почти докрасна чугунное распятие, подносил его к губам Грандье, который, разумеется, каждый раз отдергивал голову назад.

Комиссия занесла в протокол, что колдун не посмел приложиться к кресту. Грандье даже и под пыткой не хотел сознаться в сношениях своих с дьяволом, а потому был объявлен нераскаянным грешником и присужден к сожжению на костре.

Он сгорел живьем, так как на петле, которой должен был удушить его в последнюю минуту палач, оказался узел,

сделанный будто бы по распоряжению Лобардемона. Весьма вероятно, что в данном случае председатель судебной комиссии хватил через край и зашел несколько далее, чем это было желательно самому кардиналу.

Глава VI. Характер и частная жизнь кардинала

В государственной своей деятельности первый министр Людовика XIII отличался безжалостной, суровой настойчивостью и мстительностью, доходившей до жестокосердия. Это не мешало ему в частной жизни очаровывать преданных своих слуг и приспешников добротой, мягкостью и обходительностью.

Когда у него вырывалось по отношению к ним язвительное замечание или грубое слово, или же когда дело доходило до побоев, кардинал всегда обращался сам к обиженному со словом примирения. Обыкновенно он говорил в таких случаях, что человек в его положении чувствовал бы себя несчастным, если бы не мог сорвать на какой-нибудь доброй душе дурное расположение духа, обусловленное запутанностью государственных дел.

Нередко, подвергаясь припадкам мрачной меланхолии, Ришельё обращался к окружающим с просьбой «развлечь его, если только это возможно». Поэту Буароберу чаще других удавалось развеселить кардинала. Иногда Ришельё подшучивал над своими приближенными. Так, зная, что каноник Мюло сердился, когда его звали «раздавателем милостыни его высокопреосвященства», кардинал однажды передал ему письмо с таким именно адресом.

Мюло вышел из себя и сказал: «Только дурак мог придумать подобную шутку». – «А что, если сделал это я сам?» – спросил кардинал. – «Меня, признаться, это бы не удивило, – отвечал

Мюло, – вашему преосвященству, вероятно, не впервые делать глупости».

В тех случаях, когда не помогали шутки и мистификации, Ришельё, чтобы рассеять дурное расположение духа, прибегал к самым утомительным гимнастическим упражнениям. Герцог Граммон, застав его в такую минуту, спокойно сбросил с себя кафтан и сказал: «Готов держать пари, что прыгну далее вашего преосвященства».

Действительно, он принялся бегать и прыгать взапуски с кардиналом. Такая находчивость очень понравилась Ришельё, который стал после того очень благоволить к герцогу.

Иногда всемогущий премьер испытывал странные галлюцинации. Он воображал себя лошадью и с громким ржанием бегал вокруг бильярда. В таких случаях приходилось силою укладывать его в постель, где по прошествии некоторого времени он приходил в себя.

Памфлеты враждебного лагеря упрекали кардинала в распущенности нравов и, без сомнения, рассказывали о нем немало небылиц. В числе его любовниц называли, между прочим, герцогиню Шеврез, Нинон де Ланкло и даже Валуа, дочь герцога Орлеанского. Ришельё очень заботился о соблюдении внешних приличий и положительно щеголял своей набожностью.

Он исповедовался и причащался каждое воскресенье, если только тому не препятствовало состояние его здоровья, и всякий раз умилялся духом так, что на глазах его блистали слезы. Впрочем, обладая большими сценическими способностями, как говорила про него Мария Медичи, он мог плакать раз по пятнадцать в день.

Вообще кардинал дорожил репутацией ревностного католика и усердно выполнял свои религиозные обязанности. Он очень любил священнодействовать и обыкновенно по большим праздникам сам служил литургию.

Зачастую дома в два или три часа он молился в присутствии своего духовника, священника, камердинера, нескольких офицеров, телохранителей и слуг. Молитва эта длилась около получаса. При всей своей веротерпимости Ришельё считал долгом интересоваться обращением еретиков и, как говорят, жертвовал из личных своих средств большие суммы на миссионерскую пропаганду.

Кардинал нередко выставлял на вид королю свое бескорыстие. Действительно, он не запятнал себя низким сребролюбием и в критические минуты неоднократно помогал государству деньгами. Тем не менее результаты такого бескорыстия были для него не особенно убыточными.

Он завещал своим родственникам громадное состояние, оставил королю крупную сумму (в 600 тысяч рублей) и построил несколько великолепных дворцов. Один из них, Пале-Кардиналь, названный впоследствии Пале-Рояль, по завещанию Ришельё перешел в собственность короля вместе с золотой церковной утварью, украшенной алмазами, серебряным буфером чеканной работы и крупным бриллиантом, купленным у Лопеса.

Кардинал Ришельё любил делать подарки и вообще отличался благотворительностью. Так, он ежемесячно отпускал своему священнику тысячу рублей для раздачи бедным и охотно увеличивал эту сумму, когда она оказывалась недостаточной.

Кроме того, камергер, обыкновенно сопровождавший кардинала, должен был всегда держать наготове крупную сумму денег для раздачи нищим, попадавшимся на дороге. В ежегодный бюджет кардинала входили также крупные пожертвования благотворительным учреждениям.

Окружая себя величайшим блеском и пышностью, Ришельё содержал громадный штат прислуги, многочисленный отряд телохранителей и большую свиту, в которой насчитывалось до 25 пажей. Содержание этих молодых людей стоило очень дорого, так как они получали самое тщательное воспитание и образование.

Несмотря на весьма слабое здоровье, Ришельё чрезвычайно много работал и входил во все подробности государственного управления. Немало времени затрачивалось у него также на литературные труды, театр, надзор за постройками, выполнение религиозных обязанностей и аудиенции. Он работал днем и ночью, довольствуясь лишь немногими часами сна.

Обыкновенно он ложился спать часов в 11, но через три или четыре часа опять уже вставал и принимался за работу. Особенно важные бумаги Ришельё писал иногда сам, но в большинстве случаев диктовал секретарю, постель которого стояла тут же, в спальне.

Проработав часа три, кардинал снова ложился и спал до семи или до восьми часов утра. Проснувшись, он, тотчас же после утренней молитвы, звал к себе секретарей и вручал им для переписки доклады и замечания, набросанные ночью начерно. Если в числе этих бумаг находились важные документы, Ришельё приказывал переписывать их в своем присутствии, назначая при этом секретарю определенный срок для окончания работы.

Это делалось из опасения, чтобы секретарь не успел снять другой копии с документа. Затем кардинал одевался и принимал министров, с которыми работал до 10 или 11 часов. Остальное время до обеда Ришельё проводил в домовой церкви и слушал литургию. По окончании ее он обыкновенно успевал еще раза два

обойти сад, где принимал ожидавших его просителей.

После обеда кардинал проводил некоторое время в дружеской беседе с гостями. Остаток дня посвящался государственным делам или же приему и посещению иностранных послов и других именитых лиц. Вечером Ришельё еще раз прогуливался по саду, отчасти для моциона, отчасти же для того, чтобы выслушать просителей, не успевших представиться ему утром.

После прогулки он, если только этому не препятствовали особенно важные дела, позволял себе маленький отдых в обществе друзей и домашних, с которыми держал себя очень просто и фамильярно. День заканчивался молитвой, длившейся около получаса.

Любовь к блеску и представительности выражалась у Ришельё также постройкой многочисленных дворцов. Они в большинстве случаев отличались художественной архитектурой и роскошным внутренним убранством. В начале политической своей карьеры кардинал довольствовался скромным отелем на Королевской площади, но уже в 1626 году Мария Медичи подарила своему фавориту Малый Люксембург, где он и жил до окончания постройки Пале-Кардиналь.

В 1638 году Ришельё подарил Малый Люксембург своей племяннице, Комбале.

Морис Лелуар. Пале-Кардиналь. *1910-е гг.*

В дворцовом комплексе, построенном для Ришельё напротив северного крыла Лувра по проекту Жака Лемерсье, после смерти кардинала поселились Анна Австрийская и юный Людовик XIV.

Поэтому Пале-Кардиналь сменил название и стал именоваться Пале-Рояль — Королевский дворец. Затем, до Великой Французской революции, Пале-Рояль служил городской резиденцией герцогов Орлеанских.

Сейчас во дворце размещаются Государственный совет, Конституционный совет, министерство культуры Франции и другие учреждения.

В роскошных салонах этого отеля собирались у нее сливки тогдашнего парижского общества, придворные сановники и

завсегдатаи знаменитого отеля Рамбулье. Люксембург не удовлетворял, однако, требовательному вкусу кардинала и к тому же находился слишком далеко от королевской резиденции – Лувра.

Поэтому уже в 1629 году Ришельё начал строить Пале-Кардиналь. Скупая соседние участки, он неожиданно наткнулся на домовладельца, который ни за что не хотел расставаться с прадедовскими хоромами. Угрозы и обещания агентов, которых подсылал к нему всемогущий министр, оставались тщетными.

Тогда кардинал распорядился зачислить неподатливого домовладельца в разряд наиболее состоятельных граждан, с которых взимались в казну добавочные подати. Мера эта оказала ожидаемое действие и сломила сопротивление упрямого домохозяина.

Постройкой Пале-Кардиналь заведовал один из знаменитейших тогдашних архитекторов – Лемерсье. Современники отзывались с единодушным восторгом об изяществе и пышности новой резиденции кардинала. Большинство галерей, зал и кабинетов этого дворца были украшены фресками и картинами лучших тогдашних художников.

Современники особенно восторгались театральной залой и галереей героев, убранной бюстами и портретами людей, прославившихся в истории Франции. Это великолепное здание было тотчас по своем окончании подарено королю, с тем чтобы звание дворцового коменданта оставалось наследственным в роде Ришельё.

Будущим герцогам Ришельё предоставлено было в Пале-Кардиналь особое помещение. Кроме этих двух дворцов (Малого Люксембурга и Пале-Рояль), Ришельё принадлежали еще замки Лемур, Флери и Буа-ле-Виконт. Впоследствии он построил еще отель «Ришельё» и приобрел Рюельский замок, который значительно увеличил и украсил. Вообще кардинал был охотник до переездов из одной резиденции в другую.

Ему решительно не сиделось на месте. Эта черта его характера не ускользнула от современников. Про Ришельё говорили: «Stare loco nesciebat» («У него нет постоянного места»). Замок Рюель, одна из любимейших резиденций кардинала, находился на полпути между Лувром и Сен-Жермен, вследствие чего король часто посещал его, отправляясь на охоту.

Этот великолепный дворец во время революции был разрушен до основания. Особенно славился он роскошными оранжереями и прекрасным парком, послужившим впоследствии образцом для Версальского парка. Многочисленные гроты, арки, каскады, бассейны и каналы придавали Рюельскому парку

волшебный вид.

Последний из дворцов, построенных премьером, – отель «Ришельё», переделанный из небольшого дома, доставшегося ему по наследству от отца, превосходил роскошью и великолепием все остальные сооружения и стоил громадных денег. Кардинал следил с величайшим интересом за постройкой, но ему суждено было умереть раньше окончания строительства этого отеля.

Во время революции отель «Ришельё» был конфискован, а находившиеся в нем драгоценные произведения искусства частью проданы или взяты в казну, частью же брошены без внимания. Вообще дворцы кардинала изобиловали произведениями искусств, так как Ришельё был усердным коллекционером картин, бюстов, медалей, бронзовых и фарфоровых вещиц, античной мебели, мозаики, драгоценных камей, редких книг и рукописей.

Вместе с тем он заказывал много картин известнейшим современным ему французским художникам, преимущественно же Филиппу де Шампань. Наиболее богатые библиотеки имелись у Ришельё в Пале-Кардиналь и в отеле «Ришельё». Основанием для первой из них послужила городская библиотека, доставшаяся кардиналу после взятия Ла-Рошели.

– Как вы думаете, что именно доставляет мне более всего удовольствия? – спросил как-то раз Ришельё у одного из своих литераторов, Демаре.

– Деятельность на пользу и счастье Франции.

– Нет-с, сочинение стихов, – возразил кардинал.

Действительно, кардинал считал себя недюжинным писателем и ставил свои стихи несравненно выше государственных своих заслуг. Однако современники и потомство признали эту самооценку ошибочной. Проза Ришельё отличается, правда, выразительностью и чистотой стиля, но склонность к напыщенным оборотам и злоупотребление фигуральными выражениями утомляет внимание читателя.

Тщательно исправляя все исходившее из-под его пера, он обращал внимание также на орфографию, с которой современные ему вельможи обращались очень бесцеремонно. Кроме того, прежде чем выпустить в свет свои литературные произведения, Ришельё отдавал их для просмотра состоявшим у него на службе писателям: Демаре, Годо, Шапелену, шартрскому епископу Леско и др.

Из прозаических произведений Ришельё дошли до нас его «Записки», «Политическое завещание», религиозные сочинения и многие письма.

«Мемуары» кардинала и его письма имеют важное значение для истории царствования Людовика XIII. Существует

предположение, что «Мемуары» составлялись приближенными Ришельё, на основании указанных им материалов. Предназначенные для восхваления деятельности самого кардинала, они не отличаются беспристрастием в изложении событий и характеристик.

Так, в первой части «Мемуаров», озаглавленной «История матери и сына», автор зачастую уклоняется от истины, с целью очернить коннетабля де Люиня. В них вкралось, вообще, так много фактических погрешностей, что утверждали даже, будто сам Ришельё не успел их прочитать и проверить.

С литературной точки зрения, «Мемуары» кардинала оказываются тоже неудовлетворительными, так как представляют собою плохую компиляцию писем и документов. Изредка встречающиеся в них мастерские характеристики и картины не искупают общей водянистости и тяжеловесности.

Следует заметить также, что «Мемуары» ограничиваются изложением событий за время министерства Ришельё и не проливают почти никакого света на его частную жизнь. Замечательнейшим из прозаических произведений кардинала следует признать его «Политическое завещание», слог которого отличается точностью и выразительностью.

В этом завещании трактуется о самых разнообразных предметах: о духовенстве, монастырях, повиновении, которое следует оказывать Папе, об искусствах и народном образовании, о дворянстве и среднем сословии, о судах и их недостатках, о народе, короле и его советниках.

Целые главы посвящаются армии, флоту, торговле и политико-экономическим соображениям. Автор всюду строго придерживается точки зрения самодержавия, разумно и добросовестно относящегося к выполнению своего долга. Труды Ришельё по религиозным вопросам представляют известный интерес для специалистов и были весьма тщательно изданы племянницей кардинала в 1641 году.

Ришельё был одним из лучших современных ему ораторов. Речи его в парламенте и в собрании нотаблей имели обыкновенно деловой характер. Талантливый премьер излагал в них ясно и вразумительно сущность своей политики и причины, побуждавшие его к тому или другому образу действий.

Из поэтических произведений, принадлежащих кардиналу, некоторой известностью пользовались театральные пьесы: «Большая пастораль», «Смирнский слепой», «Европа» и «Мирам». Собственно говоря, Ришельё принадлежал в них только общий план и некоторые отдельные сцены.

Остальное писали по указанию кардинала состоявшие при

его особе поэты: Буаробер, Летуаль, Коленн, Ротру и Корнель. Сценическая постановка этих пьес и исполнение их в пале-кардинальской театральной зале в присутствии короля, членов королевской фамилии и придворных вельмож были недурны, но сами пьесы оказывались, с художественной точки зрения, крайне посредственными.

Правда, автора «Мирам» приветствовали каждый раз восторженными бурными рукоплесканиями, но в искренность их никто, кроме самого Ришельё, по-видимому, не верил. По словам очевидцев, он проявлял к этой пьесе, написанной при содействии пятерых сотрудников, истинно отеческую нежность.

Аплодисменты приводили его в неописуемый восторг. Несколько раз он привставал в ложе, чтоб показаться публике. Случалось также, что он сам указывал зрителям особенно удачные, по его мнению, места пьесы. Приведем вкратце ее содержание: Мирам – дочь Вифанского царя – любит Аримана, который отвечает ей взаимностью.

Не надеясь получить согласия на брак с царскою дочерью, Ариман замышляет ее похитить, но его арестовывают, и он в припадке отчаяния приказывает рабу пронзить его мечом. Мирам, решившаяся последовать в могилу за своим возлюбленным, обманывает бдительность отца, притворно соглашаясь на брак с Азамором, царем Фригийским, но в то же время просит свою наперсницу Альмиру достать ей яду.

Вифанский царь, не подозревая ужасающей катастрофы, поздравляет Азамора с благоприятной переменой в чувствах Мирам. Вдруг распространяется слух о кончине принцессы. Оказывается, однако, что Альмира дала ей вместо яду сонных капель. Прежде чем отец и жених успевают выразить свое огорчение и скорбь, они узнают, что Мирам только спит.

Вслед за тем обнаруживается, что Ариман не убит, а только ранен, и что он доводится родным братом Фригийскому царю. Благодаря такому счастливому стечению обстоятельств пьеса заканчивается соединением любящих сердец.

Современники утверждали, будто Ришельё позволил себе в «Мирам» намекнуть на любовь Анны Австрийской к английскому послу герцогу Бэкингему. Особенно прозрачными находили стихи:

> Je me sens criminelle, aimant un etranger,
> Qui met pour mon amour cet etat en danger.

(Я чувствую себя преступной, так как отдала сердце иностранцу, который из любви ко мне подвергает отечество мое

опасности.)

Представленная в 1639 году на сцене театра Мондори, трагедия Корнеля «Сид» сразу завоевала себе общие симпатии. Кардинал отнесся очень недоброжелательно к пьесе своего соперника и всячески старался уронить ее в общественном мнении.

Французская академия, в угоду своему основателю, отозвалась далеко не лестно об этой образцовой трагедии. Корнель, продолжавший получать денежные пособия от Ришельё, не мог забыть гонения на «Сида» и после смерти премьера написал стихотворение, оканчивавшееся следующими словами:

Qu'on parle bien ou mal du fameux cardinal,
Ma prose ni mes vers n'en diront jamais rien:
Il m'a fait trop de bien pour en dire du mal,
Il m'a fait trop de mal pour en dire du bien.

(Что бы ни говорили хорошего или дурного о кардинале, я не скажу о нем ничего ни в прозе, ни в стихах. Он сделал мне слишком много добра, чтобы я мог говорить о нем дурно, и слишком много зла, чтобы я стал отзываться о нем хорошо.)

Надо полагать, что, кроме авторского самолюбия, кардинал Ришельё руководствовался в отношениях к «Сиду» также и соображениями чисто политического свойства. Трагедия, изображавшая в симпатичном виде характеры испанцев, появилась как раз во время объявления им Франции войны.

К тому же автор трагедии отнесся весьма сочувственно к поединкам, воспрещенным королевским декретом под страхом смертной казни. При таких обстоятельствах кардинал мог усмотреть в «Сиде» опасный протест против своей политики. По крайней мере, Мишле объясняет гонение на «Сида» именно этими соображениями.

Героическая комедия «Европа», являвшаяся аллегорией на тогдашние политические события и поставленная на сцене пале-кардинальского театра в 1642 году, была последним поэтическим произведением Ришельё.

Великому кардиналу принадлежит честь официального учреждения Французской академии. Еще с 1629 года организовался кружок лиц, принадлежавших к числу наиболее образованных людей своего времени; члены этого кружка условились собираться по вечерам в определенном месте.

На собраниях читались новейшие литературные произведения, причем каждый свободно высказывал свое мнение о прочитанном. Вечер завершался обыкновенно прогулкой или

ужином. Года четыре спустя слух об этих собраниях дошел через поэта Буаробера до Ришельё. Кардинал предложил кружку преобразоваться из частного учреждения в общественное.

После некоторого колебания предложение это было принято, и по ходатайству кардинала Людовик XIII в январе 1635 года утвердил особою грамотой устав Французской академии. Весьма вероятно, что Ришельё имел при этом в виду заручиться симпатиями кружка литераторов и влиять таким путем на общественное мнение.

С подобной же целью основана была в 1631 году еженедельная «Gazette de France». Первым редактором-издателем ее официально числился врач Ренодо, настоящими же ее руководителями были сам Людовик XIII и его премьер, являвшийся главным редактором и деятельнейшим сотрудником газеты.

Джулио Мазарини
(1602—1661)

Джулио Мазарини стал кардиналом по протекции Ришельё в 1641 г., а после смерти «серого кардинала» отца Жозефа в 1638 г. и самым близким сотрудником первого министра Франции.

По предсмертной просьбе кардинала Ришельё, король Людовик XIII в 1642 г. назначил Мазарини членом королевского совета, состоявшего из трех человек.

А после смерти короля, в 1643 г., по протекции регентши Анны Австрийской Мазарини был назначен первым министром.

Мазарини занимал пост первого министра Франции в 1643—1650 и 1651—1661 гг. Проводил в целом политику своего предшественника.

Перед смертью посоветовал молодому королю Людовику XIV править самостоятельно, не назначая первого министра, и рекомендовал ему своего управляющего и помощника Кольбера.

Ришельё вообще не отличался крепким здоровьем. В детстве он страдал лихорадкою, а в юношестве – головными болями от чрезмерного умственного труда. Став у кормила правления, он усердно занимался государственными делами, невзирая на слабость своего, с каждым днем все ухудшающегося здоровья.

Мучительные нарывы, ревматизмы и лихорадки почти не давали ему покоя, а с 1632 года у него обнаружилась еще и каменная болезнь. Он продолжал, однако, работать с изумительной энергией, по поводу которой появилась в «Gazette de France» следующая заметка: «Враги Франции не знают, выгоднее ли для них иметь дело со здоровым или же с больным министром».

В 1634 году ревматические опухоли усилились, к ним присоединился геморрой, от которого лечили тогда обильным кровопусканием. В июне 1635 года ревматизм распространился на челюсти, вместе с тем у кардинала проявились опасные припадки уремии. Вследствие упадка сил он мог путешествовать только в носилках.

«У меня самое слабое и чувствительное тело на свете», – жаловался Ришельё своим приближенным. Тем не менее он занимался государственными делами с удвоенным усердием, более чем когда-либо необходимым, так как болезнь премьера совпала с объявлением войны испанцам. Несколько времени спустя упадок сил дошел до того, что кардинал не мог выносить

свежего воздуха в Рюельском парке.

Король, озабоченный состоянием здоровья первого министра, неоднократно посещал его, чтобы советоваться о государственных делах. В 1642 году во время осады Перпиньяна правая рука Ришельё покрылась множеством вередов[5], не позволявших ему даже подписывать бумаги. В таком состоянии кардинал находился с мая по октябрь.

Возвратившись затем в Париж, он в продолжение нескольких недель чувствовал себя довольно удовлетворительно, но в декабре сильное воспаление легких свело его в могилу. Чувствуя, что силы его покидают, Ришельё осведомился у врачей, сколькими же часами жизни он может располагать.

Лейб-медик Людовика XIII откровенно ответил: «В течение этих суток ваше высокопреосвященство умрете или выздоровеете». Кардинал выслушал этот приговор совершенно спокойно. Перед самой кончиной он попросил свою племянницу герцогиню д'Эгильон выйти из комнаты, объявив присутствовавшим, что не хочет делать ее свидетельницей предсмертной его агонии[6].

В 1793 году гробница кардинала подверглась святотатственному поруганию. Буйная чернь, ворвавшаяся в склеп Сорбоннской церкви, разломала саркофаг Ришельё и сорок девять других гробов и выкинула из них прах усопших. Замешавшийся в толпе роялист, шапочник Шеваль, спас при этом от уничтожения маску, которою было покрыто лицо кардинала. Шеваль хранил ее сперва у себя, а затем передал аббату Арме.

Впоследствии она была поднесена Наполеону III, который велел положить ее в реставрационную гробницу знаменитого кардинала. В Мазаринской библиотеке хранится под стеклом мизинец Ришельё. Уверяют, что он был оторван от бальзамированного трупа каким-то каменщиком, хотевшим присвоить себе надетый на него драгоценный перстень. Палец этот достался потом библиотекарю Раделю, который и пожертвовал его библиотеке.

Жан-Леон Жером. «Серый кардинал» — Франсуа Леклерк дю Трамбле, правая рука кардинала Ришельё. *1873 г.*

Ришельё и после смерти продолжал управлять Францией, так как Людовик XIII предписал своему государственному совету руководствоваться во внутренней и внешней политике программой великого кардинала. По кончине короля, лишь на полгода пережившего гениального своего министра, Анна Австрийская, которой пришлось вынести из-за Ришельё так много неприятностей, имела случай короче познакомиться с государственными делами и отдала тогда справедливость заслугам покойного.

В бытность свою королевой-регентшей, она остановилась однажды перед его портретом и сказала вполголоса: «Если бы этот человек не умер, он пользовался бы теперь большим могуществом, чем когда-либо».

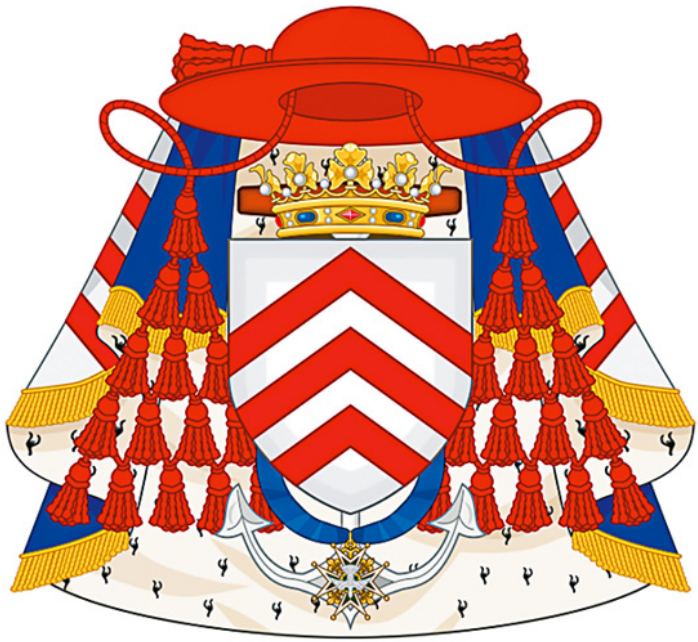
Монтескье называл Ришельё «негоднейшим из французских граждан». Действительно, благодаря великому кардиналу Людовик XIII и его преемники приобрели возможность злоупотреблять властью даже в большей степени, чем восточные деспоты, которых все-таки несколько обуздывает страх постоянно грозящей им дворцовой революции.

Тем не менее очевидно, что даже с национальной французской точки зрения нельзя обвинять Ришельё за поддержку, оказанную им королевской власти в борьбе с

эгоизмом феодальной аристократии, угнетавшей все остальные классы населения и стремившейся расчленить Францию.

Венецианский посол, в донесении своем сенату, писал: «Ришельё ниспослан был Провидением, дабы смирить гордыню испанского дома и спасти рукою Франции Европу от угрожавшего ей рабства».

История может только подтвердить эту оценку государственной деятельности Ришельё.



Герб кардинала де Ришельё

Арман Жан дю Плесси,
кардинал герцог де Ришельё

Мемуары

Арман Жан дю Плесси, кардинал герцог де Ришельё. МЕМУАРЫ

Предисловие

Арман Жан дю Плесси де Ришельё, младший сын Франсуа дю Плесси де Ришельё и Сюзанны де Ла Порт, родился 9 сентября 1585 г.

Его отец принадлежал к одной из знатных дворянских семей Пуату. С 1573 г. он служил при дворе Генриха Анжуйского (будущего Генриха III), который был в то время королем Польши.

Франсуа дю Плесси первым сообщает Генриху известие о смерти его старшего брата, короля Франции Карла IX. Следующим королем становится Генрих III.

В 1586 г. Генрих III назначает Франсуа на должность Главного прево[7] Франции. Спустя несколько лет Париж восстает против короля; восстание поднято сторонниками Католической Лиги, чей глава, Генрих де Гиз[8], стремится занять французский трон. 12 мая 1588 г. в Париже появляются баррикады – впервые в истории Франции. Франсуа дю Плесси помогает королю покинуть столицу.

Вскоре герцог де Гиз был убит по приказу короля; Генриху III приписывают фразу, сказанную после этого: «Я снова стал королем Франции, убив короля Парижа».

Однако царствование Генриха продлилось после этих событий всего один год. Франсуа дю Плесси не хватило лишь нескольких секунд, чтобы предупредить удар кинжала, нанесенный королю Жаком Клеманом[9], одним из фанатичных приверженцев Лиги. Династия Валуа[10] прекращает свое существование.

Королем Франции становится Генрих Наваррский. В отличие от многих дворян-католиков, не желавших подчиниться «еретику» Генриху IV (которого, несмотря на его формальный переход в католичество, продолжали считать гугенотом – вероятно, не без оснований), Главный прево остается на службе законной королевской власти – вплоть до своей смерти в 1590 г.

Мать Армана, в отличие от своего мужа, по происхождению не принадлежала к французской аристократии. Сюзанна была дочерью адвоката Парижского парламента Франсуа де Ла Порта, которому дворянство было пожаловано за заслуги в его деятельности юриста.

Существуют различные мнения относительно места рождения Армана де Ришельё; в качестве такового называют Париж или родовой замок в Пуату. Запись о рождении не была найдена ни в одном из приходов Парижа; в Пуату, в приходе, к которому относился замок Ришельё, из церковных регистров исчезли все записи с 1580 по 1600 г.

Обнаружено было лишь свидетельство о крещении в регистрах прихода Святого Евстахия в Париже:

«*1586, пятый день мая.*

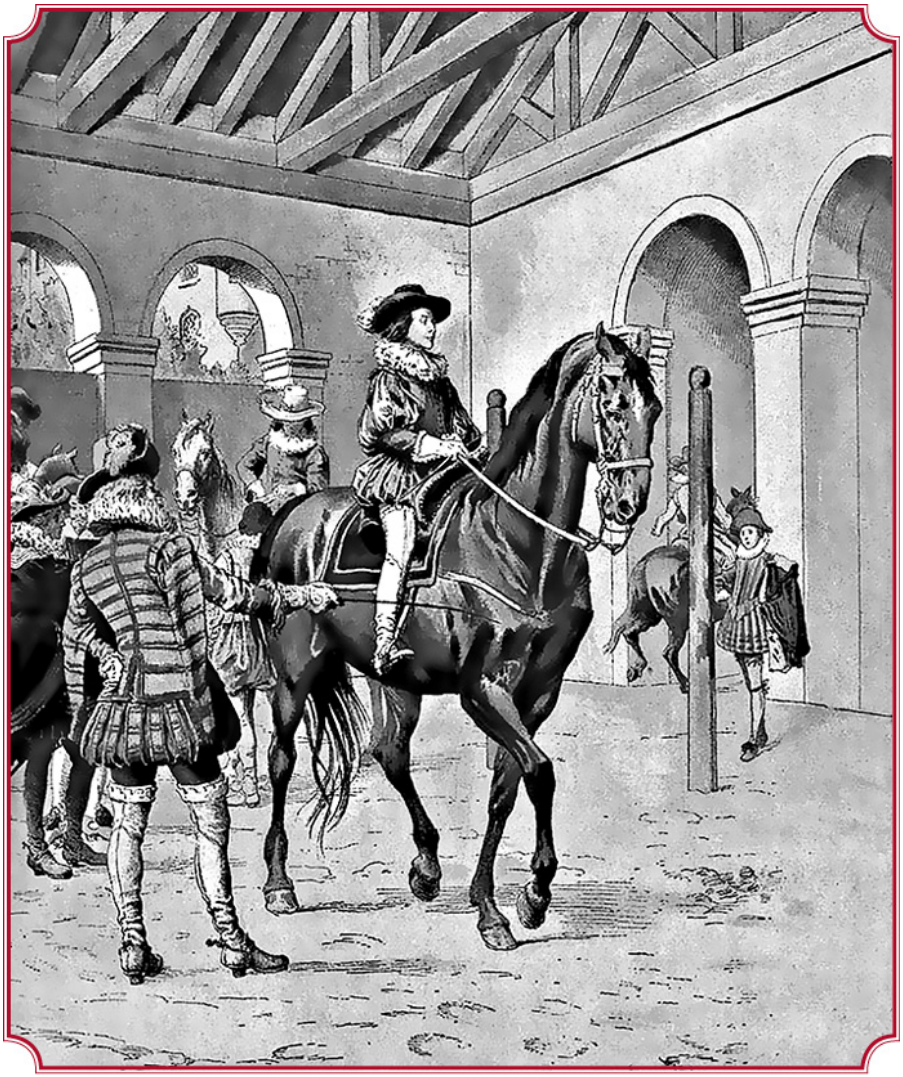
Был крещен Арман Жан, сын мессира Франсуа дю Плесси, сеньора де Ришельё… члена Государственного совета, прево Королевского дома и Главного прево Франции, и дамы Сюзанны де Ла Порт, его супруги… Младенец был рожден девятого дня сентября 1585 года. Крестные – мессир Арман де Гонто-Бирон… маршал Франции, и мессир Жан д'Омон, маршал Франции…»[11]

Одним из аргументов в пользу того, что Арман был рожден в Париже, является свидетельство самого Ришельё. Достаточно убедительную аргументацию приводит Габриэль Аното, доказывающий, что в сентябре 1585 г. семья Ришельё проживала в Париже. То, что крещение состоялось лишь спустя восемь месяцев, объясняется, вероятнее всего, слабым здоровьем ребенка, вызывавшим серьезные опасения.

После смерти Франсуа дю Плесси его вдова и пятеро детей покинули Париж и поселились в родовом поместье в Пуату. Они испытывали значительные финансовые затруднения; Сюзанна была вынуждена даже заложить цепь ордена Святого Духа, принадлежавшего покойному мужу.

Через несколько лет Арман возвращается в Париж, где его зачисляют в Наваррский коллеж – учебное заведение, в котором в свое время обучались Генрих III и Генрих IV. Хотя, безусловно, последние события гражданских и религиозных войн не могли не сказаться и на коллеже, который был закрыт в ходе беспорядков, учиненных Лигой, и возобновил свою работу лишь в 1594 г., и на жизни самой столицы.

Как пишет Аното, «первые впечатления Армана дю Плесси, прибывшего в Париж, не отличались от тех, что в детстве были получены в провинции: везде картины разрушений, нищеты, скорби – последствия разлада в государстве и общественных беспорядков»[12].



Морис Лелуар. Молодой Ришельё в военной академии. *1910-е гг.*

Курс обучения включал в себя три этапа: грамматика, искусства, философия. Дворяне, как правило, ограничивались лишь первыми двумя. Арман тем не менее проходит и курс философии; однако вопрос о научной карьере для младшего сына провинциальной дворянской семьи даже не ставился. После окончания коллежа Арман по решению семьи поступает в Военную академию.

Но внезапно обстоятельства меняются. Как уже упоминалось, состояние, полученное Сюзанной после смерти мужа, было весьма небольшим; значительную его долю составляли доходы от

Люсонского диоцеза[13]. Бенефиций был пожалован Франсуа дю Плесси Генрихом III; долгое время роль епископа в нем исполняли доверенные лица, назначавшиеся по воле семьи Ришельё и никогда не проживавшие в Люсоне.

Духовенство диоцеза было недовольно и требовало назначения не номинального, а «настоящего» епископа. Госпожа де Ришельё отвечала, что таковым вскоре станет ее сын Альфонс, на что уже получено официальное одобрение его величества Генриха IV.

Однако вскоре выяснилось, что согласия короля недостаточно, потому как не получено согласие самого Альфонса, который наотрез отказался быть епископом, в один прекрасный день принял монашеский постриг и удалился в монастырь Гранд-Шартрез.

Бенефиций мог быть потерян, что оставило бы семью Ришельё без средств к существованию. На материальную поддержку со стороны короля рассчитывать не приходилось: Генрих высоко ценил заслуги покойного прево, но не славился щедростью.

Сюзанна срочно вызвала из Парижа младшего сына; ее последняя надежда была на его согласие принять духовный сан – и Арман это согласие дает. Ему семнадцать лет. Он покидает Академию и приступает к занятиям теологией.

Следующие четыре года – бесконечное чтение, участие в теологических диспутах, занятия по индивидуальной программе – с перерывом на короткий сон – и получение диплома.

В конце 1606 г. аббат де Ришельё назван епископом Люсона – за несколько лет до достижения положенного возраста. Ждали, что скажет Рим. Генрих IV лично ходатайствовал перед Папой, прося разрешения на посвящение в сан епископа.

Арман едет в Рим сам, не дожидаясь, пока французский посол сообщит о результатах переговоров. Впоследствии сочинили множество небылиц, призванных объяснить досрочное рукоположение, – вплоть до того, что Ришельё якобы представил подложный документ, где была изменена дата рождения.

Подобные версии не имеют ни малейших оснований – не было никаких подложных документов; к тому же вряд ли кому-то могла вообще прийти идея обманывать Рим таким образом. Папа, скорее всего, давно был ознакомлен со всеми биографическими данными кандидата – учитывая, что переговоры о назначении Ришельё велись задолго до его прибытия в Рим.

Были всего лишь проповеди, все те же богословские и литературные дискуссии и личные беседы с Павлом V, который счел Армана талантливым теологом. 17 апреля 1607 г. Ришельё

был посвящен в сан епископа кардиналом Живри. Вскоре он возвращается в Париж, где уже в октябре защищает диссертацию. Досрочное завершение обучения было случаем весьма редким.

Он имеет все шансы сделать карьеру при дворе. Генрих IV с удовольствием слушает его проповеди и называет «мой епископ». Ему предсказывают успех. Он опять не стал ждать – ни осуществления предсказаний, ни выздоровления от жестокой лихорадки, ни хотя бы благоприятной погоды.

Его преосвященство не нашел ничего лучшего, как занять у знакомых карету и четверку лошадей, нанести несколько прощальных визитов и, в середине декабря, выбрав самое неподходящее время для такого рода путешествия, прибыть в «грязное епископство» – свое епископство Люсон[14].

Те, кто рассчитывал понаблюдать за тем, как будет смотреться молодой епископ в атмосфере придворных интриг и погоне за королевскими милостями, подобную тягу к перемене мест нашли, вероятно, весьма странной.

Обращаясь к представителям капитула Люсона, он призывает их забыть давние обиды, призывает к согласию, напоминая об общем долге епископа и клира перед своей паствой.

Люсонский диоцез – один из самых бедных во Франции. По удачному замечанию Аното, «Ришельё восстанавливал свою область так же, как впоследствии будет восстанавливать все королевство»[15]. В резиденции епископа нечем топить; одна из первых проблем – где раздобыть мебель и посуду.

Полуразрушенный храм больше похож на памятник религиозным войнам, в ходе которых пострадал, чем на кафедральный собор, каковым является на самом деле. Жители провинции выращивают зерно чуть ли не на болотах и не знают, как с этого богатства еще и платить налоги.

Арман начинает реставрацию собора и пытается хоть как-то обустроить свою резиденцию. Еще в большей степени его волнуют проблемы его паствы – и министр финансов Сюлли с удивлением читает послания епископа, который настоятельно просит снизить налоги, взимаемые с жителей Люсона.

Ришельё добивается соблюдения в диоцезе предписаний Тридентского собора[16]; отстраняет не соответствующих сану священников и дает понять некоторым влиятельным персонам, что их рекомендации – недостаточное основание для рукоположения случайных лиц, не имеющих ни малейшего призвания к служению Церкви.

Ко времени его пребывания в Люсоне относится и написание ряда интересных теологических работ. Некоторые из них адресованы простому народу, которому до сих пор были

доступны лишь комментарий к Символу Веры, «Отче наш…» и молитва Богородице. Арман пишет «Наставления христианину», где в доступной для необразованного читателя форме излагает основные аспекты христианского учения.

Среди других работ – «Основы католической веры», «Трактат о совершенствовании христианина», «Об обращении еретиков», «Синодальные ордонансы».

В Люсоне состоялось и знакомство Ришельё с отцом Жозефом дю Трамбле, монахом-францисканцем, по происхождению принадлежавшим к одной из знатных дворянских семей. Впоследствии отец Жозеф будет играть во внутренней, а особенно – во внешней политике Франции роль, которую сложно переоценить; пока же речь идет всего лишь о совместной работе над реформой монастыря Фонтевро.

В 1614 г. Ришельё, будучи выбран депутатом от духовенства, участвует в работе Генеральных Штатов, созванных в Париже. Это было время регентства Марии Медичи. Королева-мать фактически правила вместе со своим фаворитом Кончини и его супругой Элеонорой Галигай. Король Людовик XIII не принимал никакого участия в делах государства.

Деятельность Ришельё и его выступления в ходе работы Генеральных Штатов не остались незамеченными, однако некоторое время после их закрытия о епископе Люсонском, казалось, не вспоминали при дворе.

Самого Ришельё Штаты разочаровали, послужив лишь доказательством их бесполезности: наказы сословий не только не были учтены, но даже не изучены; не предпринималось никаких действий для улучшения положения в государстве, решения социальных и экономических вопросов.

Регентша и двор после закрытия Штатов занимались главным образом подготовкой брачных союзов: французскую принцессу Елизавету выдавали замуж за испанского наследника, а в жены Людовику XIII прочили испанскую инфанту Анну.

Вскоре Мария Медичи назначила Ришельё духовником Анны Австрийской. Еще через год, в ноябре 1616 г., состоялось его назначение на пост военного министра и министра иностранных дел.

Вряд ли можно говорить о каких-либо существенных достижениях Ришельё в области дипломатии и внешней политики за время его первого министерства; его деятельность военного министра была более эффективна. Это могло бы показаться странным, зная его дальнейшие успехи в сфере внешней политики.

Однако, учитывая обстоятельства того времени, скорее такое

положение вещей можно признать закономерностью. Представления Ришельё о международных отношениях сильно отличались от тех принципов, которыми руководствовалось правительство Марии Медичи; прежде всего это касалось отношений с Испанией.

Безусловно, епископ Люсонский не мог идти на прямой конфликт с королевой-матерью и кабинетом; к тому же это не дало бы никаких результатов, кроме смещения самого Ришельё. Оставаясь внешне лояльным, Арман в то же время не видел способов, которые могли бы улучшить существующее положение дел.

Происпанская позиция и пренебрежение независимостью и интересами Франции во внешней политике были не единственным недостатком правительства Марии Медичи. Финансы государства находились в плачевном состоянии; постоянно существовала опасность очередных мятежей и гражданской войны.

Казной государства фактически владел Кончини; он также позволял себе занимать на Совете место отсутствующего короля и вел себя так, словно являлся истинным главой государства.

Недовольство растет. Фаворита, чьи амбиции противоречат здравому смыслу, не желают больше терпеть; Людовик не намерен более быть ширмой для своей матери, правящей от его имени. 24 апреля 1617 г. Кончини убит, и в Лувре раздается крик: «Да здравствует король!» Епископ Люсонский получает приказ передать все дела своему преемнику – король не желает оставлять министра, назначенного регентшей.

На следующий день Арман видит безумную толпу, которая тащит выкопанное из могилы тело Кончини через весь город, чтобы повесить на установленной когда-то самим же фаворитом виселице, а затем разорвать на части. В Лувре делят должности. У дверей королевы-матери стоит охрана, назначенная королем. Элеонору арестовывают и обвиняют в колдовстве. Епископ Люсонский, виновный лишь в том, что был министром во время регентства, не знает, к чему готовиться.

Через несколько дней Мария Медичи сослана в Блуа. Ришельё следует за ней, а в Лувре место Кончини занимает фаворит короля Альбер де Люинь, чьи произвол и злоупотребления ни в чем не уступают порокам его предшественника. Впоследствии целый раздел своего «Политического завещания» Ришельё посвятит предупреждению о тех бедствиях, которые приносят государству временщики и фавориты.

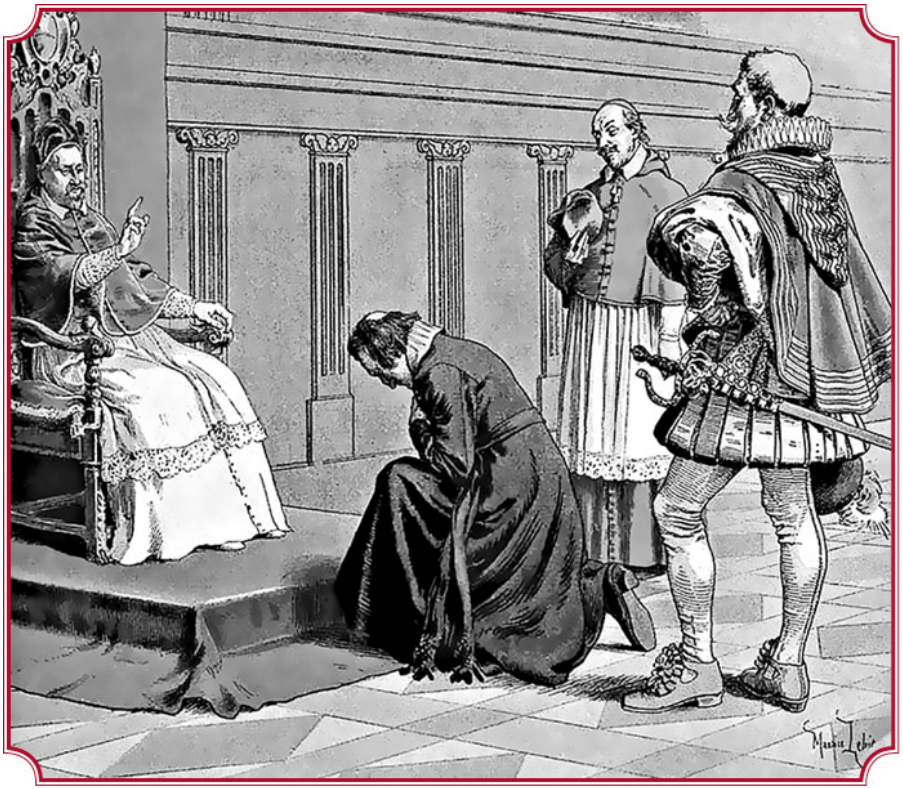
За время правления Людовика их будет немало: де Люинь,

мадемуазель де Отфор, Луиза де Лафайет, Анри де Сен-Мар; интриги каждого из них вредили государству и стоили немалых нервов и здоровья самому Ришельё.

Вскоре Арман уезжает в Люсон, который ему запрещается покидать без особого разрешения короля. Но и эта мера была сочтена слишком мягкой: в апреле 1618 г. его ссылают в Авиньон. Когда Павел V выражает французскому послу в Риме свое неодобрение по поводу удаления епископа из Люсона, ответом Папе становится перечисление каких-то немыслимых обвинений в адрес Ришельё.

Арман уже не надеется оправдаться. Он тяжело болен. Епископ пишет завещание, где просит похоронить его в Люсоне – в том самом кафедральном соборе. Он завещает основанной им в диоцезе семинарии свою библиотеку, небольшую сумму денег и просит прощения за то, что не может дать большего: больше у него ничего нет.

Но неожиданно следует приказ короля немедленно явиться в Ангулем к королеве-матери. Это известие возвращает Ришельё к жизни. Он сразу же выезжает из Авиньона, несмотря на снег и холод: ему не привыкать к таким дорогам, епископ Люсонский не избалован комфортом.



Морис Лелуар. На аудиенции у папы Павла V. *1910-е гг.*

Причиной столь внезапной перемены событий стал мятеж, поднятый Марией Медичи. Единственным человеком, способным образумить королеву и предотвратить гражданскую войну, казался Ришельё – и он успешно справляется с этой миссией. Мир между матерью и сыном – а значит, и мир в королевстве – восстановлен.

Опала снята, но положение Армана остается весьма неопределенным. Лишь после смерти де Люиня, который всеми силами препятствовал появлению Ришельё при дворе, епископ Люсонский был возведен в сан кардинала.

Между тем как внутренняя, так и внешняя политика Франции оставляли желать лучшего. Годы регентства, произвол временщиков, бездарные действия министров, беспорядок в делах и раздоры внутри Франции ослабили государство. Королевский совет в его нынешнем составе бессилен.

Королю был нужен человек, способный как-то найти выход из сложившейся ситуации. Единственно приемлемой кандидатурой кажется Ришельё, которого король не любил, долгое время не желал даже видеть.

Назначению Армана, помимо королевы-матери, активно содействовал и отец Жозеф, пользовавшийся уважением короля. 13 августа 1624 г. Арман де Ришельё становится первым министром Людовика XIII. Отношения между ним и королем всегда будут весьма непростыми.

В «Политическом завещании» Ришельё напишет впоследствии, характеризуя политическую обстановку во Франции, сложившуюся за время регентства и первых лет правления Людовика XIII: «Когда ваше величество соблаговолили призвать меня в свой Совет и доверили участие в управлении делами, могу удостоверить, что гугеноты разделяли с вами власть в государстве, дворяне вели себя так, словно не были вашими подданными, а губернаторы чувствовали себя суверенами своих земель…

Еще могу добавить, что союзы с иностранными государствами были в запущенном состоянии, а собственная корысть предпочиталась личной пользе»[17].

Одним из первых значительных успехов Ришельё во внешней политике можно назвать решение проблемы Вальтелины, бывшей причиной конфликта между империей Габсбургов и республикой гризонов (другое название – Граубюнден). Франция имела давние союзнические отношения с гризонами; однако со смертью Генриха IV союзники были оставлены без помощи.

Ришельё отправляет посольство с целью возобновления союза с Граубюнденом; в ноябре 1624 г. был заключен договор. Вместе с тем в Вальтелине, не без участия французских дипломатов, было поднято антигабсбургское восстание. Через несколько месяцев объединенные армии Франции и гризонов освобождают Вальтелину.

Проблема осложнялась наличием значительной части католического населения на этой территории, что давало Габсбургам основания требовать поддержки Рима.

Ришельё, в свою очередь, стремился убедить святой престол в недопустимости смешения религиозных и государственных интересов и отсутствии у кого-либо права использовать религию для достижения политических целей (это положение становится одним из основных как в политической программе кардинала, так и в его теоретической концепции).

С одной стороны, позиции Ришельё угрожала вероятность осложнения отношений с Римом; в то же время эта позиция была достаточно сильна с этической точки зрения: в отличие от Габсбургов, Франция не претендовала на Вальтелину, добиваясь лишь ее освобождения от испанского господства и восстановления суверенитета Граубюндена.

Ришельё удается все же – в значительной степени благодаря посредничеству отца Жозефа, лучшего дипломата Европы, – склонить на свою сторону Папу Урбана VIII; при этом Франция обязуется выступить гарантом обеспечения интересов католиков Вальтелины и соблюдения их прав протестантским Граубюнденом.

В 1626 г. Испания была вынуждена согласиться на условия, выдвигаемые Ришельё; стороны подписали договор, согласно которому испанские войска должны были покинуть Вальтелину, а Мадрид отказывался от дальнейших претензий на эту территорию.

Большинство историков высоко оценивают результаты, достигнутые Ришельё при решении этой проблемы. М. Кармона отмечает, что хотя «австрийский дом не был откровенно унижен исходом этого дела, но престиж Франции значительно возрос… Во внутренних отношениях благополучное завершение вальтелинского кризиса способствовало укреплению королевской власти»[18].

Однако Ришельё еще опасался вступать в открытый конфликт с Испанией, зная, что Французское государство не обладает достаточными ресурсами, зато имеет множество внутренних проблем, требующих решения. Внутренняя нестабильность была не меньшим препятствием к утверждению независимости и авторитета Франции в международных отношениях, чем империя Габсбургов.

То, что Ришельё не соглашается на заключение военного союза с Англией, направленного против Испании, приводит к ухудшению отношений с Англией. Одновременно в самой Франции готовится заговор против королевской власти, ставящий своей целью возведение на престол младшего брата Людовика XIII Гастона.

В число заговорщиков, помимо самого принца, входили Конде, маршал д'Орнано, вдова де Люиня герцогиня де Шеврез и Анна Австрийская. После устранения Людовика планировался брак между Анной и Гастоном.

Ришельё заговорщики рассматривали как главную помеху: по приказу кардинала, что-то подозревавшего, было возбуждено следствие. Считая, что убийство Ришельё может обезопасить их и воспрепятствовать преждевременному раскрытию их намерений, участники заговора принимают решение ликвидировать министра.

Кардинала спасает случайность: один из предполагаемых исполнителей, де Шале, проговаривается своему родственнику, намереваясь привлечь его к участию в заговоре; последний

отказывается и ставит в известность Ришельё.

Кардинал сообщает о заговоре Людовику XIII и вместе с тем просит об отставке, объясняя это слабым здоровьем. В ответ Людовик присылает собственноручно написанное письмо, где заверяет Ришельё в полном доверии к нему и невозможности обойтись без его помощи.

И что особенно важно: король обещает Арману свою защиту, заканчивая письмо уверениями в том, что кардиналу не следует более опасаться клеветы и злого умысла врагов. «Уверяю вас, что не изменю своего мнения и, кто бы ни выступил против вас, вы можете рассчитывать на меня».

Нельзя сказать, что Людовик ни разу не отступил от этого обещания. В реальности королевские гарантии выглядели менее надежно, чем на бумаге. У кардинала же, после того как заговор был раскрыт, впервые появляется личная охрана.

В 1627 г. английский флот захватывает остров Ре, где англичанам пытается противостоять лишь форт Сен-Мартен, находящийся в осаде. Возглавлявший английскую армию герцог Бэкингем стремится заручиться поддержкой муниципалитета и жителей Ла-Рошели, бывшей центром политической оппозиции герцога де Роана.

Анри де Роан планировал создание во Франции автономной «республики гугенотов», чьим главой он, безусловно, собирался стать. Как и в большинстве случаев, использование религиозных идей стало достаточно эффективным средством развязывания гражданской войны – к тому же эти идеи подкреплялись обещаниями политических и материальных выгод.

Деятельность де Роана была довольно успешной, и к началу второй четверти XVII в. часть протестантского населения страны, принадлежащего к его партии, образовывала так называемое «государство в государстве». Крупным центром оппозиции была Ла-Рошель.

В Лондоне, где основной целью было не допустить превращения Франции в сильную морскую державу, надеялись воспользоваться сложившейся нестабильной ситуацией. Муниципалитет Ла-Рошели, в свою очередь, требовал значительных привилегий для города от французского правительства, хотя ни одно из этих требований не имело оснований.

Наибольшие опасения вызвало намерение Ришельё установить контроль со стороны государства за доходами Ла-Рошели от морской торговли, до этого принадлежавшими только самому городу и не облагавшимися пошлинами.

Таким образом, основных причин конфликта было две:

первая – политическая – касалась руководства оппозиции, не желавшего признавать единую государственную власть и претендовавшего на роль самостоятельного правительства; вторая – экономическая, связанная с нежеланием буржуазии перечислять часть прибыли в казну государства.

Можно говорить о мятеже или гражданской войне, но не о войне религиозной: речь шла исключительно о возвращении земель, контролируемых де Роаном и его сторонниками, под суверенитет короля и о подавлении внутренней политической оппозиции.

Состояла ли эта оппозиция из гугенотов или католиков, существенного значения не имело. При этом часть «протестантских» городов отказала де Роану в поддержке.

В сентябре 1627 г. ларошельцы выступают против армии короля. На следующий же день в расположение частей прибывает Людовик XIII; начинается осада города. Тем временем продолжается и осада форта Сен-Мартен английскими войсками.

В форт удается доставить продовольствие; вскоре кардинал направляет туда и военное подкрепление. В ноябре армия Бэкингема, после нескольких неудачных попыток штурма, покидает Ре. Сен-Мартен, выдержавший три месяца блокады, становится одним из козырей Ришельё: гарнизон форта принимает участие в осаде Ла-Рошели со стороны моря.

Но город достаточно хорошо укреплен; попытки штурма ни к чему не приводят. Взятие города осуществимо лишь при полной блокаде. Однако только силами артиллерии закрыть порт невозможно.

Тогда Ришельё предлагает метод, который на первый взгляд казался почти безумной идеей. Аналогичный способ, впрочем, был использован почти за две тысячи лет до осады Ла-Рошели: в IV в. до н. э. Александр Македонский при осаде Тира произвел постройку дамбы от материка к острову шириной более 700 м. Именно этот опыт решился повторить и Ришельё.

Благодаря настойчивости кардинала и гению инженера Метезо, чей проект был выбран первым министром из нескольких представленных, к марту 1628 г. дамба была возведена и фарватер перекрыт. На орудиях королевской армии по приказу Ришельё была выгравирована надпись: «Ultima ratio regis»[19].

Английский флот, вышедший в мае 1628 г. к Ла-Рошели, безуспешно пытался уничтожить дамбу, поняв же безнадежность этого мероприятия, вернулся к берегам Англии.

Через несколько месяцев Лондон планировал вновь направить корабли к Ла-Рошели. В августе 1628 г. происходит очередное неожиданное событие – убийство фаворита Карла I.

Лорда Бэкингема любили в Англии не больше, чем Кончини или де Люиня во Франции, – и пуританин Фелтон, решивший оборвать жизнь грешника, исходил из соображений, состоявших в равной мере из религиозного фанатизма и личной обиды за отказ в повышении по службе.

Командование флотом переходит к лорду Линдсею. Однако и очередная экспедиция принесла Англии успеха не больше, чем предыдущая. Лондон оставляет дальнейшие попытки прорваться к Ла-Рошели. Запертым в городе мятежникам больше не на что рассчитывать.

К концу октября в Ла-Рошели съели последних крыс вместе с сорняками и конскими уздечками – и к кардиналу прибыли делегаты, направленные муниципалитетом города. Ришельё категоричен: полная капитуляция на условиях короля.

Сам же Людовик соглашается на условия первого министра: полное прощение мятежников, предоставление права свободы вероисповедания, продовольствие населению Ла-Рошели. Кардинал, пожалуй, был единственным в Совете, кто требовал полного помилования, – тем не менее король принимает его сторону. Впоследствии герцог де Роан перейдет на королевскую службу.

Взятие Ла-Рошели сыграло важную роль при подавлении политической оппозиции; однако партия де Роана (чьи войска окончательно разбиты в 1629 г.) была не единственным противником королевской власти.

Действия Ришельё при решении конфликта с мятежными гугенотами также вызвали очередные обвинения кардинала в пренебрежении интересами Католической Церкви и неоправданном попустительстве еретикам. Идея религиозной свободы, которую отстаивал Ришельё, нашла поддержку далеко не у всех католиков.

Первого министра награждают прозвищем «кардинал гугенотов», дополняя его другим: «кардинал от государства». Бесспорно, Ришельё никогда не делал различия между гражданами по религиозному признаку; но это вовсе не дает основания называть кардинала плохим католиком. Впоследствии положения, сходные с теми, что выдвигал Ришельё, будут официально приняты Католической Церковью.

Можно отметить, что к 1630 г. была решена одна из основных внутренних проблем Франции. Выдвигая идею единства по национальному и гражданскому признаку, Ришельё фактически добивается прекращения религиозных конфликтов, что влечет за собой дальнейшую невозможность использования конфессиональных различий аристократами, стремящимися к

независимости от королевской власти.

Очередные религиозно-политические конфликты во Франции возникнут уже после смерти Ришельё.

Основным противником создания централизованного государства, бывшего целью Ришельё, выступала французская аристократия. Помимо безусловного подчинения королевской власти, кардинал добивался также отмены тех привилегий дворянства, которые наносили ущерб другим сословиям и интересам государства.

Главным образом реформы Ришельё вызывали недовольство высшей знати; однако некоторые из них вызвали протесты и со стороны представителей основной массы дворянства. Прежде всего это касается эдикта 1626 г. о запрещении дуэлей.

Такие поединки неоднократно осуждались Церковью – в частности, Тридентским собором; во Франции еще в XVI в. против них принимались законодательные акты, однако все это не возымело почти никакого действия. Дворяне продолжали убивать и калечить друг друга с завидной регулярностью.

И если кардинал считал, что это – убийство, то знать считала убийство своей привилегией и делом чести. С точки зрения Ришельё, такая честь не многого стоила.

Не имея уже надежды на христианские чувства или хотя бы здравый смысл любителей поединков, кардинал объявляет дуэли тяжким преступлением, влекущим за собой весьма суровые санкции. Одним из возможных наказаний было лишение дуэлянтов дворянства, и эта мера подействовала чуть ли не в большей степени, чем смертная казнь.

В целом Ришельё стремился избегать смертных казней; но одно из громких дел о дуэлях все же завершилось вынесением смертного приговора и его исполнением. Обвиняемым был граф де Бутевиль, уже имевший на своем счету победы более чем в двадцати дуэлях.

Эдикт 1626 г., судя по всему, лишал его любимого времяпровождения; в мае 1627-го де Бутевиль, в знак протеста против эдикта, устраивает «показательную» дуэль на Королевской площади. В результате один из шести участников тяжело ранен, другой убит. Де Бутевиль пытался бежать из столицы, однако был арестован.

Королю и первому министру направлялись бесчисленные прошения о помиловании, но на этот раз все они были отклонены. 22 июня 1627 г. состоялась казнь де Бутевиля и его двоюродного брата, также участвовавшего в дуэли. «Смерть Бутевиля настолько потрясла общественное мнение, что Ришельё использовал всю мощь пропагандистской машины, чтобы

оправдать ее»[20],– пишет Р. Кнехт.

Особенности общественного мнения – или как минимум той части общества, что была настроена против первого министра, – весьма любопытны, учитывая, что речь шла о назначении наказания человеку, виновному по меньшей мере в десятке убийств, последнее из которых было совершено исключительно в демонстративных целях.

Количество жертв де Бутевиля потрясения не вызывало – в отличие от применения законной меры наказания, установленной королевским эдиктом.

Все же кардиналу не удалось добиться окончательного искоренения дуэлей, хотя и можно говорить об уменьшении их количества.

Другой известный эдикт, также изданный в 1626 г., имел своей целью лишение мятежной аристократии одного из важнейших преимуществ: возможности использовать городские укрепления и замки для противостояния королевской армии в случае вооруженных восстаний. Согласно эдикту, разрушению подлежали укрепления в городах и замках, кроме пограничных или имеющих стратегическое либо иное важное значение.

Анри Мотте. Кардинал Ришельё во время осады Ла-Рошели. *1881 г.*

Представители высшей аристократии стремились к сохранению своей политической независимости, объявляя себя равными королю – в духе феодальных традиций. Понимание кардиналом сущности государства полностью отличалось от того,

как представляли его себе гранды.

Аристократы не желали отказываться от обладания суверенитетом на своих территориях, права высшей юстиции, назначения должностных лиц, издания законов от своего имени (которые издавались в той же форме, что и королевские ордонансы и эдикты).

Деятельность Ришельё была направлена на упразднение этих привилегий. Интересно, что против одной из них, а именно: назначения духовных лиц, он выступал еще в Люсоне, отказываясь утверждать неподходящие кандидатуры священников, которые предлагали представители знати.

Через несколько лет после вступления в должность первого министра кардиналу удалось завоевать почти всеобщую ненависть высшей аристократии, что не могло не создавать определенной угрозы его положению. К тому же ухудшаются его отношения с королевой-матерью.

Мария Медичи считала, что, хотя бы в благодарность за ее поддержку, министр должен действовать в ее интересах, что означало постоянные уступки и французским грандам, и Мадриду, а в ряде вопросов – и ультрамонтанам[21]. Однако кардинал признавал лишь интересы Франции и ясно дал понять, что никто и ничто, кроме них, не может на него повлиять.

Какое-то время еще сохранялась видимость взаимного согласия; но уже в 1629 г. королева-мать открыто объявила войну Ришельё.

В 1630 г. тяжело заболевает Людовик XIII. Ожидая смертельного исхода, Гастон Орлеанский уже готовится занять трон: у короля все еще нет наследника. Анна Австрийская подтверждает свое согласие на брак с Гастоном, что также должно было способствовать укреплению его позиций после смерти короля.

Мария Медичи и Анна прилагают максимум усилий, чтобы добиться от Людовика отставки Ришельё: оставшись на своем посту после смерти короля, Арман представлял бы серьезную угрозу их планам. Но Людовик отказывается – более того, в качестве последней воли оставляет распоряжение Гастону не отстранять Ришельё от занимаемой должности.

Капитан мушкетеров де Тревиль получает приказ королевы-матери арестовать Ришельё сразу после смерти короля и застрелить в случае сопротивления.

Оговорка о сопротивлении ничего не значит; сюжет напоминает устранение Кончини. Фактически де Тревилю дается распоряжение убить кардинала. Гастон, безусловно, также не собирается выполнять волю Людовика. Ришельё об этих

приготовлениях ничего не знает.

Морис Лелуар. Мушкетеры. *1890-е гг.*

Но, неожиданно для всех, король выздоравливает. Противники Ришельё продолжают добиваться отстранения министра. В то время как обе королевы стремятся любым способом скомпрометировать кардинала в глазах короля, Ришельё по-прежнему сохраняет исключительную лояльность по отношению к ним. Вскоре конфликт достигает критической точки.

10 ноября 1630 г. Людовик приезжает к Марии Медичи в Люксембургский дворец. Ришельё, прибывшего следом, охрана отказывается впустить. Тогда кардинал берет на себя риск появиться без спроса. Как комендант дворца, он хорошо знаком с его планировкой.

Он проходит через часовню и проникает в покои королевы-матери, воспользовавшись потайной дверью. Эффект,

произведенный его неожиданным появлением, приводит к невероятному результату, которого король не мог добиться всю свою жизнь: на несколько мгновений Мария теряет дар речи.

Опомнившись, она устраивает безобразную сцену и, не стесняясь в выражениях, перемежая плохой французский с итальянскими ругательствами, обвиняет Ришельё во всех смертных грехах.

Под конец бурной речи королева-мать заявляет, что ноги ее не будет в Совете, пока там находится кардинал, и требует от короля выбрать между матерью и слугой.

Ришельё пребывает в глубоком шоке от происходящего, особенно от формы, в которой ее величество соблаговолила выразить свои мысли и эмоции. Людовик безуспешно пытается успокоить мать; наконец, приказывает кардиналу удалиться, а вскоре и сам уезжает в Версаль.

Мария Медичи празднует победу; двор спешит заверить ее в своей преданности. Падение министра очевидно; считают, что своим появлением в Люксембургском дворце он сам окончательно себя погубил. Его противники ждут многочисленных милостей от королевы-матери, а она уже планирует новый состав Совета.

Ришельё ждет ареста и уже склоняется к мысли покинуть столицу. Его отговаривает кардинал Ла Валетт. «Кто выходит из игры, тот ее проигрывает»; в разгар дискуссии прибывает гонец от короля с повелением кардиналу немедленно ехать в Версаль.

Арман подчиняется – в полной уверенности, что для него все кончено. Однако король встречает его с заверениями в своем полном расположении; одновременно Людовик отдает распоряжение об аресте сторонников Марии Медичи. «Я. больше обязан государству, чем матери», – скажет король.

Мария какое-то время еще пытается взять реванш; вскоре король отсылает ее в Компьен. В 1631 г. она бежит из Франции, в которую никогда уже не сможет вернуться. Мария Медичи умрет в Кёльне в 1642 г. Людовик отнесется к ее смерти равнодушно. Кардинал отслужит заупокойную мессу, прикажет оплатить все ее долги и получит взамен попугая, оставленного ему в наследство королевой-матерью.

С отъездом Марии Медичи из Франции заговоры не прекратились. Однако уже можно говорить как об укреплении положения Ришельё, так и об усилении королевской власти. Бесспорная поддержка королем политики Ришельё, ссылка и бегство королевы-матери, арест членов оппозиции и казнь некоторых из них – все это свидетельствовало о – быть может, и неполном, но все же – поражении аристократии.

Еще более очевидным это становится в 1632 г., после того как был подавлен мятеж, организованный Гастоном Орлеанским и герцогом де Монморанси.

Наряду с мятежами и заговорами не прекращается и «война перьев». Ришельё придавал большое значение общественному мнению и, соответственно, разъяснению и пропаганде политики правительства. В 1631 г. начинает выходить «Газетт» – первое официальное еженедельное издание.

До этого правительственную прессу представлял «Меркюр Франсе», имевший небольшой тираж и выходивший раз в год. «Меркюр Франсе» был основан при Генрихе IV и представлял собой сборник придворных новостей. Журнал мало подходил не только для идеологических, но даже и просто информационных целей.

«Газетт» же вполне справлялась с этими функциями. Иногда Ришельё сам предоставлял материалы для очередного номера.

В свою очередь, активно действовали и идеологи оппозиции. Матьё де Морг, один из наиболее известных памфлетистов на службе врагов Ришельё, описывал личность министра и его политику в самых черных красках. Де Морга возмущала борьба кардинала против гегемонии Габсбургов и союзы с протестантскими государствами, его независимость и нежелание поддаваться давлению со стороны грандов, его Академия.

Те же темы развивают и другие оппозиционно настроенные писатели: сопротивление Испании и Габсбургам – это действия против самой веры, запрет дискриминации протестантов – это тоже действие против веры, соблюдение интересов государства вместо интересов «святош» и Габсбургов – тоже преступление против истинной веры.

Правительственные памфлеты посвящены, соответственно, суверенитету государства, национальному единству, осуждению религиозных войн и конфликтов, разоблачению истинных мотивов действий оппозиции, прикрывающей заботой о Церкви и обществе собственные корыстные интересы, а также разъяснению того, что христианство – религия любви, а не насилия, и не следует объявлять войну туркам за то, что они исповедуют ислам, а тем более не следует призывать к новой Варфоломеевской ночи.

Эти увлекательные дискуссии длились в течение всего времени министерства Ришельё. Апологеты кардинала, безусловно, наделяли его почти неземными добродетелями и представляли его деятельность как состоящую исключительно из блистательных успехов; его противники не отставали и приписывали Ришельё нечеловеческие пороки и злодеяния, характеризуя при этом его политику как одно большое фиаско.

Отбросив все эти метафоры и мистификации, можно все же признать скорее правоту защитников кардинала, действительно действовавшего в интересах Франции и вполне соответствовавшего как своей государственной должности, так и духовному сану. Что тем не менее не превращало его в сверхъестественное существо и не гарантировало успеха во всем, включая невозможное.

Литературная жизнь Франции не ограничивалась творчеством памфлетистов и идеологическими баталиями. За время своего правления Ришельё немало сделал для развития французской культуры, науки и искусства.

Кардиналу обязана своим возрождением и дальнейшим существованием Сорбонна (он называл ее – «ma Sorbonne»); в 1635 г. он основал Французскую академию; покровительствовал многим художникам и поэтам, среди них – Малерб, Корнель, Филипп де Шампень, один из лучших французских портретистов XVII в., и многие другие.

Известны и несколько пьес самого Ришельё, написанные, как правило, в соавторстве (главным образом с Демаре). Среди них – «Мирам», «Европа», «Смирнский слепой».

После смерти Ришельё Людовик сразу же отменит одно из его нововведений – выплату пенсий писателям и поэтам, пояснив это весьма убедительно: «Нас это больше не касается». Один из поэтов[22] напишет эпитафию, повествующую о том, что мир с уходом Ришельё потерял много, но автор этих строк – еще больше, так как вместе с великим кардиналом похоронена и его (поэта) пенсия.

Немаловажным направлением политики Ришельё было развитие флота, торговли и внешнеэкономических связей.

Военный флот ко второй четверти XVII в. находился в плачевном состоянии: французское правительство располагало десятью галерами в Средиземном море; в портах Атлантического океана и Ла-Манша не было ни одного военного корабля. К 1635 г. деятельность первого министра дала неплохие результаты: Франция уже имела три эскадры на Атлантике и одну – на Средиземном море.

Развивалась и морская торговля. Здесь Ришельё стремился наладить прямые внешнеэкономические связи, что позволило бы обойтись без посредничества иностранных купцов и увеличить доходы от торговли. Помимо политических договоров с различными государствами, активно велись и переговоры с целью заключения торговых соглашений.

Ришельё вообще считал дипломатические отношения важнейшим элементом государственного правления; за время его

министерства было заключено 74 международных договора, среди них – один с Россией.

В Москву было отправлено посольство в конце двадцатых годов; обсуждались два вопроса: присоединение России к антигабсбургской коалиции и предоставление французским купцам права на сухопутный транзит в Персию.

По политическим вопросам сторонам удалось прийти к соглашению; торговые проблемы решались не столь удачно. Французским купцам было предоставлено право торговать в Москве, Новгороде и Архангельске; договориться же о транзите в Персию не удалось.

В сфере финансов и налогообложения Ришельё не удалось добиться значительных успехов. За время регентства финансовое положение Франции, оставлявшее желать лучшего и до этого, существенно ухудшилось. Ришельё выступал за снижение налогов, однако его позиция не нашла поддержки; а после вступления Франции в Тридцатилетнюю войну первый министр и сам был вынужден увеличивать размер налогов в связи с возросшими из-за войны расходами государства.

Осуществление некоторых его финансовых проектов могло бы, вероятно, дать неплохой результат, однако война сделала их реализацию невозможной.

Испанские и австрийские Габсбурги претендовали на мировое господство. Став первым министром, Ришельё весьма недвусмысленно дал понять, что отныне Франция становится не жертвой испанской гегемонии, а независимым государством с самостоятельной политикой. Испания решительно не желала мириться с такой позицией.

Ришельё старался избежать непосредственного участия Франции в войне до тех пор, пока это только было возможно, – хотя, вероятно, это промедление повлекло за собой ряд крупных потерь после начала военных действий. Кардинал желал мира – как политик, понимающий неподготовленность страны к войне и ее пагубные последствия, и как священник, – но именно он принимает решение об объявлении войны.

В сентябре 1634 г. шведско-германские войска терпят сокрушительное поражение при Нердлингене. Вскоре после этого несколько участников антигабсбургского союза – в первую очередь Саксония и Бранденбург – подписывают соглашения с Империей.

Швеция же была вынуждена вывести часть войск из Германии, так как необходимы были силы для охраны границы с Польшей, поскольку существовала вероятность нападения с этой стороны.

Март 1635 г.: испанские войска входят в Трир. Французский гарнизон уничтожен; правитель Трирской области, находящийся под покровительством Франции, взят под арест как пленник.

Апрель 1635 г.: Ришельё направляет Хуану Австрийскому официальный протест, требуя покинуть Трир и освободить курфюрста. Протест отклонен. Именно эти события и становятся последним аргументом в пользу необходимости открытого противостояния Испании.

Май 1635 г.: Европа получает возможность увидеть забытый церемониал, не использовавшийся уже пару веков, и узнать, что объявление войны и объявление войны Арманом де Ришельё – не одно и то же.

Из Парижа выезжают герольды в средневековом одеянии с гербами Франции и Наварры. Один из них вручает акт об объявлении войны Филиппу IV в Мадриде.

Другой герольд, Жан де Грасьоле, ранним утром 19 мая 1635 г. прибывает в Брюссель, где находится Хуан Австрийский. Герольда отказываются принять. Де Грасьоле безупречно исполняет свою миссию до конца. Одна бумага остается на площади перед домом губернатора. Другая – приколота к пограничному столбу. Франция вступает в войну.

На следующий день французская армия одерживает победу при Авене. Вскоре войска объединяются с голландской армией. Цель наступления – Брюссель.

Армия терпит неудачу по вине французского командования. Наступление приостановлено ради осады Лувена. Ришельё требует возобновить наступление, но время потеряно. Испанские войска, воспользовавшись бездействием противника, входят на территорию Голландии.

Принц Оранский, командующий голландской армией, бросает все силы на защиту Соединенных Провинций; к нему присоединяются и французы. Утрехт и Амстердам удается защитить, но армия полностью теряет боеспособность – не только из-за потерь, но также из-за отсутствия продовольствия и, как следствие этого, – дезертирства. Голландия помогает оставшимся солдатам вернуться морем во Францию.

«Достойно презрения государство, спокойно взирающее на то, как гибнут в нищете его войска», – скажет Ришельё Людовику.

1635 год удачи не принес. Надежно защищена лишь Вальтелина, где войсками командует герцог де Роан. Испанской и австрийской армиям не удается одержать верх ни силой, ни подкупом.

В ответ на предложение перейти на сторону противника бывший глава мятежников Анри де Роан отдает приказ повесить,

несмотря на дворянский титул, посланника испанцев – французского дворянина, принесшего это предложение. Метод казни послужил наглядной иллюстрацией тому, что изменники титулов не имеют.

В 1636 г. испанцы доходят до Корби – последней крепости на пути к Парижу. Осада Корби продлилась лишь девять дней. 15 августа 1636 г. крепость взята. Париж к обороне не готов. В городе начинается паника; многие бегут из столицы на юг.

Тогда же Гастон и граф Суассон планируют убийство Ришельё в королевской ставке в Амьене. Кардинала спасла нерешительность принца, струсившего в последний момент и не подавшего сигнала убийцам.

Вскоре королевской армии удалось отвоевать Корби; Париж не подвергся нападению.

Но возникает и другая проблема: вооруженные восстания внутри самой Франции, что было на руку противнику. Мятежи значительно ослабляли силы государства и армии, вынужденной вести боевые действия с внешним и внутренним врагом одновременно.

Наиболее крупными были восстания на юго-западе Франции в 1636–1637 гг. (так называемых кроканов) и в 1639 г. в Нормандии. Во всех случаях причиной стало увеличение размера налога. Значительную роль в организации мятежей сыграло французское дворянство, также недовольное ограничением своих налоговых привилегий. Кроканов поддерживала и часть духовенства.

Восстания были подавлены, однако нанесли Франции значительный урон.

В 1636 г., после смерти в Вене императора Фердинанда II, были предприняты попытки созыва мирного конгресса. Новый император, Фердинанд III, отличался большей веротерпимостью, чем его отец, и, возможно, большей независимостью от Мадрида. Но планы Ришельё были сорваны Римом, где идею о переговорах с «еретиками» встретили резко отрицательно. К еретикам, очевидно, Урбан VIII косвенным образом относил и Ришельё, действовавшего заодно с протестантами против Габсбургов.

В конце 1637 г. были обнаружены тайные сношения Анны Австрийской с Мадридом и Брюсселем. После проведения тщательного расследования Ришельё сообщает королеве, что ее антигосударственная деятельность раскрыта. По настоянию кардинала Анна сама признается Людовику в государственной измене.

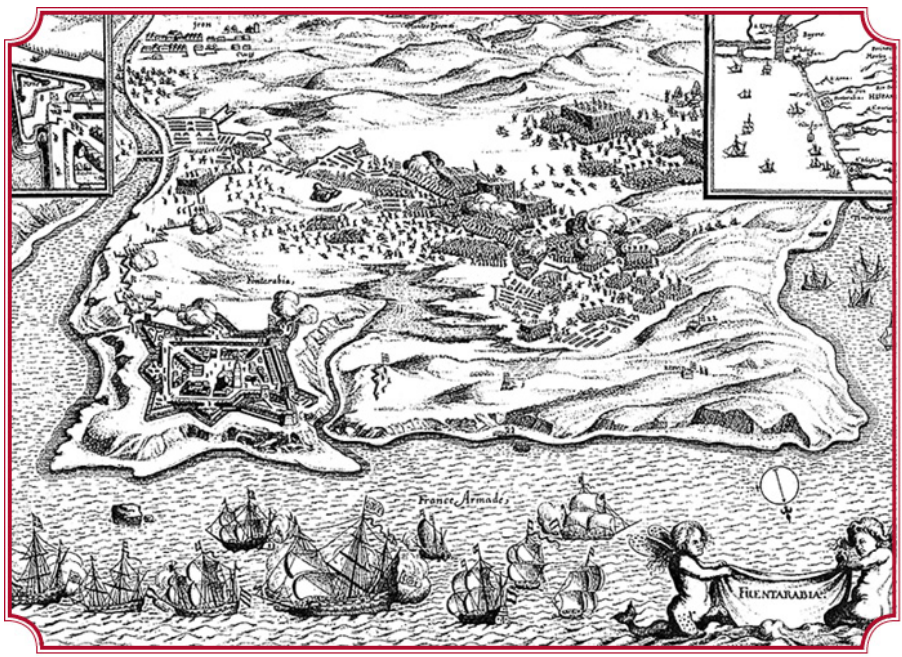
Король, узнав о предательстве жены, готов принять самые суровые меры, но кардинал спасает Анну от развода и заточения

в монастырь, объясняя Людовику, что расторжение брака вызовет скандал в Европе и вряд ли будет утверждено Папой. Очередное обострение отношений с Римом не пошло бы Франции на пользу.

Память о заступничестве Ришельё не помешает королеве интриговать против первого министра в дальнейшем.

Тот же 1637 г. был отмечен очередными заговорами против первого министра. Заговорщикам почти что удалось убедить Людовика избавиться от Ришельё, но в конце концов король уверился в несостоятельности их обвинений в адрес кардинала. Как пишет Ф. Эрланжер, «ни один человек в истории не вел свое дело в окружении стольких опасностей.

Противостоя первой державе мира, Ришельё должен был остерегаться королевской семьи, фаворитов, духовников из дворца Рамбуйе, заговорщиков из Седана, Брюсселя и Лондона»[23].



Поражение французов при Фонтараби. *Гравюра. XVII в.*

В следующем году происходит важное событие, не имеющее отношения к войне: 5 сентября 1638 г. родился будущий Людовик XIV. Судьба династии уже не вызывает столь серьезных опасений, как раньше.

Через несколько дней радость, вызванная рождением дофина, была омрачена известием о разгроме французской армии при Фонтараби. Командующий армией принц Конде бежал с поля боя.

Война затянулась на гораздо больший срок, чем того ожидал первый министр, да и многие другие, включая испанцев. Францию преследуют военные неудачи. «С 1635 года шла война, потому что кардинал Ришельё хотел ее; и похоже на то, что он ее желал для того, чтобы сделаться необходимым», – в присущей ему ядовитой манере заявит Вольтер. Кардинал дал ответ столетием раньше: «Боль Фонтараби убивает меня».

Дальнейший ход войны во многом зависел от судьбы Брейзаха – сражение за него назовут одним из центральных событий Тридцатилетней войны. Осада длилась более полугода; к началу декабря 1638 г. «крепость Брейзах на Верхнем Рейне», имевшая огромное стратегическое значение, еще не взята.

В декабре 1638 г. в загородном замке Рюэль, недалеко от Парижа, умер отец Жозеф, бывший лучшим другом и помощником кардинала на протяжении более двух десятков лет; «eminence grise» (серый кардинал (*фр.*)), так и не сменивший облачение капуцина на кардинальскую мантию; блестящий дипломат и проповедник.

Последнее, что беспокоило его, – взятие Брейзаха, от которого зависело дальнейшее развитие событий. Ришельё скажет ему: «Отец Жозеф! Брейзах наш!» Обман кардинала позволит капуцину умереть со спокойной душой. Известие о взятии Брейзаха придет в Париж через несколько дней после его смерти, 24 декабря.

Совпало так, что крепость была взята 18 декабря 1638 г., когда никто еще во Франции, включая и Ришельё, об этом не знал. И хотя до установления мира в Европе было еще далеко, ситуация все же меняется в пользу Франции.

В 1642 г. был раскрыт последний за правление Людовика XIII крупный заговор против существующей власти. Одним из организаторов был фаворит короля Анри де Сен-Мар.

Главный шталмейстер, получивший в 20 лет должность, не соответствовавшую ни его возрасту, ни заслугам – все его заслуги сводились к известного рода отношениям с королем, – Сен-Мар решил, что вполне заработал за свои старания и место первого министра. Рождается очередной заговор, в котором, помимо самого Сен-Мара и еще нескольких дворян, примут участие брат короля Гастон и королева Анна Австрийская.

Был составлен проект тайного договора с Испанией; впоследствии договор о военной помощи Мадрида руководителям заговора был подписан испанским королем. Гастон, судя по всему, рассчитывал не только расправиться с министром, но и занять трон: в документе было указано, что как глава нового правительства он обязуется разорвать отношения с союзными

государствами. В целом речь шла о поддержке вторжения испанской армии во Францию.

Вместе с этим заговорщики пытаются получить согласие короля, ничего не знающего об их тайных сношениях с Мадридом, на физическое устранение Ришельё. И Людовик XIII, названный Справедливым, когда его двадцатилетний любовник намекнет: а не убить ли нам первого министра, вяло ответит: «Он священник и кардинал, я буду отлучен от Церкви».

Единственная веская причина отказаться и истинно королевская награда за восемнадцать лет, отданных государству.

Заговор был раскрыт; заговорщиков выдала Анна Австрийская, испугавшаяся очередного разоблачения. Испания вновь терпит поражение на «невидимом фронте»; вслед за этим французская эскадра разбивает испанский флот на Средиземном море.

Ришельё не дожил до окончания Тридцатилетней войны – но победой в этой войне Франция во многом обязана ему, и «как в Вестфальском (1648), так и в Пиренейском (1659) мирных договорах, установивших новую систему международных отношений, есть немалый его вклад»[24]. В основном благодаря его политике была предотвращена угроза испано-австрийской гегемонии в Европе.

Арман де Ришельё умер 4 декабря 1642 г. В течение последующих трехсот с лишним лет кардиналу будут предъявлять на редкость противоречивые обвинения. Монтескьё, Вольтер, якобинцы, многие историки объявят его деспотом и тираном. Аристократия назовет виновником революции, случившейся через полтора века после его смерти.

Виктор Гюго создаст образ закулисного злодея, Дюма-отец и Георг Борн сочинят невероятную историю любви министра к супруге короля. Негативной оценки не получит разве что основание кардиналом Французской академии – хотя при жизни министра Матьё де Морг и называл ее «птичником Сапфо».

Излишне пояснять, что литературный образ Ришельё – как и иных действующих лиц той эпохи – не имеет ничего общего с реальным прототипом. Вряд ли Дюма, всерьез считавший, что Мари де Комбале и герцогиня д'Эгийон – две разные женщины, или де Виньи, чей Людовик XIII почему-то падает в обморок при виде государственных бумаг, мирно лежащих на столе[25], имели хотя бы смутное представление о личности первого министра и реальных исторических событиях.

Но вместе с тем оценка, данная литераторами кардиналу, является показателем отношения к его политическим идеям определенных социальных кругов. Прежде всего это отрицание

авторитарного государства французской аристократией – в этом отношении весьма показательно мнение де Виньи.

С его точки зрения, причиной всех несчастий Франции является то, что Ришельё отстранил от власти знать, лишил ее феодальных привилегий, в результате чего произошло возвышение третьего сословия, приведшее впоследствии к буржуазной революции. На самом деле причины, повлекшие за собой революцию, следует искать скорее в правлении не Людовика XIII, а его потомков.

Уже принципы правления Людовика XIV полностью противоречат политической программе Ришельё: возникает произвол королевской власти, рост злоупотреблений со стороны представителей аристократии, обострение социальных конфликтов, ограничение религиозной свободы.

Оценки историков также во многом зависят от их политической позиции. Однако всеми исследователями признаются основные результаты политики Ришельё (при разном к ним отношении).

Такими результатами является создание централизованного национального государства, приоритет государственного интереса над сословным и корпоративным, разделение светской и религиозной сфер, подчинение всех без исключения сословий и социальных групп единой власти и закону, возникновение сильного административного аппарата, подчинение провинций центру.

Политика Ришельё способствовала развитию дипломатических отношений и международной торговли. Главным внешнеполитическим достижением можно признать поражение Габсбургов.

В то же время кардиналу не удалось добиться той гармонии в общественных отношениях, к установлению которой он стремился; социальной нестабильности также способствовала война и жесткая налоговая политика государства. Не получили решения и финансовые вопросы.

«Мемуары» Ришельё впервые были изданы в 1823 г. Некоторое время их подлинность не вызывала сомнения; дискуссии по этому поводу начались несколько позже, после того как были опубликованы результаты исследований Авенеля. Он полагал, что «Мемуары» представляют собой собрание различных документов эпохи, которое было составлено при жизни Ришельё и под его руководством.

В XX в. было осуществлено новое издание «Мемуаров»; в период между 1907 и 1931 г. вышли десять томов, последний из которых содержал описание событий 1629 г. Также появились

новые исследования вопроса их подлинности, выводы которых далеко не всегда совпадали.

Анри Пуанкаре в своей речи на заседании Общества истории Франции[26], говоря о необходимости нового издания «Мемуаров», отметил, что данный труд не является мемуарами в современном понимании этого слова: работа представляет собой собрание важных документов различного происхождения; не обязательно, что материалы были отредактированы самим Ришельё или даже его секретарями.

Напротив, Робер Лаволле полагал, что, хотя в рукописях «Мемуаров» фактически не содержится собственных пометок Ришельё, окончательная редакция осуществлялась самим кардиналом, который не мог, по мнению исследователя, не интересоваться тем, какую окончательную форму будет иметь труд, посвященный его политике.

Совершенно иной была точка зрения Луи Баттифоля, полагавшего, что Ришельё не имеет никакого отношения к составлению «Мемуаров»[27].

Вскоре в статье П. Бертрана «Подлинные и фальшивые мемуары кардинала де Ришельё»[28] был сделан вывод, являвшийся компромиссным по отношению к двум противоположным точкам зрения различных исследователей, одни из которых считали, что «Мемуары» были составлены после смерти кардинала, другие же настаивали, что редакция была полностью осуществлена при жизни Ришельё и – в значительной части – им самим. Бертран полагал, что при жизни кардинала был отредактирован текст, содержащий описание событий 1624–1630 гг.

Не останавливаясь на подробном описании дальнейших дискуссий, представляется необходимым добавить еще два мнения.

В предисловии к шестому тому «Мемуаров» Габриэль Аното высказал мнение о том, что споры о подлинности «Мемуаров» возникли из-за неверного понимания значения этого слова для той эпохи, когда возник труд, о котором идет речь. Современное значение слова «мемуары» возникло лишь в XVIII в.; в XVII же под ним понимали сборники документов, имевших отношение к деятельности какого-либо лица.

Ришельё собирал документы с целью составить некий труд, посвященный истории его времени, но не намеревался дать ему название «Мемуары». Этот титул появился лишь в XIX в. по инициативе издателя. На наш взгляд, теория Аното является наиболее убедительной.

Три года спустя, в 1928 г., появилась статья М. Делоша

«Подлинные мемуары кардинала де Ришельё»[29]. Он считал, что Ришельё осуществил редакцию частей, относящихся к 1600–1610 и 1620–1623 гг., и что подлинными «Мемуарами» можно считать тексты, датируемые периодом до 1623 г.

В целом на основании вышеизложенных концепций, несмотря на их видимую противоречивость, можно сделать некоторые выводы. Прежде всего следует учесть высказанное Аното замечание о значении термина «мемуары» и о том, что это название было дано вышеуказанной работе лишь ее издателем в XIX в.

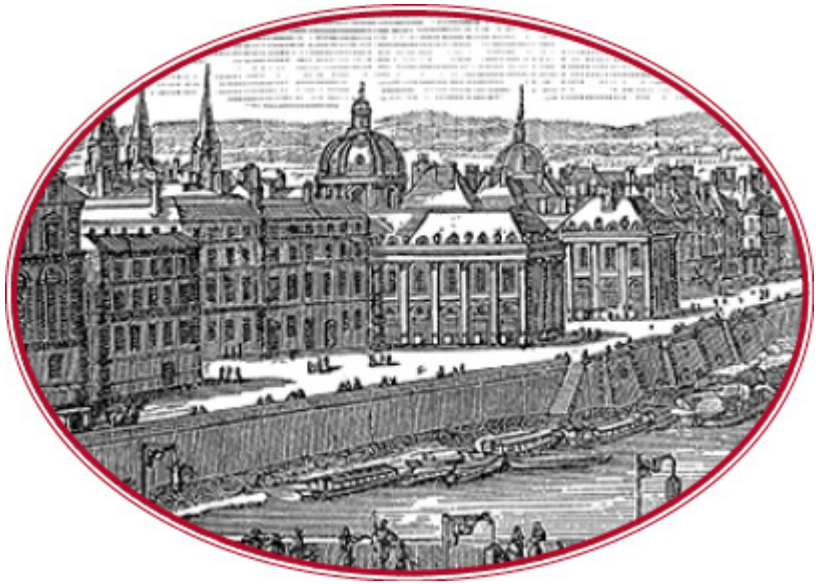
Ришельё, возможно, и не писал всего текста «Мемуаров», а отобрал для него материалы, над которыми трудились его секретари. Однако текст содержит документы, составленные им лично, в частности, его речь на заседании Генеральных Штатов 1614 г.

Об этом можно судить уже хотя бы по тому, что Ришельё, вскоре после закрытия Штатов, отдал в одно из парижских издательств текст этого выступления, снабженный его собственными примечаниями.

Сложнее обстоит дело с вопросом редактирования, который нельзя признать окончательно решенным. Вероятно, часть документов была собрана и объединена уже после его смерти. Однако так и не установлено окончательно, кем и когда были составлены и отредактированы различные части «Мемуаров».

Бесспорно, данный труд является ценнейшим документом эпохи, отражающим различные события и содержащим важные исторические материалы.

Екатерина Городилина



К читателю[30]

Великий Вуатюр оставил нам поразительное определение услуг, оказанных Ришельё Франции: «Когда, два столетия спустя, те, что придут после нас, прочтут о том, что кардинал Ришельё разрушил Ла-Рошель и покончил с ересью, о том, что одним-единственным договором он подчинил Франции тридцать или сорок городов; когда они узнают о том, что в годы его всесилия были разбиты и изгнаны англичане, завоеван Пиньероль, спасен Казаль, присоединена к французской короне вся Лотарингия, большая часть Эльзаса, испанцы потерпели поражение при Вейяне и Авене; когда они убедятся в том, что, когда он стоял у кормила власти, Франция победоносно завоевыв ала крепости и побеждала в битвах, и, если к тому же в них будет течь еще хоть несколько капель французской крови, останется хоть немного любви к своей стране, – разве смогут они прочесть обо всем этом, не испытав чувства преклонения перед ним?»

В 1647 году Корнель, по случаю своего приема в члены Академии, восславил великого кардинала: «Даже если бы мне было известно об Академии лишь то, что она основана покойным кардиналом – гением, чьи деяния велики, то я был бы самым неразумным из смертных, не испытывая к вам исключительного почитания, не видя, что той же рукой, которой этот чудотворец подрывал основы испанской монархии, он соблаговолил заложить основы вашего учреждения и доверить вашим заботам чистоту языка, который он желал сделать услышанным и главенствующим

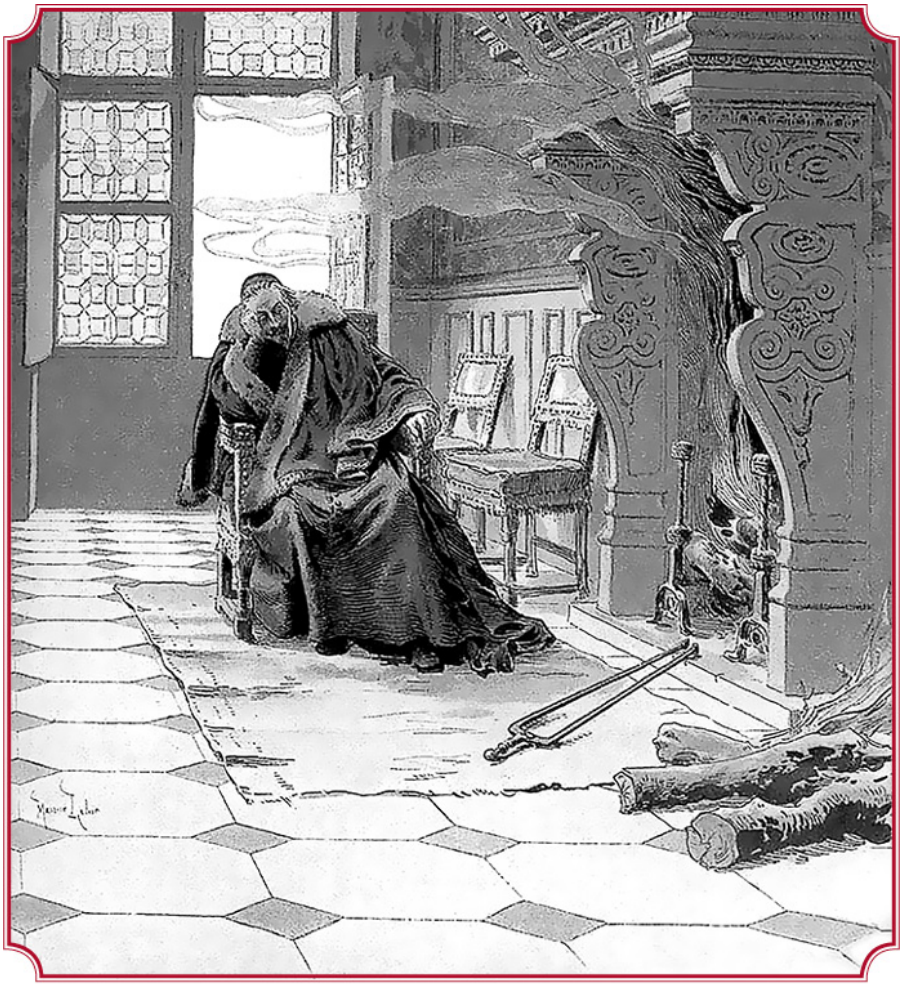
во всей Европе».

В XVIII веке еще сохранялся обычай, следуя которому вступающие в Академию непременно славили «великого Армана». Однако, после того как едва не унесенная бурей революции Академия была восстановлена Людовиком XVIII, эта традиция была предана забвению.

Негативные черты этого великого сына Франции были с романтическим преувеличением описаны Виктором Гюго, Альфредом де Виньи и Александром Дюма. К несчастью, в какой-то мере по произведениям этих писателей молодежь открывает для себя Историю Франции.

Кардинал отнюдь не зловещий персонаж, каким его представляют поэты и романисты, он гениальный политик и полководец, восемнадцать лет своей жизни трудившийся во славу Королевства и открывший дорогу веку Людовика XIV. Впрочем, уже Людовик XIII признает: «Никто так не послужил Франции, как он».

Издатель



Морис Лелуар. Ришельё в Люсоне. *1910-е гг.*

Краткая хронология событий

1585: Рождение в Париже Армана Жана дю Плесси, будущего кардинала Ришельё.

1606: Генрих IV назначает Ришельё епископом в Люсоне.

1609: Дело о наследовании герцогств Клевского и Жюлье. Союз Генриха IV с немецкими принцами-протестантами.

1611: Воцарение Густава-Адольфа в Швеции.

1614: Ришельё назначен депутатом от духовенства Пуату в Генеральных Штатах.

25 ноября 1616 г. По рекомендации Марии Медичи Ришельё, став ее советником, назначается на пост военного министра и министра иностранных дел.

1617: Убийство Кончини. Ришельё вместе с Марией Медичи в изгнании в Блуа, затем в Авиньоне.

Апрель 1619 г.: Ришельё призван Альбером де Люинем для ведения переговоров о примирении Людовика XIII со своей матерью. Он подписывает Ангулемский мирный договор: Мария Медичи получает в управление Анжу.

Август 1620 г.: Ришельё подписывает Анжерский мирный договор, подтверждающий условия предыдущего договора.

5 сентября 1622 г.: Ришельё возведен в сан кардинала.

1624: Проблема Вальтелины, находящейся под властью протестантов и занятой сторонниками Папы. Ришельё приказывает занять Вальтелину, но она остается в руках папских сторонников. Он опасается франко-испанской коалиции против Англии и французских протестантов. Протестанты обращаются за помощью к Карлу I.

Апрель: Ришельё становится членом Королевского совета.

1625: Брак между Генриеттой Французской и английским королем Карлом I.

1626: Ришельё восстанавливает флот в Ла-Рошели в ответ на укрепление там англичан. Назначен ректором Университета, суперинтендантом судоходства и торговли. Пользуется доверием Короля.

Ришельё принимается за создание крупных монопольных компаний: «Компания Морбиан» в 1625–1626 годах, «Сто компаньонов» в 1627 году, «Компания американских островов» в 1635 году, «Восточная Компания» в 1642 году. Закладывает основы французской колониальной империи.

Февраль: Ришельё подписывает эдикт против дуэлей, стремясь к примирению со своими противниками (дворянами).

Автор хронологии дает неверную оценку. Эдикт о дуэлях не встретил поддержки со стороны дворян (равно как и предшествующие запреты поединков).

Ришельё хорошо знал, что данные меры не прибавят ему популярности у второго сословия. Основных мотивов издания эдикта было два. Во-первых, моральный и религиозный: дуэли неоднократно осуждались Церковью, однако этот запрет регулярно нарушался.

С точки зрения христианской морали, дуэль является не чем иным, как преступлением против жизни и здоровья другого человека. Такова была мотивация Ришельё как священника.

Второй важный аспект — государственный. С политической точки зрения, дуэли представляют собой одну из форм частного возмездия (или частного правосудия).

Подобная форма защиты своих прав возникла в догосударственном состоянии социума. (Еще Джон Локк (1632—1704) полагал, что основным содержанием общественного договора о создании государства является отказ граждан от частного возмездия и передача защиты своих прав и правосудия в руки государства.)

С возникновением государства и появлением публичного права и государственных судебных систем неизбежно возникает конфликт между ними и частным возмездием.

Однако отношение к последнему различно на разных этапах государственного развития. Вначале государство контролирует осуществление частного возмездия, не отменяя его, а стремясь к урегулированию порядка его осуществления. (Так, Русская Правда устанавливала нормы, регулирующие реализацию кровной мести: институт кровной мести сохранялся, но законодатель ограничивал круг лиц, имевших право ее осуществления.)

В процессе развития государственного устройства расширялась соответственно и сфера исключительной юрисдикции государства.

Для создания централизованного государства (что и было одной из основных целей политики Ришельё) необходима полная замена частного возмездия государственным правосудием.

1627: Отрезает Ла-Рошель от англичан и принуждает протестантов к сдаче.

1628: Падение Ла-Рошели позволяет Ришельё более активно действовать в Германии.

1629: Примиряет шведского короля Густава-Адольфа с польским королем Сигизмундом Вазой: Альтмаркское перемирие.

6 марта: Армия Людовика XIII преодолевает Сузский перевал.

28 июня: Аллесский мирный договор, дарующий прощение протестантам: те получают свободу вероисповедания, но лишаются военных гарантий. Ришельё заключает союзы с немецкими протестантами против католической Испании и австрийских Габсбургов.

Декабрь: Взятие Пиньероля французами, которые поддерживают Шарля де Невера в деле Мантуи и Монферрата. Католическая партия во главе с Мишелем де Марийаком выступает против антииспанской политики. Гастон Орлеанский, Анна Австрийская и Мария Медичи поддерживают эту партию.

10 ноября 1630 г.: «День одураченных». Мария Медичи покидает Францию. Мишель де Марийак впадает в немилость, его брат, маршал Луи де Марийак, казнен в 1632 году.

Битва при Рокруа. *Гравюра. XVII в.*

19 мая 1643 г., в ходе Тридцатилетней войны, возле города Рокруа в Арденнах сошлись примерно равные силы французов, под командованием принца Конде, и испанцев, которых возглавлял вице-король испанских Нидерландов Франсиско де Мело.

Битва закончилась убедительной победой французской армии. Многие историки считают битву при Рокруа началом упадка Испанской империи Габсбургов.

1631: Кардинал стремится подавить мятежи, усиливая власть судебных чиновников и воздействуя на общественное мнение (создание «Газетт» в 1631 году Теофрастом Ренодо).

Январь: Вспыхивают мятежи знати: Гастона Орлеанского в 1631 году в Лотарингии, Генриха II де Монморанси в 1632 году (потерпит поражение 1 сентября 1632 года в Кастельнодари), графа Суассонского в 1636 году (сбежит за границу), Сен-Мара в 1642 году (будет казнен в сентябре 1642 года).

23 января: Ришельё объединяется со шведским королем

против Императора Священной Римской империи. Франко-шведский договор в Барвальде. Франция оказывает финансовую помощь Швеции, с тем чтобы та вмешалась в события в Германии.

Весна: Франко-баварские договоры в Мюнхене и в Фонтенбло. Архиепископ Трира принимает покровительство Франции.

2 июля: Договор в Чераско. Франция сохраняет Пиньероль. Шарль де Гонзаг Невер добивается подтверждения своих прав на Мантую и Монферрат.

6 января 1632 г.: Франко-Лотарингский договор в Вике с последовавшим за ним 26 июня Ливерденским договором.

16 ноября 1632 г.: В Лютцене убит Густав-Адольф.

Апрель 1633 г.: Возобновление франко-шведского союза.

Осень 1634 г.: Французы возвращают себе крепости Эльзаса, занятые прежде шведами.

1635: Начало мятежей, вызванных повышением налогов (кроканов – в Перигоре в 1635 году, кроканов – в Лимузене и Пуату в 1636 году, босяков – в Нормандии в 1639 году).

Ришельё основывает Французскую Академию, возводит Сорбонну и кардинальский дворец (ныне Пале-Руаяль).

8 февраля: Договор между Францией и Объединенными Провинциями.

28 апреля: Компьенский договор между Францией и Швецией.

19 мая: Франция объявляет войну Испании после похищения Филиппа де Сотерна, курфюрста Трира.

Октябрь: Ришельё оставляет Бернарду Саксон-Веймарскому Эльзасское ландграфство.

1636: Испанцы овладевают Корби. Солдаты Императора остановлены под Сен-Жан-де-Лон. Франция подписывает со Швецией Висмарский договор.

1637: Французы лишаются Вальтелины.

15 марта 1638 г.: Д'Аво и Сальвьюс подписывают Гамбургский договор – о франко-шведском оборонительном и наступательном союзе.

17 декабря 1638 г.: Бернард Саксон-Веймарский захватывает Брейзах. Испанские Нидерланды изолированы.

1639: Смерть Бернарда Саксонско-Веймарского, чья армия переходит под командование Гебриана.

1640: Мятеж в Каталонии. Независимость Португалии. Хуан IV Браганский становится союзником Франции. Взятие Арраса французами.

1641: Испания подстрекает заговорщиков во Франции. Граф Суассонский убит в битве при Марфе.

29 марта: Сен-Жерменский договор. Мирные переговоры с Карлом IV Лотарингским. Герцог восстанавливает власть

Франции в Лотарингии и в Барруа. Франция оставляет за собой до заключения мира Нанси.

24 июля: Перемирие между Фредериком-Гийомом Бранденбургским, Швецией и Францией.

1642: Французы берут Перпиньян и захватывают Руссильон. Заговор Сен-Мара.

4 декабря: Смерть Ришельё. Франция занимает часть провинций, которые будут ей уступлены в 1648 году по Вестфальским договорам.

19 мая 1643: Победа французов при Рокруа над испанскими отборными войсками несколько дней спустя после смерти Людовика XIII.

1644: Конде и Тюренн овладевают Фрибургом-в-Брисгау.

1 марта: Гаагский договор между Францией и Швецией.

4 декабря: Официальное открытие Мюнстерского конгресса.

1645: После поражения в Мариентале Тюрен вместе с Конде побеждают в Нёрдлингене.

1646: Копенгагенский франко-датский договор.

Бавария захвачена войсками Тюренна и Врангеля. Поражение французов в Тоскане.

Июнь 1647 г.: Поражение Конде под Лерида.

Лето 1648 г.: Тюренн и Врангель – победители в Сюсмархаузене – идут брать Вену.

20 августа: Победа Конде в Ленсе над эрцгерцогом Леопольдом.

16 сентября: Бавария подписывает предварительные условия мира.

24 октября: Подписание договоров в Мюнстере и Оснабрюке.

Том I

Я бодрствую ночами, дабы другие могли спать под сенью моих бдений.

Ришельё[31]

1600–1610

В 1600 году великий король Генрих, достойный жить столько же, сколько была жива его слава, укрепив на своей главе корону, принеся государству успокоение, смирившись перед чаяниями и нуждами своего народа, имевшего на него огромное влияние, после многих побед, одержанных над врагами отечества, решил, что настала очередь и ему покориться законам природы и вступить в брак, дабы оставить государству наследников своей короны и добродетели.

В поисках подруги под стать своей славе он окинул взором всю Европу и, не пропустив ни единого уголка, где бы мог отыскаться предмет его мечтаний, остановился на Флоренции, где жила та, существование которой делало дальнейшие его поиски бессмысленными.

Местная принцесса, внучка Императора по матери, а по отцовской линии из рода, давшего миру многих знаменитостей и государственных мужей[32], тронула его душу, к тому же у нее была безупречная репутация. Цветущая дева обладала самыми зрелыми добродетелями: казалось, Господь создал ее настолько совершенной, что искусство, завидующее природе, едва ли смогло бы добавить хоть что-то к ее достоинствам.

Любовь, как известно, не терпит проволочек, и монарх тотчас отправляет к ней гонцов, чтобы предложить ей свою корону. Господь, который часто создает браки на небесах, задолго до того, как об этом узнают на земле, делает так, что принцесса, которая уже отвергла императорскую корону[33], с радостью принимает корону, предложенную Генрихом, показывая тем самым, сколь важны для нее заслуги самого человека, а не его положение, а также то, что муж исключительных качеств, пусть и не слишком родовитый, превосходит самого знатного из смертных.

Стоило г-ну де Сийери, канцлеру Франции, взяться за подготовку брачного контракта, как тот уже был заключен и вступил в силу во Флоренции на основании королевской доверенности, переданной герцогом де Бельгардом великому герцогу[34], при соблюдении всех почестей, полагающихся столь родовитым особам, вступающим в брак.

И вот уже готовится отъезд принцессы, она покидает родные места: ее отвага, удача и стремление к счастью оказываются сильнее моря и ветра, стремящихся удержать ее.

Она прибывает в Марсель, где убеждается в том, что сердца

французов открыты для нее так же, как и сама Франция.

По настоятельным просьбам своего нетерпеливого жениха, принцесса не задерживается в Марселе и следует в Лион, где государь – подлинный лев на войне и агнец в мирное время – встречает ее с неописуемой радостью и любовью, равными почтению, питаемому ею к нему.

Желая сперва украдкой взглянуть на нее, король скрывается в толпе, но то, что таится в сердце, попадает туда через глаза: любовь, которую небо заронило в ее сердце, безошибочно указывает ей на него.

Всевышний, истинный творец этого брака, так соединил их сердца, что с самого начала они жили в полном доверии друг к другу, будто всегда были вместе.

Двор восхищался ею и прославлял ту, что была призвана осчастливить Францию, которая предвидела, что принцесса несет ей с собой высшее благословение.

Мирный договор, заключенный в это же самое время с герцогом Савойским[35], был воспринят как доброе предзнаменование.

Она прибыла в Париж – столицу великого королевства, в знак восхищения отдавшего ей свое сердце.

Уже в первый год ее жизни во Франции Господь, благословляя сей брак, одарил ее сыном, что вовсе не было знамением бури, а, напротив, признаком того, что каждый испытает на себе умиротворяющее присутствие королевы.

Год спустя, родив дочку, она дает Франции возможность со временем укрепить себя брачными узами.

Вслед за тем, желая одарить королевство таким же количеством принцев и принцесс, сколько лилий в его гербе[36], Господь подарил ей трех сыновей и трех дочерей.

Король выказывает ей свою привязанность, она ему свою.

Однажды королевская чета направлялась в Сен-Жермен, и при переправе на пароме неловкий кучер опрокинул их в реку, причем карета свалилась с парома той стороной, где сидела Королева: не избежать бы ей верной гибели, если бы не господин де Ла Шатенрэ, который тут же бросился в воду и вытащил ее за волосы. Но и этот случай оказался исключительно счастливым – ведь все убедились, что даже река, чуть было не поглотившая Королеву, не смогла погасить ее горячего чувства к Королю, о судьбе которого она справилась, стоило ей прийти в себя.

Поскольку главным для нее было нравиться Королю, она приучилась быть терпеливой даже в том, в чем нетерпеливость не только простительна для самых сдержанных женщин, но и вполне пристойна.

Однако великий государь многих дарил своим вниманием.

Иные лукавые либо трусливые людишки доносили ей об опасных последствиях непостоянства супруга; и хотя эти попытки подорвать ее доверие к супругу и увенчались некоторым успехом, все же она продолжала ему верить: за исключением некоторых чрезмерных увлечений Короля, она считала ревность слишком болезненным испытанием, чтобы прислушиваться ко всем наветам.

Она не раз пыталась уговорить Короля перестать огорчать ее, не вредить своему здоровью, своей репутации – впрочем, последняя была вне подозрений, – наконец, не идти против совести, убеждая, что она бы смирилась с его похождениями, если бы они не были противны Богу. Но все ее самые убедительные доводы были не в состоянии отвратить государя от страстей, чью серьезность, ослепленный ими, он не осознавал.

Порой она прибегает и к другим средствам: заявляет, что займется его любовницами, угрожает расправой с ними, утверждая, что никто не осмелится упрекнуть в чрезмерных поступках женщину, преданно любящую своего мужа. Через доверенных лиц она доводит до Короля свои угрозы.

И эти средства, хотя и более слабые, чем первые, оказываются куда более действенными, чем нравоучения, ибо касаются интересов его любовниц, к которым он прислушивается в большей степени, чем к ней.

Генрих IV Наваррский входит в Париж 22 марта 1594 года.
Гравюра. XVII в.

Как-то раз Король велел маркизе де Верней[37] покинуть Париж с надежной охраной, узнав от Кончини[38], что Королева заручилась поддержкой надежных людей, желая отомстить маркизе, – впрочем, то была лишь уловка, он был уверен, что в данном случае она хотела припугнуть его, а вовсе не причинить зло.

По этому поводу случалось немало треволнений, но все они не имели последствий. Подобно тому как ревность толкала Королеву на всевозможные ухищрения, неумеренная любвеобильность Короля настолько ослабляла его, что, будучи умным и великодушным монархом, он, казалось, терял порой рассудок.

В остальном брак Их Величеств ничем не омрачался. Следует все же признать, что похождения Короля и ревность Королевы в совокупности с ее силой духа часто порождали ссоры. Герцог Сюлли не раз рассказывал мне, будто не проходило недели, чтобы они не бранились.

По его словам, однажды Королева, стоя подле Короля, пришла в такую ярость, что тот, опасаясь с ее стороны худшего, так непочтительно, хотя и непроизвольно, поднял и опустил руку, что позже Королева утверждала, будто он ударил ее, впрочем, это

не мешало ей оправдывать его, ведь и сам жест, и предусмотрительность Короля не были излишними.

От графа Граммона я узнал о том, что однажды Король, взбешенный выходками Королевы, оставил ее в Париже и перебрался в Фонтенбло, ей же велел передать: если она не научится уживаться с ним и не изменит своего поведения, ему придется отправить ее обратно во Флоренцию со всем, что она привезла оттуда, имея в виду супругу маршала д'Анкра[39] и самого маршала.

От людей, игравших тогда важную роль в управлении государством, я узнал, что недоброжелательность, вспыхивавшая иногда между их величествами, дошла до того, что Король неоднократно говорил им о своей готовности просить ее жить отдельно, не в одном с ним доме; и все же, верно, не сердце, а гнев, часто принуждающий говорить то, что ничто в мире не заставит сделать, исторгал такие слова из его уст.

Как тут не поверить в то, что ревность Королевы подогревалась зловредными советчиками, и не только в этом. Тот же герцог Сюлли, мнением которого Королева в то время весьма дорожила, ведь он считался самым близким к монарху человеком, рассказывал мне, что однажды она послала за ним, чтобы сообщить ему о решении, которое заставил ее принять Кончини, – предупредить Короля о тех придворных, кто доносил ей о нем.

Кончини, присутствовавший при ее разговоре с Сюлли, утверждал, что таким способом Королева могла бы дать понять Королю, что ничего не утаивала от него.

Сначала герцог ответил ей, как обычно резко и не очень учтиво, что подобное поручение настолько отличается от тех, к которым он привык, что он ничем не может быть ей полезен, но стоило Кончини удалиться, как он изменил тон и сказал, что, будучи ее верным слугой, обязан предупредить ее: она приняла неудачное в данных обстоятельствах решение, способное возбудить у Короля самое большое и обоснованное подозрение, которое жена может вызвать у мужа его положения, тем более что любому здравомыслящему человеку было ясно, что никто не осмелился бы заговорить с Королем на такие темы, не будучи уверен, что тому это приятно: Король мог подумать, что причины, побудившие ее к этому открытию, объяснялись либо опасением, что эти сведения могли дойти до него иным путем, либо ее неприязнью к тем, кого она хотела обвинить, поступая так под влиянием людей, более приятных ей, либо людей, способных склонить ее к такому решению.

Эти доводы подействовали на нее, и она решила последовать советам герцога Сюлли, хотя в других случаях находила его

малопригодным для роли советчика, к тому же она с юности так дорожила собственными желаниями, что ее тетка, великая герцогиня[40], которой было поручено ее воспитание, частенько жаловалась на ее непреклонность в принятых решениях.

Расхождения были нередки между Их Величествами; но не успевали отгреметь грозы, как Король, пользуясь хорошей погодой, снова был так предупредителен с ней, что после его смерти я не раз слышал, как Королева расхваливала прожитое с ним время и его доброту по отношению к ней.

Он никогда не отказывал ей в обоснованных просьбах; если же отказывал, то объяснял, что та или иная ее просьба может привести к нежелательному для нее самой результату.

Однажды она попросила его пожаловать одному из ее слуг право на занятие некой должности, когда та окажется вакантной; Король отказал ей и объяснил почему: «*Природный ход вещей приведет к тому, что Вы заступите на мое место, и тогда на собственном опыте узнаете, что тот, кто предоставляет право на занятие какой-либо должности, по мнению получающего это право, ничего не дает, ведь то, что не освободилось, отдать нельзя*».

После взятия под стражу маршала Бирона[41], чьи заслуги и добродетели снискали ему всеобщее сочувствие, она завела о нем речь с Королем, не с какой-то конкретной целью, а, скорее, чтобы понять его отношение к этому событию, поскольку оно интересовало ее близкого друга – герцога де Сюлли.

Король ответил ей, что преступления Бирона были доказаны и имели слишком серьезные последствия для государства, чтобы он мог простить его. Вот если бы он знал, что не умрет раньше маршала, то охотно помиловал бы его, будучи уверенным, что гарантирован от его козней, но он слишком любит ее и своих детей, чтобы оставить им такую занозу, тем более что закон на его стороне.

Уж коли маршал осмелился организовать заговор против него, Короля, зная о его отваге и могуществе, то что говорить о его детях, против которых тот действовал бы еще смелее.

Кроме того, добавил Король, он сознает: прости он маршала, многие оценили бы его милосердие, но в народе распространился бы ложный слух о том, что неприязнь к маршалу оказалась сильнее преступлений того.

А между тем в государственных делах следует быть выше лживых сплетен, поскольку милосердие иной раз оборачивается жестокостью, кроме того, для него неприемлемо быть жестоким по отношению к невинному и он заслужил бы Божию кару, поступая так, ведь Господь не благословляет сильных мира сего,

прибегающих к подобному насилию.

Королева, которая по любому поводу ссылалась на авторитет Короля, тотчас признала его правоту, в которой никому не позволено было усомниться, тем более принцессе ее кровей, которая не оставит безнаказанным преступление против Государства.

В другой раз, когда герцог де Сюлли дал ей знать, что могущественный и своенравный герцог Буйонский будет представлять опасность для ее детей, если ей придется остаться без Короля, она рассказала Его Величеству об этом как раз в тот момент, когда герцог впал в немилость и Его Величество срочно направлялся в Седан, чтобы подавить поднятый им мятеж.

С присущей ему находчивостью Король ответил ей, что и впрямь действия и настроения этого человека угрожают спокойствию Франции, и потому он без колебаний отправляется покарать его, тем более что герцог уверен, что он не осмелится на это. Его Величество был убежден, что ему удастся лишить герцога возможности вредить ему в дальнейшем.

С таким намерением Король отправился в путь, но на самом деле планы его были иные. Он сказал Королеве, что мог и не делать этого, ведь герцог Буйонский бессилен оказать ему сопротивление, кроме того, пощади он герцога, всякий понял бы, что он сделал это исключительно по своему милосердию.

Большая осторожность заставляет иногда заглядывать в будущее. Дабы предупредить зло, осторожность обрекает порой правителей на пассивность из страха поколебать милый их сердцу покой.

Вскоре после этого Королева принялась настойчиво выпрашивать у Короля должность для герцога де Сюлли, которому выпала честь пользоваться ее доверием; не желая идти у нее на поводу, Король ответил ей, что Сен-Мексан – захудалая крепость королевства, но, пока существует партия гугенотов, даже самые скромные крепости Франции важны; если же когда-нибудь гугеноты потерпят поражение, то даже самые лучшие крепости потеряют всякое значение.

Он не хотел дать герцогу это место, поскольку лишь распорядителю финансами не нужно было, пока он оставался на этой должности, предоставлять пенсию. Предложить же герцогу денежное место фактически означало бы заставить его принять его.

К тому же поместить его среди гугенотов означало помешать герцогу стать католиком, а это привело бы к тому, что он стал бы помогать гугенотам.

Он же желал, напротив, оторвать герцога, насколько это было

в его силах, от этой партии, помочь ему справиться с заблуждением.

Он признался Королеве, что в самом начале, когда он сам только принял католичество, он сделал это неискренне, лишь для того чтобы заполучить корону, но, после встречи в Фонтенбло кардинала дю Перрона[42] с дю Плесси-Морней[43], он сознательно возненавидел веру гугенотов и их партию, но уже исходя из государственных интересов.

Не раз потом он говорил Королеве, что гугеноты – враги государства, что когда-нибудь их партия может причинить зло его сыну, если не принять против них меры.

Она также должна иметь в виду, что иные, движимые набожностью люди могли своим неумеренным рвением сыграть на руку Испании, если бы отношения между двумя королевствами испортились. Осторожность толкала католических королей всегда оправдывать свои самые неправедные действия интересами веры.

Ей должно с неизменной осторожностью относиться к хитрости одних и щепетильности других.

Если Королю случалось испытать огорчение, он изливал ей душу, пусть и не получая в полной мере утешения, которого мог ожидать от ума, сильного сочувствием и деловым опытом; и все же он охотно обращался к Королеве, считая, что она умеет хранить секреты.

Сознавая свой возраст, он нередко просил ее ознакомиться с делами, поприсутствовать на заседании Совета, чтобы вместе вести этот большой корабль; но – то ли потому, что тогда ее тщеславие не было велико, то ли потому, что она исходила из принципа: женщине – женское, мужчине – мужское, – Королева не оправдывала в этом его ожиданий.

Он берет ее с собой во все поездки, и, против принятого в королевских семьях обычая, они не спят в разных комнатах и не держатся порознь днем.

Королева настолько ему по душе, что Король часто повторяет своим доверенным лицам, что если бы она не была его женой, то он постарался бы сделать ее своей любовницей.

Дважды он отдает ей должное наиболее подобающим образом.

Однажды – расчувствовавшись, когда они едва не утонули вместе, и еще раз – когда ревность из-за им самим вымышленного повода привела его в ярость; в первом случае он высоко оценил ее искренность – в минуту опасности она вспомнила именно о нем, ее смелость – она не растерялась, ее признательность – она настойчиво просила его за того, кто рисковал жизнью ради их спасения.

Воспользовавшись этим случаем, чтобы подчеркнуть другие ее достоинства, Король хвалил ее за скрытность, а ведь частенько он сам страдал от этого ее качества, пытаясь, впрочем, безуспешно, узнать имена тех, чьи мнения порой доходили до него.

Он добавил, посмеиваясь, что Королева была неравнодушна к почестям, была неподражаема в умении тратить деньги, исключительно смела, и, если бы не старание сдерживать свои чувства, была бы мстительна: он не раз видел ее до такой степени уязвленной страстью, которую он испытывал к другим женщинам, что становилось ясно: не было ничего, на что бы она не пошла в своей жажде мести.

Король упрекнул ее в лености или, по крайней мере, в стремлении уклониться от дела, если только оно не увлекает ее.

Он ставил ей в вину неласковость, излишнюю подозрительность, а заканчивал перечисление ее недостатков упреком в том, что она доверяет лишь своим ушам и словам, любит послушать сплетни и сама позлословить.

Как-то, будучи недовольным ею, Король усмотрел в ее храбрости тщеславие, в ее стойкости – упрямство. Он часто говорил своим доверенным людям, что никогда не видел более цельной натуры, которая бы так трудно отказывалась от принятых решений.

Однажды она высказала Королю свое неудовольствие тем, что он называл ее «госпожа Регентша», на что тот ответил: «Вы правы, желая равенства наших лет, ибо моя кончина будет началом Ваших тягот: Вы плакали, когда я наказывал, возможно, излишне строго, Вашего сына, но придет день, когда Вы заплачете еще горше от зла, которое причинят ему или Вам самой.

Вам не по нраву, что у меня есть любовницы, но Вам едва ли удастся избежать оскорблений от тех, кто завладеет сыном.

Могу заверить Вас в одном: зная Ваш характер и предвидя, каким он может быть при Вашей настойчивости и его упрямстве, Вам наверняка с ним не поладить».

Неизвестный художник (школа Санто ди Тито?).
Портрет Марии Медичи в юности. *Конец XVI в.*

Это было сказано после того, как наследник престола наотрез отказался, как его ни уговаривали, перепрыгнуть через ручей в парке Фонтенбло, что привело Короля на глазах придворных в такое бешенство, что, если бы ему не помешали, он схватил бы его и стал макать в воду.

Десять лет прошло, как принцесса приехала во Францию. Она была довольна, а трудности, с которыми она сталкивалась в это время, были столь незначительны, что кажется, Всевышний попустил их, скорее дабы пробудить ее разум, чем испытать его.

Настоящие переживания начались для нее в 1610 году, когда Король открыл ей свое намерение подчинить себе Милан, Монферрат, Геную и Неаполь; отдать герцогу Савойскому большую часть миланских и монферратских земель в обмен на графство Ниццы и Савойи; объединить в одно королевство Пьемонт и области Милана, добиться признания герцога Савойского королем Альпийским и, после отделения Савойи и Пьемонта, возвести крепость на границе этих королевств, оставив за собой доступ в Италию.

Он хотел заинтересовать всех государей Италии своими завоеваниями, Республику Венецию – некоторым расширением ее территории за счет его владений, великого герцога Флоренции – передачей ему крепостей, которые, по его словам, были отняты у него испанцами, а герцогов Пармы и Модены – увеличив их владения, герцога же Мантуи – щедро вознаградив за Монферрат кремонскими областями.

Для выполнения этого великого замысла он полагал отправиться во Фландрию, положить конец беспорядкам, вспыхнувшим в Клеве и Жюлье после смерти герцога Клевского, разжечь войну в Германии, но не с тем, чтобы овладеть землями за Рейном, а с тем, чтобы отвлечь своих врагов от своего замысла.

Затем аппетит его разыгрался: помимо своих итальянских планов, он решился напасть на Фландрию, о которой подумывал время от времени; помышлял он и о том, чтобы сделать Рейн границей Франции, возведя на нем три или четыре крепости. Но на тот момент его целью было послать в Италию маршала Ледигьера с пятнадцатью тысячами пеших воинов и двумя тысячами всадников: они уже были почти полностью сосредоточены в Дофинэ.

Маршалу предстояло соединиться с герцогом Савойским, который со своей стороны должен был выставить десять тысяч пехотинцев и тысячу конных, и вместе приступить к осуществлению королевского замысла в Италии. Самому ему в это время предстояло находиться во Фландрии и Жюлье с армией из Шампани, состоящей из двадцати пяти тысяч пеших воинов и трех тысяч конных.

Жюлье был сам по себе достаточным поводом для его предприятия: покойный герцог Клевский оставил наследницами двух дочерей, старшая из которых была замужем за курфюрстом Бранденбургским, а младшая – за герцогом Нейбургским.

Император – это была обычная практика для Австрийского дома, не упускавшего случая под благовидным предлогом расширить свои владения, – тотчас после смерти герцога Жюлье послал туда солдат эрцгерцога Леопольда, который и захватил

одноименную крепость, словно отсутствие наследников мужского пола оправдывало появление там всех сановников Империи.

Поскольку речь шла о том, чтобы защитить слабого от сильного, поддержать дело, правота которого была настолько явной, что не оставляла никаких иллюзий его противникам, я с полным основанием заявляю, что этот повод был достаточно весом, чтобы послужить Королю единственной причиной собрать такие большие силы.

Однако дабы не поступиться ни в чем правдой, помимо вышеупомянутых военных планов, в основе которых лежало законное право государя вернуть себе свои владения, я не могу умолчать и о том, что любовь сыграла не последнюю роль в этой знаменитой кампании. Король хотел использовать этот повод, чтобы отобрать у эрцгерцога принцессу[44].

Как тут не обмолвиться, что страсть, свойственная мужскому полу, может быть опасной для государей, поскольку последствия ее могут быть губительны и для них самих, и для их государств.

Именно ослепившая его любовь вела Короля в этом великом предприятии. Вполне вероятно, что, после того как он покончил со спором о Жюлье и вырвал из рук иностранцев принцессу Клевскую, эта же любовь остановила его. Тот, кто ведом слепцом, часто сбивается с пути и никогда не идет прямо к цели.

Королева была застигнута врасплох и вовсе не готова расстаться со своим любезным супругом. Ее пугает не только разлука, но и возможный успех его замысла, и она пытается переубедить Короля, напоминая ему о юном возрасте их сына, о своем недостаточном опыте в делах, о его собственных годах, когда уж можно было бы пользоваться плодами побед, доставшихся ему такой дорогой ценой, но все напрасно.

Мало кто из государей, и даже просто среди мужчин, прислушался бы к голосу рассудка, не позволив любви и славе увлечь себя; человеческий разум часто оказывается не в силах противостоять этим двум мощным страстям.

Король упорствует и поднимает в ружье такое войско, что удивляет этим своих врагов, восхищает друзей, держит в страхе всю Европу и даже Восток, где турецкий султан заключает мир с персами, готовясь обороняться и задержать, в случае необходимости, продвижение французов.

Следует упомянуть и о нескольких важных и вполне правдивых фактах, известных очень немногим: я узнал о них от Королевы и президента Жанена, а они услышали из уст самого Короля.

Этот великий государь подумывал о проведении значительных перемен в управлении государством, но не знал,

как их осуществить.

Г-н де Сюлли не совсем устраивал Короля, он хотел отставить его от управления финансами и передать эту должность Арно. Не раз говорил он Королеве о том, что устал от дурного нрава де Сюлли, что, если тот не изменит поведения, ему придется на своей шкуре испытать его справедливый гнев.

Недовольство его вызрело, но момент для увольнения де Сюлли еще не пришел. Великие замыслы, которые вынашивал Король, заставляли его думать, что еще не время для подобных изменений; с другой стороны, ему все труднее становилось выносить как возражения герцога де Сюлли, так и подозрение не столько в неискренности, сколько в нечистоплотности, повод к которому тот подавал.

Если де Сюлли вызывал недовольство Короля, то де Сийери не во всем его устраивал: обладая связями, опытом, сообразительный и ловкий в дворцовых делах, он, на свое несчастье, был недостаточно решительным и неспособным справиться с поручением, в которое требовалось вложить и частичку души, и изобретательность.

Король не раз хотел лишить его должности и удалить от двора, но пересиливал свою неприязнь к нему, и она бы уже выплеснулась наружу, если бы не его намерение отправиться воевать: приходилось сдерживаться и оставить канцлера при Королеве – помогать ей управляться с делами во время его отсутствия; что же до президента Жанена, чья честность, последовательность в мыслях и делах были общеизвестны, то его он хотел держать при себе.

Все эти передряги, поселившаяся в нем страсть, величие его замысла очень занимали мысли Короля, но не могли отвлечь от цели.

Не ведая, как Господу будет угодно распорядиться им, он решил оставить Королеву регентшей, дабы сохранить корону для своих детей. Он многажды толковал с ней о своих планах; помимо общих и неоднократно напоминаемых им истин, следование которым должно было обеспечить счастливое царствование, Король дал ей несколько особых наставлений по управлению государством.

Первое касалось смены министров, в чем следовало проявлять выдержку, учитывать при их выборе предыдущие заслуги, а при увольнении убеждаться в справедливости обвинений по их адресу.

Дело не только в том, говорил он ей, что вновь пришедшие меньше смыслят в делах, зачастую они принимают решения, прямо противоположные решениям своих предшественников,

чтобы выставить себя в лучшем свете, в результате чего в государстве происходят перемены.

Хуже всего, что неудачи их предшественников внушают им мысль о непостоянстве монарха. Следует опасаться и их интриг в целях защиты: ее они должны видеть лишь в своем господине.

Второе: не след попадать под влияние иностранцев[45] и уж ни в коем случае делиться с ними государственной властью, ибо это отвратит от нее сердца французов, пусть даже среди иностранцев и найдутся люди, способные понять подлинные интересы Франции и готовые предложить свои услуги. Французы никогда не будут доверять им.

Третье: поддерживать авторитет судов, призванных осуществлять правосудие, но Боже упаси подпускать их близко к государственным делам, давать им предлог для претензий на роль опекунов королей. У него самого было немало споров с судебной властью, в этом он не был удачливее своих предшественников, и потому ей и их сыну нечего рассчитывать на то, что им повезет больше.

Четвертое: страсть – плохой советчик, следует принимать решение лишь на холодную голову, это он познал на собственном опыте.

Пятое: быть в хороших отношениях с иезуитами, но препятствовать, насколько это будет в ее силах, росту их могущества, особенно в пограничных областях, делая это незаметно для них.

Эти добрые католики полезны для обучения молодежи, но часто, спекулируя своей набожностью, отказываются подчиняться государям, особенно когда затрагиваются интересы Рима. Он уверен, что они всегда готовы способствовать мятежам и освобождать его подданных от данной ему клятвы верности.

Эти настроения были отголоском того времени, когда он был далек от Католической Церкви. Пасторы, в меру своих сил, открыто убеждают всех в том, что иезуиты – эти добрые служители Бога, которых они ненавидят более других, – враги королей, а их проповеди опасны для королей и их государств.

Министры ненавидят иезуитов за то, что их орден обязывает своих адептов заниматься литературным трудом, всячески помогая им совершенствоваться в этом, оттого-то иезуиты лучше прочих умеют маскироваться.

Для хулы этих великих служителей Бога они пускают в ход все средства, лукавят, ссылаясь при этом на королей, утверждают, что иезуиты обучают тому, что светская власть находится в зависимости от воли Пап; ставят им в вину учение святого Фомы и всех других богословов, включая и их собственных авторов,

учащих, что подданные не обязаны подчиняться государю, если он намерен помешать им исповедовать истинную религию.

Св. Фома Аквинский (ок. 1226—1274) — теолог и философ, наиболее яркий мыслитель периода высокой схоластики (или «дуэченто»).

Выделял четыре вида законов: первый — вечный (lex aeterna), замысел Творца, согласно которому происходит развитие Вселенной.

Второй — естественный закон (lex naturalis), общие принципы человеческого существования, основной из которых формулируется как «делай добро и избегай зла».

Третий — человеческий закон (lex humana), представляющий собой правовые нормы, устанавливаемые людьми. Четвертый — Божественный закон (lex divina), являющийся данной в откровении частью вечного закона.

Соответственно, право св. Фома классифицирует на естественное и позитивное (то есть установленное по воле людей). Естественный закон должен быть основой позитивного права; и во всяком случае людские законы не должны противоречить естественным.

Если же это противоречие возникает, позитивный закон становится ничтожен. В том случае, когда закон, установленный государством, противоречит Божественному закону, Аквинат полагает неподчинение ему не только возможным, но и необходимым.

Также, называя тиранию худшей формой правления, Фома говорит о праве восстания против тирана. Подданные не обязаны хранить верность правителю и в случае отлучения последнего от Церкви.

Ранее такое же мнение высказывал и Папа Григорий VII; сходные взгляды можно встретить и у других католических теологов Средневековья и Нового времени.

Шестое: ни в чем не поощрять сильных мира сего, если это может нанести урон Королю, подорвать его авторитет, но в делах менее значительных, не влекущих таких последствий, стараться удовлетворить их, дабы отказы в их просьбах не сказались на их

преданности, ведь если они убедятся, что им нечего ждать от королевской власти, государство окажется в большой опасности.

И последнее: рано или поздно ей придется дать бой гугенотам, но не стоит раздражать их по пустякам. Иначе они развяжут войну раньше, чем она будет в состоянии вести ее. Ему самому довелось немало вынести от них, но он нуждался в их поддержке, впрочем, добавлял он, придет день, когда его сын отплатит им за все.

Когда речь заходила о женитьбе наследника престола, он неизменно утверждал, что самой выгодной партией была бы наследница Лотарингии, если только у герцога не будет других детей, добавляя, что для него было бы бальзамом на сердце, если бы его королевство приросло не только за счет добытого на полях сражений ценой неисчислимых жертв.

Король часто давал понять, что его вовсе не прельщает брак его старшей дочери с королем Испании[46]; впрочем, впоследствии этот брак состоялся.

Он справедливо полагал, что отношения между двумя государствами складывались таким образом, что возвышение одного означало унижение другого, и это делало доброе согласие между ними вовсе невозможным. Родственные связи тут были бессильны, поскольку обе стороны были озабочены лишь собственными выгодами.

Портрет Генриха IV Наваррского.
Гравюра. XVII в.

Примером ему обычно служил брак Елизаветы с Филиппом II, приведший единственно к несчастной смерти этой добродетельной принцессы[47].

Король добавлял, что если бы и желал для одной из своих дочерей супруга из испанского королевского дома, то предпочел бы младшего отпрыска, провозглашенного герцогом Фландрии, а не наследника короны.

Есть основания думать, что, проживи он еще с десяток лет, в его планы входило бы обескровить Испанию войной с

Голландией, чтобы та, дабы избавиться от непомерных расходов, связанных с усилиями по сохранению Фландрии, решила бы отдать одного из своих младших наследников за одну из дочерей Французского дома.

Тогда он заключил бы выгодный мир с Провинциями и крепил бы его в интересах зятя и дочери, руководствуясь при этом самыми высокими государственными интересами Франции, будучи уверен в том, что отделение Фландрии от испанской монархии было бы величайшим благом для Франции и всего христианского мира.

За семь месяцев до смерти, в Фонтенбло, желание выдать м-ль де Верней за внука герцога Ледигьера заставило его завести на эту тему с герцогом в присутствии г-на де Бюльона разговор, в ходе которого Король помянул большинство вышеизложенных наставлений, а также планы относительно будущего своих детей.

В частности, он сказал ему, что намерен действовать подобно архитектору, который, берясь за возведение здания, думает прежде всего о надежности его фундамента и желает укрепить его мощными подпорами;

что стремится таким образом устроить царствование наследника престола, чтобы его власти подчинялась вся мощь остальных его законных и внебрачных детей, служа поддержкой и опорой его величию, и чтобы он выдержал натиск Лотарингского дома, постоянно стремящегося ослабить государство;

что, с учетом этого, он предполагает женить своего второго сына, носившего титул герцога Орлеанского, на м-ль де Монпансье, как в силу того, что она богатая наследница, так и для того, чтобы он не заключил внешнего союза, подрывающего спокойствие в королевстве;

что он настолько заботится о благе государства, что сомневается, отдаст ли сыну герцогство Орлеанское на правах собственности; но даже если и сделает это, то лишит его права жаловать бенефиции и должности, так как сын еще не научился пользоваться этим правом, не нанося ущерба королевской власти, и не усвоил того, что власть должна предоставляться тем, кто умеет повиноваться;

что в его планы не входит наделять властью второго сына. Если бы Бог даровал ему еще несколько лет жизни, он выставил бы его за пределы Франции, в какое-нибудь полезное для него место, которое не стало бы предметом зависти для его союзников;

что он всегда думал о своей старшей дочери в связи с Савойей, считая, что королю более выгодно заключать союзы со знатными людьми – пусть не королевского достоинства, однако способными защищать его интересы, – чем с теми, кто

претендовал бы на равенство с ним;

что относительно двух других дочерей у него еще нет планов, которые со временем Господь внушит ему;

что ему хотелось бы, с соблюдением вышеуказанных условий, выдать одну из них за наследника Фландрии, а другую за наследника английской короны[48], с тем чтобы она смогла послужить там интересам религии.

Король добавил, что надеется на то, что его внебрачные дети не предадут его сына – будущего Короля, будучи связанными с ним узами крови и долга;

что он хочет противопоставить их всему Лотарингскому дому, постоянно имевшему перед собой пример короля Сицилии, а также выходцам из княжеских родов – Савойского и Гонзагов, которые пустили корни в этом государстве, да и всем остальным вельможам королевства, которые могли бы воспротивиться справедливым требованиям Короля;

что герцог Вандомский[49] имеет неплохие наклонности и его воспитание настолько добротно, что и поведение не может быть плохим; к тому же он женил его на самой богатой наследнице королевства, доверил управление Бретанью, чтобы он мог с наибольшей пользой служить Королю.

Он намерен поставить его впереди герцогов Немурского, Гизского, Неверского, Лонгвильского, чтобы еще крепче привязать его к суверену, чего не сделал бы, усомнившись в его верности. В связи с этим он высказал свое мнение об этих четырех княжеских домах, которые были признаны главными домами в королевстве как его предшественниками, так и им самим.

Первый из этих княжеских домов свелся лишь к герцогу Немурскому, который, по всей видимости, не оставит потомства. От него не приходилось ждать никаких неприятностей: музыка, карусели, балеты отвлекали его от мыслей, которые могли оказаться вредными для государства.

От Мантуанского дома также не стоило ожидать подвохов, поскольку герцог Неверский, возглавлявший его, намерен строить воздушные замки на Востоке, где мечтает разгромить турецкого султана и передать власть в его империи роду Палеологов, из которого он, по его словам, происходит по материнской линии, и ничего не замышляет у себя на родине.

Относительно герцога Лонгвильского Король говорил, что, хотя тот и был сыном человека, вера которого казалась сомнительной, а слова и чувства часто расходились, все же он был мелкой фигурой и не мог даже помыслить о крупном заговоре в размерах государства, а его дядя, граф Сен-Поль, обладал разумом столь же глухим, как его слух, – полная глухота

делала его почти неспособным услышать что-либо, кроме охотничьих труб и рожков, и заняться чем-нибудь, помимо охоты.

Палеологи — последняя императорская династия Византии (1259—1453). В 1261 г. Михаил VIII Палеолог занял никейский престол и захватил Константинополь.

При нем в 1274 г. в Лионе была заключена уния Западной и Восточной Церквей. Вскоре на Востоке Осман I (1288—1326) объединил под своей властью турецкие племена; в его правлении начинается наступление турок-османов на Византию.

Византийские императоры неоднократно обращались за помощью к западным правителям и Святому Престолу.

Однако Крестовый поход 1396 г. потерпел неудачу. При Иоанне VIII Палеологе (1425—1448) на Феррaро-Флорентийском соборе (1438—1439) вторично была заключена уния, предполагавшая воссоединение Православной Церкви с Католической; однако фактически оно так и не состоялось по вине византийской оппозиции.

Помощь Византии была оказана слишком поздно; новый Крестовый поход против турок был предпринят лишь в 1443 г.

В 1444 г. войска крестоносцев были разбиты при Варне. Через девять лет, 29 мая 1453 г., Константинополь был захвачен турками.

Последний византийский император, Константин XI Палеолог, погиб в сражении. После падения Византии Константинополь, переименованный в Истамбул, стал столицей Османской империи.

Больше всего следовало опасаться дома Гизов, как по причине его многочисленности, так и вследствие близости Лотарингии, откуда он происходил. Гизы всегда вынашивали козни против Франции, поддерживая сумасбродные претензии графства Прованс, расхваливая его без всякого на то основания.

Среди тех, кто во Франции носил имя Лотарингии, самыми значительными фигурами были герцог Гиз и его дядя, герцог Майенский. Первый был скор более на словах, чем на деле, пользовался кое-каким успехом и людям малосведущим казался способным на многое, однако его лень и праздность были таковы,

что он думал лишь, как бы потешить себя, ум же его был короток.

Герцог Майенский, напротив, был человеком умным, опытным и рассудительным, хотя еще недавно в его голове теснились все злые помыслы, которые подданный может иметь против своего Короля и страны, в которой родился. Вряд ли герцог и впредь останется таким: перенесенных им страданий достаточно, чтобы у него не возникало более желания снова испытывать судьбу. Была надежда, что безумства молодости сделают его мудрее.

Поодиночке эти принцы не представляли собой опасности, чего нельзя было бы сказать, вздумай они объединиться.

Он не хотел связать себя с ними родственными узами через своих внебрачных детей, предназначая тех скорее дворянам, для которых это было бы большой честью. К чему раздувать и без того непомерное тщеславие этих принцев, которым могло бы взбрести в голову, что его законные дети им обязаны, хотя бедственное состояние их дел было известно. Он не благословил бы брака герцога Вандомского, если бы жена, которую он ему дал, не стала богатой наследницей.

В разговоре с герцогом Король признал, что шевалье Вандомский добр, приятен и любезен, а потому он желает всеми силами способствовать его продвижению: помимо сана верховного приора Франции, который он уже получил, он мог бы без труда сделать его богатым, значительно увеличив его доходы.

К тому же он не прочь назначить его командующим флотом и королевскими галерами, доверить ему управление землями Лиона и Прованса, что позволило бы ему в будущем лучше служить его законному сыну – будущему Королю.

Он сообщил также о своем намерении связать судьбу сына госпожи де Верней с Церковью и сделать из него кардинала: располагая рентой в сто тысяч экю, тот смог бы быть очень полезен Риму, где требовался человек таких качеств, дабы достойно отстаивать там интересы Франции.

В его планы входило выдать м-ль де Вандом за герцога де Монморанси. Прежде он хотел выдать ее за маркиза де Росни, следуя совету кардинала дю Перрона, который убеждал его в том, что благодаря этому браку тот станет католиком, но Бог распорядился иначе.

Когда-то он желал отдать ее герцогу де Лонгвилю: был заключен контракт об этом с его матерью и герцогиней де Бофор, но они так мало значения придавали этому союзу, что он уже не возвращался более к этому замыслу. А вот герцог де Монморанси, которому он ее предназначал, был красавец и душа-человек. К тому же де Монморанси так хотел удостоиться чести породниться

с Королем, что отверг богатую наследницу де Шемийи.

О его дочери де Верней речи не было, поскольку знали: она предназначалась старшему сыну де Креки, внуку Короля, которому он хотел передать в управление Дофинэ, желая видеть его главным губернатором провинции, где он был лишь королевским наместником.

После этой речи он дал знать герцогу, что часто говорил обо всем этом с Королевой, желая, чтобы она была в курсе его намерений. Ему было бы спокойней, если бы она не была так зависима от принцессы Конти[50], чьи ухищрения невероятны; эта принцесса и ее мать отравляли рассудок Королевы, и, хотя он и старался предупреждать ее об их уловках, всего предвидеть он все же не мог.

Убийство Генриха IV Наваррского. *Гравюра. XVII в.*

Он рассказал герцогу, что однажды, для того чтобы открыть глаза Королеве, уговорил ее, когда ее особенно настраивали против маркизы де Верней, притвориться, будто она замышляет

что-то против маркизы, и сообщить им об этом, чтобы проверить, не предупредят ли они об этом тотчас маркизу, хотя при Королеве они метали громы и молнии против нее.

Королева последовала его совету и сообщила им о том, что якобы было намерение похитить ее на паромной переправе в Аржантё. Дамы клюнули на приманку и через герцога де Гиза предупредили маркизу: тот исполнил поручение с таким рвением, что, после того как маркиза пожаловалась Королю, Королева была вынуждена признать ум и изобретательность этих женщин, которых при дворе занимали лишь интриги.

Из всего вышесказанного следует, что разум и рассудительность Короля имели глубокие корни; но поскольку в дальнейшем события приняли совсем иной оборот, становится ясным, насколько справедливо распространенное мнение: человек предполагает, а Бог располагает. Зачастую Своим Провидением Он вызывает действие, обратное человеческим вожделениям.

Хотя Король был настолько мудрым, что по праву мог бы считаться величайшим королем своего века, однако справедливости ради следует признать, что он был ослеплен отцовскими чувствами, не ведал о недостатках своих детей и был настолько снисходителен по отношению к ним, что зачастую поступал совсем не так, как следовало.

Так, он расхваливает воспитание герцога Вандомского и его природную доброту, хотя невежество того было всем очевидно, как и его злоречивость, от которой мало кому удавалось спастись.

Король считает, что высокое положение, которое он ему обеспечил, вкупе с должностью, предназначенной его брату[51], должны были заставить их впоследствии хранить верность его сыну – Королю, однако можно утверждать, что оба приложили немыслимые усилия, чтобы поколебать авторитет его сына; и если бы не его осторожность и удачливость в делах, эти два брата могли нанести непоправимый ущерб королевству.

Свадьбы, которых Король не хотел, состоялись, те, что он задумывал, расстроились[52]; то, в чем он хотел видеть надежное основание для будущего благоденствия, породило немало смут, а Господь позволил, чтобы его осторожность была сведена на нет, и все это для того, чтобы научить нас, что проку в рассуждениях нет вовсе, а людям свойственно ошибаться, причем скорее в силу неумеренности страстей, чем в силу рассудительности.

Словом, думается, что мудрый Всевышний замыслил показать, насколько ограничена человеческая мудрость, насколько несовершенно все человеческое, в какой степени лучшие качества лучших из смертных неотделимы от худших.

Как Король – Генрих был наделен высокими качествами, как

отец – большими слабостями, как человек, подверженный страстям, – полной слепотой.

Достаточно бросить взор на последние годы его жизни, чтобы убедиться в том, что на глазах у него была повязка: он ввязался в войну, словно ему было не под шестьдесят, когда на склоне лет и самые сильные задумываются о конце. А жить ему и впрямь оставалось недолго.

В разгар подготовки к войне он зачастую доказывал, что обязанности коннетабля и полковника ему в тягость, говорил, что и без того партия гугенотов погрузила королевство в сплошные распри, если же они распространят свою власть, которую захватили в силу попустительства Королей, на всю территорию страны, их вожди будут небезопасны.

От тех, кто пользовался его доверием, он не скрывал, что, если бы Бог призвал к Себе герцога де Монморанси (а он считал, что вскоре это должно произойти по причине его преклонного возраста), он навсегда упразднил бы первую из его должностей; что же касается герцога д'Эпернона, которому было еще далеко до кончины, должность которого его раздражала, а сам он был ему неприятен, то он не собирался дожидаться его смерти, чтобы, использовав любой предлог, предельно ограничить его обязанности и в конце концов свести их на нет.

Ему хотелось лишить герцога всего того, что тот приобрел за годы, когда был в большой милости у Генриха III, доверившего ему снабжение армии, что было чревато очень опасными последствиями.

После стольких мудрых и важных советов, которые он давал по разным поводам Королеве, он вознамерился короновать ее и оставить во Франции на время своего отсутствия в роли второй королевы Бланки[53].

Никогда еще не собиралось столько знати, как на этой церемонии[54], стольких разодетых принцев крови, стольких украшенных драгоценностями придворных дам и принцесс; многочисленные кардиналы и епископы почтили ее своим присутствием; музыканты очаровывали слушателей своим искусством; ко всеобщему удовольствию, раздавались щедрые подарки из золота и серебра.

Одновременно с большой помпой готовится церемония явления Королевы народу, назначенная на следующее воскресенье; повсюду видны триумфальные арки, геральдические изображения, трофеи, подмостки, на которых будут даны представления.

Повсюду – искусственные фонтаны, струи которых образуют фигуры граций; готовится множество торжественных речей,

сердца желают поспорить в красноречии с языками; весь Париж украшен гербами; никто не скупится на расходы, чтобы достойно предстать перед великой принцессой – супругой почитаемого Короля, которого все боятся; она должна будет появиться на триумфальной колеснице.

Итак, приготовления идут полным ходом, но неожиданно прерываются: цареубийца лишает жизни великого Короля[55], под управлением которого вся Франция жила счастливо.

Поскольку покойный Король не предвидел близкой смерти, он не дал Королеве полных и исчерпывающих наставлений, как он непременно поступил бы, знай он о том, что случится.

Изложенное выше собрано воедино из его бесед с Королевой, принцами и сановниками королевства по разным поводам и на разные темы; поэтому читатель не удивится тому, что на эту важную тему еще немало можно добавить, но, как я и пообещал, я не стараюсь писать о том, что было бы возможно, но лишь правду о том, что было.

Монарх сражен накануне дня, обещавшего ему великие победы, сгорая от нетерпения стать во главе армии; так, одним ударом сорваны его замыслы и прервана его жизнь, и тотчас враги, заранее признавшие себя побежденными, буквально восстают из праха.

От этой печальной вести даже самых уверенных в себе людей охватила паника, весь Париж попрятался за наглухо закрытыми дверьми, ошеломление заставило людей впасть в немоту, и уж потом воздух огласился стенаниями, самые суровые – и те не смогли сдержать слез, впрочем, как ни описывай траур и боль, не получится передать внутреннего потрясения, охватившего весь народ.

Шум толпы и удрученные лица министров, явившихся в Лувр, донесли печальную новость до Королевы; гибель того, с кем она составляла одно целое, сразила ее, она разразилась рыданиями, в которых могла скорее задохнуться, чем утопить свою боль, настолько сильную, что ничто не могло ее утишить.

В этой крайне тяжелой ситуации министры объясняют ей, что, поскольку короли не умирают, ей пристало приглушить на время боль, дабы подумать о своем сыне – Короле, который не может обходиться без ее забот. И добавляют, что причитания не только бесполезны, но и вредны для страданий, нуждающихся в быстродействующих лекарствах.

Она уступает их увещеваниям и, хотя не в состоянии совладать с собой, собирается с силами, чтобы последовательно защищать интересы сына и повелеть разыскать авторов ужасного преступления.

В этих условиях каждый считает необходимым явиться в Лувр, дабы засвидетельствовать ей свою верность и готовность служить; однако среди них не видно герцога де Сюлли, который больше других обязан покойному Королю.

Его настолько напугало известие о смерти господина, что он заперся в Арсенале и довольствовался тем, что послал к Королеве жену, желая понять, какая встреча уготована ему самому, и умолять ее простить подданного, сраженного горестной вестью и почти лишившегося рассудка.

Герцог знал о том, что многие недовольны им, мало доверял министрам, которых покойный Король призывал на совещания с ним, открыто не доверял Кончини, имевшему слишком большое влияние на Королеву и от которого он натерпелся, когда тот находился в фаворе, – именно это и привело его к подобному промаху.

Некоторые из его друзей делали все возможное, дабы убедить его выполнить свой долг, превозмочь страхи и опасения; но ведь самые смелые умы зачастую и наименее уверены в себе, поэтому не сразу удалось внушить ему необходимую для этой цели решительность.

Герцог вспомнил о том, как в недалеком прошлом открыто выступал против Кончини. Дело в том, что Кончини не желал снимать шпоры, входя во дворец, и писцы, возмущенные этим и науськиваемые исподтишка некоторыми людьми, считавшими, что пользуются поддержкой Короля, собирались в городе, делая вид, что ищут Кончини, чтобы объясниться по поводу якобы нанесенного им оскорбления.

Всплывавшие в его памяти сцены, а также память о том, что во время ссор между доном Жоаном, дядей Королевы, и тем же Кончини он принимал, во всяком случае – на словах и следуя примеру и привычкам покойного Короля, сторону первого против второго, приводили его в такое смятение, что он все никак не мог собраться с духом.

Вечером Сен-Жеран, который многим был ему обязан и у которого было немало друзей, уговорил его оставить Арсенал и отправиться в Лувр.

Дойдя до Ла-Круа дю Трауар, он получил некое предупреждение, и чувство опасности снова овладело им, да так, что он вернулся со свитой в пятьдесят – шестьдесят всадников в Бастилию, комендантом которой был, и попросил г-на де Сен-Жерана представить Королеве его извинения и заверить ее в своей преданности и готовности служить.

Пока герцог де Сюлли пребывал в растерянности, канцлер, г-н де Вильруа и президент Жанен размышляли в Лувре о том, что

необходимо предпринять в этой сложной обстановке.

Немного укрепив дух Королевы, они удалились в библиотеку, где находились также государственные секретари и г-н де Бюльон, которому покойный Король давал множество поручений.

Они подготовили свои предложения относительно того, что необходимо сделать, дабы обеспечить безопасность государства в новой и совершенно неожиданной для всех ситуации.

Все сошлись в том, что регентство Королевы – самое верное средство спасения будущего Короля и королевства, как и в том, что после смерти великого Короля необходимо продолжить то, что он начал.

Не было среди этих господ никого, кто бы хоть в какой-то степени не ведал о намерении покойного государя оставить Королеву регентшей на время своего отсутствия.

Он не забыл объявить ее регентшей на тот случай, если бы Всевышнему захотелось призвать его к Себе во время похода.

Поступить именно так требовала обычная практика, да и здравый смысл, ведь Король был уверен: его воля должна исполняться и после его смерти. Он слишком хорошо знал разницу между связью, которую природа устанавливает между матерью и ее малолетними детьми, и связью, существующей между несовершеннолетним королем и принцами – его наследниками, считающими, что они заинтересованы в его гибели, как мать в его жизни.

Мария Медичи и Людовик XIII.
Гравюра. XVII в.

Словом, Король так часто именовал Королеву «госпожа Регентша», столько раз публично заверял ее в том, что начало ее правления было бы началом ее несчастий, что нельзя было не знать, кого именно предназначал он для управления королевством после своего ухода, в том случае, если Господь призвал бы его раньше, чем наследник стал бы достаточно взрослым, чтобы заступить на его место[56].

Речь шла лишь о том, чтобы исполнить волю великого государя перед народом, делая заявление в пользу Королевы, причем каждому было ясно, что ее супруг собирался его сделать прежде, чем отправиться в поход.

Все согласились, что это был лучший выход. Г-да де Вильруа

и Жанен утверждали, что не следует медлить, Вильруа вызвался составить публичное заявление и скрепить его печатью; но канцлер с его сердцем из воска так и не подписал его. Он знал так же хорошо, как и другие, что следовало предпринять, но не был способен на это.

Он откровенно поделился своими опасениями с теми, кому доверял, объяснив, что не мог отделаться от мысли, что, скрепи он его своей восковой печатью, граф Суассонский выступил бы против него. В таких обстоятельствах следовало бы поставить на карту свою жизнь ради спасения государства, но Всевышний не каждому оказывает такую милость.

То, что предстояло делать, основывалось на справедливости и истине, и никакая опасность не должна была отвлечь от столь доброго намерения; тот, у кого сердце и рассудок были в ладу, хорошо знал, что опасаться нечего.

Но престарелый канцлер предпочел скорее подвергнуть государство опасности, чем отказаться от того, что могло обеспечить его собственную безопасность; слишком заботясь о своих интересах, он пренебрег интересами Короля и народа.

Передача регентства Марии Медичи и роль в этом Парижского парламента впоследствии получили довольно разнообразные оценки различных исследователей.

По утверждению одного из них (Glasson E. Le parlement de Paris, son role politique depuis Charles VII jusqu'a la Revolution. Paris, 1901 (2 vol.). T. I, p. 118), «никогда парламент не осуществлял столь значительной власти».

С точки зрения Маркса (Архив Маркса—Энгельса. Хронологические выписки. Т. VIII (хронологические выписки Маркса), с. 231), действия парламента в этом случае были обусловлены возможностью и желанием присвоить себе полномочия Генеральных Штатов.

Мишель Кармона упоминает о том, что у Генриха IV были намерения утвердить Регентский совет, который возглавила бы Мария Медичи, однако, вследствие его убийства, такое решение не было принято.

Более важную роль, чем парламент, здесь сыграло, по его мнению, окружение Королевы: после принятия необходимых мер для обеспечения порядка в городе герцог д'Эпернон выступил перед парламентом, напомнив о намерении покойного короля; его заявление было одобрено председателем парламента, и последовало составление указа о передаче регентства вдовствующей королеве (*Carmona M.* Marie de Medicis. Paris, 1981. P. 174—178).

Парламент избрал другой путь: интересы страны заставили его сделать почти невозможное, чтобы обеспечить регентство Королеве, хотя прежде парламенты не вмешивались в подобные дела.

Среди всех этих волнений и трудностей, характерных для первых дней после столь крутого поворота событий, Королева, подобно утопающему, хватающемуся за соломинку, тайком послала распоряжение первому президенту д'Арлэ, человеку умному, храброму и обожавшему ее, собрать придворных и сделать все возможное для обеспечения регентства.

Едва получив послание Королевы, измученный подагрой старик покинул постель и велел доставить его к августинцам, где тогда заседал парламент, так как Большой зал Дворца готовили к торжеству по случаю вступления в права Королевы.

Палаты были собраны лишь тогда, когда туда прибыл герцог д'Эпернон, подтвердивший, что Король всегда желал сделать Королеву регентшей.

Самые мудрые из собравшихся представляли себе смуты, которые могли случиться, если бы в королевской власти хоть на миг образовалась пауза и появилось опасение, что Бог, отняв у нас покойного Короля, лишил нас порядка, необходимого для существования государства.

Было единогласно решено, что в этой обстановке опасно сидеть сложа руки и лучше сделать больше, чем ничего. Кроме того, кто бы посмел упрекнуть парламент в том, что воля Короля выполнена, ведь все, кто имел честь быть приближенными к нему, знали о ней?

Основываясь на подобных соображениях, парламентарии

весьма разумно превысили пределы своей власти скорее для того, чтобы показать пример в признании регентства Королевы, чем свое право заставить королевство признать его в силу принятого ими в тот же вечер постановления.

На следующий день, 15 мая, Королева явилась в это высокое собрание вместе со своим сыном – Королем, который, восседая в королевском кресле, решением принцев, герцогов, пэров и высших коронных чинов королевства, следуя намерениям покойного Короля – своего отца, доверил воспитание своей персоны и управление своим государством Королеве-матери, а также одобрил ордонанс, данный парламентом по этому поводу днем ранее.

Королева не столько говорила, сколько плакала; ее воздыхания и слезы свидетельствовали о непоправимой утрате, а немногие вырывавшиеся у нее слова – о страстной любви к сыну и государству. Из дворца она прошла в кафедральный собор, чтобы передать в руки Бога и Пресвятой Богородицы сокровище, которое когда-то получила, и просить Их о защите.

Граф Суассонский, перед смертью короля удалившийся в одно из своих поместий, не пожелав мириться с тем, что жена герцога Вандомского, незаконнорожденного сына короля, явилась на церемонию коронования, словно была одной из принцесс крови, в платье, усеянном цветами лилий – что самому Королю, впрочем, очень нравилось, – тронулся в обратный путь, как только получил печальное известие.

И все же он не поспел за подданными, объявившими Королеву регентшей: о том, что это уже свершилось, он узнал в Сен-Клу. Это и удивило, и раздосадовало его. На следующий день он был в Париже.

Сперва он метал громы и молнии, сетовал на то, что столь важное решение приведено в исполнение в его отсутствие, что подобная поспешность лишила его возможности дать на это согласие в соответствии с данным Королеве давным-давно обещанием.

Суть его негодования сводилась к тому, что регентство вообще вещь бесполезная, что не дело парламента вмешиваться в управление государством, а уж тем более в назначение регентов, что может быть осуществлено лишь в соответствии с завещанием Короля, либо прижизненным его заявлением, либо признанием этого факта Генеральными Штатами.

Если же парламент и претендует на подобные прерогативы, это возможно лишь после решения должным образом созванного совета принцев крови, герцогов, пэров и прочих вельмож королевства, а этого не произошло.

Продолжая в том же духе, он заявил, что со времен установления французской монархии не найдется ни одного примера, подобного этому, что власть парламента ограничивается судопроизводством и не распространяется на управление государством, что обычно матери довольствуются воспитанием подрастающих монархов, предоставляя право управления страной принцам крови.

Министры самым мягким образом, который только был возможен, возражали на его претензии: мол, и они, и Королева признавали за человеком столь высокородным право предъявлять счет и возмущаться и желали возместить причиненный ему ущерб.

По мере возможности они снимали с себя вину, перекладывая ее на парламент, который на самом деле поддерживали, и утверждали, что тот сделал заявление о назначении Королевы регентшей по собственной воле, не посоветовавшись ни с кем.

Одновременно они оправдывали парламент, приводя следующие доводы: тот не вправе был превышать свою власть, к этому его подвигла одна лишь забота о предупреждении бед, которые могли случиться в безвременье.

К тому же, видя, что Господин Принц находится за пределами страны, а Господин Граф удалился от дворца недовольный и остался лишь принц Конти, который что есть, что нет – все едино по причине его глухоты и слабоумия, о чем знают все, парламент просто не мог поступить иначе: дожидайся он возвращения принцев, государство уподобилось бы кораблю, долгое время пребывающему в море без руля.

Еще они добавляли, что благополучие государства превыше всего, а оно только выиграло от этой поспешности, ведь стоило собрать всех принцев крови вместе, и спорам не было бы конца.

К тому же парламент не столько объявил своей властью о назначении Королевы регентшей, сколько выразил волю покойного Короля, состоявшую в том, что власть должна перейти к его супруге – и не только на время его отлучек, но и на тот случай, если Богу будет угодно призвать его к Себе, и что поступок парламента, рассматриваемый под этим углом зрения, – в порядке вещей и не выходит за рамки принятого в подобных обстоятельствах.

Кроме того, парламент всегда регистрировал заявления о регентстве, делавшиеся королями, покидавшими королевство на время или навсегда.

Да и сами короли, коль скоро корона сваливалась на них в малолетстве, объявляли себя совершеннолетними лишь в присутствии парламента.

Наконец, юный Король, окруженный матерью и другими высокопоставленными родственниками, на следующий после несчастья день заявил, сидя в парламенте, о желании, следуя завету своего отца, видеть бразды правления в руках матери, а тут уж ничего не скажешь.

И все же, ничуть не подтрунивая над недовольством и сетованиями Графа, Королева дала понять, что если до тех пор не вмешивалась в дела, то не потому, что была на это не способна, и что теперь она берется за руль огромного корабля и поведет его до тех пор, пока ее сын не сможет добавить к титулу, данному ему от рождения, еще и титул кормчего.

Принимая во внимание, что сила Государя не только в его армии, но и в советчиках, и, дабы следовать во всем, что возможно, по стопам почившего супруга, она окружает себя теми, кто был избран им, и оставляет их при особе сына.

Вся Франция молилась за того, кого потеряла; в Лувре служили молебен за молебном, Королева прилежно присутствовала на всех и почти девять ночей кряду лишена была возможности отдохнуть.

Папа Римский Павел V. *Гравюра. XVII в.*

Занялась она и розыском пособников того, кто, убив Короля, лишил ее радости всей ее жизни. Несчастного убийцу нарочно спасли от ярости толпы, с тем чтобы, вырвав его сердце, обнажить источник мерзкого преступления.

Президент Жанен и г-н де Буасиз, самые близкие к Королю люди из Совета, которых он всегда призывал к себе в самых важных государственных делах, сами допрашивали это чудовище.

Некоторое время спустя он был передан Парижскому парламенту, где было проведено тщательное дознание.

Однако из него не могли вытянуть ничего, кроме того, что Король терпел в государстве две религии и хотел воевать с Папой[57], и потому он считал, что совершает богоугодное дело, убивая того, но с тех пор он осознал, насколько велик его проступок.

Его допрашивали на разный лад: подавали надежду, угрожали, говорили, что Король не умер, чтобы вырвать у него истинную причину, пытали, – трудно представить себе более серьезное дознание.

Поскольку речь шла о переходе в мир иной и о бессмертии души, из Сорбонны вызвали двух богословов – Ле Клерка и Гамаша, непревзойденных эрудитов отменной честности, – и они объяснили убийце, чем особенно ужасно содеянное им: убив Короля, он нанес смертельную рану всей Франции, погубил самого себя в глазах Всемогущего, от Которого ему теперь нечего ожидать милости, если только его сердце не теснимо раскаянием и он не сознается, кто были его сообщники.

Они подробно обрисовали ему, что его ждет: запертые врата рая, ад с уготованными ему пытками. Они убедили его сразу в двух противоположных вещах: в том, что он получит отпущение грехов, если он как следует раскается и назовет сообщников, и в том, что его ждет вечное проклятие, если он скроет хоть малейшее обстоятельство происшедшего и не поступит так, как они приказывают ему от имени Всевышнего.

Под пытками он высокомерно заявил: если он скрывает что-то, что хотят от него узнать, тогда он рад тому, что будет лишен прощения и навечно пребудет виновным в отвратительном покушении, в котором раскаивается. Он объявил себя единственным автором содеянного, признал, что это намерение было внушено ему лукавым, что однажды некий черный человек пришел к нему и убедил его, что он должен это сделать.

Сказал, что это мучило его, пока он не исполнил задуманного, что после несчетное число раз раскаялся, и разрешил, чтобы его исповедь была оглашена, дабы всем стала известна правда.

Словом, его ответы и поведение привели к тому, что высокий суд, изучивший его жизнь с целью вынесения смертного приговора его телу, и два почтенных богослова, взявшиеся за него ради спасения его души, пришли к убеждению, что он один виноват, а его пособниками были его безумие и дьявол.

На мой взгляд, было что-то неподвластное объяснению, сверхъестественное в смерти этого великого суверена: некоторые обстоятельства, которые нельзя оставить без внимания, свидетельствуют о том.

Жалкое состояние, в котором пребывал убийца – его мать и отец пробивались подаянием, а он сам зарабатывал, давая уроки чтения и письма маленьким детям в Ангулеме, – должно быть принято во внимание, как и низость его ума, подверженного меланхолии и кормившегося лишь химерами и фантастическими видениями. От этого несчастье, постигшее нас, становилось еще больше.

Можно ли было помыслить, чтобы столь гнусный тип распорядился жизнью великого человека, имеющего на границах своего государства мощную армию и оказавшегося беззащитным перед презреннейшим из своих подданных в самой его сердцевине!

До тех пор Бог берег его как зеницу ока. И было отчего.

В 1584 году для покушения на него из Нидерландов прибыл капитан Мишо.

То же и Ружмон в 1589 году.

В 1593 году на него покушался Барьер.

В 1594 году Жан Шатель ранил его ударом ножа.

В 1597 году Давен из Фламандии и лакей из Лотарингии по этой причине были казнены. Были и другие покушения, но все неудачные: Бог не попустил к тому.

И вот, после стольких опасных случаев, счастливо избегнутых им, в расцвете сил, на пике славы, когда, кажется, он вне досягаемости смертных, Бог вдруг по какой-то непонятной причине возьми да и покинь его, позволя жалкому червю без роду без племени, умалишенному, предать его смерти.

За пятьдесят шесть лет до этого прискорбного события, в такой же день, 14 мая 1554 года, король Генрих II, попав в донельзя запруженную улицу де ла Ферронри – так что не было никакой возможности следовать далее, – издал ордонанс снести все лавки, что располагались у кладбища Сент-Инносан, дабы путь для королевского кортежа всегда был свободен, но злой гений все одно распорядился иначе.

Камерариус[58], известный немецкий математик, за несколько лет до смерти короля издал книгу, в которой среди иных предсказаний было и такое: насильственная смерть короля через покушение одного из подданных.

За пять лет до цареубийства жители Монтаржи послали Королю записку, найденную их священником под аналоем во время мессы: в ней был указан год, месяц и день, а также улица, где должно произойти убийство.

В 1609 году в Мадриде было опубликовано предсказание на 1610 год для различных частей света, и, в частности, для Барселоны и Валенсии. На пятой странице сего труда,

составленного Жеромом Оллером, астрологом и богословом, посвященного Королю Филиппу III[59], изданного в Валенсии с позволения королевских чиновников и докторов богословия, читаем:

«Dichos danos, empecaran los primeros de henero el presente anno 1610, y durara toda la quarta hyernal y parte del verano senal la muerte d'un principe o rey el quai nacio en el anno 1553, a 14 decembre a t. hora 52 minutes de media noche: qui rex, anno 19 statis su? fuit detentus sub custodia, deinde relictus fuit: tiene este rey 24 grados de libra por ascendente y viene en quadrado preciso del grado y signo donde se hizo eclipse que le causara muerte o enfermedad de grandeconsideracion». («Эти беды начнутся в первых числах января сего 1610 года и продлятся всю зимнюю четверть года и часть весны, коя чревата смертью князя или короля, рожденного в 1553 году, 14 декабря в час 52 минуты ночи: этот король 19-ти лет попал в плен, откуда спасся: 24 градуса в асценденте, определенный квадрат градуса указывают на затмение, которое означает смерть или серьезное увечье этого высокородного человека» (*исп.*).)*

За пять или шесть месяцев до смерти Короля г-ну де Вильруа прислали из Германии предуведомление о том, что его Господину грозит смертельная опасность в день 14 мая. В этот день он и был убит.

12 мая золотых дел мастеру и камердинеру Королевы Роже пришло из Фландрии письмо, в котором оплакивалась смерть Короля, последовавшая лишь два дня спустя.

Подобные послания пришли из Кёльна, других мест Германии, а также из Брюсселя, Антверпена и Малена.

За несколько дней до 14 мая в Кёльне уже обсуждалось, что Король был заколот ударом кинжала; испанцы в Брюсселе передавали это друг другу по секрету; в Майстрихте один из них убеждал прочих, что если это еще не случилось, то неминуемо случится.

В первый день мая Король, наблюдая, как сажают майское деревце, и видя, что оно трижды упало, сказал, обращаясь к маршалу Бассомпьеру и другим придворным: «Немецкий король усмотрел бы в этом дурной знак, а его подданные уже считали бы его нежильцом, я же не тешу себя подобными суевериями».

Также за несколько дней до рокового дня Ла Бросс, врач графа Суассонского, не чуждый математике и астрологии, обратился к Королю с просьбой окружить себя охраной и предлагал ему назвать час дня, представляющий для него опасность, а также приметы того, кто посягнет на его особу. Король, сочтя, что тот говорит это, рассчитывая на

вознаграждение, с пренебрежением отказался.

За месяц до смерти он несколько раз – семь или восемь – назвал Королеву *Госпожой Регентшей.*

Примерно в то же время Королева, возлежа возле Короля, очнулась от сна в слезах. Король спросил, что с ней, она долго отказывалась говорить, но потом все же созналась: ей приснилось, что он убит. Он посмеялся над ее сном, сказав, что в снах правды нет.

За пять или шесть дней до коронования Королевы она, будучи еще принцессой, отправилась в церковь Сен-Дени посмотреть, как идет подготовка к церемонии, и, войдя туда, была охвачена такой невыразимой тоской, что не смогла сдержать слез, хотя для них не было ни малейшего повода.

В день коронования Генрих IV взял дофина на руки и, показав его всем присутствующим, заявил: *«Господа, вот ваш Король!»* – хотя можно с уверенностью сказать, что не было на свете другого монарха, которому бы больше, чем ему, претила мысль о конце своего правления. Во время церемонии камень, закрывающий вход в королевскую усыпальницу, без каких-либо видимых причин раскололся.

Герцог Вандомский в день безвременной кончины Короля с утра просил его быть в этот день особенно осторожным, поскольку Ла Бросс указал на это число, но Король не внял совету, посмеялся над ним и заявил, что Ла Бросс – старый, выживший из ума дурак.

В свой последний день, собираясь отправиться в Арсенал, он трижды попрощался в Лувре с Королевой, в беспокойстве выходя и вновь возвращаясь в ее покои, пока она не попыталась удержать его: *«Вы не можете ехать, останьтесь, умоляю, отложите до завтра встречу с де Сюлли».* На что он ответил, что не заснет, если не переговорит с тем и не сбросит с себя груз различных забот.

Около четырех дня 14 мая один городской голова, де Питивье, играя в короткий мяч, вдруг ни с того ни с сего остановился, задумался, а затем изрек, обращаясь к тем, с кем играл: *«Короля только что убили».*

Поскольку позже захотели выяснить, откуда он мог это знать, его взяли под стражу и доставили в Париж, а некоторое время спустя он был найден задушенным и повешенным в темнице.

Монашенка из ордена бенедиктинок, аббатства Святого Павла возле Бовэ, сорока двух лет от роду, сестра г-на Виллар-Удана, довольно известной личности тех времен – он принимал участие во всех военных кампаниях Короля, – в обеденный час не вышла к столу.

За ней послали, как это принято в монастырях, сестру, та застала ее в слезах, а на вопрос, почему она осталась в келье, ответила, что, если б та могла, как и она, провидеть зло, которое должно свершиться, у нее бы тоже отпала охота есть и что она не может прийти в себя от видения смерти Короля, представшего ее очам.

Видя, что она упорствует, и нисколько не сомневаясь, что такие мысли порождены унынием, сестра ушла ни с чем и доложила обо всем настоятельнице. Та распорядилась, чтобы бедняжку не трогали, подумав, что надо бы дать ей слабительное, и, не веря услышанному, сочла это за выдумку.

Когда пришел час вечери, монахиня вновь не вышла из кельи, настоятельница направила к ней двух сестер, которые вновь застали ее в слезах. Она твердо заявила им, что видела, как Короля закололи кинжалом, что и подтвердилось вскоре.

В тот же день другая монахиня, из ордена капуцинок, разрыдавшись, спросила у сестер, не слышали ли они погребального звона по покойному Королю. Тотчас после того звон колоколов достиг их ушей в неурочный час, они опрометью бросились в церковь и увидели, что колокола звонят сами без чьего-либо участия.

Юная пастушка четырнадцати-пятнадцати лет по имени Симона из деревни Патэ, что между Орлеаном и Шатоденом, дочь мясника, в тот же день, пригнав стадо домой, спросила отца, что такое Король. Отец ответил ей, что это тот, кто поставлен управлять всеми французами. Тогда она воскликнула: *«Боже мой! Я слышала голос, который сказал мне, что его убили».*

С тех пор девица преисполнилась такой набожности, что обрезала волосы, не желая привлекать мужских взоров, и пошла в монастырь, хотя отец просватал ее одному богачу. Со временем она стала настоятельницей монастыря Сестер Милосердия в Париже.

Предрассудки – удел язычников, христиане не должны им поддаваться. Я привожу здесь все эти случаи Провидения не для того, чтобы доказать, что в них нужно верить. Однако поскольку они сбылись, надо признать, что на свете существует много необъяснимого: нам видны лишь последствия и неведомы причины.

Истинно, что, если конец и скрыт от нас, мы знаем: Бог, держащий в руках сердце королей, не оставляет безнаказанной их смерть. *Исполняющий Его волю имеет некое право и на Его славу; но злоупотребляющий Его доверием не избежит Его суда.*

Убийце Короля было назначено парламентом самое суровое из наказаний, хотя для свершенного им вообще трудно подыскать

подходящую кару.

Всем стоит призадуматься над тем, сколько появилось предвестников смерти – я заверяю всех в их истинности, поскольку имел честь самолично участвовать в их разборе, – и какой страшный конец оборвал течение столь славной жизни.

Очевидно, что история заставляет нас понять: появление на свет и смерть великих людей часто отмечены из ряда вон выходящими предзнаменованиями – кажется, Бог желает подать ими известие миру о Своей милости к ним уже в момент их рождения – ведь они призваны многое свершить для людей – либо предупредить, что прекращает распространять на них Свою милость, если они более не нуждаются в ней.

Эта тема достойна целого исследования, я бы мог еще многое сказать по этому поводу, если бы рассказ мой позволил мне отклониться от повествования не только мимоходом. Но разумнее ограничить себя, добавив лишь следующее: тому, кто получает самые великие милости от Бога, часто выпадает и самое великое наказание, если он злоупотребляет этими милостями.

Многие считают, что малое значение, которое Король придавал покаянию, наложенному на него, когда он получил отпущение грехов при переходе из еретической веры в католичество, – одна из причин его гибели.

Иные думают, что его снисходительное отношение к дуэлям, против которых он издавал вердикты и законы, в гораздо большей степени послужило его смерти.

А кто-то рассуждает так, что он мог навлечь на себя гнев Всевышнего и тем, что, будучи в состоянии отстоять интересы своих союзников в справедливой войне, имея законный предлог взяться за оружие, он брался за него, лишь для того чтобы удовлетворить свое честолюбие на виду у всего честного народа.

Еще кто-то считает причиной его гибели то, что он не положил предела ереси в королевстве.

Я же охотно выскажу свое мнение: не удовольствоваться свершением зла, которое усугублено обстоятельствами худшими, чем само зло, предаваться распутству, сопровождая его святотатством, рвать узы браков, чтобы под сенью самых святых таинств потакать своей необузданной похоти, и вводить в привычку нарушение Святых Таинств, с презрением относиться к тому, что составляет зерно нашей религии, – суть преступления, караемые Вседержителем скорее, чем мелкие, достойные снисхождения грехи.

Крышка часов с изображением
Генриха IV Наваррского верхом. *XVII в.*

Но не нам проникать законы бесконечной мудрости Божией, неисповедимые и для самых провидящих, и потому, смиренно склонившись пред их величием и признавая, что лучшие умы мира тут бессильны, продолжим рассказ. Мир был избавлен 17 мая от убийцы: ему отрезали руку, терзали калеными щипцами в различных частях города, лили на него раскаленный свинец, затем его четвертовали, сожгли, а пепел развеяли.

В те времена поветрие замышлять убийство Короля так распространилось, что кое-кто, охваченный яростью, подобной той, что двигала и Равальяком, собирался покуситься на жизнь его сына. Нашелся даже двенадцатилетний ребенок, заявивший, что у него достанет храбрости расправиться с юным принцем.

Его приговорили к смерти, но природа смилостивилась и сама прибрала к рукам это исчадие ада, не дожидаясь приведения в исполнение приговора.

Королева еще пребывала в горе, которого ждала от нее вся

Франция, но уже подтвердила Нантский эдикт: это произошло 22 мая и было сделано для успокоения гугенотов и удержания их в рамках обязанностей, оговоренных в эдикте.

Кроме того, испуг, в котором пребывали все провинции после сообщения о смерти Короля, побудил кое-кого, убежденного, что его смерть равнозначна гибели государства, овладеть крепостями. 27 мая Королева издала обращение, в котором содержался приказ вернуть крепости в прежнее их состояние под страхом быть обвиненным в оскорблении Ее Королевского Величества и заранее прощались те, кто исполнит ее волю.

Не сыскалось никого, кто ослушался бы.

В то же время парламент, желая предупредить распространение губительных помыслов, охвативших разум Равайака, своим постановлением от 27 мая предписал Факультету теологии вновь поставить на обсуждение декрет, вышедший из его стен 13 декабря 1413 года[60], в котором преподаватели числом сто сорок один вынесли приговор безумию и дерзости тех, кто осмелился выдвинуть тезис о дозволенности подданным покушаться на жизнь правителя без вынесения на то судебного определения.

Два года спустя, в 1415 году, Констанцский собор[61] подтвердил этот декрет и заявил, что прежнее положение было ошибочным по отношению к вере и нравам, открывало путь к распре, предательству и святотатству и что поддерживать его означало впадать в ересь.

Согласно предписанию парламента, Факультет собрался 4 июня, возобновил обсуждение и подтвердил свой прежний декрет, добавив к нему, что отныне преподаватели и студенты будут давать клятву излагать содержание декрета своим ученикам и распространять это знание в народе.

Следствием этого декрета было то, что 8 июня парламент осудил книгу «De Rege et Rygis institutione» («О короле и его статусе» *(лат.)*) испанского автора Мариана[62], приговорил ее к публичному сожжению и под страхом суровых наказаний запретил печатать и продавать во Франции, поскольку в ней содержались идеи, совершенно противоположные вышеуказанному декрету, и прославлялось убийство короля Генриха III.

Враги отцов-иезуитов добавляли, что учение Мариана присуще всему их сообществу, но отец Коттон[63] сделал разъяснение по этому поводу для Королевы и Совета, заверив их, что, напротив, в 1606 году они уже осудили подобную точку зрения на одной из провинциальных конгрегаций, что их глава ордена Аквавива[64] приказал уничтожить все экземпляры этой

книги как весьма вредной, что они признают истинным учение, обоснованное в декрете и на XV сессии Констанцского собора, и везде и всюду поддерживают заявление, сделанное в Сорбонне в 1413 году, как и заявление от 4 июля сего года, считая последние непреложными для всех христиан.

Этот наскок на иезуитов, способный поколебать и самые твердые умы, не лишил их смелости, и они продолжали открывать коллежи и устраивать публичные лекции в Париже.

Они не осмеливались открыто заявить о своем намерении преподавать теологию, но в 1609 году получили жалованные грамоты от Короля, в которых содержалось разрешение делать это в открытых ими учебных заведениях.

Казалось, это никак не затрагивало Университет, в котором лояльно относились к любому преподаванию гуманитарных наук и философии. И все же Университет выступил против, основываясь на убеждении, что отцы-иезуиты преследуют иную цель и стремятся к большему, чем просто преподавание неких дисциплин, и тогда они отказались от своего намерения.

Теперь, когда не стало Короля, когда его смерть все поставила под вопрос, они не столько преодолели волну негодования, поднявшуюся против них, сколько продолжали добиваться своего и прежде всего разрешения преподавать в их коллеже в Клермоне. 26 августа они вновь получили жалованные грамоты.

Университет выступил резко против, но, несмотря на то что иезуиты завоевали различными способами на свою сторону многих университетских, в этом году им все же пришлось приспустить паруса, чтобы переждать бурю, вновь поднявшуюся против них, на сей раз из-за книги кардинала Беллармина[65], отклика на книгу Барклэ «De Potestate Papae» («О папской власти» (*лат.*)).

Парламент счел эту книгу содержащей положения, противоречащие независимости, присущей королевской власти, от какой-либо другой силы, кроме Господа Бога, и потому постановлением от 26 ноября запретил под страхом обвинения в оскорблении Его Королевского Величества получать, печатать либо выставлять на продажу сей труд. Папский нунций был очень недоволен таким решением, и тогда Король из почтения, с которым его предки относились к папскому престолу, велел отсрочить выполнение постановления.

А 3 октября испанский король своим эдиктом запретил печатать, продавать и иметь в своем государстве одиннадцатый том «Анналов» Бароniуса[66], поскольку они содержали, по его мнению, положения, противоречащие его власти и его правам на

Сицилию. Его воля была неукоснительно исполнена, невзирая на протесты нунция.

Христианский мир имел случай убедиться в различии, существующем между подлинными чувствами, которые французы питают к религии, и внешней показной религиозностью испанцев; но многие сочли, и не без оснований, что наше легкомыслие заставляет нас уступать другим в тех вопросах, где требуется твердость.

Однако я не хочу, чтобы рассказ о книге Мариана увел меня в сторону от событий, которые иезуиты пережили в этом году, к тому же пора вернуться ко двору, где мы оставили Королеву перед лицом вернувшегося графа Суассонского.

Истощив все запасы доводов, чтобы заставить его вести себя подобающим образом, не надеясь уж подействовать на его ум, но хоть завладеть его волей, де Бюльон как-то отправился навестить графа после того, как тот вновь обрушил на Королеву упреки. Де Бюльону удалось смягчить его настрой и искусно перевести разговор в иное русло, после чего граф сказал ему: *«Если для меня будет сделано нечто значительное, я мог бы закрыть глаза на происходящее».*

Де Бюльон поинтересовался, что бы могло его удовлетворить. Граф попросил 50 000 экю пенсиона, губернаторство в Нормандии – в то время место пустовало в связи с кончиной герцога де Монпансье, случившейся еще до убийства Короля, – назначение его преемником губернатора Дофинэ, должность ректора Университета для своего сына, которому тогда было четыре или пять лет, и, помимо этого, чтобы за него заплатили 200 000 экю, которые он задолжал герцогу Савойскому за герцогство Монтафья в Пьемонте, принадлежащее его жене.

Эти просьбы были непомерными, но канцлеру, как и г-дам де Вильруа и Жанену, да и Королеве, они показались ничтожными: стоило Бюльону передать их Ее Величеству, как она послала за графом, чтобы самолично засвидетельствовать ему свое согласие.

После этого граф некоторое время поддерживал Королеву.

Министры поспешили заручиться его согласием по поводу договора о двойном браке между Французским и Испанским королевскими домами.

В то же время графу взбрело в голову помешать Господину Принцу, бывшему в Милане, вернуться ко двору. У Королевы и министров также было подобное желание, но оно было трудноосуществимо, тем более что он намеревался вернуться: время не позволяло приказывать ему.

Граф де Фуэнтес, губернатор Милана, пообещал все устроить.

Слева направо: король Франции Людовик XIII, Анна Австрийская; Филипп Австрийский, Елизавета Бурбонская. *Гравюра. XVII в.*

Гравюра озаглавлена «Знак почтения четырех частей света Святому союзу самых могущественных королей Франции и Испании» и, по-видимому, относится ко времени регентства Марии Медичи, которая отступила от политики своего покойного мужа и, устроив брак своего сына с дочерью испанского короля Филиппа III, Анной, выдала за его сына, будущего короля Филиппа IV, свою дочь Елизавету (которая, став испанской королевой, именовалась Изабеллой Французской).

Начал он с того, что стал настраивать Принца претендовать на власть, обещая помощь своего Господина. Но Принц отвечал, что скорее умрет, чем станет претендовать на трон, что у него нет иного намерения, как быть возле Короля, которому по праву принадлежит корона, и служить ему; тогда граф де Фуэнтес стал отговаривать его возвращаться и честно признался, что не может отпустить его без разрешения Испании, которого нужно во что бы то ни стало дождаться.

Когда разрешение было получено, Господин Принц выехал из

Милана во Фландрию, где находилась в то время его супруга. Причем он отправил ко двору одного дворянина, присланного к нему до того Королевой, дабы засвидетельствовать ему свое расположение и выразить уверенность, что он займет рядом с ней и ее сыном достойное место.

Он не успел еще добраться до Брюсселя, как ему вновь были сделаны те же предложения, что и в Милане, но он не желал ничего слышать, чем весьма разочаровал испанцев, страстно желавших втянуть его в интригу, так что даже их посол в Риме уже добивался аудиенции у Его Святейшества, чтобы подкрепить намерения Принца, которые ему пытались навязать.

До приезда Господина Принца Королева занималась упорядочением органов управления государством. Чтобы втайне вершить важные дела, ей было вполне достаточно узкого круга самых близких людей, составлявших Тайный Совет, однако и Большой Совет был необходим, ведь все сановники желали туда войти и всех их нужно было приласкать, не исключая никого, кто мог бы помочь или навредить.

Министры, дабы никого не раздражать, по очереди с глазу на глаз беседовали с Королевой и поучали ее, что должно довести до сведения тех, кто допущен в Королевский совет.

Иные, то ли по незнанию, то ли желая польстить ей, предложили ей делать все отправления – письма, депеши, грамоты, эдикты, заявления – от своего имени, а также выбить ее изображение на монетах, чеканившихся в годы ее правления.

Вопрос этот был поднят на заседании Совета: министры доложили Королеве о том, что, согласно установлению, в каком бы возрасте король ни вступал на престол, пусть еще лежа в люльке, управление государством должно вестись от его имени. Королева приняла решение следовать той форме, которая сохранилась со времен Екатерины Медичи[67]: отсылать все грамоты и свидетельства от имени Короля, но с припиской: *с согласия Королевы-матери.*

Для депеш как за пределы государства, так и внутри него предусматривалась подпись государственного секретаря и приписка: *от имени Королевы,* также за его подписью.

В это время герцог д'Эпернон, посчитав, что несовершеннолетие Короля – удобный момент, чтобы вытащить из ноги занозу, весьма беспокоившую его, решил убрать из цитадели Меца г-на д'Аркьена, назначенного покойным Королем: д'Аркьен мешал ему стать полновластным хозяином города.

Он добился от Королевы, вероятно, застав ее врасплох, приказа на имя д'Аркьена передать цитадель в его руки.

Д'Аркьен тут же исполнил приказ Королевы, но она

спохватилась и попеняла ему: мол, не стоит так скоро следовать полученным приказам.

Тот расстроился от того, что хотел сделать как лучше, а вышло плохо, однако Королева была ему столь признательна за его слепое повиновение, что вручила ему губернаторство Кале, осиротевшее в связи с кончиной г-на де Вика, не пережившего смерти своего любимого Государя.

Надобно сказать, этот г-н де Вик был весьма низкого происхождения, но обладал качествами столь высокого свойства, что поднялся над своей средой и прославился.

Долгое время он был капитаном гвардейского полка и столько раз отличился в бою, что Король в день сражения при Иври пожелал повысить его в звании, и он сполна оправдал надежды Его Величества. Стоило ему овладеть крепостью Сен-Дени, открытой со всех сторон и близкой к столице, как Король назначил его тамошним губернатором, да и кому другому мог вверить он столь важный рубеж, как не этому отважному и великодушному вояке?

Незащищенность крепости давала сторонникам Лиги повод думать, что она может стать легкой добычей, и они совершили вылазку уже на вторую ночь после назначения туда де Вика. Шевалье д'Омаль вошел в крепость со своим отрядом под покровом ночи.

При первых звуках тревоги де Вик в одной рубашке вскочил в седло и с дюжиной солдат устремился на врага, да так лихо, что тот немало удивился; тут подоспело подкрепление, и незваных гостей выпроводили из города, при этом шевалье д'Омаль был убит.

Слава де Вика была такова, что больше атак на Сен-Дени не предпринималось; Король призвал его и отдал под его начало Бастилию. Захватив Амьен, он вновь поручил его своему любимцу, то же и Кале, как только испанцы возвратили его согласно Вервенскому договору. Де Вик правил Кале столь безукоризненно, в войсках царил такой порядок, что лучшие дома королевства посылали к нему своих отпрысков, не желая для них лучшей военной подготовки.

После его смерти де Валансэ, женившись на дочери жены де Вика, прибрал цитадель к рукам и послал Королеве депешу с заверением, что не хуже своего свекра станет бдить за ней.

Подобный способ испрашивать позволения на губернаторское место был сочтен весьма недостойным, и Королева повелела ему не только освободить это место, но и отказалась назначить его послом в Англию, как предполагалось ранее.

Герцог д'Эпернон, освободившись в Меце от д'Аркьена и

назначив на его место Бонуврие, своего ставленника, добился того, что цитадель охранял не слуга Короля, а его собственный. Ставки его при дворе весьма повысились.

Тогда казалось, что регентство прочно, насколько это вообще возможно: Парижский парламент, а вслед за ним и парламенты провинций были в этом заинтересованы; все города и общины принесли клятву верности юному Королю и добровольно подчинились Королеве-матери, как и полагалось согласно последней воле Короля; все главные губернаторы и просто губернаторы поступили так же; вельможи – по разным соображениям – свидетельствовали, что у них нет иных устремлений, кроме спокойствия в королевстве и службы Королю под началом Королевы.

Дом Гизов особенно выказывал свою приверженность королевской власти, герцог д'Эпернон, вошедший в большой почет, смотрел Королеве в рот. Министры сплотились. Кончини и его супруга, к которым Королева благоволила, заверяли, что будут мудры и станут руководствоваться лишь интересами короны.

Граф Суассонский получил желаемое и на время умолк. Намеревались таким же способом удовлетворить и запросы принца Конде, который был на пути к столице: знание его склада ума давало надежду, что с ним удастся договориться, главным образом потому, что по приезде ему предстояло убедиться, что все уже бесповоротно и вряд ли возможно что-либо изменить.

Надеялись с помощью подтверждения уже выпущенных эдиктов задобрить и гугенотов, и герцогов Буйонского, Роанского и де Ледигьера – главных вождей партии гугенотов.

Однако дальнейший ход событий показал истинную картину непостоянства французов, даже тех, кто должен был бы проявить наибольшее благоразумие и сдержанность, а также оборотную сторону так называемой верности знати, которая, как правило, ненарушима ими лишь при соблюдении собственных интересов и которая словно флюгер поворачивается туда, откуда им светит выгода. Все, кто был с юным Королем и его матерью, покинули их один за другим ради собственных страстей или интересов.

Принцы крови сперва будут разобщены, затем объединятся и так и не выполнят то, что им предписывал долг. Дом Гизов восстановит свое единство и отделится от двора, беспрестанно обманывая возложенные на него надежды. Парламенты будут потакать смутам. Министры будут смотреть в разные стороны, примкнут к различным партиям и своими руками сотворят свою погибель.

Маршал д'Анкр, казалось бы, навеки связанный с той, что

донельзя возвеличила его – иностранец не может претендовать во Франции на более высокое положение, – будет настолько ослеплен, что станет действовать против воли Королевы в интересах партии, которую сочтет способной поддержать его.

Во многом повредят Королеве различные капризы его супруги. Пока казна не оскудела и удовлетворяет необузданные аппетиты, Совет и двор еще будут что-то делать, покой французов не будет в открытую нарушаться, но, когда сундуки опустеют, раздор охватит провинции, и Франция будет раздираема, да так, что тень королевской власти, которая может находиться лишь в одном месте, станет появляться в различных уголках королевства – там, где взявшиеся за оружие выступят против королевской власти, на словах убеждая всех в обратном.

Такого количества перемен на театре военных действий прежде не бывало: война и мир будут приходить на смену друг другу, лихорадя страну. И все же можно утверждать, что никогда еще юные годы Короля не были столь безмятежными и счастливыми.

Чтобы лучше понять обрисованные мною изменения, нужно отдать себе отчет, что регентство Марии Медичи познало за время своего существования четыре различных этапа.

Первый: какое-то время сохранялось величие, оставшееся от правления Генриха Великого, и Королеве служили те же самые министры, не выступавшие открыто друг против друга. Этот период длился до тех пор, пока не впал в немилость и не отошел от дел герцог де Сюлли.

Второй: еще сохранялась некая видимость силы при уже заметном ослаблении власти. Союз канцлера, президента Жанена и Вильруа при чрезмерной расточительности президента Жанена – человека неплохого, но не способного сопротивляться неоправданно завышенным запросам, – привел к тому, что вельможи, удерживаемые непомерным вознаграждением, некоторое время вели себя послушно, но лишь до тех пор, пока не оскудела казна. Этот период окончился со смертью жены г-на де Пюизьё, дочери Вильруа.

Третий: полный беспорядок и смятение при дворе, причина которых кроется в открытом противостоянии министров, в разрыве союза между канцлером и Вильруа, коего не случилось бы, будь канцлер и его брат менее неосторожны и тщеславны и не захоти они понравиться маршалу д’Анкру и потакать его необузданным страстям, многим из которых они прежде противостояли и могли бы продолжать это делать, когда бы раздоры между ними не ослабили их.

Верх одержали придворные, Вильруа пал, канцлер на время

уцелел, подпав под влияние тех, кто прежде противился примирению с его сторонниками. После свадьбы Короля, по возвращении из путешествия, предпринятого с этой целью, после того как одни вознеслись, а другие были ниспровергнуты, каждый из них был разжалован и удален, и повинно в том не столько всесилие маршала д'Анкра и его супруги, сколько их собственное недобросовестное поведение.

Четвертый: правление маршала и его жены, частенько своим могуществом ниспровергавших добрые советы, получаемые Королем.

Это время было отмечено множеством событий, которые, если в них получше вглядеться, были не такими страшными, как казались, и которые были полезны государству в той же степени, в какой представлялись излишне тяжкими тем, кто пострадал в них, понеся заслуженное наказание.

Самым насущным из всех дел государственной важности, вставшим перед Королевой в самом начале регентства, было продолжение политики ее почившего супруга в отношении покровительства штатов Жюлье и Клевского. Смерть герцога Клевского, не оставившего наследников, случившаяся до смерти Генриха Великого, и последовавший вслед за ней спор за наследование его владениями, привели партии, претендующие на них, к тому, что они взялись за оружие.

Католические государи Германии благоволили к одним, протестантские государи – к другим; вмешались Испания и Голландия, Англия поддержала исповедующих ее религию и захватила несколько городов. Появилось опасение, что передышке конец и христианский мир вот-вот вновь будет объят огнем.

Одни советовали Королеве сменить в отношении этих штатов политику: мол, со смертью ее супруга намерение это стало неосуществимым. При этом дело представляли так: негоже дразнить Испанию до восшествия на престол сына Генриха Великого, лучше дружить с ней и скрепить дружбу узами двойного брака, что упрочит позиции будущего Короля.

Другие, напротив, были того мнения, что, если не следовать политике покойного Короля, наши союзники заподозрят нас в том, что мы хотим бросить их, что опасно выказывать свою слабость в самом начале регентства, что испанцы могут осмелеть и напасть на Францию и что подлинный путь к двойному брачному союзу лежит только через сохранение репутации Франции как мощной державы.

К тому же, если мы хотим выбить из-под ног Испании основание для зависти к нашей армии, лучше распустить войско в

Дофинэ, которое для них в большей степени как заноза в глазу, чем войско в Шампани. Поскольку войско в Дофинэ возглавляет маршал Ледигьер, гугенот, Король получит дополнительное преимущество, обезопасив себя от внутреннего врага.

Королева последовала второму совету, однако ей пришлось нелегко при выборе командующего армией. Маршал Буйонский был не прочь стать им, но его религиозная принадлежность и беспокойный нрав помешали его назначению на пост главнокомандующего армиями Короля, которым надлежало присоединиться к армии Генеральных Штатов и армии немецких протестантов. Был назначен маршал де Ла Шатр.

Так Королева приступила к исполнению воли усопшего Короля: чтобы подкрепить доводы, она послала мощную армию.

Император, Испания и Фландрия сделали вид, что хотят помешать прохождению войск, но, зная, что королевская армия намерена захватить то, в чем нет оснований ей отказать, они сменили гнев на милость и пропустили французские войска, а те сделали все, что было в их силах, дабы оставить за французской короной славный титул арбитра христианского мира, добытого для нее Генрихом Великим.

В остальном Королева получила немало похвал за то, что заботилась о сохранении и поддержании католической религии во всех уголках Европы, где та была и прежде.

В этой связи герцог Буйонский не скрывал своего огорчения тем, что ему предпочли маршала де Ла Шатра. Подозревая, что этому способствовали граф Суассонский, кардинал де Жуайёз и герцог д'Эпернон, тесно связанные друг с другом, герцог с нетерпением дожидался прибытия Принца, намереваясь создать некую партию при дворе, которая включала бы дом Гизов, герцога де Сюлли и некоторых других вельмож.

Королева ради увековечения памяти усопшего Короля решила перенести его тело в Сен-Дени, чтобы там воздать ему последние почести. К тому же она сочла, что и его предшественники на троне должны находиться в той же усыпальнице, и послала за телами Генриха III и его матери – королевы Екатерины Медичи, приказав доставить их в Сен-Дени.

В этом месте повествования мне хотелось бы напомнить об одном предсказании, сделанном покойному Королю, ведь именно оно помешало ему предать земле своего предшественника. Как только он пришел к власти, ему сказали, что, сразу после предания земле тела Генриха III, его собственное окажется в ней же, а потому он решил, что отсрочка захоронения его предшественника на троне продлит его собственную жизнь, не догадываясь, что страх и предрассудки, помешавшие ему отдать

последний долг тому, кто оставил ему корону, способны лишь подтвердить истинность предсказанного.

Предсказание сбылось: как только король Генрих III был предан земле, покойный Генрих IV был похоронен вслед за ним в первый день июля при строгом соблюдении церемонии, подобающей похоронам персоны его ранга.

Понадобилось бы слишком много времени, чтобы пересказать все похвалы, которых удостоился этот великий Король в ходе прощальных церемоний по всей Франции и во многих странах христианского мира. Его оплакивали, о его кончине скорбели все добрые люди, даже враги, для которых его смерть стала лишним поводом оценить его добродетели и задним числом опасаться его могущества.

У него была благородная осанка, он был смел и отважен, силен и крепок, удачлив в своих начинаниях, добродушен, мягок и приятен в беседе, быстр и резок в репликах, милосерден к врагам.

Когда были отданы последние почести этому великому монарху, Королева серьезно задумалась о том, как позаботиться о своем сыне – Короле и о государстве. Она ослабила налоговое бремя, 22 июля повелела остановить деятельность четырнадцати специальных судов, оказавшихся бесполезными, распустила пятьдесят восемь судов, получивших поддержку парламента, на четверть уменьшила цену на соль.

Велела продолжать строительные работы, предпринятые покойным супругом, начала обустройство Венсенского замка, чтобы обеспечить Королю покой и безопасность в окрестностях Парижа, по совету кардинала дю Перрона приказала приступить к сооружению королевских коллежей.

Усыпальница французских королей в Аббатстве Сен-Дени.
Гравюра. XIX в.

В древности на месте Сен-Дени, северного пригорода Парижа, было расположено римское поселение. Именно сюда, по преданию, в III в. пришел с Монмартра, неся свою отрубленную голову в руках, первый парижский епископ — святой великомученик Дионисий.

В 475 г. над гробницей Дионисия была построена базилика, а в начале VII в. в Сен-Дени был основан бенедиктинский монастырь.

Наибольшего расцвета аббатство достигло во времена аббата Сугерия, при участии которого в середине XII в. была возведена монастырская церковь — первое сооружение в готическом стиле, оказавшее влияние на развитие готики во Франции.

В следующем столетии Людовик IX Святой приказал перенести в Сен-Дени прах своих предшественников и создать для них надгробия.

С тех пор Сен-Дени считается главным «королевским некрополем» Франции, здесь похоронены 25 французских королей, 10 королев и 84 принца и принцессы.

В это время Господин Принц выезжает из Брюсселя и направляется ко двору. Королева срочно отправляет к нему г-на де Баро, тот встречает его на границе и заверяет от имени Их Величеств, что его примут со всеми положенными ему почестями.

Лотарингский дом, герцоги Буйонский и де Сюлли, желавшие объединиться с ним, едут ему навстречу до Санлиса, граф Суассонский и его союзники собирают в это же время своих друзей. Опасаясь, как бы такие сборища не вызвали беспорядков, Королева следует совету вооружить народ.

15 июля Принц вступает в Париж в сопровождении более полутора тысяч дворян; это беспокоит Королеву: Господин Принц, располагая благодаря герцогу де Сюлли пушками, Бастилией и деньгами покойного Короля, да к тому же если парламент и народ утратят верность, смог бы предпринять действия, таящие большую опасность для ее сына. Впрочем, их недоверие было взаимным.

По прибытии он получил несколько предупреждений о том, что Королева, подстрекаемая графом Суассонским, замыслила схватить его и герцога Буйонского, а потому, несмотря на щедрый стол, приготовленный для него Их Величествами, он провел три тревожные ночи, готовясь покинуть Париж при первых же признаках заговора против него. Как только он уверился в беспочвенности своих опасений, он, как и Господин Граф, изложил свои требования.

Если бы он осмелился, то смог бы оспаривать регентство, но любезный прием заставил его отказаться от этого; ему назначили пенсион в 200 000 ливров, подарили дворец Гонди в парижском пригороде Сен-Жермен, купленный за 200 000 франков, графство Клермон и много чего еще.

Следуя совету своих министров, Королева широко и щедро одаривала всех принцев крови и знать; она не скупилась, дабы завоевать их симпатии и обеспечить мир своему народу.

Многие сочли, что разумнее было бы проявить сдержанность, что страх гораздо надежнее любви, да к тому же благодеяния забываются скорее, чем наказания. Впрочем, совет держать в некоторых случаях, сходных с регентством, слишком неуемные умы при помощи золотых цепей также не плох, правда, при этом можно и потерять достигнутое.

Самая надежная рента для королей – их щедрость, покоящаяся на любви подданных, поощрения приносят свои плоды в нужное время и в нужном месте. Они вытекают из монарших рук, словно из артерий тела, которые наполняются, расширяясь.

Господин Принц и граф Суассонский неизменно враждовали. Нельзя сказать, чтобы их вражда не была на руку Королеве и министрам; напротив, она была выгодна маршалу Буйонскому, который благодаря своему опыту интригана и свойственной ему хитрости терпеть не мог покоя в государстве.

Благодеяния, полученные им от Королевы, скорее обнаружили, чем утолили аппетит, разжигаемый в нем несовершеннолетием Короля. Он воспользовался маршалом де Кёвром, которому весьма доверял граф Суассонский, чтобы создать столь желаемый им союз; ему нетрудно было заручиться его поддержкой, ведь он поклялся ему в верности Королю, в ненависти к смутам и войнам внутри страны.

Помимо этого, маршал убедил его в том, что распри между Принцем и Графом, а также их сторонниками были выгодны лишь министрам, еще более укрепляя верность тех Королю, а также в том, что при дворе необходим противовес, способный удержать их в рамках долга, что в противном случае они окажут добрые или худые услуги Королеве, станут продвигать своих, оттирать порядочных людей.

Господин Граф уже вызвал к себе отвращение Королевы, что, впрочем, не мешало ему подружиться с Господином Принцем, что, по словам маршала, было настолько полезно и необходимо для государства, что он вовсе не боялся того, что Королева могла узнать об этом, и даже напротив, желал, чтобы она в конце концов с этим согласилась.

Маркиз де Кёвр едва успел сообщить обо всем этом Графу, как тот тут же предупредил Королеву и весьма деликатно предложил ей рассчитывать на него; она же дала понять, что ей приятно его предложение.

Кардинал Жуайёз и самые умудренные люди с обеих сторон сочли, что следует добиться от Королевы более четкого согласия и что следует разговаривать с ней об этом в присутствии министров: те не посмеют возражать, опасаясь навлечь гнев принцев крови и остальной знати.

Так и было сделано. Министры одобрили примирение на публике и настолько преувеличили его последствия перед Королевой, Кончини и его супругой, что не забыли упомянуть ни о чем, что могло помешать ему.

С этой целью г-на де Гиза убедили в необходимости выдать м-ль де Монпансье замуж, Господину Принцу сообщили о множестве надуманных ожиданий, которые заставили на некоторое время отложить этот брак, не ставя на нем окончательно крест, в чем мы убедимся в конце года.

Тем временем в Париж прибыли послы, которых большая

часть королей христианского мира направила к Королю, дабы выразить ему соболезнования в связи с кончиной его отца и поздравить со вступлением на трон. Короля Испании представлял герцог Феерия.

Как мы уже упоминали, граф де Фуэнтес и министры Фландрии просили Господина Принца стать возмутителем спокойствия государства. А герцог Феерия пообещал содействовать всеми силами, имеющимися в распоряжении его Короля, в борьбе с теми, кто желал помешать регентству Королевы.

Он также поднял вопрос о двойном браке, договор о котором был тогда же заключен между Францией и Испанией; по секретному соглашению, заключенному им с государственными министрами, его господин – король Испании, отказывался поддерживать бунтовщиков соседнего с ним королевства, мы же не должны были вмешиваться в дела Германии, осложненные соперничеством между императором Рудольфом и восставшим против него родным братом Матиасом[68], отнявшим у императора часть его наследных провинций и других земель.

Это восстание Матиаса против престарелого брата, корону которого он, казалось, вскорости должен был унаследовать, показывает, что честолюбие не имеет границ, что нет ничего уважаемого и святого, на что бы оно не было готово посягнуть ради своих целей.

Матиас оправдывает политику Испании, которая держит братьев-королей в таком состоянии, что у них не возникает никакого желания вредить Королю: они знают, что лишены возможности править.

Герцог Савойский, зная об идее двойного бракосочетания, поручил своим посланникам решительно воспротивиться этому. Он представил дело таким образом, будто покойный Король говорил, что в интересах его сына свекры должны быть ниже его, а не равны. Но на его протесты не обратили внимания, а посланнику наказали утешить его хотя бы словами, раз не могли удовлетворить его желания.

В это время Королева решила короновать своего сына в Реймсе, куда они и отправились. Герцог де Гиз остался в Париже из-за иерархического спора с герцогом Неверским, который, находясь под его командой, собрался явиться в Реймс раньше него.

Коронация состоялась 17 октября, а 18 октября Короля наградили орденом Святого Духа. Кардинал де Жуайёз и Господин Принц также должны были получить эту награду, но кардинал вежливо отказался под предлогом того, что из

состояния дел вытекало, что Господин Принц более важная персона, чем он сам, а посему он не желал быть арбитром в споре между ними по вопросу о первенстве, считая, что это могло сослужить плохую службу либо Королю – и разочаровало бы Господина Принца, если бы он оказался в проигрыше, – либо Церкви, если бы кардинал де Жуайёз лишился того, в чем кардиналы всегда были впереди суверенов, за исключением королей[69].

Герцог Буйонский, намереваясь создать союз между принцами крови и знатью королевства, поддерживающей их интересы, не отказался от своих замыслов и вернулся к ним во время пребывания Короля в Реймсе, тайком от Королевы и министров, которым эти замыслы пришлись бы не по душе.

Когда Король выехал из Реймса в Париж, куда он прибыл 30 октября, герцог Буйонский, чтобы усилить этот союз, отправился в Седан – вместе с принцами крови и герцогами Лонгвильским, Неверским, маркизом де Кёвром и некоторыми другими персонами, – где скрепил союз двойным узлом, чтобы сделать его нерушимым.

Затем, чтобы достичь своих целей и положить конец покою, он уговорил гугенотов потребовать созыва Генеральной ассамблеи; это не составляло большого труда: он призывал их воспользоваться малолетством Короля и потрясением, которое испытало государство, потеряв его отца.

Они согласились на это тем более охотно, что заканчивалось время, в которое, согласно эдикту от 1598 года, они могли созвать ее[70].

Королева, рассудив, что они не упустят случая предъявить чрезвычайные и необоснованные требования, которые в силу их неисполнимости могут накалить обстановку до крайности, попыталась выиграть время и отсрочить созыв ассамблеи; но их требования были столь настойчивыми, что оказалось невозможным помешать им собраться. Ассамблея была назначена на следующий год в городе Сомюр.

Ссора, случившаяся во время поездки в Реймс между маркизом д’Анкром и г-ном де Бельгардом, обер-шталмейстером Франции, по поводу их старшинства, позволила герцогу д’Эпернону проявить свою неизменную враждебность по отношению к маркизу, а тот, узнав об этом, решил помириться с Господином Графом, чтобы помешать ему использовать своего союзника – герцога д’Эпернона – против него.

Господин Граф сообщил ему, что у него есть все основания быть недовольным предполагаемым браком м-ль де Монпансье с герцогом де Гизом, решение о котором было недавно принято им

самостоятельно: министры дали ему понять, что не имели к этому никакого отношения.

Въезд Людовика XIII в Реймс 14 октября 1610 года.
Гравюра. XVII в.

Он добавил, что не может быть ему другом, пока он не исправит эту ошибку, убедив Королеву согласиться на брак м-ль де Монпансье с принцем д'Эгийонским, его сыном. По его мнению, г-жа де Гиз, завладев наследством м-ль де Монпансье, вполне может передать его своим детям от второго брака.

Он считал также, что стоит опасаться того, что у нее появится желание выдать замуж эту наследницу – принцессу крови – за кого-нибудь из младших детей дома Гизов; и в итоге у него не было желания договариваться с ним о чем бы то ни было без ведома Королевы и министров.

Тем временем в присутствии Королевы вышел весьма острый спор между герцогом де Сюлли и Вильруа по поводу трех сотен швейцарцев, которых последний запросил для охраны Лиона, приобретенного незадолго до этого его сыном Аленкуром под свое управление у герцога Вандомского и уступившего королевское наместничество в Сен-Шамоне. Герцог де Сюлли позволил себе высказаться в столь резком тоне, что смертельно обидел Вильруа.

Здесь следует заметить, что во время коронации, на которой герцог де Сюлли не присутствовал по причине своих религиозных убеждений, удалившись в свои поместья, Вильруа, стремящийся навести порядок в делах, посчитал, что все уже свыклись с выходками герцога де Сюлли, и был готов использовать все свои возможности, чтобы убедить Королеву в том, что в ее интересах сохранить за герцогом его должность и предоставить ему на время несовершеннолетия Короля полномочия, которых он не мог иметь при покойном Короле.

Буйон получил приказ встретиться с герцогом де Сюлли в Париже после его возвращения и убедить его в расположении и доверии Королевы не меньших, чем покойного Короля.

Он принял предложение Королевы настолько учтиво, насколько могла ему позволить его грубая натура. И все же он не был удовлетворен, ведь он претендовал на руководство финансами, однако в этом ему было отказано, поскольку и во времена покойного Короля эта должность не была ему пожалована. Этот отказ заставил его относиться с большим недоверием к канцлеру и Вильруа, а Кончини он считал своим врагом.

Он продолжал исполнять свою должность в течение почти двух или трех недель, истекших с коронации, после чего спор по поводу швейцарцев из Лиона, о котором я уже упомянул, вспыхнул с новой силой в связи с желанием Вильруа оплачивать их содержание из местных доходов.

Эта история разозлила герцога де Сюлли, считавшего, что неоправданно взваливать на корону такие расходы, когда привычные к этому горожане могут и сами нести охрану Лиона, и он напал на канцлера, который покровительствовал Вильруа, обвинив их обоих в желании подорвать дела Короля. Поскольку это оскорбление касалось всех министров, они сговорились уничтожить этого упрямца.

Аленкур, имевший свой интерес в этом деле, обратился к маркизу де Кёвру, зная его неприязнь к герцогу де Сюлли, заполучившему пост командующего артиллерией еще при покойном Короле, хотя право преемственности на нее было у

маркиза, и предложил ему добиться удаления герцога от двора, намекнув, что все министры охотно посодействовали бы этому, если бы Господин Граф пожелал, чтобы эта должность досталась маркизу д'Анкру.

Стоило маркизу де Кёвру получить это предложение, как он тут же обратился к Господину Графу, убеждая его, что этот случай поможет ему убедить министров согласиться со свадьбой своего сына и м-ль де Монпансье; он тотчас же решил побеседовать с маркизом д'Анкром, пообещавшим ему сопровождать министров на этой встрече.

Затем речь зашла о том, как успокоить министров по поводу замужества, желаемого Господином Графом. Маркиз де Кёвр, изворотливый и авторитетный в делах двора, посодействовал этому: то ли министры сами этого захотели, то ли малый возраст жениха и невесты привел их к заключению, что у них будет еще немало возможностей помешать исполнению этого замысла.

Таким образом, Господин Граф и маркиз д'Анкр стали союзниками, а в деле, касающемся герцога де Сюлли, к ним присоединились и министры. Однако удаление герцога де Сюлли было отложено в связи со следующими событиями.

Граф Суассонский, будучи губернатором Нормандии, был обязан выехать туда, чтобы возглавить заседания Провинциальных Штатов, а в его отсутствие герцог де Сюлли накануне Рождества вновь затеял очередную ссору в Совете с Вильруа все по тому же поводу и дошел при этом до такой брани, что Вильруа был вынужден удалиться в Конфлан до возвращения Господина Графа.

Историю впадения в немилость герцога де Сюлли мы закончим чуть позже.

Однако не могу не упомянуть о том, что еще до истечения этого года в Испании состоялся самый дерзкий и варварский Совет из всех известных в истории предшествующих веков, что дало Франции повод подтвердить свое человеколюбие и свою набожность.

Испания была заполнена мавританцами, называемыми так потому, что они происходили от мавров, которые когда-то завоевали Испанию и семь веков подряд управляли ею.

Преследования со стороны короля, презрение, с которым к ним относились христиане, привели к тому, что большинство из них тайно сохранили веру своих предков, направленную против Бога, поскольку они чрезвычайно ненавидели людей.

С ними обращались как с рабами, и они стремились найти способ вернуть себе свободу; подозрение в том, что все к тому и идет, привело к их поголовному разоружению, особенно в

королевствах Гранады и Валенсии, где почти весь народ был заражен этим ядом; им не разрешалось носить даже кинжалы, если они не были затуплены.

Испанский Совет, посчитав, что покойный Король затевал большой поход против них, опасался также, что потомки мавров воспользуются случаем, чтобы разжечь войну в сердце их государства.

Дабы предупредить эту опасность, вполне реальную, король-католик в начале этого года повелел всем этим людям покинуть Испанию с их семьями, дав на это всего месяц, в течение которого им было разрешено продать скарб и увезти с собой его стоимость, но не в деньгах, а в товарах страны, не запрещенных к вывозу; жилища же их были конфискованы в пользу короля.

Те, кто жили рядом с морем, погрузились на корабли и отправились в земли варваров – кстати говоря, все иностранные корабли в портах были арестованы; остальные направились к границе Франции.

Невозможно представить себе жалость, которую внушал этот несчастный люд, лишенный всего своего имущества, изгнанный из страны, ставшей ему родиной: те из них, кто исповедовал христианство, а таких было немало, были достойны еще большего сострадания, поскольку, как и другие, они были изгнаны в страны варваров, где над ними нависла опасность насильственного обращения в иную веру.

Женщины с грудными младенцами, с четками в руках рыдали и рвали на себе волосы под грузом обрушившихся на них бед, призывали на помощь Иисуса Христа и Деву Марию, с Которыми их заставляли расстаться.

Герцог де Медина, командующий флотом андалусского побережья, высказал свое мнение Совету Испании по поводу этого плачевного исхода, но получил новый приказ – не считаться ни с возрастом, ни с полом, ни с положением, так как государственный интерес заставлял добрых страдать за злых.

Герцогу пришлось повиноваться, но он открыто заявил, что легко приказывать то, что невозможно исполнить без крайнего сострадания, когда видишь собственными глазами подобные муки.

Число изгнанных превысило восемьсот тысяч; по своему размаху это изгнание не уступало исходу евреев из Египта. Правда, между ними было два различия: первое – израильтяне вынудили египтян отпустить их, мавританцев же принудили покинуть страну; и второе – израильтяне ушли из чужой страны, чтобы обрести землю обетованную, а мавританцы покинули родину, чтобы очутиться в неведомых землях, в которых им

предстояло стать иностранцами и, возможно, отказаться от своей веры.

Король Генрих Великий, предупрежденный о том, что некоторые из этих несчастных направляются в его королевство, заслужившее повсюду репутацию убежища для страждущих, опубликовал в феврале ордонанс, обязывающий должностных людей и чиновников объяснять людям на границе, что пожелавшим жить в католической вере и подтвердившим это в присутствии епископа Байоннского впоследствии будет разрешено проживать в его государстве, по эту сторону рек Гаронна и Дордонь, где их примут после совершения акта веры перед епископом той епархии, в которой они пожелали бы остаться на жительство.

Остальным, избравшим магометанство, предоставят корабли, чтобы они могли добраться в земли варваров.

Смерть этого великого Короля опередила исполнение его воли, но Королева тщательно выполнила ее.

Нашлись чиновники, злоупотребившие властью при выполнении этого богоугодного дела и совершившие множество преступлений и даже несколько убийств несчастных, пожелавших отправиться в земли варваров; но их так наказали, что это отбило охоту у других творить подобное.

В этом же году скончался курфюрст Пфальцграфский, чья смерть заслуживает быть отмеченной как предзнаменование многих бед, случившихся в следующие годы из-за неуемного честолюбия его сына, который, следуя советам герцога Буйонского и некоторых других его союзников, был, по мнению многих беспристрастных людей, справедливо лишен своего государства за то, что захотел слишком несправедливо захватить другие.

Этот случай разжег пожар в христианском мире[71], он горит до сих пор, и одному Богу известно, когда удастся его погасить.

Первый год регентства Королевы, о котором мы говорили в предыдущей книге, не сохранил того величия, с которым Генрих Великий правил своим государством. Началось все с раздоров между министрами: если уж собирались вместе три министра, то лишь для того, чтобы сговориться, как половчее изгнать четвертого.

Мы уже упомянули причину, по которой многие хотели избавиться от герцога де Сюлли. Граф Суассонский, к которому обратились министры, зная о его давней вражде с де Сюлли, возглавил эту партию и привлек в нее Господина Принца.

Действовал он не спеша, желая убедиться в выполнении данных ему обещаний, касающихся удовлетворения его собственных интересов, особенно в том, что касалось женитьбы его сына, принца д'Эгийонского, на м-ль де Монпансье: по замыслу заговорщиков, министры должны были посодействовать тому, чтобы Королева согласилась на этот брак.

Как только он вернулся из поездки в Нормандию, министры стали торопить его с исполнением задуманного: он было взялся за дело без особой охоты, но случились две ссоры, которые сблизили графа Суассонского и Кончини, также участвовавшего в этом деле, после чего его старания заметно возросли.

Первая ссора произошла 3 января между г-ном де Бельгардом и маркизом д'Анкром. Помимо жилья, которое его жена занимала в Лувре, последний захотел получить в тот год, когда он исполнял обязанности первого камер-юнкера, и жилье, полагавшееся ему, как он считал, по чину. Бельгард отказал ему в просьбе так резко, что завязалась ссора.

Сознавая, что враждебная сторона имеет перевес при дворе, маркиз д'Анкр решил, что стоит заручиться поддержкой графа Суассонского; с этой целью он использовал маркиза де Кёвра, которому Принц очень доверял; он сказал ему, что, хотя Господин Принц и герцог д'Эпернон предложили ему свое посредничество, чтобы уладить это дело, он хотел бы все же, чтобы посредником в нем стал Господин Граф, в руки которого он вручает свои интересы и свою честь, и делает это с тем большей охотой, что готов считаться больше с интересами Господина Графа, чем со своими.

Зная, что наибольшая мудрость придворного состоит в том, чтобы не упустить благоприятной возможности добиться своего, граф Суассонский, которому не составляло труда использовать

маркиза в своих интересах, повел себя в этом деле так, что, несмотря на уловки герцога д'Эпернона, обиженного тем, что обошлись без него, сделал все, дабы расстроить его и довести до разумного конца, не вызвав при этом недовольства со стороны герцога де Бельгарда.

Маркиз был так доволен этим, что пообещал ему уговорить министров согласиться с женитьбой его сына на м-ль де Монпансье; чтобы обеспечить их согласие, он взялся склонить Господина Графа довести до конца вместе с министрами заговор против герцога де Сюлли.

Таким образом, министры, желавшие лишь временно поддержать их, чтобы затем спокойно править до совершеннолетия Короля, посоветовали Королеве согласиться на женитьбу, которой добивался граф Суассонский для своего сына; при этом они не учли, что тем самым нанесли оскорбление кардиналу де Жуайёзу и герцогу д'Эпернону, союзникам вышеназванной принцессы, – и те, как только об этом было объявлено публично, бросились к Королеве, упрекая ее в том, что она дала свое согласие, не посоветовавшись предварительно с ними.

Граф Суассонский принес свои извинения, объяснив, что поступал так из осторожности, а поскольку это дело касалось только Короля и Королевы, он посчитал, что обязан заручиться согласием Ее Величества, прежде чем что-то предпринимать; но они не приняли его извинений и до самой его смерти относились к нему холодно.

А вскоре последовала и вторая ссора: между ним и принцем де Конти, а позже и с домом Гизов. Кареты графа и принца повстречались в шумном потоке повозок – кто-то должен был уступить дорогу, берейтор графа Суассонского, не узнав карету принца де Конти, с бранью остановил ее, обеспечив проезд карете своего хозяина; тот, сообразив, в чем дело, немедленно послал передать свои извинения принцу де Конти, уверяя его в том, что вовсе не хотел оскорбить его, что это было чистейшим недоразумением и он остается его преданнейшим слугой.

Он надеялся, что этим жестом смягчит обиду, но на следующий день г-н де Гиз сел на коня и в сопровождении сотни дворян отправился навестить принца де Конти, причем путь лежал мимо дворца графа.

Граф Суассонский, который счел, что ему брошен вызов, захотел выехать им навстречу, причем к нему присоединились его друзья и Господин Принц со своими приближенными. Будучи предупреждена об этом и боясь возможных неприятностей, Королева послала просить Господина Графа не покидать свой

дом, а также потребовала от г-на де Гиза, чтобы тот вернулся к себе: тот повиновался, не встречаясь с Королевой, а Господин Граф проследовал к ней в Лувр.

Господин де Гиз сразу согласился с предложением Королевы отправиться на встречу с Господином Графом под видом обычного визита, чтобы представить ему извинения и заверить его в своей преданности, но, когда он рассказал об этом г-ну дю Мэну, искра раздора между домами Гизов и Бурбонов вспыхнула вновь; тот убедил его отказаться от этого шага и от слова, данного Королеве, и, наконец, чтобы довести дело до конца, г-н дю Мэн отправился на следующий день к Королеве и там, в присутствии самых знатных особ двора, принес извинения за своего племянника, заверяя Ее Величество в том, что все Гизы будут поддерживать с Господином Графом отношения лояльности, чести и приличия, что они будут относиться к нему с почтением, если он будет отвечать им тем же.

На что Королева заявила, что передаст это Господину Графу и будет просить его принять извинения и забыть о случившемся.

Проявление неуважения к Королеве со стороны герцога Гиза, нарушившего данное ей слово, свидетельствовало о разладе в Совете, о слабости Королевы, о падении ее авторитета, который может быть только большим или не существовать вовсе. Опыт подсказывает нам, что гораздо легче поддерживать его нерушимость, чем помешать полному его падению в случае причинения ему малейшего ущерба.

Почти в то же время Королеве удалось благодаря своей бдительности погасить крупную ссору, которая могла бы иметь серьезные последствия, не будь она быстро улажена.

Однажды, когда она была за столом, из покоев донесся какой-то шум; ей сообщили, что там завязалась драка; хотя это не подтвердилось, но брани и оскорблений было предостаточно. Барон де Ла Шатенрэ, капитан ее гвардейцев, человек смелый, но неотесанный, решил, что герцоги д'Эпернон и де Бельгард хотят помешать ему добиться от Королевы поста губернатора.

Увидев, как они выходят из кабинета Ее Величества, он набросился на них с упреками, из которых стало ясно, что они были весьма выгодны герцогу д'Эпернону и оскорбляли герцога де Бельгарда. Выведенные из себя, они постарались извлечь выгоду из этого скандала; Шатенрэ как раз этого и добивался.

Этот скандал мог бы причинить большой вред двору, если бы Королеве не посоветовали обратить на него особое внимание: и впрямь это было уж слишком, ведь скандал произошел в ее покоях, чем было проявлено явное неуважение к ее особе.

Она охотно поручила бы все, что касалось ее лично, Шатенрэ,

который уже однажды спас ей жизнь, но для него же было лучше, чтобы она наказала его для видимости, дабы успокоить герцогов, а потому она легко дала себя уговорить отправить его в Бастилию, где он вовсе не чувствовал себя пленником, – тем самым она помогла ему выбраться из ситуации, в которую он опрометчиво угодил.

Вскоре после этого произошла попытка избавиться от герцога де Сюлли; граф Суассонский подговорил на это Господина Принца; маркизу де Кёвру было поручено выяснить, что думает по этому поводу герцог Буйонский, – ответ был таков: с герцогом де Сюлли не случится ничего такого, чего бы он не заслужил; но он не хотел этому содействовать, поскольку в этом не было необходимости, и, кроме того, гугеноты могли бы упрекнуть его в том, что он удалил одного из них.

Господин Принц и граф Суассонский первыми говорили об этом с Королевой, за ними последовали министры, последний удар герцогу де Сюлли был нанесен маркизом д'Анкром.

Вот так в начале февраля герцогу пришлось удалиться от дел, сохранив то, что удалось приобрести за годы службы, но печалясь тому, что отныне утрачена та большая власть, с которой он исполнял свои обязанности, и ненавидя свой необузданный нрав. Справедливости ради следует сказать, что первые годы его службы были безупречны, а последние не так уж и плохи, но ему они принесли больше, чем государству.

Не успел он уйти в отставку, как кое-кто постарался добить его окончательно.

С этой целью попытались разрушить брак маркиза де Росни с дочерью маршала де Креки, чтобы не иметь во главе маршала де Ледигьера: при посредничестве маркиза де Кёвра герцогу Буйонскому было предложено стать губернатором Пуату вместо маршала де Ледигьера, а когда герцог, казалось, был готов согласиться, к нему направился маркиз д'Анкр с открытым пожеланием Королевы, правда, в конце концов она изменила свое мнение по поводу бывшего важного вельможи: и то верно, к чему дурно обходиться с человеком, услуги которого были так полезны Франции. Впрочем, будучи полезен другим, он был полезен и самому себе.

Должность суперинтенданта была поделена между президентом Жаненом, г-дами де Шатонефом и де Ту, которые были назначены управлять финансами, причем последний – дабы избавить его от претензии на первенство среди президентов, которое якобы шло от его шурина президента де Арлэ; папский нунций всячески возражал, в связи с «Историей» подозревая его в том, что он не испытывал чувств, которые настоящий католик

должен испытывать по отношению к Церкви.

Чтобы добиться удаления де Ту, министры убеждали Королеву в том, что от его жестокости пострадают многие, что, помимо его характера, толкавшего его обращаться неучтиво с теми, кто выше его, он вел себя так, чтобы иметь право быть весьма невежливым и с ней, что он так же вел себя и с покойным Королем, который терпел его как в силу своей необычайной доброты, так и потому, что считал, что этот варварский характер отпугивал тех, кто обрушивал на него поток просьб и ходатайств, но что времена изменились и больше не позволены вольности подобного типа по отношению к господину и оскорбления, которым стал бы подвергаться каждый в силу огорчения, причиняемого его упрямством, что, хотя он и действовал не слишком осторожно в делах, он тем не менее не приписывал себе славу и последствия добрых советов, принадлежавших другим.

Что к тому же, если ему удавалось неплохо вести дела Короля во времена его правления, он не забывал и о своих интересах: заняв сначала должность с рентой в шесть тысяч ливров, он закончил суммой больше ста пятидесяти тысяч, это вынудило его забрать из счетной палаты декларацию о своем имуществе, которую он представил в канцелярию, когда занял финансовую должность, чтобы потом не пришлось представлять подписанные им собственноручно документы – свидетельства того, как обогатился за счет королевской казны.

Министры добавили, что самое время покончить и с должностью суперинтенданта финансов, дающей слишком много власти тому, кто ее занимает. И предложили разделить ее среди нескольких судейских: так и Королеве легче стало бы управлять ими, нежели одним человеком, да к тому же дворянином, в силу своего положения обычно заносчивым.

В одном они не признавались – в своем желании, избавившись от могучего противника, оставить себе всю полноту власти, которую давала его должность, и разделить ее между собой. Канцлер также желал соединить эту власть со своей, что и случилось. Президент Жанен стал генеральным контролером, остальные – управляющими финансами, полностью зависящими от Жанена, ничего не способными решить без его ведома.

Лишь Гизы встали на защиту герцога де Сюлли и попытались помешать его падению или хотя бы задержать его, но вовсе не из любви к нему, а скорее из неприятия графа Суассонского и Бурбонов. Из придворных лишь Бельгард заступился за него из-за его тесной связи с людьми Гиза, хотя и был его заклятым врагом, поскольку тот жестоко обращался с ним во времена покойного Короля.

Как мы рассказали в предыдущей книге, герцог де Сюлли в момент кончины своего господина повел себя трусливо и с тех пор пребывал в растерянности, что ясно показывает: люди тщеславные и вероломные далеко не всегда самые смелые, а робкие личности в минуту опасности, по их мнению, угрожающей их жизни, ведут себя так же, как и тогда, когда видят, что самое большое, чего они могут опасаться, – это крах их состояния.

Королева отобрала не только его должность, но и управление Бастилией, где находилась королевская казна.

Хотя случившееся не застало его врасплох и он уже давно видел приближение конца, он все же не сумел встретить его достойно.

Он уступил потому, как ему некуда было деваться, но при этом горько сетовал; а когда Королева напомнила ему о том, что ранее он уже неоднократно просил об отставке, он ответил, что делал это, не думая о том, что его могут поймать на слове. Сперва он попросил о награде, затем, придя в себя и заметив свое малодушие, выразил сожаление по поводу сделанных ему предложений, словно не сам напросился на них.

Правда, речь шла лишь об отступном для него, от которого благородные души зачастую отказываются, будучи способными сами воздать себе должное.

Нечасто великие мира сего, падая с вершины, не увлекают за собой многих других; но поскольку падение этого колосса не повлекло за собой никого, не могу не отметить разницы между теми, кто завоевывает сердца обязывающими поступками и своими заслугами, и теми, кто просто подчиняет их своей власти.

Первые настолько привязывают к себе друзей, что те следуют за ними и в счастье, и в невзгодах, чего нельзя сказать о вторых.

Пока при дворе свершаются все эти перемены, герцог Савойский, который к моменту смерти покойного Короля подготовился к войне против испанцев, а затем сговорился с ними, перевел свои войска из Пьемонта в Савойю с намерением выиграть время для осады Женевы.

Следует заметить, что Женева издавна была под защитой Генриха Великого; еще покойный Санси, будучи послом в Швейцарии, в 1579 году первым вел переговоры о вечном союзе этого города с французским Королем.

Генрих III, соглашаясь с этим и скрепив этот союз договором между французской короной и Лигами, сделал так, что кантоны обязались поставлять людей для обороны Франции в случае нападения на нее кого-нибудь из соседей; позже Женева стала участницей Вервенского мира в качестве союзницы и члена союза Лиг.

Герцог Савойский, посматривавший в сторону Женевы, в которой был заинтересован, ни разу не осмелился открыто напасть на нее; он лишь попытался захватить ее врасплох, прежде чем Король, неизменно выражавший свою готовность защищать ее, пришел бы ей на помощь – это Король предупредил жителей о последнем нападении Ле Террайля на город, тот был схвачен в районе Во и обезглавлен.

Как только пошли разговоры о замыслах герцога Савойского, к нему примкнули многие видные гугеноты, с другой стороны, Королева послала к герцогу г-на де Баро, чтобы убедить его сложить оружие, напоминая о том, как ревниво относятся к нему соседи, а также о том, что не потерпит авантюру, которую, как говорили, он затевает против союзников короны.

Ответ, который привез де Баро, не удовлетворил Ее Величество, а потому она послала к нему Ла Варенна, и тот убедил его распустить свою армию, поскольку было ясно: его планам не суждено осуществиться.

Бельгард, который по получении новости о замысле герцога был послан туда губернатором, захотел было посетить все крепости края, но столкнулся с неприветливым приемом в Бург-ан-Брес, где некоторые из его людей были обстреляны из мушкетов.

Господин д'Аленкур, для которого эта крепость была зубной болью, поскольку находилась слишком близко к Лиону, в силу чего тот уже не мог служить пограничным городом, а следовательно, сильно терял в своей значимости, воспользовался этим случаем, чтобы посоветовать Королеве снести укрепления крепости Боэс под предлогом того, что сам Боэс – гугенот, а также того, что все швейцарцы из Женевы, Бурга и г-н де Ледигьер, принадлежавшие к одной партии, слишком близки друг к другу.

Можно было вознаградить крепость, назначив туда католика, пользующегося доверием Короля, и сохранить ее, но предпочли дать Боэсу сто тысяч экю отступного, а затем крепость снести. Конечно, сохранить ее было бы в интересах государства, но общим злом для всех государств является то, что зачастую интерес частных лиц берет верх над государственным.

Принц де Конде, который со времен покойного Короля правил в Гиенне, выразил желание заполучить Боэс, чем вызвал некоторое подозрение у Королевы. Тем не менее, убедившись в неизменности его желания, она не сочла необходимым формально противиться этому, но распорядилась всем так, что даже если бы он и захотел причинить ей какой-нибудь вред, то был бы не в силах это сделать.

Герцог д'Эпернон использовал это подозрение – в тот момент,

когда, разочарованный, он собирался покинуть двор, ему было поручено наблюдать за действиями Принца; перед отъездом он был щедро обласкан.

Уже приближалось время ассамблеи в Сомюре, каждому она представлялась бурей, угрожавшей Франции, но вскоре наступил штиль, а замыслы мятежников, которые попытались воспользоваться нашими бедами и призвали к оружию на этой ассамблее, были разоблачены.

Чтобы лучше осознать то, что случилось на этой ассамблее, следует помнить, что сразу после кончины Короля сторонники так называемой реформированной религии принялись размышлять, как воспользоваться малолетством нового Короля и растерянностью, неизбежной в любом государстве после потери великого Государя.

Чтобы добиться своего, они требовали созыва Генеральной ассамблеи с еще большим упорством оттого, что в этом году заканчивался срок, установленный эдиктом 1598 года[72] для назначения их представителей в ассамблею.

Королева-мать, провозглашенная регентшей, и Совет, созданный при ней, считали, что гугеноты непременно составят наказы, трудность выполнения или нереальность которых толкнет их на крайности; дабы выиграть время, им вовсе не дали королевскую грамоту для проведения ассамблеи в этом году, а только в следующем, то есть в 1611-м, и как раз в городе Сомюре.

Максимильен де Бетюн, герцог Сюлли
(1560—1641)

Следует заметить, что страшная весть о кончине Короля застала г-на де Сюлли при исполнении служебных обязанностей, тогда как г-н де Буйон был в это время удален от двора.

Первый способствовал намерениям Ее Величества, а второй пожелал, чтобы партия гугенотов признала его своим; в конце концов в период между выдачей королевской грамоты и проведением ассамблеи г-н де Буйон разослал по провинциям гонцов к протестантским пасторам с посланиями,

предписывающими составить наказы Провинциальных ассамблей, которые должны были предварять Генеральную ассамблею.

Эти послания, содержавшие лишь жалобы и ходатайства относительно самых безнадежных дел, должны были обеспечить Генеральной ассамблее бессрочность, но ввиду бессмысленности этого, дело могло дойти либо до развязывания войны, призванной покончить с беспорядками, либо примирением с ними по причине их бессилия.

Пасторы, вполне способные на поступки, шокирующие королевскую власть, проводят разъяснительную работу, доводят суть послания до Провинциальных ассамблей.

В то время как они занимаются этим в своих приходах, при дворе ситуация меняется: Королева приказывает г-ну де Сюлли уйти в отставку, а герцогу Буйонскому, напротив, приблизиться к Их Величествам.

Тем временем герцог де Роан был задет за живое удалением от двора своего тестя герцога де Сюлли. Согласовав свои действия, оба сочли, по свидетельству их друзей, что единственным выходом для них было поддержать и признать отправленные герцогом Буйонским послания.

Впрочем, тот желал бы, напротив, вернуть их или дать знать о том, что обстоятельства изменились и он уверился, что двор был настроен в пользу их приходов, в чем он и постарался убедить министров. Не представляло труда внушить так называемым реформаторам, что его старания диктовались его выгодой, что он был ненадежным человеком и что, по всей видимости, следовало его опасаться.

Тем не менее он уверяет двор, что у него достаточно сил, чтобы быть избранным президентом Ассамблеи, а также друзей, чтобы помешать увеличиваться списку неприятных требований. Он убеждает всех, что Ле Плесси-Морней, губернатор Сомюра, поддержит его как своего друга и человека, выражающего его мысли.

Наступили март и апрель, когда должны были состояться Провинциальные ассамблеи, предшествующие Генеральной, на которых должны были быть избраны депутаты.

Именно тут выяснилось, что все старания герцога Буйонского показать свою власть напрасны, а партия противников настолько усилилась, что добивалась своего и выбирала в депутаты самых мятежных своих представителей.

У провинций было много причин не доверять герцогу Буйонскому, более заинтересованному во дворе, чем в их деле; но они не желали следовать за другими вожаками, которые руководствовались обидой на плохое отношение к ним со

стороны двора.

В мае все сошлись в Сомюре, там-то герцог Буйонский и узнал от друзей, что Ле Плесси изменил свою позицию, что герцоги де Сюлли и де Роан приберегали его для себя, вместо того чтобы привести на пост президента – а было известно наверняка, что он полон решимости добиваться его, – это стало известно на следующий день, когда из ста шестидесяти голосов ему было отдано лишь десять.

В помощники ему дали министра Шамье[73], а в писари – Деборд-Мерсье, двоих самых больших мятежников во всей Франции, что они и доказали в ходе всей ассамблеи, на которой первый то и дело призывал к огню и мечу, а второй – к иным крайним действиям.

Герцог Буйонский оказался в тяжелейшей ситуации не только в начале ассамблеи, но и в ходе ее, когда обеспечивал себе поддержку не больше двадцати двух голосов дворян и одного голоса священнослужителя, которые руководствовались не столько своей личной привязанностью к нему, сколько интересами и благом государства.

Поскольку число благонамеренных значительно уступало числу неблагонамеренных, невозможно было помешать тому, чтобы наказы депутатам были составлены таким образом, что даже гугенотский Совет не смог бы удовлетворить их.

Буассиз и Бюльон, депутаты от Короля на этой ассамблее, с начала и до окончания ее работы использовали свои возможности, чтобы взывать к разуму депутатов, но все их старания оказались напрасными.

На их запросы, переданные двору двумя депутатами, были получены ответы, но не так быстро, как того требовали обстоятельства, а лишь когда позволило время. Бюльон попытался выиграть время, 5 июня он обратился к ассамблее, убеждая депутатов не выходить за рамки их полномочий, стал разъяснять, что время несовершеннолетия Короля, как никакое другое, требует от них покорности и смирения.

Он убеждал их, что только таким образом они добьются полного удовлетворения своих наказов; он объявил им, что, поскольку ассамблея была разрешена Королем лишь для того, чтобы назначить депутатов, которые могли бы изложить свои жалобы, согласно эдикту примирения, ему было поручено Ее Величеством передать им его высочайшее повеление приступить к назначению депутатов, а затем, после того как они получат ответы, разойтись.

Эта речь застала мятежников врасплох: они считали, что невозможно так скоро принять столь смелое решение, явно

идущее вразрез с их планами, и стали противиться королевской воле: мятежная партия была намного сильнее партии примирения.

Одни говорили, что повседневная практика и здравый смысл обязывают их подчиниться, а другие открыто призывали не терять времени, игравшего на руку их приходам; в ответ на что президент г-н дю Плесси ответил, что на время несовершеннолетия Короля им следовало бы вести себя как взрослым людям.

После бурных прений ассамблея ответила г-ну де Бюльону, что не может ни назначить своих депутатов, ни распуститься.

Исходя из опыта нескольких ассамблей, созывавшихся и той, и другой стороной, герцог Буйонский счел, что единственным выходом из этого хаоса может стать передача Королем полномочий людям своей партии, среди которых заправляли Шатийон[74], Парабер, Брассак, Вильмад, Гитри, Бертишер – всего числом двадцать три, – с тем чтобы они принимали наказы, назначали депутатов, если остальные откажутся это делать.

Когда эта депеша поступила от двора, оппозиция исполнилась таким гневом и яростью против означенной дворянской группы, что на заседании, где нужно было отвечать лишь «да» или «нет», председательствовавший на нем губернатор приказал спрятать мушкетеров над залом ассамблеи, чтобы использовать их в случае, если меньшинство не сумеет договориться с большинством.

Но это меньшинство, состоявшее из людей знатных, было не робкого десятка – они не только отважились войти в зал ассамблеи, но и собрали на заднем дворе своих друзей, дабы те могли явиться по первому сигналу тревоги; их решимость заставила остальных смирить свой пыл и в конце концов 3 сентября дать согласие на назначение депутатов, а затем – с зубовным скрежетом – на роспуск ассамблеи.

Они совместно решили, что каждый депутат из числа их сторонников отправится в свою провинцию, чтобы там всеми способами заставить поверить в неправоту своих противников и двора, добиться созыва новой ассамблеи или же использовать с помощью созданных ими обществ все возможные способы нарушить мир в стране и попытаться выловить рыбку в мутной воде.

В то время как эти неверные подданные Короля пытались подорвать своими происками основы королевской власти, такие же не менее неверные служители Божии снова попытались установить нечто вроде церковной монархии, опубликовав под именем Плесси-Морнея мерзкое сочинение под названием

«Мистерия неправедности, или История папства», с помощью которой они хотели внушить простым людям, что Папа присвоил себе гораздо больше власти на земле, чем ему передал Бог.

Чтобы удушить это чудовище в зародыше, богословская школа Сорбонны осудила книгу сразу же после ее появления на свет и призвала всех прелатов предостеречь порученные им Богом души от сего сочинения, дабы не заразиться ядом, который оно содержало.

Тогда же Майерн издал не менее вредный труд под названием «Об аристократической монархии», в котором среди прочего требовал, чтобы женщин не допускали к управлению государством. Королева приказала конфисковать и уничтожить все экземпляры этой книги, но все же, чтобы не обижать гугенотов, сочла благоразумным помиловать автора.

Ассамблея, о которой мы только что говорили, стала источником многих смут, в чем мы убедимся ниже.

Вильруа, который всегда извлекал пользу из междоусобиц и который накопил большой опыт в царствование короля Карла IX и королевы Екатерины Медичи, утверждал, что при наличии двух партий в королевстве, одной – составленной из католиков, и другой – из гугенотов, нужно решать, к какой присоединиться.

Напротив, те, кто был вскормлен покойным Королем, считали это предложение опасным и советовали Королеве не связываться ни с одним из этих кланов, а быть бесстрастной хозяйкой и тех, и других.

Нерешительность, проявленная ею в то время, как гугеноты только начинали затевать свои козни и заговоры, позволяла им поверить в то, что они останутся безнаказанными. После того как не была пресечена смелость, проявленная Шамье, который потребовал созыва ассамблеи вскоре после кончины Короля, гугеноты сочли, что могут начать все сначала. Этот негодник осмелился открыто заявить в разговоре с канцлером, что, если им не дадут такого разрешения, они сами добьются этого, а канцлер снес это непростительное и наглое заявление.

Следовало арестовать его, а потом продемонстрировать власть и могущество Короля и выпустить его, оказав ему этим милость.

Можно было также разрешить ассамблею, что и было сделано, поскольку не было причин запретить ее в то время, когда она должна была состояться согласно эдикту; но, извлекая выгоду из вины этого негодяя Шамье, следовало не допускать его на ассамблею, ведь было невозможно не предвидеть, что уж коли он позволил себе дерзость так говорить при дворе, то в ассамблее, где он был не только секретарем, но и одним из главных

инструментов устройства различных беспорядков, которые нарушали ее работу, мог позволить себе все что угодно.

Тот, кто безвольно руководит судейским сословием, дает повод к презрению, которое чревато неповиновением и открытым мятежом.

Одним словом, большинство на этой ассамблее как будто сговорились воспользоваться моментом; но раскол среди тех, кто, не имея собственных средств, чтобы добиться своих целей, явился туда лишь для того, чтобы вообще все сорвать, позволил королевскому комиссару Бюльону воспользоваться проявлениями зависти и ревности среди участников ассамблеи, чтобы даже самых негодных из них завоевать на сторону общественного интереса, играя на их собственных.

Таким образом, из нескольких требований ассамблеи, вредных для Церкви и Государства, они не добились удовлетворения ни одного, за исключением того, которым пользовались при покойном Короле.

Герцогом Буйонским были очень довольны: по его возвращении ко двору ему был подарен дворец в пригороде Сен-Жермен, который с тех пор носит его имя; но сам он был не очень доволен, так как рассчитывал на более щедрое вознаграждение.

Он так надеялся оказаться после этого в правительстве, что, будучи обманутым в своих ожиданиях, пожаловался Бюльону, что его провели, что он предпочтет сжечь свои родовые книги, коли не добьется реванша; с этого момента он вознамерился воздействовать на принца Конде, и позже мы увидим, чем это кончилось.

Думаю, что герцог Буйонский был не прав, когда говорил, что его провели: правившие тогда министры были слишком умны, чтобы пообещать призвать его, при его-то характере и вере, в правительство. Ему следовало скорее сказать, что он сам ошибся, теша себя напрасными ожиданиями.

И впрямь, обещать что-либо и выполнять обещанное по отношению к тем, кто руководствуется лишь собственными интересами, позволять им надеяться на то, чего они беспричинно желают, при этом делая это так, чтобы им казалось, что им ничего не обещали, – искусство, которым владеет двор, за которое можно, конечно, критиковать тех, кто им пользуется; однако никогда не следует обещать то, чего не сможешь исполнить; и даже если кому-то удается выиграть, поступая так, он может быть уверен, что, как только его нечестные средства станут известны, он потеряет гораздо больше.

В то время как гугеноты выступали на своей ассамблее против государства, парижские теологи не могли договориться

между собой.

В воскресенье на Троицу на Факультете теологии вышел большой спор по поводу того, что утверждал один испанский доминиканец в своих тезисах во время капитула, который его орден проводил тогда в Париже: Собор ни в коем случае не может быть выше Папы.

Ришер[75], синдик Факультета, обращается к Кофто[76], настоятелю монастыря, и упрекает его в том, что он допустил обсуждение этого положения.

Тот оправдывается тем, что на время Собора его полномочия прекращаются; к тому же его не предупреждали о том, чтобы он высказал свое мнение по этому поводу людям Короля, которые сочли, что лучшим выходом из неожиданной ситуации было бы помешать включению этого тезиса в акт, который предстояло принять.

Напротив, старшина, опасаясь, как бы молчание Факультета не сочли однажды за согласие с этим положением, приказывает Бертену, бакалавру, опровергнуть это. Последний, чтобы выполнить распоряжение, предлагает считать ересью всё противоречащее решениям законного Вселенского собора, а так как вышеуказанный тезис противоречит решениям Констанцского собора, являющегося вселенским и законным, следовательно, он есть ересь.

Слово «ересь» вызвало волнение у присутствующего на заседании папского нунция; председательствующий, испанец, заявил, что он вставил этот тезис в доклад своего поручителя лишь в качестве спорного; кардинал дю Перрон заявил, что вопрос мог быть обсужден всесторонне, на том диспут и закончился.

Два дня спустя другой доминиканец представил другие тезисы, в которых утверждал, что только Папа вправе формулировать истины веры и не может ошибаться в своих формулировках. Поскольку этот тезис служил одним из доказательств предыдущего спора, сочли за лучшее остановить заседание; для этого закрыли на несколько дней Факультет, дабы тезисы более не обсуждались.

В то же время в Труа случился бунт, и немалый, против иезуитов, которые, воспользовавшись преданностью им одного из мэров, решили укрепить свое положение. Они исподтишка ознакомились с положением дел на месте и в начале июля предприняли первые шаги.

Кое-кто в городе был на их стороне, но подавляющее большинство их не поддерживало: во время сбора, организованного по этому поводу, разгорелись бурные споры

между горожанами, по окончании сторонники иезуитов поспешили ко двору, чтобы сообщить Королеве, что горожане на их стороне, а все прочие послали опровержение, доказывая, что с 1604 года сии добрые пастыри выпросили у покойного Короля разрешение обосноваться в их городе, ссылаясь на то, что город якобы просил их об этом, что якобы впоследствии орден иезуитов получил верительные грамоты, в которых Ее Величество доводила до сведения городских властей, что им следует принять иезуитов.

Получив отказ на свою просьбу, они добились королевских грамот на имя парламента, содержавших предписание первому докладчику в Государственном Совете – байи Труа либо его заместителю – исполнить их. Таким способом, желая получить именем власти то, что ранее ими было представлено как желание горожан, они снова столкнулись с отказом.

Горожане очень этим гордились и говорили, что те причины, которые сделали невозможным размещение иезуитов в городе во времена покойного Короля, оставались в силе и до сих пор; что их город существует лишь благодаря их труду и торговле; что пара ремесленников стоят больше, чем десятки иезуитов; что, Бог миловал, у них нет гугенотов, место которых пытались занять иезуиты; что, прожив до сих пор в мире, они опасаются семян раздора, которому характер края и города особенно подвержен.

После обсуждения на Совете Королева сочла излишним заставлять Труа терпеть против своей воли присутствие иезуитов и сообщила его жителям, что у нее не было намерения водворить иезуитов в город, как те просили об этом.

Она же заботится как о том, чтобы покончить с беспорядками в этом городе, так и о том, как облегчить положение народа в целом; своей июльской декларацией она освобождает население от недоимок подати за период с 1597 по 1603 год.

С другой стороны, когда ей становится известно, что подданные Короля позволяют вовлечь себя в действия, направленные против лучших семейств королевства, она принимает меры к тому, чтобы своими декретами защитить их.

Зная о том, что эдикт о дуэлях, опубликованный во времена покойного Короля, обходили, именуя дуэли встречами, и дуэлянты так заметали следы, что было невозможно доказать нарушение запрета, она велела объявить, что к любому поединку, произошедшему вследствие хотя бы малейшей ссоры, будут применяться наказания, предусмотренные эдиктом о дуэлях для зачинщиков, при этом оные будут рассматриваться как организованный заговор.

Эта декларация была обсуждена на заседании парламента 11 июля.

Королева также постаралась прояснить через парламент дело госпожи Декуман, которая обвиняла герцога д'Эпернона в соучастии в чудовищном убийстве Генриха Великого. Тщательно изучив это обвинение, парламент настолько убедительно установил его несостоятельность, что, дабы прервать поток подобных измышлений, приговорил несчастную к пожизненному заключению. Этот вердикт был вынесен 30 июля.

Августейшее общество сожгло бы бедняжку на виду толпы, если бы ложное обвинение ее было иного рода, но там, где речь идет о жизни королей, боязнь помешать выражению всех мнений по данному поводу приводит к тому, что оно освобождает себя от строгого соблюдения закона.

В это же время Королева, следуя советам министров, освободила господина д'Ивето от должности главы королевской следственной службы из-за его репутации человека свободных нравов и небрежного в вопросах веры: на его место она назначила Ле Февра, пользующегося всеобщим уважением за свои познания и свою набожность, – именно он был выбран покойным Королем для воспитания принца Конде.

А пока происходят все эти события, пока Королева бдительно следит за соблюдением порядка в государстве, Кончини, чье поведение плохо вяжется с добрыми намерениями Королевы, дает волю своему тщеславию: его интриги никак не соответствуют его происхождению и иностранному подданству, его честолюбивые замыслы начинают распространять семена, которые в будущем прорастут многими бедами. В чем мы вскоре и убедимся.

Замок Сюлли-сюр-Луар — родовое имение герцога Сюлли.
Современная фотография

С первого месяца регентства Королевы Кончини приобрел маркграфство д'Анкр; вскоре после этого он вознаградил губернаторов Перонна, Руа, Мондидье, а также королевское наместничество Креки в Пикардии.

Трени, губернатор города и крепости Амьен, скончавшийся во время Сомюрской ассамблеи, пользовался таким доверием, что добился своего губернаторства, невзирая на препятствия, чинимые ему министрами, которые с неменьшей энергией поддерживали Ла Кюре, считая, что власть этого фаворита зависела больше от его жены, чем от него самого.

Им было известно: она считала его настолько тщеславным, что, боясь презрения с его стороны в том случае, если бы у него все получалось, порой проникала в его замыслы, для того чтобы он испытывал в ней нужду. Таким образом министры воспротивились плану маркиза д'Анкра; но их потуги были напрасны, ведь его жена, жадная до почестей и считавшая, что ей не добиться их без мужа, не упустила ничего, чтобы получить это губернаторство.

Такое сопротивление, оказанное министрами по этому поводу маркизу д'Анкру, начало отталкивать его от них и побудило при первой же возможности взять реванш. У итальянца появилась причина расправиться с ними.

Его дерзость предоставила ему вскоре более ощутимое основание для того, чтобы поквитаться с ними; посмев замыслить свадьбу одной из дочерей графа Суассонского со своим сыном, он положился в этом деле на маркиза де Кёвра, а сопротивление министров его замыслу, раскрытому им маркизом де Рамбуйе, привело обе стороны к столкновению.

Его поведение в Амьене – поведение дерзкого фаворита – дало им повод для осуществления своих планов. Он явился в крепость после переговоров с г-дами де Прувильем и де Флёри, наместником и знаменщиком крепости, после того, как посадил на их место своих людей, не предупредив об этом Королеву.

Несколько дней спустя, когда ему понадобились кое-какие деньги для его гарнизона, он под честное слово одолжил 12 тысяч ливров у главного сборщика налогов.

Оба эти дела были представлены Королеве как нечистоплотные махинации, к тому же второе дело было подано как покушение на должностное лицо Короля с целью убедить Королеву в том, что он совершил бы еще немало подобных поступков в случае свадьбы его сына с дочерью графа[77].

Обнаружив по возвращении, что настроение Королевы изменилось, маркиз д'Анкр принес самые изысканные извинения

графу, который, справедливо рассудив, что причиной такого изменения были министры, испугался, и не без оснований, что, поставив на его обиду, те не остановятся на этом, но попытаются всеми средствами настроить Королеву против него.

Первым следствием этого был отказ в приобретении поместья Алансон, которое он отнял у герцога Вюртембергского, надеясь, что его не осудят за это; чтобы иметь предлог отклонить его притязания, Королева приобрела это поместье для себя самой.

Он так разобиделся, что решил вступить в союз с наследником и обзавестись как можно большим количеством друзей; почувствовав, куда дует ветер, министры направили без его ведома одного гонца к господину д'Эпернону, другого – к Господину Принцу, чтобы те прибыли ко двору.

Де Гизы, огорченные союзом между Господином Графом и маркизом д'Анкром, разделяя в этом настроения министров, хотя и руководствуясь различными побуждениями, решились помогать всему, что могло бы расстроить этот союз.

Рассматривая маркиза де Кёвра как связного – а его они так же ненавидели, как и графа Суассонского, и весь этот союз, опасаясь продвижения маркиза, – они думали, что лучшим средством расстроить его было отделаться от того, кто был в нем связующим началом.

Чтобы замаскировать сию злоумышленную акцию, затеянную ими в собственных целях, шевалье де Гиз, перехватив маркиза де Кёвра из Лувра, будто бы случайно остановил его карету и попросил его выйти, желая якобы обменяться парой слов.

Маркиз де Кёвр, при котором не было шпаги и который ничего не подозревал – у него не было причин для ссоры с принцем, ведь накануне вечером в кабинете Королевы они долго беседовали, а затем герцог де Гиз принимал его у себя за ужином, – тотчас же вышел из кареты.

Каково же было его удивление, когда, приветствуя шевалье де Гиза, он услышал от того, что плохо говорил о нем у некой дамы и что тот здесь, дабы убить его.

Удивление его возросло еще больше, когда он увидел, что тот взялся за шпагу, дабы привести угрозу в исполнение, но не настолько, чтобы совсем потеряться: заметив, что входная дверь дома нотариуса Брике открыта, он бросился туда с такой проворностью, что шевалье, которого сопровождали Монплезир с пятью или шестью лакеями при шпагах, так и не сумел его догнать.

После провала этого замысла, осужденного всеми, друзья и того, и другого сумели примирить шевалье и маркиза; но, подобно поводу к ссоре, примирение также было надуманным.

Вскоре после этого, когда Принц прибыл ко двору, граф Суассонский, готовящийся отбыть в Нормандию, чтобы провести там ассамблею сословий, и так и не договорившийся с Королевой из-за мешавших ему министров, пожелал встретиться с Принцем.

Бомон, сын первого президента Арлэ, заботящийся об интересах Принца, организовал эту встречу в своем доме неподалеку от Фонтенбло. Туда же был приглашен маркиз д'Анкр; министры были против, но он получил на это разрешение Королевы, заверив ее, что примет меры к тому, чтобы не произошло ничего такого, что могло бы нанести урон ее авторитету.

Эта встреча принесла Господину Графу желаемое: он вошел в такой тесный союз с Принцем, что они дали друг другу обещание все делать с ведома другого, а если одному из них, вследствие какого-нибудь неблагоприятного события, было бы суждено удалиться от двора, другой должен был последовать за ним, чтобы вернуться только вместе. Они понимали, что министры преследовали цель рассорить их, использовать одного против другого, что было противно их интересам.

Это содружество удалось на славу: никогда, невзирая ни на какие посулы, они не позволили себе усомниться в нем и сдержали данное друг другу слово. И так продолжалось до самой смерти Господина Графа, которая случилась годом позже.

Однако союз этот еще более упрочил доверие Королевы к министрам, поскольку Ее Величество с недоверием относилась к нему. Чтобы усилить свои позиции против принцев, они послали от имени Королевы за маршалом де Ледигьером, тот тотчас явился в надежде, что будут подтверждены его грамоты на герцогство и пэрство, которые были ему недавно пожалованы Королем.

Но поскольку дело это у него не выгорело, он решился отомстить и с этой целью стал следить за многими интригами и заговорами, которые зарождались в это время, а вспыхнули в последующие годы. Но поскольку тут случилась смерть герцога дю Мэна, который своим авторитетом благотворно действовал на принцев, умонастроения при дворе изменились, тем более что уже не оставалось никого, кто был бы способен сдерживать порывы.

Я прерву свое повествование рассказом о герцоге дю Мэне, воспитанном в духе послушания покойному Королю и всегда верно служившем ему.

Свою преданность и свои способности он доказал при осаде Амьена, когда Король хотел задать трепку испанцам, а он мудро отговорил его, заметив, что, поскольку речь шла лишь о взятии

Амьена, который они ему и так уступали, его бы осудили, если случайно битва обернулась бы не в его пользу, а так победа ему уже обеспечена.

Он редко виделся с Королем – в силу различных обстоятельств, а также по причине своего возраста и необыкновенной тучности; однако Ее Величество так уважала его, что, несмотря на его заболевание, от которого, как считали, он должен был скончаться уже в 1608 году, назначила его одним из своих главных советников.

Он не обманул доверие Короля: глядя после его гибели на сильных мира сего, требовавших увеличения своего содержания, он откровенно в разгар Совета заявил им, что с их стороны непорядочно наживаться на несовершеннолетии Короля, должно считать себя достаточно удовлетворенным уж тем, что можешь выполнять свои обязанности в такое время, когда, кажется, ничто тебя к этому не принуждает.

Уже при смерти он благословил своего сына на двух условиях: первое – он должен оставаться католиком; второе – он всегда должен быть верен Королю. Умер он в начале октября.

Его жена также слегла и скончалась сразу после него, хоронили их вместе.

В следующем месяце умер Герцог Орлеанский[78]: его кончина потрясла Королеву; но если слезы заставили признать в ней мать, ее решимость показала, что она умела управлять своими чувствами в неменьшей степени, чем своим народом.

Я слышал от господина де Бетюна, что в свое время она была так мало тронута серьезной болезнью своего сына, что покойный Король, тогда еще живой, счел это странным и обвинил ее в недостаточной любви к детям. Но тот, кто умеет читать в прошлом и настоящем, поймет причину: она дорожила сыном по смерти отца больше, чем при жизни того, ведь теперь она не могла больше иметь детей.

Смерть этого принца породила некоторое недовольство при дворе: должностные лица все как один претендовали войти в дом герцога Анжуйского[79], который в результате этой смерти оставался единственным братом Короля; кое-кто получил отставку.

Бетюну отказали в той должности, на которую он рассчитывал; опала его брата[80] должна была привести к его удалению, впрочем, уважение Вильруа, чьим союзником был Брев, сыграло ему на руку при выборе покойным Королем воспитателя для герцога Анжуйского.

Маркиз де Кёвр был также освобожден от должности управляющего гардеробом, которую он занимал при жизни

покойного Короля. Министры, боясь его характера и помня о том, что он был посредником в союзе между Господином Графом и маркизом д'Анкром, донесли Королеве, что человек с подобными взглядами был бы опасен при наследнике, претендовавшем на корону.

Так как маркиз д'Анкр не оказал ему в этом деле поддержку, на которую он рассчитывал, он был так этим раздосадован, что оставил его и полностью перешел на сторону графа Суассонского.

Защищая королевскую власть от множества интриг, которые были распространены тогда при дворе, Королева одновременно делает все, чтобы сохранить союзников Короля.

В это время в Экс-ла-Шапель разгорается свара: сначала католики набросились на протестантов, затем и те, и другие – на суды, а в итоге вся буря обрушилась на иезуитов, которые были бессильны противостоять ей без защиты Ее Величества.

Причиной этой смуты было то, что Император в 1598 году исключил этот город из пределов Империи в связи с тем, что протестанты выгнали оттуда католического судью, который был восстановлен в своих правах архиепископом Кёльна: после нанесенного ему оскорбления судья запретил в городе и на его территории религиозное отправление любого культа, кроме католического.

Протестантам, которые с трудом переносили этот запрет, пришлось дожидаться 1610 года, когда город Жюлье был взят принцами Бранденбургским и Нейбургским.

Судья воспротивился этому и запретил такие действия под страхом тюрьмы и штрафа либо изгнания в случае неуплаты. Этот приговор был исполнен с такой неукоснительностью, что католики и гугеноты восстали против судьи[81], одни по набожности, другие – в силу заинтересованности: все взялись за оружие, овладели городскими воротами, натянули цепи и стали хозяевами города.

Приписав необходимость таких крутых мер иезуитам, они настолько разозлились на них, что разграбили их жилье и их храм, схватили их и привели в ратушу, где над их жизнью нависла смертельная опасность, к счастью, стало известно, что среди них был отец Жакино[82], лицо, приближенное к Королеве.

Как только об этом стало известно, мятеж угас, добросовестные монахи были освобождены: они стали врагами мятежников только потому, что были служителями Бога. Это происшествие заставляло опасаться возможности повторения подобного, на сей раз отделались страхом, но могло произойти и нечто посерьезнее: Королеве посоветовали направить своих посланцев, чтобы раз и навсегда утихомирить бурю, – на эту роль

были назначены Ла Вьёвиль и Вилье-Отман.

Они прибыли на место, встретились с посланцами принцев де Жюлье и разрешили спор таким образом; в древнем городе Карла Великого могла осуществляться лишь католическая служба, службы же других религий, дозволенных в Империи, разрешались вне городских стен; и так впредь до иного решения Императора и курфюрстов.

Отцы-иезуиты были восстановлены в своих правах, как и католические судьи, которые в этой неразберихе тоже были отстранены от своих должностей. Было постановлено: в будущем горожанам не дозволялось ни браться за оружие, ни прибегать к иным насильственным мерам. Эти условия были приняты и скреплены клятвой всеми сторонами, и грубейшим образом попранный мир был полюбовно восстановлен. Договор об этом был заключен 12 октября.

Не слишком довольные иезуиты тем не менее не посмели открыто продолжить защиту дела, предпринятого годом раньше, с целью регистрации жалованных грамот, разрешающих им публичное преподавание в Парижском коллеже. С помощью нанятых преподавателей они обучали студентов, которых им было разрешено содержать в своем доме.

Университет выступил против и вновь поднял вопрос о старых претензиях, обвиняя их в том, что они были врагами королей, в незаконном захвате Португальского королевства испанским королем Филиппом II, в то время как все остальные ордены оставались безупречно верными своим королям; в том, что они одни оставили его и присоединились к так называемой партии Филиппа; в том, что некоторые из них письменно выступали против Короля; в том, что иные из них оправдывали совершенное Жаком Клеманом[83]; в том что если прочие ордены не считали, что их вина носит универсальный характер, то, согласно принципам их ордена, ошибки отдельных их представителей являются ошибками всего ордена, и потому весь орден, дабы искупить убийство кардинала Борроме, организованное одним из «Смиренных братьев»[84], должен быть запрещен; наконец, в том, что если Парижский университет и нуждается в реформе, то не ценой разрушения всего государства, которого этот орден добивается, и не ценой разорения самого Университета, которое наступит вследствие деятельности многочисленных коллежей иезуитов, насаждаемых ими повсюду, главным образом в Париже.

Париж с высоты птичьего полета. *Гравюра. Начало XVII в.*

Конечно, иезуиты защищались и утверждали, что готовы подчиняться законам Университета и выработанному им учению, касающемуся королей, которое преподавалось на Факультете теологии в Париже; что закон не позволяет, чтобы весь иезуитский корпус страдал по вине одного частного лица, принципы которого они и сами не приемлют; что, если испанцы из их числа и служили королю Испании, их французские монахи станут с такой же верностью служить французскому Королю.

Дело оспаривалось с множеством аргументов обеими сторонами и не было доведено до конца; 22 декабря появился декрет, которым стороны были включены в Совет, однако преподавать иезуитам было все же запрещено.

Мы коснулись уже разногласий между Императором и его братом Матиасом; казалось, они были улажены, но время показало, что это далеко не так, то ли потому, что ссоры, в основе которых лежат претензии на власть, вообще нельзя разрешить, особенно если они происходят между родственниками, то ли потому, что, когда одна из сторон явно ущемлена, соглашение длится лишь до того, пока у нее не появится возможность избавиться от него.

Император, лишенный братом части своих земель, превратился в тень и пытался вернуть себе былое величие. Ради этого он использовал любые предлоги, чтобы уговорить

Леопольда[85] прийти с армией в Прагу, притворяясь, что это делается против его желания; но Матиас и его сторонники оказались сильнее, и этот замысел лишь способствовал узурпации власти Матиасом; а Император был принужден договором с братом еще при своей жизни признать того королем Богемии, освободив своих подданных от клятвы верности, которую они ему когда-то давали.

Этот год был отмечен смертью шведского короля Карла[86], отнявшего королевство у своего племянника Сигизмунда[87], короля Польши: отправляясь вступить во владение другим, выборным, королевством, он оставил его регентом своего, наследственного, которым тот и завладел вскоре, показав, насколько опасно предоставлять первую роль в управлении государством тому, кто является самым близким преемником.

Этот вероломный принц, управляя узурпированным им королевством, вел себя с большой осторожностью.

Его сын Густав[88], которого он сделал своим преемником, прибавил к мудрости своего отца смелость и воинскую доблесть, достойную Александра Великого. Продолжение этой истории даст столько доказательств его достоинств, что я бы считал этот год незавершенным, если бы не упомянул об эпохе, в которую этот принц взошел на трон.

Смерть Антонио Переса, случившаяся в ноябре, дает мне повод показать пример хрупкости королевских доверия и привязанности к кому-либо, ненадежности Фортуны, непримиримой ненависти Испании и человечного отношения Франции к иностранцам.

Антонио Перес правил от имени короля Филиппа II, государя, уважаемого за его мудрость и постоянство в решениях; однако утратил доверие короля, не совершив ни одного предосудительного поступка, лишь в результате вмешательства общественного мнения.

В интригах, которые плетутся в королевских советах, рифы гораздо более опасные, чем в самых сложных государственных делах; и уж самое опасное – вмешиваться в те дела, в которых речь идет о страстях королей.

Антонио Перес убедился в этом на своем опыте: женщины стали причиной всех его бед. Король сохранил ненависть к нему до самой смерти. Будучи осыпан милостями, Антонио Перес утратил их в одно мгновение вместе с расположением своего господина, который лишил их даже его детей, опасаясь, что те окажут помощь отцу.

В самый разгар смут он удалился во Францию, что не помешало французскому Королю принять его благожелательно и

назначить ему пенсион в четыре тысячи экю, который ему регулярно выплачивался. Это позволило ему вести достойное существование.

Однако Испания не могла этого стерпеть и постаралась отнять у него жизнь: с этой целью были посланы два человека, но в Париже их распознали и казнили. Чтобы предохранить его в будущем от покушений, Король прислал ему двух швейцарцев из своей личной гвардии, и те сопровождали его в поездках по городу, стоя на подножках его кареты, и заботились о том, чтобы ни один незнакомец не проник в его жилище.

Убедившись в невозможности скрытно покушаться на него и не осмеливаясь это делать открыто, испанцы решили погубить его другими средствами. Один дворянин от имени посла Испании пообещал ему, что его король вернет ему все его достояние, если он соизволит покинуть Францию и откажется от пенсиона.

Коннетабль Кастилии, будучи проездом во Франции, подтвердил ему это; надежда, подогревающая каждого в его желаниях, ослепила его до такой степени, что он отказался от пенсиона, решил покинуть Францию и распрощался с Его Величеством, который дальновидно предсказал ему, что он еще раскается в своем решении.

Несмотря на предостережения Короля, он отправился в Англию – место, которое ему было указано, чтобы получить милости, на которые он так надеялся; но едва он прибыл в Дувр, как ему было запрещено покидать этот город; посол Испании умолил короля Англии выдворить его из своих владений, заявив, что, если этого не произойдет, он сам покинет Англию.

Несчастный вернулся во Францию, не смея даже предстать пред очами Короля, ведь он пренебрег его милостью и советом; и все же Государь, сочувствуя его невзгодам, не преминул кое-что сделать, чтобы тот не нуждался в самом необходимом; однако он более не относился к нему, как прежде: его беззаботному существованию пришел конец, и он жил частично за счет продажи мебели, которую купил в благополучные времена.

В Испании он считался умнейшим человеком, там он был государственным секретарем с солидной репутацией. Во Франции такое уважение ему не оказывалось из-за высокомерия, вообще присущего испанцам и доходящего, по мнению некоторых, почти до безумия, когда их загоняют в угол.

1612

В этом году собираются тучи, которые в дальнейшем

разразятся громами и молниями. Союз, заключенный Господином Принцем и Господином Графом до удаления последнего в Нормандию, приводит к расколу и разорению тех, чье существование было совершенно необходимо для мира в обществе, и, дабы добиться этого, в ход идут все средства.

Граф Суассонский возвратился из Нормандии, одержимый все той же решимостью бороться с министрами – которая еще и возрастает, стоило ему обнаружить, что маркиз д'Анкр впал в немилость, – присоединился к ним, чтобы укрепить свои позиции. Однако он заметно охладел к нему и не хотел более его видеть, между ними дошло до разрыва.

Маркиз де Кёвр, обиженный равнодушием, с которым маркиз д'Анкр повел себя в деле о месте, которое он хотел получить при Господине Принце, встал на сторону Графа и заявил маркизу д'Анкру, что желал скорее способствовать примирению с Господином Графом, чем печься о своих интересах.

Затем Доле[89], сговорившись с ним у г-на д'Аранкура, вздумал возобновить переговоры о женитьбе, о которой мы рассказывали, но предложил не говорить об этом Королеве, а Господину Графу и маркизу д'Анкру самим заключить соглашение, на что маркиз де Кёвр ответил, что было неумно подставлять Графа, возвращаясь к делу, которое уже принесло ему столько неприятностей, но, если бы маркиз д'Анкр и его жена могли забыть дурные услуги, оказанные ему министрами, восстановить его положение при Королеве и убедить ее согласиться с таким предложением, он вновь стал бы таким, каким был прежде.

Маркиз д'Анкр, не чувствуя в себе достаточных сил, чтобы добиться согласия на это Королевы, поменял тактику и дал понять Господину Графу, что добьется всего при условии, что союз между ним и Господином Принцем не будет столь тесным. Это прозвучало не слишком тонко, и Господин Граф не без основания подумал, что их с Принцем мечтают разлучить.

Того же попробовали добиться, действуя со стороны Принца, г-н Винье и другие; но все это привело к обратному результату, ибо их союз укрепился, и они воспользовались случаем, чтобы ускорить свой отъезд: один отправился в Валери, а другой – в Дрё.

Утомленная новыми претензиями, которые что ни день рождались у ее окружения, Королева решила обнародовать браки между французским и испанским королевскими домами, которых с начала регентства страстно желала. Поставив этот вопрос на обсуждение всей знати, она получила такое многообразие суждений, которое обычно имеет подоплекой человеческие

страсти.

Большинство считали это необходимым, некоторые пытались отвлечь ее от этого дела; но, поразмыслив над причинами, она поняла, что частный интерес заставляет немногих порицать то, чего большинство желает во имя общественной пользы, и, опираясь на мнение Совета, приступила к осуществлению своих планов.

Для этого она не раз направляла посланцев разузнать о настроениях Папы, Императора, английского короля и остальных союзников Франции. После всеобщего одобрения она заключила двойной свадебный контракт, отдав свою дочь и приняв в свою семью дочь испанского короля.

И вот настало время возвестить об этом: был назначен день – 25 марта. Господин Принц и граф Суассонский удалились, не пожелав присутствовать на церемонии.

Герцог дю Мэн не поленился в день свадьбы разыскать посла Испании и привезти его в Лувр, где канцлер торжественно огласил волю Их Величеств, посол подтвердил согласие и волю своего короля. Затем, приблизившись к Королеве, посол говорил с ней, стоя на коленях, согласно обычаю испанцев, когда те разговаривают с монархами.

Всеобщее ликование по поводу этого события вылилось в великолепные празднества: ночью стало светло, как днем, улицы превратились в амфитеатры.

Однако за всеми этими публичными увеселениями не забыли об удалившихся принцах: в обычаях времени было постараться задобрить недовольных, кроме того, маркиз д'Анкр не мог смириться с тем, что дом Гизов и герцог д'Эпернон считали себя тогда настолько незаменимыми, что лелеяли надежду извлечь большие выгоды из этого удаления; к тому же министры не верили, что эти браки могут успешно осуществиться без отсутствующих принцев крови.

К Господину Графу направили г-на д'Алигри, интенданта его дома, с выгодными предложениями, чтобы попытаться его вернуть; но тот отослал его обратно, запретив впредь вмешиваться в подобные дела.

Тем временем маркиз де Кёвр, который начал, как мы уже сказали, переговоры с Доле с целью примирения Господина Графа и маркиза д'Анкра, предложил передать ему губернаторство Кийбёфа в Нормандии.

Маркиз д'Анкр постарался уговорить Королеву дать на это согласие; он заперся с ней в ее кабинете, чтобы просить об этом; она без обиняков отказала ему, понимая, что это удовлетворило бы его лишь на три месяца, а затем разожгло новые аппетиты.

Герцог Буйонский и его приверженцы пытались убедить ее в том, что во времена регентства ей надлежит обязать принцев в такой степени, чтобы, когда ее регентство окончится, у нее было много сильных и преданных слуг, ведь может прийти день, когда Король забудет ее заслуги и обнаружит нечто предосудительное в ее поведении, – словом, что стоит нынче принять меры предосторожности, дабы предупредить беду.

Но эти доводы не возымели на нее никакого действия, ведь министры тоже не сидели сложа руки.

Однако маркиз д'Анкр не терял уверенности и надеялся, что в конечном счете его влияние на Королеву окажется решающим. Он высказал готовность отправиться на переговоры с принцами от имени Их Величеств: передать Господину Графу, что Ее Величество хорошо отнеслась к его предложению по поводу губернаторства, что он надеялся на осуществление его плана, хотя и не смог добиться ничего более конкретного.

Министры, опасавшиеся, как бы помимо открытых переговоров он не договорился о чем-то еще, выразили пожелание, чтобы маркиза в этой поездке сопровождал кто-нибудь из них. Была предложена кандидатура Вильруа. С большим трудом удалось склонить к этому Господина Графа, который до того и слышать не хотел о каком-либо примирении с министрами и желал иметь дело лишь с маркизом д'Анкром.

Поездка принесла определенные результаты: Принц и Граф благодаря этому посредничеству вернулись, хотя маркиз д'Анкр и г-н де Вильруа хорошо, но по-разному поработали в ходе этой миссии.

Без ведома г-на Вильруа было решено с принцами, что тот из них, кто окажется в фаворе, не забудет о том, что можно сделать для уменьшения власти министров и усиления власти принцев, в чем они столько раз клялись друг другу.

Первым делом, которое возникло после их возвращения, было дело о двух брачных контрактах. Кое-кто посоветовал Господину Графу не давать на них своего согласия и помешать Принцу таким образом дать согласие, до тех пор, пока он не получит Кийбёфа, на что ему подали определенную надежду.

Он выказывал склонность поступить именно так, но этого не случилось из-за внимания, которым его окружили по прибытии, из-за совета, данного ему в связи с этим маршалом де Ледигьером, который еще не потерял надежды стать герцогом и пэром.

Согласие на брачные союзы означало обмен именитыми посольствами: герцог де Пастран прибыл во Францию, герцог дю Мэн отправился в Испанию, контракты торжественно подписаны и

скреплены обеими сторонами; чтобы потрафить Франции, король Испании приказал отмечать в Испании праздник великого святого, имя которого носил наш Король.

В то время во Франции разгорелся большой скандал между священнослужителями и парламентом по поводу книги «De ecclesiastica et politica potestate», которую Ришер, старшина Факультета теологии, велел издать, не указав своего имени: в ней он очень дурно отзывался о всемогуществе Папы в Церкви.

Многие были оскорблены. Сам автор был известным спорщиком; Факультет был готов собраться для обсуждения этого вопроса; парламент остановил его своим постановлением от первого февраля, приказав автору доставить все экземпляры в канцелярию, а Факультету – отложить все обсуждения до тех пор, когда трибунал будет осведомлен о достоинствах и недостатках книги.

Кардинал дю Перрон, архиепископ Санса и его епископы-суфраганы[90], собравшись на Провинциальную ассамблею, сделали то, что парламент помешал сделать Факультету теологии: 13 марта осудили автора и его книгу как содержащую ошибочные да к тому же раскольнические и еретические тезисы, пусть и не затрагивающие права Короля и королевской власти, права и свободы галликанской Церкви.

Ришер дошел до того, что обвинил их в превышении полномочий, заявив, что епископы собрались без разрешения Короля и парламента, не пригласив и не выслушав его, подрывая авторитет трибунала, который, запретив обсуждение этой темы в Сорбонне, связал по рукам и ногам всех остальных. Словом, по его мнению, цензура была общей и расплывчатой, без оценки и выделения каких-то особых положений.

После того как его протест был официально отклонен, он обратился в суд; но парламент, более религиозно настроенный, чем он, и не считавший, что должно вмешиваться в это дело, не удовлетворил его просьбу, несмотря на его настойчивость, Факультет хотел лишить его должности старшины, не желая терпеть на столь важном посту человека со столь дурной репутацией.

Для обсуждения этого вопроса Факультет собрался 1 июня; но Ришер заявил официальный протест; убедившись же, что с ним не считаются, пригласил двух нотариусов и засвидетельствовал свой протест.

Так проходило это заседание, а 3 июля суд направил Вуазена запретить докторам богословия обсуждать это дело. После того как об этом доложили Их Величествам, канцлер, не отличавшийся быстротой решений, долго колебался, прежде чем остановиться

на каком-то конкретном решении, а 1 августа послал в заседание от имени Короля такой же запрет, который им уже был дан от имени суда; на следующем заседании, 1 сентября, ими были получены королевские грамоты, предписывавшие приступить к избранию нового старшины Факультета.

Ришер неоднократно протестовал, но все напрасно, избрали доктора Фильсака, кюре прихода Сен-Жан-ан-Грев, и, чтобы не попадать более в подобные ситуации, Факультет распорядился, чтобы в дальнейшем старшина оставался в должности не более двух лет, к тому же к концу первого года ему полагалось отныне обращаться к Факультету с вопросом, согласен ли тот с его кандидатурой еще на год.

Вскоре после этого Ришеру было отказано в пребенде[91] при кафедральном соборе Парижа, которое полагалось ему по праву старшинства, с доходом, равным месячной оплате ученых-теологов: сочли, что он недостоин принадлежать к их блестящей плеяде.

Господин Граф продолжал бороться за Кийбёф; Королева всячески тянула с ответом, стараясь отложить решение его просьбы, а затем и вовсе не допускать, чтобы ее с этим торопили; но когда она убедилась, что это ни к чему не приводит и что стремление его настолько сильно, что отвратить его от идеи губернаторства могло лишь полное понимание того, что он ничего не добьется, она открыто отказала ему, что вызвало небывалое недовольство Принца и Графа.

Дом Гизов и г-н д'Эпернон тоже были недовольны, убедившись в том, что находятся, мягко говоря, в немилости: г-ну де Вандому, одному из их сторонников, с ведома Королевы не было разрешено стать губернатором Бретани – это было поручено маршалу де Бриссаку; что касается самого господина де Вандома, ему было приказано удалиться в Ане.

Исходя из неудовлетворенности обеих сторон, считая, что доверие Королевы к министрам и их единство представляли собой непреодолимое препятствие для тех выгод, которые они надеялись извлечь для себя от государства, Принц и Граф вместе с маркизом д'Анкром решились испробовать самые крайние меры, способные смести эти препятствия, – именно об этом сговорились Буйон с Ледигьером: первый постарался убедить Графа расправиться с канцлером, второй обязался перед ними, в случае необходимости, привести к вратам Парижа десять тысяч пехотинцев и пять тысяч всадников.

Графу понадобилось время, чтобы съездить в Нормандию; но раньше, чем вернуться, он, по совету маркиза де Кёвра, состоявшего в том, чтобы не выполнять хладнокровно того, что он

задумал в минуту страсти и гнева, изменил свое решение.

Во время поездки в Нормандию маршал де Фервак, бывший губернатором Кийбёфа, укрепил гарнизон большим количеством солдат. Это оскорбило Господина Графа, он направил курьера к Королеве, чтобы выяснить, не делалось ли все это по ее приказу; Королева, без ведома которой это происходило, приказала маршалу де Ферваку явиться к Королю, ослабить охрану гарнизона Кийбёфа и разместить там несколько рот швейцарцев, в ожидании, пока Граф не вернется ко двору.

Граф этим не удовольствовался; он утверждал, что считал делом своей чести, став губернатором, самому производить смену гарнизона.

Де Роан, который находился в Сен-Жан-д'Анжели и до которого дошел слух о происходящем, предложил ему свои услуги и то доверие, которым он пользовался среди гугенотов, – вся лига дома Гизов, за исключением г-на д'Эпернона, воспользовалась произошедшим, чтобы заполучить Графа на свою сторону.

Но инцидент был немедля погашен; Графу предоставили все, о чем он просил, но под обещание, данное Их Величествам: через два часа после того, как он разместит гарнизон в Кийбёфе, он оттуда удалится, а в качестве гарантии рядом с Их Величествами останется маркиз де Кёвр.

Это длительное пребывание Господина Графа в Нормандии сильно докучало маркизу д'Анкру, который настолько был одержим желанием погубить канцлера, о чем они сговорились с Графом, что ему казалось – нет более важного дела. Его нетерпеливость еще усилилась в связи с тем, что в это время раскрылся один весьма необычный заговор.

Герцог де Бельгард настолько ревниво относился к тому, что маршал и его супруга были привечены Королевой, и так страстно желал занять их место, что, не сумев обычными средствами достичь своих целей, он прибег к дьявольским.

Некий Муассе, ранее простой портной, а теперь богач, человек весьма необузданного нрава, предложил ему предоставить в его распоряжение своих подручных, которые с помощью волшебного зеркала показали бы ему, до чего дошло королевское расположение к маршалу и его супруге, и дали бы ему способ добиться того же. Герцог согласился на это предложение.

Карл де Бурбон, граф Суассонский
(1566—1612)

Даже малый запас в мире верности вкупе с Божией милостью, часто не позволяющей раскрыть подобные злоумышления, дабы отвратить от них людей с помощью страха перед вечными страданиями, от которых способна охранить лишь любовь ко Всевышнему, привели к тому, что маршал и его супруга узнали о том, что затевалось против них и их покровительницы.

Они дали знать обо всем этом Королеве; что касается канцлера, который обычно не доводил дела до конца, он явно затягивал решение этого дела. Д'Анкр с женой сделали так, что

Королева выразила ему свое недовольство медлительностью и нерешительностью.

Для того чтобы ускорить расследование, которому он предавался с тем большим рвением, что был неизменно, даже до регентства Королевы, врагом герцога де Бельгарда, он послал специального курьера к г-ну дю Мэну, который, возвращаясь после своего посольства, находился тогда на границе с Испанией, чтобы тот помог ему разгромить их общего врага.

В парламенте возбуждается дело против Муассе; за его осуждением следует гибель герцога де Бельгарда, который тем более ощущал тяжкие последствия этого дела, что боялся, как бы под этим предлогом не навредили и большому имуществу Муассе, а его самого не лишили Бургундии и должности обер-шталмейстера.

Поскольку он пускал в ход все, что могло защитить его в парламенте, он без устали искал помощи при дворе, чтобы оправдаться, считая свой проступок не более чем выходкой, но маршал и его супруга, несмотря на все усилия герцогов де Гиза и д'Эпернона, так и не пожелали приостановить судебное разбирательство.

Дошло до того, что, отдавая себе отчет, что суд, как и все королевство, завидовал тому влиянию, которое они имели на Королеву, и потому, чтобы досадить им, был склонен оправдать их противника под тем предлогом, что д'Анкрам не давали покоя богатство Муассе и положение герцога де Бельгарда, они прибегли к помощи Королевы, умоляя ее замять это дело. Досье было изъято из канцелярии и сожжено.

Господин Граф, вернувшись ко двору, не пожелал исполнить обещанного в отношении канцлера, но продолжил его преследование за дела, связанные с губернаторством в Кийбёфе. Министры решили уговорить Королеву дать ему удовлетворение; г-н де Вильруа договорился до того, что готов на документе, заверяющем это намерение, в случае необходимости поставить свою подпись.

Дом Гизов пытался по-хорошему договориться с Графом, маркиз д'Анкр держался холодно, ему хотелось, чтобы до этого разделались с министрами; но смерть Графа поставила предел всем этим замыслам и его надеждам. Господин Граф отправился в Бланди, решив побыть там несколько дней, но заболел краснухой, от которой и скончался на одиннадцатый день – 1 ноября.

Признавая потерю, которую понесла Франция в лице Господина Графа, Королева была огорчена и свидетельствовала свое почитание как к нему, так и к имени, которое он носил, сохранив за его сыном должность королевского обер-гофмейстера

и одно из двух его губернаторств – Дофинэ.

Что касается второго губернаторства, над Нормандией, то, желая сохранить его для себя, она все же отказала в нем его сыну, а затем и принцу Конде, которого вознаградила губернаторством в Оверни, бывшей до того под началом г-на д'Ангулема, посаженного в Бастилию.

Я не могу не упомянуть здесь о том, что некий португальский монах-францисканец, который тогда с большим успехом проповедовал в Париже и утверждал, что является крупным астрологом, предсказал ей смерть Графа за шесть месяцев до его кончины.

После смерти Господина Графа маркиз д'Анкр, ненавидевший министров и желавший усилить свои позиции, решил заручиться поддержкой Принца и сблизиться с ним и его сторонниками.

С этой целью он замыслил браки г-на дю Мэна с м-ль д'Эльбёф и г-на д'Эльбёфа с дочерью маркиза[92], вследствие чего губернаторство над Бургундией перешло бы от г-на де Бельгарда к г-ну дю Мэну. Г-н де Бельгард, догадавшись, что именно затеяли против него, с полпути возвращается в Дижон, обиженный более всего на барона де Люза: после смерти Графа маркиз де Кёвр объединился с маркизом д'Анкром, а барон де Люз принял участие в интригах маркиза д'Анкра и Господина Принца. И потому г-н де Бельгард приписал барону дурной совет, данный ему во вред.

Дом Гизов присоединился к этому недоброму делу как из привязанности к г-ну де Бельгарду, так и из неудовольствия тем, что барон де Люз, который принадлежал к их числу и знал все их секреты, приобрел доверие противоположной стороны: их ненависть дорого обошлась ему, в чем мы убедимся год спустя.

Вот что произошло в этом году при дворе. Королева, несмотря на огорчения, все же счастливо выбралась из сложной ситуации благодаря доверию, которым пользовалась в Совете министров. Однако ей не менее трудно пришлось в делах, которые случились вне двора в провинциях.

Ватан, знатная особа, снова сделавшийся гугенотом и считавший, что хотя никакое преступление недопустимо во время малолетства Короля, однако, будучи совершенным, останется безнаказанным, был взбудоражен слухами о происходящих при дворе проявлениях недовольства, а также теми изменениями, которые, как он надеялся, должны были последовать за ассамблеей гугенотов, которая тогда проходила, и до такой степени потерял самообладание после того, как отказался от Бога, что в глубине Солони, в 25 лье от Парижа, где находилась вся его недвижимость, начал укреплять свой дом, надеясь, что его

примеру последуют его собратья, которые придут ему на выручку.

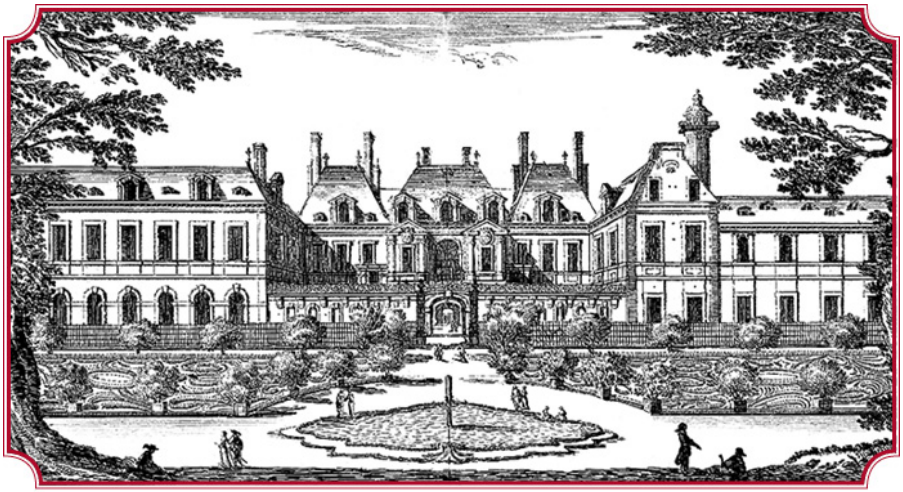
Но он и опомниться не успел, как был окружен в своем поместье, схвачен и казнен 2 января; его поступок, расцененный как подготовка к мятежу, был пресечен. Буря, которая, казалось, нам угрожала, была остановлена, и можно с уверенностью сказать, что его смерть послужила ко благу общества, его собственному благу и благу его близких, поскольку, умирая, он вернулся в лоно Церкви, а его близкие стали полными его наследниками по указу Королевы.

Ее Величеству было гораздо труднее справиться с мятежом, к которому подстрекал герцог де Роан в Сен-Жан-д'Анжели и в который он попытался втянуть всю партию гугенотов, и с ассамблеей, которая состоялась вслед за тем в Ла-Рошели, на которую не было получено высочайшего разрешения.

После завершения Сомюрской ассамблеи все ее участники отправились в свои города и веси, дабы разнести яд; герцог де Роан направился с этой целью в Сен-Жан-д'Анжели – крепость, губернатором которой он стал после смерти г-на де Сент-Мема, но, не желая, чтобы де Роан там оставался, покойный Король поставил в городе в качестве своего наместника отставного кавалериста по имени Дезажо, а после его смерти передал наместничество г-ну де Брассаку, который и распоряжался им до прибытия г-на де Роана.

Королева-мать, не верившая в благонадежность герцога де Роана и убежденная в преданности г-на де Брассака, приказала, чтобы тот тщательно оберегал крепость от герцога, не желая дойти до крайних мер из опаски, как бы это не взбудоражило всю Францию и не послужило предлогом для тех, кто был готов устроить заваруху.

Противостояние длилось восемь месяцев: г-на де Брассака было трудно одолеть; не добившись этого, де Роан испробовал другой путь: при помощи своих друзей-придворных примирился с Королевой и обещал повидаться с ней, лишь бы де Брассак также поехал в Париж; согласие было достигнуто, оба были вызваны и вместе отправились в Париж.



Израэль Сильвестр. Суассонский дворец в Париже. *Середина XVII в.*

Две недели спустя г-н Роан, сославшись на якобы захворавшего брата, попросил у Королевы разрешение навестить его и уехал, направляясь в Бретань, где находился его брат, а оттуда в Сен-Жан-д'Анжели, и там на глазах удивленных жителей изгнал старшего по гарнизону по имени Гратлу, уроженца города, верного служаку Короля; после чего выслал командира роты г-на де Брассака, который был очень пожилым человеком, присланным еще покойным Королем, и кое-кого еще.

Как только весть об этом достигла двора, был собран Совет во главе с маршалами де Ледигьером и Буйонским, и принялись обсуждать, следовало ли послать обратно г-на де Брассака, чтобы попытаться выгнать де Роана, пока это еще не составляло труда.

Однако верх взяла робость, царившая в Совете, порешили выслушать тех, кто был в Ла-Рошели, и самого г-на де Роана. Это означало, что следует ждать примирения сторон и вознаграждения г-на де Брассака.

В то время как раз случилась смерть губернатора Шательро, Королева решила отдать Шательро в руки того, кого укажет де Роан, что и было исполнено.

Ассамблея в Ла-Рошели была предусмотрена задолго до этих событий, поскольку Их Величества заверили, что мятежники и недовольные на Сомюрской ассамблее хотели якобы провести ее без разрешения Королевы.

Ле Кудрэ, советник Парижского парламента, у которого была привычка ездить в Ла-Рошель по своим частным делам, был направлен туда в качестве судебного интенданта с поручением

следить за происходящим и помешать тому, чтобы ассамблея состоялась, а также давать советы Их Величествам относительно того, что необходимо предпринять в том или ином случае.

У народа было свое представление об этом, но основанное отнюдь не на истине, которая никогда не бывает простой и незамутненной, а, как правило, обрастает выдумками находящихся в зависимости от тех, кто их распространяет.

Прошел слух, что Ле Кудрэ послан, чтобы приглядывать за полицией, что прежде входило в привилегии города, и чтобы оторвать Ла-Рошель от союза с собратьями, а также будто он выпросил это поручение у Их Величеств, дав им понять, что ларошельцы не являются верными служителями Короля.

В результате начинается смута, жители берутся за оружие; испуганный Ле Кудрэ просит у мэра охрану. Жителям только того и надо: его страх придает им уверенность; не успевает он покинуть город, как они собирают ассамблею.

Узнав об этом, Королева, опасавшаяся смуты, подавить которую у нее не хватает духа, призывает Ле Руврэ и Милетьера, рядовых депутатов-гугенотов из свиты Их Величеств, разъясняет им суть происходящего, выслушивает их жалобы, обещает им кое-что из того, о чем они просят, и приказывает Ле Руврэ немедленно отправиться в Ла-Рошель с ее распоряжением распустить ассамблею, обещая забыть все, что произошло, остановить все преследования, которые могли быть возбуждены против мятежников.

И вручает ему декларацию, подтверждающую эдикт о замирении и забвении всех незаконных действий.

В то же время гроза обрушилась на иезуитов за книгу, сочиненную неким Беканусом и озаглавленную «Спор в Англии о власти Короля и Папы»[93].

Эта книга появилась во Франции в ноябре и была осуждена богословами на собрании 1 декабря в том, что в ней предлагается рассматривать убийство королей и принцев крови как достойный славы поступок. Они сочли своим долгом запретить эту книгу и обратились к кардиналу де Бонзи, чтобы тот добился разрешения на это Королевы; при этом ей внушили уместность ее обращения по этому поводу к Его Святейшеству: ведь если он также пожелает запретить книгу, авторитет Королевы в христианском мире необыкновенно возрастет.

Ее Величество выразила пожелание, чтобы Папа, со своей стороны, отложил этот запрет на некоторое время, которого ей хватило бы, чтобы сообщить свою волю по этому поводу.

Венецианцы также с начала года подтвердили все свои декреты, так что со всех сторон получили выражения сочувствия.

Повествование об этом годе мы завершим рассказом о четырех заметных событиях.

Император Рудольф, утомленный не столько годами, сколько огорчением, вызванным тем, что брат лишил его части земель, а окружение презирало, угас на шестьдесят первом году жизни; незадолго до этого сдохли лев и два орла, которых он заботливо содержал, что послужило предзнаменованием его собственной кончины.

Его брат Матиас, имя которого он во время своей болезни постоянно упоминал, словно умоляя его о чем-то или желая обвинить в своей смерти, стал его преемником и возглавил Империю; но ему не пришлось наслаждаться тем, о чем он страстно мечтал, нарушая законы братской любви.

Густав, новый король Швеции, который в прошлом унаследовал корону своего отца, скончавшегося от горя, вызванного неудачами в войне против датской короны, ловкостью и отвагой так убедительно склонил Фортуну на свою сторону, что заставил короля Дании искать мира, на который тот согласился, намереваясь повернуть армии против Польши и Московии.

В Италии 22 декабря умер герцог Мантуи Франсуа, оставив беременную жену, дочь герцога Савойского, воспользовавшегося этим, чтобы развязать войну, в которую французский Король окажется вовлеченным: во-первых, выступив против неоправданной агрессии герцога, и, во-вторых, опасаясь, как бы Испания не захватила его земли и не раздвинула свои границы.

Король Англии, чтобы затянуть новым узлом свой альянс с принцами-протестантами Германии, предпочел союз с Фредериком, графом Пфальцским, будущим курфюрстом, союзу с коронованными особами и обещал ему свою единственную дочь.

Граф прибывает в Англию в ноябре, происходит помолвка, но торжества омрачены смертью принца Уэльского, случившейся в декабре: это был благородный и многообещающий принц, его смерть была предвестницей бед, которые эта свадьба принесла Англии.

После того как скончался граф Суассонский, Принц остался в одиночестве и не опасался более того, что его власть может быть поделена или оспорена, как это было прежде, когда Граф мог составить ему оппозицию. Для Франции эта смерть была скорее благом, ведь теперь и запросы Принца, казалось, должны были бы стать умереннее, но опыт показал обратное – он счел, что, оставшись один, может претендовать на большее.

Он не сразу обнаружил свои аппетиты, а выждал случай, который ему предоставили враждебность министров и трусость канцлера де Сийери, лишившего Королеву возможности воспользоваться смертью барона де Люза, некстати убитого 5 января шевалье де Гизом, которого подтолкнула к этому преступлению безнаказанность, с коей он покушался годом раньше на жизнь маркиза де Кёвра.

Барон де Люз случайно очутился в Сен-Клу, когда тяжко заболел герцог д'Эпернон, у которого состоялось сборище, где обсуждался план насильственной смены правительства.

Герцог де Гиз и те, кто был там, увидев вскоре, что он стал своим у Королевы, заподозрили, что он предал их либо мог это сделать. Подстроив его ссору с шевалье де Гизом, добились того, что тот убил его под предлогом смерти отца де Гиза, чем де Люз иногда похвалялся. Никогда еще не было пролито столько слез, сколько пролила на этот раз Королева.

Люди, не связанные с домом Гизов, решили воспользоваться этим случаем, чтобы ожесточить ее против Гизов; по этому поводу были сделаны разные предложения. Доле дошел, например, до того, что предложил использовать швейцарцев, чтобы отомстить за эту утрату герцогам де Гизу и д'Эпернону, когда те появятся в зале королевской гвардии.

Самыми мудрыми эта идея была отклонена, Королева задумала предать суду шевалье де Гиза. Она бы так и поступила, если бы канцлер, который боялся всего, не использовал всевозможные отсрочки, чтобы оттянуть выполнение данного ему поручения.

Слабость канцлера послужила причиной того, что Ее Величество в пылу гнева, и немалого – как по причине ее страха перед кровью, так и потому, что барон де Люз был убит лишь из подозрения, что верой и правдой служил ей, – пришла к заключению, что отсрочка, предоставленная ей, – на благо.

Одним из советов, данных ей покойным Королем, был тот,

что ни в коем случае нельзя поддаваться чувствам, как бы ни были они справедливы и достойны. И она простила то, что ни за что не простила бы при других обстоятельствах. Шевалье де Гиз напал на барона де Люза со шпагой в руке, а барон был стар и дряхл, кроме того, был застигнут врасплох, собираясь выйти из кареты. Он не успел даже вынуть из ножен небольшую шпагу, висевшую у него на поясе.

Помимо того, что у шевалье была боевая шпага, он был молод и силен и сознательно искал встречи с бароном де Люзом, с ним еще были два дворянина, которые лишь наблюдали за боем, завершившимся так быстро, что многие из присутствовавших и не заметили, что барон де Люз не успел вытащить шпагу из ножен.

Королева была настолько раздосадована на канцлера за то, что тот был свидетелем, как неудачно она действовала в этом случае, что у нее зародилась мысль избавиться от него и доверить государственную печать и министерство юстиции человеку, который их хранил бы с большим благородством.

Она тайно пригласила в Лувр Принца, г-на де Буйона, маркиза д'Анкра и Доле. План был поставлен на обсуждение, и все признали его недурным; Принцу было поручено отправиться к канцлеру и потребовать печати, а также приказать ему от имени Их Величеств удалиться от двора.

Кроме того, порешили, что Королева, под предлогом поездки на обед к Заме, проедет мимо Бастилии и войдет в Арсенал, где прикажет арестовать г-на д'Эпернона, который вернулся в Париж несколько дней назад. Это принятое наспех решение подлежало немедленному исполнению; однако маркиз д'Анкр погубил все дело. Он не желал изгонять канцлера, пока не найдет ему замены – преданного ему самому человека; его жена предлагала ему г-на де Руасси.

Он не был против него, но Доле разубеждал его, как и ненавидевший его г-н де Бюльон, которому вспоминалось, что некогда тот уже брался конфисковать его земли в Лимузене.

Поскольку маршал и его жена не сумели предложить свою кандидатуру, Королева изменила решение; все стало известно из-за неосторожности сторонников Принца и маркиза д'Анкра. Принц, мечтавший о неоправданно широкой власти в государстве, потребовал для себя губернаторства в Бордо и Шато-Тромпет.

Маркиз д'Анкр и его жена, имевшие на него влияние, взялись помочь ему в этом: они поддержали его претензии и приложили все усилия, чтобы убедить Их Величества, но ничего не смогли добиться силой своих аргументов.

Их труды не только пропали даром, но и навредили им

самим, ибо министры, утратившие было авторитет в глазах Королевы – она стала многое решать без их ведома, с Принцем, ставя их впоследствии в известность, – воспользовались случаем, чтобы вернуть ее расположение.

Умолив ее дать им частную аудиенцию под тем предлогом, что должны сообщить ей нечто важное, они явились к ней. Совтеру было приказано никого не впускать. Однако маркиз д'Анкр и его супруга, у которых были шпионы, доносившие им обо всем, чем Королева занималась, были немедленно поставлены в известность о ее секретном разговоре с министрами. Маркиз тотчас поднялся в кабинет Королевы и постучал в дверь; Совтер доложил об этом Королеве и снова получил приказ никого не допускать.

Министры изложили Королеве свои мнения о попытках, предпринимаемых маркизом д'Анкром с целью склонить Королеву в пользу Принца, обвинили его и его жену во многих прегрешениях, наносящих ущерб ее авторитету, и показали ей возможные последствия того, что первый принц крови получит место в ее правительстве и в придачу такой важный город, как Бордо, расположенный в самом центре религиозных распрей.

Им нетрудно было убедить Королеву, которой покойный Король много рассказывал о том, что произошло во времена его молодости: если бы, воюя против Генриха III, он заполучил Шато-Тромпет, то велел бы именовать себя герцогом Гиеннским.

Когда они удалились и маркиз захотел поговорить с Королевой, она высказала ему свое недовольство, да так, что несколько дней спустя, видя, что он продолжает давить на нее в этом деле, она пришла в такой гнев, что он больше не осмелился поднимать эту тему.

Принцы, верившие в его всемогущество при Королеве, набросились на него за эту неудачу и приписали ее его нежеланию добиться своего. Его жена, опасаясь, как бы ему не причинили вреда, если Королева не пойдет навстречу их желаниям, также попыталась говорить с ней, но с еще меньшим успехом, чем муж; в конце концов Королеву взяло такое отвращение к этой парочке, что было достаточно малости, чтобы они навсегда утратили ее расположение.

Маршальша несколько дней не осмеливалась зайти к Королеве. А ее муж, отчаявшись и не зная, как восстановить взаимопонимание с Принцем и как ему втолковать, что не он виноват, предложил ему свое собственное губернаторство: если он желает, он отдает ему и его фавориту де Рошфору город Перонн.

Тем временем сын барона де Люза, искренне оплакивая

смерть своего отца, вызвал шевалье де Гиза на дуэль. Дуэль была назначена у Сент-Антуанских ворот в присутствии секундантов; драться предстояло верхом на конях. Что могло быть более справедливым, чем желание молодого барона отомстить за своего отца?

Но Господь рассудил иначе: он проиграл в этом поединке – в назидание другим, чтобы никому было неповадно таким способом удовлетворять месть, ибо суд – прерогатива государственной власти.

Королева, опечаленная еще и этой потерей, пример которой мог бы стать заразительным для других, запретила дуэли под угрозой самого сурового наказания, дабы пресечь на корню это поветрие.

Поскольку после смерти барона де Люза два королевских наместничества в Бургундии оказались вакантными, г-н дю Мэн попросил одно из них для виконта де Тавана, а другое – для барона де Тьянжа; но так как Принц и его сподвижник были в плохих отношениях с Королевой, г-н дю Мэн получил отказ; чтобы продемонстрировать изменения при дворе, г-н де Бельгард, недавно снова осыпанный милостями, получил их для двух своих друзей.

Г-н дю Мэн, не отличавшийся терпением, был сильно задет, не в силах поверить, что немилость, в которую впал маркиз д'Анкр, была на самом деле таковой; он подозревал, что там крылось некое притворство, и потому был с маркизом достаточно холоден; так что, когда маркиз пожелал через маркиза де Кёвра ускорить дело о двух свадьбах, о котором мы рассказывали выше и которые барон де Люз взялся устроить между герцогом дю Мэном и м-ль д'Эльбёф, г-ном д'Эльбёфом и своей дочерью, г-н дю Мэн ответил, что у него никогда не было намерения жениться, а если барон де Люз утверждал иное, то он его обманул.

Господин Принц, видя, что ему не удается получить Шато-Тромпет, принял предложение, сделанное ему маркизом д'Анкром, – отдать ему Перонн и спросил, каков результат. Маркиз, уже не имевший доступа к Королеве, упросил жену добиться этого для него; но та сама впала в такую немилость, что почти не осмеливалась заговаривать с Королевой, не дававшей ей более возможности оставаться с ней наедине.

В те часы, когда Королева после ужина находилась в большом кабинете и можно было приблизиться к ней, она удалялась в свой малый кабинет и повелевала закрыть дверь; когда маршальша попыталась воспользоваться временем подготовки ко сну Королевы, принцесса де Конти упрямо оставалась подле Ее Величества, и вновь ничего не выходило. Опасение, что Принцы

навредят ее мужу, все же заставило маршальшу решиться на разговор с Королевой.

Но этот разговор остался без последствий. Она не стала настаивать на своей просьбе, так как Пленвиль, дворянин из Пикардии, который был доверенным лицом ее мужа и ее самой и сожалел о том, что они решили расстаться с Перонном, и еще больше о том, что город перейдет Принцу, объяснил ей, как им будет не хватать Перонна, рядом с которым располагались владения маркиза д'Анкра, да и их доходы могли уменьшиться наполовину. Скупая маршальша предпочла свою собственную выгоду всем доводам мужа и пожелала оставить Перонн.

В то время как продолжались попытки передать Шато-Тромпет и Перонн Господину Принцу, маршал д'Анкр повсюду хвастался тем, что сказал Королеве, будто он ее человек и она может располагать им, но что он не поддерживает ее в страстном желании распрощаться со своими друзьями, то бишь Принцем и г-дами дю Мэном, де Невером, де Лонгвилем, де Буйоном, которых он называл ее верными слугами, а также о том, что дружба его с ними основывалась лишь на служебных обязанностях и он считал партию Принца самой законной из всех.

Он дошел до того, что осмелился назвать ее одному лицу, приближенному к Королеве, неблагодарной и легкомысленной.

Все это передали Королеве, что не особенно настроило ее против него; между прочим, ей донесли, что он хотел подыскать местечко и для гугенота де Буйона, что шло вразрез с королевскими интересами.

Времена были настолько злосчастными, что такие люди были самыми ловкими и самыми изобретательными по части интриг, а интриги их были таковы, что министры были более озабочены тем, как упрочить собственное положение, чем тем, что необходимо государству.

Видя, что маршалу д'Анкру никак не добиться удовлетворения своих просьб, герцог Буйонский додумался до хитрости, достойной его ума. Он пригласил к себе г-на де Бюльона с тем якобы, чтобы предупредить его как друга господ государственных министров, что Королева намерена вознаградить Принца, отдав ему Перонн, но что она предпочитает сделать это с их одобрения: вот он и желает предупредить их, чтобы они, такие опытные светские люди, опередили ее желания.

Узнав об этом, Королева мгновенно сообразила, что принцы хотят воспользоваться расколом, который, как им казалось, существовал между нею и ее министрами, и призналась, в связи с этим, г-ну де Бюльону, что и впрямь испытывает большое отвращение к слабости, которую канцлер проявил в деле барона

де Люза, что сговор между остальными министрами и канцлером очень ей не по душе, но что она желает сговориться с ними, дабы помешать знатным господам, чьи интересы противоречат ее собственным интересам и интересам ее детей, дойти до нетерпимой наглости.

Ее Величество настолько была озабочена тем, о чем она поведала Бюльону, что, под предлогом поездки в свой дворец, который возводился в пригороде Сен-Жермен[94], велела передать приказ президенту Жанену прибыть туда же. С ним она говорила в том же духе, наказав ему передать это его сообщникам.

Эти ее разговоры еще не закончились, когда министры посоветовали ей предложить Принцу, дабы лишить его предлога для недовольства, крупные суммы на приобретение земель; они считали, что следовало выиграть время с помощью денег, а не ослаблять государство спорами из-за городов, что могло привести к тяжелым последствиям.

Николя де Лармессин. Портрет Марии Медичи.
Первая половина XVII в.

Щедроты Королевы не произвели большого впечатления на Господина Принца; Шато-Тромпет и Перонн слишком засели у него в голове, как и в голове герцога Буйонского, чтобы они не попытались придумать что-нибудь еще. Маркиз д'Анкр подсказал им, что лучше сделать; понимая, что доверие Королевы к нему подорвано, и не зная, как поправить положение, он посоветовал им выразить открыто свое недовольство и удалиться от двора: в этом, по его мнению, не было ничего опасного.

Было ясно, что де Гиз и д'Эпернон так нагло поведут себя при

Королеве, что заставят ее снова призвать их к себе, как это уже случилось однажды, когда она призвала Принца и Графа.

Герцог Буйонский, рассудив, что это скорее в интересах маршала, чем в интересах де Гиза и д'Эпернона, с самого начала отнесся к этому с недоверием. Он понимал, что удаление от двора стольких принцев и дворян было делом не пустяшным и что прежде, чем на это решиться, им надобно крепко подумать.

С одной стороны, было опасно зайти слишком далеко в противостоянии власти и Их Величествам, с другой – следовало опасаться, что малейшие проступки со стороны удалившихся будут представлены оставшимися Королеве как немалые и даже одиозные преступления, чтобы полностью уничтожить их в ее глазах.

Но в конце концов они все на это решились, после того как герцог Буйонский повидался с маркизом д'Анкром и договорился с ним от имени всех, что тот будет наблюдать за настроениями Королевы, давать им советы относительно того, что им предстоит сделать для их общего блага, что они также будут доверять ему, что они не станут затевать в провинциях смуты и будут вести себя подобающим образом, не давая серьезного повода жаловаться на них.

Принц отправился в Берри; герцог Неверский – в Италию, сопровождая м-ль дю Мэн к ее будущему супругу; г-н дю Мэн – во Флоренцию со своей сестрой, которая направлялась туда, чтобы навестить свои владения; герцог Буйонский выехал в Седан.

Роскошь в те времена была велика по той причине, что королевские деньги вовсю текли к знати, согласно симпатиям Королевы, так что все это было весьма далеко от умеренности времен покойного Короля; отсюда вытекало, что дворянство осаждало Королеву просьбами об увеличении содержания или стенаниями по поводу изменений, надеясь извлечь выгоду для себя; это вынудило Ее Величество запретить своим эдиктом ношение одежд с золотым и серебряным шитьем, позолоту потолков домов и наружных частей карет; но эдикт был почти бесполезен.

Хотя принцы – недовольные, разобщенные и рассеянные по всему королевству – и давали повод опасаться того, что могут нарушить мир повсеместными заговорами и восстаниями, эти страхи все же были невелики в связи с тем, что гугеноты были присмирены, а их ассамблея в Ла-Рошели была распущена: все они разъехались по прибытии Ле Руврэ, которого Король послал туда в конце прошлого года.

Ле Руврэ доставил им и огласил в городской ратуше декларацию Короля, запрещающую продолжение их ассамблеи,

предающую забвению все, что случилось, подтверждающую эдикт о замирении, – потому они и решили повиноваться, хотя и продолжали спекулировать словом «округ», не имевшим хождения во Франции, но употреблявшимся в Германии, где провинции поделены на округа.

Некоторые из самых отъявленных мятежников, которые недовольными покинули ассамблею в Сомюре, не упустили случая для тайных и злонамеренных сходбищ; но мэр, будучи предупрежден об этом, 11 января запретил им под страхом смертной казни собираться, после чего они стали умолять мэра лишь о том, чтобы он позволил им остаться в городе до того момента, когда декларация Короля будет подтверждена парламентами их провинций.

Тяжба, тянувшаяся также с конца прошлого года в связи с книгой Бекануса, была разрешена в то же самое время. Богословы, недовольные ответом, который кардинал де Бонзи передал им от имени Королевы, – отказом немедленно запретить эту книгу, отправились 7 января на встречу с канцлером, изложили ему зловредность учения Бекануса, несовместимого со старинной приверженностью Факультета вере.

Канцлер привел их в Лувр и представил Королеве, а на следующий день передал им ее волю: она обещалась изучить этот вопрос.

Но еще до того, как наступило 1 февраля, день, когда должно было состояться их первое заседание, нунций привез им запрет на книгу из Рима: этим документом она была помещена во второй класс запрещенных книг[95]. Этот запрет был им представлен на заседании 1 февраля, и они не упустили случая сделать из нее новость. Таким образом, в королевстве все было спокойно: и гугеноты не давали повода для опасения, и никакое учение не могло внести смуту в умы.

Большая пауза позволила министрам подумать о том, как соединить свою власть с властью маршала, не заботясь о том, чтобы призвать принцев вернуться или, вернее сказать, не желая дать им понять, что в них нуждаются.

С этой целью, всего через несколько дней после их отъезда, один из друзей г-на де Вильруа попытался выяснить у маркиза де Кёвра, не хотел бы маркиз д’Анкр сговориться с министрами, и стал ему доказывать, что это в его интересах: и надежно, и для славы полезно, и Королеве спокойнее, ведь, любя его и его жену, она была недовольна их отношениями с министрами.

Чтобы закрепить это замирение, ему предложили брак маркиза де Вильруа с дочерью маркиза д’Анкра. Маркиз де Кёвр не отклонил это предложение и говорил о нем с маркизом в

присутствии Доле. Сначала тот отверг это предложение, боясь, что его делают лишь для того, чтобы поссорить его с друзьями.

Затем мало-помалу дал себя уговорить, уверяя, что идет на это ради их согласия, однако не хочет ни на что решиться, не спросив мнения г-на де Буйона, которое трудно получить издали, ведь тот в отъезде, мол, некоторые вещи легче сказать, чем написать.

И все же он готов написать ему, не раскрывая всего дела, из опасения, что герцог расскажет о нем Принцу, что было бы нежелательно. В письме он просто даст понять ему, что министры ищут его дружбы и он желает знать его мнение по этому поводу, при этом просит держать все в тайне.

Тот, кто вел переговоры с маркизом де Кёвром, получил ответ, что маркиз и слушать не хочет ни о чем, не зная мнения Королевы по этому поводу; если она за, то он охотно примет это предложение; но поскольку она мало ему доверяет, он не осмелится говорить с ней об этом и доверяет сделать это им самим.

Президент Жанен подрядился обеспечить ему хорошее отношение Королевы и убедил ее; затем переговорил об этом с маркизом де Кёвром. Нельзя сказать определенно, готовился ли этот договор с участием канцлера либо г-н де Вильруа скрыл от него этот факт.

Первый утверждал, что ничего об этом не знал, другой, напротив, уверял, что обо всем рассказал ему. Но так или иначе, только ревность и недоверие уже тогда зародились между ними, поскольку канцлер испугался, что тот благодаря этому союзу возвысится над ним. Со временем они стали испытывать друг к другу настоящую неприязнь.

Пока в большом секрете обсуждается этот брак, маркизу д'Анкру предоставляется случай поработать на принцев: герцог Савойский развязывает войну в Монферрате.

Мы уже сказали, что год назад, 22 декабря, Франсуа, герцог Мантуанский, скончался, оставив беременную жену, дочь герцога Савойского. У него было два брата, старший из которых, Фердинан, был кардиналом, другого звали Венсаном. Кардинал наследовал покойному.

Герцог Савойский, который только и делает, что ссорится со всеми напропалую, требует свою дочь обратно. Герцог Мантуанский отказывает ему в этом, убеждая его, что сперва ей следует разрешиться от бремени. Она рожает дочь. Теперь герцог Савойский требует обеих.

Герцог Мантуанский соглашается выдать мать, но оставляет свою племянницу, считая оправданным, чтобы она жила в доме

своего отца, в котором родилась. Да и Император своим декретом поручил дитя его заботам.

Герцог Савойский не удовлетворен этим ответом и, под предлогом утешения матери, требует, чтобы обе были отправлены в Модену, где он будет заботиться о них, ожидая решения Императора.

Герцог Мантуанский соглашается на это, но герцог Моденский отказывается возложить на себя эту заботу; маркиз Линочоза, губернатор Милана, большой друг герцога Савойского, который наградил его титулом маркиза Сен-Жерменского, открывавшего ему доступ к еще большим почестям и должностям, которые он получил впоследствии от короля Испании, соглашается принять обеих принцесс, на что не идет герцог Мантуанский.

Тогда герцог Савойский вспоминает все старые ссоры и раздоры и возобновляет свои претензии на Монферрат, как на основании своего происхождения из Палеологов, так и на основании дарственной записи и соглашения, достигнутых в 1435 году между маркизом Жаном Жаком де Монферратом и маркизом Феррарским, относительно 90 000 дукатов, присужденных Императором Карлом V герцогу Савойскому в качестве приданого его жены Бланш де Монферрат.

Герцог Мантуанский просит его отложить на некоторое время его претензии, поскольку их спор рассудил уже его предок, герцог Савойский, на процессе, возбужденном при Карле V, который вынес решение в пользу герцога Мантуанского; если же какие-то претензии и остались в форме иска о праве собственности за Савойским домом, можно передать их на суд Императора.

Что касается дарственной записи и соглашения, заключенных маркизом Жаном Жаком де Монферратом, они были аннулированы решением Императора в 1464 году как вырванные насилием у маркиза, который, будучи приглашен под предлогом какого-то торжественного праздника, был задержан герцогом Савойским и освобожден, лишь пообещав ему все, что тот ни пожелает.

Что до приданого Бланш, тут все законно, но у него имеются также претензии против него по причине захвата герцогами Савойскими у его предшественников городов Трен, Ивре, Мондови и других, которые были вновь затребованы в ходе все того же процесса; он еще продолжит тяжбу за них в свое время и в своем месте.

Ощущая нехватку аргументов, герцог Савойский прибегает к хитростям и к оружию, велит собрать вооруженных людей под предлогом защиты своих земель, подкупает всех, кого может, в

Монферрате, а сам в это время по-дружески общается с герцогом Мантуанским, удерживая у себя епископа де Диочезаре, его посланника. 22 апреля он уверяет его в том, что уезжает на встречу со своими войсками, приводит их в Монферрат, взрывает Трен, берет приступом Альб, предает все огню и мечу, не щадя ни женщин, ни священников, ни храмов.

А чтобы оправдаться, выпускает манифест, в котором, маскируя как только можно свое вероломство, умоляет Папу и Императора одобрить сделанное им, а Его Католическое Величество, дядю своей дочери, и своего родственника курфюрста Саксонского и всех христианских принцев – быть к нему благосклонными.

Герцог Неверский, прибывший в Савон со своей свояченицей, узнав обо всем, отсылает ее одну во Флоренцию, где должна состояться свадьба, собирает наспех своих людей и бросается к Казалу; туда же немедленно прибывает его брат Венсан.

Гром войны заставляет всех итальянских принцев поднять свои армии, но ни один из них не встает на сторону герцога Савойского. Даже маркиз Линочоза, друг герцога, вынужден по приказу своего короля выступить против него; его войска заставляют герцога снять осаду Ниццы. При появлении войск Испании герцог Савойский извещает маркиза о том, что не желает воевать против испанцев, и удаляется.

Весть об этих событиях в Италии огорчает Королеву; она понимает, что они не останутся без последствий, и оценивает их как самые крупные события изо всех произошедших вне королевства с начала ее регентства; она не рискует принять какое-либо решение, не посоветовавшись со всеми важными людьми в королевстве. Маркиз д'Анкр, выжидавший удобного случая, решает воспользоваться этим, чтобы вернуть принцев, которые, за исключением г-на де Невера, втянутого в события в Италии, желали этого.

Г-н де Буйон едва успевает вернуться ко двору, как маркиз д'Анкр приглашает его к себе и рассказывает ему обо всем, что произошло с ним и г-ном де Вильруа, о чем тот еще не знал, ибо все держалось в строгой тайне. Он вовсе не отговаривает его от этого, а, напротив, поддерживает его планы, обещает ему строго хранить все в секрете и слово свое держит; так что об этом деле никто ничего не узнает, пока оно не будет доведено до конца.

Однако случилось два неприятных происшествия, которые задержали выполнение их планов. Некто Магнас, постоянный участник Совета, в мае был взят под стражу в Фонтенбло; его обвинили в том, что он был нанят неким Ла Рошем из Дофинэ как осведомитель герцога Савойского: он частенько наведывался к

Доле, которого, как показалось маркизу д'Анкру, министры тоже чуть не скомпрометировали.

Того это так возмутило, что в последний день месяца Магнас был лишен жизни, при этом никакого упоминания о каких-либо тайных связях с Доле не было.

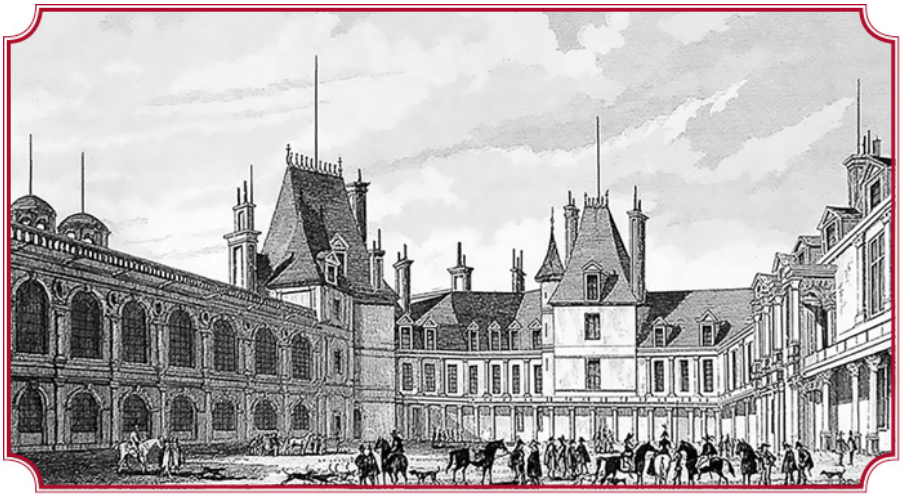
С другой стороны, г-н де Вильруа настаивал на том, чтобы до подписания свадебного контракта должность первого камер-юнкера, которая принадлежала г-ну де Сувре, была бы заранее предназначена его сыну, г-ну де Куртанво, который женился на одной из внучек г-на де Вильруа; маркиз д'Анкр не захотел согласиться с этим, намереваясь передать эту должность после смерти престарелого г-на де Сувре другому лицу.

Имея немалое влияние на Королеву, которой предоставлял ложные сведения, он с помощью своей жены мог надеяться помешать этому: в результате самые влиятельные министры, упрекая Королеву за слишком тесный союз с Принцем и его сторонниками, посоветовали ей приказать ему не появляться более при дворе и удалиться в Амьен.

Королева, следуя другим советам, решилась защитить герцога Мантуанского и велела направить часть армии в Италию, чтобы помочь ему.

Испания, желавшая сохранить свои интересы в Италии и быть арбитром всего, что там происходит, предупреждает об этом Королеву и приказывает маркизу Линочозе заключить мир; он выполняет это с такой поспешностью, что у представителя герцога Мантуанского, который находится в Милане, нет времени, чтобы предупредить своего господина о договоре и получить необходимые полномочия для его подписания.

Они договорились о том, что по просьбе Его Святейшества и во имя послушания Императору и его Католическому Величеству герцог Савойский должен в течение шести дней передать в руки посланников Императора и короля Испании крепости, которые он захватил в Монферрате, чтобы те могли вернуть их герцогу Мантуанскому, что и было исполнено.



Внутренний двор дворца Фонтенбло. *Гравюра. XIX в.*

В то время как в Италии дошло до военных действий, в Англии торжественно праздновали свадьбу английской принцессы с принцем Фредериком, ставшим недавно, после смерти отца, курфюрстом Пфальцским.

Они обвенчались, как мы говорили, в конце прошлого года; их свадьба состоялась 18 февраля этого года, а после обычных в подобных случаях торжеств уехали в Голландию, где их роскошно приняли, 28 мая прибыли в Гаагу, а оттуда отправились в свои владения, где и были бы счастливы, если бы, соизмеряя свои желания со своими возможностями – а принцесса еще и помня о том, что она более не принадлежит к роду, в котором рождена, опустившись до рода своего мужа, – они не лелеяли необоснованных и неумеренных надежд, которые завершились для них позором.

Как знать, не предпочли бы они умереть уже тогда, чтобы не ждать столько лет, пока на них не обрушатся все возможные несчастья.

В не меньшей степени это относится и к Сигизмунду Баторию[96], который, наверное, предпочел бы покинуть этот мир, до того как довериться Императору и лишиться, в наказание за свою доверчивость, не только своих обширных и прекрасных владений и земель, но и самой славы и, наконец, свободы.

Этот владыка, избранный в молодости королем Трансильвании, вел войну против турок и одержал знатные победы над ними; но со временем, поскольку силы его были недостаточны, а армии, которые турецкий султан посылал одну за другой против него, причинили непоправимый ущерб его

стране, он позволил убедить себя в необходимости передать свое государство в руки императора Рудольфа, который мог более выгодно распорядиться им как своего рода защитным валом для христианского мира.

Император же обязывался предоставлять силы для охраны этого вала и уничтожения общего врага. За это Баторию обещали большое княжество в Германии; он согласился, но был обманут. С ним стали обращаться как с простым, не очень знатным дворянином; за каждым его шагом следили, как бы держа под надзором.

Он раскаялся в своей ошибке, скрылся и возвратился в Трансильванию, где его ждала восторженная встреча. Императора здесь ненавидели из-за необычайной жестокости его правления. Против него послали Георга Батория; он отважно защищался – на его стороне была не менее мощная армия и любовь народа, к тому же еще не были забыты его прошлые подвиги.

Но священнослужители корили его за ущерб, который он якобы причинял всему христианскому миру, проливая христианскую кровь так близко от турецкого султана, который, завоевывая страны, разделывался с их населением, хотя и потерял уже три четверти своих воинов с начала войны в Венгрии.

После этого Баторий снова отдал себя во власть Императора, требуя к себе лучшего обхождения, но на деле с ним обращались как никогда плохо. Его держали пленником в его пражском доме, обвинили в сговоре с султаном, все его бумаги конфисковали; и даже не найдя ничего, что могло бы подтвердить его виновность, ему не предоставили большей свободы.

В таком жалком состоянии он пребывал до самой смерти, которая наступила 27 марта сего года вследствие апоплексического удара.

Вот вам наглядный пример того, что единственный выход из суверенной власти – бездна, что власть слагают только с жизнью, что безумие – дать убедить себя, что можно переложить власть на другого, какие бы обещания вам ни были даны. И все же бесчеловечность, проявленная против этого государя, не может быть оправдана ничем, хотим ли мы ее приписать нации или Императорскому дому.

Король аллеманов Марободуус, теснимый своими врагами, доверился Тиберию, который принял его и обращался с ним по-королевски; а вот с Сигизмундом, который доверился великому государству во главе с императором-христианином, обращались так, как даже враг не обращался бы с тем, кого рок войны бросил в его руки.

Итак, мы оставили маркиза д’Анкра в Амьене, куда его

сослала Королева. Он отчетливо понимает, откуда дует ветер, и, вместо того чтобы бесполезно терзаться, пользуясь отсутствием г-на де Вильруа, с еще большей свободой и в еще большей тайне (и, следовательно, с меньшими помехами) стремится завершить дело со свадьбой.

Собираясь вернуться и опасаясь, как бы тайная связь, которую он поддерживал с Принцем и его соратниками, не подала бы его врагам нового предлога навредить ему, он добился у них слова, что любые внешние проявления их особой дружбы прекратятся с обеих сторон до тех пор, пока не будет подписан контракт и г-н де Вильруа не будет больше нарушать его.

Г-н де Буйон советует ему переговорить с г-ном дю Мэном, который находится в Суассоне, и уговорить его согласиться на это; что он и делает, а уж оттуда возвращается в Париж, где, вскоре после отъезда Королевы в сентябре в Фонтенбло, тайна брака открыта и в ее присутствии подписан контракт, чем герцоги де Гиз и д'Эпернон, желавшие и верившие в поражение маркиза д'Анкра, были убиты, одновременно удивляясь, как это обошлось без них и как этому им не удалось помешать.

Их разочарование еще возрастает, когда, всего через несколько дней после смерти маркиза де Нуармутье, Господин Принц, вернувшийся ко двору и не отходивший от маркиза д'Анкра и г-на де Вильруа, добился того, чтобы его фаворит де Рошфор получил губернаторство в Пуату, принадлежавшее покойному Нуармутье.

Все связанные с ним в то же время и по разным случаям ощутили его благосклонность и были вознаграждены.

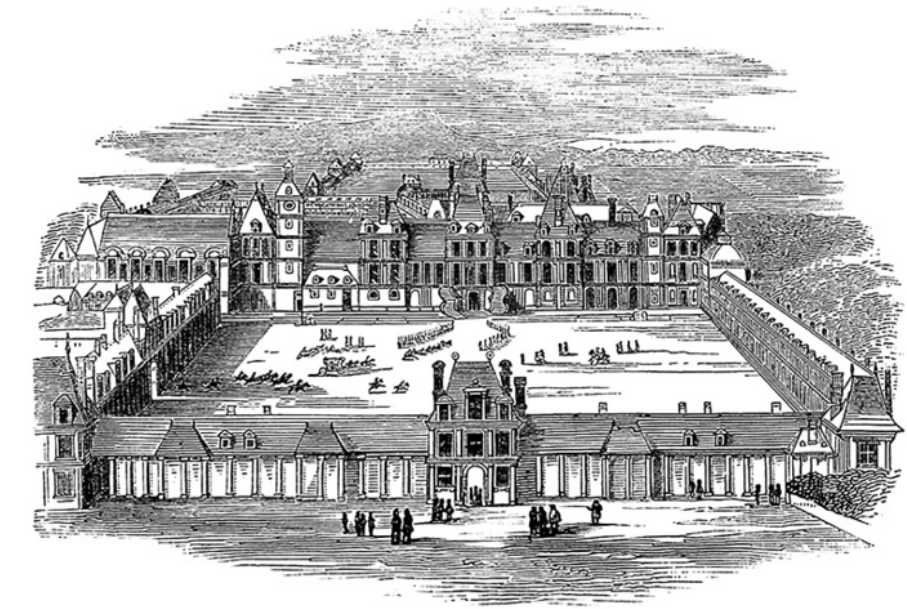
В это же время скончался маршал де Фервак; маркиз д'Анкр занял его место и передал г-ну де Куртанво должность первого камер-юнкера, принадлежавшую г-ну де Сувре, который до этого не мог добиться разрешения Королевы оставить ее и передать в его руки.

Г-н д'Эпернон хотел использовать это время, чтобы как бы заново пережить времена короля Генриха III, прошедшие для него без всякой компенсации; однако его положение при дворе не шло ни в какое сравнение с положением других. Его надменность, при которой не только слегка жесткие, но далее вполне справедливые вещи казались ему трудноперенос имыми, способствовала тому, что справедливый отказ, полученный им, был воспринят как оскорбление, и он принял решение удалиться в Метц.

По возвращении из своей поездки по Италии герцог де Лонгвиль поссорился со своим дядей графом де Сен-Полем из-за Пикардии, которую покойный Король передал графу после кончины отца герцога, чтобы тот в свое время передал ее сыну де

Лонгвиля.

Герцог потребовал, чтобы граф исполнил свои обязательства; но слепая алчность, неподвластная разуму, заставляла графа считать своим то, что издавна принадлежало другим, и он отрицал право своего племянника на то, что было передано ему лишь на хранение. Однако Королева рассудила этот спор в пользу племянника и передала ему также Орлеан и Бле.



Общий вид дворца Фонтенбло. *Гравюра. Середина XIX в.*

Но не успел этот молодой губернатор обосноваться в Пикардии, как, забыв о тесном союзе с маркизом д'Анкром и о его поддержке, которой он совсем недавно воспользовался, он вступил с ним в пустяковый спор, который рос изо дня в день и дошел до того, что превратился в одну из главных причин ссоры между принцами в начале следующего года.

Все эти раздоры между придворной знатью придавали гугенотам в провинциях больше смелости, особенно в Лангедоке, где они подняли народ в Ниме против Ферьера, еще недавно одного из их министров, обладавшего незапятнанной репутацией, который был смещен на немногочисленной ассамблее, созванной по собственной инициативе ими в Прива, поскольку его сочли недостаточно смелым на Сомюрской ассамблее.

Король же удостоил его чести занять пост советника президиального суда Нима. Оскорбленные тем, что его поощрили

за то зло, которое он им причинил, его подстерегли у выхода из зала суда, забросали камнями, а когда ему удалось бежать – разрушили его дом, сожгли его книги, уничтожили его виноградники. Когда же судьи захотели покарать виновных, мятежники напали на них и заставили отдать им ключи от тюрем.

При этом они насмехались: *«Король в Париже, а мы в Ниме»*. Не в силах стерпеть такую пощечину королевской власти, сочтя, что самым строгим для этого города было бы лишение его права иметь президиальный суд, Королева направила в конце августа королевские грамоты, в которых содержался приказ перевести его из Нима в Бокэр, что и было исполнено.

Стремясь удерживать еретиков в рамках их обязанностей, Королева укрепляла католическую религию еще и тем, что учредила несколько конгрегаций и реформатских церквей в Париже.

Босоногие кармелиты обосновались в предместье Сен-Жермен, якобинцы – в предместье Сент-Оноре, дом для послушников-капуцинов и монастырь урсулинок – в предместье Сен-Жак; словом, можно было сказать, что вернулся век святого Людовика, который приветствовал появление в королевстве монашеских орденов.

А так как истинная набожность неотрывна от сострадания к бедным, Королева позаботилась и о них и, дабы снискать благословение Божие, учредила в предместьях Сен-Марсо, Сен-Виктор и Сен-Жермен три приюта для неимущих инвалидов.

Но эти благородные заботы не мешали ей думать об украшении Парижа. Она приобрела Люксембургский дворец в предместье Сен-Жермен и несколько соседних садов и домов, чтобы заложить там прекрасный дворец. Для начала там посадили фруктовые деревья, поскольку для их роста требуется время, строительство же зданий зависит от положения и богатства того, кто их строит.

Чтобы обеспечить дворец водой, она велела провести туда воду из источников Ронжи в четырех лье от Парижа; это была стройка, достойная королевской особы. Для себя она оставила меньшую часть водных запасов, а остальное направила на общественные нужды, отведя часть воды в Королевский коллеж и некоторые другие университетские постройки.

В то же время в правительстве возникла идея связать оба моря реками Уш и Армансон, берущими начало в Бургундии. По реке Уш можно доплыть почти до Дижона, затем спуститься в Сону, затем в Рону, а оттуда – в Средиземное море; река Армансон, судоходная ближе к Монбару, впадает в Ионну, та – в Сену, и вместе они текут в океан. Для того времени замысел был

воистину великим, однако во Франции не было никого, кто мог бы поддержать его, и потому он так и не был реализован.

А тем временем в отношениях между маркизом д'Анкром и г-ном де Вильруа пробегает холодок: первый недостаточно уважительно относится к союзу со вторым, считая, что тот не вполне отвечает его надеждам. Подлил масло в огонь Доле, оскорбленный тем, что его обманули: г-н д'Аленкур пообещал передать ему контроль за всеми финансами, которыми распоряжался президент Жанен.

Г-н де Вильруа ничего об этом не ведал, но канцлер, беззастенчиво утверждая противное, тайком склонял Доле стать его помощником, что еще больше настраивало того против Вильруа, которого он обвинял в недостойном отношении к себе: тот якобы бросил его после того, как он оказал ему услугу. Одновременно Вильруа стал пользоваться поддержкой канцлера, чего можно было ожидать меньше всего.

Вскоре, приблизительно в ноябре, умерла от холеры г-жа де Пюизьё: эта смерть не только разрушила остатки союза или хотя бы видимость его между тестем и свекром, но и породила между ними разлад в связи с наследством этой дамы, что привело к разорению обоих и причинило множество бед государству.

После того как итальянские дела в спешке были улажены губернатором Милана, о чем мы уже говорили, военные стычки между герцогами Савойским и Мантуанским прекратились, хотя они и не замирились. Герцог Савойский, вернув крепости, отнятые у герцога Мантуанского, не распускал армию под тем предлогом, что это заставит его противника строже соблюдать условия, на которых был решен их спор, к тому же он утверждал, что губернатор Милана обещал ему, что принцесса Мария будет передана матери.

Эти доводы были хороши для него, но не для герцога Мантуанского: ему было мало того, что он вернул свое, он желал освободиться от страха, что тот же враг снова все похитит, а потому убеждал наместника Милана заставить герцога Савойского распустить свою армию.

А тот, напротив, отказывался, послал своих детей в Испанию, чтобы добиться своего от Его Католического Величества или, по крайней мере, выиграть время.

Наконец все эти проволочки заставили Ее Величество направить к ним в Италию маркиза де Кёвра, который пустился в путь 22 декабря с особым приказом добиться того, чтобы герцог Мантуанский согласился передать г-ну де Галигай, брату маркизы д'Анкр, свою кардинальскую шапочку.

Прежде чем перейти к рассказу о следующем годе, уместно

упомянуть здесь о смерти Габриэля Батория, короля Трансильвании, и избрании на его место Габриэля Бетлена, который громко заявит о себе в последующем.

Габриэль Баторий обладал фантастической физической силой, о которой в Трансильвании рассказывали немыслимые вещи: обладал он и не меньшей дерзостью и доказал ее в нескольких войнах против своих соседей; однако его обвинили также в варварской жестокости, в том, что он был рабом своих пороков и предавался всем видам сладострастия.

Он влюбился в жену Габриэля Бетлена и хотел расправиться с ее мужем, который скрылся в Турцию, а затем вторгся в Трансильванию с двумя армиями: одна шла через Валахию, другая – через Троянский мост.

Изгнав Батория, он заставил избрать себя на его трон. Баторий бежал в Вараден, бросился в ноги к Императору, и тот прислал ему немногочисленный отряд во главе с г-ном Абафи, губернатором Токая, которому он поручил отделаться от него, опасаясь, как бы, обнаружив такую слабую поддержку, он не переметнулся бы к туркам и не передал бы им оставшиеся у него крепости.

Абафи исполнил приказ и, не осмеливаясь открыто расправиться с ним по причине феноменальной силы того, воспользовался случаем, когда тот, ничего не подозревая, отправился на прогулку с небольшой охраной: послал две сотни всадников, которые выстрелами из мушкетов прикончили его прямо в карете.

Таким образом, Габриэль Бетлен утвердился в своем княжестве благодаря смерти своего противника, в расправе с которым не участвовал. Австрийский королевский дом взял на себя это преступление, словно жаждал плохой репутации: своим вмешательством в судьбу этих двух трансильванских королей из дома Баториев австрийские короли доказали, насколько опасной была их поддержка: вместо признательности они держали в рабстве и обрекли на жалкое существование Сигизмунда, добровольно отдавшего императору Рудольфу свое княжество.

Брат Рудольфа – Матиас – в ущерб своей собственной чести и попирая права людей, обязывавших его защищать того, кто прибег к его помощи, повелел жестоко расправиться с ним, да еще тому, кого якобы послал ему на выручку.

1614

Подарки, сделанные Королевой по совету президента Жанена

придворным в начале ее регентства, в большой степени утолили их корыстолюбие и все же не совсем; им всегда было мало, но продолжать делать им подобные подношения было невозможно – казна и сундуки Бастилии были пусты; а когда для этого и представлялся случай, они все равно были недовольны, поскольку первые немыслимо щедрые дары настолько возвысили их в собственных глазах, что всё, что сначала было верхом их мечтаний, теперь казалось малозначительным, и они загадывали уже о таком, чего королевская власть не в силах была им дать, ведь теперь они требовали самой власти.

Наихудшим было то, что исчезла боязнь проявить неуважение к священному величию монарха. Речь шла только о том, как подороже продаться Королю, и это уже не было неким дивом; ведь если можно, используя все честные способы, сохранить скромность и искренность между обычными людьми, то как сделать это посреди разгула пороков, когда перед испорченностью и алчностью распахнуты двери, когда самым высоким уважением пользуются те, кто продавал свою верность по самой высокой цене?

Купить верность, раздавая направо-налево должности и деньги, – неплохое средство обеспечить себе спокойствие: все равно что осложнить болезнь лекарством.

Мне могут возразить, что это задержало, пусть на несколько лет, войну, однако она становилась оттого еще более опасной. Нет слов, Королева извлекла из этого выгоду, она выиграла время, оставшееся до совершеннолетия Короля, когда он уже мог самостоятельно урезонить тех, кто захотел бы покинуть его.

Принцы и знать, понимая, что приближалось время совершеннолетия Короля, испугались, что не успеют добиться своих целей, осуществить свои замыслы при дворе, несмотря на предоставленную им свободу действий и королевскую щедрость, и решились получить свое с помощью военной силы.

Чтобы найти предлог для ссоры, в начале года они удалились от двора. Первым уехал Господин Принц: попрощавшись с Королем и пообещав ему возвратиться ко двору по его первому зову, он отбыл в Шатору.

То же сделал г-н дю Мэн, отбывший в Суассон, и, наконец, г-н де Невер отправился к себе в Шампань.

Герцог Буйонский еще некоторое время после их отъезда оставался при дворе и убедил министров и Королеву, что их верность Ее Величеству остается неизменной, что причина их недовольства – непорядок в делах, что они считают своим долгом указать на это Ее Величеству, что у них созрел план собраться по этому поводу тесным кружком в Мезьере.

Кардинал де Жуайёз был послан к герцогу Буйонскому, чтобы убедить его не дать разгореться смуте; но герцог, понимая, что не уполномочен вести переговоры об их требованиях, не желал ничего слышать.

Спустя некоторое время он отправился на встречу с принцами под тем предлогом, что желал напомнить им об их долге, а на самом деле стремясь еще более отдалить их от двора: при отъезде он распустил слух о том, что уезжает, опасаясь ареста.

Господин де Лонгвиль уехал вскоре после этого, даже не простившись с Их Величествами, которые, будучи предупреждены, что герцог Вандомский, остававшийся еще в Париже, тоже принадлежал к заговорщикам, приказали арестовать его в Лувре 11 февраля.

В то же время множество подстрекательских бумаг передавалось из рук в руки; альманахи с самого начала года говорили лишь о войне; особенно выделялось своей зловредностью одно издание некоего Моргара. Этот человек был не только невеждой в науках, но и откровенным распутником, за что был уже не раз осужден судом; предсказывать беды его подстрекали те, кто были их зачинщиками. Он понес справедливое наказание: попал на галеры.

Тогда же Королева послала герцога Вантадурского и г-на де Буассиза к Принцу в Шатору, но, не обнаружив его там – он уже уехал в Мезьер – и не получив ответа ни на одно из своих писем, они вернулись в Париж.

С начала этих событий Королева решила вернуть г-на д'Эпернона из Метца, куда он удалился, будучи недовольным в конце прошлого года; а чтобы его задобрить, она восстановила в лице г-на де Кандала должность так называемого первого камер-юнкера, которая ему принадлежала со времен Генриха III.

Она предоставила также господину де Терму право занять должность камер-юнкера, принадлежавшую г-ну де Бельгарду, кроме того, дала надежду г-ну де Гизу на то, что он встанет во главе армии.

Все это не нравилось маршалу д'Анкру, который был отнюдь не расположен к этим господам, сохранив привязанность к Принцу и его людям, хотя на этот раз они покинули двор, не предложив ему принять участие в их замыслах.

Г-н де Вандом, которого спустя рукава охраняли в Лувре, 19 февраля бежал из комнаты, где его держали под арестом, и добрался до Бретани, где герцог де Ретц присоединился к нему со своим войском. Вандом начал укреплять Блаве и овладел Ламбалем.

Королева велела запретить всем губернаторам принимать его

у себя, приказала парламенту не допустить восстаний в провинциях.

В день побега Вандома Королева получила известие о том, что замок в Мезьере был передан герцогу Неверскому, который, видя, что Декюроль, лейтенант маркиза де Ла Вьёвиля, который был губернатором Мезьера, не желает открыть ему ворота, и зная о том, что крепость слабо подготовлена к обороне, послал за двумя пушками в Ла-Кассин и еще две велел доставить из Седана. При виде пушек Декюроль сдался.

Герцог Неверский, сообщивший об этом Королеве, держал себя с ней дерзко, утверждая, что счел своим долгом захватить эту крепость, а Декюроль имел право запретить ему войти в нее лишь в том случае, если бы он замыслил какой-нибудь заговор против государства.

Он заявил, что, будучи губернатором провинции, он олицетворял собой власть Короля и что Мезьер был его вотчиной. Он требовал также, чтобы маркиз де Ла Вьёвиль был наказан за то, что дал такие распоряжения Декюролю.

Не осмелившись открыто осудить его, Королева довольствовалась тем, что послала к нему г-на де Праслена с письмом, в котором приказала ему принять в этой крепости ее посланца – лейтенанта гвардейцев.

Очень обеспокоенная мятежами в королевстве, Королева даже подумывала отречься от регентства, с каковой целью обратилась в парламент. Маршал и его супруга были настолько удивлены угрозами в свой адрес со стороны принцев и других знатный людей, что не осмелились ей перечить.

Один лишь Барбен, ее интендант, которому Королева доверяла, оказался человеком здравомыслящим и принялся отговаривать ее, приводя в качестве главного довода опасность, которой она подвергла бы в этом случае своего сына, Короля.

Она ответила, что получила предупреждение из Бретани: кое-кто распространял слухи о том, что она хотела отравить Короля, чтобы навеки сохранить регентство. Это была ужасная клевета, и она поклялась, что предпочла бы смерть продолжению столь невыносимой обязанности.

Она добавила, что знала о всех зловредных слухах, направленных против нее и ее репутации: уже не впервой было ей слышать и о маркизе д'Анкре. Всякий раз, когда у мятежников ничего не выходило, они выступали публично против нее лично и против правительства. И все же она была полна решимости нести свою ношу, считая своей главной целью служение Королю.

По ее словам, ее отношения с Королем складывались лучше некуда и это придавало ей храбрости. Ей стало известно, что

королева Екатерина Медичи в свое время досрочно провозгласила короля Карла совершеннолетним, чтобы избавиться от зависти и располагать еще более полной властью от имени своего сына.

В Совете был явный раскол по вопросу о том, сторону какой из двух партий должна была принять Королева: либо прямо выступить против принцев со всей королевской армией, либо решить это дело переговорами.

Кардинал де Жуайёз, г-н де Вильруа и президент Жанен считали, что нужно немедленно дать отпор принцам, пока они не собрали войско и еще не были в состоянии защищаться, пока они настолько слабы, что достаточно одного гвардейского полка и кавалерийской части, чтобы привести их в чувство.

По крайней мере Королева должна была напугать их, для чего требовалось выехать из Парижа в Реймс: это заставило бы их либо незамедлительно явиться, без всяких условий, к Их Величествам, либо покинуть королевство, которое обрело бы покой и в котором каждому была бы предоставлена возможность отойти от партии принцев и вернуться к своим обязанностям. Кроме того, она освободила бы захваченный Мезьер, всю территорию Шампани и Иль-де-Франса, которые оказались под властью подозрительных личностей.

Г-н де Вильруа добавлял, что, если Королева поступит иначе, она совершит ту же ошибку, которую допустили при первом вооруженном выступлении Лиги: если бы тогда последовали совету выступить против г-на де Гиза и его сторонников, вооруженных в большей степени злобой, чем солдатами, число которых было очень незначительным, не создалось бы и нынешней ситуации.

Канцлер, который при всех обстоятельствах был склонен искать компромиссы и принимать решение, которое устраивало бы обе стороны – Цезарь говорил: когда речь идет о больших делах, не может быть средних решений, – так вот канцлер придерживался иного мнения и считал, что следовало пойти навстречу принцам в их требованиях.

Ему казалось, что почти все без исключения знатные люди королевства объединились с Принцем против королевской власти, что Королеву поддерживали лишь г-да де Гиз и д’Эпернон, так ревниво относившиеся друг к другу в связи с претензией обоих на одну и ту же должность коннетабля, что смертельно ненавидели друг друга, что партия гугенотов очень усилилась, что они стремились потрясти королевство до основ и воспользоваться этим, не скрывая желания возвыситься, пока Король не достиг совершеннолетия, что, знай они свои истинные силы, едва ли они пошли бы на то, что приведет их однажды к

полному поражению, что, поскольку власть – в руках женщины, а Королю всего двенадцать – тринадцать лет, осторожность требовала, чтобы ничего не пускалось на волю случая, и обязывала предпочесть худой мир доброй ссоре.

Маршал д'Анкр, который находился в Амьене и, как ему казалось, был в немилости у Королевы, без конца посылал письма своей жене, чтобы заставить ее присоединиться к мнению канцлера и сделать все, что было в ее силах, ради мира. Она исполнила его поручение.

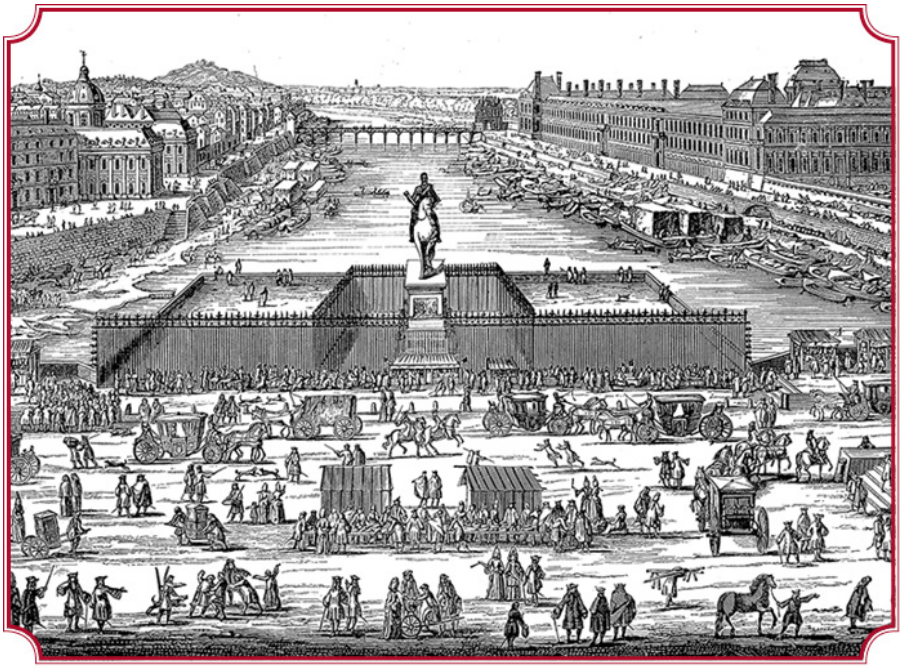
Во время этих споров Королева была вынуждена уважать мнения многих сторон, и потому маршальша пользовалась большей доступностью к Королеве и ее большим расположением: она склонила ту неправильно истолковывать все доводы г-на де Вильруа – он-де обязал г-на де Гиза, навязал ему командование армией, а сам Вильруа не любит канцлера и маршала д'Анкра, которых желает убрать со своего пути с помощью войны, а затем приписал ему решение мягко урегулировать дела, что, впрочем, не помешало тому послать своих агентов в Швейцарию, чтобы поднять там в ружье шесть тысяч человек.

21 февраля Королеве передали от Господина Принца манифест в виде письма, в котором он пытался оправдать восстание, поднятое им и его людьми, а также представить его как результат преступной наивности Королевы и ее правительства.

Он движим лишь одним, – говорилось в письме, – искоренить беспорядки, царящие в государстве, причем добиться этого легально: при помощи парламентских ремонстраций и прошений, к сочинению которых он уже приступил, не прибегая к оружию, которое он предполагал использовать лишь в том случае, если его принудят к этому, например, чтобы достойно ответить на оскорбления в адрес Короля.

Не в силах указать ни на одну ошибку, ни на один промах, в которых было бы виновато регентство Королевы, он скорбел по поводу всех надуманных бед в государстве.

Так, он жаловался, что Церковь недостаточно уважаема, что ее не используют больше в посольствах, что в Сорбонне царит раздор, дворянство бедно, народу не поднять головы, так тяжко ему живется, судейские должности слишком дороги, парламенты не обладают свободой в отправлении своих обязанностей, министры тщеславны и, чтобы остаться у власти, без колебаний погубят государство.



Памятник Генриху IV Наваррскому
на парижском мосту Пон-Нёф. *Гравюра. Начало XVIII в.*

Но верхом всего было то, что он жаловался по поводу щедрых подачек из королевской казны, как будто все они не предназначались ему и его друзьям, как будто Королеву не вынуждали к этому. Наконец, он требовал созыва свободной ассамблеи Генеральных Штатов, что до сих пор откладывалось по причине матримониальных забот.

Отвечавшие на этот манифест от имени Королевы должны удостоиться скорее чести, чем укора, так как приводимые ими доводы были убедительны и лежали на поверхности: Принц был не прав, самолично не изложив все это Королеве в течение четырех лет, не предупредив ее о растратах казны, которые он положил в основу своих жалоб, не следовало покидать двор и использовать в качестве предлога свадебные контракты, которые он сам одобрил и подписал.

Кроме того, ни Церковь, ни дворянство, ни народ не жалуются, как и Сорбонна, с которой Ее Величество постаралась сохранить взаимопонимание. Все жалобщики на нее ежедневно пытаются нарушить эти добрые отношения злонамеренными поступками в ущерб королевской власти и мира в государстве.

Что касается разорения дворянства – она, напротив, либерально распределила имущество и почести, так что оно

получило то, чего не имело и во времена покойного Короля. Судебные должности продажны, но не она это придумала и не давала поводов повышать их стоимость.

Народ был спокоен, число обычных выступлений уменьшилось, несмотря на большие расходы, на которые пришлось пойти. У парламентов полная свобода, никто над ними не довлеет. Для тех, кто выступает против своего суверена, привычно делать вид, что нападают не на него, а на его министров, и таким образом, не указывая на бумаге его имени, перекладывать все упреки именно на суверена.

Те, чьими услугами она пользуется, постарели на государственной службе, но все они готовы передать свои должности молодым, если это необходимо для блага государства, однако они заслуживают скорее поощрения, чем наказания. Сделанные ею щедрые подарки, о которых он ей напоминает, пошли на то, чтобы удержать в рамках их обязанностей тех, кто теперь же и жалуется и кто извлек из этого выгоду.

Если же эти поощрения не произвели ожидаемого действия, можно лишь похвалить Королеву за ее доброту и обвинить в неблагодарности получателей. У нее всегда было желание собрать Генеральные Штаты по случаю совершеннолетия Короля, чтобы дать отчет о своей деятельности.

Однако требование Принца сделать их свободными свидетельствует о том, что он заранее настроен на трудности, которые придется преодолевать, а это означает испортить плод еще до его созревания.

Его заверения в том, что он желал бы приступить к реформированию государства законными способами, а не силой оружия, – остается лишь желать этого, поскольку его связь с недовольными дворянами привела к созданию партии, которая не может быть легитимной, не получив одобрения королевской власти, а значит, ведет к войне, служит боевым кличем для нарушителей общественного спокойствия, заставляет Короля всеми средствами противиться этому.

Принц направил всем парламентам Франции копию своего манифеста, сопроводив текст письмом, призывающим их помочь ему, – ни один из них не ответил ему. Он обратился письменно к нескольким кардиналам, принцам, дворянам, большинство из которых переслали полученные послания нераспечатанными Королю.

Чтобы не упустить ни одного средства смягчить обстановку, Королева направила к нему в Мезьер президента де Ту, чтобы договориться о месте, где они могли бы переговорить. Президент добрался до Седана, где встретился с герцогом Буйонским,

который, разыграв перед де Ту некую комедию или, точнее, сатиру на правительство, предложил в качестве места встречи город Суассон. Договорились о начале апреля.

В это время скончался престарелый коннетабль де Монморанси; никто так не держался в седле, как он, кроме того, он имел репутацию очень здравомыслящего человека, хотя и не получил никакого образования и едва ли мог написать свое имя.

Преследуемый домом Гизов, дабы спастись, он примкнул к гугенотам Лангедока, противиться которым обязывала его королевская власть, однако он как мог удерживал их, дабы существовало равновесие, у него всегда был предлог не выпускать из рук оружия.

Генрих Великий, чтобы с честью вывести его из провинции, где он жил почти королем, дал ему должность коннетабля, в которой у него было трое предшественников.

Когда он появился при дворе, его репутация заметно померкла: то ли его солидный возраст сказывался на живости его ума, то ли отсутствующие обычно воспринимаются крупнее, нежели на самом деле, и не соответствуют нашим ожиданиям, то ли Король был не в восторге от его прошлых деяний, то ли зависть сыграла с ним злую шутку, то ли всеобщее уважение к маршалу де Бирону, бывшему на взлете, помешало ему занять достойное место, – но звезда его явно закатилась.

После смерти Короля от коннетабля осталась лишь тень того, кем он был; он вернулся обратно в Лангедок, где в начале апреля нынешнего года скончался, отрешившись незадолго до этого от земных вещей ради небесных.

6 апреля Королева отправила герцога де Вантадура, президентов Жанена и де Ту, г-д де Буассиза и де Бюльона из Парижа в Суассон, дабы они прибыли туда ко времени, согласованному с Принцем. После нескольких совместных совещаний, первое из которых состоялось 14 апреля, и несколько других – с герцогом Буйонским, который был душой собрания, договорились о трех вещах.

Первое – желаемый ими брак был отсрочен до окончания Генеральных Штатов, которые должны были собраться до достижения совершеннолетия Королем; второе – свободные провинции, необходимые якобы для реформирования государства, а на деле – чтобы унизить Королеву и министров; третье – разоружение Короля, которое должно было свершиться одновременно с их собственным разоружением, с оговоркой, что первыми должны это сделать они.

Во время всех этих переговоров между Парижем и Суассоном в Шампани постоянно усиливалась королевская армия, туда же

прибыло шесть тысяч швейцарцев, что насторожило Принца; написав Королеве, что он оставил г-д дю Мэна и де Буйона для окончательной доработки договора, он уехал с герцогом Неверским и небольшой армией, которую держал в Сент-Менеуд, чей губернатор и жители, сперва отказав ему в приеме, на следующий день все же позволили ему войти в город.

Эта новость, дойдя до двора, укрепила в их мнении тех, кто отговаривал Королеву соглашаться с доставленными ей условиями мира. Поговаривали о том, чтобы собрать королевские войска в армейский корпус, доверив командование им г-ну де Гизу.

Но Королева захотела вновь связаться с Принцем и выбрала для этого г-на Винье, управляющего ее канцелярией, который вернулся с пожеланиями Принца, чтобы депутаты переместились в Ретел. Королева отправила к ним 5 мая своих посланцев; в результате все закончилось обсуждением разных частных интересов, которые остались в тени трех генеральных соглашений с Суассоном, заключенных якобы для пользы общества.

Вот что представляли собой принятые решения: Принц получил Амбуаз; он желал стать губернатором этого города пожизненно, утверждая, что это необходимо для обеспечения его безопасности. Ему же отдавали его лишь во временное управление, до созыва Генеральных Штатов; помимо этого, ему было обещано и выплачено наличными 450 000 ливров серебром.

Г-н дю Мэн получил 300 000 ливров серебром на свадьбу и право занять по освобождении должность губернатора Парижа, чтобы укрепить свои позиции в Иль-де-Франс. Г-н де Невер получил Мезьер и коадъюторство в архиепископстве д'Ош. Г-н де Лонгвиль – 100 000 ливров пенсиона. Г-да де Роан и де Вандом – должности прокуроров. Г-н де Буйон – право удвоить число своих солдат, а также собирать дополнительную подать в качестве первого маршала Франции.

После того как все эти условия были согласованы между посланцами Короля и принцами, г-ну де Бюльону было поручено доставить их ко двору, где он обнаружил совсем не то, что предполагал.

Ибо кардинал де Жуайёз, герцоги де Гиз и д'Эпернон, г-н де Вильруа, собравшись вместе, чтобы помешать достижению согласия, так постарались воздействовать на Королеву через принцессу де Конти, приверженную интересам герцога де Гиза, который добивался поста коннетабля во время войны, что, хотя канцлер, маршал с супругой и командор де Сийери делали все ради мира, склонить на свою сторону Королеву им не удалось.

Г-н де Вильруа и президент Жанен особенно возражали

против передачи Амбуаза Принцу, указывая на последствия, к которым привела бы передача этого города, расположенного на большой реке, неподалеку от важных религиозных центров.

Это противостояние между самыми могущественными людьми в королевстве продолжалось еще некоторое время. Герцог д'Эпернон захотел даже поссориться из-за пустяка с г-ном де Бюльоном, к которому обратился с грубостью, желая сбить с его позиций; но напрасно, де Бюльон устоял, пожаловавшись Королеве на то, что герцог и его сообщники действовали так коварно и грубо потому, что не в силах были привести нужных доводов.

Наконец, г-н де Вильруа, который вначале стоял за войну, видя, что его предложение Королеве изгнать канцлера, от которого он отошел после смерти г-жи де Пюизьё, его внучки, не получило поддержки, перешел на противоположную позицию, объединившись с маршалом д'Анкром, также выступавшим за него.

С другой стороны, после того как принцесса де Конти и супруга маршала д'Анкра обменялись обидными словами по поводу состояния дел, последняя, оскорбленная наглостью принцессы, так убедительно сумела объяснить Королеве, что в случае войны она полностью попадает под тиранию дома Гизов, что Королева выбрала мир.

Чтобы заключить мир со всеми требуемыми формальностями, собрали первых президентов и самых важных персон города, прево и министров, и они единодушно одобрили вынесенные на их суд условия. Г-н де Бюльон вернулся в Сент-Менеуд, где находились принцы, и 15 мая мир был подписан.

10 мая ко двору прибыл маркиз де Кёвр, посланный в прошлом году в Италию. Проезжая через Милан, он встретился с его губернатором, который оказал ему внешне хороший прием, внушающий доверие в деле, по которому он был послан.

Однако не успел маркиз де Кёвр добраться до Мантуи, как губернатор осознал, что испытывает ревность к участию Их Величеств в делах Италии с целью их урегулирования; в то же время он направил секретно монаха-францисканца убедить герцога Мантуанского не прислушиваться к предложениям, которые сделает ему маркиз от имени Короля, и, опасаясь, что доводы монаха окажутся малоубедительными, он послал вдогон принца Кастийонского, императорского комиссара, чтобы тот также попытался убедить герцога от имени Императора; а чтобы его не обнаружили, комиссар затаился в одном из домов герцога неподалеку от Мантуи.

Но все эти хитрости не оказались способными воздействовать

на герцога и заставить его с подозрением отнестись к любому совету, который воспоследует от имени Ее Величества.

Он простил графа Ги де Сен-Жоржа и всех остальных мятежных подданных из Монферрата, отказался от всех претензий, которые он сам и его подданные могли иметь по причине ущерба, нанесенного им несправедливой войной, навязанной ему герцогом Савойским, пообещал взять в жены принцессу Маргариту и подчиниться нотариусам, которые возьмутся уладить все пункты будущего брачного контракта. Он послал ко двору курьера с депешей, испрашивая у Их Величеств, как ему поступить: отправиться ли в Испанию либо поступить в распоряжение Королевы, если на то будет ее воля, чтобы она могла через него воздействовать на испанцев.

Исполнив поручение, маркиз де Кёвр собрался в обратный путь. Герцог Савойский сказал ему, что согласен со всеми условиями договора, но боится, что испанцы переступят через соглашение между ним и герцогом Мантуанским, и воспользовался этим предлогом, чтобы не разоружаться.

Маркиз де Кёвр прибыл в Париж 10 мая, и весьма кстати, поскольку уже вскоре был отправлен к г-ну де Вандому посоветовать тому вновь приступить к выполнению своих обязанностей. Получилось так, что по условиям этого мирового соглашения враги Короля получили прощение без заглаживания вины, а также вновь были осыпаны благодеяниями.

Выходило, что они добились своего если не по причине, то по крайней мере по случаю причиненного им вреда, а также благодаря страху, что принесут еще больший ущерб. Они и не собирались перестать вредить королевской власти, напротив – еще больше утвердились в своих намерениях, вдохновленные безнаказанностью.

Несмотря на все клятвенные заверения принцев и де Буйона, данных президенту Жанену в том, что в будущем они будут блюсти верность королевской власти, ни один и ни другой не вернулись ко двору, хотя и давали понять, что поступят именно так; ничуть не бывало – де Буйон направился в Седан, а Принц лишь слепо приблизился к Парижу: он написал Королеве из Валери, она направила к нему Декюра, губернатора Амбуаза, который передал ему город; приняв его, он тут же удалился.

Герцог Неверский отправился в Невер; герцог Вандомский находился в Бретани; г-н де Лонгвиль явился приветствовать Короля, но остался возле него лишь на несколько дней; г-н дю Мэн тоже приехал и пробыл у Короля чуть дольше, чем вызвал расположение к себе Их Величеств.

Один лишь герцог Вандомский не скрывал своего

недовольства замирением; герцог де Ретц и он, заявляя, что к их интересам не проявлено должного уважения, попытались урвать для себя еще какие-нибудь выгоды.

Герцог Вандомский не только не считал себя обязанным снести Ламбаль и Кемпер, согласно обязательствам, но еще и захватил город и замок Ван благодаря сметливости Арадона, который был там губернатором, и нанес этой провинции немало зла.

Королева не сочла возможным послать к нему кого-нибудь, кто мог бы воздействовать на него более успешно, чем маркиз де Кёвр, а тот вернулся от него с весьма скромными результатами; Королева была вынуждена еще раз отправить к нему маркиза де Кёвра с угрозой, что Король прибегнет к крайним мерам, если тот добровольно не прислушается к голосу разума.

Королева изменила свое предписание лишь в части, касавшейся уничтожения Блаве, приказав заменить имевшийся там гарнизон гарнизоном швейцарцев. Боязнь заставила г-на де Вандома принять все условия, но, подписав их, он вовсе не торопился их выполнять.

Дом Гизов торжествовал, особенно на фоне других, но его постигла большая беда – смерть шевалье де Гиза, которая случилась 1 июня. Это был великодушный и многообещающий юноша, но герцог де Гиз, используя его так, как использовал бы шпагу, воспитал его на крови и поручил осуществить две худые затеи: одну против маркиза де Кёвра, другую против барона де Люза – последняя оказалась для него фатальной, ибо Всевышний, не терпящий убийства и пролития невинной крови, наказал его, заставив пролить свою собственную, по своей же ошибке.

Случилось это в Бо в Провансе: он вознамерился произвести выстрел из пушки, пушку разорвало, один из осколков ранил его, и через два часа его не стало. Перед смертью он признал, что заслужил эту жестокую кару.

Приблизительно в это же время парламент приговорил к сожжению книгу иезуита Суареса[97] «Защита католической апостольской веры от заблуждений англиканской секты» за проповедь права подданных и чужеземцев покушаться на венценосцев. Речь шла о только что опубликованной, несмотря на декларацию и декрет богословов от 1610 года, и привезенной во Францию книге.

Суд призвал иезуитских монахов Игнатия[98], Армана Фронтона Ле Дюка[99], Жака Сирмона[100] и зачитал постановление в их присутствии, предписывая им воздействовать на главу ордена, с тем чтобы он подтвердил и опубликовал вышеупомянутый декрет, запрещающий сбивать народ своими

проповедями с толку.

Это постановление суда получило в Риме плохой прием из-за его фальсификации теми, кто были в этом заинтересованы, Его Святейшество был готов отлучить от Церкви парламент и поступить с постановлением так же, как он поступил с книгой Суареса.

Но когда посланник Короля сообщил ему истинные обстоятельства дела, Его Святейшество не только не осудил это постановление, но и издал декрет, подтверждающий позицию Констанцского собора по этому вопросу, которой парламент и руководствовался в своем постановлении.

Пока парламент боролся в Париже с отцами-иезуитами, Господин Принц занимался тем же в Пуатье, только против епископа[101]. В этом городе была традиция выбирать мэра на следующий день после Иванова дня. Было замечено, что Принц что-то затеял: сформировал некую партию, в которую вошли генерал-лейтенант Сент-Март и несколько других высших офицерских чинов.

22 июня горожане напали и ранили из карабина некоего Латри, человека Принца, после чего укрылись на архиерейском подворье. Принц покинул Амбуаз и приблизился к городским воротам Пуатье, но епископ (которому Королева с самого начала этих событий письменно приказала не впускать в город ни одного вельможу) не позволил ему войти.

Принц изъявил желание вступить в переговоры, явился некто Берлан и подтвердил, что вход в город ему запрещен; на вопрос, от чьего имени последовал этот запрет, тот ответил: от имени десяти тысяч вооруженных солдат, находящихся в городе и предпочитающих скорее умереть, чем впустить его. Берлан просил Принца удалиться, угрожая ему расправой.

Герцог де Руанэ, губернатор города, сообщник Принца, отправился туда 25 июня, но был принужден искать спасение в доме епископа; через два дня после того, как горожане отказались подчиниться ему и заявили, что признают только епископа, он покинул город.

Принц укрылся в Шательро, откуда послал Королеве письмо с жалобами, требуя управы на епископа и тех, кто ему противился; затем, собрав группу дворян, к которым добавился полк, приведенный маркизом де Бонниве, он отправился в Диссе, заняв там дом епископа, а его люди – в другие места под Пуатье. Епископ обратился за помощью к Королеве, умоляя ее освободить их от Принца.

Королева пообещала ему, что рассудит ситуацию и поставит в известность парламент; чтобы не подать ни одного повода для

неисполнения договора, заключенного в Сент-Менеуд, 4 июля она подтвердила декларацию, в которой указывалось: Ее Величество хорошо информирована о том, что Принц и все, кто составляет его партию, не имеют никаких злых намерений против королевской власти.

То есть декларация признавала, что ими было содеяно, и одновременно подтверждала, что их не будут преследовать. Однако и это не заставило Принца отказаться от занятого им города, тем более что трусость губернатора позволяла ему не очень беспокоиться о будущем.

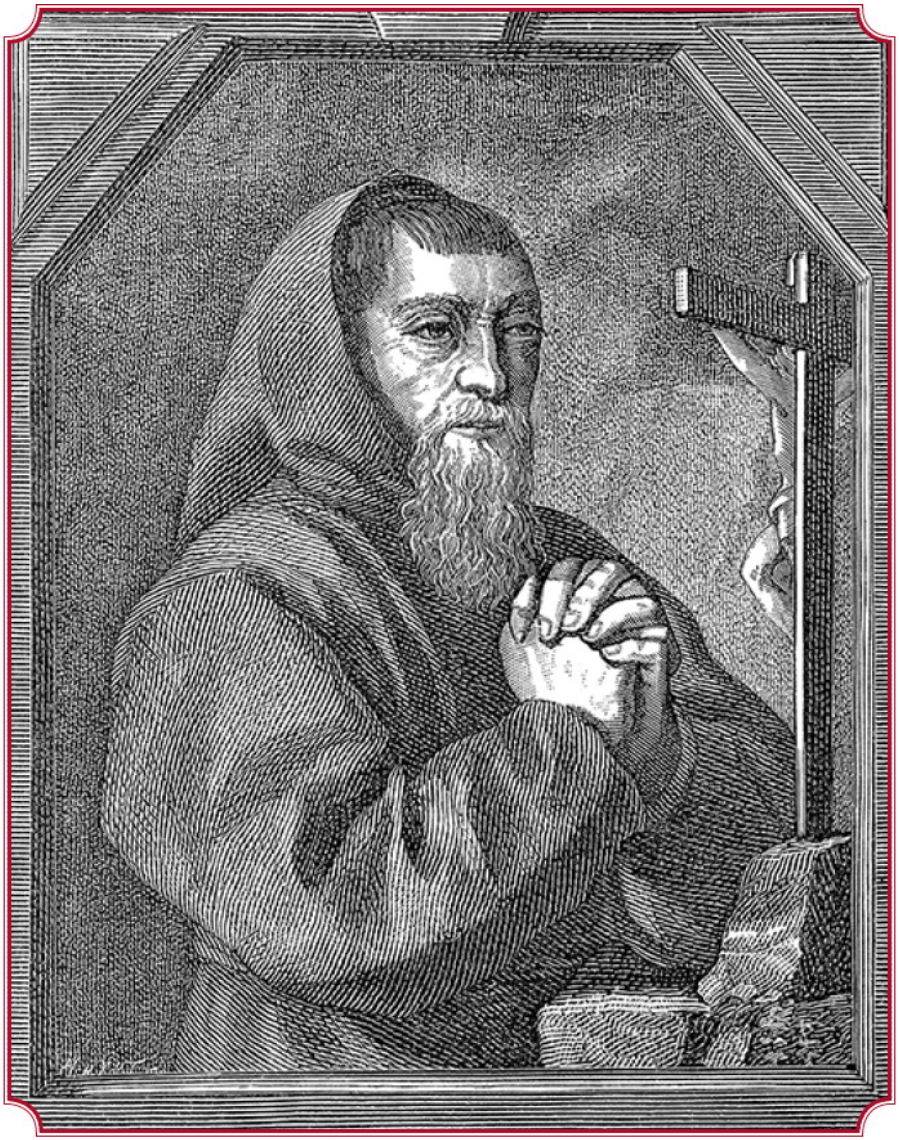
Г-н де Вильруа, как всегда, настаивал на том, что Королю и Королеве придется самим отправиться на место действия, к тому же г-н де Вандом, находившийся в Бретани, также не подчинялся условиям договора, словно и не подписывал его.

Г-н канцлер придерживался противоположной точки зрения, которую разделяли и маршал д'Анкр с супругой; обсуждение с обеих сторон носило весьма острый характер, в запальчивости было произнесено немало резких слов.

Наконец Королева, уже не в первый раз оказавшаяся в трудной ситуации благодаря канцлеру и не желавшая пойти ко дну, отдавшись на волю случая, на сей раз последовала совету г-на де Вильруа, несмотря на все старания маршала и его супруги, и решила сопротивляться непогоде, то есть везти Короля в Пуатье и в Бретань. 5 июля двинулись в путь. Маршал и его супруга, считая себя проигравшими, не осмелились сопровождать Их Величества в этой поездке и остались в Париже.

Прибыв в Орлеан, Королева отправила г-на дю Мэна к Господину Принцу, надеясь, что, принадлежа к его партии, тот имеет больше шансов повлиять на него; но единственным результатом его поездки было то, что Принц, узнав о приезде Короля, заявил, что отбывает в Шатору, где намерен дожидаться сатисфакции за нанесенное ему оскорбление, а проездом навестит господина де Сюлли под предлогом потребовать от него исполнения своих обязанностей, но на деле совсем с иной целью.

Из Орлеана же Королева в третий раз послала маркиза де Кёвра к герцогу Вандомскому, а 14 июля направила в этот город декларацию в пользу вышеозначенного герцога: этой декларацией Король восстанавливал его в должности губернатора Бретани и приказывал городам принимать его, как это было принято прежде.



Франсуа Леклер дю Трамбле, отец Жозеф
(1577—1638)

В юности Франсуа Леклер дю Трамбле мечтал о военной карьере, однако в 1599 г. решил пойти по духовному пути и поступил в орден капуцинов.

В 1620-х гг. отец Жозеф оказался в числе самых доверенных лиц кардинала Ришельё, сделавшись фактически начальником его канцелярии. (Прозвище Серый кардинал, которое затем стало нарицательным, он получил потому, что постоянно носил серый плащ.)

Ришельё, по некоторым данным, некоторое время даже прочил отца Жозефа в свои преемники, однако против этого решительно выступил Ватикан.

Господин Принц убедился тогда, сколь малое значение имело губернаторство в Амбуазе, которого он так страстно добивался: другие губернаторы тут же приносили Их Величествам ключи от своих городов.

Когда по прибытии в Тур Их Королевские Величества узнали об отъезде Принца, те, кто отговаривали от этой поездки, попытались убедить их вернуться в Париж; но прибытие епископа Пуатье с двумя сотнями горожан, рассказавших о бедственном положении города из-за бегства главных его чиновников, подозреваемых в антикоролевских настроениях, заставило Их Величества отправиться в Пуатье, где они были встречены аплодисментами простого люда.

Они навели там порядок, отстранив Рошфора от должности королевского наместника в Пуатье и отдав ее графу де Ла Рошфуко.

А тем временем в столице всем заправляли г-да де Гиз, д'Эпернон и де Вильруа, дожидаясь момента изгнания канцлера; если бы г-н де Вильруа добился этого тогда, он бы предохранил себя от многих бед, причиной которых был канцлер.

Командор де Сийери настолько поверил в то, что его брат и он сам погублены, что стал продавать свою должность первого шталмейстера Королевы г-ну де ла Трусу, они уже почти ударили по рукам, но тут вмешался Барбен, заявивший, что честь обязывала Сийери сперва поговорить с маршалом д'Анкром, благодаря которому он получил эту должность.

Несмотря на приближение Короля, герцог Вандомский по-прежнему упорствовал, не разоружаясь и не снося фортификации Ламбаля и Кемпера, не впуская швейцарский гарнизон в Блаве, и

так до тех пор, пока не узнал о прибытии Их Величеств в Нант, куда, для его собственной безопасности, ему отправили 13 августа предписание, похожее на то, которое было ему отправлено из Орлеана; только после этого он опомнился.

Когда Король проводил заседания Штатов в Нанте, то был немало удивлен крайностями и насилием, проявленными войсками г-на де Вандома, о чем от имени местных Штатов ему поступили жалобы.

Ее Величество умоляли не прощать преступлений тех, кто выкупал жен у мужей, дочерей и сыновей – у отцов и матерей, засеянные поля – у владельцев, тех, что, требуя денег, подвергали людей пыткам разной тяжести, вешали или иным путем умерщвляли людей, требовали выкупа под угрозой спалить дома либо труды их жизни.

Все это привело Их Величества в такой ужас, что они заявили о том, что ранее, предпочитая предать забвению, а не мстить за оскорбления, нанесенные им лично, они вовсе не имели в виду, что преступления по отношению к простым людям не должны быть наказаны по всей строгости закона.

После того как эти две провинции – Пуату и Бретань – были успокоены, Король вернулся в Париж, где был уже 16 сентября.

Во время этой поездки в Париже 13 августа скончался принц де Конти. Он не оставил наследников, у него была лишь дочь от второго брака с м-ль де Гиз. Это был принц без страха и упрека, он сопровождал Генриха Великого во время сражения в Иври и потом отличился еще не раз; но он так заикался, что был почти немым, да и разум его был невелик.

Тринадцать дней спустя в Париж прибыл Принц, чтобы сопровождать Его Величество в парламент, где тот 2 октября должен был быть объявлен совершеннолетним, согласно ордонансу короля Карла V[102], которым французские короли признаются совершеннолетними по достижении тринадцати лет.

Накануне Ее Величество велела разослать декларацию, в которой она подтверждала эдикт примирения, вновь запрещала дуэли и богохульство.

На следующий день церемония признания Короля совершеннолетним прошла при всеобщем ликовании. После того как Королева передала Королю управление его правительством, Его Величество, поблагодарив ее за помощь в годы несовершеннолетия, попросил ее продолжать править королевством, подтвердив ее последнюю декларацию, разосланную накануне.

13 сентября он заложил с Королевой-матерью первый камень в основание моста, который Их Величества сочли необходимым

построить для украшения и удобства города, чтобы соединить Ла-Турнель и Сен-Поль. Строительство было поручено Кристофу Мари, парижскому буржуа: чтобы покрыть его расходы на мост, Их Величества купили оба острова Нотр-Дам и передали их ему в собственность.

С тех пор главной их заботой стали Штаты: 9 июня их созыв был намечен на 10 сентября в городе Сансе; но события в Пуату и в Бретани заставили перенести его на 10 октября, затем, за несколько дней до этой даты, Король перенес их из Санса в Париж.

Королева еще не успела принять решение относительно Штатов, как Принц тайком сказал ей, что, захоти она того, он бы не стал настаивать на созыве Штатов и что те, кто требовали их проведения, поступили бы так же.

Но весьма проницательный Совет, предвидя, что, что бы сейчас ни говорили принцы, впоследствии они же будут жаловаться и получат благовидный предлог, чтобы восстановить народ против правительства и оправдать свой первый мятеж и второй, которые они еще поднимут, окончательно утвердился во мнении созвать Штаты.

Пример Бланки, матери святого Людовика, которая велела созвать подобную ассамблею по случаю совершеннолетия сына, служил Королеве подспорьем: по совету ассамблеи Бланка так пеклась о делах своего государства, что ее царствование заслужило благословение народа.

Когда принцы убедились в решимости Королевы, они занялись происками где только можно, чтобы заполучить преданных им депутатов провинций и заполнить их наказы вымышленными жалобами; однако вышло все наоборот, несмотря на то что на время этих Штатов в Париж прибыли все смутьяны, желавшие поддержать Принца; дошло до того, что Принц пожелал открыто принести жалобу на правительство Королевы и сделал бы это, если бы Сен-Жеран не явился к нему утром и не запретил этого от имени Ее Величества.

Открытие этого знаменитого собрания состоялось 27 октября в соборе Августинцев. Оно было с самого начала нарушено спором среди церковного сословия относительно порядка мест, при этом аббаты претендовали на то, чтобы сидеть впереди деканов и других важных лиц, представленных на ассамблее.

Им было приказано рассаживаться и высказываться без особого порядка, но чтобы аббаты Сито и Клерво, как самые почтенные по своему положению, имели бы все же предпочтение.

Герольды потребовали тишины, Король провозгласил, что собрал Штаты, чтобы выслушать жалобы своих подданных и

способствовать их разрешению. Затем слово взял канцлер и заявил, что Его Величество разрешил трем сословиям представить свои наказы и обещал ответить им положительно.

Барон де Пон-Сен-Пьер, архиепископ Лионский, и президент Мирон выразили, один за другим, от имени Церкви, второго сословия – дворянства и третьего сословия – народа – нижайшую благодарность Королю за его доброту и заботу о его подданных, заверили Его Величество в своем повиновении и нерушимой верности, готовности как можно скорее представить ему свои заявления о злоупотреблениях – ремонстрации.

После этого депутаты разошлись, и в течение оставшегося до конца года времени каждая из трех палат работала над подготовкой этих документов.

Принц, получивший управление над городом и замком Амбуаз лишь до созыва Генеральных Штатов, прознав о том, что те решили настаивать, чтобы он передал их в руки Короля, предупредил их и сам отдал город, к великому сожалению маршала д'Анкра, который подозревал, что тот уступил, чтобы заставить своим примером и его отдать города, которыми он располагал.

Замок Амбуаз был отдан Люиню, который все больше входил в милость у Короля, потому что умел делить с ним его увеселения.

Маршал д'Анкр, который давно уже с недоверием присматривался к г-дам де Сувре, отцу и сыну, завидуя им и опасаясь, как бы они не завоевали слишком большого доверия у Короля, вознамерился возвысить Люиня[103], чтобы противопоставить его им, и с этим обратился к Королеве, чтобы выпросить у нее для Люиня губернаторство в Амбуазе, уверяя ее, что Король будет очень доволен, а она сама получит в его лице преданного слугу.

Это было первым днем, с которого пошло возрастать то величие, до какого Люинь дорос сегодня, – заря будущего расцвета. Небезынтересно заметить, с чего он начал.

Его отец – капитан Люинь – был сыном мэтра Гийома Сегюра, каноника кафедрального собора в Марселе. Он прозывался Люинем по названию дома, принадлежавшего этому канонику и расположенному между Экс и Марселем, на берегу реки Люинь. Он взял себе имя Альбер – по матери, горничной каноника.

Все свое скудное имущество его отец оставил его старшему брату, ему же досталось немного денег, он пошел в солдаты и стал стрелком в отряде охраны при дворе, зарекомендовал себя малым неробкого десятка, дрался на дуэли в Венсенском лесу, что принесло ему известность, со временем получил

губернаторское место в Пон-Сент-Эспри, где женился на девушке из дома Сен-Поле, владевшего землями в Морна.

Они приобрели там домик президента д'Ардайона, из Экс-ан-Прованса, которого называли также г-ном де Монмиралем, – поместье Брант, весьма скромное, расположенное на скале, где разбили виноградник, а также остров Кадене, почти затопленный Роной, вместо которого всегда указывают на другой – Лимен, поскольку Кадене почти не показывается из воды. Все их имущество и их доходы оценивались приблизительно в 1200 ливров ренты.

Им пришлось вскоре покинуть Пон-Сент-Эспри, так как его жена весьма задолжала мяснику: как-то раз они послали за мясом, но мясник не удовольствовался простым отказом, а в грубой форме потребовал в качестве оплаты поместье, предлагая семье ограничиться другим.

Причем потребовал, чтобы они сделали это по доброй воле, ничего за это не требуя. Мужественная гордячка встретила оскорбление с таким негодованием, что отправилась убивать того, кто нанес ей его, что и осуществила посреди мясобойни четырьмя или пятью ударами кинжала. Затем чета удалилась в Тараскон.

От этого брака на свет появились три сына и четыре дочери: старшего звали Люинь, второго – Кадене, третьего – Брант. Старший был пажом графа дю Люда, а затем остался при нем и следовал за ним некоторое время с двумя своими братьями. Они отличались ловкостью, преуспевали в игре в мяч как в поле, так и в закрытом помещении, а также в надувной мяч.

Г-н де Ла Варенн, который их знал, поскольку дом Люда находился в Анжу, его родной провинции, а он сам был губернатором столицы, взял их на службу еще при покойном Короле, положив старшему брату 400 экю содержания, на которые они жили втроем; позже это содержание увеличилось до 1200 экю.

Их тесный союз вызывал всеобщее уважение; Король определил их на службу к дофину, и тот проникся к ним доверием за их старательность и ловкость, с которой они дрессировали птиц.

Король рос, росло и его расположение к старшему из братьев, тот становился уже фигурой при дворе. Маршал д'Анкр, видя симпатию к нему Короля и желая достичь сразу двух целей – сделать Люиня зависимым от себя и доставить удовольствие Королю, – назначил его губернатором Амбуаза, который Принц сдал Его Величеству, надеясь, что, оценив этот жест доброй воли, тот перестанет прислушиваться к плохим слухам о нем.

Это свидетельствует о том, насколько велико заблуждение того, кто основывает свои надежды на том, что должно внушать ему опасения: маршал получит удар с той стороны, с которой он его не ожидает, – Люинь, в котором он видел одну из главных опор своего величия, не только собьет его с ног, но и построит свое богатство на обломках маршальского.

Шарль д'Альбер
(1578—1621)

Не без труда убедили в необходимости сделать Люиня

губернатором Амбуаза Королеву: маршал рассказал ей о том, что юный Король явно благоволил к Люиню, и она сочла целесообразным иметь его при себе в качестве слуги и приобрела для него город и замок Амбуаз за сумму, превышающую 100 000 экю.

Тем самым она совершила довольно обычную среди людей ошибку, помогая подняться кому-то в большей степени, чем это требуется, не осмеливаясь открыто воспротивиться своим недругам, надеясь завоевать их благодеяниями, не остерегаясь того, что в дальнейшем они будут рассматривать это возвышение как доказательство своей силы, что еще более подогреет их чрезмерное честолюбие, не позволяющее им делить с кем-либо власть.

А она-то желала распоряжаться ею сама и не зависеть при этом ни от кого.

Принц отдал Амбуаз Королю, согласно условиям, на которых получил его, не дожидаясь, когда его об этом попросят, со всеми возможными почтениями, а вот герцог д'Эпернон не последовал за ним, проявив по отношению к парламенту неслыханную дерзость на виду у Генеральных Штатов.

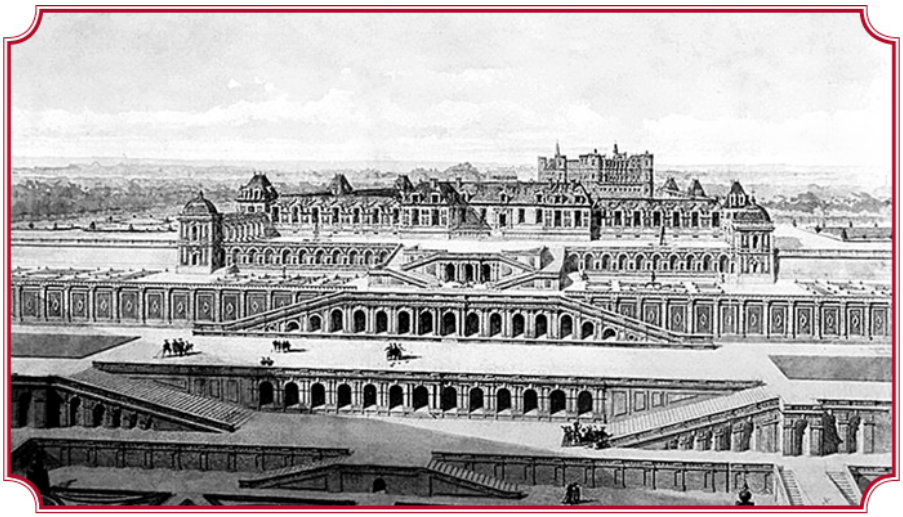
Один солдат полка дворцовой охраны был арестован в предместье Сен-Жермен за то, что убил на дуэли одного из своих товарищей. Будучи генерал-полковником от инфантерии, герцог счел себя вправе выступить в роли судьи и велел вызвать солдата. Получив отказ в этом, он отобрал нескольких солдат одной из рот, охранявших Лувр, и приказал им вызволить солдата из тюрьмы.

15 ноября судья предместья Сен-Жермен подает об этом жалобу Судебной палате; двум членам палаты поручают представить информацию об этом деле.

Герцог д'Эпернон, взбешенный этим, направляется 19 ноября во Дворец Правосудия, причем с таким сопровождением, что не опасается получить отпор, и, после закрытия заседания палаты, его сторонники, собравшись в Большом зале и на галерее Торговцев, начинают издеваться над членами парламента, выходящими из зала заседаний, при этом сопровождая слова и жесты презрения ударами шпор, рвущими судейские мантии, так что кое-кто предпочитает вернуться назад, а те, кто не успел выйти, оказываются заблокированными в зале до окончания грозной шутки.

Каждый судья воспринял ее как личное оскорбление. Палата собралась 24 ноября, то есть в день открытия парламента, чтобы обсудить, как наказать это преступление: разгромом тюрьмы в Сен-Жермен была нарушена законность, охрана Короля была

ослаблена снятием с караула нескольких солдат, отправленных участвовать в неблаговидном покушении на судей, больше того, оскорбления, которым подвергся королевский парламент, попрали саму королевскую особу, да еще на глазах депутатов Генеральных Штатов.



Замок Сен-Жермен. *Гравюра. XVII в.*

В настроениях Королевы не было никакого прекраснодушия; она не доверяла полностью ни одному из министров, да и ни один из них не настолько верил в ее покровительство, чтобы осмелиться дать ей совет, который вызвал бы ненависть какого-нибудь вельможи; не доверяла она и Принцу со всеми его сторонниками, откуда следует, что в определенной степени она доверяла герцогам де Гизу и д'Эпернону; потому она направила парламенту г-на де Праслена с письмом от имени Короля, в котором он им повелевал отложить на два дня продолжение этого дела, хотя и намеревался принять решение в пользу потерпевших.

Судейские уже поставили вопрос на обсуждение, когда прибыл гонец; не оставив его сообщение без внимания, они тем не менее постановили, что парламент приостанавливает работу до его решения.

Единственное удовлетворение, полученное парламентом, заключалось в том, что солдат был водворен в тюрьму Сен-Жермен.

Герцог д'Эпернон явился в палату 29 ноября, ни словом не обмолвившись об оскорблении, нанесенном им палате, лишь ограничился объяснением, что явился в тот день во Дворец Правосудия, намереваясь изложить палате мотивы похищения

солдата, но, к несчастью, ее заседание было уже закрыто, что было неправильно расценено недоброжелателями; он умолял палату навсегда предать случившееся забвению, заверяя, что уважает членов палаты и готов служить им.

Насколько герцог д'Эпернон мало считался с Королем и его парламентом, настолько же маршал д'Анкр не уважал ассамблею Генеральных Штатов, провозгласившую своей целью положить конец беспорядкам в королевстве и прежде всего хаосу в финансах, лежавшему в основе многих из них; в то время, когда говорилось о необходимости умерить расходы Короля, он беззастенчиво велел создать казначейство пенсионов, из которого извлек 1 800 000 ливров.

В городе Мило, накануне Рождества, восстали гугеноты, изгнали католиков из города, ворвались в церковь, поломали распятие, кресты, алтари, раки и – об этом нельзя писать без содрогания – пинали ногами Тело Господне, бесчинствуя и святотатствуя.

Так обстояло дело во Франции; пока Королева, с одной стороны, старалась предохранить королевство от происков принцев крови, а с другой – вела себя малодушно, приходилось опасаться усиления могущества Испании в Италии, а также укрепления ее позиций в Германии. Несмотря на то что маркизу де Кёвру удалось навести в Италии порядок, неуемное честолюбие герцога Савойского не только продлило смуты, но еще и усилило их в том смысле, что испанцы, приняв согласованные статьи, о которых уже говорилось выше, стали давить на герцога, чтобы добиться от него разоружения, а он отказывался.

Больше того, он принялся жаловаться на них, требуя выплаты 60 000 ливров в год, которые Филипп II, его тесть, предоставил, согласно брачному контракту, своей жене-инфанте, из которых он ему был должен сумму недоимки за восемь лет, а также 8000 экю годовых из суммы, которая ему была, судя по всему, обещана, из которой ему тоже причитались суммы недоимок.

Король Испании от имени Императора, чтобы выгоднее представить свой ответ, передал ему 8 июля распоряжение Его Императорского Величества распустить войска; герцог Савойский не подчинился, и губернатор Милана вступил в Пьемонт со своей армией и приказал построить форт возле Версея.

С другой стороны, маркиз де Сент-Круа, поддерживаемый генуэзцами, высадился со своим флотом на Генуэзском побережье, вступил в провинции герцога Савойского и захватил Оней и Пьерелат.

Известие об этом достигло Франции, и Ее Величество, не

желая поражения герцога, направила 20 сентября маркиза де Рамбуйе с чрезвычайным посольством в Италию, однако он не справился с этой миссией до конца года; нунций Его Святейшества и он уговорились о соглашении в Версее, которое было подписано герцогом Савойским, но от которого наотрез отказался губернатор Милана; было достигнуто еще одно соглашение – в Асте, которое губернатор принял, но которое отказался ратифицировать король Испании, и слушать не желая ни о каком ином предложении об урегулировании, кроме тех, которые он принял ранее. Чтобы сохранить свою репутацию в Италии, король настаивал, чтобы герцог выполнил то, что он от него требовал; тот отнекивался в надежде, что Франция в собственных интересах возьмет его под защиту. В Германии Австрийский королевский дом овладел частью наследственных владений Жюлье в результате противоречий между владетельными принцами.

После того как герцог Нейбургский женился на принцессе из Баварии, курфюрст Бранденбурга стал подозревать его; в результате герцог Нейбургский, желая разместиться в марте этого года в замке Жюлье, оказался перед запертой дверью; курфюрст Бранденбургский, решив, что герцог хотел стать хозяином замка, посягнул на Дюссельдорф.

Это недопонимание привело к тому, что Нейбург решился перейти в католическую веру, оба несколько раз поднимали на свою защиту войска.

Эрцгерцог Альберт и Штаты[104] пытались их примирить, но, поскольку их главной целью было извлечь выгоду из своих распрей, и тот, и другой завладели крепостями, бывшими наиболее подходящими для них, а голландцы – Жюлье и Эммериком, прекрасным и большим городом, раскинувшимся на Рейне, а также Реесом, расположенным между Везелем и Эммериком, и рядом других крепостей.

Маркиз де Спинола начал с захвата Экс-ла-Шапель, из-за распрей между ними оказавшимся за пределами Империи; осуществить это было поручено курфюрсту Кёльна и эрцгерцогу. Спинола, в качестве помощника комиссара Императора, атаковал эту крепость 21 августа, а 24-го захватил ее.

Оттуда он направился в Мюльцхайм, захватил его и разрушил его укрепления, взял хорошо укрепленный Везель-на-Рейне в Нижней Вестфалии, а также другие менее крупные крепости.

Короли Англии и Дании и некоторые другие суверены, опасаясь, что от этой искры разгорится большой пожар, отправили своих послов, чтобы попытаться уладить спор.

С этой целью в городе Сантен, остававшемся нейтральным,

была организована встреча, на которой владетельные принцы совершили сделку между собой, которая должна была соблюдаться до заключения окончательного соглашения, но Спинола помешал этому под предлогом, что голландцы обещали в будущем более не вмешиваться в дела Империи и что он, со своей стороны, не выведет свой гарнизон из Везеля впредь до особого распоряжения Их Величеств – Императорского и Католического.

Так голландцы и испанцы поделили между собой Провинции, принадлежавшие на бумаге принцам крови. В то время Король был так занят усмирением смут в своем королевстве, что не смог предложить им свою помощь, как то было после смерти Короля.

Генеральные Штаты, открывшись 27 октября предыдущего года, продлились до 23 февраля сего года. Первый конфликт, вспыхнувший на них, касался порядка, в котором депутаты должны были выражать свое мнение в палатах. Король приказал, чтобы они высказывались по губернаторствам. Королевство было поделено на двенадцать губерний, в которые вошли все более мелкие отдельные провинции.

Когда дело дошло до обсуждения проблемы искоренения злоупотреблений в государстве, возникли другие споры, уладить которые было совсем непросто.

Палата дворян призвала палату церковнослужителей поддержать ее обращение к Королю с просьбой отсрочить до следующего года уплату годового налога, пока ассамблея не обсудит вопрос о продолжении или об отмене полетты[105], которая делала должности во Франции наследственными.

Духовенство, сочтя, что через ежегодную чиновничью подать – полетту – правосудие, неотъемлемое право королевского достоинства, отделяется от Короля, передается частным лицам и становится их наследственной собственностью; что через эту подать двери судейского корпуса открываются малолетним, от которых начинают зависеть имущество, жизни и честь подданных Короля; что из-за нее проистекает продажность судопроизводства, стоимость которого возрастает настолько, что порой позволяет сохранить свое имущество лишь ценой самого имущества, так что уже не может идти речь о порядочности при исполнении должностей, ставших собственностью некоторых семей, у которых их можно отнять, лишь взяв на пожизненное содержание, что приводит к тирании должностных лиц, главным образом наместников провинций, содержание которых при покойном Короле никогда не включалось в состав годового налогообложения, – словом, учитывая все это, палата духовенства сочла полезным поддержать первое предложение дворянства. Что касается второго, она присоединилась к нему в силу собственного интереса.

Палата третьего сословия, депутаты которой были уполномочены одной из важнейших статей их наказа потребовать покончить с вышеуказанной податью, согласилась присоединиться к этим требованиям.

Но поскольку большинство депутатов были чиновниками, а значит, лицами, заинтересованными совсем не в том, что им было

приказано, то, чтобы помешать этой резолюции, они включили в нее дополнительную статью, обращенную к духовенству и дворянству, – поддержать их в том, что касается их собственных обращений к Его Величеству: первое – соблаговолить, с учетом бедности народа, отложить посылку комиссии по податям до момента, когда Его Величество выслушает их жалобы по этому поводу, или, уже с этого момента, уменьшить эти подати на четверть; второе – учитывая, что, вследствие отсрочек, о которых они просят, финансы Короля неизбежно значительно уменьшатся, просили отложить уплату пенсионов и вознаграждений, включенных в бюджет.

Палаты духовенства и дворянства, рассудив справедливо, что этот ответ третьего сословия был в действительности отказом под формальным предлогом согласиться с их мнением, принялись было обсуждать вопрос о представлении их обращений Королю без третьей палаты, когда Саварон и пять остальных депутатов третьей палаты явились в палату духовенства, чтобы объяснить им, что отсрочка годового налога обогатит всех чиновников, которых было немало в их палате; что Король мог бы получить большие деньги с годового налога; что, если налог будет отменен, страна снова вернется к смутным временам, когда Король раздавал должности по рекомендациям знати, в результате чего чиновники оставались верными ей, а не Королю; что, для того чтобы искоренить зло, нужно было покончить с продажностью.

Затем они подали специальную жалобу по поводу ордонанса о сорока днях[106], убеждая духовенство поддержать их требование отмены оного.

Этот второй визит заставил палату духовенства утвердиться в своем мнении, и она не сочла достаточными доводы, приведенные в пользу чиновничьей подати.

Согласились со следующими положениями: не все, что полезно для казны Короля, полезно для благосостояния и сохранения государства; обогащает не столько доход, сколько умеренность в расходах, если же должным образом не следить за ними, не хватит и дохода всего мира; прошлый опыт способен прибавить мудрости в будущем, и Его Величеству следовало бы распределять должности по заслугам, а не рекомендациям приближенных.

Что касается предложения покончить с продажностью, тут не было двух мнений. Во-первых, это увеличивало число привилегированных, живущих за счет бедных: поборы были таковы, что народ не в состоянии был платить подати и пополнять тем казну.

Во-вторых, это приводило к увеличению взяток судьям, что

разоряло угнетенных и уничтожало само правосудие, при этом у тех, кто подкупает, есть причина думать лишь о делопроизводстве, чтобы выиграть и вернуть толпе частных лиц в розницу то, что они купили оптом.

В-третьих, в результате золото и серебро отнимали у добродетели честь – единственное вознаграждение, которого она требует. В качестве примера привели Карфагенскую республику, где все должности продавались, да и римская монархия не вполне была свободна от этого.

Это не столько довод, сколько свидетельство древности коррупции в государстве, той самой коррупции в Карфагенской республике, которую Аристотель бичует в своей «Политике» и которую самые мудрые и добродетельные римские императоры не желали терпеть. Да и нам нет нужды приводить иного доказательства того, что коррупция противоречит основным законам монархии.

Судьи издавна приносили клятву в том, что не платили за должность, каковой акт святой Людовик называл симонией. Это явление появилось из простой необходимости наполнить деньгами казну Короля, опустошенную войнами, а не потому, что его считали справедливым или полезным для государства.

Людовик XII начал по примеру венецианцев. Франциск I, в еще большей степени страдавший от войны, создал институт случайных государственных доходов; Генрих IV, который познал ее беды больше всех, подтвердил эту подать открыто, приказав освободить судей от принесения старой присяги[107] и усугубив продажность полеттой.

Кардинал Ришельё выносит решение по делу Сен-Мара и Ту.
Сатирический рисунок неизвестного автора.
Кардинал занимает место короля у трона под балдахином и на ковре, вытканными королевскими лилиями; король, как подданный, стоит слева

Приводился аргумент, согласно которому должности достаются лишь богачам, которые тем самым становятся менее склонными к коррупции, и нет оснований опасаться, что они не отличаются требуемыми порядочностью и честностью, ведь должности продаются лишь после сбора сведений об их жизни и нравах, и если те ведут себя неподобающим образом, то подлежат отстранению.

У римлян требовалось обладать определенным имущественным цензом, чтобы получить должность, однако это не повод оправдывать продажность, Король, имеющий возможность выбрать, выберет лишь достойных, тех, кто ничего не заплатит за должность. Это вернее любых сведений о жизни и

нравах.

Но хотя это предложение вызывало одобрение, все же палата не сочла возможным согласиться с ним, тем более что время торопило подать Королю свои представления о злоупотреблениях в связи с отсрочкой уплаты ежегодного налога.

В конце концов депутаты духовенства и дворянства вместе направились к Королю с вышеуказанными представлениями, а также представлениями относительно отмены комиссии по дознанию, на что получили удовлетворительный ответ от Его Величества.

Депутаты третьего сословия, в свою очередь, также отправились к Королю со своими представлениями, в которых отпустили несколько оскорбительных слов по адресу дворянства, что еще больше отдалило эти два сословия.

Было выдвинуто другое предложение, как обойтись без продажи должностей: предлагалось за двенадцать лет возместить затраты королевской казны как на должности, так и на подати и налоги, после чего эти должности должны были перейти к Королю, Его Величеству предлагалось сократить их до старого числа, при этом увеличивая вознаграждения чиновников, чтобы они больше не брали взяток.

Духовенство и дворянство приняли это предложение, в отличие от третьего сословия; но все согласились просить Короля учредить Судебную палату для поиска финансирования, умоляя Его Величество, чтобы деньги, которые могли быть получены таким образом, были направлены на возмещение расходов на сверхоплачиваемые должности либо на выкуп собственности; и Его Величество дал им добро на поиск того, что не было отменено покойным Королем.

Было и другое расхождение между ними по поводу Тридентского собора: палата духовенства и палата дворянства требовали его обнародования без нанесения ущерба правам Короля и привилегиям галликанской Церкви.

Но палата третьего сословия наотрез отказывалась согласиться на это, утверждая, что на этом Соборе было немало вещей, относившихся к вопросам правопорядка и внешней политики, заслуживавших более широкого обсуждения, на которое не было времени, кроме того, там были положения, затрагивавшие власть Короля и покой частных граждан.

Палата третьего сословия утверждала также, что часть духовенства теряла свои льготы, бюджеты были в руках епископов, владения павших на дуэлях переходили к Церкви, привилегии парламента были отменены, правомочия судей по отношению к духовенству были ослаблены, испанская

инквизиция проникла во Францию; словом, что в королевстве никогда ранее не публиковались материалы Соборов и что теперь не след менять такое положение вещей.

Но самое большое противоречие между палатой третьего сословия и двумя другими касалось одной статьи, которую третье сословие вставило в свой сборник наказов: оно настаивало на том, чтобы просить Его Величество установить на ассамблее Генеральных Штатов основной закон королевства, согласно которому на земле нет силы, как духовной, так и светской, которая могла бы посягать на его королевство и пытаться лишить священную особу прав либо освобождать подданных от подчинения ей, какими бы ни были предлог или причина; настоятели приходов, богословы и проповедники обязаны учить послушанию, а противное мнение должно восприниматься как нечестивое, возмутительное и ложное, и, ежели появится какая-нибудь книга либо речь, прямо или косвенно содержащая противоположное учение, духовенство обязано опровергнуть и оспорить его.

Духовенство обратилось в палату третьего сословия с просьбой сообщить им, что именно они представили Королю относительно веры, религии, иерархии и церковной дисциплины, в свою очередь, обязуясь изложить той все, что собирались представить Его Величеству относительно их собственного положения.

Поскольку палата третьего сословия не согласилась на это, а духовенство сочло, что предложение третьего сословия имело целью спровоцировать некую раскольническую ересь, она послала в вышеуказанную палату епископа Монпелье с просьбой сообщить содержание вышеназванной статьи; та сделала это, но заявила, что не поменяет в ней ни слова.

Духовенство изучило статью и решило, что та не будет ни принята, ни внесена в наказы, то бишь отклонена. Дворянство с этим согласилось и выделило двенадцать дворян сопровождать кардинала дю Перрона, направленного от имени палаты духовенства в палату третьего сословия.

Кардинал первым делом поблагодарил их за рвение, с которым они заботились о безопасности и жизни наших королей, заверив их, что духовенство разделяет его.

Но он просил иметь в виду, что лишь законы Церкви способны пресечь вероломство чудовищ, которые осмеливаются совершать бесчеловечные покушения, как и то, что страх временных страданий – слишком слабое средство для борьбы с этим злом, проистекающим из ложных религиозных убеждений, тем более что эти несчастные страдают от мучений, мечтая о

лаврах мучеников.

Если их и сдерживает что-то, то лишь запреты Церкви, чьи строгость и суровость проявляются после смерти оных.

Но для этого следует, чтобы эти законы и запреты исходили от твердой и непогрешимой церковной власти, то есть универсальной и не содержащей ничего, кроме того, с чем была бы согласна вся Католическая Церковь; если же они проистекают от власти сомнительной и разделенной и содержат вещи, в отношении которых часть Церкви исповедует одно, а руководство и иные ее составляющие – другое, те, на кого она должна воздействовать, вместо испуга и страха перед законами и запретами, станут насмехаться над ними и презирать их.

Затем кардинал сказал им, что в их статье, которой они дали имя основного закона, есть три положения:

Первое: нет причин, позволяющих убивать королей; с этим согласна вся Церковь, больше того, она предает анафеме тех, кто утверждает противное. Второе: наши короли наделены полной суверенностью; это второе положение считается верным и не подлежащим сомнению, хотя и не обладает той же убедительностью, что и первое, являющееся догматом веры.

Третье: подданные ни в каком случае не могут быть освобождены от клятвы верности, которую принесли своему государю; это третье положение спорно и обсуждается внутри Церкви, так как все остальные части галликанской Церкви и даже все галликанское сообщество, с того момента, когда в нем были созданы школы теологии, и до появления Кальвина, полагают, что есть несколько случаев, при которых подданные могут быть освобождены от клятвы верности: а именно, когда некий государь нарушает клятву, данную Богу и своим подданным, прожить и умереть в католической вере, – например, становится еретиком или магометанином, но при этом не доходит до того, чтобы принудить своих подданных смириться с его ошибкой и неверностью, – в этом случае он может быть лишен своих прав, будучи виновен в вероломстве по отношению к Тому, Кому он принес клятву, то есть по отношению к Иисусу Христу, а его подданные могут быть освобождены церковным трибуналом от принесенной ему клятвы верности.

Отсюда следует, что, с этой точки зрения, вышеуказанная статья бесполезна и недейственна, поскольку законы предания анафеме и церковных запретов совсем не действуют на души, если их не рассматривать как части непогрешимой власти, с которой согласна вся Церковь; статья эта, мало сказать, бесполезна – она даже опасна, поскольку вся Церковь считает, что непозволительно убивать королей, если же добавить это

положение к другому спорному, можно лишить первого его силы в сознании вероломных убийц, извращая то, что считается догматом веры, подобным смешиванием со спорным положением.

Само название, данное ими этой статье – основной закон, – оскорбительно для государства, ведь, приняв ее, следовало бы признать, что основы его шатки. Кроме всего прочего, эта статья приводит к расколу в Христовой Церкви: так как мы не можем утверждать, что Папа и все остальные составляющие Католической Церкви придерживаются учения, противоположного слову Божиему, учения неверного и, следовательно, еретического, если же мы утверждаем это, то ведем к расколу и отделяемся от всего христианского сообщества; наконец, эта статья дает мирянам власть судить о религиозных делах и решать, какое учение соответствует слову Божиему, она дает им даже власть заставлять духовные лица приносить клятву, проповедовать и объявлять одно, оспаривать под присягой и письменно другое, что является святотатством, запросто обращаться с авторитетом Иисуса Христа и Его апостолов, подрывать авторитет Его Церкви.

А посему кардинал просил господ из третьего сословия исключить эту статью из своих наказов и доверить представителям духовенства переработать ее и распорядиться ею, как они сочтут необходимым.

Упрямство не позволило внять голосу разума: поскольку с самого начала они были настроены против палат духовенства и дворянства, то и не пожелали отказаться от своих предложений, побуждаемые тщеславным и казавшимся им благовидным предлогом заботы о королевских особах, отказываясь при этом признать, что, вместо сохранения единства в государстве, они способствуют расколу, вместо того чтобы печься о жизни королей, они отдают их на волю случая, лишая их подлинной безопасности, данной им Богом.

Вмешался парламентский суд и, вместо того чтобы навести порядок, лишь увеличил раскол; но последнее слово было за Королем: он подтвердил, что не только его правительство, но и он лично наблюдал за спором и решил удалить эту статью из наказов третьего сословия.

Во время работы Генеральных Штатов произошло столько дуэлей, что палата духовенства сочла себя обязанной направить к Королю епископа Монпелье, чтобы выразить ему свое сожаление по поводу того, что кровь его подданных проливается ради ссор, а их души, выкупленные невинно пролитой кровью Иисуса Христа, попадают в ад, и заявить, что это равнозначно возобновлению варварского обычая жертвоприношений у язычников, которые сжигали людей, считавшихся злыми духами; что Франция – их

храм, поле битвы – алтарь, честь – их идол, дуэлянты – священники и жертвы; что следует опасаться, как бы это не стало дурным предзнаменованием для королевства, потому как простые кровавые раны, падающие с неба без всякого преступления со стороны людей, не позволяют предсказать ужасные катастрофы, идущие за ними следом; что они обязаны предупредить об этом Их Величества, дабы они своей осторожностью и строгим соблюдением эдиктов нашли лекарство от этого бедствия, тогда и Бог не оставит их Своими милостями, имея в виду, что не только все права народов переходят в особу их государей, но также и их ошибки, если их скрывать или терпеть.

Ее Величество милостиво приняла их прошение и продемонстрировала свою решимость пресечь беспорядки.

Но между палатами дворянства и третьего сословия возник новый повод к недовольству, оказавшийся посильнее всех предыдущих: дело в том, что один из депутатов дворянства из Верхнего Лимузена побил палкой наместника Юзерша, депутата третьего сословия от Нижнего Лимузена.

Эта палата направила жалобу Королю, а тот переадресовал это дело парламенту; как ни упрашивали духовенство и дворянство Ее Величество лично рассмотреть это конфузное происшествие либо передать дело Генеральным Штатам, она не пожелала уступать, так как все чиновники посчитали себя оскорбленными. Парламент заочно приговорил дворянина к смерти через отсечение головы; приговор был приведен в действие над его изображением.

Словно на глазах Генеральных Штатов каждому хотелось превзойти остальных в наглости и пренебрежении законом, Рошфор побил палкой Марсийака, якобы за то, что тот оскорбил Принца и высказывался против Королевы, – Рошфор привел несколько конкретных деталей его замыслов против Королевы, которые тот ему якобы выдал.

Сен-Жеран и кое-кто еще советовали Королеве поверить Рошфору; но г-н де Бюльон убедил ее не делать этого и продолжить расследование в судебном порядке. Сперва она отказала, сказав, что г-н канцлер замял бы дело, как он уже поступил с делом барона де Люза; парламенту было дано соответствующее поручение.

Будучи предупрежден об этом, Принц направил в первую палату парламента и затем во все палаты по гражданским делам следующую жалобу.

Во исполнение своего обещания он сделал все, что мог, чтобы выразить всю свою преданность как Королю, так и Королеве, признавая ее власть, переданную ей Королем, и желает вернуть

все, что должен Их Величествам, дабы подать всем пример повиновения.

С этой целью он привлек королеву Маргариту[108] и г-жу графиню, соотнесся с г-ном канцлером, чтобы иметь средства, которые могли бы понадобиться. Следуя советам его врагов, Король и Королева, о которых он никогда не говорил плохо, были настроены против него, в результате он обнаружил, что ему был закрыт доступ к Их Величествам.

Он был в курсе того, что произошло за день до того, однако не пристало отдавать его на суд министров. По своему положению и происхождению он должен был бы предстать перед судом пэров, в котором Король окружен герцогами и пэрами. Фавориты, злоба и жестокость – причина всех несправедливостей, имевших место в государстве, – помешали ему добиться того, чего он желал.

А поскольку ему было отказано в справедливости, его обида, с которой совпали интересы других несправедливо обвиненных, позволяла им, как он надеялся и о чем умолял, рассчитывать на понимание, чтобы смягчить и сгладить остроту и напряженность в их отношениях. Он хотел взять обратно свои жалобы и выжидал удобного случая сказать это в присутствии всех представителей Штатов.

Члены парламента ответили ему, что не уполномочены обсуждать государственные дела без распоряжения Короля и выслушивать жалобы его подданных, частных лиц.

Несмотря ни на что, г-н де Бюльон, продолжая расследование этого дела по поручению Королевы, дал распоряжение об аресте.

Следует заметить, что Принц представил свое прошение парламенту, в котором он поддержал насильственные действия Рошфора, утверждая, что принцы крови имеют право на безнаказанное применение таких действий.

Морис Лелуар. Ришельё выступает с речью в Генеральных штатах. *1910-е гг.*

Но после, получив предупреждение о том, что его поддержка вовсе не окажется полезной для Рошфора и что парламент мог использовать его признание против него, сославшись на то, что принцы крови не имеют права на применение насилия и должны отвечать за это по суду, он отозвал свое прошение.

Дело закончилось тем, что, после издания распоряжения об аресте Рошфора, Господин Принц потребовал отмены этого распоряжения.

Другое покушение было совершено на особу г-на де Риберпре:

оно не наделало столько шума, хотя и было не менее странным. Маршал д'Анкр, у которого были напряженные отношения с г-ном де Лонгвилем из-за их должностей – мы рассказывали об этом выше, – не доверяя Риберпре, которого он назначил в цитадель Амьена, сделал его губернатором Корби и тем самым отделался от него.

Обиженный недоверием Риберпре перешел вместе с крепостью Корби на сторону г-на де Лонгвиля; некоторое время спустя, в Париже, где еще проходили заседания Генеральных Штатов, на него напали средь бела дня три или четыре неизвестных человека, от которых он отважно отбивался. Все были уверены, что нападение – дело рук маршала д'Анкра; это тем более возмутило и восстановило Штаты против маршала, что убийства не дозволены и вызывают ужас в королевстве.

Когда наступило время закрытия Генеральных Штатов, три палаты стали опасаться, что, если все государственные советники Короля станут рассматривать просьбы Генеральных Штатов или если после представления наказов им будет отказано в праве собираться на свои заседания, дело застопорится.

Церковь и дворянство решили просить Его Величество согласиться с тем, чтобы принцы и коронные чины сами решали вопросы своих наказов или, если Король сочтет нужным, чтобы им помогали в этом несколько представителей его кабинета.

Они просили ограничить их число пятью или шестью лицами по их выбору и чтобы три или четыре депутата от каждой палаты присутствовали на заседаниях кабинета, когда станут рассматриваться их дела, да еще чтобы Генеральные Штаты были распущены лишь после того, как Его Величество ответит на их прошения.

Узнав об этом, Его Величество дал им знать, что ему это не по нраву, в результате они ограничились последней просьбой, а также тем, чтобы шесть старейшин его правительства вместе с принцами и коронными чинами докладывали Его Величеству по их наказам.

Король объявил им через герцога Вантадурского, что удовлетворение их просьб было бы весьма вредным нововведением, что он мог дать им лишь право выбрать из своей среды депутатов, готовых объяснить Его Величеству и его министрам суть своих наказов, с тем чтобы его ответы были бы переданы непосредственно представителем трех сословий, которые остались бы в Париже.

Получив этот ответ, все три палаты вновь обратились к Королю, чтобы Его Величество согласился на то, чтобы, после представления ими своих наказов, они могли собраться вновь и

не расходиться до получения его ответа.

Его Величество вторично отказал им в этой просьбе, указав, однако, что, если после представления их наказов случится нечто такое, что заставит их снова собраться, он даст на это разрешение. Полностью положась на волю Короля, они представили 23 февраля свои наказы.

Главными их пунктами были следующие: восстановление католичества в Жексе и в Беарне, в частности, передача доходов епархий Беарна, который со времен королевы Жанны[109], матери покойного Короля, контролировался королевскими чиновниками, епископам вместо пенсионов, которые Король им назначал, чтобы поддерживать их достоинство, – это обещание им было дано покойным Королем, а после его смерти подтверждено Королевой-матерью, но исполнение отложено до совершеннолетия Короля; присоединение Наварры и Беарна к короне; нижайшая просьба к Королеве согласиться на брак Короля с наследницей испанской короны; согласие ввести в правительство четырех прелатов, четырех дворян и четырех чиновников на каждый квартал года, не считая принцев и коронных чинов; запрет парламенту на любое вмешательство в дела духовные, как в области веры, так и в церковных таинствах, монашеских правилах и других подобные вещах; реформирование Университета и восстановление в нем позиций иезуитов; в дальнейшем предоставление соответствующих льгот и пенсионов только духовным лицам, без права занятия вакантных должностей; направление каждые два года комиссаров в провинции для принятия жалоб подданных, составление соответствующих протоколов; ликвидация института должностей, наместничеств и иных постов; отмена годового налога, пенсионов, приведение в порядок финансов, создание палаты правосудия для расследований в финансовых областях.

Я был выбран духовенством, чтобы донести послание до сведения Короля и передать Его Величеству наказы своего сословия. Я сформулировал доводы этих наказов в следующей речи, которая мало чем отличается от подобных речей дворянства и третьего сословия, поскольку все три речи были об одном и том же.

Я постарался высказаться в своей речи по всем вопросам, обсуждавшимся в Генеральных Штатах, кратко и четко, и мне показалось, что я представил эти вопросы в своей речи наилучшим образом; было бы ошибочно поместить здесь целиком всю речь, вместо того чтобы ограничиться главными положениями. Уверен, справедливый читатель меня извинит, тем более что мне хотелось изложить с точки зрения историка все то, что я произнес в качестве оратора[110].

Сир!

В старину в Риме отмечали ежегодный праздник, во время которого в продолжение нескольких дней слугам позволялось говорить все, что угодно, своим господам, даже упрекать их без боязни за дурное отношение к ним, а также за муки, которые им пришлось претерпеть в течение всего года.

Ваше Величество, собрав всех своих подданных в столице своего королевства – Риме Франции, – традиционном месте расположения ее королей, и, не только позволив, но и приказав им, отбросив всякий страх и вооружившись прямодушием, поведать о всех бедах, которые их гнетут и унижают, Вы подали надежду, что намерены ввести подобный праздник в своем государстве.

Но это лишь на первый взгляд; на самом деле Ваш замысел гораздо смелее, и этот день намного превосходит праздник римлян.

В Риме праздник был пожалован слугам, дабы они обрели передышку, а не для того, чтобы избавить их от бед, поскольку, сразу после окончания празднеств, они возвращались к своему зависимому положению.

Эти дни давали им возможность высказать свои жалобы без надежды на исцеление, тогда как у нас этот знаменитый день имеет целью полное освобождение от наших бед.

К тому же Вы требуете от нас и рецептов для избавления от наших страданий, советов, что лучше для нашего излечения; больше того, Вы обязуетесь выслушивать наши советы, следовать им в той мере, в какой сочтете их полезными для улучшения нашего положения и для общего блага монархии.

Поистине велики сии привилегии; кроме того, велика разница между римскими господами и Вашим Величеством – единственным нашим господином, которому все мы служим.

Римские господа были язычниками; Вы же, Ваше Величество, – первый из христианских королей.

Их слуги были рабами; те же, кто рождается Вашим подданным, не рабы: их название – залог их свободы.

Они не рабы, Ваше Величество, и все же рабы: они свободны и не носят оков, но они добровольные рабы, оковы заменяет им любовь, неразрывно связывая со службой Вам.

Это различие, благодаря которому Ваше Величество относится сегодня к нам гораздо лучше, чем римские господа к своим слугам, обязывает нас вести себя в условиях предоставленной нам Вами свободы иначе, чем римляне в условиях их свободы. Они одновременно и жаловались на своих господ, и восхваляли их; жаловались, приписывая им часть бед,

обрушившихся на них за год, и восхваляли – за несколько дней передышки.

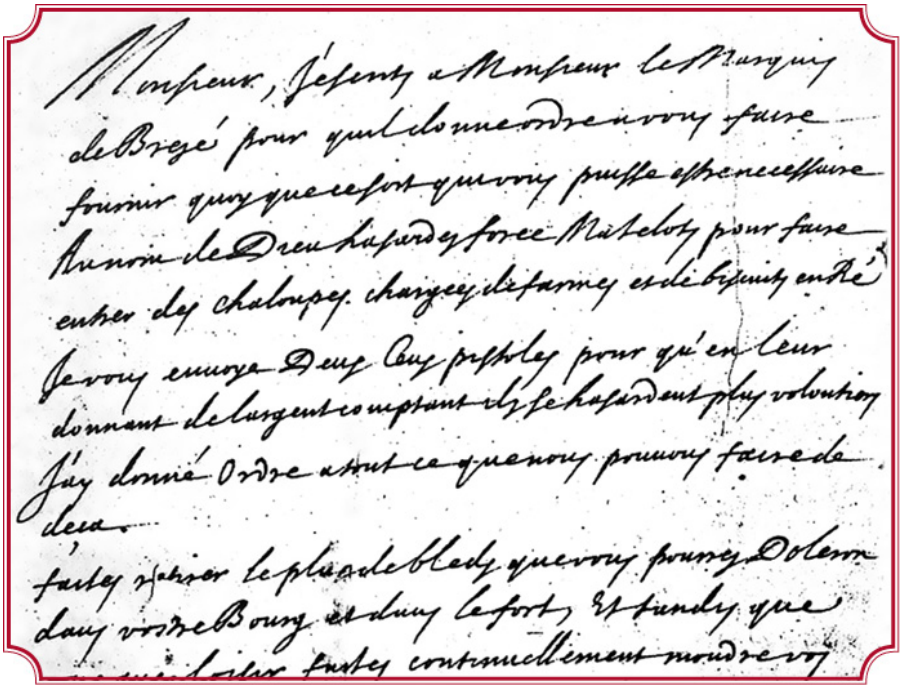
Сегодня в адрес Вашего Величества направлены одни хвалы и благословения; а ежели избыток наших печалей заставит нас жаловаться, мы обратимся к Вам лишь для того, чтобы найти в Вашей власти и снискать в Вашей доброте снадобье для наших ран, причины которых мы приписываем бедам времени, нашим собственным грехам и ошибкам, а вовсе не Вам, Ваше Величество, поскольку искренне считаем, что Вы не можете быть их виновником.

Вот так, без прикрас и без словесных уловок (нам хочется проявить себя не на словах, а в делах), мы используем данную Вами свободу: и в этом уважение, которое мы проявляем и будем проявлять.

Теперь же, чтобы не терять даром времени, не откладывая более, перейдем к нашим жалобам, откровенно расскажем о своих невзгодах, дабы дать Вашему Величеству возможность осуществить свои замыслы, изыскав средства, необходимые для нашего исцеления.

Цель достигается лишь средствами, которые к ней ведут, – и потому тот, кто призван излечить болезнь, должен познать ее причину; мы же начнем с того, что покажем, откуда берут начало наши болезни, дабы Вы смогли искоренить их и пресечь их дальнейший рост.

Нет ничего более приличествующего и необходимого для государя, чем быть щедрым, ведь дар – самое подходящее оружие для завоевания сердец[111], в чем так нуждаются короли, и великий государственный деятель[112] вовсе не страшится признать, что тот, кто низвергается с королевского трона, терпит поражение скорее из-за отсутствия преданных ему людей, чем из-за отсутствия денег.



Автограф кардинала Ришельё. *Фрагмент письма 1627 г*

Однако необходимо, чтобы существовала некая соразмерность между тем, что дается, и тем, что можно дать на законных основаниях; иначе дарения скорее вредят, чем идут на пользу. И следует признать, что большая часть зол всех сообществ в мире, и в частности – в нашем государстве, проистекает из чрезмерных расходов и безмерных дарений без правил и без меры.

Если мы обратим свой взор на народ, о котором должна заботиться Церковь – мать сирых, обездоленных и скорбящих, мы сразу поймем, что его нищета определяется главным образом вышеуказанной причиной; в самом деле, ясно, что увеличение ставок неизбежно ведет к росту доходов; чем больше расходуется, тем больше необходимо выкачать из народа – единственного источника богатств Франции.

Если задаться вопросом, где кроется изначальная причина недостатков, которые дают о себе знать в правосудии, чрезмерных расходов, на которые приходится идти, чтобы получить то, что государи должны дать своим подданным, разве не станет ясно, что главная причина этих бед – продажность должностей и мест, которые выставлены на торги лишь для того, чтобы удовлетворить нуждам государства, отягощенного чрезмерными расходами?

А поскольку чем больше должностей, тем больше и приток денег, то они размножились как грибы.

И пока зло следовало одно за другим и вытекало одно из другого, продажность должностей порождала еще большее их число, невыносимым грузом ложившееся на народ, увеличивая навязанное ему бремя, ведь именно ему приходится содержать всех этих чиновников, истощая его силы, которые ему так нужны, чтобы нести на себе этот груз; отсюда вытекает, что чем больше чиновников, освобожденных от податей и сборов, тем меньше подданных, способных их платить; заметим к тому же, что эти последние все поголовно бедны, богатые же фактически избегают налогового бремени, расплачиваясь деньгами, которые им дают их должности.

Кто-то может подумать, что большие расходы, крупные дары и вознаграждения, раздаваемые государем, выгодны дворянству, ближе всех стоящему к трону и подбирающему все, что сыплется из рук государевых; но и здесь обогащается лишь кучка самых приближенных, а в целом дворянство также от этого страдает, разделяя беды, из этого проистекающие, в частности – от продажи должностей, поскольку, будучи так же бедны деньгами, как богаты почестями и отвагой, они не могут иметь ни должностей в правительстве, ни судейских должностей, ведь доступ к этим почестям достигается лишь средствами, которых они лишены.

Все это причиняет ущерб Церкви; поскольку невозможно уже заставить дворянство служить обычными методами, присущими их званию, дошло до того, что им стали передавать церковное имущество, поощрять их за счет Церкви, на злоупотреблениях которой я остановлюсь подробнее, как это подобает моему сану; получив несколько ран, разумно заняться прежде всего лечением тех из них, что затронули наиболее важные органы, ведь они самые опасные.

Точно известно, что в ходе прошлых веков во всех нациях мира, и когда они исповедовали культ ложных божеств, и когда они стали служить истинному Богу, лица, избравшие для себя это поприще, стояли в одном ряду с государями (если те сами не были ими) не только в области духовной, но и в том, что касается гражданского и политического управления; я мог бы легко показать это на примере всего хода истории, если бы только, не желая злоупотреблять терпением Вашего Величества, оказавшего мне честь этой аудиенцией, я не ограничился нашей Францией, довольствуясь тем кратким рассказом о том, как было у нас организовано управление в прошлом.

В то время как заблуждения язычников затуманивали взор этого королевства, оно настолько доверилось друидам,

служившим его богам, что ничего не делалось без их согласия.

С момента, когда королевство получило сокровище подлинной веры, те, кому положено печься о ее таинствах, до определенного времени пользовались таким влиянием, что ничто не делалось без их совета и согласия; это походит на старинную форму патентов наших королей, которые предусматривали их согласие как залог силы этих документов.

Шла ли речь о браках королей, о мире между ними или каком-либо ином деле из числа самых важных и неотложных, без них не обходилось. Управление финансами, руководство делами также были переданы им. Мы находим в истории немало канцлеров из их числа: один автор[113] приводит цифру тридцать пять. Мы видим их среди крестных отцов королей; им поручают их воспитание, опеку над ними, регентство в их государстве.

Уверенность в том, что религия, связующая их с Богом и сообщающая их вере неприступный характер, делает их слово своего рода залогом обещаний их господ: к ним обращаются с просьбами, их принимают в качестве заложников королей вместе с их детьми, как если бы само их достоинство не делало их уже королевскими особами.

Наконец, оказанная им честь простирается до того, что их собственные государи делают их арбитрами в своих спорах, отдаются на их суд, хотя те и находятся под их властью.

И, что особенно важно, самыми великими среди наших королей были те, которые больше пользовались их услугами, что полностью подтверждается тем, что великий государь[114], первым соединивший в своей особе венец Империи с короной Франции, ничего не делал, как во времена мира, так и войны, без мнения епископов, которые, по этой причине и по некоторым другим, собирали Синоды почти каждый год.

С тех пор прелаты стали служить своим государям; галликанская Церковь была исполнена величия; сегодня же ее не узнать, до такой степени она потеряла свой былой блеск; ибо в делах государственных не только не идут за советом к священнослужителям, но честь служить Богу словно делает их неспособными служить Королю, чья власть божественного происхождения.

Если они и входят в Совет, то лишь формально: их встречают там с таким презрением, что достаточно быть мирянином, чтобы рассчитывать на старшинство перед ними, тогда как в былые времена их звание, дававшее им преимущество перед всеми остальными, обеспечивало им преимущество и в Совете.

Таким образом, принижается достоинство тех, кто служит святым алтарям; больше того, хотя они воздают Королю то, что

каждый воздает Богу, добровольно отдавая ему десятину своего имущества, нельзя у священнослужителей изымать остальное в пользу людей, либо совершенно не способных распоряжаться средствами, либо отдающих их на мирские дела, а не Богу, либо врагам Церкви.

Впрочем, временными благами, не участвуя в духовной жизни, можно воспользоваться, лишь совершая святотатство.

Хотя они и освобождены от всех налогов, найдется мало налогов, которые не захотели бы навязать им. Их лишают прав, поносят, когда враги веры своими погребениями ежедневно и безнаказанно оскверняют самые священные места. И это еще не всё: вопреки эдиктам и разуму, их храмы удерживаются грубой силой, препятствующей донести до народа глас Божий, предпочитающей ему глас людей.

Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что Церковь одновременно лишена почестей, ограблена, пренебрежена, осквернена и настолько унижена, что у нее просто не хватило бы сил жаловаться, если бы, сплотившись из последних сил и видя перед собой лекаря, который только и может спасти ее, она не обратилась к нему, надеясь тронуть его сердце, чтобы, движимый состраданием, верой и разумом, он вернул бы ей все разом: жизнь, блага и почести.

Однако дабы Его Величество оценил справедливость ее жалоб и ее нижайших посланий о злоупотреблениях, Церковь рассмотрит, если Вы пожелаете, причины попыток лишить священнослужителей чести пользоваться Вашими советами, держать Вас в курсе ее дел, ведь именно их призвание во многом предназначает их для этого, поскольку обязывает их действовать строго по закону, быть всегда честными, вести себя осмотрительно – единственные условия, необходимые, чтобы достойно служить государству; к тому же они и впрямь больше, чем кто-либо, лишены частных интересов, от которых часто страдают государственные дела, так как, храня обет безбрачия, они оставляют по себе лишь свои души, которым богатства ни к чему, а потому думают здесь, на земле, лишь о службе своему Королю и своей родине, чтобы обрести там, на Небесах, – и навсегда – славное и полное вознаграждение.

Напрасно прежние Соборы[115], осуждая распущенность епископов, оставляющих свою паству, дабы следовать за государевым двором, разрешили пребывать при дворе тем, кто к этому был призван некими поручениями и государственными нуждами.

Какова вероятность того, что добро, принадлежащее Церкви, не попадет в руки людей светских? Разве не против правил

справедливости давать миру то, что принадлежит Богу, вместо того чтобы жертвовать Богу то, что принадлежит миру?

Предоставить аббатство светскому дворянину или передать его в руки иноверца – казалось бы, что тут такого? В чем ущерб Церкви? Однако ясно: ее разорение и погибель проистекают именно отсюда, ибо большая часть приходов Франции присоединена к аббатствам.

И потому, когда они находятся в распоряжении недобросовестных лиц, нечего и говорить о пастырях, достойно исполняющих свои обязанности (а ведь именно они – прочная основа Церкви, залог ее чести). Придворный или кто-то другой, связанный скорее с землей, чем с небом, вряд ли будет озабочен выбором пастырей, живущих по Божиему слову, вот враг нашей веры и постарается ее обесславить, подсовывая нам людей невежественных и безнравственных.

Ваше Величество, соблаговолите знать, что неправомерно передавать церковное добро подобным людям, как и людям нашей профессии, недостойным обладать им в силу своей безнравственности и невежества. Да, Ваше Величество, это большое злоупотребление; злоупотребление, которое влечет за собой потерю бесконечного числа душ, а они, в том числе и Ваша, должны будут однажды предстать перед Всевышним.

В мире считают, что право раздавать благодеяния весьма выгодно государям; но Великий Святой среди наших королей[116], имя которого носите и Вы, Ваше Величество, не разделял такого мнения, поскольку он не захотел воспользоваться буллой, которой Папа предоставлял ему власть.

А если тот из его наследников[117], который, не следуя его примеру, и согласился с тем, что тот в свое время отклонил, уверовав в это на определенное время, он потерял ее, когда на смертном одре, готовясь предстать перед Богом, Который судит равно и королей, и их подданных, заявил своему сыну, что ничто так не печалит его, как отчет, который он должен представить Небу, о том, как он выполнял свою обязанность распределять льготы, устранив выборы.

Если святой Грегуар уже унес одну из наших королев только за то, что она сносила злоупотребления в распределении льгот, если несколько принцев крови были наказаны в этой связи, чего еще должно опасаться? И как должно поступать нам?

Следует опасаться десницы Божией, ничего не оставляющей безнаказанным. Наш долг добросовестно предупреждать об этом, как мы и делаем, тех, кто способен остановить подобные бесчинства.

Хотя и создавалась видимость назначения мирянам

пенсионов вместо вручения им соответствующих титулов, либо на их имя, либо на третье лицо по доверенности, нет никакого смысла – поскольку это несправедливо – одаривать того, кто не участвует в трудах; на больших должностях нельзя исполнить своего долга без больших расходов.

И наоборот, опыт убеждает нас в том, что лишить человека того, что ему принадлежит по праву, означает побудить его взять себе то, что ему не принадлежит.

Если от пенсионов мы перейдем к обязательным долям наследства, кто сочтет справедливым назначение наследника при жизни человека, ведь этим жизнь этого человека отдается на милость того, кому выгодна его смерть?

Соборы осудили эту практику как очень опасную[118], король Генрих III на своих последних Генеральных Штатах принес торжественную клятву отменить ее и объявил недействительными все решения по наследству и праву преемственности, принятые при его царствовании.

Уместно и необходимо сделать то же самое теперь, и не только в отношении бенефиций, но и в отношении всех должностей в королевстве: в силу того, что в ином случае, Ваше Величество, Сир, у Вас будут связаны руки и Вы надолго станете королем, лишенным права распоряжаться, а также и в силу того, что, будучи не в состоянии оделить в достаточной степени своими благодеяниями каждого, важно сохранить по крайней мере надежду в тех, кого нельзя одарить еще больше.

Этого не добиться, если бенефиции остаются обещанными и обеспеченными детям, которые, достигнув вершин заслуг и возраста, не посмели бы, возможно, думать о том, как заполучить почести и чины, предназначенные им с колыбели.

Что касается обид, нанесенных некоторым из священнослужителей при сборе податей, которые хотели навязать им косвенным путем, исходя из недворянского имущества, находящегося в их распоряжении, разве не бессовестно требовать от лиц, посвятивших себя Богу, того, что язычники никогда не требовали от тех, кто был предназначен служить их идолам? Конституции императоров и соборные установления недвусмысленны в том, что касается этих льгот.

В прошлом всегда признавали[119], что истинный налог, которым следует обложить Церковь, – молитва; иные язычники были до такой степени религиозны, что считали необходимым больше доверять молитвам и слезам, чем деньгам, которые отнимают у народа, и оружию, которое носит дворянство. Несмотря на все это, мы платим добровольную подать, однако нам навязывают все новые и новые, хотят нас принудить к ним,

словно мы и впрямь обязаны их платить.

Что касается утеснений, причиняемых нам в наших правах, легко убедиться в невозможности исполнения нами наших обязанностей, если судьи во всех случаях будут против нас и будут так ограничивать власть, данную нам Богом, что даже при наилучших намерениях с нашей стороны мы не сможем воспользоваться ею.

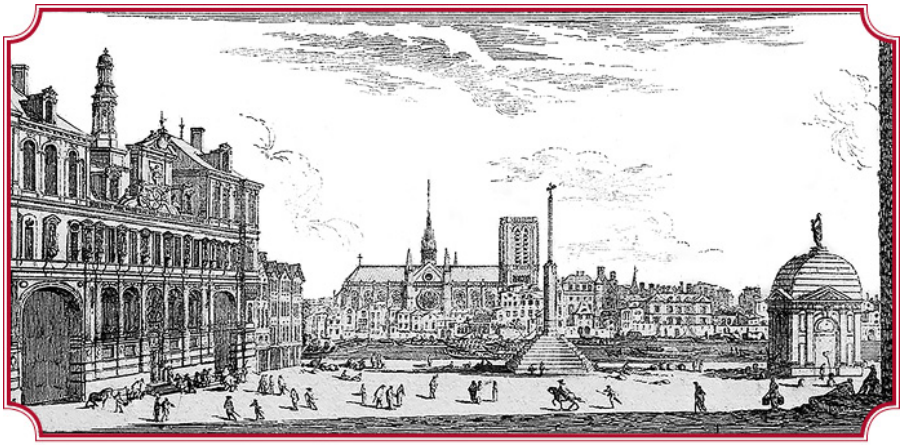
Следует отметить: Собор в Халкидоне[120] – один из четырех первых Вселенских соборов, которым галликанская Церковь подчинила свои свободы. Если третий Собор в Карфагене[121], на котором присутствовал святой Августин – великий светоч Церкви, если первый Собор в Маконе, состоявшийся во Франции свыше тысячи лет тому назад, если третий Собор в Толедо, собиравшийся почти в то же время в шестом веке, если ряд других запрещают мирянам знание того, что относится к служителям Церкви[122], если все христианские императоры считали священным все, что исходило от епископов; если великий Константин не пожелал и слышать о спорах между ними, если он приказал следовать тому, что было рассмотрено и решено ими, всем, в том числе и остальным судьям[123], если Карл Великий подтвердил этот приказ в своих эдиктах[124], если он создал большое число установлений, чтобы сохранить наши льготы, – какой смысл, какая необходимость терпеть сегодня, чтобы те, кто обязаны повиноваться Церкви, командовали ею и принимали решения по вопросам, которые они должны выслушивать из уст самой Церкви?

Духовная власть настолько отличается от власти мирских судей, что святой Киприан осмеливается свидетельствовать, что покушения на Церковь и пренебрежение судом епископов порождают расколы, разрывают нить, связующую всех детей Иисуса Христа в лоне Церкви. Не овцам пасти пастухов, говорит святой Григорий Богослов, не сторонам судить судей, не субъектам законов предписывать их законодателям: Бог не является Богом смуты, но мира и порядка.

Что касается веры и Церкви, лишь тот вправе судить их, кто сам из числа священнослужителей, говорит святой Амвросий. А потому он упрекает[125] некоторых священников, которые, вместо того чтобы доверить спорные вопросы судам Церкви, обращались к авторитету императоров, которым сам он отважно сопротивлялся, когда те захотели взять на себя то, что надлежит решать лишь тем, кому Бог доверил руководить душами.

В первые столетия своего существования Церковь настолько полно осуществляла свои полномочия, что великий святой Мартин[126], неотъемлемая гордость Франции, в разговоре с

императором Максимом категорично заявил, что, когда мирской судья судит о делах Церкви, это – новое и неслыханное преступление.



Израэль Сильвестр. Вид на парижскую ратушу и Гревскую площадь. *Гравюра. Середина XVII в.*

Хорошие императоры, хорошие короли, Сир, всегда стремились поддерживать и служить этой святой супруге суверенного властелина поднебесной империи; Ваше Величество не преминет заметить, что все суверены строго подчиняются ему и по совести, и из государственных соображений, поскольку не приходится доказывать, что ничто не научит его подданных пренебрегать его собственной властью лучше, чем смирение перед нападками на власть Вседержителя, от Которого он получил свою.

Сказанного вполне достаточно, ни к чему продолжать эту тему.

Печаль по поводу профанации святых мест и справедливая обида на узурпацию церквей заставляют меня не оставаться в стороне и возвысить свой голос против этих святотатств.

Иисус Христос указал в качестве предзнаменования, возвещающего конец света[127], на разочарование, которое испытают, согласно Даниилу, в храме: мы имеем все основания опасаться того, как бы разочарование, которое ежедневно ощущается в наших церквах, не стало предзнаменованием конца этой монархии!

Несказанно горько, что там, где должно возвещать об истине, проповедуется ложь, что целые страны из числа тех, что находятся под Вашей властью, подобно Беарну, заражены смутой, что храмы, призванные служить Богу, используются не по

назначению!

Больно слышать, что святые места оскверняются подобным образом; у меня волосы встают дыбом, меня охватывает ужас, голос мой пресекается, когда я пытаюсь выразить недостойность такого чудовищного преступления: трудно поверить, что оно могло бы свершиться и в самой варварской стране в мире.

А ведь это Франция, некогда не знавшая чудовищ, виновников столь страшного преступления; я бледнею, я дрожу, говоря об этом! О несказанное терпение Неба!

Почему твердь земная не разверзлась, чтобы поглотить их еще при рождении! В Вашем государстве, Ваше Величество, посреди мира, попирается драгоценное и священное тело, очищающее наши тела, спасающее наши души, – Тело великого Бога, Который по Собственному желанию опустился до креста, чтобы возвысить нас до собственной славы.

Это случилось всего несколько дней тому назад, я смело говорю об этом; а ежели б я промолчал, то провинился бы перед Богом и стал сообщником мерзкого святотатства.

У нас есть все основания сказать вместе с Иеремией[128], что мы сгораем от стыда и позора, так как пришельцы оскверняют и заражают освященные святыми храмы, и не меньше оснований опасаться для этого королевства страшного наказания, которым Он угрожает тем, кто наполняет мерзостью то, что Он избрал в качестве Своего достояния[129].

Когда-то те, кто бросили собакам хлеб ангелов, были ими же разорваны; пусть же чудовища, которые всего несколько дней назад бросили его еще более худшим зверям, знают, что, если в этом мире их не разорвали, не колесовали, не превратили в пепел, придет их час: они будут поглощены исчадиями ада, навсегда распяты, испытают все мыслимые страдания и пытки, будут преданы геенне огненной.

Но я говорю, Сир, лишь о тех, кто совершил этот варварский поступок, что до остальных, введенных в заблуждение, мирно живущих под Вашей властью, мы желаем лишь их обращения с помощью нашего примера, наших поучений, наших молитв – единственного оружия, которым мы собираемся сражаться.

Мы нисколько не сомневаемся, что они сами ненавидят свершенное беззаконие, которое, осмелюсь сказать, должно быть немедленно наказано, ибо в противном случае потворство в подобных делах заставит наконец Всевышнего вознегодовать и отомстить за нанесенные Ему оскорбления, да так, что перед лицом грозных последствий придется признать, что даже если Он и отсрочит Свое наказание, то усилит его строгость.

Вот, Ваше Величество, то, что касается наших бед и наших

жалоб, которые мы представляем на Ваше рассмотрение, список их я сократил до минимума, суть их постарался изложить наиболее кратко, чтобы не досаждать Вам излишне и позволить тем, кто будет говорить после меня, остановиться на тех вопросах, которые я лишь затронул, для них же являющихся первоочередными, ибо, в конце концов, даже в том, что имеет отношение к Церкви, достаточно и уместно показать здесь безобразия лишь в целом.

Все это есть в наших наказах, изложены и способы преодоления этих безобразий, Ваше Величество, которые нельзя игнорировать, ибо в противном случае следует опасаться, и для Вас, и для Вашего государства, совсем не тех событий, которых мы с Вами желали бы: подобно тому как набожность и религия лежат в основе процветания государей и республик, неуважение к святым символам ведет к их гибели[130].

Истинность этого подтверждена угрозами, которые Бог адресует не желающим считаться с Его законом и Его священными заповедями и наказаниями, следующими вслед за угрозами. Падение Восточной империи[131], древней Галлии, исчезновение нескольких государств, которые погибли, едва успев народиться, подтверждают это; несколько показательных наказаний, полученных Францией в прошлом, когда ею правили первые поколения ее королей, не оставляют нам никаких сомнений на сей счет.

Однако, как и в случае болезни, если врач прописывает то, что уже было рекомендовано другим врачом и от чего нет облегчения, мы умоляем Вас согласиться с тем, что для облегчения наших страданий речь идет не столько о новых ордонансах, сколько о необходимости обратиться к стародавним, которые заставят их признать свои прегрешения, что выразилось в пренебрежении к священным установлениям.

Может, хоть в этом французы докажут свое преимущество: проявят ум или осознают свои недостатки и способы их преодоления. Потому-то о них говорят, и небезосновательно, то, что в древности говорили о жителях Афин: они знают много хорошего, но не применяют это в жизни.

Ваше Величество, Сир, свято исполняя то, что было предписано Вам Вашими предшественниками, Вы превзойдете их своими добрыми деяниями, больше того, Вы сможете улучшить положение всех сословий Вашего королевства, поскольку усиление монархий зависит от соблюдения и исполнения законов: исходя из этого, мы нижайше просим Ваше Величество соблаговолить принять наше полное уважения заверение, что мы не можем получить какого-либо удовлетворения наших жалоб,

даже если будут даны новые или подтверждены старые ордонансы, ежели таковые не будут ежедневно претворяться в жизнь, ежели они не будут действовать вечно.

Если же это будет осуществляться, всякое дело будет делаться надежно и соразмерно. Воспрянет царство разума; правосудие вновь обретет свою целостность; тирании придет конец в семьях; государства избавятся от вредной выдумки – годовой подати; продажа должностей, из-за чего само управление становится продажным, прекратится (в древности это привело к упадку и разрушению империй), чрезмерные налоги будут отменены, будут воздавать по заслугам, пусть даже предпочтение одним и сохранится в какой-то степени; зло будет наказано, добро не останется без вознаграждения; литература и искусства станут процветать; финансы – истинный нерв государства – будут использоваться экономно; расходы сократятся; пенсионы будут урезаны, как мы того просим, до размеров, установленных Генрихом Великим, – благоразумие требует, чтобы в этом деле его осторожность служила для нас правилом, ибо справедливость не позволяет давать больше, чем собирается податей, иначе разорится большинство подданных Франции ради обогащения небольшой кучки.

Религия вновь познает расцвет. Те, кто обязаны нести ее в народ, в будущем должны будут лучше заботиться о душах, доверенных их непосредственному руководству, пусть в прошлом они и исполняли свой долг неудовлетворительно, причиняя ущерб Церкви, подрывая ее авторитет, забывая о стыде и поступаясь своей совестью.

Вернув себе авторитет, имущество и почести, Церковь вновь обретет свой блеск. Всякая дьявольщина, секретность, грязь и пороки будут изгнаны из нее, одна лишь добродетель пребудет в ней.

Дворянство вновь обретет права и почести, которые сыскало своими заслугами. После запрещения дуэлей кровь (которую оно всегда готово пролить, служа Богу, Королю и стране) не будет проливаться напрасно; благодаря этому путь к его спасению станет легче, а Король снимет большую тяжесть со своей души, уверенный в том, что князья – ответчики пред Богом за все души, потерянные столь нечеловеческим образом.

И ничто более не помешает дворянству отождествлять себя с подвигом самопожертвования, явленным нам Иисусом Христом.

Народ будет освобожден от угнетения, которое он испытывает по вине недобросовестных чиновников, предохранен от оскорблений, которые ему наносят сильные мира сего, будет облегчено его налоговое бремя по мере все более ощутимого

процветания государства. Одним словом, Франция обретет былое величие, куда бы мы ни бросили взгляд. Преобразование это будет облегчено тем, что оно будет справедливым, необходимым и принесет славу Вашему Величеству.

Оно не так уж недостижимо, Ваше Величество, так как в большинстве добрых дел королям помогает Бог, для Которого хотеть – значит делать.

Оно будет справедливым, поскольку разум и справедливость требуют, чтобы любые расстроенные дела были приведены в порядок.

Оно будет необходимым, поскольку от этого зависит долголетие государства: подобно телу, пораженному гниением и хандрой, оно не выживет без очищения.

Оно будет славным, ибо, если Иосия[132], начавший свое царствование с восстановления храма и святых церквей, заслужил честь, которую мне трудно передать словами, какую же славу заслужите Вы, Ваше Величество, если только, вступив в совершеннолетний возраст, Вы возвысите владычество Бога, восстановите Его церкви, вернете жизнь (если можно только так сказать о бессмертной Церкви) той, которая Вам ее дала; если, словом, Вы восстановите во всех отношениях это государство.

Слава – иголка, которая больно жалит великодушных. В нас нет сомнений, что Вы осуществите эту славную реформу.

Наглядные свидетельства Вашей склонности к добрым делам, Вашей набожности, Вашей любви к подданным убеждают нас в этом; более того, эта убежденность подкреплена благородным поступком, предпринятым Вашим Величеством со вступлением в совершеннолетие, когда, взяв в свои руки рычаги власти в этой великой империи, Вы передали ее в руки Вашей матери Королевы, чтобы под Вашей властью она держала в течение нескольких лет бразды правления государством.

Мы можем сказать о наших королях то, что было отмечено в отношении некоего народа в Индии, у которого дети рождаются седыми[133], то есть мудрыми, что особенно верно в Вашем случае, ведь Вам свойственны удивительные для Вашего возраста мудрость и осмотрительность.

Правительство великого королевства сталкивается с множеством трудностей, порождаемых ежедневно разными обстоятельствами и столкновениями человеческой жизни, и наука управления может быть усвоена лишь в течение некоторого времени – счастлив Король, которого Бог награждает матерью, горячо любящей его, заботящейся о его государстве и имеющей опыт управления его делами.

Между нескончаемыми милостями, которыми Небо осыпало

Ваше Величество, одна из самых больших – мать, которой оно Вас одарило; из всех Ваших дел самое достойное и полезное для восстановления Вашего государства – передача ей руководства им.

Ибо разве нет у Вас причин верить в нее при счастливых обстоятельствах Вашего совершеннолетия, после того как, в годы Вашего младенчества, она все же сумела счастливо привести корабль государства среди множества бурь и рифов в гавань мира, где и передала его в Ваши руки?

Вся Франция признательна Вам, Государыня, и готова оказать Вам все почести, которые когда-то оказывались хранителям мира и общественного спокойствия.

Франция считает себя обязанной Вам не только потому, что Вы сумели так замечательно сохранить для нас до настоящего времени мир, добытый непобедимым Генрихом Великим; но еще и потому, что Вы пожелали навсегда сочетать Ваше государство с миром узами самыми нежными и сильными, какие только можно себе вообразить, – священными узами двойного брака (свершения которого мы желаем), соединившего два самых больших королевства мира, которым нечего бояться, так как они могли ожидать беды лишь друг от друга, покуда были врозь.

Вы много свершили, Государыня, но не стоит останавливаться на достигнутом: не продвигаться и не побеждать на пути чести и славы означает отступать и терпеть поражение. Мы надеемся, что после стольких замечательных успехов, Вы соблаговолите смело содействовать тому, чтобы Ваше королевство пожинало плоды, которых Вы ждете от ассамблеи.

Примите же бесконечную благодарность и множество благословений по адресу Короля за то, что он поручил Вам вести его дела; а также по Вашему – за то, что Вы так достойно с этим справились; по нашему – за то, что мы нижайше и горячо просим Его Величество о продолжении Вами этого руководства.

Ваши заслуги добавляют венки славы к короне, украшающей Вашу главу, а высшей наградой Вам будет то, что Король добавит к Вашему славному званию матери Короля звание матери его королевства, дабы потомки, прочитав или услышав, как произносят Ваше имя, увидели и признали в этом свидетельство Вашей милости по отношению к своему государству и его по отношению к Вам, убедились в том, что даже Ваше ревностное служение Франции не сравнится с его сыновьей любовью.

Государыня, мы верим, что Вы сделаете все, чтобы ассамблея, открытая с Вашей помощью, удалась на славу: осаждающие нас беды побуждают к этому; Ваша любовь к нам служит в этом залогом; Ваша честь и честь Короля (которая Вам так дорога)

требуют этого, Его и Ваша совесть обязывают Вас к этому.

Именно в силу этого обстоятельства, Сир, мы заклинаем Вас не распускать нас после ассамблеи, с тем чтобы мы могли вернуться в свои провинции, неся им то, что способно утешить их в их бедах.

Но что это я? Прошу о том, что и так нам дано в полной мере, поскольку уже несколько раз Вы нам это обещали, а Ваши слова всегда совпадают с Вашими делами, будучи нерушимы и святы, как и Ваша особа.

Вы обещали это; больше того, с этой целью Вы позволяете нам направить нескольких депутатов в помощь тем, кто уже завтра, не теряя времени, возьмется за подготовку Вашего ответа на наши наказы, благодаря чему это не займет много времени, а мирное сотрудничество Ваших комиссаров и депутатов от Ваших Генеральных Штатов приведет к лучшему ознакомлению с нашими интересами и нашими справедливыми жалобами.

Подобно тому как не все времена года способствуют излечению болезней, короли могут искренне терпеть какое-то время беспорядки в государстве по примеру Господа Бога, позволяя таким образом злу проявить себя; но даже если нельзя их обвинять в таком потворстве, невозможно и оправдать их, если они не примутся наконец лечить болезнь.

Ваше Величество, Сир, это – Ваш долг; поразмыслите над этим; время позволяет тотчас приступить к этому, особенно в отношении Церкви, возврат которой к жизни никоим образом не затрагивает иные текущие потребности. Можно, не откладывая, приняться за дело, прежде всего потому что дело это верное и потому что единственный способ счастливо царствовать на земле – позволить царствовать на ней великому Государю, живущему на Небесах.

Знаю, могут сказать, что падение нравов – главная причина наших невзгод, что, следовательно, наше выздоровление зависит от нас самих больше, чем от кого-либо другого: мы исповедуем это со слезами на глазах; но следует принять во внимание, что беды Церкви многочисленны, у них двойная природа: одни проистекают из наших ошибок, а другие – извне.

Последние можете изменить только Вы, Ваше Величество, а с нашими мы постараемся справиться сами. Мы решительно настроены восстановить свою изначальную чистоту, это желание заставляет нас нижайше просить Ваше Величество дать нам стимул еще активнее бороться за это, дать нам пример того, как следует действовать: уважать тех, кто выполняют свой долг, презирать тех, кто своей халатностью демонстрируют всем свой позор.

Вместо одной причины работать во благо у нас теперь есть две: слава Господа нашего и честь мира – таков закон, данный нам святым и священным Тридентским собором, полезным для переменынравов.

Я мог бы и дальше распространяться на эту тему и хотел этого; но, подгоняемый временем, ограничусь тем, что в нескольких словах покажу Вашему Величеству, что, по иным соображениям, Вам стоило бы получить и опубликовать документы этого Собора: справедливость дела, важность его, святость цели, к которым ведут его установления, вред, который нам причиняет отсрочка его принятия, исключение христианских государей и слова покойного Короля – Вашего отца.

Справедливость дела заставляет нас утверждать, что в установлениях этого Собора нет ничего, что не было бы совершенно святым.

Важность его заключается уже в том, что он созван Всемирной Церковью, чей авторитет настолько велик, что без нее святой Августин отказывается верить Евангелию.

Святость ее цели, поскольку она не что иное, как сохранение религии и установление настоящей дисциплины в Церкви.

Плоды его установлений проявляются в том, что во всех странах, которые их соблюдали, Церковь действует согласно правилам.

Зло, которое нам причиняет отсрочка его установлений, – речь идет о том, что многие неправильно думают о нашем доверии, считая, что, не признавая этот Собор, мы тем самым отвергаем учение, которое мы обязаны проповедовать, чтобы не впасть в ересь.

Пример христианских государей, признавших его, перед нами: Испания, Италия, Польша, Фландрия и большая часть Германии.

Слово покойного Короля-отца, поскольку это было одним из условий, которые он торжественно обязался соблюдать, когда Церковь приняла его в свои объятия.

Малейшего из этих соображений достаточно, чтобы убедить Ваше Величество удовлетворить нашу просьбу, тем более разумную, что если в решениях Собора имеется несколько статей, которые, будучи хороши сами по себе, кажутся менее полезными для нашего королевства и неприемлемыми с точки зрения его обычаев, то мы охотно будем просить об их изменении.

Мы надеемся, Сир, на эту Вашу милость, необходимую для излечения нас от недуга. Перед тем как закончить, осмелюсь сказать, что, если можно что-то получить любовью, мы заслуживаем это своей исключительной преданностью на службе

Вашего Величества: преданностью, свидетельством которой будут наши дела; клянемся перед Богом, в присутствии Вашего Величества, перед всей Францией, что, по мере продвижения славы Всемогущего, нашей самой большой заботой будет внушать больше, чем когда-либо, сердцам Ваших подданных, получающим поучение от нас, – уважение, повиновение, которые они обязаны оказывать Вам; непрерывными молитвами просить Небо пролить дождь благословений на Ваше Величество; умолять Того, от Кого это зависит, отвратить свой гнев от этого государства; в случае же, если он захотел бы наказать его, дать нам силы перенести в этом мире огнь Его молний, чтобы предохранить от него Вас, кому мы желаем всех благ. Никогда, какие бы беды нас ни преследовали, мы не сможем возжелать больше, чем мы того желаем сегодня, видеть королевское достоинство утвердившимся, подобным твердой скале, о которую разбивается любая волна.

Таковы, Ваше Величество, пожелания Ваших скромнейших и наивернейших слуг – священнослужителей Вашего королевства, пожелания, которые они передают Богу, умоляя Его Своим Провидением помочь делам Вашего Величества, подогреть Его доброту, вооружить Его десницу, чтобы Вы могли царствовать мудро, долго и со славой, будучи законом для своего государства, утешением для своих подданных, устрашением для его врагов.

После того как я высказал все это Королю, барон де Сенесе представил наказы дворянства, а президент Мирон – третьего сословия.

Чтобы быстрее дать ответы на наказы, Его Величество распорядился, чтобы по каждому вопросу, изложенному в трех наказах, было составлено резюме, а также приказал нескольким из самых опытных членов своего Совета изучить проблемы, которые могли интересовать Церковь, маршалам Франции и г-ну де Вильруа – проблемы дворянства и войны, президентам Жанену и де Ту, интендантам, – вопросы финансов, другим – остальные вопросы, поднятые в наказах.

Однако несколько депутатов Генеральных Штатов из числа гугенотов были возмущены предложением, сделанным несколькими католиками Королю, сохранить католическую религию, согласно клятве, принесенной им на короновании 12 марта; Его Величество сделал тогда декларацию, подтверждавшую эдикты примирения; в связи с тем, что пришло время собирать ассамблею представителей этой якобы религии для избрания новых представителей, Король разрешил ее проведение в Жержо, хотя с тех пор и изменил это место на Гренобль.

Каково бы ни было давление в отношении рассмотрения

наказов сословий, все немыслимо затянулось; Ее Величество сочла разумным распустить депутатов Генеральных Штатов и отослать их обратно в провинции; чтобы как-то смягчить приказ, им было предписано, чтобы главы трех сословий явились к Королю 24 марта в Лувр, где он их заверил, что был решительно настроен положить конец продаже должностей, урегулировать все, что с этим было связано, восстановить судейскую палату и отменить пенсионы.

Что касается дополнительных просьб, Ее Величество была готова также рассмотреть их, как только представится возможность.

Этим ответом с полеттой было покончено; но не надолго; ибо третье сословие, заинтересованное в этом, подало по этому поводу большую жалобу, на основании которой 13 мая Король постановлением своего Совета восстановил годовой налог, заявив, что решение, принятое Его Величеством в пользу сокращения чиновников до числа, указанного в ордонансе Блуа, отмена годового налога и запрет продажи мест будут введены в действие с первого дня 1618 года, однако в интересах дела до тех пор будут действовать.

Таким образом, эти Генеральные Штаты закончились, как и начались. Собрались они под благовидными предлогами, без какого-либо намерения извлечь выгоду для Короля и народа, работа их оказалась бесплодной, вся эта ассамблея имела следствием лишь обременение провинции податью, которую следовало платить ее депутатам, а также показала всем, что недостаточно знать болезнь, если отсутствует воля излечить от нее, которую дает Бог, когда Ему угодно видеть королевство процветающим, – тогда и слишком разросшаяся вековая коррупция не может помешать.

27 марта, три дня спустя после роспуска Королем депутатов Генеральных Штатов, королева Маргарита рассталась с этой жизнью. Она была самой известной королевой своего времени, дочерью, сестрой и женой великих королей, но, несмотря на это преимущество, была игрушкой в руках Фортуны, познала презрение народов, которые должны были ей подчиняться, увидела, как другая заняла место, предназначенное ей.

Она была дочерью Генриха II и Екатерины Медичи, была в интересах государства выдана за покойного Короля, который был королем Наварры и которого тогда она не любила из-за его религиозных пристрастий.

Их свадьба, вызвавшая, казалось, народное торжество и бывшая причиной соединения двух партий, которые раскалывали королевство, стала, напротив, поводом для всеобщего траура и

возобновления еще более жестокой войны, чем та, что велась ранее; ее апофеозом стал день святого Варфоломея, крики и стоны ее отозвались по всей Европе, праздничным вином ее стала кровь жертв, мясом – изуродованные тела невинных, перемешанные с телами виновных; все это торжество было с радостью отмечено лишь домом Гизов, который сжег в этом пожаре во славу своей мести и славы, под маской набожности тех, кого не мог даже надеяться победить силой оружия.

Если эта свадьба оказалась настолько ужасающей для всей Франции, она оказалась не менее ужасной и для ее личной судьбы. Ее муж подвергался смертельной опасности, шел спор о том, следует ли его уничтожить, она спасла его.

В разгар этой опасной ситуации он покинул ее и возвратился в свои провинции; он стал врагом ее брата-Короля; она колебалась, к кому из них примкнуть: с одной стороны – муж, с другой – брат, Король, и религия. Наконец любовь взяла верх в ее сердце; она пошла за тем, с кем была неразрывно связана. Рознь то кончалась, но вспыхивала вновь, подобно лихорадке, у которой бывают спады и вспышки.

Трудно предположить, что при столь сложных обстоятельствах они не испытали непонимания; подозрения, подогреваемые со стороны, как это бывает при дворе, поводы, которые она ему подавала для них, разрушили единение их сердец, как время разрушило единение их тел. Три ее брата умирают один за другим, канут в этих войнах.

Ее муж оказывается на троне; но поскольку ей нет места среди его друзей, нет ей места и в его сердце. Государственный интерес легко убеждает его обзавестись другой женщиной, чтобы иметь от нее детей. Она была задета не столько превращением королевы Франции в простую герцогиню де Валуа, сколько тем, что, будучи преданной и желающей добра как государству, так и мужу, она ни в чем не сопротивлялась желаниям мужа, была достаточно благоразумной, чтобы добровольно уступать тому, кто оседлал Фортуну.

И, в отличие от самых простых женщин, пылающих завистью и ненавистью к тем, кто занимают место, которое они считают своим, не желающих видеть на нем ни их самих, ни тем более их детей, которыми Бог благословляет их браки, она преподнесла все свое имущество наследнику, которого Бог дал Марии Медичи и которого она сделала и своим наследником, как если бы он был ее собственным сыном, приехала ко двору, поселилась напротив Лувра и не только часто наносила визиты Королеве, но и до конца своих дней оказывала ей все почести и знаки уважения, которые та могла ожидать от самой незнатной из придворных.

Франсуа Дюбуа. Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 года. *1570-е гг.*

Ухудшение ее положения было настолько уравновешено добротой и королевскими добродетелями, которыми она обладала, что презрение просто не коснулось ее.

Истинная наследница дома Валуа, она никогда не одаривала кого-либо, не выразив сожаление, что не может дать больше, подарок никогда не был настолько большим, чтобы у нее не оставалось желания дать больше, если только это было в ее власти; если же порой казалось, что она распределяет свои щедроты не слишком разборчиво, то это потому, что она предпочитала бы одарить недостойного человека, чем забыть одарить того, кто это заслужил.

Она была покровительницей литераторов, любила слушать их, приглашала к себе, в общении с ними она узнала немало, а потому ее речь была гораздо грамотней, чем у других женщин ее времени, слог же ее был более изящен.

Так как благотворительность – королева добродетелей, эта великая Королева увенчала свои добродетели готовностью к подаянию, которое она раздавала так щедро всем нуждающимся, что в Париже не было ни одной церкви или приюта, которые не ощутили бы этого, не было ни одного бедняка, который не получил бы от нее то, что просил.

Так Бог вознаградил ее с лихвой, дав ей чувство милосердия и благодать такого христианского конца, что, если у нее и могла при жизни появиться зависть к другим, такое же чувство

испытали многие по отношению к ней в момент ее кончины.

Когда Принц и люди из его партии потребовали созыва Генеральных Штатов, это было сделано, чтобы подстроить ловушку для Королевы, надеясь спровоцировать таким образом множество трудностей и распрей, которые посеяли бы смуту в королевстве.

Но когда они убедились, что, напротив, все происходило как нельзя лучше, что, даже если и возникали порой разногласия среди депутатов, намерение у них было единое и все они действовали во благо государства, а противоречия их касались лишь выбора средств для достижения этой цели, то обратились к парламенту и попытались произвести там впечатление, которое не смогли произвести в Генеральных Штатах.

Им удалось посеять в его рядах ревность по отношению к правительству, убедив его членов, что, после того как их использовали для достижения регентства, к ним относятся с презрением, не предоставив того, что им полагалось в великих делах, о которых тогда столько говорилось. Им обещали помочь поддержать свой авторитет и возможные обращения к Их Величествам.

Эти аргументы, преподнесенные людям, убежденным в том, что они заслуживают немалое уважение, обладали достаточным весом, чтобы добиться того, чтобы 24 марта, четыре дня спустя после того, как депутаты Генеральных Штатов были отосланы, суд собрал все свои палаты; Король ответил на наказы Генеральных Штатов, не выслушав суд и то, что тот должен был ему сообщить, несмотря на недавно данное им обещание; суд постановил, что, дабы доставить удовольствие Королю, принцы, герцоги, пэры и чиновники королевства будут приглашены в суд, чтобы вместе с канцлером и собранными вместе палатами подумать о предложениях, которые можно было бы сделать Королю по поводу облегчения положения его подданных и блага его государства.

Это постановление было тут же отменено постановлением Совета, Король послал за прокурорами палаты и кассационного суда, выказал им свое неудовольствие: в то время как он находился в Париже, парламент осмелился без его приказа собраться, чтобы обсудить государственные дела; при том, что он стал совершеннолетним и полностью взял в руки власть, они осмелились созвать принцев, чтобы давать ему советы; канцлера было возможно вызвать туда лишь по прямому приказу Его Величества.

В свое оправдание они заявили, что сделали это, лишь чтобы доставить удовольствие Королю, вовсе не желая посягнуть на его власть; но он не принял таких оправданий.

Им было заявлено, что хорошо известно об их истинных недобрых намерениях; что слова о Короле оказались в документе не по решению парламента, а будучи поставлены секретарем, составлявшим бумагу, и все равно их недостаточно, чтобы снять с них вину; Его Величество приказал доставить ему постановление трибунала и запретил исполнять его.

После того как это было выполнено, 9 апреля Король призвал к себе президентов и некоторых старейшин трибунала и сделал им выговор: мол, они еще вспомнят, как поступали в подобных случаях его предшественники-короли; им надлежит как его первому парламенту употребить полученную от Короля власть, чтобы укреплять ее, а не принижать ее, тем более в его присутствии, он запрещает им продолжать дебаты по этому поводу.

Но они не отказались от своих планов, решив между собой составить ремонстрации. Его Величество снова вызывает их, снова говорит о том же, снова повторяет свои запреты, но, не считаясь с ними, они составляют свои ремонстрации и передают их Королю 22 мая.

Они начали с попыток оправдать свое постановление от 28 марта, затем привели несколько несерьезных аргументов и примеров, чтобы доказать, что во все времена парламент участвовал в делах государства, что короли даже привыкли посылать им на отзыв проекты мирных договоров.

После этого они принялись опровергать то, что кардинал дю Перрон говорил в свое время относительно третьего сословия, умолять Его Величество сохранить старые союзы, оставить в Совете лишь опытных людей, не позволять продажу должностей при дворе, не допускать к ним иностранцев, запретить любое общение с иностранными государями; не допускать каких-либо покушений на свободы галликанской Церкви, сократить число предоставляемых им пенсионов до того, каким оно было во времена покойного Короля, принять меры против беспорядка и разбазаривания его финансов, допускать к ним лишь тех, кто дешево скупает старые значительные долги, которые они полностью покрыли; не предоставлять больших скидок и незаконных компенсаций убытков, не создавать должности, доходы от которых полностью поступают в руки частных лиц, а финансы Короля навсегда остаются обремененными обязательствами, связанными с этими должностями; создать судебную палату; сохранять и не разрешать осквернения золотой и серебряной посуды, вплоть до малейших предметов кухонной утвари; не отменять и не откладывать постановлений парламента, не приказывать выполнение каких-либо эдиктов, деклараций и

поручений, не прошедших проверки в верховных судах, и, главное, разрешить исполнение их постановления от 28 марта, благодаря которому Его Величество смог бы узнать о своем государстве то, что от него скрывают.

Если же Его Величество не предоставит им этого, они грозятся назвать впоследствии имена тех, кто провоцировал беспорядки в государстве.

Эти ремонстрации встретили холодный прием; Король ответил им, что все это ему очень не по душе; Королева, хотя и более мягко, добавила: ей понятно, что они нападают на ее регентство, и она желала бы, чтобы каждый знал, что до сих пор не было более счастливого регентства, чем ее.

От имени Короля канцлер ответил им, что не их дело контролировать правительство Его Величества, что короли учитывали иногда мнение парламента в крупных делах, но по своему разумению, и это вовсе не означало, что они сами могли вмешиваться в них; что мирные договоры никогда не обсуждались в парламенте, но, после того как договор заключен, его оглашали под звуки труб и только потом отсылали зарегистрировать в парламент; что покойный Король именно так поступал при заключении Вервенского мира.

Более того, они не только плохо показали себя в своих ремонстрациях, они представили их не вовремя; если бы они подождали, пока Король составит ответ на наказы сословий и пошлет его им на рассмотрение, то смогли бы подготовить свои замечания, коли у них на то были действительно причины и если бы Король забыл о чем-либо.

Уже на следующий день, 23 мая, Король на заседании Совета дал приказ, которым он снова отменял их постановление от 28 марта и отклонял их ремонстрации, представленные накануне; при этом он заявил, что они своим актом превысили полномочия, а также приказал, дабы было забыто об этой попытке призвать к неповиновению, чтобы вышеуказанные постановление и ремонстрации были вычеркнуты и исключены из регистров, а также приказал секретарю представлять их Его Величеству сразу после получения им уведомления об этом распоряжении.

Затем 27 мая в Лувр были созваны главный прокурор и адвокаты; им было зачитано распоряжение Короля и приказано доставить его в парламент, огласить и зарегистрировать. Вопреки их возражениям, им пришлось взять на себя это поручение, а парламенту после дискуссий пришлось заслушать это распоряжение; но они так никогда и не решились ни зарегистрировать его, ни передать свои регистры Королю, чтобы тот вычеркнул их постановление и ремонстрации.

Однако они приняли другое постановление от 23 июня, в котором было о том, что первый президент и другие чиновники суда должны посетить Короля, чтобы заверить его в своих преданнейших чувствах и умолять Его Величество учесть ущерб, причиненный первым постановлением Совета его авторитету, что их ремонстрации отражают истинное положение дел. Дело на этом и закончилось; упрямство парламента взяло верх над волей Короля.

В течение всех этих размолвок с парламентом Принц держался вне Парижа, чтобы не дать повода обвинить его в чем-либо, он находился в Сен-Море, откуда он тем не менее вернулся к концу мая, когда появилось последнее постановление Совета; Королева опасалась, что он пожелает присутствовать на заседании парламента, и послала Сен-Жерана к его выезду, чтобы передать ему запрет Короля делать это; он использовал этот запрет как предлог, который он долго искал, удалиться от двора, оправдывая это тем, что не была обеспечена его безопасность.

Принц отправился в Крей, крепость, зависевшую от его графства Клермон, замок которой достаточно силен, чтобы защищаться от неожиданного нападения.

Их Величества, в планы которых входило отправиться, сразу же после окончания Генеральных Штатов, в Гиенну, чтобы представить друг другу принцесс Франции и Испании, неоднократно просили Принца и других придворных быть готовыми сопровождать их.

Они особенно настаивали на этом после того, как Генеральные Штаты потребовали заключения этих браков, утверждая, что их перенос причинил бы ущерб достоинству Короля, поскольку испанский король мог бы неправильно истолковать отсрочку, что сделало бы его нашим врагом либо дало ему причину презирать нас.

С самого начала, остерегаясь дать понять, что не желает следовать за Их Величествами, Принц пытался, однако, убедить их отложить решение на некоторое время под тем предлогом, что, в силу чрезвычайной важности его, он считал поспешность излишней.

Но как только он вместе с другими принцами оставил двор и прибыл в Крей, он открыто заявил, что не даст согласия на эту поездку и вовсе не намерен сопровождать Короля, если только поездка не будет отложена до тех пор, пока он не станет по-настоящему дееспособным, его подданные – более довольными, соседи – более спокойными, а все вместе, включая его самого, расположены к браку.

Мнения министров разделились. Г-н де Вильруа и президент

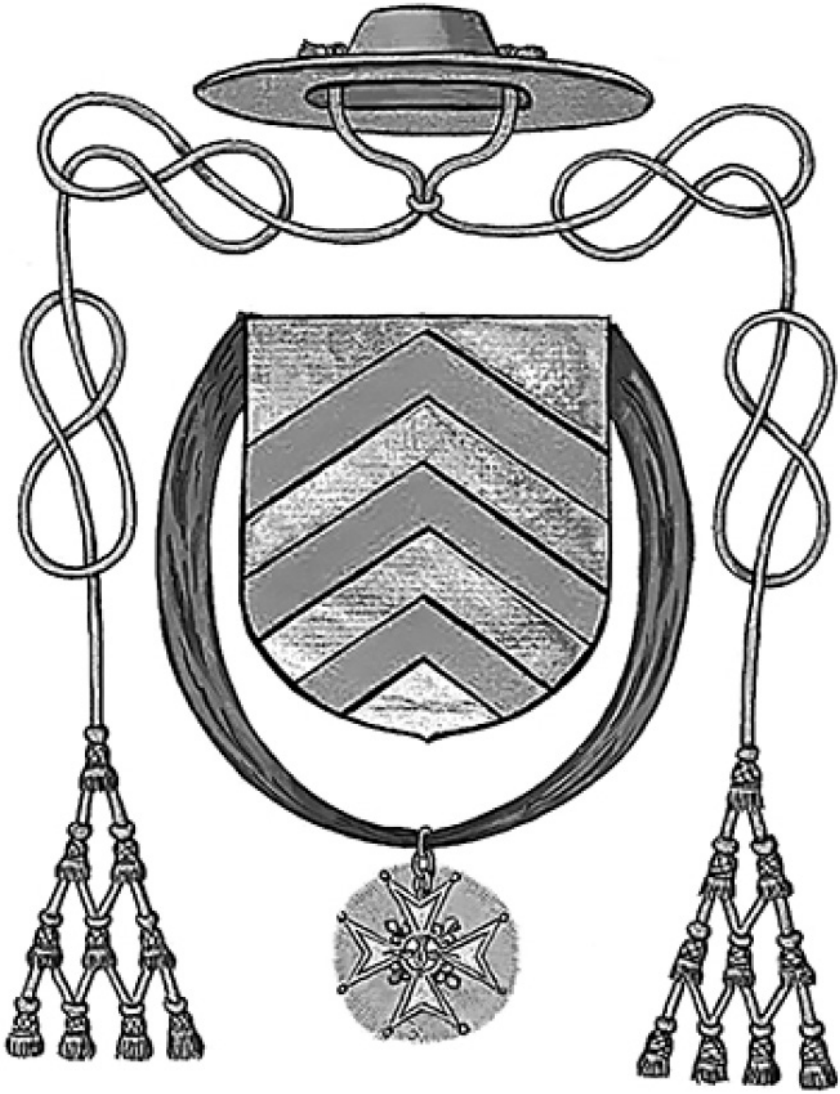
Жанен были за то, чтобы перенести поездку; напротив, канцлер настаивал на отъезде. Г-н де Вильруа уже не был в таких хороших отношениях с Королевой, как в предыдущем году, хотя супруга маршала д'Анкра сумела снова завоевать расположение Ее Величества после ее возвращения из Нанта и расположить ее к канцлеру.

Вследствие этого г-н де Вильруа советовал отложить поездку, он сожалел, что Королева дала поручение в ходе Генеральных Штатов командору де Сийери передать от имени Короля браслет, который Ее Величество посылала инфанте. Де Вильруа хотел, чтобы это было поручено господину де Пюизьё.

Маршал д'Анкр, бывший не в лучших отношениях с г-ном де Вильруа, тем более после заключения мира в Мезьере, против которого он был решительно настроен, особенно после ряда событий в провинциях, с удовольствием сообщил ему эту неприятную новость, не имея возможности сделать большего; ибо, видя, что в Генеральных Штатах делалось много предложений против него, что друзья г-на де Вильруа вовсе не противились им, а сам он их провоцировал, сговариваясь для этого с Рибье, а также зная, что потерял доверие у Королевы из-за интриг канцлера, который убедил ее, что он был в сговоре с Принцем и встречался тайно с ним без ведома Ее Величества, не опасаясь более, что он может навредить ему, вознамерился отомстить ему, оскорбив его разрывом заключенного меж ними свадебного контракта.

Но маркиз де Кёвр отсоветовал ему делать это, боясь, как бы его не обвинили в трусости; по крайней мере, он хотел доставить ему эту неприятность – предпочесть командора де Сийери – он знал, что он его ненавидел, – г-ну де Пюизьё, к которому тот испытывал симпатию.

Это в такой мере обидело его, что он делал все, чтобы отсрочить свершение этого союза, вплоть до вовлечения в дело дона Иниго де Карденаса, посла Испании, который дал понять Королеве, что его повелитель-король сам хотел этой отсрочки.



Герб кардинала Ришельё

Чтобы избежать войны, которой он боялся, считая ее гибельной для своей карьеры, маршал д'Анкр присоединился к г-ну де Вильруа и из друга канцлера превратился в друга последнего, своим авторитетом усиливая влияние его на Королеву; что он и делал до этого, неизменно выступая за мир, будучи постоянным противником того, кто рекомендовал войну, мало заботясь о том, какое из двух мнений – война или мир – было наиболее выгодным для государства, но стараясь лишь о себе и своем положении при дворе.

Теперь же новые обстоятельства заставляли его взять сторону мира и отсрочки поездки Ее Величества, тем более что он надеялся на то, что г-да Принц и де Буйон убедят г-на де Лонгвиля передать ему губернаторство в Пикардии, которого он желал, в обмен на губернаторство над Нормандией.

Но ни доводы г-на де Вильруа и президента Жанена, ни покровительство маршала не смогли изменить отношение Королевы к их советам, так дорог был для нее этот брак: ей казалось, что от этого зависит ее честь и авторитет Короля; к тому же г-н канцлер нашел средство преодолеть сопротивление маршала д'Анкра; г-да д'Эпернон и он пообещали, что Королева поручит ему командование армией, которую она оставит по эту сторону провинций, чтобы противостоять армии принцев.

Тогда она принялась открыто жаловаться на г-на де Вильруа, на то, что он вел переговоры с послом Испании, чтобы затормозить дело, и все это в своих собственных интересах, с намерением выиграть время и прежде обеспечить доверие Короля себе и утвердить позиции г-на де Суврe и маркиза де Куртанво, с тем чтобы после заключения браков благодарности Короля целиком достались им.

Эти жалобы Королевы и давление со стороны короля Испании в пользу заключения этих браков, которое усиливалось день ото дня по мере того, как усиливались его подозрения, что ему хотят помешать, привели к тому, что г-н де Вильруа, дабы избежать недовольства Испании, написал туда, что не он задерживает исполнение этого плана, а Королева, которая полностью находится под влиянием маршала и его супруги.

Но поскольку все тайное становится явным, эта уловка была раскрыта графом Орсо, первым министром Флоренции, которому из Испании прислали копию письма г-на де Вильруа, который, узнав об этом, попросил прощения у Королевы, умоляя ее принять во внимание оказанные им прежде услуги и соблаговолить простить ему этот промах; при этом добавил, что если бы он и впрямь захотел избавиться от зависти, то сделал бы это в ущерб не ей, а маршалу и его супруге.

Прежде чем отправиться в путь, Их Величества посчитали необходимым использовать все средства, имеющиеся в их распоряжении, чтобы убедить недовольных принцев сопровождать их в этой поездке, напоминая им об их долге, объясняя им, какую ошибку они совершат, отказавшись сделать это.

Она послала в Крей к Принцу г-на де Вильруа, сочтя, что тот должен быть ему приятен. Ничего не добившись от Принца, Королева снова послала его к нему, на этот раз в Клермон, и, наконец, в третий раз вместе с президентом Жаненом – в Куси,

где он собрал принцев своей партии, чтобы выработать, как они говорили, общее мнение по поводу ремонстраций парламента.

В ходе этой третьей поездки, когда казалось, что дело вновь не выгорит, Королева утомилась от столь долгого ожидания, будучи предупрежденной о том, что принцы вовсю вооружались, чтобы силой добиться того, чего не могли получить требованиями.

Канцлер, чтобы окончательно погубить г-на де Вильруа, доказав бесполезность его переговоров, способствовал этому как мог, убеждая Королеву в том, что президент Жанен и Вильруа нарочно затягивали переговоры, чтобы задержать ее отъезд, и что они пытались незаметно склонить ее пообещать вещи, от которых ей было бы трудно отказаться, что послужило бы принцам предлогом еще более активно интриговать; не говоря уж о том, что он был уверен: г-н де Вильруа объединился с принцами и служит им советником, вместо того чтобы отвратить их от их плана.

В результате 26 июля Королева послала г-на де Поншартрена с письмами от Короля к Принцу, в которых он сообщал ему, что твердо намерен тронуться в путь 1 августа, и просил его сопровождать его или сказать в присутствии вышеупомянутого Поншартрена, не хотел ли он, против его ожиданий, отказать ему в этом удовольствии.

Принц ответил Его Величеству, что его отъезд слишком поспешен; что сперва надобно отдать приказания по управлению государством, принять меры против беспорядков, о которых говорено было Генеральными Штатами и его парламентом и главными виновниками которых были маршал д'Анкр, командор де Сийери, Буйон и Доле; что он умолял Его Величество извинить его за то, что он не может сопровождать его.

Жалуясь на беспорядки, он одновременно пытался спекулировать на выступлениях против Короля в городе Амьене.

Прувиль, городовой этого города, не был человеком маршала д'Анкра, как и многие другие в этом городе, за что был нелюбим и маршалом, и его людьми.

В день святой Магдалины, прогуливаясь вдоль рва, он повстречался с итальянским солдатом из крепости, тот убил его двумя или тремя ударами кинжала и скрылся за крепостными стенами – командир ее не только укрыл его, но и отказался выдать его правосудию, больше того, он лично сопроводил его верхом во Фландрию в безопасное место.

Событие это очень взволновало все население; принцы, надеясь, что оно могло бы помочь им завладеть крепостью, под предлогом изгнать оттуда маршала д'Анкра, посылают солдат в

обход города, собирают местных дворян, г-н де Лонгвиль отправляется непосредственно в город, чтобы руководить ими на месте.

Но из-за королевского распоряжения, запрещавшего пропускать г-на де Лонгвиля с войсками в город и ставшего известным некоторым из знатных особ, ни один из горожан не присоединился к нему, Лонгвиль был вынужден удалиться и отправился в Корби, испугавшись, как бы люди в крепости не арестовали его.

В ходе этих раздоров пламя войны, которое с ранее невиданной силой вспыхнуло в начале этого года в Италии, несколько поубавилось благодаря посредничеству Его Величества. Испанцы, дабы заставить герцога Савойского разоружиться, вошли с большой армией в Пьемонт; герцог Савойский защищался, имея такую же по численности армию, которая постоянно пополнялась прибывавшими отовсюду французами, несмотря на запреты Короля.

Усилия маркиза де Рамбуйе не оказали заметного влияния на герцога, который утверждал, что не осмеливается разоружаться первым, опасаясь, как бы испанские министры, в слово которых он не верил, не использовали это время, чтобы захватить его провинции; но он признался, что это было лишь предлогом, чтобы продолжить войну, тем более чтобы обнаружить его тайное намерение – ему были предложены очень выгодные для него условия, если он разоружится первым, и он согласился на это; именно об этом маркиз предупредил Их Величества, с тем чтобы они условились с испанским королем о справедливых и разумных условиях, на основе которых они заставили бы его разоружиться первым. Командор де Сийери вел переговоры об этом в Мадриде, сумев добиться согласия испанского правительства.

Получив об этом известие, герцог решил не повиноваться, в чем он был поддержан послами Англии и Венеции, которые были при нем, и многими грандами, писавшими ему из Франции о том, что, что бы ни говорил маркиз де Рамбуйе, Король не покинет его.

Маркиз постарался исправить положение, сделав так, что Их Величества написали в Англию и Венецию, чтобы узнать, не будут ли там поддерживать герцога Савойского, если он отклонит справедливые и разумные условия, на которых он мог бы разоружиться первым, при том, что Его Величество обещал ему защищать его всеми силами в случае, если бы после разоружения ему кто-нибудь угрожал.

Английский король и Венецианская республика ответили отрицательно и поручили своим послам заявить об этом герцогу

Савойскому. С другой стороны, Король просил маршала де Ледигьера приказать французским войскам, большая часть которых зависела от него, доверять маркизу, который советовал им держаться вместе и не допустить, чтобы герцог Савойский разделил их, как он намеревался, чтобы тем самым подчинить их своей воле, не платить им содержание, навязать им такое плохое обхождение, какое они могли получить только от своих врагов.

Герцог Савойский, который тут же захотел разъединить их, не смог добиться этой цели, признав тем самым, что против воли Короля он слаб, к тому же, продолжай он неразумно упорствовать, его покинули бы и другие принцы. Словом, ему пришлось принять и подписать 21 июня в лагере около Аста статьи соглашения между двумя монархами, согласованные маркизом де Рамбуйе.

Суть этого соглашения состояла в том, что герцогу Савойскому надлежит разоружиться в течение месяца, оставив себе некое количество солдат, необходимое для обеспечения безопасности своего края; не нападать более на провинции герцога Мантуанского, а если и действовать против него, то лишь в рамках закона; крепости и пленных, захваченные в ходе этой войны, должно возвратить обеими сторонами; герцогу Мантуанскому предписывалось простить своих подданных, выступавших против него; Его Величество прощает всех своих подданных, которые, несмотря на его запреты, пришли на помощь герцогу Савойскому; если же испанцы нарушат слово, данное Его Величеству, прямо или косвенно нанесут урон самому герцогу Савойскому или его провинциям, Его Величество будет помогать и защищать его, прикажет маршалу де Ледигьеру и всем губернаторам провинций-соседей герцога Савойского также прийти ему на помощь, не только не ожидая новых приказов двора, но даже вопреки им, если б они противоречили этому приказу. Такие же обещания были сделаны герцогу Савойскому послами Англии и Светлейшей от имени их властителей.

Екатерина Медичи. *Гравюра. XIX в.*

Этим договором мир в Италии был, казалось, упрочен, и не было ничего, что могло бы поколебать его; но оплошность, допущенная в этом договоре и состоящая в том, что испанский король не был призван разоружиться со своей стороны, станет причиной новых и более опасных событий, как мы убедимся ниже.

Раз уж мы заговорили об Италии, не будет лишним рассказать здесь об одной странной вещи, случившейся в Неаполе. Некая монахиня Джулия, имевшая такую репутацию

святости, что ее называли блаженной, состоявшая в более близких отношениях с одним монахом ордена, чем это позволяет церковный устав, перешла от духовной близости к любви; но она не ограничилась тем, что согрешила с ним, а уверовала в то, что это было делом законным.

А так как уважение к набожности, в которой она пребывала, приводило к ней честнейших женщин и девушек, у нее была возможность заронить в их души семена своего нового верования, остальное сделала природная склонность к греху. Словом, немалое количество дев последовало ее примеру.

Это зло разрасталось, пока не было обнаружено неким духовником, который предупредил инквизицию: блаженная и ее друг-монах были отправлены в Рим, где их и покарали.

В то же время другой итальянец по имени Ком, аббат Сен-Мае в Бретани, который пользовался расположением королевы Екатерины Медичи и маршала д'Анкра, неоднократно использовавшего его, прожив всю свою жизнь в полном распутстве, умер, так и не признав в качестве искупителя Того, на суд Которого он должен был предстать.

Маршал д'Анкр немало хлопотал, чтобы его предали земле по католическому обряду; но епископ Парижский отважно воспротивился этому и приказал бросить его на живодерню.

Это заставило Короля новым эдиктом изгнать всех евреев, которые, пользуясь покровительством жены маршала д'Анкра, в течение нескольких лет просачивались в Париж.

Но поспешность, с которой Король должен отправиться в поездку, не позволяет нам продолжать это отступление.

Принц передал через г-на де Поршартрена письмо Королю с отказом сопровождать его. Его Величество приказал всем городам его королевства, чтобы они были настороже и не разрешали въезд никому из вельмож, связанных с Принцем.

Узнав об этом, Принц отправил 9 августа манифест в виде письма, в котором он пожаловался на недобросовестных людей, которые окружают и вводят в заблуждение Короля, настраивают его против него.

Короля якобы уговорили собрать войска, чтобы травить и угнетать его, что заставило его также собрать своих друзей и образовать войско – он-де продемонстрировал свои добрые намерения, оставив оружие и собрав тотчас после того, как ему это поручили, в Сент-Менеуд Генеральные Штаты королевства, призванные покончить с беспорядками, происходящими в нем; но едва он это сделал, как его захотели отстранить. Когда же честь заставляла держать данное слово, прибегали к интригам, приказывая записать в наказы то-то и то-то, хотя это дошло не до

всех городов.

Когда Генеральные Штаты завершили свою работу и наказы были представлены, не на все их статьи был получен ответ, ни по одному из наказов ничего не было выполнено.

Было отклонено предложение третьего сословия, столь важное для обеспечения безопасности наших королей; из наказов была вычеркнута статья, осуждающая отвратительное убийство Короля. Принц получил запрет на участие в Генеральных Штатах, что помешало ему предложить там то, что он считал необходимым в интересах Короля; ремонстрации парламента были осмеяны.

На его жизнь и на жизнь остальных принцев покушались, тогда как маршал д'Анкр за различного вида услуги получает крупные суммы: после смерти покойного Короля он присвоил себе 6 000 000 ливров; должность можно получить только через него, он распоряжается всем по своей воле, а во время Генеральных Штатов хотел устранить Риберпре; совсем недавно приказал убить Прувиля, городового Амьена; гугеноты жалуются, что торопятся с монаршими свадьбами, чтобы разделаться с ними, пока Король еще не вошел в совершеннолетие, что распространяются книги, которые приписывают беды Франции предоставляемым в ней свободам, а также покровительству, которое в ней получают из Женевы и Седана; что духовенство, собранное в Париже в присутствии Короля, торжественно поклялось соблюдать решения Тридентского собора без разрешения Его Величества, что заставило его просить Его Величество соблаговолить отложить свой отъезд до тех пор, пока его подданные не получат облегчение, которого ожидают от ассамблеи Генеральных Штатов, а также засвидетельствовать его брачный контракт в парламенте, тем более что правила парламента обязывают его к этому, заявить, что ни один иностранец не получит доступа к королевским должностям даже в домашних службах будущей Королевы; наконец, что он заявляет, что, если будут продолжать отказывать ему во всех средствах, необходимых для борьбы с беспорядками, он будет вынужден прибегнуть к крайним мерам.

Принц сопроводил это письмо, или манифест, Королю другими письмами аналогичного содержания в парламент, но поскольку было сочтено, что они не идут от чистого сердца и расположенности к Королю, то их оставили без ответа.

Вскоре после того, как это письмо было послано Принцем Их Величествам, герцог Буйонский отправился в пригород Лаона и попросил маркиза де Кёвра, губернатора этого города, оказать ему честь и нанести ему визит.

Он горько жаловался маркизу на жестокость герцога д'Эпернона и канцлера, советам которых следовала Королева; что его заставили защищаться при помощи манифеста; что против его воли была подана жалоба конкретно на маршала д'Анкра, но что г-н де Лонгвиль отказался подписать эту бумагу и что маршал совершил ошибку, поддавшись на увещевания людей, которые его никогда не любили и в привязанность которых у него не было оснований верить.

Все были уверены в том, что маршал и его супруга крутят Королевой, как хотят, а потому не верили, что что-нибудь могло произойти помимо них.

И впрямь, в том, что касалось их высокого положения, Ее Величество ни в чем им не отказывала, но в том, что касалось государственных дел – в которых Королева мало что смыслила, не желая слишком напрягать ум и стараясь избегать трудностей в любых обстоятельствах, будучи весьма нерешительной, – она доверялась тому, кто давал ей лучший, на ее взгляд, совет; и то ли потому, что она не была способна распознать того, кто действительно мог стать ее лучшим советчиком, то ли потому, что, вследствие особенностей, свойственных ее полу, она легко отдавалась подозрениям и верила тому, что говорили друг о друге, но она поддавалась влиянию то одного, то другого министра, в зависимости от того, насколько удачным ей казался последний полученный ею совет: в этом причина того, что ее поведение не было ни ровным, ни последовательным – а это большой недостаток, наихудший в политике, где целостность и последовательность позволяют сохранить репутацию, вселяют надежду в тех, кто занимается государственными делами, внушают ужас врагу, помогают более уверенно и быстро идти к намеченной цели.

Когда же общая линия не соответствует отдельным ее частям, когда налицо колебания, то хоть и много сил кладут, но не продвигаются к намеченной цели.

А поскольку Королева управляла именно так, маршал д'Анкр с неудовольствием убеждался, что она не следовала его мнению относительно государственных дел, и при этом вся зависть падала на него – его ненавидели все, кто был недоволен правлением, ему приписывали причину плохого с ними обращения; впрочем, он и сам этому способствовал, из тщеславия стремясь внушить всем вокруг, что все делалось только с его подачи.

После встречи с г-ном де Буйоном маркиз де Кёвр послал гонца к маршалу д'Анкру, чтобы поставить в известность о том, что ему сказал г-н де Буйон; но тот обнаружил, что маршал впал в

немилость у Королевы, которая так досадовала на него за то, что он был за отсрочку поездки, что приказала ему удалиться в Амьен.

Он отбыл туда, пылая ненавистью к канцлеру и господину д'Эпернону еще и оттого, что канцлер дал ему понять, что именно ему будет поручено командовать армией, которую Король собирал в Париже против принцев. С тех пор, ссылаясь на то, что парижане ненавидят маршала, он отсоветовал Королеве это назначение.

За несколько дней до этого командор де Сийери посмеялся над маршалом и сделал при этом вид, что вовсе не оскорбил его тем, что просил Монгла, который собирался посетить маршала в Амьене, передать ему привет. Маршал поручил Монгла передать ему в ответ, что вернется ко двору лишь тогда, когда командор и его брат будут повешены.

Перед отъездом Их Величеств аббат де Сен-Виктор, помощник епископа Руана, явился к ним, чтобы умолять их от имени духовенства Франции принять решения Тридентского собора, о чем договорились на ассамблее Генеральных Штатов и что было скреплено клятвой духовенства, примеру которого вскоре должны были последовать Соборы провинций, а также просили Его Святейшество согласиться с доводами, которые должны были ему изложить в том, что касалось прав Франции.

Но Их Величества холодно встретили обращение к ним по этому вопросу, г-н канцлер заявил аббату, что Его Величество, будучи заинтересован в принятии решений Собора в вопросах, касавшихся внешнего благочиния в Церкви, считал, что эти вопросы не могли и не должны были решаться без самой Церкви.

Поскольку аббат напечатал свое обращение, оно было запрещено, типограф был оштрафован на 400 ливров и выслан, было приказано, чтобы аббат представил объяснения по содержанию обращения.

Так же плохо была встречена ремонстрация, которую посол Англии представил Королю по поручению своего короля, по поводу поездки Короля, которая должна была быть, по его мнению, отложена в связи с недовольством знати, с ее возможными последствиями, с неудовольствием парламента, с настроением народа, к тому же, если бы этот двойной союз с Испанией возбудил некоторую ревность у бывших союзников короны, его несвоевременное и поспешное осуществление еще более укрепило бы их в этом отношении.

Посол сказал также, что побужден привлечь внимание Их Величеств к этим вопросам взаимным обещанием покойного Короля и его государя, суть которого была в том, что тот из них,

кто последним останется живым, возьмет под свою защиту детей другого; сверх того, его государь был заинтересован в том, чтобы Король продолжал делать то, что он делал, тем более что он смог бы опереться на поддержку старых друзей, которые почувствовали бы себя в противном случае покинутыми, но его государь оставался верным своему долгу укреплять союз с Францией и впредь не откажется от него, если только внешние изменения не принудят его к этому.

Но все это нисколько не повлияло на решение Королевы, не заставило ее отложить хотя бы на день свою поездку. После праздника середины августа в Париже Их Величества отправились в путь 17 августа, приказав расположить множество пушек в Венсенском лесу, чтобы они могли в случае необходимости помешать возникновению беспорядков вокруг Парижа, но на самом деле – чтобы воспользоваться ими в случае мятежа в самом Париже по наущению принцев; всем городам было предписано сохранять бдительность и закрыть доступ в них вооруженным людям.

В день своего отъезда они послали двух офицеров полиции и пятнадцать полицейских стражей арестовать президента Ле Же у него дома, заставили его подняться в карету с опущенными портьерами и следовать за Королем до Амбуаза, где он был заключен в замок.

Трибунал сообщил об этом канцлеру; не получив у него желаемого удовлетворения, они выделили из своего числа нескольких советников и послали их непосредственно к Королю; но от Короля им дан был ответ, что лишь по его возвращении трибунал узнает причину ареста президента.

Причина, по которой Их Величества не хотели оставлять его в Париже на время их отсутствия, заключалась в том, что они рассматривали его как человека, пользующегося доверием в народе в силу его должности гражданского судьи, а также в том, что он поддерживал связь с Принцем, свидетельством чего были их частые встречи в Шароне и в Сен-Море.

С Королем отправились г-н де Гиз, канцлер и г-н д'Эпернон, который пользовался тогда таким доверием Королевы, что она полностью полагалась на него как с точки зрения поведения Короля и ее собственного в этой поездке, так и с точки зрения вооруженной силы, которую следовало противопоставить принцам.

Герцоги Неверский и Вандомский сопровождали Короля при выезде из Парижа и в тот же день вернулись обратно; первый – чтобы собрать несколько отрядов и последовать с ними к Его Величеству, однако он этого не сделал, а поступил совсем

наоборот, в чем убедимся далее.

Супруга маршала д'Анкра, и без того расположенная к меланхолии, была в полной растерянности от того, что Королева решила отправиться в эту поездку, не посчитавшись с ее мнением, и от того, что ей казалось, что Королева стала к ней хуже относиться, и из-за вечного раздражения, в котором пребывают люди ее склада; но г-н де Вильруа и президент Жанен (первый сказал, что был согласен с принцами: им надо взяться за оружие, и заверил их в том, что, будучи рядом с Королевой, он окажет им посильную помощь), а также многочисленные письма, которые она получала от своего мужа, ей убедительно доказали, что она сама нанесла себе последний удар, не согласившись сопровождать Королеву в этой поездке, и что отсутствие, пагубно сказывающееся на дружбе, особенно на дружбе среди людей влиятельных, настолько удалит ее от Королевы и даст такую длительную передышку ее врагам, чтобы укрепить свое положение при Королеве, что она полностью утратила покой и в конце концов изменила свое первоначальное решение и отправилась вслед за Королевой, сговорившись с г-ном де Вильруа на итальянский манер, то есть чтобы извлечь из этого пользу и иметь возможность своевременно действовать заодно с ним против канцлера и его братии.

Их Величества при отъезде передали командование армией, которая должна была оставаться в окрестностях Парижа, маршалу де Буа-Дофину; тот принялся сосредоточивать ее возле Даммартена. Перед поездкой Их Величества велели снести крепости в Манте и в Мелене, чтобы усилить положение Парижа.

20 августа они прибыли в Орлеан, 30 августа – в Тур, где депутаты ассамблеи Гренобля передали Королю письмо ассамблеи и иные из своих прошений: главная их просьба заключалась в следующем – удовлетворить первую статью прошений третьего сословия относительно независимости короны и неприкасаемости королевской особы, осудить противоположную доктрину в соответствии с ремонстрациями парламента; углубить расследование убийства покойного Короля, категорически отвергнуть, в ответ на наказы духовенства и дворянства, решения Тридентского собора, объявить, что клятва, приносимая при короновании, не должна причинять ущерб соблюдению эдиктов примирения, выпущенных в их интересах, обеспечить безопасность города Седана и приказать платить вознаграждения, выделенные для этого; наконец, в ответ на письмо, адресованное им Принцем и призывающее разделить его справедливые претензии, они умоляли Его Величество отложить его поездку с целью совершения брака Принца, как об этом

просила его судейская палата; однако депутаты вышеназванной ассамблеи, узнав, что, прежде чем их представители прибыли в Париж, Король уже уехал оттуда, направили к нему советника дю Бюиссона, через которого с большей настойчивостью, чем раньше, просили не пренебрегать их просьбами во время поездки.

Причем они были в этом заинтересованы не только как представители реформированной религии, но и как порядочные французы; они надеялись, что Его Величество удовлетворит их просьбы, исходя из того, что Бог, требующий от подданных верности к государю, и от государя требует любви к своим подданным.

На что Его Величество, стремясь противопоставить последние средства крайностям и открытому мятежу принца Конде и его сторонников, объявил их 17 августа в Пуатье виновными в оскорблении особы Короля; это обвинение было зарегистрировано 18 августа Парижским парламентом.

Узнав об этом, Господин Принц выступил со своим заявлением, в котором объявлял заявление Короля недействительным, поскольку оно сделано без всяких законных оснований и к тому же людьми, которые неправомочно узурпировали титул советников Короля.

То же относилось, по его словам, к постановлению суда о регистрации королевского заявления, которая также объявлялась им ложной и противоречащей заключению суда; он призывал всех, кто заявлял о готовности служить Королю под руководством иных лиц, а не Принца, раскаяться не позже одного месяца, в противном случае он обвинит их в оскорблении Его Королевского Величества.

Пока совершались все эти события, маршал де Буа-Дофин собрал армию в десять тысяч пехотинцев и две тысячи конных, дабы противостоять армии принцев и помешать их переправе через реки.

Если бы Королева захотела последовать хорошему совету, который ей давали, отсрочить по крайней мере недели на две-три свою поездку и завернуть в Лаон и в Сен-Кантен, она привлекла бы все эти провинции на сторону Короля, очистила бы их ото всех сторонников принцев, помешала их жителям присоединиться к мятежам и создать армию; но упрямство, упорное желание настоять на своем, нетерпение исполнить свою волю и ее удаление развязали им руки.

Маршал де Буа-Дофин, вместо того чтобы выбрать в качестве плацдарма Креси-сюр-Сер, чье расположение позволяло пресечь связь провинций Нормандия и Пикардия с Шампанью, и в связи с тем, что г-н де Невер еще не был объявлен сторонником принцев,

заставлял тех отступить еще дальше – к Седану, чтобы собрать войска, сосредоточил свою армию под Даммартеном, возможно, и с добрыми намерениями, опасаясь, что, в случае большего удаления от Парижа, там может вспыхнуть восстание; но принцы воспользовались его отсутствием, чтобы укрепиться в Креси, так как это место весьма способствовало их плану.

Герцог Буйонский немедля послал своего секретаря Жюстеля в Лаон, чтобы попытаться завоевать на свою сторону маркиза де Кёвра; из этого ничего не получилось, и тогда он сделал ему некоторые предложения, но, так как маршал де Буа-Дофин не имел никаких полномочий решать, он послал их в суд, прибывший 4 сентября в Пуатье; но, обратившись к г-ну де Вильруа, он не получил на это никакого иного ответа, если не считать того, что Вильруа сказал посланцу, что до сих пор управляли с помощью денег и умения, но что будет теперь, когда исчерпано и то, и другое, он не знает.

Он находился в крайней немилости, как и супруга маршала д'Анкра, – тронувшись в путь против своей воли, она желала вернуться в Париж, настолько обращение с ней Королевы было невыносимым.

Барбен, интендант дома Королевы, помог ей отказаться от этого намерения, заверив, что Королева любит ее больше, чем когда-либо, и что если охлаждение и произошло, то не в ее сердце, а в делах: ему это известно из разговоров с Королевой – стоит зайти речи об имуществе жены маршала, как Королева тут же проявляет заботу.

Королева была вынуждена остаться в Пуатье дольше, чем предполагала, и уехала оттуда лишь 27 сентября: и потому, что у принцессы там случилась оспа, и потому, что она и сама заболела – у нее образовался нарыв на руке и по всему телу пошла чесотка.

Болезнь Королевы стала причиной расстройства здоровья супруги маршала, ибо, будучи обязанной ежедневно находиться в спальне Королевы, она вернула утраченную было дружбу. Ее болезни способствовал ее врач-еврей, которому и Королева также доверяла: он убедил маршальшу в том, что ее околдовал командор де Сийери.

Она пользовалась указаниями г-на де Вильруа и президента Жанена, которые благосклонно приняли ее появление, и старалась укрепить доверие к ним со стороны Королевы, чему отнюдь не способствовала плохая новость, сообщенная теми, кому было поручено противостоять принцам: они сумели 29 сентября с ничтожной армией, не составлявшей и трети от числа королевской, захватить под носом противника Шато-Тьери, а затем, используя эту крепость, обеспечили себе переправу через

Марну, оттуда по Сене дошли до Брэ, после чего им осталось лишь форсировать Луару под Пуату и присоединиться к поджидавшим их сторонникам протестантской религии.

Выехав из Пуатье, Королева прибыла 1 октября в Ангулем. Графиня де Сен-Поль навестила ее, чтобы заверить в верности ее мужа, а также крепостей Фронзак и Комон; но герцог Кандальский поспешил уехать оттуда, чтобы присоединиться к г-ну де Роану, встать на сторону оппозиции и исповедовать протестантизм; что он и сделал немного спустя, вознамерившись передать Ангулем в руки гугенотов и захватить Королеву и Совет.

Эти злокозненные планы не помешали Их Величествам прибыть 7 октября в Бордо, где 28 октября состоялось обручение принцессы и испанского принца, обручение же Короля и инфанты должно было произойти в тот же день в Бургосе.

Было замечено, что в тот день в церкви читали из Евангелия историю некоего царя[134], который женил своего сына: приглашенные отказались явиться на свадьбу, больше того, они надругались над теми, кто пришел пригласить их на церемонию, и убили их, что, к несчастью, заставило этого великого царя погубить их всех.

Казалось, что это произошло не столько случайно, сколько по тайному повелению Божественного Провидения, посчитавшего необходимым покарать неверных подданных, которые воспротивились женитьбе Его Величества.

Питер Пауль Рубенс. Портрет королевы Франции Анны Австрийской. *1620-е гг.*

Зная о том, что герцог Роанский, г-н де Ла Форс и другие гугеноты взялись за оружие, Король послал к ним Ла Бросса, командира своей охраны, чтобы полюбопытствовать, с какой целью и по чьему распоряжению они это сделали.

Те ответили, что ассамблея Гренобля призвала их быть в состоянии готовности к обороне, если не будут удовлетворены просьбы их депутатов, хотя им хорошо было известно, что они уже были отклонены: Его Величество не согласился с ремонстрациями Принца и парламента.

Этот дерзкий ответ вынудил Короля послать все свои войска сопровождать принцессу в Испанию и обеспечить безопасное прибытие к нему его будущей супруги.

Принцесса пустилась в путь 21 октября. Герцог Роанский не осмелился помешать ее проезду; она благополучно добралась до Байонны в последний день октября. А оттуда 6 ноября направилась в Сен-Жан-де-Люз, в то же время испанский король прибыл в Фонтараби: 9 ноября состоялся обмен двумя принцессами при полном соблюдении равенства между двумя нациями.

Молодая Королева[135] прибыла в Байонну 11 ноября, куда в тот же день явился посланец Короля г-н де Люинь с письмом от Его Величества, в котором тот предоставлял ей равные с ним самим права в своем королевстве, а также сообщал, что с нетерпением ждет ее в Бордо, куда она и прибыла 21 ноября; на следующий день состоялось венчание, к несказанному удовольствию Короля и всего народа.

За четыре дня до этого кардинал де Сурди совершил поступок, свидетельствующий либо о малом уважении, которым пользовалась тогда королевская власть, либо об необдуманной храбрости того, кто затеял ее.

Некий гугенот по имени Окастель, совершивший несколько преступлений со смертельным исходом, сам явился в тюрьму, заручившись словом вышеназванного кардинала, который считал, что добьется у Королевы обещания помиловать его, но был тут же приговорен парламентом к казни прямо в тюрьме еще до отправления просьбы о помиловании; кардинал, получив известие об этом, отправился туда под предлогом убедить его перейти в католичество, а оказавшись в тюрьме, освободил того с помощью нескольких вооруженных людей, которых привел с собой; тюремщик, бывший в сговоре с кардиналом, должен был показно сопротивляться, но был убит своими, которых никто не предупредил об этом заранее.

Этот поступок кардинала и архиепископа, совершенный в полдневный час прямо напротив трибунала и самого Короля, в ходе которого был вызволен убийца и еретик, а ни в чем не повинный католик погиб, был настолько вызывающим, что Король по жалобе парламента счел нужным, чтобы суд издал постановление, сообщавшее об этом, и другое – о задержании преступников. Однако дело не сдвинулось с мертвой точки: набожный Король не мог пойти против Церкви.

Однако ассамблея представителей протестантской религии в Гренобле, узнав о том, что Король обвинил, проездом в Пуатье, Принца и его сторонников в оскорблении Его Королевского

Величества, и, видя, что обстановка накаляется, а армия Принца уже форсировала часть рек и подбиралась к Пуату, решила перенести свою ассамблею в Ним, где им было бы спокойней.

Маршал де Ледигьер, мнение которого по этому делу запросили, отсоветовал им делать это, объяснив, что они не могли своей властью перевести ассамблею, не нарушив статей Нантского эдикта, кроме того, они не имели права делать это, не доведя сначала свое решение до сведения провинций; к тому же не время было думать об отсрочке свадьбы, поскольку дело зашло далеко и Король в данном случае выиграл. Раз уж нельзя было помешать этому, он обещал сговориться с Принцем.

Маршала заподозрили в неискренности, в том, что он отстаивает интересы Короля, а не их партии.

Они все же отправились в Ним, где их ожидали новости о том, что стало с армией Принца, которая, провалив 20 октября операцию в Сансе, форсировала 29 ноября Луару в Бони.

Маршал де Буа-Дофин получил выговор за то, что не разгромил оппозиционеров, но он оправдывался тем, что получил приказ не вступать в сражение.

Вскоре после того, как новости об этом достигли Нима, ассамблея направила письменные послания всем протестантским приходам о том, что признавала вооруженное восстание герцога Роанского и других гугенотов, призывала все провинции поддержать их. Ассамблея сочла уместным ответить на уговоры Принца примкнуть к нему и пообещать друг другу не вступать ни в какие сепаратные переговоры.

Узнав об этом, Королева выступила 20 ноября с заявлением, в котором она пригрозила объявить всех гугенотов, выступивших против нее с оружием в руках, виновными в оскорблении королевского достоинства, если только в течение месяца они не раскаются в содеянном.

Господин Принц, форсировав Луару, в короткий срок дошел со своей армией через Берри и Турэнь до Пуату, грабя и громя все места, по которым он проходил.

Депутаты ассамблеи явились встретить его 27 ноября в Партенэ, где они пришли к совместному соглашению относительно нескольких положений, касающихся безопасности и неприкосновенности особы и жизни Короля, как если бы они сами не подвергали сомнению своим восстанием и то, и другое.

Они высказались против решений Тридентского собора, предостерегали против последствий совершенных бракосочетаний, обязывались защищать Нантский договор, создать Совет на основе ремонстраций парламента, не покидать друг друга и не соглашаться ни на один договор без взаимного

согласия.

Со своей стороны, Король, чтобы противостоять им, в тот же день провозгласил герцога де Гиза командующим обеих своих армий, которые он хотел слить в одну.

Все эти успехи армии Принца, которая, несмотря на более сильную армию Короля, дошла до Пуату и вдохновила всех гугенотов королевства на восстания и поддержку Принца, стали последним доводом в пользу восстановления положения г-на де Вильруа и дискредитации канцлера, тем более что канцлер скрыл от Королевы весть о переходе Луары армией Принца; о чем, естественно, не преминули донести Королеве, представив ей зло в больших размерах, чем на самом деле, и подначивая ее удалить канцлера от двора, чтобы она не потеряла государство, поскольку у канцлера была привычка скрывать от нее множество важных вещей.

Сознавая шаткость своего положения, канцлер постарался договориться с ними. Они пошли на это, будучи ловкими придворными и не боясь быть обманутыми тем, кому они вовсе не собирались доверять.

Супруга маршала д'Анкра не желала примириться с ним, заявляя, что он так часто обманывал ее, что она просто не знала, в чем еще можно было ему довериться. Граф Орсо, представитель Великого герцога при испанском короле, прибывший, чтобы сопровождать правящую Королеву в Бордо, открыл Королеве-матери многие вещи, которые произошли в чрезвычайной миссии командора де Сийери в Испании, и вызвал сильное недовольство им со стороны Королевы.

Супруга маршала воспользовалась этим случаем, чтобы еще больше дискредитировать и его, и его брата; со своей стороны, господин де Вильруа и президент Жанен также приложили к этому свою руку, несмотря на договоренность между ними и канцлером. Лишив канцлера власти, г-ну де Вильруа не составляло большого труда подтолкнуть Королеву к союзу с Принцем.

Случай представился благодаря герцогу Неверскому. Хотя он и помог Принцу переправиться через Луару, но открыто не поддержал его. Он явился в Бордо в начале декабря и предложил Его Величеству свое посредничество для установления мира; то же самое сделал от имени своего Короля английский посол, который сообщил, что английский король отказал Принцу в помощи людьми и деньгами, которые тот просил у него через маркиза де Бонниве. Получив согласие Его Величества, они оба отправились на встречу с Принцем в Сен-Жан-д'Анжели.

В то же время Совтер ощутил немилость канцлера или,

скорее, последствия зависти господина де Люиня, который, испытывая ревность к расположению, которое ему выказывал Король, не захотел терпеть его более при Короле. В это время Люинь был в дружбе с супругой маршала.

Благодаря ей и ее супругу, как мы об этом уже говорили, он получил губернаторство в Амбуазе и затем, в ходе последней поездки, должность капитана гвардейцев для своего третьего брата Бранта и иные поощрения, которые супруга маршала заботливо выпрашивала для них.

Люинь, как верный слуга, явился предупредить ее, что Совтер был тесно связан с канцлером и во время тайных свиданий информировал его о том, что происходило у Королевы. Он же сказал ей, что Совтер плохо отзывался о Королеве в разговоре с Королем, чем очень расстроил ее.

Он подстроил все так, что сам Король рассказал Королеве, что она лучше относится к его брату, что в этом легко убедиться, посмотрев на выражение ее лица, когда оба они входят в ее покои, что невероятно трудно бывает добиться у нее то, что нужно для Его Величества.

Королева послала за Совтером и обрушила на него свой гнев. Он оправдывался до того момента, покуда Королева не сказала ему, что сам Король предупредил ее; тогда он сознался во всем и стал умолять ее предоставить ему какую-нибудь компенсацию взамен должности старшего камердинера Короля, что она и сделала.

27 декабря Их Величества покинули наконец Бордо, а 29-го прибыли в Ла-Рошфуко, где и провели первый день нового года.

В этом году кардинал де Жуайёз скончался в Авиньоне у монсеньора де Бани, вице-легата Авиньона: задолго до этого его предупреждали, чтобы он остерегался принимать ванны, он так и не связал это предостережение с именем хозяина, у которого ему суждено было умереть.

В юности он был свидетелем того, в какой большой милости у Короля был его брат, Король сделал его своим зятем; кардинал был молод и богат; принял участие в выборе двух Пап; был старейшиной кардиналов, защитником интересов Франции; имел честь провозглашать, в качестве легата и от имени Папы, Короля вступившим на престол, а его наследником – единственного брата Короля; был главным посредником при разрешении противоречий между Его Святейшеством и Венецианской республикой; короновал Королеву в Сен-Дени и Короля – в Реймсе, видел, как его племянница, наследница всего его состояния, вышла замуж за принца крови, единственная дочь от этого брака была обещана г-ну д’Орлеану, а после его смерти – г-

ну д’Анжу, оставшемуся, после смерти того, единственным братом Короля, который потом женился на ней в 1626 году.

Но прославился он не столько всеми этими отличиями, сколько тщеславием и непостоянством в отношении к нему Фортуны, характерными для всей его семьи, – из пяти братьев, среди которых лишь он один служил Церкви, трое погибли в сражениях и на дуэлях; четвертый умер капуцином, все четверо не оставили после себя потомства, тот же, кто жил в месте, где начиналось его возвышение, угас в доме Гизов.

1616

Этот високосный год, отмеченный чрезвычайными атмосферными явлениями, запомнился еще более благодаря тем удивительным событиям, которые происходили в королевстве; в этот год людские души оказались столь подвержены действию мятежного духа, что, несмотря на мир, который принес им успокоение, и обретя все желаемое, остались преисполненными злобой и готовыми на крайне гибельные предприятия, ввергнувшие их, к величайшему сожалению, в страх и смятение.

Кое-кто советовал Королю продолжать преследование принцев, убеждая, что тех можно с легкостью разгромить, поскольку их войска ни по численности, ни по вооружению не могли сравниться с войсками Его Величества, кроме того, он уже несколько раз имел возможность убедиться, что принцы столь озлоблены, что ненависть их только увеличивается, если к ним относиться мягко, а королевское благорасположение делает их еще более дерзкими.

Однако верх одержали те, кто давали советы иного рода, более приятные: не преследовать принцев, сосредоточиться на других важных делах, а не на войне с собственными подданными, да и то правда, одно дело – победить справедливостью, действуя в рамках правосудия и закона, и другое – с помощью оружия, проливая кровь.

Со своей стороны, принцы также были настроены по-разному. Господин Принц, герцоги Майеннский и Буйонский желали мира; первый надеялся укрепить свои позиции в Советах, чтобы впоследствии возглавить их и влиять на их решения.

Герцог Майеннский опасался, что партия гугенотов, обладавшая определенным влиянием в областях, губернатором коих он являлся, станет еще сильнее и получит выгоды вследствие возникших разногласий.

Что до третьего, то годы его уже были не те: он хотел приберечь Седан для сына и боялся разных случайностей, уповая на то, что в условиях мира Король пригласит его участвовать в государственных делах. В этом было слабое место его положения, ведь, обладая величием и опытностью, он не мог запретить себе грезить о желанном, хотя со дня установления регентства у него было уже достаточно оснований распроститься со своими иллюзиями.

Герцог де Лонгвиль придерживался противоположного мнения, опасаясь, что, если воцарится мир, маршал д’Анкр

подорвет доверие к нему в его землях.

Однако герцоги де Сюлли, Роанский и Вандомский, как и вся партия гугенотов, не желали даже слышать о мире, разве только их противники согласились бы на условия столь унизительные, что никто из членов Совета попросту не отважился бы предложить их Его Величеству.

Не было таких ухищрений, к которым они не прибегли бы, и доводов, которых не привели бы Господину Принцу, чтобы склонить его на свою сторону. Они убеждали его, что он делит власть с Королем, лишь пока держит в руках оружие, и что он легко может сохранить свое могущество, оставаясь в своем наместничестве и будучи окруженным гугенотами.

Они напоминали ему, что он не сможет чувствовать себя в безопасности при дворе, что такому человеку, как он, либо никогда не должно браться за оружие, либо никогда не должно обращать его против своего государя и что, после того как он все-таки дважды взялся за оружие, верить обещаниям Их Величеств было бы легкомыслием; что в делах подобной важности можно проиграть лишь раз, и что если ради каких-либо финансовых выгод он расстанется со своими союзниками, то будет ими порицаем и поставит под угрозу как свою жизнь, так и их жизни.

Их доводы были достаточно сильны, но собственное честолюбие управляло им куда сильнее; кроме того, слуги Господина Принца, полагавшие, что сделать блестящую карьеру можно только при дворе, поддерживали его.

Ободрял его и маршал Буйонский, понимавший, что не сможет одновременно находиться с Принцем в Гиени и в Седане, и потому приводивший ему всевозможные резоны, которые подсказывал ему его изворотливый ум. Таким образом, Господин Принц, подпав под ложное очарование двора, распаляемый собственным честолюбием, советами слуг и друзей, которые внушали ему все что угодно, преследуя собственные интересы, согласился заключить мир, чем доставил удовольствие Его Величеству.

В первый же день этого года герцог Неверский и английский посол Эдмонд вновь отправились с дозволения Его Величества к Принцу, дабы напомнить ему о его долге. Обратно они вернулись вместе с бароном де Тианжем, который привез Королю письмо от Принца, в коем, прикрываясь как щитом наказами, сделанными на заседаниях Генеральных Штатов и парламента, он свидетельствовал, что желает лишь одного: чтобы Его Величество обратил на них внимание в интересах его собственной священной особы и государства.

Он умолял Его Величество даровать мир своим подданным,

выслать своих депутатов для переговоров с ним и с членами Нимской ассамблеи, которую он просил перевести поближе к Парижу, и соблаговолить сообщить ему имена своих депутатов; он приглашал английского посла присутствовать на ассамблее в качестве свидетеля.

Его Величество согласился с тем, чтобы Нимская ассамблея была переведена в Ла-Рошель, и на следующее утро, 2 января, отправил г-на де Невера уточнить все условия проведения переговоров.

В тот же день Его Величество покинул Ла-Рошфуко и 7 января прибыл в Пуатье, в тот самый момент, когда попытка пленить всех принцев в Сен-Мексане, где они должны были собраться, провалилась: если бы их не предупредили – а считают, что они были предупреждены самим герцогом де Гизом, – они все оказались бы в руках Короля.

8 января Его Величество снова отправил к Господину Принцу барона де Тианжа, действовавшего сугубо от его имени, а также маршала де Бриссака и г-на де Вильруа, которые договорились с ним выбрать в качестве места проведения переговоров город Лудан, а также назначить их на 10 февраля при условии, что до 1 марта с обеих сторон будет объявлено о перемирии. Ордонанс Его Величества, устанавливавший сие перемирие, был опубликован 23 января.

Их Величества прибыли в Тур 25 января, и там случилось странное и зловещее происшествие: 29 января пол комнаты в особняке Ла-Бурдезьер, в котором поселилась Королева, провалился, а вместе с ним провалились и большинство вельмож и офицеров; одна лишь Королева и придворные, находившиеся возле нее, не пострадали.

А в Париже ночью того же дня на Сене растрескался лед, начался ледоход и несколько груженых кораблей затонули, при этом была снесена часть моста Сен-Мишель, а другая часть обвалилась некоторое время спустя.

Герцог Вандомский, которому было доверено командование и выделены средства для создания войска, до этого присоединился к армии Короля, но не выступал против него, что привело, несмотря на перемирие, к столь большому количеству столкновений, что герцогу приказали разоружить войско; однако, вместо того чтобы подчиниться приказу, он отступил к Бретани, где Реннский парламент 26 января обратился к жителям городов и деревень с вердиктом атаковать его войска под звуки набата, Король же отправил к нему герольда с приказом сложить оружие под угрозой обвинения в оскорблении чести монарха.

Тогда герцог Вандомский сбросил маску и 18 февраля

объявил, что принадлежит к партии Господина Принца, с которым он виделся в Лудане; это заставило Его Величество воздержаться от его дальнейшего преследования.

Предложения принцев, как обычно, излагались чрезвычайно пышно и под девизом служения Королю и благу государства. Они требовали продолжить поиск виновных в смерти покойного Короля и настаивали на создании парламентской комиссии; на том, чтобы приоритет галликанской Церкви был подтвержден; чтобы постановления Тридентского собора были отвергнуты; чтобы влияние и достоинство независимых судов не оказались подорванными; чтобы полностью соблюдались эдикты о перемирии; чтобы через определенное время были удовлетворены наказы парламента и Генеральных Штатов; чтобы сохранялись старые союзы; чтобы дары и пенсионы не были излишни, особенно в отношении тех, кто их не заслужил.

На все это Король без труда согласился. Далее они потребовали принятия первой статьи наказов третьего сословия. На это Его Величество не мог согласиться и пообещал, что рассмотрит их требование с учетом мнения своих главных советников, когда будут рассматриваться наказы Генеральных Штатов.

Они настояли, чтобы постановление Совета относительно наказов парламента было отозвано. Его Величество был вынужден пойти на то, чтобы это постановление не было пущено в ход.

Самый большой ущерб королевской власти нанесло согласие Его Величества на то, чтобы все эдикты, патентные грамоты, постановления, решения, приговоры, вердикты и декреты, направленные против принцев и их сторонников, были отменены и удалены из реестров; то же самое – в отношении декларации, принятой в Пуатье в сентябре минувшего года, дабы она не послужила в будущем примером того, как нужно относиться к достоинству принцев крови.

Своим поступком Его Величество как бы признал, что данная декларация противоречит справедливости. Он пообещал также загладить оскорбления, якобы нанесенные Господину Принцу епископом и жителями Пуатье, а также вернуть в город всех тех, кто был изгнан оттуда за приверженность Принцу.

Пообещал король объявить недействительными и принятые против них меры, а кроме того, лично распоряжаться назначениями на должности в гвардейском полку, хотя этого делать и не стоило, поскольку Господин Принц, кажется, выдвинул это требование из ненависти к герцогу д'Эпернону. Это послужило поводом приверженцам мятежа заявить, что королевских слуг вознаграждают злом, а те, кто служит принцам,

получают настоящие награды.

Королева с большим трудом согласилась на настойчивую просьбу Господина Принца возглавить Совет Его Величества и подписывать все постановления, которые в дальнейшем оный Совет принимал бы. Однако она не видела причин отказать ему в его просьбе, тем более что была еще одна просьба принцев к Королю: она касалась Амьенской крепости. Тут принцы были неумолимы, что вынудило Их Величества продлить перемирие до пятого мая.

Зная, что этот вопрос напрямую связан с маршалом д'Анкром, Их Величества предпочли скорее лишить его этой крепости, чем позволить снести ее, поскольку она являлась важным укрепленным пунктом. Оставалось лишь решить вопрос об управлении названной крепостью.

Г-н де Вильруа, прознав о том, что Королева недовольна им из-за двух последних положений, словно он не сделал всего, что было в его силах, дабы помешать принцам настаивать на них, или же ослабил их преследование, отправился к Королеве в Тур и, пытаясь оправдаться, заявил, что для блага королевской власти даже выгодно предоставить Господину Принцу все желаемое, чтобы тот снова мог появиться при дворе, и что предосудительно держать его на отдалении, в его наместничестве, где заговорщики могут воздействовать на него, постоянно подстрекая на все новые мятежи; что предоставленное ему право подписывать постановления никоим образом не уменьшит власть Королевы, поскольку если он будет исправно служить Его Величеству, то документы приобретут больший вес, а если он будет вредить, то это поправимо, ведь он будет целиком в руках Их Величеств.

Что же касается маршала д'Анкра, то ему пристало, во имя своего долга и служения Королеве, а также во имя самого себя, не навлекать на себя, а это значит – и на Королеву, зависть всего королевства, что помешало бы усмирению волнений и не позволило бы восторжествовать общественному благу.

В крайнем случае, если бы Королева пожелала сохранить за маршалом это место, она могла бы отдать его ему позже, когда принцы оказались бы разобщенными, а их армии распущенными, и сделать это было бы еще легче с помощью обмена Пикардии на Нормандию – герцог Лонгвильский также получит свое и не станет больше цепляться за Амьенскую крепость.

Королева согласилась или сделала вид, что согласилась. Тем временем Король отправился в Блуа, куда несколько дней спустя прибыла и Королева; в то же время Господин Принц слег в приступе хронической лихорадки, и по этой причине мир был подписан только в начале мая.

4 мая Его Величество велел опубликовать два ордонанса: один – касающийся отставки военных, бывших сторонниками Господина Принца, а другой – о прекращении смут, в ожидании, пока отправленный им в парламент эдикт будет опубликован, что и случилось 8 июня.

Так появился Луданский эдикт; однако принятие секретных статей, которые и являлись главными, а также тех статей, на которых особенно настаивали принцы, привело к тому, что каждый из них лично получил значительные подарки и компенсации от Короля вместо наказания, которого они заслуживали. Продав очень дорого Королю свою верность, они вскоре вновь нарушили данное ему слово.

Господин Принц получил город и замок Шинон, и за то, что вернул наместничество в Гиени – что он предложил сделать лишь для видимости, желая показать, будто хочет пресечь любую попытку посеять смуту, но от чего на самом деле отказался, следуя советам своего фаворита, чьи земли находились вдали от Гиени и который предпочитал свои интересы интересам хозяина, – ему предложили наместничество в провинции Берри, башню и город Бурж, а также несколько других населенных пунктов в этой провинции, большую часть домена и полтора миллиона ливров наличными на покрытие расходов, которые он якобы понес во время войны.

Не остались внакладе и все остальные принцы и вельможи, последовавшие за ним, так что в итоге Король купил мир за шесть с лишним миллионов ливров.

Государь даровал мир своему народу и двору, а также всем, кто был настроен против канцлера; тому было велено вернуть печати, после чего они были вручены г-ну дю Веру, главному судье Прованса, чья репутация заставила всех с уважением отнестись к выбору Его Величества.

В течение долгого времени г-н де Вильруа убеждал Королеву и супругу маршала в том, что, если Его Величество не удалит канцлера от двора, все будет потеряно, не упуская ни одной возможности снова при любом удобном случае заговорить с ними об этом, каждый раз нанося канцлеру удар в спину.

Говорил он Королеве и о том, что парламент и народ с большим удовлетворением отнеслись бы к удалению канцлера от дел, поскольку этот человек, обладая многими прекрасными качествами, имел несчастье прослыть в глазах народа дурным деятелем. Королеве было тяжело расстаться с министром в летах, к которому она испытывала некоторую симпатию и в отношении которого уверяла окружающих, что он – добрая душа и лишен задних мыслей.

Г-н де Вильруа выдвинул кандидатуру дю Вера как человека, обладающего определенными добродетелями, что могло рассеять сожаления, испытываемые некоторыми после отставки канцлера.

Однако канцлер заметил, что г-н де Вильруа и президент Жанен стали обретать в глазах Королевы все больший вес, и не было таких хитростей, к которым бы он не прибег, и не было таких знаков почтения, которых бы он не оказал, стремясь помириться с ними.

Все это привело к тому, что г-н де Вильруа, хорошо знакомый с г-ном дю Вером и знавший, что это человек слишком прямолинейный и не отличающийся учтивостью, как того требует двор и высокий ранг, а кроме того, и тщеславный, что может привести к желанию узурпировать всю власть в государстве, попытался отыграть ситуацию назад и сделать так, чтобы, продолжая пользоваться услугами канцлера, Королева удовлетворилась отставкой командора де Сийери и г-на де Бюльона.

Королева изгнала обоих из Тура и по-прежнему хотела поступить подобным образом и с канцлером; в этом намерении ее поддерживала супруга маршала, недовольная тем, что г-н де Вильруа и президент Жанен так легко меняли мнения.

Г-н де Вильруа попытался добиться своего иным способом: он написал президенту дю Веру, с которым его связывала давняя дружба, что не советует ему в это бурное время, когда в делах так мало надежности, соглашаться принять печати, если ему их предложат; что он не был бы истинным другом, если бы не дал ему подобный совет; что должность эта сомнительна и основная трудность состоит в том, что занявшему ее будет трудно потрафить всем, но, напротив, можно легко нажить себе множество врагов, и едва ли стоит ожидать защиты от тех, кто владеет ключевыми постами в государстве.

Испугавшись, президент дю Вер отказался принять сделанное ему предложение. Супруга маршала, удивленная его отказом и подозревавшая, что что-то здесь не так, послала за его племянником Рибье, который признался, что поступок дяди объясняется полученными от г-на де Вильруа письмами, в коих тот не советовал ему соглашаться, и сказал, что мог бы, если бы она сочла сие возможным, отправиться к дяде лично, что тут же и сделал.

Отъезд г-на дю Вера стал важным общественным событием, ибо большое число людей разного рода и звания пожелали явиться к нему, дабы проститься. Об этом тотчас донесли канцлеру. Чтобы не выглядеть постыдно перед всем двором, он решил уехать из Тура, где все еще находился, и отправиться в

Блуа искать аудиенции у Королевы, с тем чтобы просить у нее разрешения удалиться от дел.

Президент дю Вер также не хотел по приезде видеть того по-прежнему при дворе, то ли руководствуясь уважением к их дружбе, длившейся долгое время, то ли опасаясь какой-либо накладки, и потому через своего племянника Рибье просил супругу маршала избавить его от их встречи.

Уже находясь в пути, канцлер поделился своими планами с президентом Жаненом и, поскольку надежда всегда умирает последней, особенно при дворе, попросил того (ввиду отсутствия г-на де Вильруа, находящегося на переговорах в Лудане) побывать прежде него у Королевы и узнать у нее, истинным ли был слух о скором прибытии г-на дю Вера, и, раз уж представляется такая возможность, предложить ей свои последние услуги, учитывая, что она совсем скоро могла разделить его судьбу.

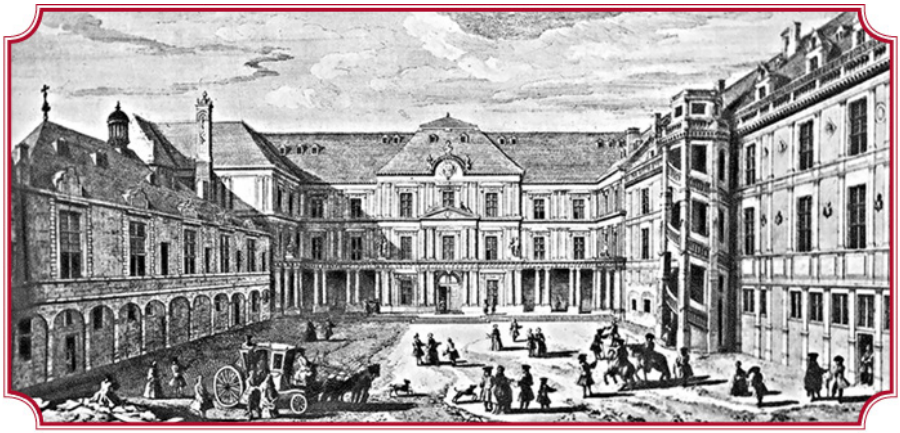
Президент Жанен был принят Королевой, и она рассказала ему о том, как обстоят дела. Он убеждал ее отложить принятие решений, а видя, что Королева чрезвычайно взволнована его словами, напомнил ей о совете, некогда данном ей им и г-ном де Вильруа.

Теперь они не считали более необходимым его исполнение. Вместо ответа Королева ограничилась вопросом, неужто он всегда так управлял делами Короля, преследуя собственные цели, и назавтра приказала канцлеру вернуть королевские печати, что он и сделал, после чего удалился от двора.

Удаление президента Жанена и г-на де Вильруа также было делом решенным, но об этом пока помалкивали; Барбен, которому Королева намеревалась отдать должность де Сийери, посчитал своим долгом отложить вступление в эту должность до того момента, когда Их Величества вернутся в Париж, то есть до установления прочного мира.

Их Величества прибыли в столицу 16 мая и передали печати г-ну дю Веру; президент Ле Же был выпущен на свободу и вернулся к исполнению своих обязанностей в парламенте. Однако более дорогая и менее ожидаемая свобода была возвращена графу Овернскому[136], которого Их Величества, не зная более, кому из принцев можно доверять, освободили, тем самым даруя новую жизнь тому, кто уже ни на что не надеялся.

Покойный Король дважды заключал его в Бастилию за попытку мятежа и выступления против Его Величества, на чьей службе он никогда не вел себя как подобало.



Внутренний двор королевского замка в Блуа.
Гравюра. XVII в.

Первый арест не сделал его умнее, и не было никаких оснований надеяться, что и нынешний арест станет последним; однако того, чего не позволяло ему совершать его собственное достоинство, он достиг благодаря хитрости других, надеявшихся, что признательность пересилит в нем дурные наклонности, и, чтобы милость была полной, Его Величество возвестил ему через герцога Неверского о возвращении звания полковника легкой кавалерии, которое он получил еще до заключения в тюрьму.

Их Величества вознаградили также и тех, кто управлял крепостями и королевским доменом в Берри, стремясь выполнить обещание, данное Господину Принцу.

Маршал д'Анкр сдал Амьенскую крепость герцогу де Монбазону, которому, кроме того, Король даровал наместничество в Пикардии вместо прежнего – в Нормандии. И дабы маршал д'Анкр ничего не лишился в результате такого обмена, а, напротив, возвысился в понижении, ему было даровано королевское наместничество в Нормандии и губернаторство Каена, за исключением городов Бельфон, Пон-де-л'Арш и несколько позже Кийбёф.

Несмотря на то что Их Величества таким образом подтвердили свое намерение в точности выполнять все свои обещания, принцы отнюдь не торопились вернуться в Париж, каждый из них тянул время, чтобы понять, какой оборот примут события.

Тем не менее они расстались друг с другом достаточно враждебно: это обычно случается с людьми, каждый из которых полагает, что заслуживает большего, и не довольствуется причитающейся ему частью общего вознаграждения. Все они

жаловались, что Господин Принц захватил себе большую часть.

Герцоги Роанский и де Сюлли, утверждавшие, что именно они переманили на свою сторону партию гугенотов, заявляли, что их интересы почти не были учтены.

Г-н де Лонгвиль был доволен не больше остальных, понимая, что его вернули в его собственный дом, и не отваживался возвращаться в Пикардию, несмотря на то что маршал д'Анкр отказался от Амьенской крепости, поскольку был убежден, что ничего не выиграл, перейдя от маршала д'Анкра к герцогу де Монбазону.

Между г-ном де Буйоном и Принцем доверия было так мало, что последний, которого Королева с нетерпением ожидала при дворе, внушал первому, что очень желал бы не встретиться с ним: таким образом, тесный союз принцев против Короля, державшийся лишь на надеждах каждого обрести в результате войны какие-либо выгоды, очень быстро развалился после заключения мирного договора.

И только герцоги Майеннский и Буйонский продолжали договариваться.

Последний, желая уехать в Лимузен и Негрпелисс, недавно приобретенные им, изменил свои планы по настойчивой просьбе Королевы, которая оказала ему честь, собственноручно написав приглашение как можно скорее явиться к Его Величеству; так он и поступил, да к тому же привез с собой герцога Майеннского; и хотя Королева оказала им великолепный прием, они раскаялись в том, что поспешили, опередив других и узнав, что Королева полностью сменила всех министров.

Г-н де Вильруа и президент Жанен к тому времени уже исчерпали запас доверия, первый вскоре удалился в свой дом в Конфлане; должность второго была отдана Барбену, а должность государственного секретаря, которую занимал г-н де Пюизьё, – г-ну Манго.

Было вполне резонным, отняв печати у г-на канцлера, не оставлять в должности первого государственного секретаря в столь бурное время и его сына; однако доброта Королевы, вынужденной удалить отца только по причине его нерадивости, привела к тому, что ей было сложно удалить и сына, который не успел еще совершить серьезных ошибок.

Г-н дю Вер, не чувствовавший себя уверенно, видя при дворе человека, близкого тому, чье место он занял, и начисто забыв о том, что именно г-н де Вильруа предложил покойному Королю назначить его первым президентом Прованса и поддерживал его на этом посту, так уговаривал Королеву отправить Вильруа в отставку, что вынудил ее наконец принять такое решение.

Однако далее все пошло не так, как он надеялся, ибо, вместо того чтобы назначить на освободившееся место его племянника Рибье, который уже хвастался этим, Королева отдала ее г-ну Манго, чуть ранее назначенному первым президентом Бордо. Так почести в одно мгновение портят нравы.

Г-н дю Вер, всего лишь несколькими днями прежде заявлявший, что исповедует воззрения философа-стоика и писавший об этом книги, едва появившись при дворе, тут же изменил свое мировоззрение, обнаружив доселе скрытые качества, и не только явил себя честолюбцем, но и утопил в непомерных амбициях и благопристойность, и дружеские чувства, поведя себя столь неблагодарно, что простой, далекий от двора человек, и то бы устыдился.

В то же время Королева, предупрежденная слугами об ухищрениях и ловкости, которые использовал г-н де Люинь, чтобы убедить Короля в том, что она ведет себя недостойно, умалить ее заслуги и раздуть ошибки, предложила Королю сложить с нее полномочия, рассудив, что он не примет ее отставку, но расположится к ней и не поверит, что она желает править, движимая честолюбием, и действует не для блага государства и не из соображений общественной пользы.

Она обратилась к Королю с просьбой объявить, когда он явится в парламент, где она могла бы доказать ему отсутствие у нее подобных стремлений и освободиться от государственных забот; она хотела, чтобы он понял, что в прошлом было невозможно управлять лучше и что она сделала все должное, дабы упрочить его власть, и было бы резонно, если бы он взял на себя труд обеспечить ее уход на покой; что, после стольких славных доказательств в пользу ее заслуг перед государством, ей обидно защищаться от наветов тайных завистников.

Королева могла не опасаться свойств характера Короля, но у нее были основания не доверять его возрасту; она также предугадывала, что если у недругов достало дерзости атаковать его по столь священному поводу, то со временем он падет жертвой насилия с их стороны.

Она рассудила, что, обеспечив себе, вопреки опасностям и преградам, добрую репутацию, необходимо, повинуясь соображениям осторожности, подумать о благопристойной отставке, дабы не лишиться сложившегося в людских сердцах мнения.

Она знала, что хуже всего воспринимаются людьми ее общественные поступки и что одно-единственное дурное деяние может развеять славу всех предыдущих.

Однако, несмотря на все ее усилия, Король отнюдь не желал

согласиться с ее самоустранением от государственных забот. Она сама того не желала и не опасалась, что Король поймает ее на слове; но доводы, которые она ему приводила, казались ему настолько надуманными, что он понял: они были ей скорее подсказаны, нежели зародились в ее собственной голове.

Он начал испытывать недовольство в связи с удивительным возвышением маршала д'Анкра, однако знал, что она захочет что-то изменить в этой ситуации. Он уверил ее, что весьма доволен ее управлением и что ни от кого не слышал о ней неподобающих слов.

Г-н де Люинь отзывался о ней сдержанно и сопровождал слова жестами, клятвами и всем, что помогает человеку скрыть двуличность. Тем не менее он был не настолько искушен в лицемерии, чтобы Королева ничего не заметила. Потому-то она и решила удалить его от Короля и задумалась о почетной отставке в том случае, если Король не внемлет ее словам.

А поскольку она начала править королевством во время несовершеннолетия Короля и не желала терпеть над собой чью бы то ни было власть, то начала переговоры по поводу княжества Мирандольского и отправила Андре Люманя в Италию, дабы условиться о цене. Но испанский король помешал осуществлению этого замысла и воспротивился тому, чтобы французы вновь вторглись туда, откуда он с невероятным трудом изгнал их, потратив на это целые годы.

Г-н де Буйон, умевший все оборачивать в свою пользу, попытался использовать отсутствие Господина Принца, дабы весьма ловко извлечь выгоду из немилости, в которую волею случая впал г-н де Вильруа – рассудив, что г-н де Вильруа, желая быть необходимым, умело играя на новых ссорах и столкновениях, выполнит любую его просьбу, даже самую неразумную, – не видел препятствий к тому, чтобы добиться от Королевы некоторых совсем уж из ряда вон выходящих милостей за пределами того, что предписывали условия Луданского договора, однако он осмеливался утверждать, что это необходимо как для безопасности Господина Принца, так и тех, кто был рядом с ним.

Помимо всего прочего, принцы рьяно настаивали на реформировании Совета, который желали свести к нескольким избранным. Это было невероятно сложно осуществить, поскольку, во-первых, избранным стали бы завидовать, а во-вторых, им трудно было угодить.

Все это было слишком хлопотно для Королевы, ибо хранитель печатей дю Вер только приступил к делам и был не способен помогать ей; любое затруднение удивляло его и ставило в тупик,

а г-н де Буйон так сильно влиял на него, что дю Вер делал все, что тот хотел, так что однажды он даже сказал Королеве в присутствии г-на де Буйона, что она не должна прислушиваться к совету, который ей дали, а именно: не доверять г-дам де Буйону и де Майенну; Королева, не пожелавшая отвечать сразу, позднее упрекнула его: перечислив все причины, которые вынуждали ее не доверять им, она добавила, что, даже если бы все это было неправдой, он не должен был упоминать об этом в их присутствии.

Все это вынуждало Королеву в еще большей степени желать приезда Господина Принца, отправившегося в Берри, дабы принять наместничество, и со своей стороны стремившегося вернуться ко двору в надежде полностью подчинить себе Совет; однако герцоги Буйонский и Майеннский делали все возможное, дабы задержать его приезд; это привело к тому, что Королева отправила к Господину Принцу одного за другим нескольких курьеров, в свою очередь он сделал то же самое, и каждый из его гонцов хвастался, что пользуется его наибольшим доверием.

И впрямь, все сочиненные им письма, переданные через курьеров, являлись свидетельством такого доверия, причем большинство писем противоречили друг другу: это привело к тому, что, стремясь внести ясность, Королева приказала отправиться к Господину Принцу мне, не сомневаясь, что у меня достанет верности и ловкости, дабы рассеять тучи недоверия; мне, хотя и не без некоторого труда, удалось внушить Господину Принцу, что его присутствие будет полезно Королеве, сделает прочнее заключенный мирный договор, придаст вес решениям Совета, лишит интриганов надежды и успокоит сердце Ее Величества, которая не в силах более постоянно пребывать в опасениях и заботах.

Я заверял его, что она отнесется к его присутствию благосклонно и сделает для него все, дабы удержать его возле Короля, в знак уважения его заслуг и достоинства, убеждал его от имени супруги маршала, что ее муж и она используют все свое влияние на Королеву, дабы обеспечить ему ее милость, и если до сих пор они делали сие – свидетелем чему он был, – то и в будущем не оставят подобных усилий, поскольку принесли торжественную клятву.

Ему внушили зависть к барону де Ла Шатру, находившемуся в Бурже. Ему все еще не дали разъяснений по поводу случившегося в Пуатье, что свидетельствовало о недостаточной искренности желавших его возвращения.

Я доложил об этом Королеве, которая приказала немедленно вернуть барона де Ла Шатра в Париж и вручила ему 60 000

ливров и чин маршала Франции в обмен на отставку с поста губернатора Берри, которое в результате подобного маневра стало без обсуждений принадлежать Господину Принцу, а также отправила в Пуатье маршала де Бриссака, дабы выполнить условия Луданского договора.

Принц согласился с изменением состава министров и назначением Манго и Барбена, настаивая лишь на том, чтобы было удовлетворено желание г-на де Вильруа в отношении должности, занимаемой г-ном Пюизьё.

Со своей стороны он пообещал: раз уж Королева оказала ему честь своим доверием, он не станет ничего рассказывать о тайных советах – кроме тех, о которых она сама изволит поведать; он признал разумным и то, что при желании его имя могли бы использовать, дабы ускорить или задержать формирование Совета, которым занимались принцы.

Эта поездка, совершенная мною по приказу Королевы, к разочарованию господ де Майенна и де Буйона, внушила им столь великую зависть, что они немедленно отправились к Господину Принцу, дабы узнать, что именно я сказал ему, и отговорить его от возвращения ко двору, однако все это оказалось напрасным.

По моем возвращении маршал де Буйон неожиданно спросил, не нашел ли я Господина Принца готовым служить Их Величествам; я ответил ему, что он не только настаивал на своей преданности им, но и заверил их в том же самом в отношении г-д де Майенна и де Буйона.

Однако имелась очень важная причина личного свойства, которая мешала им желать его скорейшего возвращения. Она заключалась в их намерении избавиться от маршала д'Анкра, и они боялись, что Господин Принц проболтается или спасует.

Спустя некоторое время после их возвращения в Париж маршал д'Анкр, опираясь на давние распри между герцогами Майеннским и Буйонским, с одной стороны, и герцогами д'Эперноном и де Бельгардом – с другой, предложил последним погубить соперников.

Однако те испытывали к своим противникам меньшее отвращение, чем к нему, ибо он был иностранцем, происходил из низов, получил все, что имел, благодаря счастливой путеводной звезде, коей они завидовали; кроме того, они приписывали ему все те невзгоды, которые испытали при дворе и из-за которых им пришлось взяться за оружие. Они воспользовались представившимся случаем, чтобы составить новый заговор, уничтожить маршала и избавить от него королевство, вместо того чтобы погубить двух соперников.

Они открылись г-ну де Гизу, он присоединился к их замыслу благодаря г-ну дю Перрону, брату кардинала, который долгое время был привязан к герцогам д'Эпернону и де Бельгарду и сам не любил маршала, который, как ему казалось, не относится к нему с должным почтением. Все вместе они решили объединить вокруг себя прочих врагов маршала д'Анкра, какие только существовали, и не только при дворе, но и в парламенте, а также в народе, на который маршал наводил ужас.

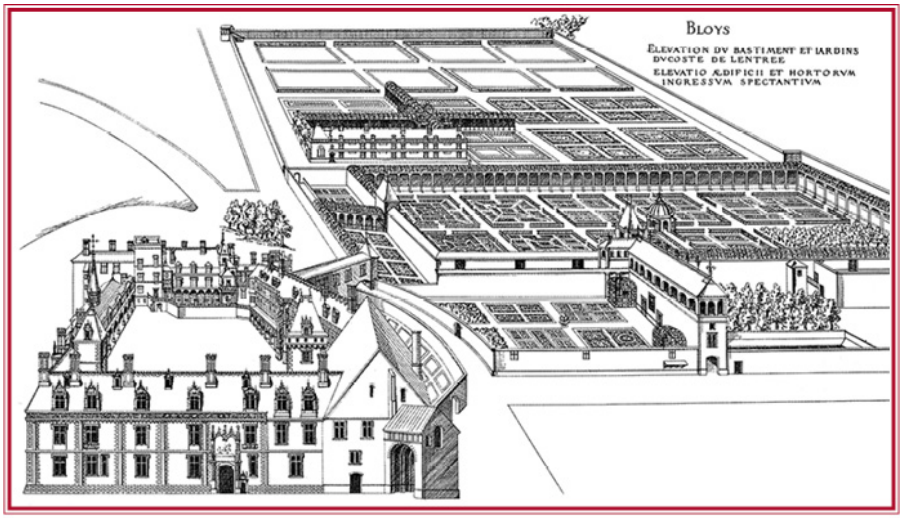
Со своей стороны, поступая неосторожно, маршал сам невольно помогал им, не отказываясь ни от одного из своих пристрастий.

Пока длились переговоры в Лудане и стражникам, охранявшим ворота столицы, было запрещено выпускать кого бы то ни было без предъявления удостоверения личности, некий сапожник из Пикардии, квартальный надзиратель с улицы де-ла-Арп, в Пасхальную субботу остановил карету маршала у заставы де Бюсси, не разрешив ему выехать без предъявления документа.

Во время происшествия случились некоторые вещи и были сказаны слова, кои французский дворянин, рожденный в более благоприятном климате, забыл бы, но которые запали в душу маршала; желая отомстить, он отложил это до того времени, когда Король вернется в Париж и он почувствует себя более уверенно.

Он приказал одному из своих конюших выбрать удобный момент и подстеречь сапожника вне городских стен, дабы наказать его за нанесенное ему оскорбление. Конюший встретил того 19 июня в Сен-Жерменском предместье и приказал двум слугам так жестоко бить его, что те остановились, лишь сочтя его мертвым.

Случившееся заставило вспомнить происшествие с Риберпре, которого маршал чуть не убил в минувшем году, а также происшествие со старшим сержантом Прувилем, которого он приказал прикончить в Амьене; расследовать нынешнее дело принялись столь рьяно, что он не отважился признаться, а его слуги по приговору суда были повешены 2 июля перед домом Пикара.



План замка в Блуа. *Гравюра. Конец XVI в.*

Конюший маршала спасся бегством. Однако, вместо того чтобы смягчить народный гнев, наказание лишь способствовало его умножению.

В то же самое время г-н де Лонгвиль, испытывавший недовольство от пребывания в своем доме в Три, оттого что, пока он находился там, дела его не продвигались, пожелал отправиться в Пикардию, дабы учинить там небольшую смуту. Он поделился своими планами с господами де Майенном и де Буйоном, одобрившими его поездку как часть замысла, направленного против маршала, и обещали ему как свою помощь, так и помощь г-на де Гиза. Г-н де Лонгвиль выехал и добрался до Аббевиля, население которого оказало ему теплый прием.

Тем временем Господин Принц отправился ко двору. Проезжая через Вильбон и заглянув к г-ну де Сюлли, он узнал о заговоре против маршала д'Анкра и, не желая ни обидеть Королеву, ни участвовать в новом волнении, ни бросить принцев, стал искать какой-нибудь предлог отложить свое прибытие на некоторое время; однако опасение, что Королева начнет подозревать его, заставило Господина Принца поступить иначе, и 20 июля он прибыл в Париж.

Направившись прямо в Лувр, он встретил у Их Величеств такой теплый прием, на который только мог рассчитывать; парижане встретили его еще более радостно, что было нежелательно для двора и могло помешать ему.

На следующий день по прибытии Господина Принца, Барбен, говоря маркизу де Кёвру, сколь желательным было, чтобы Господин Принц и г-н де Буйон нашли с Королевой общий язык и

сошлись в твердом намерении служить государству, позабыв все прошлые разногласия и обиды, добавил, что в отношении Господина Принца можно не сомневаться: он прибыл ко двору не из желания угодить, ведь нет такого влияния, могущества, доверия, которые гарантировали бы, что человек, входящий в Лувр, делает это с добрыми намерениями и полностью подчиняется Их Величествам.

Что касается г-на де Буйона, то он также мог надеяться на добрый прием при условии, что откажется от намерения противиться с помощью нового Совета королевской власти. Маркиз де Кёвр поведал ему все, что знал: и не только то, что касалось его лично, но также и касавшееся Господина Принца.

Де Буйон пропустил мимо ушей то, что касалось его, поскольку его заботило только, как уничтожить маршала д'Анкра, однако его удивила смелость высказываний в адрес Господина Принца.

Господин Принц также не особенно тревожился, поскольку маршал и его супруга, сразу после заключения Луданского перемирия, изъявили желание обрести с ним взаимопонимание, о чем – по их словам – они мечтали и раньше, и уверяли его в своем стремлении сделать для него все возможное.

Маршал и его супруга видели его значительную роль в происходивших событиях и думали, что, заручившись его дружбой, смогут оградить себя от бед; а Господин Принц, знавший, что их заступничество перед Королевой многого стоит, делал вид, что от души рад им. Это настолько успокоило их, что они не только почти не считались с г-дами де Гизом и д'Эперноном, с которыми во время последней смуты установили дружеские отношения, но и полностью забросили их, как и всех, кто служил вместе с ними Королю во время последних столкновений.

Поступив так, они уподобились слепым баловням судьбы, возвысившимся скорее благодаря случайному стечению обстоятельств, нежели собственным достоинствам: видя, что судьба вознесла их на такую недосягаемую высоту, они легко теряли связь с действительностью, не замечали очевидных вещей и не понимали, что творится вокруг них.

Во-первых, они разрушили служебный аппарат Их Величеств, бывший некогда основой всего их существования. Кроме того, каждый мог убедиться, что служить Королю – значило действовать, не ожидая ни почестей, ни вознаграждения, и что, напротив, вредить государству – значило удостоиться ласки и милостей.

Обида на дурное обращение, усиленная примером

благосклонности к другим, подрывала верность тех, кого собственные интересы или желание получить какие-либо выгоды до сих пор еще не отвратили от выполнения долга. Наиболее осторожные не желали ни за что обрекать себя на немилость принцев, ненавидевших тех, кто не принадлежал к их партии, Король же совсем не заботился о тех, кто ему служил.

Во-вторых, они не торопились поверить в то, что Господин Принц может благоволить к ним, разве только его собственные дела и воля случая – а сей предмет невероятно переменчив в делах придворных – побудят его проникнуться к ним любовью; при этом они прекрасно сознавали, сколь тесная связь установилась между ними и Господином Принцем и постоянно довлеет над ними во всех возможных случаях, когда речь идет о них или о нем, когда нужно о чем-либо попросить Королеву.

Кроме прочего, эти просьбы могли привести к тому, что Королева охладеет к ним, почувствуй она себя оскорбленной, в чем они уже имели возможность, к своему огромному несчастью, убедиться, когда помогали ему достичь желаемого, а он снова обращался к ним уже на следующий день.

Сколько ни оказывали они ему в прошлом услуг, если бы они вдруг один-единственный раз оставили его просьбу без внимания, – он мгновенно позабыл бы обо всех прошлых услугах, и они нажили бы себе врага, как они уже убедились на примере Шато-Тромпета и Перрона, когда, не сумев преодолеть влияние министров на Королеву, Господин Принц объявил тех своими врагами, несмотря на все, что они сделали для него; и это помимо того, что их положение в обществе – а ведь они были иностранцами и фаворитами Королевы, что обычно делает человека объектом народной ненависти, – послужило для Господина Принца чуть ли не единственным предлогом восстать против королевской власти.

Но – то ли они слабо разбирались в происходящем, то ли их предупредили, то ли они были направляемы несчастливой судьбой к падению и не замечали своих ошибок, – только, вместо того чтобы занять позицию между Господином Принцем и противоположной стороной, выполняя роль связующего звена между обеими партиями, не присоединяясь ни к одной и ни к другой, они целиком предались Господину Принцу, который, со своей стороны, остался независим, и при этом они лишились уважения всех прочих, которые, будучи слабыми, нуждались в них и желали быть заодно с ними.

Они дошли даже до того, что поверили, будто им достаточно заручиться лишь дружбой Господина Принца, а на всех остальных, кто принадлежал к его партии, не обращать внимания;

герцог Буйонский не мог не пожаловаться на это Барбену, который, будучи здравомыслящим человеком, высказал им свое мнение, но впустую.

Между тем Господин Принц получил все, что хотел: теперь он разделял власть, которой Королева, к великому удовольствию ее сына – Короля, обладала во всех делах. Лувр опустел, Принц поселился в старом здании Лувра; к дверям его покоев было чрезвычайно сложно пробиться из-за большого скопления народа, толпившегося там.

Все обращались к нему за решением своих вопросов; в Совете он появлялся с пачками прошений в руках. Он поступал с ними как ему заблагорассудится – настолько мало он считался с другими или позабыл предостережение, данное ему мною и заключавшееся в том, чтобы умеренно использовать ту власть, коей он был наделен Королевой.

Итак, он был весьма доволен своим положением и, несмотря на некоторые амбиции, имел на то причины. Этого нельзя было сказать о г-дах де Майенне и де Буйоне, рассчитывавших получить часть благ, доставшихся Господину Принцу, и негодующих при виде того, что в результате последних событий выгадал лишь он один.

Недовольные происходящим, они постоянно давили на него, вынуждая осаждать Королеву требованиями соблюдения условий последнего договора; но когда они поняли, что им не отказывают ни в чем из того, что было обещано, то все свое внимание сосредоточили на просьбе, которую полагали наиболее важной, а именно: на формировании Совета.

Эта задача смущала Королеву; выборы тех, кто должен был войти в Совет, оказались трудным делом, поскольку составить его из людей, которые нравились бы всем, было столь же непросто, как и образовать его из тех, к кому Король питал полное доверие; тем более что нужно было отказать большому числу вельмож, чего никак нельзя было допустить.

Барбен предложил средство, которое всеми было признано недурным и которое сама Королева сочла уместным: пусть претенденты сами сделают свой выбор, а Королева согласится с ним; в таком случае вельможи брали на себя всю ответственность, и каждый считал бы, что Их Величества оскорблены мыслью, будто кто-то недоволен результатами выборов.

Господин Принц и г-н де Майенн собрались у г-на де Буйона, ожидая резолюции Королевы по поводу выборов; Барбен принес им ожидаемое известие, чему они несказанно удивились, так что даже начали переглядываться между собой.

Господин Принц, очень скорый на подъем, вскочил с кресла,

засмеялся и, потирая руки, обратился к г-ну де Буйону с такими словами: «Ничего не скажешь, мы должны быть довольны», – чем дал понять, что ход событий соответствовал его намерениям. Г-н де Буйон, почесав голову, ничего не ответил; однако когда Барбен удалился, он заявил собравшимся, что этот человек сдал им тридцать в трех и взял себе тридцать одно[137], то есть ловко провел их.

Подобное соображение заставило их поторопиться с исполнением замысла, направленного против маршала д'Анкра, к которому довольно неохотно, почти вопреки собственному желанию – ведь он обещал свою дружбу маршалу, – присоединился и Господин Принц; лишь боязнь потерять дружбу названных господ пересилила в нем все остальные соображения.

Чтобы окончательно сговориться, они решили собраться ночью, дабы сохранить все в тайне, хотя подобные ночные собрания не могли остаться незамеченными и не вызвать подозрений; прибытие ко двору милорда Хея, чрезвычайного английского посла, оказалось весьма кстати – они могли обсуждать задуманное под видом торжественного застолья.

Господин Принц, герцог де Гиз, герцоги Майеннский и Буйонский и стали главными заговорщиками. Герцог Неверский знал о заговоре лишь в общих чертах, ибо они не рискнули полностью утаить от него все, но и не делились с ним самыми секретными планами, так как боялись, что он может предать их в надежде увеличить свой вес в глазах Королевы и увенчать успехом свою идею учреждения рыцарского ордена Гроба Господня[138] – таким образом он мечтал сделаться повелителем всего Леванта.

Он хотел вычленить из ордена Святого Иоанна Иерусалимского орден Гроба Господня, стать великим магистром последнего и надеялся при помощи нескольких единомышленников в Греции и симпатии к нему множества греков – ибо он уверял, что ведет свое происхождение от Палеологов, – изыскать достаточное число кораблей, дабы захватить несколько укрепленных пунктов на Пелопоннесе, обороняться в них в течение длительного времени, ожидая помощи от христиан, и при их поддержке продвигаться далее.

Несмотря на то что это предприятие выглядело плохо подготовленным и не обнаруживало какой-либо связи с теми, кто был хотя бы некоторым образом посвящен в дела, происходившие на Ближнем Востоке, некоторые вещи порой удаются самым непостижимым образом, а великие мира сего часто уделяют пристальное внимание незначительному, по сравнению с другими, делу, которое занимает все их мысли и поступки;

великий магистр Мальты стал опасаться, что герцог обретет, при поддержке Короля, желаемое, и отправил полномочное посольство во Францию с целью убедить Короля в неправедности этой просьбы.

Он рассказал Его Величеству, что орден уже в течение ста двадцати лет присоединен к их ордену и что если Его Величество будет помогать герцогу Неверскому в его стремлениях, то военные ордены Испании и Италии могут возобновить давние тяжбы и попытаются отнять у них все, принадлежащее Гробу Господню, – все, чем они обладают; что хотя приношение герцога Неверского было искренним, тем не менее трудно было представить, что он удовольствуется в будущем одним лишь титулом великого магистра этого ордена, не претендуя на имущество, неотделимое от ордена Святого Иоанна Иерусалимского, что это было бы совсем неразумно, поскольку оно являлось частью сана великого магистра, сохранять которую было в интересах Его Величества, ибо основу Мальтийского ордена составляют семь языков, а большинство великих магистров – французы; что не только великий магистр окажется ущемленным в своем величии, но и весь орден будет заинтересован в том, чтобы французские дворяне, имея в своем королевстве великого магистра, могли бы приносить ему обеты даже вне условий ведения войны, и это было бы лучше, нежели отправиться в поход на Мальту – чрезвычайно затруднительный и требующий немалых средств; к тому же перед глазами у всех был пример Тевтонского ордена, члены коего отказались признать немецкий язык, некогда самый красивый из семи; кроме того, подобная перемена оказалась бы не на пользу королевской власти, ибо его подданный, Принц, обрел бы столь влиятельное средство собрать под своими знаменами остальных дворян, что короли Испании, будучи опытными в государственных делах, объединили бы под своей властью все духовно-рыцарские ордены, находившиеся на территории их владений.

Его Величество ласково переговорил с послом и пообещал ему не чинить препятствий их ордену, напротив, решил наказать своему послу в Риме споспешествовать урегулированию данного вопроса с Его Святейшеством.

В то же самое время Королю доставили известие о взятии Перонна, который г-н де Лонгвиль отнял у маршала д’Анкра, воспользовавшись ложным предлогом, будто бы маршал собирается расположить там гарнизон; эта новость настолько взволновала народ, что горожане решили обратиться к Королю с напоминанием обещания, данного им покойным Королем, отцом нынешнего, когда во времена Лиги они вернулись под его власть:

чужеземец никогда не будет править ими. Пока они обращались к Его Величеству с этой просьбой, г-н де Лонгвиль был уже у ворот города, которые ему отворили, и, немного времени спустя, те, кто находились в замке, передали его от имени маршала д'Анкра под власть герцога.

Эта новость огорчила Королеву, ибо она ясно понимала, что принцы в своих недобрых намерениях не остановятся ни перед чем, что мягкость, с коей она относится к ним, бесполезна, что они злоупотребляют ею, ловко извлекают выгоду из прошлых столкновений, что ее надежда своим терпением вернуть им здравый ум и повлиять на них доброжелательностью напрасна и что, наконец, она вынуждена противопоставить их дурным замыслам силу оружия, хотя сама мысль об этом ей ужасна.

Господин Принц, получивший известие об этом деле прежде Королевы – впрочем, начато оно было не без его согласия, – тотчас удалился в земли, приобретенные им возле Мелена, дабы его отсутствие задержало созыв Совета, неизбежный в сложившихся обстоятельствах, а возможно, и для того, чтобы позволить улечься первым вспышкам гнева Королевы и случайно не обронить слов, могущих зародить подозрения, будто он участвовал в этом деле; однако Королева тотчас направила к нему делегацию, и у него не нашлось ни единого предлога остаться в своих землях.

Как бы то ни было, вернувшись, он совершил еще одну ошибку; поскольку один из сообщников предупредил его, что г-н де Буйон ожидает его у г-на де Майенна, то он – прежде чем отправиться в Лувр – заехал к ним, несмотря на разумные доводы, высказываемые вокруг него в пользу того, чтобы ехать прямиком к Королеве.

Заговорщики говорили об этом деле не скрываясь, так что сомнений в их участии в нем не оставалось. Королева сочла, что, согласно общеизвестной мудрости, совершающие ошибки лучше всего знают, как их исправить, и потому наилучшее решение – отправить к г-ну де Лонгвилю г-на де Буйона, являвшегося оракулом их партии, дабы заставить г-на де Лонгвиля признать, что он нанес Ее Величеству оскорбление, и принудить его искать прощения, рассказав ей без утайки обо всем случившемся.

Г-н де Буйон отправился в путь неохотно и так мало верил в успех своей миссии, что, хотя Их Величества и напутствовали его словами, способными тронуть любое другое сердце, его сердце осталось холодно; знавшие его понимали, что он откажется внимать им, и не ошиблись в своем мнении.

Герцог Майеннский послал туда по собственному желанию солдат из гарнизонов Суассона, Нуайона и Шони, которые под

бой барабанов и с развернутыми знаменами, под командованием капитанов и военных инженеров отправились защищать крепость, что шло вразрез с его обещанием передать ее в подчинение Королю.

Этот поступок в конце концов вынудил Королеву послать туда же графа Овернского с частью полка гвардейцев и несколькими ротами кавалерии, чтобы занять крепость.

Все понимали, что этих сил было недостаточно, чтобы овладеть крепостью, однако целью экспедиции было, во-первых, желание выяснить, не намерены ли принцы снова развязать войну, и, кроме того, показать им, что Король чувствовал себя вправе противостоять им более решительно, нежели раньше, а также подумывал об удалении их из Парижа, где они не давали ему покоя, – прибегнув к данному средству, он избавил бы себя от значительной части военных, постоянно сопровождавших его, и в этом случае они бы еще скорее обнаружили свои дурные намерения, ежели таковые были у них на самом деле; Его Величество подозревал, что подобные замыслы действительно имеют место, и постепенно готовился оградить себя от них, причем сделать это так, чтобы они не всполошились, впрочем, они не слишком уважали его, считая слабым, в чем доселе убеждались, присутствуя на заседаниях Совета.

Королева, поняв на примере недавних волнений, что во время смуты самые ложные слухи часто оказываются самыми если уж не истинными, то правдоподобными и что словам в защиту мятежников верят легче, нежели фразам в пользу Государя, решила проявить терпение до конца, чтобы не дать им ни единой возможности уверить народ – не важно, захотел бы кто-нибудь слушать их или нет, – что им пришлось взяться за оружие, дабы защитить себя от Короля.

В определенной мере все это, конечно, наносило ущерб мнению, которое должно было сложиться у людей в отношении королевской власти; она и впрямь пользовалась в народе все меньшим уважением, и многие напрямую отзывались о делах Короля крайне нелестно, разочаровавшись в нем; но, с другой стороны, это приносило Королю гораздо большую выгоду, состоявшую в том, что принцы настолько уверовали в свои силы, что не желали более оставить двор, убежденные, что смогут воплотить все задуманное против Его Величества, не зная, что он мог незаметно добиться успеха в своих делах, и не догадываясь также, что среди них были такие, кто время от времени доносил Королю об их замыслах – причем из тех, кому они доверяли больше всего.

Видя сей обширный и злобный умысел принцев,

приводивший всякого в изумление, Королева пожелала воспользоваться случаем и вновь, как и прежде, поговорить с Королем; она призналась Барбену, что положение дел выглядит настолько отчаянным, что она почитает за лучшее для своей честной репутации полностью передать управление делами в руки Короля.

Однако Барбен красноречиво объяснил ей, что она должна заботиться не только о своем уходе на покой, но и использовать любые возможности, чтобы помешать вельможам силой и с позором отстранить Короля от государственных дел; что ей в первую очередь нужно обеспечить передачу власти своим детям, а не думать об отдыхе; что вся Европа обвинит ее в недостаточной твердости характера, если она отойдет от дел в тот момент, когда над страной вот-вот должна разразиться гроза.

Эти доводы убедили ее, но она все же настояла на разговоре с Королем, что и сделала в присутствии г-д Барбена, Манго и де Люиня: она упрашивала его взвалить на себя бремя власти, говорила, что он уже достаточно зрелый и ему свойственны качества, необходимые для счастливого правления; что у него под рукой – Совет, составленный из людей, которые будут беззаветно бороться за упрочение его власти, а в том случае, если он захочет внести какие-либо изменения в сложившийся порядок, то недостатка в нужных людях в государстве нет; что если бы, едва выйдя из детского возраста, он начал управлять народом, то стяжал бы себе бессмертную славу, равно как и в том случае, если бы в том возрасте, когда другие стремятся к запретным удовольствиям, он поступился бы даже приличными и дозволенными ради того, чтобы постоянно внушать уважение к власти, данной ему Господом.

Люинь, которому Король уже всецело доверял, умолял ее оставить мысль, столь явно противоречащую общественному благу и соображениям безопасности Государя; он убеждал ее также, что она слишком заинтересована в сохранении и того, и другого, чтобы отказаться от этого в тот момент, когда ничто не мешает людям творить зло, разве что уважение, внушаемое ее именем, и благоразумие ее решений.

Франсуа Пурбус Младший.
Портрет короля Людовика XIII в юности.
1610-е гг.

Быть может, беды, которые, казалось, готовы были разразиться в стране, вынуждали его поверить в необходимость правления Королевы, особенно потому, что у него было слишком мало опыта в государственных делах; может быть, он и впрямь не хотел, чтобы она удалилась на покой именно в это время, поскольку, оставаясь возле Короля и далее, она все равно обладала бы властью большей, чем он мог пожелать для себя.

В любом случае, независимо от того, что он говорил ей,

Королева согласилась с просьбой Короля и заявила, что не может скрыть от него того, что ничто так не возмущает ее, как ревность, которую ему пытаются внушить к ее правлению, равно как и попытки выставить ее решения в нелицеприятном свете; если бы он пожелал, чтобы она с удовольствием исполняла все то, что ей придется исполнять вынужденно, то она предпочитает и в будущем делить с ним все тяготы власти, а именно: оставив ему славу и честь раздавать милости, возложить на себя тяжкую обязанность отказывать людям в чем-либо; что она просит его, раз уж так получилось, по его собственному усмотрению распоряжаться должностями, которые должны вскоре освободиться, и наградить ими тех, чья верность и преданность были ей известны; что если, среди прочих, он желает отблагодарить г-на де Люиня, то ему нужно только отдать необходимый приказ, и все будет исполнено, тем более что подобное решение лишний раз доказывает, насколько Король доволен тем, как она распоряжалась государственными делами; что какое бы мнение относительно ее правления ни внушали Королю, она ни на мгновение не перестанет делать того, что требуется в подобных случаях от Королевы, являющейся подданной своего Государя и матерью, пекущейся о благополучии собственных детей.

Люинь, выказывая, что искренне верит в ее слова, обращенные к Королю, поблагодарил ее от себя, заявив, что желает полностью зависеть от ее воли. Однако даже если он и поверил в искренность ее заверений, это не сделало его лучше. Королева, напротив, выказала меньшую, чем это было необходимо, прозорливость.

Вместо того чтобы пристально наблюдать за его действиями, она доверилась его обещаниям, решив, что добилась его расположения своей милостью, хотя ей следовало бы из соображений предосторожности удалить его.

Словом, она подумала, что ей удалось привязать его к себе, вознаградив за верность долгу и назвав благородным человеком – на эту тему есть поговорка о злодеях, – тем не менее дожить до старости, пребывая в этой уверенности, ей не пришлось, как мы убедимся дальше.

Вернемся к принцам: собираясь по ночам и замышляя против Его Величества, они не могли добиться единодушия; каждый из них был по-своему требователен и настойчив, в большей или меньшей степени утерял страх перед Господом и уважение к королевской власти, а посему их предложения сильно отличались одно от другого.

Некоторые из них были умеренными и полагали, что

арестовывать маршала д'Анкра, чтобы выдать его парламенту, который вынес бы решение о начале судебного разбирательства по его делу, не обязательно.

Другие готовы были идти на большее и, опасаясь, что неприязнь парламента к маршалу окажется слабее желания Короля вырвать маршала из рук чиновников, желали, чтобы тот был арестован, вывезен из Парижа и помещен под стражу в одной из крепостей или в одном из населенных пунктов, находившихся в их управлении.

Но были среди них и такие, кто утверждал, что не нужно дважды возвращаться к одному и тому же делу и что мертвый человек не сможет никому навредить, а потому от маршала необходимо избавиться раз и навсегда.

Все это они обсуждали с рвением, несмотря на то что Господин Принц клятвенно заверял маршала, что оградит его от любых возможных опасностей: вот доказательство того, что не стоит верить людям, которые не властны сами над собой и являются рабами собственного честолюбия. Тем не менее, давая обещания, он действовал достаточно искренне, исходя из собственной слабости и страха исполнить то, что намеревался.

Однажды, когда он устроил торжественный прием в честь чрезвычайного посла Англии, маршал д'Анкр как ни в чем не бывало присоединился к нему, среди собравшихся находились и принцы крови, причем их было так много, что они могли захватить его и сделать с ним все что угодно. Они насели на Господина Принца, требуя принять решение, говоря ему, что случай выдался как нельзя более удачный; однако им не удалось убедить его, и он отложил все задуманное до другого раза.

Барбен, который тогда пользовался доверием Королевы, видя, что среди принцев созрел некий дурной замысел, который они и не думали скрывать, посоветовал своей госпоже попытаться удалить от них г-на де Гиза и сохранить за ним должность: де Гиз считал, что у него были причины быть недовольным в связи с тем, что маршал перекинулся от него к Принцу.

Он отправился к нему самостоятельно и сказал, что Ее Величество помнит о тех заслугах, которые он оказывал ей даже в самых крайних случаях, и, если она умела забывать о вреде, наносимом теми, кто сбился с праведного пути ради мира, который она желала сохранить любой ценой, она никогда не забудет, что г-н де Гиз был чуть ли не единственным из принцев, кто остался верен своему долгу; что ей известно, насколько резко он расходился с остальными в решении разных вопросов; что она просит его относиться к происходящему по возможности мягко и терпеливо, однако если речь зайдет о разрыве, то он должен быть

уверен: она ни при каких обстоятельствах не оставит его.

Герцог де Гиз выслушал все это с большим недовольством, пожаловавшись на то, что, когда все остальные принцы подняли оружие против Короля, он остался верен ему, а как только мир был заключен, его больше не замечали; остальные же, напротив, пользовались всей полнотой власти, и поскольку спорили с ним из-за своих и его рангов, то в один прекрасный день все равно, придравшись к какому-нибудь пустяку, устроили бы ссору, расставив ему ловушки. Однако на следующий день он отправился к Королеве и многократно подтвердил, что останется верен ей, несмотря ни на что.

Это не избавило его от дурного отношения к маршалу д'Анкру, и если он не мог приписать Королеве поступки маршала и его супруги, будучи недоволен Ее Величеством, то по крайней мере стал питать еще большую злобу против маршала.

Несколькими днями раньше Господин Принц встретился со своими сообщниками и предложил им поторопиться исполнить задуманное, вызвавшись сделать это лично; однако добавил, что поскольку это дело будет иметь очевидные последствия, то необходимо заранее продумать все детали и определить, каким образом они станут оправдываться перед Королевой, которая окажется в сем случае настолько оскорбленной, что непременно станет мстить им, располагая всей полнотой королевской власти и обладая достаточным количеством слуг, которые посоветуют ей поступить именно так и – если назреет подобная необходимость – укрепят ее в этом решении; сам же Господин Принц видел во всем этом способ удалить маршала от Короля.

Похожим было и мнение тех, кто не рискнул изменить своему слову, как это сделал он; некоторые сочли подобное положение странным, и все – вместо того чтобы отвечать, – почтительно молчали.

Один герцог де Гиз держал слово и заявил, что большая разница заключается в том, чтобы направить удар против маршала д'Анкра, являвшегося ничтожеством, позором и мишенью для всей Франции, и в том, чтобы, забыв уважение, которое должно оказывать Королеве, матери Государя, составлять заговор против нее; что касается его самого, то он относится к маршалу с ненавистью и при этом остается преданным слугой Ее Величества.

Сей ответ показал, что герцог де Гиз действительно является слугой Королевы; однако его ненависть к маршалу внушила другим доверие к нему, и они не скрывали от него своих замыслов. Только Господин Принц чуть охладел к герцогу, опасаясь, что, когда с маршалом будет покончено, де Гиз один

извлечет из всего дела пользу и выгоды, по-прежнему располагая доверием Королевы, ненавидевшей и презиравшей принцев.

Однако он продолжал плести заговор, и его дерзость, равно как и дерзость его сообщников, изо дня в день только увеличивалась; Королева все чаще слышала от него и его приспешников резкие слова, причем однажды дошло до того, что один из них заявил ей, что она, мол, благосклонна к некоторым придворным и ему не нравится, что она переманивает на свою сторону его друзей; в другой же раз, говоря о герцоге де Гизе, он потребовал, чтобы она знала: и он сам, и его братья столь тесно связаны с ним, что не в ее власти разделить их.

Но если слуги Господина Принца дерзали разговаривать с Государыней подобным образом, то были также и многие другие – из числа тех, коим он более всего не доверял, – которые рассказывали Королеве обо всем, что происходило вокруг; среди прочих ей с величайшей тщательностью доносили, делая это под покровом ночи, дабы их не узнали, архиепископ Буржский и г-н де Гиз.

В конце концов они стали убеждать Королеву, что дела складываются настолько не в пользу Короля, что вряд ли найдется средство исправить положение.

Г-н де Сюлли испросил у Королевы аудиенции, чтобы поговорить с ней с глазу на глаз о том, что он полагал жизненно важным для Их Величеств. Королеве нездоровилось, однако речь шла о столь важном деле, что она сочла своим долгом принять его; волею случая на этом свидании оказался Король и г-да Манго и Барбен. Г-н де Сюлли произнес длинную речь о дурных намерениях принцев и тех неизбежных бедах, которые из них вытекали.

Г-да Манго и Барбен ответили ему, что слов недостаточно и нужно, чтобы он уточнил, каким образом можно всего этого избежать; в ответ он произнес только одно: риск очень велик и пагубные последствия не замедлят проявиться. Уже выходя из кабинета, он остановился и сказал следующее: «Ваше Величество и Вы, господа, умоляю Вас задуматься над тем, что я только что сказал, совесть моя чиста. Пусть с Божией помощью у Вас наберется хотя бы тысяча двести всадников, другого выхода я не вижу». И удалился.

Королева, не желавшая прибегать к крайностям, если речь не шла об исключительных случаях, прослезилась от того, что ее почти вынудили применить силу, ведь она с самого начала пыталась поступать мягко, желая явить народу стремление править великодушно, равно как и доказать принцам, что они зашли слишком далеко и большинство из тех, кто обещал им

поддержку, в глубине души остаются верными слугами Короля, которые, дойди дело до осуществления дерзких замыслов, сразу же отойдут от заговорщиков.

Она побеседовала с каждым из придворных в отдельности, объясняя, каким образом намеревается управлять далее, насколько ей пришлось ослабить королевскую власть, дабы сохранить мир, сколь сильно завистники искажают цели всех ее начинаний. И не было почти никого из тех, с кем она говорила, в ком не возникло бы желания с чистым сердцем служить Королю и кто не заверил бы Королеву в своей преданности, вопреки любым обстоятельствам.

Все это получило довольно большую огласку и не могло быть утаено от Господина Принца и его сообщников; но дело зашло так далеко и они считали себя настолько сильными, что не пожелали отказаться от своих замыслов, и даже решимость Королевы отнюдь не внушала им страх.

Как известно, основной трудностью всех заговоров является сохранение самообладания в момент их осуществления, поскольку, замышляя недоброе, не берут во внимание возможный испуг; именно так и произошло с Господином Принцем, утратившим присутствие духа, оказавшимся нерешительным и слабым.

Когда наступило время осуществить все, что он обещал своим сторонникам, он в одиночестве удалился в Сен-Мартен и послал за Барбеном, которому открылся, что попал в чрезвычайно затруднительное положение и что в течение трех часов он не переставал проливать слезы, ибо все принцы торопили его, угрожая оставить; если бы он поступил так, как они требовали, Королева – он прекрасно это понимал – стала бы презирать его; он отдавал себе отчет, что на самом деле ему не оставалось ничего, кроме как требовать отречения Короля и претендовать на его место, что было для него слишком, однако ему было невмоготу и презрительное отношение к его персоне, к тому же он понимал: заговор принцев против Короля принял такой оборот, что он не верит – даже если бы он переметнулся на сторону Его Величества, – что Король окажется сильнее.

Барбен ответил ему, что его происхождение и положение защищают его от презрения, что Королева доказала ему свое уважение и что она готова сделать все, дабы увеличить, а не уменьшить его могущество.

Что же касается партии Короля, то она не является настолько слабой, насколько он себе это представляет, что не все, кто, как он полагает, связаны с принцами, на самом деле являются их сообщниками и что имя Короля обладает такой силой, что любое

направленное против него действие вызовет мгновенную вспышку народного недовольства.

Когда Господин Принц немного пришел в себя, то заявил Барбену, что Королеве следует удалить от двора герцога Буйонского, который смущал его рассудок и внушал ему крамольные мысли, и что он не может не признать его сильное влияние на себя, и что даже если он сам выйдет из игры, тот будет крутить принцами как хочет.

Барбен, не знавший, с каким намерением Господин Принц сообщил ему это, ответил, что Королева относится к ним всем с большой привязанностью, что она желает им всем добра и сохранения мира в королевстве. Что касается г-на де Буйона, то если бы на его счет имелось какое-либо почетное решение и он был бы достоин удаления от двора, то Королева охотно согласилась бы на это и ей бы потребовалась в этом деле помощь Господина Принца.

На том они расстались. Господин Принц, вернувшись к себе, обнаружил там г-на де Буйона, дожидавшегося его и сумевшего так околдовать его своими речами, что мысли его пошли в совершенно ином направлении. Господин Принц, учитывая состояние, в котором он находился, был расположен к таким переменам; ибо те, кто теряют рассудок от страха, обычно полагают, что каждый новый совет лучше прежнего, что их положение непрочно и все, что им предлагают, придаст им больше уверенности, чем они могли предположить раньше.

Г-н де Буйон подтолкнул Господина Принца к крайним мерам – решиться порвать с маршалом д’Анкром, и он послал сказать ему, бросая вызов, что более не хочет быть ему другом. Одной из главных причин, по которой герцог Буйонский убедил его в необходимости сделать это, были его слова о том, что маршал насмехался над ним по поводу развода с Госпожой Принцессой, а также то, что он подогревал его надежду многого добиться от Рима, но ничего не сделал для этого.

Господин Принц дал соответствующее поручение архиепископу Буржскому, который, будучи расторопным слугой, тут же бросился к маршалу д’Анкру, где встретил Барбена, за коим маршал посылал, а также аббата д’Омаля. Он сказал и тому, и другому, что они могут присутствовать при разговоре; когда они уселись, он обратился к маршалу и заявил ему, что прибыл по поручению Господина Принца, который более не является его другом, ибо маршал не выполнил свое обещание.

Он заявил то же самое и Барбену, ответившему следующее: «Что же я такого совершил за те два часа, которые истекли с тех пор, как он уверял меня совершенно в обратном?» Что касается

маршала, тот добавил, что поистине несчастен от сознания того, что лишился доброго отношения Принца, но утешает себя тем, что не дал к этому никакого повода.

Слово взял аббат д'Омаль и обратился к архиепископу: «Я понимаю, вы хотите напомнить, что именно я был послан к Господину Принцу господином маршалом, дабы заверить его в том, что он будет всячески помогать ему в его разводе; в любом случае я пытался убедить его, что сделать это невозможно, что я всегда выступал против ваших советов».

Архиепископ сконфузился; обратившись к Барбену, он попросил его отправиться к Господину Принцу, на что тот ответил отказом; но пообещал, что на следующий день, прежде чем отправиться на заседание Совета, будет ждать архиепископа у себя.

Маршал привел Барбена к своей больной жене и сказал ему, что они пребывают в отчаянии и хотят удалиться в Каен, а оттуда морем в Италию; что они прекрасно понимают: все потеряно и для Короля, и для них; и если позволит Господь, они смогут вернуться на корабле во Флоренцию.

Барбен ответил, что времена действительно смутные, однако дела не настолько безнадежны, как они полагают; что он надеется, что власть Их Величеств является намного более сильной, чем во времена регентства; что им не следует внять дурному совету и уехать, дабы не дать повода ни принцам, ни народу обвинять их.

Супруги возражали в том духе, что, вернувшись ко двору, не станут более вмешиваться ни в какие дела и будут довольствоваться незначительной властью, дабы обеспечить безопасность своих богатств, не пытаясь вновь снискать то могущество, которое навлекает на них всеобщую ненависть.

Они намеревались уехать на следующее утро; но злой гений помешал супруге маршала поправиться: попытавшись добраться до своих носилок, она дважды, по причине невероятной слабости, падала на руки своих слуг. Будучи не в состоянии уехать, она решила любой ценой задержать своего мужа; на рассвете он послал за Барбеном, который, явившись к ним, нашел их испуганными и совершенно потерявшими голову.

Маршал сказал ему, что ему грозит гибель, если он не убедит жену позволить ему уехать; Барбен пришел ему на помощь, доказывая супруге маршала, что в отсутствие мужа ей ничего не угрожает, особенно если она переберется в Лувр, где будет в большей безопасности, нежели в Италии.

После отъезда маршала Барбен возвратился к себе домой, куда некоторое время спустя прибыл архиепископ Буржский, как

было условленно заранее; от имени Господина Принца он объявил Барбену, что все, чего тот желает от маршала и от него, – избавиться от герцога Буйонского, который склонял его исполнить задуманное, и что, избавившись от присутствия герцога, Господин Принц тотчас спохватился.

Памятная медаль в честь обета Людовика XIII Деве Марии

Давая этот обет, король обещал Деве Марии посвятить Ей самое себя, свою семью и всю Францию, если ему будет дарована победа в Ла-Рошели и наследник престола.

Ла-Рошель пала, родился наследник, и король выполнил свой завет: с тех пор в каждой церкви Франции главный алтарь был посвящен Непорочной Деве.

Барбен ответил ему, что маршал уехал и поступил так отнюдь не потому, что этого хотел Господин Принц, а потому, что давно собирался это сделать.

Вскоре после того, как архиепископ Буржский уехал, появился Вире, первый секретарь Господина Принца, повторивший то же самое и добавивший множество дурных слов в адрес архиепископа, обвиняя того в нерасторопности, опрометчивости в выполнении поручения, данного ему Господином Принцем в присутствии человека, о котором было прекрасно известно, что именно управляет его рассудком.

Узнав об отъезде маршала, Вире разразился длинной

красноречивой тирадой, то ли потому, что своим отъездом маршал оскорбил его хозяина и он как настоящий слуга переживал по этому поводу, то ли потому, что действительно имел более веские причины негодовать: ведь если бы маршал остался в Париже, никто не отважился бы предпринять что-либо против Господина Принца, боясь неизбежного наказания; а народный гнев помешал бы ему выполнить то, о чем он доверительно сообщил Барбену.

Дела приняли следующий оборот: союз принцев все более укреплялся и стал фактом общественной жизни; Королева была предупреждена относительно их попыток возмутить толпу в городе и привлечь на свою сторону полковников и городских старшин, отвечавших за оружие в своих кварталах; она знала о том, что принцы ведут переговоры с представителями всех сословий и хотят переманить на свою сторону военных, находящихся в Париже, настраивают кюре и проповедников против Короля и ее самой; что их сторонники хвастаются, что лишь Господь может помешать им сменить правительство; даже Господин Принц признался ей, что присутствовал на одном из их сборищ, где речь шла об объединении всех сил, и что у Их Величеств есть все основания подозревать его, однако они должны быть ему признательны более, чем собственным родителям, давшим им жизнь; несмотря на это признание, сделанное лишь для вида, он не замедлил присоединиться к злоумышленникам и подталкивал их к осуществлению их дурных замыслов, вплоть до похода в парламент с требованием к его членам выполнить распоряжение суда, принятое в минувшем году и предписывавшее всем принцам, пэрам и офицерам короны собраться вместе для обсуждения состава правительства и вопросов управления государством, а также о передаче власти из рук Ее Величества в иные руки.

Все это делалось настолько открыто, что послы иностранных государей, находившиеся при дворе, писали своим монархам, что в условиях публичных волнений в Париже все происходящее можно описать одной фразой: *«Долой!»*

С другой стороны, ни для кого не было секретом, что в провинциях собирались вооруженные люди, что, наконец, из Парижа было вывезено оружие, достаточное для вооружения трех тысяч человек, и это, конечно, не могло укрыться от внимания Их Величеств; Королева посчитала, что если она будет ожидать дальнейшего развития событий, то уже не сможет вовремя найти средство, которое окажется действенным; предупрежденная г-ном де Гизом, г-жой де Лонгвиль, герцогами де Сюлли и де Роаном о том, что замышляется принцами, она не могла не прислушаться;

даже архиепископ Буржский, бывший главным орудием Господина Принца, рассказал ей обо всем, что знал; выходило, что злоумышленники хотят сослать ее в монастырь, дабы, лишив Короля ее защиты и покровительства, овладеть его разумом и его душой, чтобы управлять им и укрепиться в провинциях королевства, несмотря на все их сладкие речи о верности Его Величеству и благу государства; впрочем, подобные разговоры являются обычными предлогами во время любых гражданских войн; на самом же деле они стремились разрушить и уничтожить и то, и другое; Королева поверила, что Король будет нуждаться в ней и потому она окажется более виновной, нежели истинные виновники ее падения, если только не прибегнет к единственному способу, остававшемуся у нее, дабы разрушить основы мятежа: этим средством был арест Господина Принца, вождя восстания, а вместе с ним и других главарей мятежа.

Юный Людовик XIII в королевской конюшне.
Гравюра. XIX в.

Она поделилась своими планами с маршалом де Темином, на коего обратила свой взор по причине его верности и мужества и которого решила избрать для осуществления своего замысла.

Стоило маршалу узнать о сути ее планов, как он проявил к ним живейший интерес.

Ее Величество выбрала его еще и потому, что покойный Король, ее Государь, неоднократно любивший рассказывать ей о настроениях вельмож в своем королевстве, отзывался о нем как о человеке, который при любых обстоятельствах останется верен королевской власти; что он и подтвердил в данном случае, хотя замысел Королевы казался невероятно опасным, и не только из-за положения Господина Принца, но главным образом из-за большого числа принцев и вельмож, составлявших его партию.

Однако де Темин был верным слугой и полагал, что поступает правильно; хотя впоследствии был не совсем доволен, несмотря на награды, полученные им от Королевы.

Она сделала его маршалом Франции, выплатила ему наличными более ста тысяч экю, наградила его старшего сына чином гвардейского капитана и пожаловала Лозьеру, его второму сыну, должность первого конюшего государя; при всем этом он еще жаловался и сетовал: вот так люди дорого продают те небольшие заслуги, которые способны оказать, и питают мало уважения к милости своих господ.

Барбен, бывший самым рьяным сторонником Королевы на

этом Совете и выразителем основных идей по поводу сего дела, спросил его от имени Королевы, на какое количество людей он может рассчитывать для достижения столь важной цели. Маршал ответил, что располагает двумя собственными сыновьями и семью или восемью дворянами из числа своих сторонников, в смелости и верности коих не сомневается.

Поскольку для выполнения замысла Королевы этих людей было явно недостаточно – ведь все должно было быть исполнено безупречно и с великой осторожностью, – он принялся размышлять, есть ли еще кто-нибудь из тех, кому Королева могла бы полностью доверять; он вспомнил о д'Эльбене, итальянце, и счел, что именно ему Королева может доверять более, чем кому бы то ни было, к тому же храбрость последнего была известна еще покойному Королю.

Он послал за ним и от имени Королевы спросил д'Эльбена, способен ли тот выполнить любой приказ, не важно, против кого он направлен; убедившись в желаемом, он поручил ему в течение нескольких дней находиться неотлучно возле него вместе с семью или восемью товарищами в ожидании приказа; оставалось лишь заняться подготовкой оружия; основная трудность заключалась в том, что нужно было пронести его в Лувр незаметно.

Г-н Темин вызвался купить алебарды, которые он посчитал самым подходящим оружием, а затем, спрятав в ящик, отправил их под видом шелковых итальянских тканей Барбену; Барбен на следующий день велел доставить оружие в Лувр, распорядившись поставить у дверей королевских покоев одного из слуг, дабы убедить охрану, что это действительно итальянский шелк для Ее Величества, в противном случае они бы захотели посмотреть, что находится внутри ящика.

Исполнение замысла Королевы было намечено на следующий день, приходившийся на среду, последний день августа; все складывалось в их пользу, и Королева была так удивлена этому, что вечером приказала подождать еще один день, надеясь, что заговор окончится неудачей.

Ведь любое большое дело невозможно осуществить втайне, избежав подозрений и намеков, хотя число участников заговора обычно оказывается очень небольшим; и тем не менее неизбежно наступает момент, когда нужно отдавать непосредственный приказ, раскрывая таким образом суть всего задуманного.

Д'Эльбен, вопреки своему обыкновению, в течение нескольких дней неотлучно находился в Лувре со своими сторонниками; отряд, охранявший Королеву, был возвращен в Лувр из Перонна, где находился до этого; Королева заставила принести себе новую клятву в верности господ де Креки, де

Бассомпьера, де Сен-Жерана, де Ла Кюре и других вельмож, коих называли «семнадцать сеньоров»[139]; все это, равно как и некоторые иные признаки, открыли наиболее прозорливым очевидное; и в тот же день после обеда Королева приказала д'Эльбену отправиться к Барбену и заявить, что не знает, что нужно делать; однако Линье, его пасынок, лейтенант роты рейтаров г-на де Майенна, явился к нему от лица своего сеньора, дабы заверить его, что тот считает Барбена человеком слова и умоляет его ничего не делать сгоряча.

Герцог Майеннский отправился к г-ну де Буйону, несколькими днями раньше запершемуся в своем собственном доме то ли по причине недомогания, то ли оттого, что чувствовал себя там более уверенно; они решили, что герцог Майеннский должен просить Господина Принца не являться на завтрашнее заседание Совета.

Однако его просьба оказалась напрасной, поскольку Господину Принцу казалось, что ни один человек не рискнет предпринять против него что-либо; он был уверен также, что если и случится что-нибудь, то это будет заговор, направленный скорее против г-на де Буйона, нежели против него самого.

Когда наступила ночь, господа де Темин, Манго и Барбен собрались у Королевы, чтобы обсудить планы и в последний раз попытаться помешать ей отложить задуманное; они убеждали ее, что, промедлив, они рискуют обнаружить свои замыслы и что они уже упустили подходящий случай, ибо все принцы, за исключением г-на де Буйона, утром прибыли в Лувр.

Барбен также объявил Королеве, что она не должна ничему удивляться и не должна готовиться к худшему; он не верил, что Париж восстанет ради Господина Принца; г-н Мирон, купеческий голова и офицер, возглавлявший охрану, сообщил ему о настроениях городских старшин; большинства из них не следовало опасаться.

Тем не менее все было возможно, и Королеве нужно было решить, что для нее лучше: отказаться от заговора и предоставить событиям развиваться по опасному для Короля сценарию или арестовать Господина Принца, который не сможет оказать ей сопротивления, и увезти его из Парижа, часть населения которого, вероятно, будет охвачена волнением. Королева выбрала второе, и исполнение приказа было назначено на следующий день.

Господин Принц явился в Лувр очень рано и пришел на заседание Совета, проходившее за три часа до совещания, которое будет описано далее; узнав, что Барбен уже долгое время находится в Лувре, Господин Принц позвал Фейдо, сказал ему,

что Барбен приехал туда в столь ранний час неспроста, и приказал разузнать, где именно он находится. Барбен попросил, чтобы его оставили в покое, поскольку он крайне огорчен состоянием супруги маршала, находящейся при смерти; и это развеяло подозрения Господина Принца.

Их Величества послали за г-ном де Креки, командиром полка гвардейцев, и г-ном де Бассомпьером, который был генерал-полковником отряда швейцарцев Ее Величества.

Королева предупредила их о замысле, созревшем у Короля и у нее: они должны были занять позиции у ворот Лувра, приведя своих солдат в боевую готовность, чтобы воспрепятствовать любым беспорядкам и арестовать Господина Принца, если бы тот, волею случая, собрался оставить Лувр; они высказали все свои возражения, пытаясь помешать Королеве осуществить ее план, преувеличивали трудности, которые могли бы иметь место, а затем потребовали грамоты, скрепленные большой печатью, предписывающие выполнить сей приказ.

В ответ на это Королева спросила их, неужели, учитывая чрезвычайную обстановку, в которой Король не мог предоставить им желаемое, им мало приказа, исходящего лично от Короля; тогда они принялись умолять ее по крайней мере отправить вместе с ними часть королевских телохранителей, с помощью коих они бы исполнили все приказанное Ее Величеством.

После долгого размышления о том, кого можно отправить вместе с ними, Король объявил Королеве, что нужно поручить сие Лоне, коему однажды доверили арестовать президента Ле Же и который был, без сомнения, храбрым человеком. За ним немедленно послали.

Когда он явился, Ее Величество приказала ему отправиться с господами де Креки и де Бассомпьером, дабы занять свой пост, и, если принцы и вельможи, имена которых она ему назвала, захотели бы удалиться из Лувра, он должен был приказать господам де Креки и де Бассомпьеру помешать им. Они вышли вместе и отправились туда.

Уходя, г-н де Креки обратился к Королеве с вопросом, нужно ли помешать уехать также и г-ну де Гизу. Она ответила отрицательно, заявив, что уверена в нем и его братьях. Гвардейцы встали наготове перед Лувром, и, чтобы не вызвать подозрений, королевский экипаж подъехал к подъезду, словно Король собирался уезжать.

Несмотря на это, сторонники принцев, терзаемые угрызениями совести, чувствовали опасность. Тианж, лейтенант отряда, охранявшего г-на де Майенна, сказал Ла Ферте, находившемуся у герцога де Роана, что затевается нечто, что он

видел господ де Креки и де Бассомпьера проследовавшими с некоторым количеством телохранителей на новые посты – они были бледны, а стража держала алебарды наготове; что он видел королевскую карету, однако боялся, что происходит нечто таинственное, ибо при всем том пока царит тишина; поэтому он немедленно обратился к дворянину, бывшему при нем, и послал его предупредить г-на де Майенна, который этим же утром отправился посетить г-на нунция. Другой дворянин пошел на заседание Совета предупредить Господина Принца, который слегка изменился в лице и тут же прервал заседание.

Тем временем Король и Монсеньор были у Королевы в кабинете: Ее Величество только что вошла в свои покои и разговаривала с дворянами, сопровождавшими господ де Темина и д'Эльбена, уверяя, что не забудет об их услуге. Сен-Жеран явился испросить аудиенции у Их Величеств и поведал им, что только что на мосту Нотр-Дам встретил г-на де Буйона, который в великой спешке промчался мимо в карете, запряженной шестеркой лошадей, в сопровождении всадников, вооруженных пистолетами, и что г-н де Ла Тримуй скакал рядом с ними.

Они не заметили его, но им доложили, что видели его направляющимся в Лувр; герцог Буйонский не желал возвращаться туда и повторить ошибку, на которую, как он прекрасно понимал, обрек себя Господин Принц, и воспользовался случаем, чтобы отправиться утром в Шарантон с многочисленными друзьями и несколькими солдатами охраны.

Их Величествам донесли также, что г-н де Майенн скрылся, однако это было неправдой, поскольку он уехал лишь час спустя. Тем не менее этот слух стал причиной, подтолкнувшей к действию, ведь были все основания полагать, что они не вернутся.

Выйдя с заседания Совета, Тианж начал шептать на ухо Господину Принцу, что его назначили на место г-на де Майенна и что он не мог сказать ему об этом раньше, ибо появился в тот момент, когда заседание Совета уже началось.

Господин Принц, услышав сию новость, побледнел как полотно и ответил, что если против него что-либо замышляется, то он не сможет никоим образом помешать исполнению замысла, и продолжил свой путь через нижний зал швейцарцев, намереваясь подняться по маленькой лестнице в покои Королевы, дабы присутствовать на заседании еще одного Совета, которое обыкновенно начиналось в одиннадцать часов.

Он обнаружил, что у дверей стоят двое телохранителей, удивился и уверился в том, во что не хотел верить, однако было слишком поздно. Как только он вошел, то принялся звать Короля и Королеву, находившихся неподалеку, в помещении, которое

служило Королеве кабинетом.

Их Величества, зная, что он пришел, и полагая, что все остальные скрылись, сочли невозможным более медлить и приказали г-ну де Темину арестовать Господина Принца, что и было исполнено без всякого сопротивления с его стороны – он оказался в полном одиночестве; лишь когда у него потребовали отдать шпагу, он вдруг отказался и обратился к г-ну де Роану, однако последний ничего ему не ответил.

Когда его вели в приготовленную для него комнату, он заметил д'Эльбена с некоторыми из его единомышленников, все они были вооружены алебардами; Господин Принц поверил, что это конец; однако д'Эльбен ответил ему, что не получал приказа причинить ему какой-либо вред и что все они – благородные люди.

Об аресте Принца сразу же узнал весь город, ибо всем, кто находился в Лувре, приказали немедленно покинуть его. Первые известия о случившемся были сообщены принцам заинтересованными людьми; некоторые из них собрались у г-на де Гиза, другие – у герцога Майеннского, возвращавшегося после визита к нунцию.

Маркиз де Кёвр оказался первым, кто явился в Лувр; чуть позже прибыл Аржанкур, посланец г-на де Гиза, который, не зная о замысле Короля, опасался, что окажется схваченным вместе с другими – общая угроза должна была объединить их; он отправил Аржанкура узнать у маркиза, не желает ли тот видеть г-на де Гиза, что он оказал бы г-ну де Гизу честь, прибыв в его особняк, дабы они смогли принять общее решение; герцог Майеннский, располагавший отрядом в сто или двести дворян, отправил к ним человека с просьбой дождаться его, чтобы они смогли тотчас отправиться к де Гизу.

Как только маркиз де Кёвр передал ему это известие, трое или четверо дворян отбыли, дабы предупредить герцога Буйонского, удалившегося в Шарантон; маркиз, не теряя времени, отправился напрямик к Сент-Антуанской заставе и послал Шамбре к г-ну де Майенну, умоляя его явиться для разговора, – он ожидал его в двухстах шагах от ворот. Г-н де Майенн сразу же отправился туда и сказал, что обратился к г-ну де Гизу с просьбой дождаться его.

Они решили поехать к нему вдвоем, чтобы собрать вокруг себя всех дворян, всех друзей и двинуться по парижским улицам, пытаясь поднять толпу и пробудить в ней решимость снова сооружать баррикады. Однако когда они уже намеревались войти в город, то подумали, что им нелегко будет овладеть воротами Сент-Антуан, дабы – если их план окажется неудачным – свободно

скрыться, и что лучше захватить ворота дю Тампль, ибо их проще удержать.

Они уже двигались туда, когда им встретился Аржанкур, направлявшийся с поручением от г-на де Гиза: он хотел помешать им, заявив, что г-н де Прален приезжал к г-ну де Гизу от имени Их Величеств, чтобы приказать ему явиться к ним; однако он извинился перед ними и скрылся, чтобы в тот же вечер встретиться с заговорщиками в Суассоне, который считал подходящим для отступления местом.

Сие известие охладило их пыл, они решили, что г-н де Гиз поступил крайне дурно, и, видя, что он отделился от них, не отважились вступить в город, но направились по дороге к Бонди, послав в Париж узнать, что именно там происходит, и особенно о состоянии г-на де Вандома; они также уведомили сапожника Пикара, что готовы войти в Париж с пятью сотнями всадников и что, со своей стороны, он должен попытаться сопровождать их, поднимая народ на улицах, как он умеет это делать.

Сразу после ареста Господина Принца большая толпа дворян явилась в Лувр, стараясь попасться на глаза Их Величествам и засвидетельствовать им свою верность.

Кто-то поступал искренне, кто-то – исходя из совершенно иных намерений, однако не было ни одного человека, кто не одобрил бы поступка Ее Величества; многие уверяли, что завидуют счастливой судьбе г-на де Темина, коему довелось принять участие в осуществлении сего замысла; однако на самом деле двор был настолько развращен, что трудно было найти кого-то, действительно готового спасти государство своей верностью и мужеством.

Ни герцог де Гиз, ни его брат, кардинал, не осмелились явиться туда, но отправили в Лувр принца де Жуанвиля[140], чтобы заявить о своем почтении и убедить Их Величества, что не относятся к тем, кого необходимо арестовать. Он не упустил случая всячески заверить Их Величества в отношении своих братьев и себя самого.

Королева, будучи по складу натуры довольно серьезным человеком, мало расположенным к ласковым жестам, к тому же устав от суеты, царившей в Лувре, и накала страстей, причиной коих она была, ничего не ответила и держалась холодно.

По всей видимости, подобное обращение должно было встревожить пославших его, посему Ее Величество отправила сказать г-ну де Пралену, что знает его как близкого друга г-на де Гиза и поручает ему отправиться к герцогу и заверить и его, и братьев г-на де Гиза, что Король не сомневается в них, считая их своими верными слугами.

Это известие привело герцога де Гиза в его обыкновенное состояние нерешительности и помешало окончательно встать на сторону остальных принцев, а также отправить к ним человека с просьбой собраться у него; теперь он хотел, чтобы принцы действовали без его участия. Однако то, о чем он просил их, нарушило их замысел вступить в Париж, где, если бы их план удался, они, вероятно, смогли бы разжечь народное недовольство: не хватало только главаря, готового подать сигнал к действию.

Г-жа Принцесса де Конде, мать Господина Принца, пожелала уехать из своего особняка и добралась до моста Нотр-Дам, призывая людей браться за оружие и крича, что маршал д'Анкр приказал убить принца де Конде, ее сына. Все внимали ее словам с удивлением и жалостью; однако она была одна и потому не сумела внушить народу смелость подняться в поддержку Принца.

Сапожник Пикар, ободренный словами принцев, достиг некоторых результатов и попытался устроить волнение в своем собственном квартале; но поскольку не нашлось ни одного знатного человека, готового возглавить толпу, буря, которую он поднял, обрушилась только на особняк маршала д'Анкра и на дом его секретаря Корбинелли, подвергшиеся яростному нападению и разграблению: от них осталась лишь груда камней и бревен; грабеж продолжался весь следующий день; несмотря на это, в Париже был наведен порядок, огонь мятежа потушен, и к людям вернулось здравомыслие; ибо, во-первых, Королева отправила в парламент известие о случившемся, а также послала от имени Короля нескольких дворян, с тем чтобы они проехали по улицам Парижа, предотвращая беспорядки; гражданскому судье было приказано усмирить толпу, убедив людей, что Господину Принцу ничего не угрожает, что ему не собираются чинить зло и что в его отношении приняты лишь некоторые необходимые меры.

Несмотря на то что г-н де Гиз отказал господам де Майенну и де Буйону в их желании собраться у него, дабы обсудить положение, он тем не менее решил в тот же день покинуть Париж и отправился в Суассон так быстро, что прибыл туда самым первым.

При дворе подумали, что г-н де Прален поступил вопреки отданному приказ, у и, вместо того чтобы от лица Их Величеств уверить г-на де Гиза, что тот может быть совершенно спокоен, г-н де Прален, напротив, посоветовал ему скрыться, досадуя, что не ему, а г-ну де Темину поручили арестовать Господина Принца.

Большее основание думать так давало, вопреки обычной зависти придворных, всегда неискренних, то обстоятельство, что г-да де Гизы уехали сразу же после того, как г-н де Прален поговорил с ними, а также то, что обе г-жи де Гиз, мать и супруга,

а также Принцесса де Конти заявляли, что бежали только из опасения, что против них плетутся сети; одна из них раскрыла Барбену, что однажды наступит день, когда она назовет того, кто дал им совет удалиться, и что он поверит ей больше, чем кому бы то ни было.

Г-н де Вандом скрылся еще раньше. Королеве сообщили, что, как только Господин Принц был арестован, тот организовал у себя несколько собраний. Сен-Жеран оказался одним из тех, кто рассказал это Королеве, некоторые другие, самые доверенные лица, также вызвались лично участвовать в аресте; им был отдан приказ, но г-н де Вандом опередил их, уйдя через заднюю дверь, и удалился в большой спешке.

Его некоторое время преследовали; однако его желание спастись оказалось сильнее, поэтому преследователи не смогли его схватить; он добрался до Вернея в Перше, принадлежавшего ему, и оттуда отправился в Ла-Фер. Некоторые подозревали, что отправленный за ним вдогонку Сен-Жеран подсказал ему, что нужно выйти с другой стороны дома, который был окружен.

Он был единственным, кого отправила Королева, поверив, что г-да де Майенн и де Буйон спаслись бегством слишком быстро, чтобы оказаться раненными.

А что касается г-на де Гиза, то поскольку она не имела ни малейшего намерения арестовывать его, то не стала и преследовать, ибо он был одним из сообщивших Их Величествам об опасности, а также потому, что она не хотела нападать сразу на многих и хорошо знала, что если ветреность этого принца и заставляет его прислушиваться к дурным советам других, то она же является препятствием к заключению с ними союзов: многие из влиятельных людей, несмотря на свое любопытство, тем не менее служили Королю.

Г-жа Графиня[141] заставила уехать и своего сына[142], поэтому двор опустел, лишившись многих вельмож, а вокруг Короля почти не оказалось принцев.

Рошфор, фаворит Господина Принца, призвал к себе Ле Менийе и удалился в Шинон, дабы затвориться там со слугами Господина Принца, способными защищать этот замок от Короля. Сансерские гугеноты воспользовались этим случаем и овладели замком, в который несколько лет назад вернулся с помощью кюре и католиков граф Сансер; с тех пор замок был в их руках с позволения Короля, не желавшего дать им предлог восстать против него. Ла-рошельские гугеноты захватили Рошфора в Шаранте, однако герцог д'Эпернон, в свою очередь, собрал войско и использовал гарнизоны Сюржера и Тоннэ-Шаранта, дабы воспрепятствовать их дурным намерениям.

Монета с портретом молодого Людовика XIII. *Аверс и реверс*

Однако вернемся к Господину Принцу, которого мы оставили в руках г-на де Темина; г-н де Темин привел его в специально предназначенное для него помещение; когда наступило время ужина, Господин Принц раскапризничался и попросил, чтобы его слуги сами приготовили ему мясо; сия просьба была выполнена. Король отправил к нему г-на де Люиня, дабы укрепить его и уверить, что с ним будут хорошо обращаться; Королева-мать также отправила к нему своего человека.

Господин Принц потребовал встречи с Барбеном. Как только тот вошел к нему, он сразу же принялся говорить о нескольких предметах одновременно, ибо был вне себя и его поглощали сильные эмоции, соединившиеся отныне в желании освободиться.

Он спросил, схвачен ли г-н де Буйон, узнав, что нет, несколько раз заявил, что с его арестом промедлили, и приказал в течение двадцати четырех часов свернуть ему шею; в нем говорили бешенство и возмущение; вот уж поистине слова отражают всю злую природу человеческой натуры: нам хочется, чтобы весь мир погиб вместе с нами, мы ненавидим тех, кто не разделяет с нами нашей беды.

В то же время Господин Принц стал умолять Барбена уговорить Королеву выпустить его на свободу, а маршальшу – упасть к ее ногам с той же просьбой: вот насколько велика уверенность сильных мира сего, что, как бы дурно они ни поступали, все им обязаны.

Господин Принц заявил, что в том случае, если его захотят подвергнуть публичному процессу, он ничего не скажет; в другой раз он заявил то же самое; и добавил, что, если бы Королева захотела передать ему весть об освобождении через маршала

д'Анкра и г-на де Темина, он открыл бы ей как собственные низкие умыслы, так и планы своих сторонников, замышлявших против Короля: это отнюдь не свидетельствовало о благородстве и смелости, которой должен обладать человек его положения.

Королева ответила мудро и достойно: что она не желает знать более того, что знает, и предпочитает скорее забыть о прошлом, чем снова ворошить его.

Потом он заявил маршалу де Темину, что, если бы Королева промедлила, Король лишился бы короны: это свидетельствовало о его былой дерзости, а также о подлых планах его сторонников; все это было примером того, какие разноречивые мысли обуревают сильных мира сего, когда они, совершенно того не ожидая, оказываются загнанными в угол, и об отсутствии благородства, характерном для тех, кто не сумел обуздать себя, будучи обласканным судьбой.

В день, когда он был взят под стражу, г-н дю Вер, хранитель печати, Вильруа и президент Жанен испросили аудиенции у Королевы, у которой в тот момент находился г-н де Сюлли, и повели с ней речь о том, что дело зашло так далеко, что, если Господина Принца не освободят, страна будет в опасности; они говорили об этом то ли по своей неопытности, как г-н дю Вер, то ли по причине врожденной робости души, как г-н де Вильруа, которому вообще было присуще подчиняться обстоятельствам и скорее отдаваться на их волю, чем самому руководить ими, то ли по причине привязанности к принцам, как президент Жанен, постоянно ждавший от каждого из них милостей.

Г-н де Сюлли, резкий и недостаточно осмотрительный, пламя ума коего, не озаряя прошлого и не освещая будущего, распространялось только на настоящее, добавил вслед за остальными, что тот, кто посоветовал Королеве взять Господина Принца под стражу, сослужил плохую службу государству.

Королева, видя, как было воспринято ее решение, отданное после тщательных раздумий, отвечала, что удивлена дерзостью его речей и что, должно быть, он лишился рассудка, если спустя три дня после того, что он сказал Королю, он уже все забыл; услышав это, он сконфузился и покинул собравшихся, к немалому их удивлению.

Спустя какое-то время его супруга попыталась извиниться за него, объяснив его поведение страхом, связанным с тем, что незадолго до того его предупредили, будто принцы и вельможи, сторонники Господина Принца, приняли решение убить его, уверенные, что он – инициатор ареста Господина Принца.

Королева, заверенная своими слугами и огромным количеством знати в преданности Королю, не изменила своего

решения и лишь предприняла ряд мер, чтобы еще упрочить его и обезопасить от возможных случайностей.

3 сентября она велела перевести Господина Принца в хорошо охраняемое и защищенное решетками помещение Лувра.

А 6 сентября Король был в парламенте, где сделал заявление о взятии Господина Принца под стражу; он пояснил, что ради спокойствия в государстве и следуя Луданскому договору, он передал во владение Господина Принца губернаторство и города в провинции Берри, большую сумму денег одному из примыкавших к его партии вельмож, право талиона другому и непомерные, незаслуженные выгоды всем его сторонникам, без чего нельзя было заручиться их спокойствием, для чего, собственно – в том не было сомнений, – они и брались за оружие.

Но, несмотря на все это, они нарушили договор и, не оценив того, на что он пошел ради них, наступив на свою гордость, покусились на свободу Его Величества.

И вот все эти происки вынудили его не только ради собственного спасения, но и ради государства арестовать Господина Принца, чтобы таким образом вырвать его из-под власти тех, кто окончательно завел бы его в тупик и погубил, и ограничить этим арестом не столько его свободу, сколько действия пользующихся его покладистостью и его именем злоумышленников.

Тем не менее Король объявил, что прощает всех причастных к этому заговору, примкнувших к нему советами или делами, при условии, что они явятся в течение двух недель просить прощения у Его Величества; также он заявил, что тот, кто будет упорствовать в дурных замыслах, понесет наказание в соответствии с королевскими ордонансами и будет обвинен в оскорблении королевской власти.

По прошествии недолгого времени было объявлено под звуки фанфар, что все слуги и приближенные вышеупомянутых принцев в течение двадцати четырех часов должны покинуть Париж, если ими не будут сделаны заявления о верности Его Королевскому Величеству.

И дабы не упустить ничего, что вело бы к миру в стране, он известил собравшихся в Суассоне г-д де Шанвалона, де Буассиза и маркиза де Виллара, деверя г-на де Майенна, что предлагает им все, чем королевская власть может поступиться ради того, чтобы они вернулись к своим обязанностям.

Эти принцы собрались в Суассоне 2 сентября. Г-да де Гиз и де Шеврёз прибыли туда первыми, г-н де Френ, губернатор города, находившегося во владениях г-на де Майенна, отказался отворить им ворота до прибытия самого г-на де Майенна, и, хотя г-н де Гиз

пытался поспорить с ним, все одобрили подобное поведение.

В первый же день они отправили к герцогу Вандомскому, бывшему в это время в Ла-Фере, и герцогу де Лонгвилю, находившемуся в Перонне, просьбу в течение трех дней прибыть в Куси, чтобы там обсудить положение дел. Кардинал де Гиз, прибывший в Суассон 3 сентября, также оказался в Куси. Г-н де Гиз был очень опечален и растерян: то ли вспомнил о случившемся некогда с его отцом и ужаснулся тому, что оказался замешанным в заговоре, то ли оттого, что впервые вот так открыто примкнул к антикоролевской партии и растрачивал славу, которой так кичился – славу человека, всегда твердо следующего решениям Короля, – то ли оттого, что не считал их Лигу жизнеспособной, учитывая, что Господин Принц находился под арестом, то ли сожалел, видя, как теряет честь командовать армиями Его Величества, будучи сведенным до уровня других принцев, оспаривавших его право на такое положение.

Его поведение было непонятно принцам, и они перестали ему доверять. Дабы полностью привлечь его на свою сторону, они воздавали ему всевозможные почести и дали ему понять, что он будет признан ими своим главой, что вызвало протест со стороны лишь г-на де Лонгвиля.

Это, однако, не помешало им принять план действий, по которому каждый обязывался набрать как можно большее число сторонников и через двенадцать дней съехаться в окрестности Нуайона, где был назначен главный сбор; они рассчитывали на восемь-девять тысяч пеших воинов и на полторы-две тысячи конных, с тем чтобы вести их прямо на Париж и там сразиться с королевскими войсками, если те окажутся у них на пути, а заодно и понять, как их поход повлияет на недовольные умы Парижа.

Столь хорошо выработанный план не возымел того успеха, на который они рассчитывали, так как, хотя они разделились, отправившись собирать войска: г-н де Гиз – в Гиз, г-н де Майенн – в Суассон, г-н де Буйон – в Седан, г-н де Лонгвиль – в Перонн, маркиз де Кёвр – в Лан, г-н де Вандом – в Ла-Фер, некоторые из них вели двойную игру, как это и бывает в любом союзе, в котором каждый старается блюсти собственные интересы, не зависящие от других, и отделяется от общего дела, которое превращается таким образом лишь в предлог.

Первым нарушил свое обещание г-н де Гиз. Тотчас по приезде в Гиз он отправил одного дворянина к г-ну де Лоррену, чтобы уговорить его присоединиться к партии, а другого дворянина – к г-дам д'Эпернону и де Бельгарду; маршал де Ледигьер был насильно удерживаем в Италии и потому не участвовал в названных событиях.

Однако, получив через три дня известие от супруги – переданное с аббатом де Фуа – о том, что Король, желая договориться с ними, распорядился выслать к ним парламентеров, как мы говорили выше, он бросил всех, кого успел собрать под свои знамена в Гизе, и отправился в Льесс, где поручил маркизу де Кёвру передать г-ну де Майенну, что назавтра он прибудет в Суассон.

Г-ну де Майенну не понравилось, что он бросил тех, кто отозвался на его призыв.

Тем не менее, по требованию парламентеров Короля, они попросили всех лигистов собраться в Суассоне, что те и сделали, кроме г-на де Лонгвиля, который благодаря посредничеству г-на Манго единолично помирился с Королем, несмотря на то что был вожаком, горячо настроенным против маршала д'Анкра, – он действовал отдельно от других, хотя был одним из главных зачинщиков, а некоторое время спустя передал Перонн под власть Короля, который назначил губернатором города г-на де Блеранкура, а самому г-ну де Лонгвилю отдал Ам.

Пока оба находились в этих городах, г-н де Терм, один из приближенных г-на де Бельгарда, явился, чтобы встретиться с г-ном де Гизом для беседы на предмет того, о чем он уже сообщал ему ранее через своего дворянина. Находясь в Льессе, он получил ответ от г-на де Лоррена – ответ доставил граф де Булэ, от г-на д'Эпернона также вернулся посланный к нему дворянин, доставивший лишь красивые слова, правда, у г-на д'Эпернона вырвалось, что если г-н де Гиз так легко покинул двор, то вернется туда еще скорее.

То ли г-н де Гиз и впрямь еще не принял никакого решения, то ли делал вид, что не принял, только он рассмотрел несколько возможностей, как то: отправиться в Жуанвиль, самый близкий к Лотарингии город, чтобы собрать там отряды и попытаться вырвать свою супругу из Парижа у двора, где она была всячески обласкана; двинуться в Прованс, чтобы там вести подрывную работу.

Однако принцы, зная о том, что его намерения зачастую расходятся со словами, не поверили ему и не поддались на его предложения.

Поскольку кардинал де Гиз осудил поведение брата, принцы пообещали, что подчинятся ему в том случае, если сравнятся с ним в званиях и дальнейшим спорам относительно степеней благородства будет положен конец.

Г-на де Невера не было в Париже, когда арестовали Господина Принца, и ничто не связывало его со сторонниками последнего; в свою очередь, и они не возлагали на него никаких

надежд и были немало удивлены, когда от него прибыл дворянин с заявлением, что г-н де Невер хочет присоединиться к ним. Вот каким легкомыслием и недальновидностью он отличался.

После заключения Луданского договора, с отвращением взирая на распри, в коих погрязли вельможи, он пожелал служить вне королевства; он был одержим борьбой с турками и умолял Королеву написать об этом Папе и испанскому королю. Рассчитывая также на участие немецких принцев, он пожелал ехать с чрезвычайным посольством к Императору и приветствовать того от имени и под знаменами Его Величества.

Перед отъездом он явился к Королеве с книгой, в которую надеялся собрать подписи всех тех, кто сочувствует его намерениям и желал бы участвовать в них деньгами, умолял ее поставить свое имя первой, указав сумму в четыреста тысяч экю. Добившись от нее желаемого, в начале августа он отправился в путь.

Весть об аресте Принца застала его на границе Шампани, он не только остановился, но и дерзнул обратиться к Королеве с письмами весьма неучтивого свойства. Королева умело скрыла то недовольство, которое испытала, получив эти письма, и отдала приказ не принимать г-на де Невера ни в одном из городов, находившихся под ее властью.

Шалон, куда он собирался войти, закрыл перед ним ворота, чем вызвал его сильнейшее негодование, после чего он перестал скрываться и послал к принцам в Суассон сказать, что желает примкнуть к ним.

Тем временем послы Короля прибыли в Виллер-Котре и, не имея приказа продолжать путь до Суассона, встретились с принцами на ферме Кравоссон, отстоящей от Суассона на одно лье: на этой ферме принцы встречались впервые.

Парламентеры начали с того, что отделили г-на де Гиза от остальных, надеясь, что это поможет им повлиять на тех. Г-н де Шанвалон, уполномоченный вести переговоры и служивший г-ну де Лоррену для связи с Его Величеством, пользовался его доверием, однако секретарь герцога Монтелеонского, испанского посла, убедил его от имени хозяина, что будет порукой слову, которое получит, понимая, что верить маршалу д'Анкру трудно.

Неплохим козырем в переговорах оказалась сильная армия Короля, подошедшая тем временем к Виллер-Котре и готовая споспешествовать тому, чтобы они перестали спорить и выдвигать свои условия.

И все же принцы представили множество требований – больше для вида, не желая уронить своего лица, чем надеясь что-либо получить; при этом основные их требования сводились к

следующему: не быть обязанными являться зимой ко двору и получить от Короля средства на содержание собственных гарнизонов.

Они просили также о том, чтобы условия Луданского договора остались в силе, чтобы королевские войска ушли из Шинона и Буржской крепости, а их командующие перешли в их подчинение; чтобы гарнизоны крепостей, принадлежащих герцогу Майеннскому, были усилены двумя сотнями пехотинцев; чтобы во время общего съезда в Суассоне была удовлетворена их просьба выплаты жалованья рядовым, кавалеристам и всем остальным; чтобы герцогу Вандомскому было поручено проведение Генеральных Штатов в Бретани; чтобы его рейтары были закреплены за ним приказом; чтобы ему были приданы сто пехотинцев для удержания гарнизона в Ла-Фере; чтобы Его Величество приказал срыть укрепления в Блаве и убрать гарнизоны из тех мест, в которые он направил их во время ареста Господина Принца, приведя свою армию в полную боевую готовность.

Г-н де Гиз, желавший только одного – увидеться с Их Величествами, – просил принцев одобрить его поездку ко двору, заверяя их, что будет способствовать удовлетворению их требований. Он прибыл ко двору 24-го числа вместе со своими братьями, ему был оказан прекрасный прием, после чего он вернулся к принцам, дабы изложить им волю Короля, а 29-го уже вновь был при дворе.

Его Величество согласился усилить гарнизон г-на де Майенна в Суассоне на двести солдат и гарнизон г-на де Вандома в Ла-Фере на сто солдат, однако не пожелал даровать им никакого денежного вознаграждения.

Что касается Луданского договора, Король обещал не нарушать его условия. Больше он не пошел ни на какие уступки, так как пожелал действовать не по чьей-то указке, а по собственной воле.

Г-н де Буассиз доставил принцам ответ на их требования; ответ их не устроил, они лишь расписались в его получении 6 октября.

16 октября Его Величество подписал декларацию, в коей говорилось, что, отдав приказ об аресте Господина Принца, он не считает виновными принцев, сеньоров и прочих своих офицеров, покинувших Париж 1 сентября; напротив, он объявлял их своими верными слугами и желал, чтобы они снова пользовались его милостью и по-прежнему служили ему. Он приказал составить и другую декларацию, частного характера – относительно г-на де Лонгвиля, – весьма благожелательного содержания.

Благодаря всем этим мерам конфликт, по крайней мере на некоторое время, был улажен. Крепости, удерживаемые в Берри Господином Принцем, были переданы под командование г-на де Монтиньи, назначенного маршалом Франции вместе с г-ном де Темином вскоре после ареста Господина Принца; Шинон, где укрылся Рошфор, также был приведен в повиновение Королю; а сам Рошфор покинул город: не из-за писем, полученных от Господина Принца, а скорее из-за боязни осады со стороны маршала де Сувре, занявшего позиции напротив города; губернатором города стал д'Эльбен.

Все вернулось в прежнее состояние и вокруг Ла-Рошели: не подчиняющийся власти Короля замок Рошфор был захвачен, герцог д'Эпернон отозвал свои гарнизоны из Сюржера и Тоннэ-Шаранта. Благодаря последнему принцы были возвращены на путь исполнения своего долга хотя бы внешне.

Единственным, кто никак не успокаивался, был г-н де Невер: он подбивал военных на мятеж, заручался поддержкой друзей, не раз наведывался в Седан, чтобы держать совет с демоном мятежников, и повсюду – в Мезьере, Ретеле, Ла-Кассине, Шато-Портьене, Ришкуре и других городах, находившихся в его власти, без позволения Короля насадил военных, однако самые мудрые, не разделявшие его мыслей, были удивлены, зная, какими силами располагает Король, и понимая, что г-ну де Неверу их не одолеть.

Королева использовала все средства, бывшие в ее распоряжении, чтобы довести до его сведения, как он не прав: отправила к нему г-на Мареско, а когда тот не смог ничего добиться, оказала честь мне, послав к нему от своего лица, веря, что мне достанет ловкости вразумить его; однако все было напрасно: г-н де Невер был не способен внять доводам разума.

Он продолжал плести интриги; об этом было известно от губернаторов, просивших усилить их гарнизоны и заявлявших, что они снимают с себя ответственность за их возможную потерю в случае, если тот их захватит.

Дабы не давать им повода вновь выдвинуть их обычные требования и не вооружать их чрезмерно, Королева предприняла следующее: в Шампань были направлены комиссары с целью уведомлять ее о происходящем; она не пожелала усилить гарнизоны в указанных городах и удовлетворилась тем, что отправила их губернаторам и населению распоряжение быть начеку, чтобы при этом г-н де Невер не смог заявить, что против него замышляли.

Г-н де Невер вознамерился овладеть Реймсом. Король отправил туда маркиза де Ла Вьёвиля, своего генерал-лейтенанта в этой части Шампани, однако приказал взять с собой лишь своих

родственников. Спустя некоторое время г-жа де Невер подъехала к городским воротам, желая попасть внутрь; это произошло 14 ноября; маркиз, разузнав об обстановке и о ее связях в городе, самым почтительным тоном, на который только был способен, отказал ей, и ей пришлось провести ночь в предместье. Герцог Неверский, разгневанный этим, отправил вооруженный отряд захватить замок де Сиж, принадлежавший маркизу де Ла Вьёвилю и расположенный в Ретлуа, а немного времени спустя отправил письмо своему фискальному прокурору в герцогстве Ретлуа, прося его оформить эту землю на себя под предлогом того, что маркиз со времени кончины своего отца не занимался ею должным образом.

Франс Пурбус Младший.
Портрет Марии Медичи. *1616 г.*

Маркиз де Ла Вьёвиль пожаловался Королю, и Его Величество отправил к нему Барантона, одного из своих телохранителей; 21-го числа того же месяца Барантон приказал людям, захватившим замок маркиза, оставить его и уверил г-на де Невера, что в Реймсе все было сделано согласно приказу Короля.

Г-н де Невер ответил ему в очень дерзких выражениях, например, что те, кто при дворе, – находятся под палкой, его же это ничуть не касается, и что через три месяца все будут так же

откровенны, как он, и что он с двадцатью тысячами войска выступит навстречу г-ну де Пралену, командующему армиями Его Величества в провинции.

Барантон составил протокол, который отправил Его Величеству, приказавшему хранителю печатей дать заключение по результатам рассмотрения сего протокола и рапорта г-д де Комартена и д'Ормессона, государственных советников, – их рапорт также был отправлен Королю, дабы поставить его в известность о восстаниях военных и замыслах вышеозначенного герцога, равно как и учитывая мнения губернаторов городов этой провинции и выдвигаемые ими протесты.

Это заключение следовало сделать относительно того, как лучше поступить в подобных обстоятельствах, исходя из соображений необходимости мира в государстве.

Вопрос был вынесен на обсуждение, хранитель печатей высказался за то, чтобы отправить его на решение в парламент. Г-н де Вильруа, хотя его подозревали в благосклонности к принцам, ответил, что это не входит в компетенцию парламента, а президент Жанен дал совет разделить дело и отправить в парламент ту его часть, которая касалась захвата земельной собственности; ему смело возразили, что это означало бы затеять процесс дворянина с принцем за службу Королю.

Г-н Манго, государственный секретарь, взял слово и выступил в защиту маркиза де Ла Вьёвиля; г-н Барбен заявил ему, что тот забыл одну вещь, явно свидетельствующую о виновности г-на де Невера, а именно: что захват земельной собственности был сделан лишь спустя несколько дней после захвата имения.

Хранитель печатей, с неохотой вынесший это дело на всеобщее обсуждение и находившийся в состоянии раздумья, прямо-таки взорвался и заявил Барбену, что тот ошибается, если думает сделать его посредником в своих жестоких планах. Тот возразил ему, что всего лишь высказывает свое мнение, ради коего все и собрались тут, и что теперь нужно выслушать мнение остальных.

На что хранитель печатей отвечал, что не собирается делать этого до тех пор, пока не соберутся сведущие люди. Барбен поднялся и ответил ему: «Я единственный человек, кто, возможно, не сведущий, остальные же собравшиеся здесь господа весьма и весьма сведущи и были ими тогда, когда вас и на свете-то не было»; и, сказав сие, он отправился в Лувр, где поведал о случившемся Их Величествам.

Между тем наступило время Совета, и хранитель печатей явился в Лувр. Королева попросила его зачитать протокол об освобождении перед всеми принцами и сеньорами – в том случае,

если таковой при нем. Хранитель печатей на мгновение замялся, и Барбен настоял, чтобы протокол был зачитан, дабы все узнали об оскорбительном поступке герцога Неверского.

И не было никого, кто не осудил бы герцога и не признал бы, что Их Величества никак не могут испытывать к нему приязни. Королева обратилась к хранителю печатей, желая узнать, что тот думает по этому поводу; он молча отступил на шаг назад; Королева, удивившись, переспросила еще два раза, и оба раза, как и в самый первый, хранитель печатей промолчал.

Король посчитал это чрезвычайной неучтивостью – он и до того был недоволен неуступчивостью и неопытностью хранителя печатей; кроме того, на него жаловалась и наиболее здравомыслящая часть духовенства – он имел у нее репутацию человека слабого в вере. Его Величество попросил Королеву уволить его.

Вечером того же дня у него были отобраны и переданы г-ну Манго печати. Мне же была оказана честь стать государственным секретарем, коим до сего момента был г-н Манго. Несколькими днями ранее мне поручили отправиться в Испанию с тайным посольством, дабы завершить некоторые из наших тамошних дел. В списке членов посольства после меня был записан граф де Ла Рошфуко.

Я попросил разрешения довести свою миссию до конца, поскольку она была лишь временной, а поручение довольно обычным. Однако мне не было это позволено, и я не мог не подчиниться воле своего государя; признаюсь, что немногие молодые люди отказались бы от выполнения столь блестящего поручения, которое являет собой путь к славе и большим должностям одновременно.

Я узнал о просьбе Королевы, переданной через маршала д'Анкра, к тому же Барбен был моим другом и очень уговаривал меня согласиться, что я и сделал.

Поскольку я получил должность, маршал стал оказывать на меня давление, чтобы я отказался от своего епископства, которое он желал отдать дю Веру.

Однако, приняв во внимание непостоянство придворной жизни и переменчивость натуры этого вельможи, а также превратности, которыми была чревата его судьба, я не дал своего согласия, чем вызвал его недовольство совершенно безосновательно. Я пытался объяснить ему, что не стремлюсь ничего выгадать, взявшись за предложенную мне обязанность, и могу потерять все.

Кроме того, отказ от епископства мог выглядеть так, словно я купил должность, а это не составило бы чести ни ему, ни мне. Но

ни один из этих доводов не показался ему весомым, и г-н Барбен, чей склад ума был более практическим, нежели мой, сказал мне, что, как бы я ни поступил, маршал все одно не будет доволен, поскольку подлинная его цель состоит в том, чтобы лишить меня всего и сделать зависимым от его прихотей. Так мой друг укрепил меня в решении не отказываться от епископства.

Что касается г-на дю Вера, то ни один человек до него не вступал в должность с такой прекрасной репутацией, как он, и никто не оставлял ее, настолько лишившись уважения и доверия, хотя его назначение служило цели показать различия, существующие между дворцом[143] и двором, между частным правосудием и управлением общественными делами. В своих высказываниях он был груб, терялся при малейших затруднениях и не обладал должной ответственностью.

Господа де Буйон и де Майенн имели на него такое сильное влияние, что он, не стесняясь, представлял их интересы. Однажды – как мы уже рассказывали – он упрекнул Королеву в присутствии сих господ в том, что она мало доверяет им, и что если она будет подозревать их и дальше, то даст им повод искать поддержки на стороне, и что, оказавшись в отчаянном положении, они будут вынуждены найти себе другого покровителя, ославив ее поступки.

Удвоив с самого начала регентства жалованье этим господам и осыпав их милостями, она тем самым хотела удержать их, напоминая им о долге; они же воспользовались ее добротой ей во зло, стали устраивать заговоры, взялись за оружие в провинции, потеряли уважение к Государю, возмутили общественное спокойствие.

Все благонамеренные подданные желали, чтобы они были наказаны, они же, как ни странно, лишь выиграли от мятежа, который должен был повергнуть их в прах, – Королева обратилась к Королю с просьбой вознаградить их за их ошибки. Однако доброта Королевы не исправила их, воцарившийся мир был не прочен, они вынашивали новые планы по возмущению спокойствия в государстве.

Заговорили о женитьбе Короля – они стали угрожать, что помешают этому событию; Король поступил, как считал нужным, – они взялись за оружие. Их преступления дали повод Королю наказать их – они были в тот момент слабы, – но Королева воспротивилась.

С ними было заключено соглашение, и, вместо того чтобы поступить как карающий судья, Король обошелся с ними по-отечески.

Но и после всего этого, едва сблизившись с двором, они сразу стали отдаляться от него. Королева проявила большую

неосторожность, доверившись им и отговорив Короля от наказания этих господ.

Еще не стихли возмущение и удивление, вызванные арестом Господина Принца, как маршал д'Анкр вернулся ко двору. Его возвращение не сулило ни малейшей надежды на то, что он будет править хоть немного лучше.

Его супруга была так напугана – об этом мы говорили выше – и пребывала в такой меланхолии, что отчасти даже повредилась рассудком: перестала выходить из своей комнаты, отказывалась видеть кого-либо, вообразив, что всякий, кто смотрит на нее, насылает на нее чары – даже Барбен, которого она умоляла не приходить больше.

По прибытии маршал спросил Барбена, грозит ли ему чем-нибудь участие в государственных делах. Барбен, уже зная о решении допустить маршала до дел и понимая: что бы он ему ни посоветовал, тот все равно не удержится в стороне, сказал, что он может заниматься делами и он не видит к тому препятствий.

Однако это стало началом конца маршала, вызвав по отношению к нему ненависть общества, дав повод Люиню порочить его в глазах Королевы и Короля и готовить тем самым бурю, которая – как мы увидим – разразится год спустя. Люинь твердил Королю, что маршал сосредоточил в своих руках власть, считает Его Величество пустым местом и, укрепляясь в своих дурных замыслах, сеет раздор между ним и Королевой-матерью.

На праздник Всех Святых король слег – у него случился обморок; Королева, находившаяся в Фёйане, тотчас вернулась в Лувр: в течение последующих трех или четырех дней Король поправился. Королева постоянно заговаривала об этой болезни, и дю Вер, в то время еще занимавший пост хранителя печатей, подумал, что недуг Короля гораздо серьезнее и может повториться весной.

Оттого и Королева, советуясь с г-ном Эруаром, первым медиком двора, делилась с ним своими опасениями, что Его Величество весной снова может слечь. Люинь не преминул воспользоваться случаем и сообщил Королю, что против него что-то замышляется и это что-то должно произойти весной. Он то и дело давал Королю понять, что принцы понесли наказание из-за маршала д'Анкра, что они очень привержены Его Величеству и несказанно огорчены его болезнью.

Эти слова запали Королю в душу, и по его приказу – но как бы от собственного имени – г-н де Жевр отправил г-ну де Майенну депешу в Суассон, оповещая о благожелательном отношении к нему Короля, о зародившейся у Его Величества мысли удалиться от Королевы-матери в Компьен, где все принцы

могли бы с ним повидаться.

Сие известие воодушевило принцев, и они отдали кардиналу де Гизу приказ всячески помогать г-ну де Люиню, дабы извлечь из этого дела наибольшую выгоду. События приняли такой очевидный оборот, что Ла Шене, прислуживавший Королю дворянин, приближенный одновременно и к г-ну де Люиню, выслал к ним Женье, через коего передал, что Король недоволен маршалом д'Анкром и призывает всех держаться вместе и ни в коем случае не мириться с маршалом.

Несмотря на все это, назначение министров оказалось для принцев неожиданным; они были уверены, что без таких умов, какими обладали они, государство будет вынуждено снова обратиться к ним, и возгордились чрезмерно. Тем не менее они ни на йоту не приблизились к выполнению своих обязанностей, напротив, усилили бунт, особенно это касалось герцога Неверского, делавшего это в открытую; г-н де Буйон интриговал незаметно, возводя хулу на собственное правительство перед иностранными правительствами: он отправил в Голландию, в Льеж, и в различные города Германии послания, в коих ругал правительство. Так, г-н дю Пеше из Льежа говорил о Короле в неподобающих выражениях.

И один льежский дворянин, несогласный с подобными заявлениями, осудил его за предательство, дело дошло до рукоприкладства, и дю Пеше был убит. Были и иные случаи ущемления королевской власти, приведшие к конфликтам и появлению огромного числа вооруженных людей – в Седане, в Шампани, где герцог Неверский собирал их и направлял в покорные ему города.

Узнав об этом, Король был вынужден отправить в эту провинцию вооруженные отряды под командованием маршала де Пралена, дабы поддержать своих полномочных представителей, извещающих Его Величество о нарушениях принятых им ордонансов, судить виновных и готовых в любую минуту представлять его интересы.

Прошло совсем немного времени, и эти войска весьма пригодились, поскольку в ночь на 1 декабря герцог Неверский неожиданно вступил в город Сент-Менеу, закрепился там и расположил в замке гарнизон из пятисот человек.

Этот город был важным пунктом, защищающим Седан и Мезьер и перекрывающим путь на Верден. Маршал де Прален вступил туда во главе королевских отрядов, пообещав десять тысяч экю Буконвилю, наместнику замка, и стал хозяином положения, изгнав гарнизон де Невера 26 декабря и препроводив его в Ретель.

Несмотря на все дурные поступки герцогов Неверского и Буйонского, последний, действовавший более скрытно, имел мужество написать Королю, жалуясь, что войска, коими располагает Его Величество в Шампани, притесняют его, а посол Короля в Брюсселе препятствует свободной торговле с Седаном, которому, по мнению де Буйона, Его Величество отказал в протекции; а также о том, что ему придется помочь самому себе теми способами, которые имеются в распоряжении каждого.

Его Величество ответил ему 27-го числа с необычайной твердостью, указав герцогу на его недостойное поведение и на то, что отправленная им жалоба имела целью упредить порицание, которое он, Король, намеревался выказать ему, а также держать народ в ложном убеждении, будто с ним плохо обращаются.

По поводу упрека в отношении торговли, якобы не развивающейся, Король ответил, что дело было в том, что королевский посланник действительно чинил ей препятствия при проходе войск, враждебных Королю. Далее он писал, что, будь герцог умным человеком, вместо угроз применить те или иные способы защиты, ему следовало попросить дать объяснения, и они были бы даны ему от лица королевской власти, которой он обязан всем, что имеет.

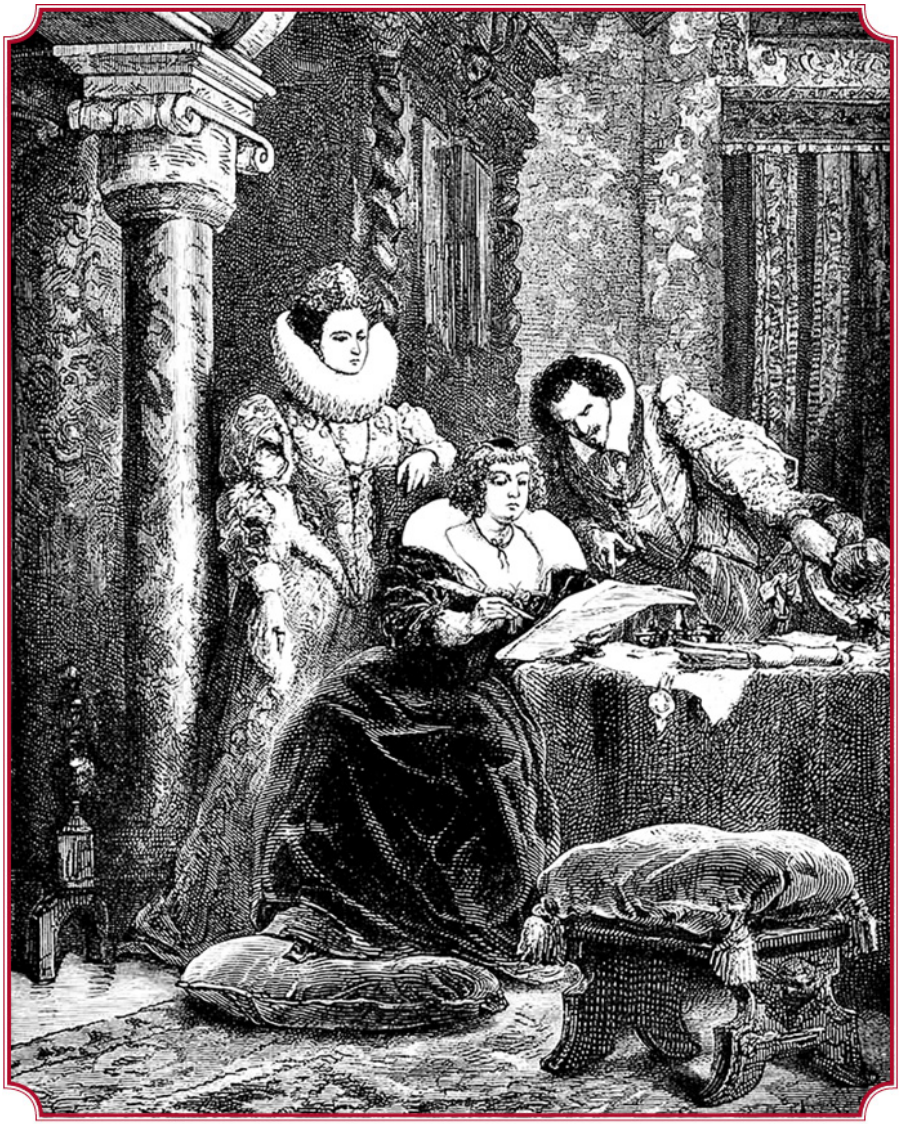
Ответ, твердый и дышащий величием и зрелостью, несвойственными Королю прежде, не возымел тем не менее должного действия по вине маршала д'Анкра: питаемая к нему ненависть сослужила плохую службу – все, что исходило от него, смущало и народ, и вельмож, и самого Короля.

Мы уже сказали, что через три дня после своего ареста Господин Принц был переведен в другое помещение, более охраняемое; его не оставляла надежда оказаться вскоре на свободе, однако ситуация изменилась: и ему, и тем, кто принадлежал к числу его сторонников в Париже, перестали доверять.

Один из его рейтаров по имени Бурсье в конце октября был обвинен женщиной дурного поведения в том, что будто бы, находясь в одном довольно сомнительном месте, он рассказывал, как чуть было не убил Королеву-мать в ее собственном люксембургском доме, куда она часто приезжала, но ему помешали – в первый раз кардинал де Гиз и Бассомпьер в другой раз. Барбен немедля отправил эту женщину к хранителю печатей дю Веру на допрос; протокол допроса подтверждал, что доверять словам этой потаскухи нельзя.

Барбену показалось, что не стоит пренебрегать делом, в котором речь идет о жизни Королевы, и сделал так, чтобы Его Величество распорядился снять с г-на дю Вера выполнение других

обязанностей и вместе с г-ном де Мемом, лейтенантом гражданской службы, заняться разбирательством этого дела чрезвычайной важности.



Мария Медичи и супруги Кончини. *Гравюра. XIX в.*

4 ноября Бурсье был почти единогласно приговорен к смерти, однако сперва ему предстояло пройти пристрастный допрос. Все советники захотели присутствовать при допросе, хотя это и не было принято, – то ли для того, чтобы показать свое рвение и желание угодить, то ли потому, что улики оказались столь

серьезными и советники вознамерились узнать что-либо, подтверждающее справедливость их решения.

Обвиняемый снова признался в преступных намерениях, изложив все подробности в соответствии с обвинением.

Еще двое, принадлежавших к страже Господина Принца, были схвачены, будучи замеченными с Бурсье, однако, не обнаружив за ними никакой вины, их освободили. Один из них, по имени Вогрэ, удалился в Суассон, надеясь быть там хорошо принятым, где он заявил, что был послан убить герцога Майеннского, как мы в этом убедимся спустя год.

Дело Бурсье повысило недоверие к Господину Принцу и привело к тому, что с подозрением стали относиться и к его офицерам, готовящим ему пищу и прислуживающим ему во время трапезы, – они будто бы передали ему несколько писем в паштете; их прогнали и приставили к Господину Принцу королевских слуг.

Позже, 24 ноября, он был посажен в карету и отвезен в Бастилию; 19 декабря граф де Лозьер, сын маршала де Темина, под охраной которого находился Господин Принц, был сменен, а охрана его была поручена дю Тьеру, командующему легковооруженными всадниками Королевы-матери.

Заканчивая разговор о событиях этого года, нельзя не вспомнить о том, что произошло в Италии со времени заключения договора в Асте: почему его условия не исполнялись, а также о помощи, оказанной герцогу Савойскому со стороны Франции, и о том, что предприняли Их Величества, дабы направить дела в благоприятное русло.

После заключения договора в Асте Испания отозвала маркиза д'Иночозу из Милана и отправила туда дона Педро Толедского, который, основываясь на том, что по упомянутому договору Король формально не был обязан разоружаться, не только не сложил оружие, хотя герцог Савойский и распустил свою армию, но и вооружил новые отряды, подав герцогу Савойскому справедливый повод к ревности.

В то время венецианцы были в состоянии войны с эрцгерцогом Фердинандом из-за его подданных в Хорватии, в конце предыдущего года совершивших ряд краж, – венецианцы, отчаявшись добиться от эрцгерцога разумного ответа, вступили с ним в войну.

Армия дона Педро Толедского не могла быть использована против них таким же образом, как против герцога Савойского, и они подписали договор. Стороны обещали друг другу помощь в войне против испанцев, после чего союзники начали формировать дополнительные войска.

Король, получив известие о новом очаге, разгорающемся в

Италии, отправил туда в качестве своего чрезвычайного посла г-на де Бетюна вместо маркиза де Рамбуйе и поручил ему добиться согласия сторон.

Возникло брожение умов; испанцы отличаются заносчивым нравом и уверенностью в своих силах; герцог Савойский вел себя отважно, а венецианцы – опасливо. Делались различные предложения по улаживанию конфликта, но из-за пустяков дело застряло, разрешить спор пригласили Короля; герцог Савойский обещал защищать его, согласно договору, заключенному в Асте, и торопил маршала де Ледигьера, не дожидаясь приказа Его Величества, прислать ему войска, как тот и обещал. Маршал де Ледигьер прибыл в Турин, вооружил отряд, переправил его через горы, и герцог Савойский оказался во главе армии в тринадцать-четырнадцать тысяч пехотинцев, из которых десять тысяч были французами, – армии, способной противостоять превосходящей ее по численности вдвое армии дона Педро Толедского.

Гораздо больше забот ему доставил герцог Немурский: отправленный собирать отряды в Фоссиньи и Женевуа, он повернул армию против герцога Савойского, но не потому, что обнаружились какие-то новые причины для недовольства, просто язва, долгое время терзавшая его сердце, дала о себе знать: в 1611 году ему помешали жениться на мадемуазель д'Омаль, а затем хитрым обманом герцог пытался женить его на одной из своих дочерей, чем обрек его на холостяцкое существование.

Де Немур вошел в союз с Испанией, двинулся во Франш-Конте, где вооружил отряды и просил пропустить его через французские территории в Савойю, что не было ему позволено, разве что его люди стали бы пробираться в Савойю поодиночке – как делали те, кто находился на службе герцога Савойского, а это было равнозначно отказу: поскольку те, кто попадал поодиночке к герцогу, перемещались по дружественной земле, непосредственно из Франции в Савойю, тогда как его людям предстояло пересекать французскую территорию как враждебную, и потому их судьба была предрешена: поодиночке их убивали бы.

Герцог Монтелеонский проявил столько настойчивости и так убеждал, что войска герцога Немурского почти полностью рассеялись и что это разрешение, просимое им от имени его повелителя, нужно лишь для репутации их союзничества, что в конце концов добился того, чего просил.

Некто Лассе, государственный казначей в Бурже, был выбран для того, чтобы отвезти герцогу де Бельгарду приказ, разрешавший войскам де Немура свободный проход через Бресс, и тайком сообщить де Бельгарду, что де Немур не сможет причинить никакого ущерба герцогу Савойскому, ибо его войска

настолько слабы, что не рискнут пройти по французской территории.

Однако Лассе, подпав под влияние посла Савойи, не стал передавать де Бельгарду тайного сообщения, и де Бельгард ослушался приказа, что вынудило де Немура попытаться пройти по долине Сизери, где его войска разбежались при виде полка барона де Санси и некоторых других французских полков, отправленных герцогом Савойским. Вскоре последовало заключение договора между герцогом Немурским и герцогом Савойским, разрешившего все противоречия; это произошло 14 декабря.

Тем временем испанский король направил во Францию жалобу в связи с помощью, оказываемой герцогу Савойскому. Испанский посол заявил, что герцог должен с одинаковой почтительностью относиться к обеим коронам, но не делает этого; что он, посол, готов обсудить все претензии герцога, которые король желает поддержать, не будучи принужденным к тому герцогом; уезжая обратно, он высказал просьбу, чтобы Его Величество направил в Мадрид чрезвычайного посла, который получит там все необходимые разъяснения и удовлетворение.

Их Величества сочли сию позицию не лишенной здравого смысла и обратили свои взгляды на меня. Я был готов выехать и припас множество приятных вещиц, которые есть во Франции, для того чтобы дарить их в Испании, уложил свой багаж, но тут меня вызвали к Королю, и я был назначен на должность государственного секретаря вместо г-на Манго.

Было решено послать вместо меня графа де Ла Рошфуко; однако чрезмерная обходительность, свойственная ему, помешала ему выехать в то время, которое указала Королева, кроме того, граф был занят в балете и в конце концов не выехал вовсе. Тут возобновились происки принцев против Короля, и заботы о делах собственной страны отвлекли нас.

В этом же году скончался первый президент де Арлэ, уроженец самого старинного из четырех баронских родов Франш-Конте; не менее, чем происхождением, прославился он и своей добродетелью, впервые отмеченной еще Генрихом III. Он поставил ее на службу Королю сперва в Пуатье, а затем в Парижском парламенте, будучи первым президентом, который председательствовал таким образом, что его имя до сих пор славят.

Он был столь значительной персоной, что один его взгляд напоминал каждому о долге перед отечеством. Если дело поручалось ему от имени влиятельного лица, он старательно изучал его, боясь подвоха, раз ему оказано столько внимания;

если же во время частного визита кто-либо заговаривал о деле, он становился непроницаемым и не допускал фамильярности.

Как-то раз г-н де Гиз пришел к нему в день баррикад, чтобы извиниться за случившееся, и он откровенно ответил ему, что ничего не знает, однако признался, что плохо, когда слуга прогоняет своего господина из его дома.

Когда Ле Клерк в дни мятежа, поднятого Лигой, привез его с остатками двора в Бастилию, то многие из вельмож подали жалобы, а де Арлэ не проронил ни слова, но вошел в тюрьму с тем же важным видом, с каким обычно входил в здание парламента: в его чертах читались угрозы, гордое мужество и печаль, и это был его ответ на презрение и оскорбительные слова мятежников.

Примером присущих ему неподкупности и непреклонного мужества в отправлении справедливости служит следующий: как-то раз Король отправил на проверку в парламент эдикт, который показался де Арлэ не слишком соответствующим законам, и он стал всеми силами бороться против его одобрения; Король взялся упрекать его в том, что он поступает дурно, поскольку незадолго до этого получил большой участок земли на острове Пале под строительство дома; де Арлэ тут же вернул Королю патент, однако Его Величество, покоренный честностью президента, не взял его.

В семьдесят пять лет де Арлэ ослеп, и Король позволил ему оставить свой пост и назначил 200 000 франков вознаграждения. В восемьдесят лет де Арлэ скончался, обремененный более годами и почестями, нежели благами: образ его жизни не позволил ему оставить детям намного больше того, что он получил в наследство от своего отца.

В том же году скончался и кардинал де Гонди, брат герцога де Реца; оба они были ставленниками королевы Екатерины Медичи, сделавшей их, людей самого низкого происхождения, первыми лицами Государства и Церкви. Де Гонди был сначала лангрским епископом, затем епископом Парижа и, наконец, стал кардиналом; человек не слишком образованный, он был здравомыслящим и показал на собственном примере, насколько сложно сердцу иностранца быть верным владыке, коему обязан всем, что имеет его обладатель.

Его благодетель Генрих III был смертельно ранен, он в тот же час покинул его и удалился в свое поместье в Нуази, отказавшись присутствовать при кончине Короля и отдать ему последний долг, хотя и получил от Короля милостей сверх меры; он подтвердил своим поступком справедливость старинной поговорки: чем любовью испытывать иностранца, лучше уж его испытать, а потом

полюбить.

Он умер в возрасте восьмидесяти четырех лет и был погребен в соборе Парижской Богоматери, в часовне, где можно видеть могилы его брата и его самого, с надписями скорее напыщенными, чем искренними.

Герцог Неверский настолько от души одним из первых влился в мятеж, длившийся весь предыдущий год, а принцы и дворяне, удалившись от двора и действуя какое-то время тайком, тем не менее были так связаны с ним и с такой страстью помогали ему, что даже не стали дожидаться наступления весны и начали военные действия в первые числа года, в самый разгар зимних холодов.

Король, желая предупредить беды, уже не раз проистекавшие в его королевстве от мятежников, получавших помощь от иностранных государей, представлявших их собственного в неверном свете, отправил с чрезвычайным посольством барона де Тура к королю Великобритании[144], который любил барона, бывшего послом при его дворе еще тогда, когда король управлял Шотландией; в Голландию был послан г-н де Ла Ну, там его имя и вероисповедание производили хорошее впечатление; а граф де Шомберг отправился в Германию, где прежде послом в составе нескольких посольств покойного Короля был его отец, что давало ему больше возможностей послужить Его Величеству.

Им было поручено развеять ложные слухи, распускаемые с целью оклеветать Короля: информировать эти государства об истинном положении дел, о справедливости задержания принца де Конде, о терпении Его Величества, доведенного до крайности упрямством и дерзостью вельмож, которые, играя на его милосердии, получали от Короля все новые блага, не переставая совершать все новые преступления; о том, что, будучи недостойными прощения, которое они получили за свои первые проступки, они еще и высказывали обиду, и вновь брались за старое, обижаясь на предосторожности, которые Его Величество предпринимал, дабы удержать их в рамках долга.

Я взялся за составление инструкции для графа де Шомберга, объясняющей суть полученного им приказа и политики правительства со времени гибели прежнего Короля и до этих дней, где учел, что немецкие принцы не преминули бы помочь мятежникам. Я счел за лучшее поместить ее не здесь, где она показалась бы несколько скучной, но в конце книги.

Герцог Неверский тем временем отдал распоряжение собирать легковооруженные отряды конницы на своих землях, а также вооружить отряды в Ниверне, впустил иностранных солдат и разместил их в Мезьере; в Ретель он ввел гарнизон численностью в тысячу человек, выставив их на всеобщее

обозрение и приказав возводить укрепления в Шато-Портьене и Ришкуре, а также запасаться лестницами, канатами, кирками, пороховыми зарядами и всем остальным, что необходимо для взятия городов; кроме того, набрал и добровольцев – и все это без приказа и дозволения Короля.

Он посылал хулящие правительство письма в различные города, приказал разрушить одно из предместий Мезьера, дабы приготовиться к защите на случай осады, захватил провинциального прево Ретлуа с несколькими лучниками, сидевшими в темнице, а также одного жителя Мезьера по имени Шарло, которого убедил написать сыну, бывшему в числе судей в Мондежу и угодившему за решетку за то, что выступил с оружием против Его Величества, о том, что в цитадели Мезьера ему придется ничуть не хуже, чем в Мондежу.

Господа дю Мен и де Буйон, желая дать знак, что они на его стороне, выразили Королю свое недовольство в письмах. Герцог Буйонский сделал вид, что испугался того, что Его Величество перестанет покровительствовать ему, и заявил, что не намерен пустить в ход ради своей защиты ни свое влияние, ни влияние своих родных.

Герцог Майеннский, заручившись ходатайством Вогре, о котором речь шла выше, написал, что его нарочно выслали из Парижа, чтобы убить, и жаловался, что к нему подсылают убийц, преувеличивал незавидность своего положения, утверждая, что его хотят удалить из королевства под предлогом почетной должности в Италию; также он напоминал о заслугах своего отца, помогшего государству сохраниться в целости во время гражданских войн, и его верности престолу, никогда ничем не запятнанной.

Король послал ему ответ с бароном де Линьером, в котором было следующее: он не считает, будто на жизнь герцога покушались, поскольку он приказал своему парламенту, чтобы процесс над Вогре состоялся в Суассоне, где тот был у него в руках, с тем чтобы наказать его со всей строгостью, соответствующей дерзости покушения, если бы Вогре действительно был виновен.

Относительно генеральского чина в венецианской армии, о котором тот упоминал, Король сообщал, что он прекрасно помнит об этом и что герцог сам умолял назначить его на этот пост, королевская же власть настолько сильна, что ему ни к чему выдворять кого бы то ни было за пределы страны, и что Его Величество достаточно могуществен, чтобы воспрепятствовать преследованию любого его подданного со стороны других.

Что касается поступков его отца, то совокупность последних

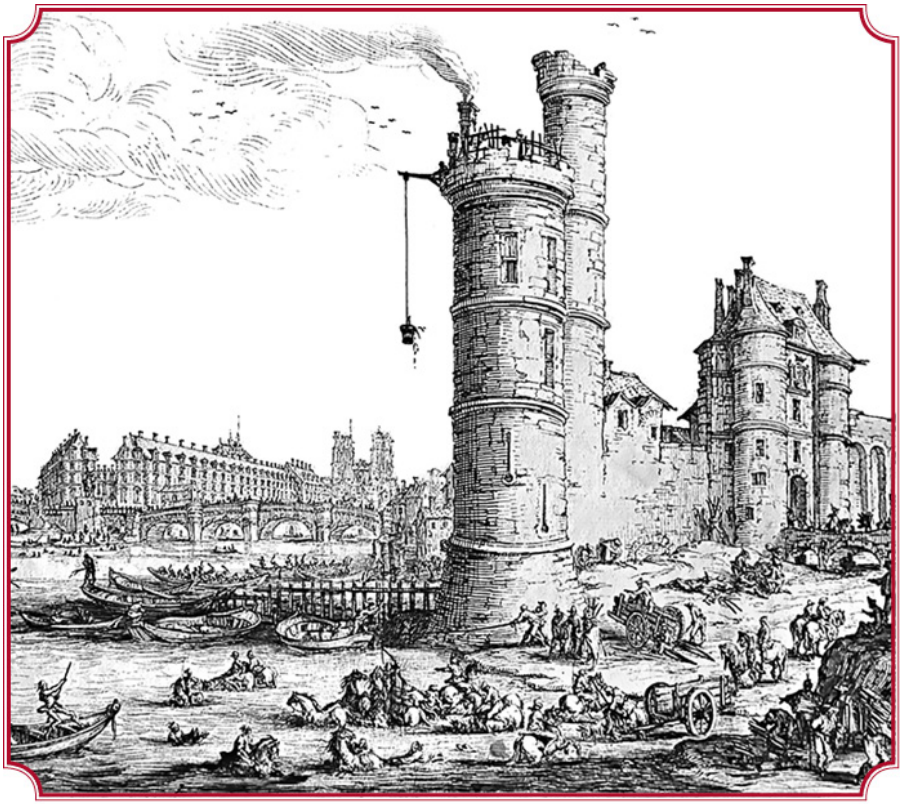
заставила Его Величество позабыть о предыдущих, а что касается собственных действий герцога, то просто непонятно, как можно называть себя невиновным после отказа генерал-лейтенанту Суассона в отправлении правосудия или после всех тех попыток поднять вооруженное восстание и усилить гарнизоны не только без разрешения Его Величества, но и вопреки его приказам.

Его Величество не понимал, что же можно назвать преступлением, если эти свои поступки он называет безобидными, ведь любой беспристрастный человек счел бы их противоречащими Божиим и людским законам.

Однако все послания Короля оказались бесполезны, поскольку он имел дело с людьми, которым недоставало ни сознания своей вины, ни желания повиниться, и потому Их Величества решились на весьма сильные меры по пресечению зла.

Это был уже четвертый случай, когда в государстве пытались поднять бучу, притом что после заключения Луданского договора у заговорщиков не было ни единого повода для недовольства, и все же те не успокаивались и после подписания соглашения в Суассоне, хотя предлоги, на которых основывались их действия, были воображаемыми, а вот финансы страны – истощенными из-за тех непомерных даров, которые были сделаны Их Величествами со времени кончины прежнего Короля и до сего дня.

Далее говорилось, что Господин Принц за шесть лет получил 3 665 990 ливров; граф Суассонский, а после его смерти его сын и супруга – более 1 600 000 ливров; Господин Принц и Госпожа Принцесса де Конти – более 1 400 000 ливров; г-н де Лонгвиль – 1 200 000 ливров; отец и сын герцоги Майеннские – 2 000 000 ливров; г-н де Вандом – около 600 000 ливров; г-н д'Эпернон и его дети – около 700 000 ливров; г-н де Буйон – около 1 000 000 ливров; при этом не учитывались суммы погашенных за них залогов и жалованье, выплачиваемое им на государственных постах, деньги, выданные их охране, чрезвычайные суммы, выплачиваемые в период войн гарнизонам их городов, а также пенсионы и подарки их друзьям и слугам.



Вид на башню Несль в Париже. *Гравюра. XVII в.*

Что все эти многочисленные дары ничему не послужили, напротив, давали новый повод к мятежам, после которых вновь появлялась возможность получить выгоду.

Что головокружительные траты, сделанные ради недопущения мятежей, обошлись казне в двадцать миллионов; что вельможи надеялись таким образом вконец истощить королевскую казну, дабы Король более не мог воспрепятствовать им поделить меж собой его королевство.

Что все их речи имеют целью застать его врасплох, а также заставить простаков поверить, что они прибегают к оружию по крайней необходимости; что Его Величество, повинуясь собственной осторожности, оградил себя от неожиданностей; что же касается народа, то его обманывают, и что в королевстве более нет никого, кто бы не знал, что принцы, на словах пекущиеся о благе государства, делают все возможное, чтобы навредить ему.

Приняв во внимание все вышеизложенное, Их Величества поняли, что во времена, когда несчастье эпохи и нации внушает подданным презрение к государю, когда его власть недостаточно почитается, а осторожность великодушного государя заставляет

его выказать большую строгость, чем ему хотелось бы, необходимо объявить принцев и их приближенных виновными в оскорблении Их Величеств.

Прежде всего Король издал отдельный указ против г-на де Невера и всех, кто был с ним, объявляя их виновными в вышеуказанном преступлении в том случае, если в течение двух недель после опубликования указа герцог не осознает свою вину и не явится лично просить прощение у Короля, а также не отправит за пределы королевства тех иностранцев, которых он нанял, не распустит вооруженные отряды и расставленные им и его приближенными без позволения и приказания Его Величества гарнизоны и если последние не появятся в указанное время перед бальи тех городов, где они проживали.

Декларация была утверждена парламентом 17 января. Герцог Майеннский, ознакомившись с ней, запретил ее печатать и распространять в тех городах, которые находились под его властью, и вырвал ее из рук королевских офицеров, которым было поручено опубликовать ее.

Несколькими днями позже герцоги Неверский, Вандомский, Буйонский, маркиз де Кёвр, президент Ле Жэ и другие сторонники их партии встретились с герцогом Майеннским в Суассоне, где устроили своего рода ассамблею и составили датированное последним числом января послание за подписью герцога Неверского Королю, в котором говорилось, что, заявляя о своей поддержке Его Величества, он утверждает, что положения, легшие в основу декларации, являются ложными, что он удалился от двора под давлением всесильного маршала д'Анкра, устроившего облаву на бывших государственных советников и хранителя печатей дю Вера; герцог также писал, что готов лично явиться к Королю, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, если Его Величество соизволит предоставить ему в качестве судей принцев, герцогов, пэров, офицеров короны и государственных советников, которые преданно служили еще предыдущему Королю – его отцу.

Все эти заверения не вызвали никакого доверия у тех, кто были в курсе происходящего; поскольку, во-первых, герцог вызвался лично явиться ко двору, но так и не явился, по-прежнему враждебно относясь к власти и подстрекая к мятежу: он заявлял, что не добился от Его Величества обещания в собственной безопасности, что свидетельствовало о его нежелании выполнять обещанное.

Более того, он жаловался на удаление от двора старых советников, тогда как сам был недоволен ими в свой первый мятеж, называя их тиранами и заявляя, что им по вкусу править в

условиях смуты. Кроме того, он ставил своим условием подчинения воле Короля суд принцев, виновных в совершенных преступлениях не меньше его самого.

После того как было составлено это послание Королю от имени герцога Неверского, собравшиеся открыто постановили объявить войну и принялись укреплять свои города, присваивать королевские деньги, а затем разъехались кто куда.

Подобные действия вынудили Короля выпустить против них еще одну декларацию, схожую с той, которая была принята против герцога Неверского; она была утверждена парламентом 13 февраля.

Итак, обвинив в послании Королю во всех бедах, происходящих в государстве, маршала д'Анкра и его супругу, они продолжали выдвигать вымышленные причины своего недовольства, а Его Величество, дабы показать весь свой христианский нрав, милосердие и терпение по отношению к ним и их упорству в совершении преступлений, приказал опубликовать декларацию по поводу новых волнений в королевстве, которая хоть и была несколько пространной, но содержала очевидное доказательство его правоты; в ней были изложены причины тех или иных действий Короля; я не стал приводить ее здесь же, дабы не прерывать нить повествования, но поместил в конце книги.

Впрочем, слова, не поддержанные силой оружия, часто оказываются бессильными перед бунтом, а закон и правосудие превращаются в бессильные угрозы. Оттого Его Величество решил подкрепить свои слова делом.

И так как отсрочка придавала врагам смелости, а быстрые поступки, напротив, внушали страх, он распорядился в спешном порядке поднять войска, известил графа де Шомберга, чтобы тот оставил место службы и выступил с четырьмя сотнями рейтаров и четырьмя тысячами ландскнехтов, составил из них три армии, дабы атаковать врага одновременно повсюду, где он сосредоточил свои силы, – одна армия отправилась в Шампань, где укрепился г-н де Невер; другая – в Берри и Нивернэ, находившиеся под опекой супруги герцога; третья – в Иль-де-Франс против г-на де Майенна. Командование армией в Шампани было поручено г-ну де Гизу, непосредственно ею управлял г-н де Темин, а полевым командиром был г-н де Прален; армию, посланную в Нивернэ, возглавлял маршал де Монтиньи, полевым же командиром там был мой брат, г-н де Ришельё[145]; третьей армией командовал граф Овернский, который для начала захватил Перш и Мен, чтобы очистить обе эти провинции и заставить Сенонш, принадлежавший герцогу де Неверу, присягнуть на верность

Королю, равно как и Ла-Ферте, принадлежавший видаму Шартрскому, и Верней, принимавший участие во всех мятежах, где губернатором был Медави, и Ножан-ле-Ротру, принадлежавший Господину Принцу, и Ла-Ферте-Бернар, принадлежавший г-ну де Майенну, и Ле-Манс, замок которого был в руках принцев и который граф разрушил, а гарнизон развел по иным местам; таким образом он напугал принцев, устрашив мощью королевских войск.

Гугеноты, никогда не упускавшие случая выступить против Короля, стоило им только заметить малейшую смуту в королевстве, и примкнуть к партии тех, кто собирал отряды против Его Величества, так же поступили и в этот раз, испросив позволения Короля собраться в Ла-Рошели; когда же им было отказано, они захватили город и составили декларацию, в которой объясняли причины, побудившие их поступить таким образом.

Однако герцоги де Роан и дю Плесси-Морнэ приостановили исполнение сих дурных замыслов; маршал де Ледигьер остался верен Королю, прося за это место губернатора в одной из провинций, желая, чтобы эта провинция не относилась к склоняющимся на сторону кого-либо из принцев или сторонников Лиги, и намекая, что хотел бы получить Гиень, хотя был согласен и на Шампань; отбрасываемая его именем тень помешала принцам возмутить народ в Севеннах.

10 марта герцог Неверский написал Папе письмо как принц королевской крови, а не простой слуга Короля; в нем он дал Папе отчет в своих действиях, но так, что представил Его Величество в невыгодном свете. Письмо это нисколько не тронуло Папу.

Декларация принцев, сочиненная в Ретеле 5-го числа сего месяца, никак не возмутила общественного спокойствия, хотя в ней и перечислялись все застарелые распри, упреки в адрес Короля, упоминался Луданский договор, якобы нарушенный пленением Господина Принца. В декларации речь шла об убийцах, отравителях, посланных, дабы разделаться с принцами, после того как не удалось их всех арестовать.

Декларация, в соответствии с коей их объявили виновными в оскорблении особы Государя, утверждали они, принята несправедливо. Так, используя множество неправедных ложных доводов, они взывали к справедливости Его Величества; считая, что он находится во власти врагов государства, называли имена его министров.

Перечислив все вышеуказанные обстоятельства, они обращались к Папе с просьбой, чтобы население городов, занятых маршалом д'Анкром или его союзниками, войска, в коих служили

многие верные Королю люди, а также покорные Королю города тотчас же отступили, чтобы не подвергнуться наказанию, и объявили всем провинциям, городам, общинам и всем сословиям, что те должны порвать любые связи с маршалом д'Анкром и его приверженцами, если не желают изведать силу их оружия.

Доказательство их былых преступлений рассеяло мрак, окутывавший их доселе, и скорее раздражило народ, чем расположило к ним; Его Величество сделал последний решающий шаг: объявил о присоединении их имущества к короне.

Репутация Короля ничуть не страдала от их клеветы за границей. Угнетаемые своими соседями иностранцы искали убежища у королевской власти: барон де Бюёй, чьи земли находились возле Ниццы в Провансе, попросил покровительства у Его Величества и получил в марте все необходимые патенты.

Барон дю Тур, отправленный Королем в Англию для создания благоприятного отношения к Франции, заслужил добрые слова Короля; даже то, что барон согласился вооружить некоторое количество кораблей, не было воспринято как поступок против собственной страны.

Граф де Шомберг обеспечивал в Германии, со стороны курфюрста Палатинского, на коего принцы особенно надеялись, дружеское отношение к Королю.

И в Голландии все обстояло как нельзя лучше, так что Король озаботился теми силами, которыми располагали мятежники внутри королевства; однако этих сил было недостаточно, чтобы разбить его войска. Герцог де Гиз выехал 17 февраля и 1 марта подступил к замку Ришкур-сюр-Эн, 15 марта захватил его и приказал снести. Оттуда он отправился в Розуа в трех лье от Вервена. Герцоги Вандомский, Майеннский и маркиз де Кёвр, желая помочь ему, подошли со своими отрядами к Сиссону; герцог де Гиз и маршал де Темин вышли им навстречу и отвели в Лаон. Розуа сдался 10 марта.

В тот же день Король издал указ, по которому все имущество и добро мятежников подлежало конфискации в пользу Короля.

Герцог де Гиз, продолжая свой поход, 15 марта приступил к Шато-Портьену. Г-н де Невер, находившийся в Ретеле, то есть на расстоянии всего двух лье оттуда, сделал все, чтобы прийти городу на выручку, однако не смог перекрыть де Гизу путь, и тот вступил туда 29-го числа, а 31-го он был в замке; двигаясь дальше, он 3 апреля захватил Сизиньи.

8 апреля он осадил Ретель, откуда г-н де Невер, смелый лишь на словах, сбежал в Мезьер, беспрерывно отступая перед королевской армией: видя, что Ретелю также не устоять, Невер отправил к герцогу де Гизу Мароля с просьбой позволить ему

войти в город и дать срок до двенадцати часов следующего дня, 16 апреля, после чего обязался сдать ему город.

Герцог де Гиз получил от Короля приказ взять Мезьер в кольцо осады и был готов исполнить приказ, когда Его Величество узнал, что тысяча двести рейтаров и восемьсот стрелков, вооруженные в Германии на деньги г-на де Буйона для помощи принцам, выступили в поход и уже вошли в Лотарингию. Де Гизу было приказано отправиться туда и остановить их, используя рейтаров и ландскнехтов, которые имелись в распоряжении графа де Шомберга.

Пока королевская армия под руководством герцога де Гиза столь успешно воевала против герцога Неверского в Шампани, еще одна армия, находившаяся в Берри и Нивернэ под командованием маршала де Монтиньи, сражалась ничуть не менее удачно.

Был взят Кюффи, затем Кламси, Донзи и Антрен; в одном из этих городов был пленен второй сын герцога Неверского; потом маршал осадил Сен-Пьер-ле-Мутье и Невер, действуя так умело, что г-жа де Невер, запертая в родном городе мужа, начала переговоры о капитуляции. Король приказал соглашаться на капитуляцию, только если она лично явится просить прощения – в этом случае он обещал забыть прошлое, оставляя за собой право быть милосердным по отношению к заблудшим подданным.

Граф Овернский, командовавший королевской армией в Иль-де-Франс, преследовал герцога Майеннского и его сторонников. Во главе армии он подступил к окрестностям Крепи в Валуа, осадил Пьерфон 24 марта и 2 апреля взял город.

Оттуда он отправился к Суассону, городу, который был как кость в горле у Парижа, дошел до его ворот, по дороге захватив Нуайон, Куси и Шони, три городка, находившиеся ранее в области, коей он управлял, – вплоть до реки Эн; эти города не только не оказали сопротивления, но, напротив, с нетерпением ожидали армию Короля.

Герцог Майеннский заперся в Суассоне с тысячью двумястами пеших солдат и тремя сотнями кавалеристов. Город был окружен 12-го числа, а 13-го числа был обстрелян из пушек и подвергнут такому мощному штурму, что герцогу не оставалось ничего иного, как умереть, если он не хотел попасть в плен.

Так обстояли дела; партия принцев пала во всех отношениях столь низко, что ее существование не имело смысла, однако ситуация резко изменилась со смертью маршала д’Анкра, убитого 24 апреля по приказу Короля.

В течение долгого времени маршал сам копал себе могилу, причиняя самому себе больше зла, нежели его враги. Он был

настолько неразумен, что не удовольствовался властью и могуществом, позволявшими вершить любые дела; он претендовал на то, чтобы быть властителем дум Королевы и ее главным советчиком во всем, из чего король Генрих Великий сделал кое-какие выводы и отправил его в Италию.

Но после смерти Короля ситуация усугубилась: Королева получила власть, и дерзость маршала стала невероятной – он захотел, чтобы все общество считало, будто управление государством полностью зависит от его воли.

Королева, знавшая за ним этот грех, тем не менее не стала отдалять от себя маршала, то ли желая сохранить репутацию беспристрастной хозяйки своих слуг, то ли из уважения к жене маршала, с которой они вместе выросли. Однако это не мешало Королеве порой обрывать маршала на полуслове, выставляя его перед всеми в неприглядном виде, когда его просьбы не отвечали заботам о благе государства.

И впрямь он был настолько неучтив и необходителен, что высказывал Королеве все мысли, что только приходили ему в голову, не заботясь о том, чтобы сперва обдумать их хорошенько. Так же поступал он и в отношении просьб своих друзей, не утруждая ум размышлениями, обычными для людей осторожных.

Однако поступай он иначе, что порой случалось, когда в дело вступала его более хитрая жена, Королева все равно не могла следовать его советам, поскольку отдавала предпочтение другим, выбранным ею в качестве своих помощников.

Командор де Сийери признался мне, что несколько раз получал от Королевы указание предупредить придворных о том, что не следует доверять тому, что скажет маршал по поводу государственных дел, и что она даст знать о своей воле через министров; однако г-н де Вильруа препятствовал ей и ее брату из ревности, предпочитая разделить власть с иностранцем, нежели с родными.

Желание внушить окружающим мысль о своей незаменимости ничуть не препятствовало росту благосостояния маршала д’Анкра, но вызывало зависть и ненависть всех вельмож, рассматривавших его в качестве человека, занявшего место, по праву принадлежащее им.

Если с его помощью они и добивались некоторого расположения и милостей Королевы, это отнюдь не возвышало его в их глазах, поскольку они считали, что вред от него гораздо больший, нежели польза. Обида глубже оседает в сердце человека, чем благодарность, человек по природе своей более склонен к отмщению, чем к признательности, ведь во втором случае он доставляет удовольствие другому, а в первом – самому

себе.

Если маршал делал что-либо ради людей меньшего достоинства, чем он сам, то полагали, что он мог и лучше постараться для них, и не испытывали по отношению к нему благодарности; а те, кто не обретал желаемого – таких немало при дворе, где аппетиты особенно сильны, – видели причину отказа в нем и ненавидели его.

Миньё обратился к маршалу с просьбой помочь получить бенефиции для своих детей, маршал сделал все, что мог, но то, о чем просил Миньё, оказалось уже розданным или же предназначалось другим. Миньё так и умер, уверенный, что маршал ничем ему не помог.

Или вот другой случай: несколько лет подряд он ходатайствовал за маркиза д'Аневаля, чтобы последнего назначили первым оруженосцем Короля, маркиз был уверен, что маршал в состоянии это сделать, однако так ничего и не получил: Королева отдала должность Лозьеру; узнав об этом, маршал впал в сильнейшее отчаяние, говоря родственникам, что Королева уничтожила его, ибо д'Аневаль не поверит, что он не смог выполнить его просьбу.

Также он добивался назначения первым метрдотелем царствующей Королевы г-на д'Окенкура; когда Королева отправилась в Испанию для совершения браков, маршал послал Барбена умолять ее выполнить его просьбу, но она отвечала, что должность обещана маркизу де Руйаку, за которого просит герцог д'Эпернон, коему она не может отказать, так как он обеспечивает охрану Короля в этом путешествии.

Барбен продолжал ей докучать, и она дала согласие, хотя и разгневалась. Частенько маршалу мешала достичь желаемого его собственная жена, она говорила, что делает это, дабы смирить его гордыню, коей у него было в избытке, и воспрепятствовать тому, чтобы он стал презирать ее; но он не желал, чтобы окружающие поняли, что его могущество зависит от других.

Вместо того чтобы, следуя примеру умных людей, избегать зависти окружающих, довольствуясь умеренной властью либо скрывая свои возможности, маршал хотел властвовать над всеми и заставить окружающих поверить в то, что в его силах даже невозможное, даже такое, на что никто не отваживается из страха быть наказанным.

Маршал был человеком рассудительным, однако дерзким в своих поступках, стремящимся во что бы то ни стало добиться своего, порой не имея на то достаточных средств, и получить результат, не останавливаясь на полпути.

Он отличался подозрительностью, нрав имел легкий и

изменчивый, думая, что неприятен окружающим, поскольку является чужестранцем: тут он судил о других по себе – будучи человеком амбициозным, он терпеть не мог мысли, что обязан кому бы то ни было, и полагал, что стоит ему сделать что-нибудь важное для любого из своих друзей, как тот начинает способствовать его падению, чтобы не быть ему ничем обязанным.

По его мнению, его положение было таково, что обращать на чье-то недовольство внимание было ниже его достоинства, при этом он сам не скрывал своих предпочтений и настроений, так что терял преданных ему людей, а это было причиной многих его бед; поскольку дворы полны льстецов и человек с положением не останется там в одиночестве, он был окружен многими, дававшими ему поводы ненавидеть своих друзей.

Но еще большим злом была его подозрительность: думая, что он никем не любим, он пожелал править посредством устрашения – весьма заурядный прием в стране, так ненавидящей раболепство; и то, что он опирался на него, выстраивая свою судьбу, явилось причиной его падения; он пытался упрочить свою власть за счет того, что на деле разрушало ее.

Можно утверждать, что все его устремления были направлены на благо государства и службу Государю, как и обеспечение своей семьи, однако любые его проекты, даже неплохие, дурно исполнялись, и, хотя его неосторожность и была его единственным преступлением, те, кто не были осведомлены о его намерениях, сомневались в его могуществе.

Ни одному государю не понравится видеть возле себя всесильного правителя, который не был бы обязан этим ему и вел себя независимо, – это в гораздо меньшей степени верно, если государь молод, то есть пребывает в том возрасте, когда слабость и отсутствие опыта в делах сказываются, и весьма серьезно.

Кончино Кончини
(1575—1617)

В самом деле, как было бы хорошо, чтобы маршал умерил свои аппетиты, и не столько в своих собственных интересах, сколько в интересах своей госпожи – поистине: будь он менее амбициозен, она была бы более счастливой.

Однако Господь пожелал, чтобы та, которая никак не была замешана в его грехах, разделила его немилость, в которую он впал: так добродетель, словно солнце, подвержена затмениям. Однако не будь она страстотерпицею, не быть бы ей такой

величественной – подобно тому как есть добродетели, которые могут засиять лишь в великом, есть и такие, что могут обнаружиться лишь в малом и ничтожном.

Этот человек старался внушить всякому веру в свое могущество, а министров удивить видимостью расположения к нему Королевы, дабы полностью распоряжаться их волей и заставить действовать по его указке, а не согласно приказам Королевы.

Однако нужно отдать им должное – они шли, твердо ступая по этим терниям, следуя своей совести и стараясь скрыть его промахи. Понимая все же, что его могущество было из разряда скорее губительных, чем плодоносных, они никогда не считали его достаточно большим, чтобы принудить себя к низким, противоречащим долгу поступкам.

Однажды г-н де Вильруа, благодаря предполагавшемуся браку между его внуком и дочерью маршала более близкий к нему, получил от Королевы, никогда не отказывавшей в милостях, кроме тех случаев, когда они противоречили благу государства, вознаграждение, а маршал д'Анкр попросил его секретаря о двух вещах: ни в коем случае не выдавать этого вознаграждения и объявить Королеву виновницей отказа, обратив весь гнев на нее.

Секретарем этим был я. Я попросил его извинить меня за то, что не могу исполнить его просьбы, поскольку знал, что Королева не в состоянии отозвать милость, да и ему самому не пристало бросать на повелительницу тень подозрения в ошибке, которой она не совершала.

Эти доводы не удовлетворили маршала, но я не отступился от своего и не повиновался его приказам задержать патенты, предпочитая утратить его расположение, чем действовать во вред Королеве. Этот поступок сделал меня его непримиримым врагом, и он думал теперь только о мести.

Досадно иметь дело с тем, кто жаждет слышать лишь речи льстецов, как и с тем, кому нельзя служить, не обманывая, и кто предпочитает, чтобы его гладили по шерстке, нежели говорили правду, однако это чрезвычайное зло не назовешь обычным.

В эпоху правления фаворитов у любого, кто поднимается так высоко, непременно закружится голова, и он пожелает превратить слугу в раба, а государственного советника в заложника собственных страстей, попытается располагать как своим не только сердцем, но и честью подчиненного.

Итак, поскольку месть кует свое оружие из того, что находится под рукой, маршал попытался убедить Королеву, будто я пристрастно отношусь к ее дочери, якобы моей любовнице, что

я нахожусь в тайном соглашении с принцами, а также что однажды я будто бы сказал ему по поводу восстания вельмож под руководством Господина Принца следующее: недурно было бы Королю, явив свою власть и усмирив слишком заносчивых, выступить и в роли отца, призрев нуждавшихся в жалости.

Продолжая подобным образом нападать на меня, он не прекращал попыток использовать меня и Барбена для того, чтоб выпрашивать для себя Суассон, который вот-вот должен был пасть. Мы чинили ему препятствия из опасения, что он через Королеву насоветует Королю воевать, дабы обогатиться на ссорах и распрях.

Чтобы лишить нас возможности предупредить Их Величеств, он поспешил переговорить на эту тему с Королевой, однако Государыня сочла его просьбу нескромной и отказала ему, так отчитав его в нашем присутствии, что он не смог даже скрыть, до какой степени уязвлен. Однако, не совладав со своим лицом, не удержавшись от упреков, он был обижен не столько самим отказом, сколько обстоятельствами, в которых это случилось, то есть при свидетелях.

Ему было досадно, что кто-то увидел, что его влияние на Королеву лишь видимость и что он действует наглостью, не имея ее настоящего доверия.

Доказательством тому служит последовавшая затем сцена: Королева в гневе удалилась в свои покои, и он последовал за ней, но тотчас появился вновь и стал уверять нас, что добился желаемого, хотя было ясно, что он не успел произнести ни слова; мы ему не поверили и оказались правы, в чем убедились позже, когда Королева сама высказала нам свое возмущение его наглостью и заверила, что ни за что на свете не согласится на его просьбу.

Вместо того чтобы заручиться нашей поддержкой, он все более укреплялся в мысли удалить нас от Государыни.

Единственным нашим прегрешением была репутация людей, ревностно служащих Королю, некоторые льстецы представили это таким образом, что будто бы, когда разговор касался Франции, о маршале речь и не заходила, а вся слава принадлежала нам, и этим играли на его слабостях: он бывал обескуражен и заявлял, что не станет больше вмешиваться в дела; когда же дела шли хорошо, желал вести их сам.

Его супруга так сильно повредилась умом, что не доверяла никому и таким образом способствовала осуществлению вынашиваемого им замысла: заменить нас Русслэ, де Мемом и Барантеном.

Впервые я узнал об этом от аббата Мармутье[146]; он поведал

мне конфиденциально, что маршал замышляет против Барбена; из иного источника я узнал, что речь идет не только о Барбене, но и о г-не Манго и обо мне. Я сказал Барбену, что с течением времени маршалу, используя постоянные ухищрения, удастся убедить Их Величеств и что мое мнение таково: нужно поставить их в известность и отойти от дел самим.

Мы вместе отправились к Королеве. Я стал говорить о том, что дела Короля налаживаются, все принцы, сражавшиеся против него, протягивают к нему руки, моля о пощаде, и потому никто не сможет упрекнуть нас в трусости, если при столь благоприятных обстоятельствах мы удалимся от дел, что мы собирались сделать уже давно, но не считали возможным, пока государству грозила опасность.

Королева была удивлена и спросила, чем мы недовольны. Барбен ответил ей, что нами недовольны маршал и его супруга. Королева рассердилась и заявила, что не позволит крутить собой, как им вздумается. Я вновь взял слово и стал настаивать на отставке, но она продолжала уверять нас, что довольна нашей службой Его Величеству.

Маршал был поставлен супругой в известность относительно случившегося и немедленно прибыл в Париж, дабы увидеться с Королевой, которая выбранила его, да так, что, выйдя от Королевы, маршал бросился к Барбену и вместе с ним явился ко мне, где начал сетовать на то, что, просясь в отставку, мы тем самым доказываем, что он ни с кем не в состоянии ужиться.

После этого я обрисовал ему, что заставило нас поступить так, на что он стал твердить одно – что является нашим другом и умоляет нас сказать Королеве, что мы не думаем оставить службу.

Это не помешало ему и дальше строить нам козни, придумывая для Королевы множество оправданий, вплоть до того, что мы – я, Манго и Барбен – предаем ее, хотим отравить. Вся эта черная злоба, которой было заполнено его сердце, делала его беспокойным, и оттого он то и дело переезжал с места на место: из Кайена в Париж и обратно, что и ускорило его смерть, как мы увидим далее.

В последний раз он вернулся из Кайена по вызову Королевы: она запрещала ему преследовать далее г-на де Монбазона, чьи земли маршал хотел пустить с торгов в уплату за хранение нескольких ружей, которые тот оставил в амьенской крепости; эти земли маршал продал герцогу ранее за 50 000 экю, получив от герцога обещание, что за него заплатит Король.

Итак, маршал вернулся из Кайена и начал метать громы и молнии против Барбена, считая, что Королева написала письмо по наущению последнего, и полный решимости разделаться с

нами – Барбеном, Манго и мной. Я получил от него послание, выдержанное в столь странных выражениях, что счел своим долгом привести его здесь частично. Начиналось оно так:

«Во имя Господа, сударь, я вынужден жаловаться Вам на Вас же – Вы дурно обходитесь со мной, договариваетесь за моей спиной; Вы сделали так, что Королева написала мне, чтобы, из любви к ней, я оставил г-на де Монбазона в покое. Что, черт побери, Вы с Королевой вообразили! Я взбешен». И далее в том же духе.

Тем не менее на людях он был с нами столь любезен и так скрывал свои чувства, что никому бы и в голову не пришло, как он нас ненавидел. Однако его показная доброта не смогла обмануть меня, я был предупрежден, что ему почти удалось обратить мысли Королевы против нас, и принял бесповоротное решение уйти в отставку.

Барбен явился ко мне, умоляя выпросить отставку и для него тоже, опасаясь – как он говорил, – что у него не хватит духу настоять на своем в присутствии Королевы.

Г-н Манго также был уверен, что Королеву настроили против него, и знал, что на его место уже прочили Барантена, – он полагал это вполне возможным; однако семья и дети мешали ему занять твердую позицию, и он решил выждать, чтобы время само расставило все по своим местам.

Я явился в Лувр, говорил с Королевой, изложил ей нашу настойчивую просьбу уйти в отставку. Королева признала, что ее настраивали против нас, и пообещала в течение недели разобраться с нашим делом, а до тех пор просила потерпеть. Ее обещание остановило меня, помешав обратиться в течение этой недели к Королю, однако, прежде чем срок истек, маршал был убит.

В жестоком преследовании маршалом министров, в использовании им подчас вероломных средств проглядывает хитрость, основанная на честолюбии, которое он не мог одолеть.

Королева же, то ли устав от его поступков, которые она более не могла оправдывать, то ли боясь, что с ним что-нибудь случится, настойчиво советовала ему ехать в Италию, последовав примеру супруги; он же никак не мог смириться, заявив кому-то из своих людей, что желал узнать, насколько высоко может подняться человек, делая карьеру.

Маршал не мог не знать, что во всех требованиях и жалобах принцев и народа фигурирует он, и тем не менее, когда за месяц до смерти кто-то из находившихся в крепости людей намекнул ему, что она может быть передана в его руки, он тут же стал строить планы и обратился к Барбену.

Тот ответил, что это пагубно сказалось бы на королевских начинаниях и репутации Королевы, означало бы оправдание действий принцев в глазах народа и даже Короля. Однако, вместо того чтобы принять эти разумные доводы, маршал счел их свидетельством злонамеренности Барбена в отношении себя и продолжал упорствовать.

Барбен предупредил Королеву, она послала за герцогом де Монбазоном и велела ему охранять свои земли. Этого было достаточно для того, чтобы остановить маршала: на пути его желаниям была воздвигнута преграда.

Так своим нравом и поступками маршал всех настроил против себя. Люинь не любил его не оттого, что тот когда-то помог ему стать другом Короля, а оттого, что завидовал его состоянию, это была ненависть, основанная на зависти, – самая страшная из всех.

Каждый из поступков маршала он представлял Королю в черном свете, убеждал Короля, что маршал наделен непомерной властью, противостоит воле Его Величества и участвует в борьбе с принцами только для того, чтобы прибрать к рукам их власть и уж тогда располагать короной монарха, не встречая сопротивления ни с чьей стороны; что маршал владеет мыслями Королевы-матери, что он втерся в доверие к Монсеньору, брату Короля; что он обращался к астрологам и колдунам; что Совет подпал под его влияние и действует только в его интересах; что когда у Совета просят деньги на мелкие удовольствия Короля, их обычно не находят.

Якобы у Совета просили шесть тысяч ливров, дабы меблировать дом, который Король купил под именем Бюиссона, и получили отказ.

Люинь наговаривал Королю не только на маршала д’Анкра, но и на Королеву, вызывая в Короле ревность к той власти, которую она может получить, когда будут усмирены принцы. Словно для вероломного Люиня было мало того, что он поднялся до таких высот, он стал бороться и с Королевой, невзирая на то что именно она заложила основы его карьеры, осыпав и его самого, и его братьев почестями.

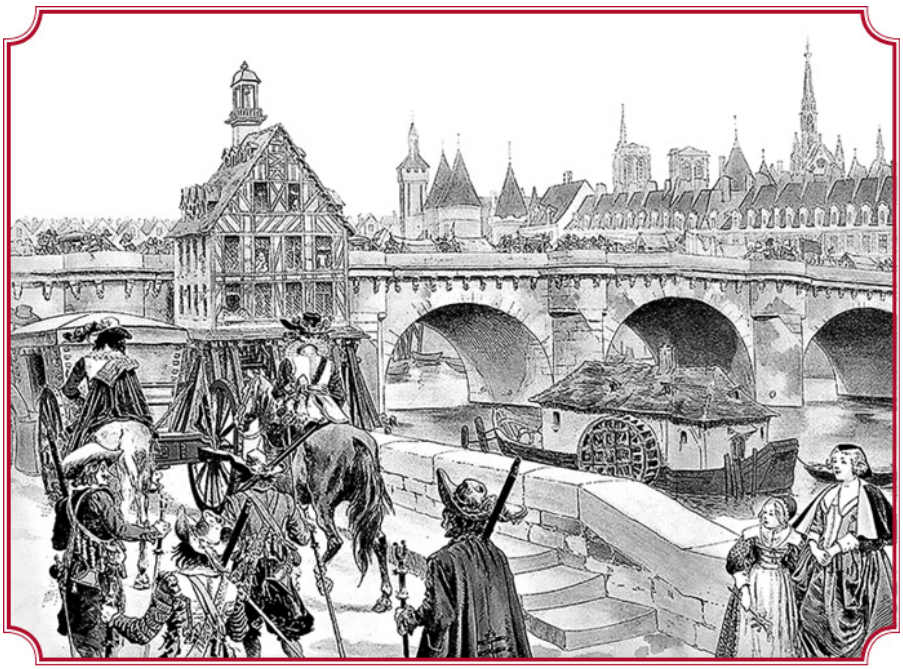
Как правило, самые недостойные отличаются невероятным честолюбием и, не имея никакого отношения к добродетели, тем не менее желают получить вознаграждение, которое положено ей. От тех, кто писал об искусстве обманывать, мы узнаем, что для преуспеяния в нем необходимо порой быть правдивым, что и сделал этот негодяй, стараясь воплотить свой дурной замысел.

Плетя свой заговор, Люинь часто говорил Королеве, что многие склоняют Короля сбросить иго повиновения ей, но что не

стоит придавать этому значения, поскольку его господин слишком доверяет своей матери. Он открыл ей, что г-н де Ледигьер предложил Королю свои услуги, чтобы освободить его от ее опеки, что означало преступить законы природного и христианского милосердия.

Когда пошли слухи, что Король недоволен своей матерью, он явился к ней вместе с Тронсоном и Марсийаком, дабы уверить ее в противном, и заверил ее, что не предпримет ничего, не поставив ее в известность в самых мельчайших подробностях; в знак своей преданности он сказал, что привел с собой верных друзей, Тронсона и Марсийака, которые смогут упрекнуть его перед Богом и светом, если он нарушит слово.

Однако друзья Короля вовсе не пользовались доверием его матери. Один из них предал своего господина, а другой покрыл бесчестием свое имя ради обогащения; у первого на плече была отметина, свидетельствующая о совершенном предательстве[147], а поведение сестер второго было явным доказательством его подлости.



Морис Лелуар. Мария Медичи отбывает в ссылку.
1910-е гг.

Выбор Короля был столь нелепым, что Королева осознала суть происходящего и решила предупредить зло, отправившись в

добровольную ссылку и оставив другим рычаги государственного управления.

Незадолго перед этим, не имея возможности довести до конца Мирандольский договор, как мы уже сказали об этом выше, она захотела добиться от Папы Павла V пожизненного права распоряжаться герцогством Феррарским, однако не успела, поскольку рвение, с которым маршал д'Анкр взялся за министров, ускорило его кончину, а также ее отстранение от дел королевства.

Еще до того, как мы узнали о желании Люиня навредить нам, мы стали предпринимать все меры предосторожности, дабы никто преждевременно не узнал о нашей отставке. Однако Люинь, бывший от природы очень робким и подозрительным – эти свойства натуры хорошо дополняют друг друга, – легко дал уговорить себя, что маршал злился на него.

В первую очередь он стал искать способы обезопасить себя от начавшейся бури. Он послал сказать маршалу, чтобы тот дал ему в жены одну из своих племянниц, которая жила во Флоренции; однако супруга маршала не согласилась на это, маршал же, зная по опыту, что спорить с ней означает попусту терять время, и не желая показать свою зависимость от нее, подал свой отказ как исходящий от него лично.

Получив отказ, де Люинь обратился к Барбену и, вероятно, просил у последнего через Марсийи в жены своему брату, г-ну де Бранту, одну из его племянниц; Барбен ответил, что не может дать за ней ничего в приданое, на что Люинь сообщил, что этого брака желает Король, а значит, сам позаботится о приданом.

Барбен был не против, я тоже советовал ему согласиться; однако все уперлось в его нерешительность – он не мог отважиться на разговор с Королевой, уверенный, что маршал и его супруга не преминут воспользоваться случаем и найдут средство убедить Королеву, что Барбен обманывает ее. Думая, что он отвергнут всеми, он уверил себя, что все случившееся – это сигнал начала охоты на него и что Король желает того же.

Он вероломно преподнес Королю один из поступков Королевы, направленный как раз на благо Его Величества. В самом начале волнения принцев в Суассоне Королева отправила все силы, коими располагал Король, в окрестности этого города, и среди прочих – его гвардейцев и рейтаров; она поступила так, чтобы помешать суассонским мятежникам дойти до ворот Парижа и потревожить столицу; а также чтобы помешать принцам получить помощь извне, для чего королевская армия и осадила Суассон.

Король, лишившись своей кавалерии, тем не менее продолжал ездить на охоту в леса под Парижем; Королева

опасалась, что с ним может что-нибудь случиться, и остановила отряд рейтаров, отправлявшихся в действующую армию, чтобы вернуть их с целью охраны Короля и ее самой.

Люинь воспользовался этим случаем, чтобы попытаться посеять в Короле недовольство к матери, отославшей его собственную охрану и заменившей ее своей собственной. Он добавил также, что маршал д'Анкр желал испытать в деле окружение Монсеньора и Господина Графа.

Король, уже давно неприязненно относившийся к маршалу д'Анкру, распорядился арестовать его. Люинь, который мог чувствовать себя уверенно только в случае смерти маршала и думая, что примирение между сыном и матерью – Королем и Королевой – легкодостижимо, поскольку обида не сильна, настаивал на убийстве маршала: Король соглашался на это только в том случае, если маршал окажет сопротивление.

Дабы выполнить задуманное, Люинь и его приспешники обратили свои взоры на барона де Витри, желая сделать его исполнителем их воли. С этой целью они добились того, что Король стал осыпать его милостями сверх меры, затем Люинь открыл де Витри, что Его Величество очень доверяет ему и желает, чтобы он служил ему так же преданно, как мог бы служить брат. В другой раз он сказал барону, что Король настолько ценит его, что считает его способным на великие деяния.

Барон де Витри, не сомневаясь в том, что его хотят использовать, всячески выражал свою признательность, умоляя Люиня подтвердить Королю, что Его Величество не ошибается в нем и что он готов слепо выполнять все, что тот только пожелает.

В следующий раз Люинь сказал барону, что уверил Короля в преданности барона и что Его Величество был настолько тронут, что велел передать де Витри, что настало время доказать свою преданность на деле. Люинь взял с него слово, что он никому не проговорится о предстоящем деле.

Г-н де Витри пообещал г-ну де Люиню сделать все, о чем ни попросит Король. Де Люинь, опасавшийся, что возникнут подозрения – ибо его и барона часто видели вместе, – назначил барону встречу в ночное время, передав приказ Короля выслушать тех, кого он найдет на месте встречи, словно это будет сам Его Величество.

Когда наступил час встречи, де Витри был в назначенном месте и с удивлением увидел там господ Тронсона и Марсийака, чья репутация была ему известна, а также Деажана и садовника Тюильри. Позже барон говорил, что вряд ли кто-либо удивлялся так, как он, выслушав приказ Короля из уст тех, кого он увидел в

ту ночь перед собой.

Убедившись же в том, что в курсе дела были не только эти господа, де Витри удивился еще сильнее.

Однако чаяния стать обладателем большого состояния подвигли его согласиться, а Господь попустил тому, чтобы тайна вкупе с верностью, присущей негодяю, пересилили порядочность; причем верность сих негодяев своему замыслу была настолько великой, что, несмотря на посвященность в заговор некоторых других людей, никто в течение трех недель не выдал секрет, ожидая дня, в который можно было бы исполнить задуманное; этот день настал 24 апреля.

Г-н де Витри в сопровождении двадцати дворян, невозмутимо следовавших за ним, догнал маршала д'Анкра на мосту, когда тот входил в Лувр. Маршал был настолько возбужден, а может, и удивлен происходящим, что не поприветствовал барона: один из людей де Витри, догнав маршала, попенял ему за это, тот обернулся, и тут ему было объявлено, что он арестован по приказу Короля.

Маршал не нашел, что ответить, и лишь воскликнул: «Я пленник?» Люди барона трижды выстрелили в маршала из пистолетов, он упал замертво. Один из нападавших хотел вложить ему в руку шпагу, однако другие крикнули, что такова воля Короля и в том нет нужды. В то же самое время Король выглянул из окна, и весь Лувр разразился криком: «Да здравствует Король!»

Г-н де Витри поднялся в покои Его Величества и сказал ему, что маршал не хотел сдаться живым и его пришлось убить. Тело было перенесено в зал для привратников, потом в зал для игры в мяч, а в девять часов вечера маршал был погребен в соборе Сен-Жермен-л'Оксерруа.

В течение всей жизни маршал питал к де Витри некое отвращение, и, когда барона назначили, вместо его отца, капитаном гвардейцев, маршал произнес: «Per Dio (Богом клянусь *(итал.)*), мне вовсе не по нраву, что этот Витри стал хозяином Лувра».

Витри, в свою очередь, никогда не приветствовал маршала, чем похвалялся; подобно тому как волки чуют борзых, которых нужно опасаться больше всего, маршал боялся де Витри и частенько поговаривал, что тот способен на решительный поступок.

Одновременно из Лувра были удалены гвардейцы стражи Королевы-матери, поскольку сочли, что стража Короля не менее надежна. Королеве дали в качестве охраны гвардейцев Короля и заделали несколько дверей, ведущих в ее покои, дабы помешать

проникновению злодеев в комнату Ее Величества.

Между тем по городу разнесся слух, будто Король ранен в Лувре и ранил его маршал д'Анкр. Стали закрываться лавки, народ начал стекаться к Лувру; к народу был выслан Лианкур, заверивший, что Король в безопасности и что маршал д'Анкр умер.

Полковник д'Орнано отправился известить парламент, а чтобы ложные слухи не возмутили провинции, Король письменно сообщил туда о случившемся, добавив, что его власть была узурпирована, так что он потерял даже возможность видеться с кем-то наедине и обсуждать дела королевства, это вынудило его пойти на задержание маршала д'Анкра, который оказал сопротивление и был убит, что отныне вся полнота власти в его руках и со всеми просьбами и жалобами следует обращаться к нему, а не к Королеве-матери.

Когда случилось все вышеизложенное, я находился у одного из ректоров Сорбонны, эту новость принес его собрат, вернувшийся из Лувра; я был немало удивлен, ибо и вообразить не мог, что приближенные Его Величества способны на подобное.

Я тут же распрощался с доктором, известным как благодаря своей учености, так и своей добродетели, который, как и подобало человеку, обладающему огромными познаниями, не преминул заметить мне кое-что по поводу превратностей судьбы и непостоянства человеческого удела.

На Новом мосту я встретился с Ле Трамбле, поведавшим мне о случившемся и известившим, что Король желает видеть меня и что ему поручено передать мне это, если он меня встретит. Как только я приблизился к Лувру, я узнал, что господа Манго и Барбен находились у г-на де Бресьё, первого конюшего Королевы; я поднялся к ним, и они поведали мне то, что я уже знал от Ле Трамбле.

Мы обменялись мнениями, стоит ли идти в Лувр всем вместе, и решили, что лучше отправиться туда по очереди, а мне первому пройти к Королю. По дороге в Лувр я встречал людей, еще два часа назад ласково смотревших на меня, а теперь не замечавших вовсе.

Когда я вошел в галерею Лувра, Король, стоя на возвышении, играл в бильярд и был хорошо виден со всех сторон. Он позвал меня и сказал, что ему известно, что я никогда не был среди советчиков маршала д'Анкра, что я всегда любил своего Короля (так он выразился), и потому он хорошо ко мне относится.

Г-н де Люинь, находившийся рядом с Королем, сказал Королю, что я несколько раз убеждал Королеву дать мне отставку и что я неоднократно ссорился с маршалом по поводу того, что

касалось Его Величества. Король заверил меня в своем дружеском расположении. Я ответил ему то, что он ожидал от меня услышать при подобных обстоятельствах, а именно: что он не ошибся на мой счет и что я скорее умру, чем оставлю без внимания его просьбы.

Я добавил, что замечал неосторожность маршала д'Анкра и опрометчивость его поступков, однако никогда не мог себе представить, что он замышляет что-то дурное против Его Величества; что я благодарю Бога за то, что маршал недостаточно доверял мне, чтобы поделится подобными соображениями, если б они и были; что я действительно несколько раз обращался к Королеве, прося дать мне отставку, однако причиной тому было отнюдь не ее плохое отношение ко мне; напротив, я всегда пользовался расположением со стороны Ее Величества, несмотря на подозрительность маршала и дурное впечатление, которое могло у нее создаться относительно меня под его влиянием.

Я добавил, что Манго и Барбен тоже хотели уйти в отставку, что я сам просил об этом у Королевы за одного и за другого. После чего я подошел к г-ну де Люиню и поблагодарил его за его добрые отзывы обо мне при Короле, уверив его в своем почтении и готовности служить.

После того я постарался заверить его и в преданности Барбена. В ответ он выражением лица, жестами и словами дал мне понять, что его раздражает то, что я говорю по сему поводу. Тогда со всей ловкостью, на которую я только был способен, я стал говорить, что Барбен ничем не заслужил порицания.

В ответ он заявил мне: «Ради Бога, не вмешивайтесь не в свое дело, лучше отправляйтесь туда, где собираются члены Совета, чтобы стала видна разница, с коей Король относится к людям, похожим на вас, и к другим». И тут же прибавил: «Пусть кто-нибудь сопровождает вас, иначе вам не разрешат войти». Подозвав г-на де Виньоля, находившегося неподалеку, он попросил его составить мне компанию.

Я колебался, размышляя, достоин ли я подобной чести, однако счел, что следует ценить расположение ко мне Короля в такой момент, а позже своими поступками доказать ему, что я был его достоин и не имел никакого отношения к тем, кто явился причиной гибели маршала д'Анкра.

Откланявшись, я попросил у де Люиня, стараясь как можно менее рассердить его, дозволения увидеться с Королевой, чтобы смягчить ее гнев. Он ответил мне, что сейчас не время испрашивать на это позволения Короля, но что, если такие встречи будут позволены, он вспомнит о моей просьбе.

Я вышел из дворца в сопровождении де Виньоля и

направился в Совет, где собрались дю Вер, Вильруа, президент Жанен, Деажан, государственные секретари и некоторые другие.

Г-н де Вильруа, которому я беззаветно служил до тех пор, решив, видно, что я – причина смерти маршала, попытался воспрепятствовать мне войти, спросив, в каком качестве я явился. Г-н де Виньоль смешался, рассказал о возникшем затруднении; я же попросил его передать им, что пришел исключительно из повиновения Королю, отдавшему мне такой приказ.

После моего ответа собравшиеся члены Совета продолжили рассылать во все провинции и за пределы королевства повеления Короля.

Пока я находился там, я успел переговорить с разными людьми, однако остерегаясь общения с теми, кто был душой Совета. Пробыв в этом месте время, достаточное для того, чтобы сказать, что я сумел войти туда, я потихоньку удалился. По дороге я встретил г-на Манго, шедшего во дворец на встречу с Королем; кратко поведав ему о случившемся, я продолжал свой путь, а г-н Манго – свой.

Я не провел и получаса в своей комнате, как узнал, что он был арестован в прихожей королевских покоев, что у него отобрали печати и отправили его домой, не применив к нему никаких иных мер. Я также узнал, что дома у г-на Барбена находится стража и ему запрещено разговаривать с кем-либо.

Барбен узнал о случившемся с маршалом в одиннадцать часов, когда спустился из кабинета, чтобы отправиться в Лувр на деловое заседание. Депорт Бодуэн, секретарь Совета, подошел к нему и сообщил, что в Лувре суматоха; видя, что Барбен как раз собирается идти туда, он поведал ему, что маршал д'Анкр убит, а затем добавил, что убить маршала приказал Король; Бодуэн надеялся таким образом отговорить Барбена от посещения Лувра.

Однако последний заявил, что даже если бы он отсутствовал, то, получив сие известие, немедленно приехал бы в город на почтовых, и что он не совершил ничего, что могло бы бросить на него тень; говоря так, он двинулся к Лувру. Но, видя, что не может попасть внутрь, поскольку ворота заперты, направился к первому конюшему Королевы – там-то я и нашел его.

Барбен не желал возвращаться к себе, хотя Депорт торопил его, стремясь навести порядок в бумагах, на что Барбен ответил, что служил так, что может открыть ему не только бумаги, но и сердце. В эту минуту кто-то сообщил ему, что на другом берегу реки ждет карета, запряженная шестеркой лошадей и готовая отвезти его туда, куда ему будет угодно; но он отвечал, что желает ехать только в Лувр, и намеревался сделать это.

Однако внезапно появившийся отряд стражников и стрелков

препроводил Барбена обратно в дом, куда немедленно явились два комиссара, дабы арестовать его бумаги, а именно: Кастиль, интендант финансов, и Обри, мэтр по ходатайствам и президент Большого Совета.

Они начали спорить еще у дверей за право первому войти в дом, руководствуясь в своем поведении то ли любовью к возложенным на них обязанностям, то ли возникшим от осознания ими собственной значимости апломбом. Они нашли большое количество писем маршала д'Анкра, но вовсе не таких, как ожидали, да и ни один иной документ никак не компрометировал Барбена, напротив, свидетельствовал в пользу его порядочности.

Сразу после того, как маршал был убит, г-н де Витри прошел в комнату супруги маршала, располагавшуюся возле покоев Королевы, и арестовал ее, забрав все, что у нее было, в частности, деньги, драгоценности и мебель.

На ней были надеты драгоценности короны, ибо она находилась в постоянном страхе, как бы не случилось какое-нибудь несчастье, и так боялась, что считала себя в безопасности, только если при ней были сокровища, коими можно было бы откупиться; однако она не имела права носить их, поскольку, хотя она и делала вид, что эти сокровища принадлежат ей, вещи такого рода должны храниться в каком-то определенном и надежном месте, ведь с человеком может случиться все что угодно.

Барон де Витри заставил ее снять драгоценности и отправил супругу маршала в комнаты, где содержался арестованный Господин Принц. В то же время в покои маршала послали людей, дабы вынести оттуда всю мебель и бумаги; однако самое драгоценное, что у него было, нашли на нем, и это стоило 1 900 000 ливров.

Часть его дома была разграблена, и среди прочих – комната сына маршала, которого де Витри приказал взять под стражу до решения Короля. Отец приказывал называть сына графом де Ла Пене: якобы он происходил из этого почтенного итальянского рода.

Это был мальчик двенадцати лет, воспитанный, многообещающий, достойный лучшей судьбы; что до дочери маршала, о которой речь шла выше, она скончалась 1 января этого года. Господь пожелал избавить ее от переживания того, чему ей пришлось бы стать свидетельницей, доживи она до описываемого дня.

За совершенный поступок барон де Витри был немедленно возведен в ранг маршала Франции. Его должность капитана

гвардейцев отдали г-ну дю Алье, его брату, получившему духовное звание и служившему в аббатстве Сент-Женевьев и надеявшемуся стать, как один из его родственников, аббатом; несмотря на то что ему нелегко было вернуться в мир, с помощью своей отваги и добродетели вкупе с репутацией, коей отличались при дворе его отец и брат, он смог снискать себе репутацию бравого и мудрого дворянина, и всякий при дворе счел, что он вполне достоин должности, на которую его назначили.

Персен, деверь де Витри, получил командование Бастилией. Ему доверили охранять Господина Принца вместо шевалье Коншина.

Во второй половине того дня представители всех цехов и орденов явились приветствовать Короля, аплодируя ему за то, что было сделано. Они увидели Его Величество за игрой в бильярд – г-н де Люинь нарочно сделал так, чтобы народ мог отовсюду видеть Короля.

Это было похоже на возрождение старинного обычая, когда французы при вступлении монарха на престол носили его на руках, чтобы вся армия могла приветствовать его изъявлениями радости: подобный пример есть и в Священном Писании, там, где рассказывается о вступлении на престол царей богоизбранного народа.

Его Величество пребывал до сего дня в нежном возрасте, потому Люинь занимался лишь тем, что прислуживал ему да свистел, подражая коноплянке; однако в описываемый день стало ясно, что он ищет себе иной судьбы, вознамерившись занять место, которое до него занимал маршал д'Анкр; как будто дерзость перешла от маршала к нему, согласно поговорке, которой воспользовался маршал де Буйон: таверна всегда одна и та же, меняются лишь глотки.

По поводу совета, который он дал Королю, говорили разное: одни хвалили его как наилучший в наихудших обстоятельствах, считая, что в нем нет ничего противозаконного, поскольку все законы сосредоточены в самом Короле: он может менять их по своему пожеланию, в зависимости от государственных интересов и безопасности собственной особы.

Морис Лелуар. Людовика XIII показывают толпе в подтверждение того, что он жив после убийства Кончини. *1910-е гг.*

Однако это мнение не слишком отличается от того, которое выразил льстец Анаксарх[148], сказавший Александру, что справедливость и закон – суть два лика Юпитера, чтобы показать, что любая воля Короля законна. Есть и другое мнение, которое персидскому монарху высказали его советники: нет закона, позволившего бы инцест, на который он желает пойти, но есть один закон, по которому правителю позволено все, что он пожелает.

Это мнение отличается от того, что утверждали античные

мудрецы: что поступки королей справедливы не потому, что они их совершают, а потому, что, будучи примером для подданных, они правят согласно закону и справедливости, слушаются разума – луча, исходящего от Божества и от завета Иисуса Христа, Который научает нас, что Господь – тоже первый из царей и что другие цари лишь служители в Его Царстве, обязанные давать ему отчет, и подлежат Его суду с большей строгостью, чем народы, подчиняющиеся им[149].

Король мог арестовать маршала в Лувре, как Господина Принца, ведь за Королем были и двор, и народ, и все государственные учреждения. Королева давно хотела отправить его в Италию. Совет расправиться с маршалом был недостоин Его Королевского Величества, да он и не последовал ему, отдав лишь приказ взять маршала под стражу.

В тот же день я через Роже, лакея Королевы, дал ей знать о том, сколь сильно я сочувствую случившемуся несчастью и что я сделаю все, дабы проявить свое усердие, служа ей.

На следующее утро тело маршала д'Анкра, без траурной церемонии погребенное под хорами в соборе Сен-Жермен-л'Оксерруа, было вырыто при большом стечении народа под крики и оскорбительные слова толпы, которая отволокла его к Новому мосту и повесила вниз головой в знак устрашения тем, кто чинит народу зло.

Маршалу отрезали нос, уши и срамные места, а внутренности швырнули в воду, глумясь над трупом любыми возможными способами. В это время я был там для того, чтобы увидеться с нунцием, г-ном Убальдини[150], но столкнулся с трудностями: проезжая по Новому мосту, я попал в толпу, волочившую по городу останки маршала и бурно изъявлявшую свое негодование перед статуей покойного Короля.

Новый мост был переполнен народом, увлеченно наблюдавшим за происходящим и опьяненным своей яростью, и ни одна карета не могла проехать по нему.

Кучеры были растерянны, мой с кем-то сцепился; в то же мгновение я понял, что нахожусь в опасности, ведь если бы кто-нибудь из толпы в эту минуту крикнул, что я – один из сторонников маршала д'Анкра, бешенство народа обратилось бы на меня как одного из тех, кто, относясь к маршалу сносно, как к человеку, не принимал его дела; однако в глазах толпы и то, и другое выглядело бы единым.

Дабы предупредить подобное развитие событий, я отругал кучера и спросил, что они делают; услышав их ответ, полный ненависти к маршалу д'Анкру, я ответил им: «Воистину вот люди, готовые умереть за Короля; кричите же "Да здравствует

Король!”». Я закричал первым, и таким образом мне удалось проехать; обратно возвращаться тем же путем я поостерегся и пересек реку по мосту Нотр-Дам.

От Нового моста толпа поволокла тело по улицам в сторону Бастилии, а оттуда по всем городским площадям и жгла его перед его домом в предместье Сен-Жермен; затем то, что осталось от тела, опять отволокли на Новый мост, сожгли, а кости сбросили в реку.

Все это было предсказано маршалу д’Анкру многочисленными колдунами и астрологами, к советам коих он охотно прислушивался, однако они рассказывали маршалу его судьбу в своей обычной манере, и он не смог ничего как следует понять; одни говорили, что он умрет от пистолетного выстрела, другие – что будет сожжен, третьи – что его сбросят в воду, четвертые – что он будет повешен, и все предсказания сбылись; однако маршал, который не мог понять, что его ждет и то, и другое, и третье, считал, что все они ошибаются, и по-своему презирал их.

До Королевы дошли слухи о случившемся, и, хотя Государыня всегда была против злословий, на сей раз она была задета за живое: и впрямь, если требуется определенная добродетель, чтобы вынести клевету, какова же должна быть добродетель, чтобы вынести клевету вкупе с презрением и насмешками толпы.

В тот же день под звуки фанфар был оглашен указ всем слугам маршала покинуть Париж. Брат жены маршала, обучавшийся в коллеже Мармутье, бежал в монастырь, опасаясь народного гнева, а граф де Ла Пене был перевезен в Лувр, где к нему приставили охрану; Его Величество приказал отправить в парламент письма, в коих объявил, что все сделанное г-ном де Витри совершено по его приказу, а также другие письма, содержавшие просьбу назначить его советником в парламент.

Король вернул на должности тех офицеров, которые были изгнаны Королевой.

Президент Жанен вернулся на пост суперинтенданта финансов; Деажан, порученец Барбена, назначенный его главным контролером, из-за своей неверности был понижен до интенданта; печати отдали дю Веру, причем с большими почестями: Король даже направил в парламент декларацию, провозглашая, что печати были отобраны у него без согласия Короля; г-н де Вильруа вернулся на пост государственного секретаря вместе с г-ном де Пюизьё.

Министры, ревностно служившие Королеве, были дискредитированы: как здания, заминированные у подножия, разрушаются целиком, так и власть Королевы оказалась

подорвана полностью; все, кто существовали с ее помощью, пали вместе с ней. Я был единственным из тех, кого Люинь пощадил и кому он предложил остаться в Совете, но, видя, как дурно стали относиться к Королеве, я не согласился на это, предпочитая честь следовать за ней всевозможным выгодам, которые мог бы получить.

Господа новые министры – или, скорее, г-н де Люинь – начали с того, что разрушили все, созданное их предшественниками, и вознамерились напомнить Королю о тех, кого они считали врагами Королевы. Они отправили Совтера в отдаленный угол Гаскони, надеясь, что он будет служить мощным орудием воздействия на сознание Короля, хотя сам Люинь с помощью искусственно созданных тайн заставил услать его подальше.

Однако это было не столь важно, как то, что они заставили Короля милостиво отнестись к принцам, которые выступали против Его Величества; от имени Короля новые министры направили сразу после смерти маршала депеши к герцогу де Лонгвилю в Амьен, герцогу Вандомскому в Ла-Фер и к г-ну де Майенну в Суассон, приглашая их немедленно вернуться ко двору и уверяя их, что они встретят доброжелательный прием.

Г-н дю Мэн отправил графа де Ла Сюза, своего шурина, с ключами от Суассона к Королю; граф был принят 27 апреля так, как если бы принадлежал к королевской партии, а граф Овернский – к противоположной. В тот же самый день прибыл герцог де Лонгвиль, также встретивший радушный прием.

Герцог Неверский, который всегда шел своим путем в политике, медлил более иных, желая выставить Королю свои условия; тем не менее, видя, что ему этого не позволят, он вспомнил о своем долге и вернулся ко двору вместе с г-ном дю Мэном и герцогом Вандомским в день Вознесения.

Однако эти господа вскоре поняли, что ошиблись, и начали раскаиваться; г-н де Вильруа несколько раз повторил, что если бы они следовали по стопам тех, кто служил Королеве, то им бы удалось установить в королевстве мир на сто лет вперед. И в самом деле, изменения в их поведении, их переход от белого к черному, основывались на обычной практике тех, кто заступает на чужое место.

Тем временем Люинь решил, что необходимо удалить Королеву, и все они стали уговаривать Короля пойти на это; и хотя среди них высказывались различные мнения относительно того, куда ее следует отправить, они пришли к единому мнению, что пока ее лучше отвезти в Блуа.

Королева, за несколько дней до этого увидевшая свое падение

во сне, рассказала своим врачам этот сон; этот сон помог ей смириться со своим удалением и осознать, что противопоставить себя ярости водоворота – все равно что погибнуть.

День ее отъезда был назначен на 3 мая: она была готова ехать, но ее заклинали не делать этого именно в этот день, чтобы не пасть жертвой заговора.

Сперва она решила, что слухи о заговоре недостоверны, но изменила мнение, узнав от г-на де Брессьё, своего первого конюшего, что один из тех, кто желал смерти маршала, и был автором этого дурного предприятия. Тем не менее ее первая мысль была верной: ей нечего было опасаться, в отличие от Люиня, нарушившего свое слово, торжественно данное участникам заговора.

Таков обычай, существующий среди негодяев: делить шкуру неубитого медведя. Подражая им, Люинь, не успев еще пролить кровь маршала, начал делить то, что маршалу принадлежало, а именно: пытаясь урвать лучший кусок, он надеялся сделать Травайля архиепископом Турским. Этот несчастный, посягая на воображаемое добро, приближал собственную погибель, давая знать своим врагам, какой барыш ожидает их.

Но как правило, другие пользуются плодами того, что совершили злоумышленники, и Господь сделал так, что награду за ошибку Люиня получил епископ Байоннский.

Не буду распространяться о средствах, которые он использовал, чтобы получить это место; достаточно сказать, что был утеснен человек, не совершивший никакого преступления: его запугали до такой меры, что он был вынужден уйти в отставку; сие противоречило Божественным и человеческим законам, духовному и светскому праву.

Травайль, понимая, что кто-то другой извлекает выгоду из его злодейства и что Люинь оплатил его службу клятвопреступлением, решил посягнуть на чужую жизнь, дабы сделаться хозяином собственной. Он полагал таким образом скрыть свой позорный поступок; он был уверен, что смерть этого второго тирана сгладит все, что он сотворил, оскорбляя мать Короля, ее добродетель и ее законную власть.

Для достижения цели он предпочел скрыть свое собственное истинное недовольство Люинем и давать ему советы относительно того, как нужно править, с той же искренностью, с коей советовал ему устроить заговор против маршала; тогда малейшие детали, любые беседы, даже несерьезные, казались подозрительными.

У него вошло в привычку беседовать с Люинем у привратницы Тюильри, в потаенном месте; он продолжал вести

себя как прежде, сохранял прежнее выражение лица, однако в душе полностью переменился; дабы укрепить доверие к себе со стороны Люиня, он предоставлял ему необходимые уверения в своем почтении к репутации и удачной судьбе последнего.

Когда он убедился, что Люинь спокоен и далек от подозрений, он запасся лошадью, которую приобрел при посредничестве де Броте и де Монпенсона, купил шпагу шириной в четыре пальца, короткую настолько, что она умещалась под сутаной, решив лишить Люиня жизни в том же месте, где был убит маршал.

Пока он намеревался осуществить свой замысел, Королева послала ему известие, что ее воля совпадает с его целью; он пожелал дать ей понять, что готов отважиться на сей крайний шаг исключительно из сочувствия к незавидному положению, в коем она оказалась. Из этих же соображений он открылся г-ну де Брессьё, первому конюшему Его Величества, дворянину знатного рода, с которым он часто беседовал и который выслушивал его жалобы.

Брессьё укрепил его мужество, призывая исполнить задуманное и обещая полную поддержку; однако, вместо того чтобы сдержать слово, он вообразил, будто ему представился прекрасный случай сделать свою судьбу; он рассказал все г-ну де Люиню, столь обласкавшему его, что Брессьё даже начал сомневаться, хватит ли ему мужества достойно перенести эту ласку.

Таков стиль поведения провансальцев, которые легки на обещания, но с трудом держат свое слово; однако де Люинь превзошел всех провансальцев, вместе взятых. Он обсудил дело с Деажаном и другими персонами, заинтересованными в укреплении его власти; результатом переговоров стало решение умертвить того, кто сам замыслил преступление.

Травайль был тут же схвачен и обвинен в покушении на жизнь Королевы – почтенный предлог, дабы расправиться с опасным врагом, успокоить народ, разозленный бесчеловечными деяниями против живых и мертвых, предлог, который давал понять, что это направлено не против правления Королевы, а против тех, кто во вред государству творит беззакония, испытывая терпение и добродушие людей.

Люинь и Брессьё вопреки истине и оказанному им доверию, предложили себя в качестве свидетелей против Травайля; оба сделали это в своих интересах; один – с целью защитить свою жизнь, а другой – веря, что, потеряв одного близкого человека, он взамен приобретал двоих, а именно: фаворита и его любовницу.

Пролив кровь несчастного, эти господа, словно язычники,

скреплявшие свои союзы смертью жертв, заверили друг друга в вечной верности. Люинь полностью овладел разумом Короля, Брессьё стремился завоевать рассудок его любовницы, и оба, играя на пользу друг другу, играли судьбой государства.

Невозможно выразить чувства Государыни, когда она узнала, что один из тех, кто способствовал ее падению, на самом деле хотел освободить ее; что один из ее слуг своим вероломством помешал успешному исполнению замысла; что ее главный враг злоупотребил ее почтенным именем, дабы отомстить за свои собственные обиды.

Невозможно сомневаться, что она с радостью приняла бы свободу, коей была лишена, и то, что она получила бы ее из грязных рук, не очень умерило бы ее радость; она не могла видеть без удивления, что три человека стали причиной ее падения; однако то, что один из ее слуг помешал ей подняться вновь, вызвало у нее невыразимую боль.

Смерть Травайля могла быть лишь приятна для Государыни, которая одновременно была еще и итальянкой, оскорбленной до глубины души; однако когда она узнала, что он умер ради будущего, а не ради прошлого, став жертвой мести, а не правосудия, и что она явилась оправданием расправы над ним, а де Люинь – непосредственным исполнителем, это было для нее поводом перестать радоваться и начать страдать, сожалея, что ее имя стало причиной столь дурного дела.

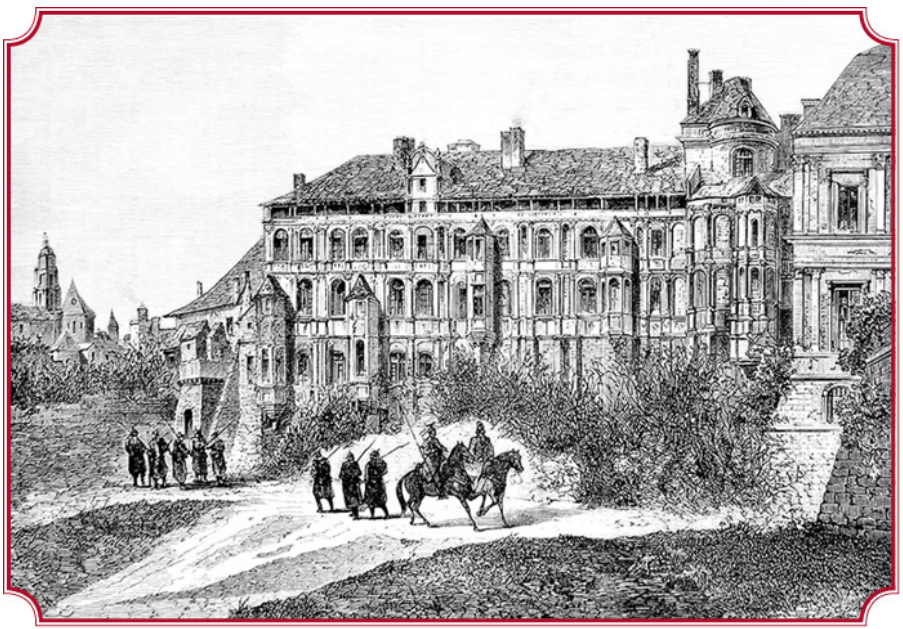
Но бывают времена, когда все вокруг словно сговорились, чтобы увеличить зло и уменьшить действенность целебных средств, когда судьба начинает, но не может закончить начатое, когда надежда обретает некоторую свободу, но лишь для того, чтобы сделать пребывание в темнице еще более горьким.

Сей несчастный принадлежал к сословию военных и в молодости был гугенотом; затем он стал католиком, даже капуцином, однако религия не смогла обуздать его резкий ум, и пыл первого порыва со временем поугас; он стал причинять столько бед своим учителям, что они были вынуждены прибегнуть к строгости; обозленный и язвительный, в 1607 году он отправился в Рим жаловаться Его Святейшеству; там, имея в качестве противника кардинала Монополи, горячо любившего учение капуцинов, в котором он был воспитан, а также получил свой сан, он выдвинул против себя самого жестокие обвинения перед Его Святейшеством и поддержал их с таким вопиющим бесстыдством, что сей добрый пастырь, который скончался тогда же, по мнению окружающих, умер от огорчения.

Наконец он получил от Его Святейшества отпущение грехов, разрешение жить так, как ему хотелось, и позволение быть

священником в миру; он стал носить сутану, однако дух его был далек от духа священнослужителя, – скорее, он внутренне тяготел к своему первому призванию, пока в конце концов Господь, истинный Судия, не выбрал для него удел быть обвиненным в смерти другого человека; в результате навета он был постыдно возведен на эшафот и колесован за грехи, коих не совершал; его тело и протокол процесса были сожжены после его смерти, как недостойные упоминания впредь.

Он умер раскаявшимся, однако нимало не переживая из-за бед, в коих очутился; слушая, как ему читают приговор, он протянул руку одному из помощников палача, дабы тот мог прощупать его пульс и убедиться, что он ничуть не взволнован происходящим.



Королевский дворец в Блуа. *Гравюра. 1880-е гг.*

Но оставим этого несчастного и вернемся к Королеве, которая, проведя взаперти девять дней, 4 мая покинула Париж, чтобы снова быть запертой в другом месте, хотя и более просторном, чем то, которое она занимала в столице.

Все утро ей наносили визиты: слезы навещавших были красноречивее, нежели их уста; все жалели ее, хвалили ее осторожность, столь великую, что ахи и охи принцев и принцесс не могли вызвать ее слез на глазах или иных слов, кроме как: «Если мои поступки не понравились Королю, моему сыну, они разонравились и мне самой; но однажды, я уверена, он поймет,

что они были направлены на его благо.

Что касается маршала д'Анкра, мне жаль его душу, я сожалею о том, что пришлось сделать Королю, дабы эту душу освободить. Вы огорчаетесь из-за меня, судя обо мне по себе, но я уже давно просила Короля избавить меня от участия в его делах».

После обеда Король пришел к ней попрощаться. Когда она увидела его, сердце ее, обычно далекое от любых волнений, так сильно забилось, что слезы брызнули из ее глаз; затем она обратилась к Королю со словами, прерывавшимися рыданиями: «Господин мой сын, нежная забота, которую я проявляла о Вас, пока Вы были малы, трудности, которые я преодолевала, чтобы сохранить Ваше государство, перед Богом и людьми оправдывают меня и свидетельствуют, что у меня не было иной цели, кроме соблюдения Ваших собственных интересов.

Я не раз просила Вас принять на себя заботу о государстве, но Вы считали, что мои усилия небесполезны, и просили меня продолжать править; я повиновалась из уважения к Вашей воле, а также потому, что было бы низостью покинуть Вас в беде. Если Вы сочтете, что, оставив дела, я недостойна места, куда могла бы с почетом удалиться, то Вы все равно увидите, что я всегда стремилась обрести покой лишь в Вашем сердце и славе своих дел.

Знаю, что мои враги превратно истолковали Вам мои намерения и мысли; однако дай Бог, чтобы, после того как они воспользовались Вашим малолетством, чтобы изгнать меня, они не постарались воспользоваться моим отсутствием, дабы причинить Вам зло. Лишь бы они не тронули Вас, а я охотно забуду, что они сделали против меня».

Король, уведомленный Люинем о том, что может сказать Королева, и наученный, как отвечать, только и ответил, что для него настал час править своим государством самостоятельно и что он всегда и везде останется ее преданным сыном.

Он разрешил всем желающим попрощаться с Королевой перед ее отъездом; двери были открыты для всех; выражения лиц и манеры поведения у пришедших попрощаться с ней были различными. Кое-кто вовсе не пришел. Всех, кто явился, она встречала ровно, оставаясь почти неподвижной, и выглядела так, будто собралась на прогулку в один из своих отдаленных замков.

Она уехала 4-го числа, сопровождаемая дочерьми и всеми принцессами, провожавшими ее. При прощании с ними она так и не заплакала. Это объясняли по-разному, в зависимости от того, как к ней относились: одни тем, что она была потрясена обрушившимся на нее ударом, иссушившим слезы; другие – свойствами нации, к коей она принадлежала; те, кто хорошо к

ней относился, – добродетелью и силой ума.

Некоторые утверждали, будто она была сама бесчувственность; а Люинь счел, что пламя мести сжигало ее сердце до такой степени, что вытеснило чувство жалости даже к самой себе; это утвердило его во мнении, что она никогда не простит его, а потому он постарался приложить все усилия, дабы помешать ей когда-нибудь вернуться к Его Величеству.

Она уезжала без внешних признаков сожаления, а большинство отнеслось к ее отъезду с радостью, поскольку маршал д'Анкр вызывал такую неприязнь у народа, что никакие беды Королевы не могли смягчить этой неприязни. Она вышла из Лувра, одетая просто, в сопровождении всех своих слуг с печатью грусти на лицах; и не было никого, кого бы эта скорбь, сродни похоронной, не потрясла бы.

Видеть Государыню, незадолго до этого полновластно правившую большим королевством, оставившей трон и следующей среди бела дня – а отнюдь не ночью, когда темнота могла бы скрыть ее несчастье, – через толпу, на виду у всего народа, через сердце ее столицы, было поистине удивительно. Однако отвращение, испытываемое народом к ее правлению, было столь стойким, что в толпе даже слышались непочтительные слова, и это было солью для ее душевных ран.

Четырьмя днями ранее супругу маршала д'Анкра препроводили из Лувра в Бастилию, а некоторое время спустя, по решению парламента, – в Консьержери; парламент опирался на письма Короля, адресованные двору, в которых он желал, чтобы ее, как и ее соучастников, судили в память о ее муже.

Когда она вошла ночью в Бастилию, ее прибытие наделало столько шуму, что Господин Принц проснулся и, узнав, в чем дело, почувствовал облегчение от того, что избавился от такого врага, как она. Однако когда ее увезли, чтобы предать суду, Господин Принц устрашился столь кровожадного начала нового царствования.

12 мая Король приказал опубликовать указ, в коем объявлял, что министры, давшие Его Величеству дурной совет, поступили против совести; в тексте было много противоречий. С одной стороны, указ признавал верность принцев и утверждал, что они и не могли поступить иначе, ввиду злобных замыслов маршала д'Анкра, использовавшего армию Его Величества, чтобы притеснять их; с другой стороны, указ свидетельствовал, что принцы вооружались незаконно и что они не должны были искать иной защиты, кроме как в справедливости Его Величества.

Его Величество прощал все деяния, совершенные принцами, возвращал им и их людям свое доброе расположение, отменял все

указы, направленные против них, заключенные со времени подписания Луданского договора, и восстанавливал всех в их званиях и должностях.

Его Величество направил также послание к собранию Ла-Рошели, в котором прощал членов собрания за все, что они сделали против королевской власти, и дозволял каждому из них вернуться в свою провинцию.

Депутаты национального синода Витре явились к Королю 27 мая, чтобы засвидетельствовать радость, с которой они встретили смерть маршала д'Анкра и начало правления Его Величества.

Однако их спокойствие было недолгим; 2 июня епископ Макона на открытии Генеральной ассамблеи французского духовенства, проходившей в монастыре августинцев, сделал Королю замечание о нищете Беарнской епархии, а также сказал, что справедливость и милосердие не могут существовать друг без друга и что, начав свое правление с деяния, которое позволило ему заслужить прозвище Справедливого, он должен теперь обратить свое милосердие к этой бедной провинции, в которой множество городков и приходов, населенных по преимуществу католиками, до сих пор не имеют священников, дабы совершать таинства; и что церковные пожертвования оказались в руках у гугенотов и были использованы на содержание министров и их коллегий.

Сие замечание привело в замешательство всех представителей так называемой религии[151], постаравшихся умолить Короля оставить положение вещей таким, каковым оно являлось, и подтвердили все это еще раз в присутствии маркиза де Ла Форса, губернатора Беарна.

Однако это не помешало Его Величеству постановлением от 25 июня установить католические службы по всей территории Беарна и запретить гонения на католических священников и использование церковных пожертвований; тем не менее он выделил из доходов государства более значительную часть на содержание министров, регентов, послушников, заключенных и всех остальных, кого прежде содержали на церковные средства; во исполнение этого постановления Его Величество отправил к названным беарнским церквам послание с просьбой делегировать к нему депутатов, которые будут наблюдать за исполнением указа.

Вышеназванные собрались в Ортезе, откуда отправили Королю письмо с упреком, однако упрек сей был напрасным; ибо, несмотря на все противодействие, в сентябре следующего года Король издал эдикт относительно распоряжений церковными средствами в Беарне; как мы увидим, весь последующий год

исполнение этого эдикта будет сопряжено с трудностями и приведет к падению во Франции партии гугенотов.

Если епископ Макона достиг цели, то и епископ Эрский добился неменьшего успеха в отношении запрета дуэлей: он так расписал этот грех и полагающуюся за него кару Господню, что Его Величество распорядился – дабы показать, что и данный эдикт будет строго выполняться, – отвезти тела дворян, незадолго до этого погибших во время поединков, в Монфокон.

Тем временем начался процесс над вдовой маршала д'Анкра; причем устроители процесса твердо решили приговорить ее к суровому наказанию. Хотели, во-первых, свести вдову маршала лицом к лицу с Барбеном, надеясь извлечь из этого какой-либо толк; ибо когда Королева, уезжая, настоятельно просила Короля и г-на де Люиня освободить Барбена, Люинь не нашелся, что ответить, кроме того, что прежде надо устроить Барбену очную ставку с вдовой маршала.

Однако Моден отправился к Барбену в Бастилию, и Барбен ответил ему, что, хотя вдова маршала замышляла дурное против него и желала ему зла, теперь он готов пролить свою кровь, дабы выручить ее из положения, в коем она оказалась; и поскольку положение обоих было незавидным, он хотел бы увидеться с ней, чтобы спросить, какие свидетельства она желает привести против него, утверждая, будто он хотел отравить Королеву, как мы говорили выше.

Этот ответ, свидетельствующий об искреннем расположении Барбена к ней, заставил их испугаться, что очная ставка между ними будет способствовать скорее доказательству в пользу необоснованности обвинения, нежели увеличит груз преступлений, который приписывали им; поэтому дело рассматривали без него; Барбен прослышал об этом и язвительно заметил Модену, часто навещавшему его с целью разузнать что-либо из разговоров с ним, что ему хватило разума не встречаться с вдовой маршала, так как в ответ на ее фантазии, направленные против него, он не сможет ответить ей ничем, кроме уверения в совершеннейшем почтении.

Наконец, то, что она женщина, и то положение, в коем она оказалась, не могут гарантировать ей защиту от оголтелого желания покончить с нею; в постановлении от 8 июля уже объявили ее мужа и ее саму преступниками, совершившими тягчайшие преступления против Божественной и земной власти, в связи с чем предали память о ее супруге вечному забвению, а ее саму приговорили к отсечению головы на эшафоте с последующим сожжением тела и головы; их дом возле Лувра подлежал сносу, а все их движимое и недвижимое имущество и

драгоценности были конфискованы в пользу Короля; все, чем они обладали в Риме и Флоренции, также отходило Королю.

Однако это постановление было исполнено только в части, касающейся персоны супруги маршала д'Анкра, ибо имущество, принадлежавшее этой семье, перешло к их врагам, которые в знак своего продвижения по службе решили присвоить себе все, а именно: то, что, к величайшему неудовольствию народа, зависти вельмож, ущербу королевской казны, жалобам Люиня, маршал и его супруга собирали в течение семи лет, пока Королева покровительствовала им.

То ли жадность ослепила врагов маршала и заставила их забыть о том, каким образом они пытались навредить ему, то ли их неосторожность достигла высшей степени, только они не озаботились даже тем, чтобы скрыть свое мошенничество.

Всем стало ясно: эту бедную страдалицу преследовали только для того, чтобы за счет ее богатств выйти из бедности; более того, некоторые судьи покривили душой, но потом осознали, что, в ущерб своей совести и доверяясь обещаниям фаворита, не следует отправлять неправедный суд; главный адвокат Ле Бре сказал мне, что обвинения, выдвинутые против маршальши, столь призрачны, а доказательства столь слабы, что, когда его попросили ради чести и безопасности Короля приговорить ее к смерти, он не пожелал сделать это; однако Люинь лично заявил ему, что, если она будет приговорена к смерти, Король дарует ей жизнь; если Ле Бре обманом заставили согласиться на это, то, вероятно, и некоторых других судей также.

Однако один из докладчиков, Деланд, порядочный человек, остался верен закону и даже отказался присутствовать на заседании суда, как ни просил его об этом Люинь.

Основные статьи, по которым ее приговорили к смерти, были следующие: она была еврейкой и колдуньей, основным доказательством чего было то, что она принесла в жертву петуха, а также то, что родословная Короля и его братьев хранилась у нее в шкатулках.

Она действительно была взята с поличным с родословной своей Государыни и детей, коих той дал Господь. Против нее свидетельствовало то, что она прибегала к колдовству с помощью петухов и голубей.

Будет справедливым сказать, что невозможно быть уверенным в невиновности в то время, когда все ищут виновного; ибо, хотя из двух обвинений последнее достойно похвалы, так как опирается на примеры из Священного Писания, а первое вызывает сострадание, ее хотели уличить в преступлении против власти, объявив при этом колдуньей.

Известно также, что в Италии принято составлять гороскоп для новорожденных благородного происхождения, а жизнь и дела соотносятся с расположением звезд, изучаемым столь тщательно, словно Господь начертал в Небесах имена тех, кому Он желает доверить управление миром.

Этот обычай, скорее курьезный, тем не менее кажется им полезным как в отношении собственных судеб, так и в отношении безопасности их правителей, ибо открывает возможность войти в доверие к своим владыкам, узнав об их пристрастиях, а также характере. Это как в медицине, когда понять причину болезни означает приступить к излечению больного.

Давними законами запрещено справляться у астрологов по поводу жизни государей; однако запрет сей распространялся лишь на тех, кто имел право наследования, или на тех, кто приобретал власть управлять народами. Но во всех остальных случаях подобные заблуждения в наше время являются широко распространенными и никак не наказываются, поскольку если уж и самые святые законы постоянно нарушаются и нарушать их становится привычным делом, то что уж говорить о прочих.

Что касается супруги маршала, то она была скорее набожной.

Христианину пристало черпать нравственное здоровье в делах милосердия.

Откуда появился обычай, предписывающий здоровым благословлять продукты питания и запрещающий больным освящать лекарства? Крестным знамением осеняют корабли, чтобы они противостояли врагам и бурям, благословляют воду, чтобы лишить яд его силы, в деревнях устраивают крестные ходы, чтобы собрать богатый урожай.

Таким образом, вдову маршала уличили в воображаемых преступлениях. Будь она менее богатой, ее судьба была бы не столь страшной; если бы она служила менее снисходительной Государыне, она прослужила бы гораздо дольше: ее богатство привлекало к ней взгляды врагов и негодяев, эти люди, полностью располагая мыслями Короля, отправили к судьям г-на Бельгарда, который поговорил с каждым в отдельности и внушил им, что они должны приговорить ее к смерти, не думая, что ошибаются, забыв о сострадании и добродетели ее госпожи.

Когда ей прочитали приговор, она удивилась и воскликнула: «Oime poveretta!» («Горе мне, бедняжке!» (*итал.*)), ибо, уверенная в своей невиновности, она менее всего ожидала смерти, поскольку не ведала, что любой человек, попавший в немилость к Государю, уязвим и для закона. Тем не менее она твердо встретила смерть, совершенно покорившись Божией воле.

С той минуты, когда она оказалась в тюрьме, ее ум, который

и прежде был изранен меланхолией воображения настолько, что никто, да и она сама, не могли переносить ее настроений, вдруг прояснился и стал таким здравым, каким никогда не бывал прежде; таким ее рассудок остался до конца, и она смогла понять слова из Священного Писания о том, что горе является самым целебным средством для ума.

В эти дни, когда ее несчастная судьба завершалась столь ужасно, Господь излил на нее столько благодати, что она, возвысившись над естественным чувством нетерпеливости, которое было свойственно ей в течение всей жизни, проявила мужество, словно смерть была для нее неким приятным возмездием, а жизнь стала жестокой мукой.

Леонора Дори Галигаи
(1571—1617)

Выйдя из тюрьмы и увидев огромную толпу народа, собравшегося, дабы посмотреть на нее, она сказала: «Сколько людей собрались, чтобы лицезреть одну страдалицу!» Немного погодя, заметив человека, которому она сослужила плохую службу при Королеве, она попросила у него прощения: столь истинным был ее стыд перед Господом, что стыда перед людьми она уже не ведала.

Казалось, что Господь благословил ее чудесным образом,

поскольку неожиданно все, кто собрался на казнь, стали совсем другими людьми: плакали от жалости к этой несчастной, вместо того чтобы тешить свои сердца видом жестоких мук – зрелищем, которого они сначала так желали; вместо загнанной в угол львицы толпа узрела овцу, ведомую на заклание; люди готовы были выкупить ее ценой собственной крови.

Даже г-жа де Невер и ее муж, доведенные ее усилиями до края пропасти, обычно надменные, озлобленные, и те не могли сдержать слез. Вот уж поистине: она была столь же оплакана после смерти, сколь и ненавидима при жизни.

Только желание соблюсти истину побудило меня сделать сие замечание, а вовсе не забота о прославлении имени женщины, одинаково несчастной и невиновной; заканчивая свои дни прилюдно со спокойствием и простотой, она заставила лить слезы тех, кто прежде жаждал ее крови.

Та роль, которую ее супруг и она сама играли в государстве, расположение, которым она пользовалась со стороны Королевы, их состояние, их помпезная судьба в том театре, который называется королевством, различные суждения о них в народе и в других государствах Европы – все это обязывает нас коротко рассказать об их происхождении, недостатках, добродетелях, их жизни и смерти, стараясь как можно меньше повторять то, что уже было сказано о них выше.

Кончино Кончини принадлежал к одной из лучших аристократических семей Флоренции, как следует из книги «Прославленных родов» Сципиона Аминирато. Его отец был наставником Франческо Медичи, отца Королевы-матери.

Юность Кончино была бурной: он сидел в тюрьме, был сослан и даже одно время сделался стольником кардинала Лотарингского.

Незадолго до женитьбы Короля он вернулся во Флоренцию, не снискав себе никаких благ, ибо являлся третьим сыном в семье, обладавшей десятью тысячами дукатов ренты; и потому легко согласился отправиться в путь вместе с принцессой Марией. Леонора Галигай уже тогда благосклонно посматривала в его сторону и помогла ему деньгами – на две тысячи он приобрел лошадь, окрестил ее *di rispeto* (про запас *(итал.)*) и преподнес в дар Королю.

Спустя некоторое время по прибытии во Францию он женился на Леоноре и превратился в супруга фаворитки Ее Величества. Он был первым метрдотелем королевы, а затем ее первым конюшим.

После нескольких досадных случаев, произошедших по вине его супруги, не умевшей, в силу язвительности своего ума, говорить с Королем почтительно, когда речь заходила о его

любовных похождениях, Кончино наконец расположил к себе Его Величество, ибо был сметлив, любил игру, отличался изысканным юмором, был насмешником и умел развлекать, а кроме того, ловко прикрывал интрижки Короля и успокаивал вспышки ревности, которыми Королева изводила своего супруга.

После смерти Короля его карьера продолжала складываться удачно, и он все меньше зависел от своей жены, так что в последний год был обязан своими успехами только самому себе. Он был по природе своей подозрителен, но отнюдь не такой шарлатан, какими обычно бывают итальянцы и флорентийцы, предприимчив, смел, и даже злопыхатели, которые всегда найдутся, когда речь идет о первых лицах государства, говорили, что в деле Катле и при осаде Клермона невозможно было держаться лучше.

Его обычные шутки, направленные на своих соплеменников и слуг, которых он называл *cogleone* (олухи *(итал.)*), подверглись осуждению света, который охотно отыгрывается на подобных персонах, дай только повод.

Главной его целью было взлететь так высоко, как только позволено дворянину; второй – величие Короля и Государства; третьей – снижение влияния вельмож королевства, и прежде всего Лотарингского дома. Он говорил своим доверенным лицам, что принцы крови причиняют меньше вреда открытым мятежом, нежели интригами при дворе.

Он узнал, что его супруга стала впадать в слабоумие, года за два до своей смерти, не мог не быть в курсе того, что говорили о других ее недостатках. Он вознамерился отправить ее в Кайенский замок как сумасшедшую; однако Монтальто, их врач, отговорил его, посоветовав обходиться с ней мягко, удовлетворяя ее жадность маленькими, но приятными подарками и другими способами, не прибегая к крайним мерам.

Он страстно хотел сочетаться браком с м-ль де Вандом, которая узнала об этом через доверенное лицо маршала и выказала ему свою безусловную симпатию.

Он питал к министрам отвращение и среди них к канцлеру г-ну де Вильруа, командующему де Сийери, президенту Жанену, однако не смог покончить с ними, они платили ему тем же. Он был разочарован в хранителе печатей дю Вере, обвинил его в невежестве и неблагодарности.

Я завоевал его расположение с первой же встречи. Он сказал тогда же кому-то из своих близких, что теперь у него под рукой есть молодой человек, способный преподать урок *tutti barboni* (всем бородачам *(итал.)*). Он продолжал уважать меня, однако его расположение полностью сошло на нет, во-первых, потому,

что в моем лице он встретил отпор, коего не ожидал, а во-вторых, потому, что заметил, как доверие Королевы склоняется в мою сторону; в-третьих же, оттого, что Рюслэ сослужил мне плохую службу, не упуская случая очернить меня и Барбена.

Он понял, что отношение Королевы к нему изменилось, судя по тому, как она восприняла те два предложения, которые он донес до нее через Рюслэ: он был уверен, что она откажет в обоих случаях, но она согласилась. В первый раз он попросил назначить его пожизненным послом при Его Святейшестве; во второй – чтобы ему отказали в первой просьбе и дали Феррарскую инвеституру.

То, что Ее Величество согласилась на обе просьбы, заставило его призадуматься и настаивать на моем удалении, равно как и удалении Манго и Барбена.

Со временем накапливалось его раздражение по отношению к супруге, особенно когда не стало рядом еврея Монтальто, умершего незадолго перед этим; порой он скатывался до брани, и требовалось вмешательство Королевы.

Его супруга хотела покинуть Францию, он ни за что на это не соглашался, часто повторяя, что, после того как он был всем во Франции, ему будет лучше только в *casa di domino* (дом Господень *(итал.)*), где он сможет жить в свое удовольствие. Он почти не заботился о своих родителях и соотечественниках; Франция занимала все его помыслы.

Королева и его супруга боялись, что их сглазят или отравят. Их мания достигла такой степени, что они опасались показываться на людях и избегали чужих взглядов.

Страсть к игре была его единственным развлечением в последние годы жизни; любовь оставляла его равнодушным; он мучился грыжей, так что невольно воздерживался от греха. По природе своей он был свободолюбив, обходителен, снискал привязанность со стороны немногочисленных друзей; его слуги всегда видели в нем своего господина, он достиг такой степени величия, которая обеспечивала ему постоянную любовь окружающих, а также их верность.

Пороки, отличающие представителей его нации, не проявились в нем; убийство Прувиля было скорее вынужденным, ибо сей вопрос не представлялось возможным решить полюбовно.

Что касается супруги маршала, ее звали Леонора Гай; дабы скрыть свое низкое происхождение, она изменила фамилию. Отец ее был столяром, мать – кормилицей Королевы; таким образом, она являлась молочной сестрой Ее Величества, старше той месяцев на пятнадцать или двадцать.

Они росли вместе, с годами их дружба крепла: ее верность,

заботливость, стремление услужить госпоже не знали себе равных; та платила ей нежной привязанностью, к тому же она так хорошо разбиралась в том, что увеличивает красоту девиц – нарядах и украшениях, что ее госпоже казалось, будто другой такой же не сыскать в мире и что, если она потеряет эту, замены ей не найдется.

Это привело к тому, что она знала все секреты своей повелительницы. Великий Герцог ничуть не сожалел о том, что рядом с его племянницей находится такая девушка; ответы Марии принцам, желавшим побеседовать с ней, были подсказаны ей Леонорой, а Леонора внушала ей именно то, что желал услышать Великий Герцог, который таким образом направлял мысли племянницы.

Наконец, в течение долгого времени храня ее, как сокровище, которое он обещал всем, но никому не отдавал, он понял, что далее удерживать девицу без ущерба для ее репутации нельзя – она достигла двадцати семи лет, – и тут представился самый благоприятный случай устроить ее судьбу: ей сделал предложение Генрих IV, искавший мира в своем королевстве после одержанных побед.

Леонора отправилась вместе с ней и стала приближенной Ее Величества Королевы Франции, храня достоинство королевы в сердце: бедный мотылек, не убоявшийся огня, который неизбежно должен был опалить его крылья, поскольку был неотделим от того сияния, которое сопутствовало новому положению ее госпожи.

Прибыв во Францию, Леонора немедленно была признана фавориткой Королевы, которой без особого труда удалось добиться согласия на это у Короля. Склонность к Кончино, зародившаяся в душе Леоноры еще во Флоренции, вкупе с недоверчивостью к французам привели к тому, что она вышла замуж за Кончино, ставшим первым метрдотелем Королевы; сама же Леонора была ее фрейлиной.

Во всех огорчениях, испытываемых Королевой из-за любовных связей Короля, она оставалась так тесно связанной с нею дружескими узами, что ни Королю, ни ее супругу не удавалось заставить ее смолчать или помешать с издевкой обо всем рассказать Королеве, когда они невольно своим поведением оскорбляли ее; несколько раз ее чуть было не отправляли обратно в Италию – вместе с супругом.

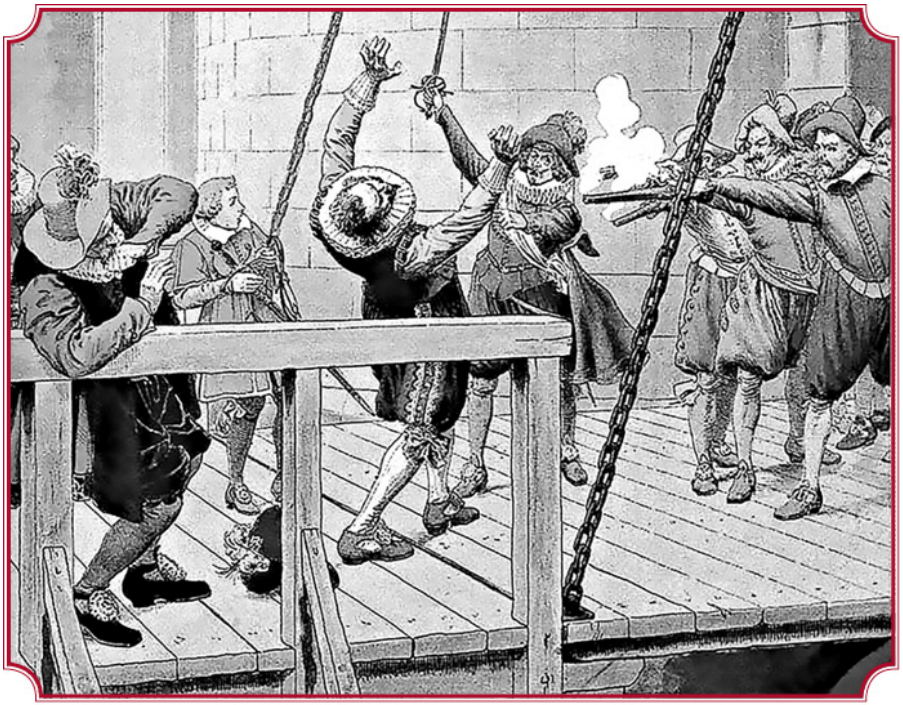
Это отнюдь не вредило ей в глазах ее госпожи, которая после смерти покойного Короля стала в качестве регентши распоряжаться огромным королевством; вследствие чего и Леонора, и ее супруг взлетели на вершину власти, заняв такие

должности, которые до них и не снились чужестранцам.

Она держалась на вершине славы с такой простотой, что не заботилась о том, будут ли считать основным действующим лицом ее или ее супруга, хотя именно она была главной причиной и основой их удачного продвижения вверх, и потому, что именно ее любила Королева, и потому, что пламя честолюбия ее супруга заставляло его поступать столь рьяно и неосторожно по отношению к Королеве, что порой маршалу не хватало необходимой ловкости, дабы достичь чего-то желаемого, она же легко доводила дело до конца; она не сообщала Королеве о своих замыслах, не подготовив ее заранее, не подослав к ней одного за другим нескольких бывших на ее стороне лиц; кроме того, она использовала и министров, что нередко оборачивалось против них самих.

С самых первых своих шагов, скорее по причине низменности своего ума, которая определялась незнатностью ее происхождения, чем умеренностью ее добродетелей, она более стремилась к богатству, нежели к почестям, и какое-то время сопротивлялась неумеренным аппетитам супруга – помимо указанной причины, она еще опасалась, как бы он не стал презирать ее.

Величие Королевы, желавшей, чтобы роль ее ставленников в государственных делах была соотносима с ее собственными могуществом и свободолюбием, а может, и злая судьба, устилавшая розами их путь, ведущий к падению, привели к тому, что их желания были полностью удовлетворены и они получили все, о чем могли мечтать, – богатство, титулы, должности.



Морис Лелуар. Убийство Кончино Кончини. *1910-е гг.*

Однако росло недовольство ими: принцы, вельможи, министры, народ ненавидели их и завидовали им. Первой лишилась былой смелости и стала подумывать о возвращении в Италию Леонора; ее супруг не желал сего, однако вынужден был пойти на это как на крайнюю меру – когда понял, что Господин Принц оставил его; однако и он отрекся от Господина Принца после его ареста, в отличие от своей жены, которая и впредь сохраняла ему преданность.

Разногласия и домашние ссоры с супругом, чьи устремления были противоположны ее собственным и пожеланиям окружающих, так подействовали на нее, что она лишилась здоровья, разум же ее пошатнулся: ей стало казаться, что все, кто смотрит на нее, желают ее сглазить; она впала в такую тоску, что не только отказывалась беседовать с кем-либо, но и почти не виделась со своей госпожой; когда же встречались, то Леонора разражалась бранью, называя ее *despietata, ingrata* (безжалостная, неблагодарная *(итал.)*), и, когда ей случалось разговаривать с ней, она чаще всего называла ее глупой.

Известие, что супруг решил отделаться от нее и уже подумывает о новой женитьбе на м-ль де Вандом, добило ее окончательно. Поначалу маршал скрывал свои намерения, нанося

ей краткие визиты по вечерам, одаривая маленькими подарками и далее позволяя, как говорили, некоему синьору Андреа, неаполитанцу, находиться возле нее и развлекать ее своим пением и игрой на музыкальных инструментах.

Однако в конце концов он почти совсем перестал ее навещать, тем более что уже не зависел от нее, и оба они воспылали такой ненавистью по отношению друг к другу, что общались не иначе, как взаимными проклятиями – скрытый знак несчастья, которое должно было свалиться на их головы.

Они были бы счастливы, если б прожили в согласии и любви, если б супруг благосклонно внимал советам жены, внушающей ему, что он поднял слишком большой парус для их маленького суденышка, и был бы способен спуститься с небес, куда взлетел из самых низов, – или же, если б жена, толкуя со всей простотой желания своего супруга, не угадывала в них дурных намерений против себя и смирилась, что ее племянница должна выйти замуж за Люиня, чем бросила бы священный якорь блуждающей судьбы в порту благоденствия.

Однако Господь, узревший в их поступках соблюдение ими собственных интересов вместо службы Государыне, пожелал, чтобы эти тщания стали причиной того, что их общее благо оказалось разрушено, а жизнь обоих оборвалась.

Думали, что преследование вдовы маршала должно было завершиться вместе с гибелью несчастной; однако сколь сложно измерить незаконно приобретенную власть, столь же трудно развеять злобу по отношению к той, которая превратилась из служанки в госпожу.

Известие о ее кончине повергло Королеву, находившуюся в Блуа, в глубокую скорбь, а по злу, причиненному фаворитке, можно было судить об отношении к ней Короля.

Слуги, оставшиеся при дворе, говорили теперь о ней только плохое, но их слова мало кто выслушивал со вниманием. Те, кто поторопился завладеть ее богатствами, получили ее долги; если кто-либо, движимый состраданием к ее участи, произносил несколько слов в ее защиту, их отзвук доходил до ушей опасавшихся ее, и они начинали сравнивать сии слова с преступлением и противлением королевской воле, заявляя, что она обладает таинственным даром привлекать на свою сторону умы и сердца, просто жалевшие ее, повинуясь голосу разума.

Я сопровождал Королеву на выезде из Парижа, сострадая ее печалям, и не мог принять того, чем ее враги хотели одарить меня.

Мне требовалось письменное разрешение Короля ехать вместе с Государыней, поскольку я опасался, что завистники

сочтут меня виновным в пристрастии к ней, и то, что я сделал по собственной воле, будет свидетельствовать против меня. Я хорошо знал, сколь сложно удержаться от порицаний и зависти окружающих, находясь возле Королевы, однако надеялся вести себя искренне и простодушно, дабы рассеять злобу, которую вызвал своим поступком; для достижения сего я обратился напрямую к Королеве, прося ее послать за отцом Сюффраном, далеким от происков и интриг, человеком жалостливым и простым, не позволявшим себе высказываться перед Королевой без крайней необходимости.

Тем не менее добрый священник явился не тотчас, как его позвали, а лишь спустя несколько месяцев.

Как только мы добрались до Блуа, я поспешил уверить г-на Люиня, что он не будет иметь поводов быть недовольным Ее Величеством и что все ее помыслы лишь о благе Государя, что случившееся больше не занимает ее мысли и что она совершенно оправилась от потрясения. Позже я время от времени отправлял ему отчеты о поступках Королевы, чтобы у него не было никаких сомнений в ее лояльности.

Королева поставила меня во главе своего Совета, однако я не желал соглашаться на эту должность без позволения Его Величества.

Я призвал г-на де Ла Кюре в свидетели, объявив ему, что принял на себя честь служить Королеве и не соглашусь теперь ни на какую должность, предлагаемую мне Королем; что г-н де Люинь имеет возможность убедиться в этом; и что если он рассмотрит мое поведение сам, не уповая на суждения пристрастных людей, то не сможет ни в чем меня обвинить; что поступки Королевы так чисты, что если ей будет приписан некий дурной поступок, то его нужно скорее отнести не к ней, но к ее былому окружению; что я уверен: Король доволен ее правлением, равно как и действиями тех, кто находится возле нее; и что для себя я не желаю иного удела, кроме как быть в ее тени, открывая глаза лишь для того, чтобы видеть светлые поступки Ее Величества и тех, кто, служа Королю, служит и ей, закрывая свои уши перед любыми наговорами.

Однако эти предосторожности не могли помешать дурному отношению ко мне, недостаток искренности пугал вельмож во мне менее всего: их страх произрастал из их собственных преступлений, и они опасались, что им не хватит ума в той степени, в которой им меня наделил Господь.

Из писем я узнавал, что они наговаривают Королю на меня; они уведомляли меня, что в любую минуту перестанут доверять мне, считая меня интриганом; что г-н де Люинь попытался

доказать лживость этих обвинений, заставив замолчать обманщиков и распространителей сих слухов, однако я узнавал также, что он не может достичь цели; в другой раз до меня дошли слухи, что в окружении Королевы возникли происки и дурные замыслы, однако слухам этим Король и Люинь не поверили; все это заставляло меня быть начеку – из опасения, что именно так к нам придет несчастье.

Я отвечал, что обязан Королю головой, умоляя пресечь любые сплетни и наговоры, и если бы я не смог убедить его, то тем не менее постарался бы изыскать средство доказать это; что я хочу от них только одного: чтобы они полностью доверяли мне, пока я нахожусь возле Королевы; и постепенно мои враги отступились от меня; я говорил им, что и речи быть не может о заговоре против Короля; что я отвечаю жизнью за свои слова; что не в моих силах предотвратить проклятия со стороны, однако мои действия доказывали г-ну де Люиню, что он судил обо мне справедливо, и должно пристыдить тех, кто против совести свидетельствовал, будто я приношу вред; что я был атакован со всех сторон, но, вооруженный своей невиновностью, вынес все с терпением; что я сильно уязвлен тем, что мне приходится повсюду защищаться от различных влиятельных лиц; что подобное отношение раздражает благородных людей, не видящих иной цели, кроме цели служения своему Государю, притом его честь постоянно оказывается предметом соглашения; но меня утешает то, что я знаю мнение Его Величества и г-на де Люиня обо мне и уверен, что конец венчает достойное дело; что, возвысив меня, Королева таким образом наделила меня завистниками и врагами; что намерения, которые я использую ради служения Королю, рождают и иные подобные, и если сильные мира сего желают добиться того расположения, коего я добился у Королевы, то делают это с целью использовать его иначе, нежели я, хотя это не представляется возможным, поскольку разум Ее Величества настолько склоняется в сторону спокойствия и желания служить Королю, что ни один человек не сможет этому препятствовать.

Маршальша отправила к Королеве капитана Бенша, долгое время находившегося при маршале; однако, испугавшись разгневать всех вышеназванных господ, Ее Величество не ответила. Затем герцог Монтелеонский пожелал, чтобы императорский посол, видевшийся с Королем, навестил Королеву в Блуа и написал об этом; Королева сказалась больной и не стала встречаться с ним.

Все это не удовлетворило их; любой ценой они желали удалить меня от Государыни; однако их робость и неизобретательность, вызванные страхом, помешали им принять

решение приказать мне устами Его Величества оставить Государыню. Все их ухищрения прибавили к их недостаткам еще и дерзость; они решили отправить моему брату гонца, дабы он тут же отписал мне, прося уехать.

Так он и поступил; я поверил ему и рассудил, что лучше будет опередить их, и отпросился у Королевы на некоторое время в Курсэ – приход, который был у меня возле Мирбо; они нашли повод отправить мне туда 15 июня письмо от Короля, в коем Его Величество заявлял, что доволен моим решением удалиться в свое епископство, и велел оставаться там или в одном из моих бенефициев до тех пор, пока он снова не призовет меня.

Я ответил, что не имею иных намерений, кроме службы Его Величеству и повиновения его приказам и мне нечего добавить, кроме того, что я со священным трепетом повинуюсь его желаниям; что я рад дать Его Величеству доказательства своей привязанности и верности, ибо это всегда являлось целью моего служения ему; что я прекрасно знаю: некоторые люди убеждают его в противоположном, однако Его Величество изволит понимать мои поступки, и недоброжелателям никогда не добиться исполнения дурных замыслов; что я верю: поступая так, как я поступал, я избегну порицаний, а мои действия будут одобрены даже теми, кто желал мне зла; и что, не достигнув пока сего счастья, я буду пытаться стяжать его, продолжая с прежним рвением совершать благие дела, дабы обвиняющие меня в дурных деяниях невольно закрыли рты; и что я умоляю Господа не относиться ко мне милосердно, если я хотя бы однажды помыслил или сделал что-либо вопреки своему долгу.

Когда Королева узнала о моем удалении, она отправила к Королю епископа Безьерского с поручением передать следующее: она не может смириться с тем, что меня удалили от нее только для того, чтобы сделать ей неприятное и, вопреки ее пожеланиям, удержать меня; она заявила, что очень удивлена, ибо знала: в течение всего этого времени я не давал повод быть удаленным; что ее окружают подозрительные люди, уверенные, будто в мыслях матери есть нечто против ее сына; что если Его Величество желает показать, что не доверяет этим наговорам и не стремится умножать их, то она умоляет его не поступаться его собственной славой и вернуть меня к ней; что эта просьба – одна из самых больших, с коими она только могла к нему обратиться: выполнив ее, он явит себя послушным сыном, а его враги не смогут оскорбить ее, заявив, что она лучше умрет, нежели станет терпеть, и ее разум сможет отдохнуть – а именно отдыха она желает всеми силами, ибо после того как она правила во всеобщее благо, она более ни в чем не нуждается в этом мире.

Она посылала письмо за письмом и к г-ну де Люиню, убеждая его, что его поведение доказывает одно: он не доверяет – и даже не мне, но ей самой; что он поступает как человек, воображающий, будто она намеревается использовать меня, дабы смущать умы, а в подобном случае мое отсутствие будет даже полезнее, нежели мое присутствие; что, желая навести порядок в своих собственных делах, она хотела бы видеть меня рядом с собой, зная, что я буду ей полезен, и не усматривая в моем присутствии ничего, что может дать повод тем, кто, руководствуясь злобой, измыслил нечто подобное, хотя и уверен в обратном; и если окажется правдой, что я задумывал что-либо дурное, находясь возле нее, она лично ответит за мои поступки, предав себя в руки Короля тогда, когда он этого пожелает; что никому не пристало судить о ее будущих намерениях и наказывать кого-то до совершения преступления; что не должно предпочитать чье-то злобное отношение ее верности, иначе она будет вынуждена поверить, что ей не на что надеяться, кроме беспристрастного закона; что она убедится, будто все это время он относился к ней предвзято, веря ложным слухам, и тогда она, в свою очередь, будет вынуждена выразить свое недовольство и решится просить у Короля позволения уехать из королевства, дабы не давать повода слухам, будто она плела заговоры, в чем ее хотят обвинить; что, поскольку Король имеет честь доверять ей, он обязан показать, что не смущается верить некоторым неприятным ему персонам ради спокойствия собственной матери, нуждающейся в отдыхе и покое, предпочитая их всему остальному; однако она не может получить ни то, ни другое, пока Король внезапно меняет свои решения; что, наконец, если он не может избавиться от сомнений, что я якобы подготавливаю почву для смуты, она даст ответ Королю сама, и что ответа Королевы вполне достаточно, дабы спасти преступника, и что она, не желая отпускать меня домой без какого-либо предлога, тем не менее предоставила мне отпуск на неделю и теперь посылает ко мне с тем, чтобы я вернулся к ней уже завтра.

Эти страстные и одновременно полные разумных доводов письма не привели ни к чему: она не получила прямого отказа, но дело затянулось, и Люинь передал ей, что Королю наговорили про меня столько дурных слов, что он не может согласиться на мое присутствие возле нее; что с цепи спустили всех собак, причем это были не пустые угрозы; что Король не верит ничему из услышанного, но тем не менее многие сошлись во мнениях, что Королю необходимо дать отдохнуть.

Похожей монетой де Люинь отплатил и мне за те письма, которые я посылал ему: он отвечал, что многим обязан мне,

обещал помочь, сетовал, что враги причинили мне столько зла, печалился, что не может рассеять тучи, сгустившиеся надо мной, однако обещал, что сделает это и вымолит для меня у Короля позволение вернуться.

То же самое мне писали Деажан и его приближенные, одновременно отправляя к Королеве просьбы поговорить обо мне с Королем; однако они советовали ей не настаивать на том, что она горячо желает вернуть меня, ибо со мной поступят так же, как и в прошлый раз.

Королева, со своей стороны, торопила меня увидеться с ней, дабы убедиться, что подозрения Короля, высказываемые им в письмах, были ложными; однако я не желал делать сего, ибо знал, что мои действия могут повредить ей, и хотел явить пример безусловного повиновения, чтобы заставить поверить всех, что мои предыдущие поступки были искренними.

В течение шести оставшихся месяцев этого года я постоянно защищался от клеветы и ложных обвинений в свой адрес, и, наконец, меня вынудили удалиться в мое епископство.

Я надеялся, что во время моей встречи с Королевой будет присутствовать маршал де Витри, которого я просил об этом через две недели после смерти маршала д'Анкра: он обещал мне выполнить мою просьбу. Однако оказалось, что г-н де Люинь собирался сам назначить коменданта Бастилии, что было прерогативой Королевы; де Витри претендовал на это место, ибо, являясь лейтенантом, он уже занес ногу для шага вверх; я решил, что он желал таким образом служить Королеве, которая, уступив, доверила назначение на этот пост Люиню.

Де Витри оказался решительно настроен против меня; он не только перестал быть моим другом, но – как будто я нанес ему великую обиду – проявил явный интерес, пытаясь овладеть теми средствами, которые использовались для ускорения моего падения.

Пока я был в Курсэ, случилось так, что отец Арну произносил проповедь перед Королем, направленную против символа веры гугенотов; четыре министра Шарантона обратились к Королю с неким текстом, в котором, якобы защищаясь от слов отца Арну, обращенных против их ереси, они говорили с Королем неподобающим образом и множество раз повторили ругательства и наветы против Божией Церкви.

Светское правосудие приняло некоторые меры, и Король своим повелением от 5 августа отверг это письмо, а также запретил своим министрам в будущем, без особого на то позволения, принимать подобные послания.

Однако, видя, что в духовном плане не сделано ничего, дабы

найти средство против зла, зароненного в души после чтения сего вредного текста, на что гугеноты очень надеялись, хвастаясь, что католики не смогут защититься, я использовал свое пребывание в одиночестве, дабы сочинить им ответ, а поскольку в течение долгого времени я был отвлечен от исполнения своих обязанностей пастыря, то взялся за работу с таким рвением, что через шесть недель закончил сочинять его.

Сей поступок вызвал у окружающих уважение ко мне, а у иных – даже зависть; и хотя стало ясно, что никакие дурные помыслы не занимают мою душу, мои враги тем не менее не переставали опасаться меня и старались помешать моему возвращению.

Самым печальным в положении Королевы было то, что большинство тех, на кого она более всего надеялась, осыпая их в период своего могущества деньгами, должностями, титулами и почестями, теперь крайне резко выступали против нее – из опасения, что их лишат всего того, чем она пожаловала их: среди людей, низких душой, такое поведение является обычным, однако недостойным истинного мужества.

Ее лишили пользования частью того, что она имела; если вдруг оказывалась вакантной какая-либо должность, ей не позволялось награждать ею своих слуг; если освобождался какой-либо пост в областях, коими она распоряжалась, то его отдавали тем, кого она любила менее всего, стремясь как можно сильнее оскорбить ее.

Мало того, вместо меня к ней приставили г-на де Руасси, одного из тех, кто желал падения преследуемых министров. Это было сделано против ее воли, дабы он шпионил за всеми ее делами.

Он отмечал всех, кто входил к ней; никто не мог побеседовать с ней без того, чтобы он не осведомился о теме беседы; он приставлял к ней ненавистных ей слуг; таковы были заслуги г-на де Руасси, делавшего все ради славы недругов Государыни; те, кого мы более всего уважаем, чаще всего способны втереться к нам в доверие, и те, кого мы считаем лучшими друзьями, могут служить орудием чужих низменных страстей.

Он вознамерился окружить Королеву людьми, коим она была безразлична; то, что они были бесстрастны по отношению к ней – от природы или по приказанию, – в какой-то мере делало их преступниками.

Желание добиться многого на этом пути толкало разных людей свидетельствовать против нее; они получали требуемое, использовали любые средства; предпринималось многое, чтобы

обесславить ее и даже объявить преступницей; находились скверные слуги, которые вместо нее заботились лишь о себе: осведомившись о ее самочувствии, они сразу же покидали эту добрую и великую Государыню – вот преступление, которое нельзя простить; если кто-то из слуг желал оставить должность, занимаемую при ней, другие вовсе не собирались страдать от этого, если только подобное намерение не исходило от одного из них.

Барон де Темин пожелал уволиться с поста капитана ее гвардейцев; барон дю Тур, верный и преданный человек, согласился с ним в необходимости получить награду за службу; они не отважились говорить прямо, в обход г-на де Руасси, и напомнили ему о пенсии в две тысячи экю, соответствовавшей этой должности, на которую, впрочем, они не соглашались, и дали ему понять через президента Жанена, что хотят переговорить с ним по этому поводу; барону ответили, что он слишком явно служит Королеве-матери, на что тот смело возразил, что до самой смерти останется ее верным слугой, даже если узнает о том, что все обвинения, выдвигаемые против нее, справедливы.

Монсеньора лишили присутствия г-на де Брева только потому, что последний выражал свою преданность Королеве, доверившей ему образование Монсеньора, о чем распорядился сам покойный Король. Г-н дю Вер, следуя королевской воле, заявил г-ну де Бреву, что желание удалить его исходит от Монсеньора, и вовсе не потому, что Король чем-либо недоволен, но в силу причин, объяснять которые он не намерен.

Короли действительно не обязаны разъяснять решения, которые принимают; в сей привилегии и заключается их величие; в те времена, однако, этим злоупотребляли.

Париж, вид на Сену. *Гравюра. Середина XVII в.*

Королева узнала об этой отставке и тут же рассудила, что от ее сына хотят удалить человека, отмеченного самим покойным Королем; она опасалась последствий произошедшего, но тем не менее говорила о случившемся столь спокойно, что ответ, который она дала г-ну де Бреву, попытавшемуся оправдаться перед ней, был таким: Король хотел только одного – облегчить его старость, избавить от забот в столь дряхлом возрасте, в коем находился г-н де Брев.

Однако от нее добивались только одного: признания, будто она плохо справлялась с ведением государственных дел и растеряла то, что должна была сохранить.

Самые разные люди приходили к ней, чтобы убедить ее написать Королю письма с подобными признаниями. Моден был выбран в силу своего красноречия; прежде чем поехать к Королеве, он отправился к Барбену и сказал ему, что Люинь желает примириться с ней и, дабы начать примирение, отправляет к ней его от лица Короля, однако он сам не отваживается предпринять эту поездку, поскольку незадолго перед этим Королева заявила, что есть четыре человека, которых она никогда не простит: Люинь, Витри, Орнано и он.

Барбен, уверенный в том, что ему говорят правду, принялся убеждать того совершить эту поездку, рассказывая, с какой легкостью, идущей от природного великодушия, Королева прощает своих недругов и что он сам рад тому, что г-н де Люинь озаботился его собственным положением и отправил к нему, ожидавшему милости от Короля, посла; что Королю надоело дурное обращение с его матерью и нет места на земле, где такое

бы допускалось; ибо хотя Королева и не была чувствительна к оскорблениям, которые слышала в свой адрес, ее притесняли; если же, напротив, к ней стали бы теперь относиться иначе, она перед лицом всего мира не рискнула бы явить свои дурные замыслы, ежели, конечно, таковые у нее были.

Моден сделал вид, будто принял его доводы. Через несколько дней после этого разговора он сказал ему, что принял решение ехать, и попросил у него рекомендательное письмо к Королеве, которое и получил.

Королева приняла его со всевозможной благосклонностью – была приветлива и оказала ему почет, он же в награду, настолько, насколько мог, развратил ее слуг и сделал большинство из них подчиненными Люиня, получавшими от него жалованье и шпионившими за Королевой; но хотя он пустил в ход перед Королевой все свое красноречие, он не смог убедить ее сделать что-то, недостойное ее мужества, или признать, что она плохо служила Королю; он упирал на ложное примирение, которое должно было выставить ее виновной.

По возвращении Модена перед Господином Принцем блеснул лучик надежды на освобождение; 15 сентября он был переведен из Бастилии в Венсенский замок, в коем лучше дышалось; помещение, где его теперь содержали, было не таким тесным; однако у плениви́ших его и в мыслях не было освобождать его – напротив, они полагали, что могут чувствовать себя спокойно, только отделив Королеву от него.

Моден однажды поведал Барбену в Бастилии, что Господин Принц рассказал ему, будто Королева хотела освободить его вскоре после ареста, однако на таких постыдных условиях, что он не согласился на это.

Моден прямо заявил Барбену, что из всех деяний, коими замечательно правление Королевы, сей поступок является наиболее важным и что не нужно было и препятствовать его исполнению. Принца же переводили из одного места в другое, для того чтобы не повторить ошибку, едва не совершенную в самом начале, когда, еще не уверенные в том, что будут властвовать, они доверили охранять его Персану.

Итак, они сделали вид, что доверили надзирать за ним барону де Персану, коего поместили в донжоне Венсенского замка, тогда как на самом деле стерегли его сами с помощью полка г-на де Кадене.

Госпожа Принцесса, которая с позволения Короля находилась возле супруга с начала июня, переехала вместе с ним, надеясь благополучно разрешиться от бремени; однако судьба распорядилась так, что роды начались раньше положенного

срока.

Пока одних переводили из тюрьмы в тюрьму, другие получали все новые почести и звания; ибо в том же самом месяце г-н де Люинь сочетался браком с дочерью герцога де Монбазона и получил должность королевского лейтенанта в Нормандии – должность, ранее принадлежавшую маршалу д'Анкру, – а также все его недвижимое имущество, сосредоточение которого под властью Короля только ускорило его попадание в руки Люиня.

Все вокруг превозносили его; однако поскольку ему было нечем подкрепить хвалебные отзывы, его сравнивали с иудейским царем Агриппой[152], бывшим фаворитом императора Калигулы, преемника Тиберия, принимая во внимание бесславный конец сего царя, которого Господь покарал, ему таким образом прочили быстрый закат его звезды.

Тем временем Барбену, находившемуся в Бастилии, отвели очень тесную камеру под тем предлогом, что, если дать ему более просторную камеру, того же потребует и Господин Принц. Он же просил перевести его в другое помещение. Ему ответили согласием и позволили его слуге навещать своего господина в любое время.

Персан и Бурнонвиль, замещавший первого в его отсутствие, относились к нему весьма бережно, надеясь таким образом несколько смягчить гнев Королевы, которая – как они считали – негодует; однако Барбен попал в западню, расставленную ему несчастливой судьбой и приведшую к краю пропасти, от чего его уберегло лишь Божие милосердие и чудо, как мы увидим в описании событий следующего года.

Ибо, увидев, что ему предоставили больше свободы, и узнав, что Королева постоянно обращается к Королю, прося за него, Барбен отправил ей письмо с благодарностью за оказанную доброту.

Ему позволили сделать это, запретив многое другое; а сами тем временем связались со своими сторонниками в окружении Королевы и предупредили их о необходимости быть начеку и внимательно следить за получением писем.

Барбен отправлял письма со слугой; их перехватывали и доставляли г-ну де Люиню, который снимал с них копии, снова запечатывал и переправлял Королеве; с ее ответами он поступал точно так же; из того, что Государыня открывала Барбену, он узнавал многое о ней самой.

Лишь первое письмо Барбена Королеве было честно передано слугой в ее руки. Она ответила, что ей тяжко пребывать в таком жалком состоянии; что она решила умолять Короля позволить ей вернуться; но прежде хотела бы знать его мнение, но рядом с ней

нет никого, кому бы она могла доверять.

Барбен не советовал ей делать это теперь, поскольку в это самое время, 4 октября, были отправлены грамоты для созыва 24 ноября в Руане ассамблеи дворян; и если бы Королева передала свою просьбу в эти дни, ее враги, большинство из которых должны были собраться там, заявили бы, что она сделала это намеренно, дабы воспользоваться ситуацией и возбудить смуту в государстве.

Пока все это происходило во Франции, в июне император Матиас приказал назначить своим преемником в королевстве Богемия собственного шурина, эрцгерцога Фердинанда, к коему немецкие протестанты относились с большим страхом из-за того, что он изгнал их из принадлежащих ему территорий. Его назначение стало причиной созыва ассамблеи в Эльбрунне, на которой они объединились против католиков, несмотря на то что император Матиас пытался отговорить их от такого шага.

Папа приказал опубликовать в Риме юбилярий о том, что необходимо Церкви, о преследовании еретиков, о согласии и союзе принцев-католиков.

Курфюрст Саксонии, то ли под впечатлением этого юбилярия, то ли давно дожидаясь случая, приказал с 31 октября по 2 ноября отпраздновать столетнюю годовщину опубликования Лютером в Вюртемберге первых тезисов против индульгенций Его Святейшества[153]; по этому случаю были отчеканены золотые и серебряные памятные монеты с соответствующими надписями.

Так же поступили и остальные лютеранские города Германии, а также гейдельбергские кальвинисты, отмечавшие в этот день свой собственный праздник.

В Италии тем временем шла жестокая война между испанским королем и герцогом Савойским; а в Далмации – между венецианцами и эрцгерцогом Фердинандом.

В начале описываемого года маршал де Ледигьер вступил с войсками в Пьемонт и взял сначала города Сен-Дамьен и Альбу со стороны Монферрата, тогда как со стороны Наварры принц Пьемонтский отвоевал у принца де Мажерана, союзника Испании, города Мажеран и Кревкёр – в последнем находился большой отряд испанцев.

В этих столкновениях был убит дон Санче де Луна, наместник миланского замка, – событие, повергшее в изумление всю испанскую армию, а также всех ее союзников в Италии.

Однако внутренние волнения во Франции, заставившие маршала де Ледигьера возвратиться в Дофинэ, подрезали крылья сему блестящему начинанию и вынудили принца Пьемонтского перейти к обороне; он защищался столь неудачно, что его город

Версей, осаждаемый с конца мая доном Педро Толедским, 25 июля был вынужден сдаться и открыть ворота перед испанцами, заполонившими Пьемонт.

Хотя этот город был вскоре взят, ему легко можно было бы помочь, если бы герцог Монтелеонский не раструбил на две страны, что город взят, и этим пробудил гордость в герцоге Савойском, пожелавшем отправиться туда, обещая, что Король возвратит город.

Но когда стало ясно, что они желают не вернуть город, а захватить новые земли и готовятся к осаде Аста, Король приказал маршалу де Ледигьеру немедленно оставить горы; он отправил туда герцога де Роана и графа де Шомберга с полком ландскнехтов, воевавшего против принцев; таким образом, там собрался весь цвет французской знати, насчитывавшей вместе с войсками герцога Савойского десять тысяч пеших воинов и две тысячи всадников.

Они вступили в Аст, вознамерившись согнать испанскую армию с насиженных мест, которые она занимала в окрестностях города.

1 сентября они атаковали Фелизан, где находились две тысячи трентцев, и на следующий же день взяли город благодаря мужеству французов, которые, опасаясь, что их захотят опередить, не дожидаясь приказа, преодолели ров, взобрались на вал, доблестно сражаясь со всеми, кто оказывался у них на пути, и захватили город, в коем им досталось одиннадцать вражеских знамен.

На следующий день они продолжили наступление, захватили еще два знамени, а 4 сентября осадили Нон, в котором засели две тысячи человек из армии неприятеля, и 7 сентября взяли его; они гнали вражескую армию прочь от Аста к Танаро.

Все эти подвиги немного охладили дерзкие поползновения дона Педро и дали повод заключить 9 октября договор при Павии, статьи коего были предложены Мадридом и одобрены Парижем. По этому договору состоялась реституция пленников и захваченных до и после заключения договора в Асте городов, герцогу Савойскому предложили разоружиться, что он и сделал, вернув все захваченные им города.

Дон Педро должен был снова ввести туда свои войска в течение ноября, согласно условиям договора в Асте. Тогда же было объявлено о прекращении боевых действий в Пьемонте и Миланской области. Однако выполнение всех взаимных обязательств и примирение было делом будущего, о чем мы скажем в свое время.

Распря между венецианцами и эрцгерцогом Фердинандом

завершилась, эрцгерцог пообещал изгнать из своих земель тех ускоков, которые оказались замешанными в последних волнениях, а также тех, кто занимался пиратством, обещая отправить их в город Сенью под присмотр немецкого губернатора – человека достойного, который мог бы удержать их в повиновении. Их корабли были преданы огню. Впрочем, война продолжалась вплоть до начала следующего года.

Тем временем 4 октября ассамблея дворян открылась; Король и все депутаты собрались в Руане. Продлилась ассамблея до 26 декабря. На ней было сделано множество отменных предложений по обустройству государства; однако толку никакого все равно не вышло, поскольку цель ассамблеи была иной, к тому же все было организовано таким образом, что не имелось никакой возможности принимать мудрые и обдуманные решения.

Основным замыслом де Люиня было обрести поддержку у депутатов данному им Королю совету убить маршала д'Анкра и удалить Королеву-мать. Его заботы не простирались далее.

И все же одна замечательная вещь на ассамблее случилась: парламентарии заявили о своем желании опережать дворянское собрание по важности своего положения, дабы вместе с принцами, герцогами, пэрами и офицерами короны давать Королю советы, необходимые для блага государства.

Г-н де Люинь, не желавший ссориться с парламентариями, нашел способ примирить стороны: поставить дворян возле Короля и Монсеньора означало уступить свои места членам парламента.

Во время ассамблеи, в возрасте семидесяти четырех лет скончался г-н де Вильруа, которого судьба несколько раз пыталась удалить от двора и которому всегда удавалось удержаться благодаря своей мудрости.

Последние годы, желая обратить его к Себе, Господь также пытался отъять его от государственных дел, но так и не победил его честолюбия, пока наконец не наслал на него болезнь, уничтожившую его в течение тридцати часов и исторгшую из его уст слова, свидетельствующие скорее в пользу его заблуждений, чем мудрости: «О мир, как ты обманчив!»

Он стал государственным секретарем в 1566 году, в правление короля Карла IX, и со славой сохранял за собой эту должность до дня Баррикад, после которого король Генрих III отправил его в отставку. Генрих IV вернул его по совету г-на де Санси, пользовавшегося доверием и милостью Его Величества.

Дабы еще больше подчеркнуть свою верность, он отдал одну из своих дочерей в жены сыну г-на д'Аленкура и пользовался большим уважением Короля до самой его смерти. Случилось, однако, и ему пережить период немилости. Один из его людей,

Л’Ост, выполнявший его поручения и бывший в курсе его переписки, шпионил в пользу Испании.

Г-н де Вильруа велел изловить Л’Оста, но тот утопился в Марне. И все же Король так хорошо относился к нему, что простил его и не желал согласиться с его отставкой.

Он же ввел в окружение Короля г-на де Сийери и президента Жанена, которые относились к нему с большим уважением. Первый из них был связан союзом своего сына, г-на де Пюизьё, со старшей дочерью г-на д’Аленкура, давшего за ней, помимо значительного приданого, еще и должность государственного секретаря, которую занимал г-н де Вильруа; таким образом, они стали занимать сей пост *par indivis* (нераздельно, сообща (*лат.*)).

Сразу после смерти Короля канцлер вознесся, и г-н де Вильруа, дабы удержаться наверху, начал заискивать перед ним. Они оба, и президент Жанен, и фаворит, коим был тогда маршал д’Анкр, держались вместе, легко сопротивляясь вельможам, заботившимся только о своих делах, а отнюдь не государственных.

Хотя и ценой больших усилий, они долго действовали сообща, до тех пор, пока между ними и фаворитом не возникли противоречия. Когда канцлер по смерти невестки порвал с ними в связи с тем, что вырос авторитет занимаемой им должности, а также должности его брата при Королеве, г-н де Вильруа также уперся, и между ними началась вражда, позволившая фавориту отомстить и тому, и другому, стравив их, что привело к падению и фаворитов, и самой Королевы, крушение судьбы которой они подготовили.

Тем не менее во всех волнениях г-н де Вильруа продолжал пользоваться уважением, по смерти маршала д’Анкра вновь вернулся на свою должность и до самого конца служил, хотя силы его уже были не те.

Он был человеком здравомыслящим, малосведующим, доверявшим больше своему опыту. Он искусно скрывал свою необразованность, стараясь больше молчать, что создало ему определенную репутацию: так, односложно изъясняясь на заседаниях Совета, он создавал видимость человека знающего.

Он был робок как от природы, так и от воспитания, полученного им при дворе в те времена, когда королевская власть была слабой и происходили всякого рода распри. Его считали человеком искренним, умеющим держать слово, которое он, впрочем, давал с большим трудом.

Более памятный на оскорбления, чем на обязательства, к исполнению коих он не являл особого рвения, подозрительный и завистливый, он всегда старался умыть руки, и, после пятидесяти

одного года службы, неизменно сохраняя благоволение своих господ, он скончался, не нажив состояния большего, чем то, которым обладали его родители, разве что умножив его на две тысячи ливров ренты.

В этом же году умер г-н де Ту, более изощренный в знании, чем в благочестии. Его жизненный путь свидетельствует о том, что знание – совершенно иная стезя, нежели действие, и что наука властвования требует определенных качеств ума, которые не всегда соответствуют ей. Не слишком образованный г-н де Вильруа был хорош на своем месте, чего не скажешь о многознающем г-не де Ту.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЯ

Екатерина Городилина. О политическом завещании Ришельё

Среди множества политических учений идеи герцога де Ришельё о государственном устройстве, внутренней и внешней политике, власти, праве и обществе представляют особый интерес как цельная и своеобразная концепция. К сожалению, этого талантливого государственного деятеля и теолога у нас знают в основном по произведениям французских писателей, например Дюма-отца или де Виньи, весьма далеким от реальности и являющимся по большей части исключительно плодом фантазии их авторов.

На пути к вершине

Арман Жан дю Плесси де Ришельё родился 9 сентября 1585 г. в семье Франсуа дю Плесси де Ришельё – потомственного дворянина, Главного прево Франции. Его мать, Сюзанна де Ла Порт, была дочерью одного из лучших юристов того времени, адвоката парижского парламента Франсуа де Ла Порта.

Изначально Арман готовил себя к военной карьере, однако судьба распорядилась иначе. После смерти отца семья испытывала значительные материальные затруднения. Одним из основных источников ее немногочисленных доходов было Люсонское епископство, дарованное Генрихом III Главному прево.

Епископами здесь долгое время были, в сущности, подставные лица, назначаемые по воле семьи Ришельё. Недовольное люсонское духовенство возбудило канонический процесс, это могло повлечь за собой утрату бенефиция, положение могло спасти только одно – сан епископа должен был принять старший сын, Альфонс.

Однако он отказался от этого, принял монашеский постриг, и последней надеждой вдовы Главного прево стало благоразумие младшего сына. Все хорошо обдумав, Арман дал свое согласие, спасая этим бенефиции. В довершение к светскому образованию он прошел курс теологии и защитил диссертацию на степень доктора богословия.

Какое-то время Арман де Ришельё еще оставался в Париже, его проповеди пользовались успехом, к нему благоволил Генрих IV. Казалось, что следовало воспользоваться этим и сделать карьеру при дворе. Но вопреки всем прогнозам и ожиданиям

Арман покидает Париж, королевский двор и отправляется в провинцию, в свое епископство Люсон – одно из самых бедных во Франции, «грязное епископство», как его называли.

Резиденция его главы выглядела не лучше самого Люсона: мебель, посуда и само здание оставляли желать много лучшего; «невозможно развести огонь без угара; можете судить, что зима мне совсем некстати, и лекарство одно – терпение», – писал Ришельё[154].

Несмотря на все трудности и препоны, деятельность молодого епископа протекала весьма успешно. Он добился проведения в жизнь постановлений Тридентского собора, основал в епархии семинарию, отменил случайное или по чьей-то рекомендации назначение священников, отстранил не соответствующих сану, отремонтировал кафедральный собор, всеми возможными средствами он пытался помочь своей пастве – и это лишь малый перечень его деяний.

Стараясь добиться снижения налогов, слишком высоких для жителей небогатой провинции, он обращался даже к Максимильену Сюлли, сюринтенданту (министру) финансов.

Приняв сан епископа лишь волей случая, Арман де Ришельё оказался достоин его больше, чем многие иерархи того времени. Заслуживают внимания его теологические работы, не потерявшие своей актуальности и сегодня, несмотря на серьезное развитие западного богословия.

В 1614 году Ришельё участвовал в работе Генеральных Штатов как депутат от духовенства; через год был назначен духовником Анны, супруги Людовика XIII, а вскоре занял и пост государственного секретаря по иностранным и военным делам. Время регентства Марии Медичи – тяжелый период для Франции.

Происпанская политика королевы-матери противоречила взглядам и принципам Ришельё, однако он тщательно скрывал это, пользуясь расположением королевы и оставаясь на своем посту вплоть до окончания регентства.

Опала и высшая милость

В 1617 году по приказу короля арестовали и казнили маршала д'Анкра, фаворита королевы-матери, и его супругу – король не желал больше быть марионеткой в руках Марии Медичи. Регентство завершилось изгнанием недавней правительницы в Блуа. Для Ришельё начался долгий период опалы. Его не спасло ни заступничество его сторонников, ни его непричастность к аферам Кончини.

Однако король не мог обойтись без ссыльного епископа, а Мария Медичи не желала мириться со своим положением и пыталась всеми средствами, включая и вооруженный мятеж, вернуть хотя бы часть былого влияния. Только тонкая дипломатия Ришельё помогла примирить Людовика с матерью и восстановить мир в королевстве.

В течение пяти лет положение Ришельё было весьма неопределенным и непрочным, пока в 1622 году он не получил сан кардинала – не без протекции королевы-матери, но прежде всего благодаря своим личным качествам. А в августе 1624 года король назначает его своим первым министром.

Король Франции Людовик XIII.
Гравюра. Середина XVII в.

Назначение было неожиданным прежде всего для самого Ришельё. Людовик XIII руководствовался не своими симпатиями, на его решение не повлияли ни Мария Медичи, ни сам Ришельё, ни его сторонники. Государству требовалась новая политика; бездарное правление могло привести к гибели королевства.

Какие бы личные чувства ни испытывал король к кардиналу, он вынужден был признать, что при дворе нет другого человека, которому можно было бы доверить судьбу Франции. Начиналась эпоха восемнадцатилетнего правления кардинала Ришельё.

«Главный итог государственной деятельности Ришельё, безусловно, состоит в утверждении абсолютизма во Франции. Именно он сумел глубоко и радикально перестроить сословную монархию в монархию абсолютную. Именно он подорвал политическую мощь аристократической оппозиции центральной (королевской) власти, добился существенных успехов в преодолении регионального сепаратизма и сословных партикуляризмов, которым он противопоставил национальный и государственный интерес»[155].

Ришельё принадлежит заслуга реализации идеи «европейского равновесия». Он не дожил до окончания Тридцатилетней войны, но победой в этой войне Франция обязана прежде всего ему – «как в Вестфальском (1648 г.), так и в Пиренейском (1659 г.) мирных договорах, установивших новую систему международных отношений, есть немалый его вклад»[156]. Его политика предотвратила угрозу испано-австрийской гегемонии Габсбургов в Европе.

При нем получили развитие морская и колониальная политика Франции, международная торговля; были установлены дипломатические отношения с рядом государств. За время правления Ришельё было заключено 74 международных договора (один из них – с Россией), поддерживались союзнические отношения с протестантскими государствами.

Он обеспечил верховенство центральной государственной власти внутри страны и независимость Франции во внешнеполитической сфере; независимость светской власти от церкви.

Важное значение Ришельё придавал развитию во Франции науки и культуры. Он провел архитектурную реконструкцию и внутреннюю реорганизацию Сорбонны (он называл ее «ma Sorbonne»); основал Французскую академию; покровительствовал многим художникам и поэтам – среди них были Малерб, Корнель, Филипп де Шампень, один из лучших французских портретистов XVII века, и многие другие.

Успех политики Ришельё объясняется тем, наверное, что у него не было других интересов, кроме интересов Франции. Он никогда не шел ни на какие уступки, если они могли нанести вред государству, и это стало причиной недовольства его реформами как среди аристократии, так и в народе.

Ришельё никогда не претендовал на роль «народного» правителя, как, например, Генрих IV. Кардинал пытался предвидеть будущее – в какой-то мере это ему удалось, в какой-то – нет; даже самый гениальный политик не застрахован от ошибок и неудач.

Не только практика, но и теория

Значение деятельности Ришельё на посту первого министра для Франции и Европы в целом сложно переоценить; однако не меньший интерес представляют и его теоретические работы. Прежде всего, это не далекая от жизни утопия и не отвлеченные рассуждения о недосягаемом идеале, не философские сочинения, оторванные от конкретной действительности; это – взгляды и рекомендации человека, два десятилетия без малого управлявшего государством.

Он никогда не рассуждал о всеобщем благоденствии, об идеальном государстве, понимая, что это пустые слова, какие бы теории под них ни подводились, какая бы видимость научности этих теорий ни создавалась. Пока существует общество – существуют и проблемы, требующие разрешения, и пути их разрешения важнее самой безупречной, но недостижимой модели.

Государство не может быть идеальным, оно всегда реально; бесплодные мечтания лишь отдаляют от того, что необходимо в действительности. В идеях Ришельё нет ничего общего с мессианизмом Маркса или сетованиями утопистов на несовершенство мироздания.

Основной, хотя и не единственный, источник, где наиболее полно изложены его политические взгляды, – это «Политическое завещание», посвященное Людовику XIII. Оно состоит из двух частей.

В первой рассматриваются положение сословий и вопросы административного аппарата, деятельности судей, налоговых служб и Государственного совета; достаточно пристальное внимание при этом уделяется нравственному облику чиновников и государственных деятелей, к которым у Ришельё были весьма высокие требования.

Вторая часть посвящена внутренней и внешней политике, а также общим принципам, которыми следует руководствоваться в управлении государством.

Излагая свою политическую концепцию, Ришельё исходит из монархической формы правления, но «Политическое завещание» нельзя назвать апологией монархии – оно отнюдь не защищает или оправдывает существующий строй, и рекомендации Ришельё едва ли бы потеряли свой смысл при другой форме правления. Его цель – благо государства, под которым понимается также благо общества и народа в целом.

Вопреки ошибочному мнению некоторых авторов, будто Ришельё представлял интересы исключительно французской аристократии, его теоретические труды, как и практическая деятельность, явно свидетельствуют об обратном.

Государство в его понимании – некое целостное образование, состоящее, безусловно, из совокупности определенных элементов, которые неразрывно связаны между собой и должны находиться в равновесии. Это касается и различных социальных групп или сословий: интерес ни одного из них не может быть выше государственного интереса.

Иногда Ришельё сравнивает государство с телом человека, что, однако, не дает основания объявить его сторонником органической теории, – это не более чем образное сравнение, позволяющее лучше понять его взгляды на соотношение различных слоев общества. «Герцог де Ришельё нанес смертельный удар по исключительным правам и привилегиям аристократии, подчинив ее, как и всех остальных подданных, государственным законам», – отмечает П. П. Черкасов[157].

С этим нельзя не согласиться. Впрочем, одну привилегию Ришельё оставил аристократии: с его точки зрения, именно представители дворянского сословия непременно обязаны посвятить всю свою жизнь служению государству, в противном же случае они должны быть лишены дворянского звания. Простому народу герцог не предъявляет подобных жестких требований.

Не допускается и произвол знати по отношению к простолюдинам. «Это порок, довольно распространенный среди тех, кто принадлежит этому сословию: насилие и жестокость по отношению к народу, которому Бог дал руки скорее для того, чтобы зарабатывать на жизнь, чем для ее защиты.

Крайне важно пресекать подобные беспорядки со всей строгостью, чтобы самым слабым из Ваших подданных, которые безоружны, законом была обеспечена такая же безопасность, как и тем, кто может защитить себя с оружием в руках»[158].

Так кардинал Ришельё утверждал верховенство закона,

которому должны быть подчинены все граждане государства без исключения; высокое положение не дает права посягать на жизнь, собственность и личную неприкосновенность тех, кто этого положения не имеет. Государство обязано стоять на защите интересов всех своих подданных независимо от их социального и имущественного положения.

Неприкосновенность человеческой жизни и недопустимость самосуда в любой форме достаточно важны для Ришельё: отсюда и его твердое убеждение о недопустимости дуэлей – об этом вся вторая часть главы, в которой рассматривается положение дворянства. И речь отнюдь не о временном контексте, не об искоренении обычая той эпохи – речь о том, что нельзя лишать жизни кого-либо, кроме как по законному решению суда.

«Правители существуют для охраны своих подданных, а не для их погибели… и невозможно позволить такие поединки, не подвергая невиновного казни виноватого»[159]. К поединкам должны приравниваться и драки; любое посягательство на жизнь или нанесение телесных повреждений – это преступление, независимо от обоюдного согласия обеих сторон.

Только государство вправе определять преступность деяния и наказание; оно обязано охранять своих граждан. Важно не только принимать необходимые законы, говорит Ришельё, обеспечивать их исполнение принудительной силой государства, т. е. создавать механизм для их реализации: «Лучшие законы бесполезны, если они нарушаются»[160].

А судьи кто? А мытари? А власть?

Одна из основных задач государства – устранение пороков судебной системы, главные из них – небеспристрастность судей и злоупотребление ими своей должностью в целях личной выгоды (недостаток, свойственный отнюдь не одной лишь Франции XVII в.).

Среди способов усовершенствования работы судов Ришельё в первую очередь называет контроль за отправлением правосудия и наказуемость всех злоупотреблений и проступков в судах. А также обязательный для судей возрастной ценз и специальное образование, без которого они не могут быть признаны соответствующими должности.

Необходимы органы надзора за деятельностью судов, они рассматривают жалобы граждан, независимо от их положения в обществе, на действия судей, а также пресекают взяточничество и иные злоупотребления в судах, нарушения прав малоимущих

слоев населения со стороны более обеспеченных лиц и дворянства.

Немаловажно и то, что «судьи не должны вмешиваться ни во что, кроме произведения разбирательства дел королевских подданных, на что они единственно и учреждены»[161].

Деятельность налоговых служб также должна осуществляться в строгом соответствии с законом; преступления в этой сфере наносят вред как подданным государства, так и казне. Число сборщиков налогов не должно превышать необходимого; насколько это возможно, оно должно быть сокращено.

Ришельё резко выступает против слишком большого размера налогов, они должны соответствовать реальной возможности плательщика и не наносить ему ущерба. Если же обстоятельства требуют увеличения средств, поступающих в казну, то правители «должны снабдить себя изобилием богатых, прежде чем источать кровь бедных»[162].

Основную часть налогов нужно собирать за счет платежей наиболее обеспеченных лиц. Что же касается тех сборов, которые платит народ, то государство следует компенсировать их охраной покоя и собственности народа.

Однако наиболее суровые требования Ришельё предъявляет верховной власти и ее представителям. Единственное предназначение короля и Государственного совета – благо страны, общества и народа; ничто, противоречащее этой цели, не может совершаться ни на каком основании.

Моральные требования к представителям власти предельно высоки – если, например, Макиавелли допускал, что в крайних случаях государь может совершать действия, предосудительные с нравственной точки зрения, то Ришельё, сам всегда стремившийся поступать в соответствии с нормами христианской этики, не допускал ни малейшего основания для оправдания безнравственного и корыстного поведения власть имущих.

Этический аспект вообще достаточно силен в учении Ришельё, но наиболее ярко он проявляется именно в этом вопросе. Король не имеет права руководствоваться личными побуждениями или эмоциями, он обязан подчиняться лишь разуму и пользе государства; он в полной мере несет моральную ответственность за все последствия своего правления и все свои ошибки.

Причина возможных бедствий – не нерадивость подданных, не их проступки, а прежде всего бездарность правителей, их неспособность или нежелание достойно управлять государством. Правители должны «лишаться покоя и не иметь иного удовольствия, кроме как видеть многих людей, живущих в

спокойствии под сенью трудов их (правителей) и пребывающих в благоденствии благодаря их лишениям»[163].

Королю следует быть благочестивым без ханжества, разумным и справедливым; он должен остерегаться слушать клеветников и льстецов, иметь «чистые руки, сердце и язык непорочные»[164]. Он не имеет права обидеть словом простого гражданина, который заведомо находится в неравном с ним положении, и не может с презрением относиться даже к самому ничтожному из своих подданных.

Особая же забота короля – выбор советников: «… хотя бы и был в состоянии править исключительно по своему разумению, должен иметь достаточно скромности и благоразумия, чтобы ничего не делать без доброго совета, так как один глаз всегда видит меньше, чем многие… Разумный правитель – большая ценность для государства, правильный совет – ценность не меньшая, но соединение обоих бесценно, так как от него зависит все благополучие государства»[165].

Девять условий Ришельё

Арман де Ришельё – сторонник авторитарной власти и яростный противник тирании, самодурства во всех их проявлениях. Во второй части «Завещания» он приводит девять условий государственного благополучия, первое из которых – необходимость правителей следовать нормам христианской морали и добиваться их исполнения, уважения своими подданными.

«Этому ничто не может способствовать лучше, чем достойный образ жизни самих правителей, который является живым законом, действующим сильнее, чем все принятые ими постановления… Несомненно, что, какие бы законы король ни издал, исполнение этих законов им самим и его личный пример полезны не меньше, чем все наказания, сколь строги они бы ни были»[166].

Второе необходимое условие – разумное правление. «Человек, сотворенный разумным существом, должен все делать по разуму… Как не надлежит делать ничего, что неразумно и неправильно, так не следует желать и того, что не может быть исполнено»[167].

Управлять следует такими способами, которые привели бы подданных к добровольному подчинению, к осознанию необходимости исполнять законы государства и следовать им по собственному желанию. Ришельё неодобрительно отзывается о

тех властителях, которые пользуются лишь силовыми методами и устрашением граждан: с его точки зрения, это не только неправильно, но и неэффективно.

Третье условие – народная польза должна быть единственной целью представителей верховной власти, и во всяком случае ее нужно ставить выше собственных интересов. «Большая часть несчастий, постигших когда-либо Францию, происходила от предпочтения теми, кто ей правил, своей корысти народной пользе»[168].

Затем следует размышление о таком необходимом для политика качестве, как дальновидность и умение предусматривать все возможные изменения, какие только могут произойти. Следует учитывать, пишет Ришельё, что причина, на первый взгляд кажущаяся незначительной, может привести к таким последствиям, которые нанесут серьезный вред государству[169].

Следующие рассуждения посвящены наказаниям и наградам, международным отношениям и соответствию должностных лиц занимаемому положению.

Как наказание, так и поощрение тех, кто того заслуживает, Ришельё считает одним из основных условий благополучного правления. Безнаказанность преступлений, по его мнению, наносит непоправимый ущерб обществу в целом; к тому же она неизбежно ведет к новым правонарушениям – более тяжелым, чем предыдущие. Однако правосудие ни в коем случае не должно превращаться в жестокость и террор.

В делах особенной важности (скажем, государственная измена) следует принимать необходимые меры безопасности даже в случае только подозрения; но чтобы избежать наказания невиновных, надо применять только «безвредные средства», способные пресечь неблагоприятные последствия, и не покарать тех, чья вина точно не установлена.

Цель различных санкций – не столько собственно негативные последствия для виновного лица, сколько предотвращение дальнейших преступлений и искоренение преступности как таковой. «Наказания и благодеяния имеют больше значения для будущего, чем для прошлого»[170].

Что касается отношений между государствами, то Ришельё прежде всего подчеркивает необходимость непрерывных дипломатических контактов. Важны дружественные отношения с соседними государствами, «потому что их соседство как дает им возможность принести вред, так и может сослужить добрую службу, подобно наружным пристройкам к крепости, которые не позволяют приблизиться к ее стенам»[171].

Способ ведения переговоров зависит от особенностей каждого государства. Скорее всего можно договориться с теми, где существует монархическая форма правления, обеспечивающая быстрое принятие решений главой государства. В республиках, где эта процедура происходит иначе, заключение договоров требует более длительного срока, «обычно от них нельзя получить желаемого с первого раза, но надлежит довольствоваться малым, чтобы достигнуть большего.

Как большие тела движутся медленнее, чем малые, так и государства, состоящие из многих голов, гораздо медленнее принимают решения и их исполняют, чем прочие»[172].

Заключая договоры, нужно проявлять исключительную осторожность и осмотрительность, заключив же – свято соблюдать. Данный принцип столь важен для Ришельё, что он отдает предпочтение ему даже перед пользой государства, – единственный случай, когда что-то может быть главнее этого!

«Правитель скорее может рисковать своей особой и государственной пользой, чем нарушить слово». Кардинала можно назвать предтечей утверждения примата международного права над внутренним.

Седьмое условие, без соблюдения которого невозможно обойтись, – соответствие всех лиц, состоящих на государственной службе, занимаемой должности. «Я хорошо знаю, что невозможно найти таких подданных, которые имели бы все необходимые качества, требующиеся для исполнения возложенных на них обязанностей, но хотя бы главными из них они должны обладать; и раз нельзя найти совершенных, следует выбирать самых лучших»[173].

Правители не вправе распределять должности, руководствуясь личными симпатиями, которые приводят к назначению неспособных и случайных людей: «Государства никогда не бывают в худшем состоянии, чем когда склонности, которые правитель имеет к кому-либо, приводят к предпочтению этих лиц тем, которые больше полезны обществу»[174].

Существование временщиков и фаворитов недопустимо – «многие правители погубили себя тем, что предпочитали собственные привязанности народной пользе»[175].

Далее Ришельё предупреждает об опасности лести и клеветы: в сущности, он развивает предыдущее положение и еще раз повторяет, что не может быть отстранен от должности тот, кто полезен обществу, по причине лишь того, что он неприятен монарху, и – напротив – нельзя допускать к управлению государством тех, кто преследует лишь свои корыстные интересы.

Наконец, последнее, девятое условие. Оно содержит восемь

подразделов, рассматривающих вопросы государственной границы и ее укрепления, армии, флота и обороны, финансов, торговли; дается также ряд рекомендаций о власти и управлении. Хорошую репутацию главы государства Ришельё считает более важной, чем силу и богатство. Правитель должен быть правдив в словах и верен обещаниям; он должен править, опираясь на любовь своих подданных.

Государство как таковое

Характеризуя политические взгляды кардинала Ришельё, нужно еще раз подчеркнуть, что высшая ценность для него, как уже отмечалось, – благо государства. Однако здесь следует уточнить его понимание государства как такового: не некий монстр, не искусственное образование, полностью уничтожающее понятие личности, а прежде всего страна и ее население со своей культурой, традициями, обычаями, национальными особенностями.

И не народ нужно приносить в жертву государству, а благо народа – единственная задача государства. Это благо – не идеал, не абстрактное «светлое будущее», достижение которого требует жертвенной крови тысяч людей, а удовлетворение их настоящих потребностей и нужд.

Ришельё не говорит прямо о правах человека – он отсылает к другому источнику, где все они содержатся в полном объеме, – к Закону Божиему. В устах князя Церкви и глубоко верующего человека это не бессмысленная формулировка, он просто не видит необходимости заново пересказывать Евангелие, имеющее для него силу высшего закона.

По этой же причине его «Политическое завещание» не дает идеального образа человека или общества, в соответствие которому следует насильно их привести. Ришельё с уважением относится к индивидуальной неповторимости каждого человека и каждой нации; пороки, с его точки зрения, неизбежны, но, как правило, они компенсируются хорошими качествами, нужно только, чтобы этих качеств было все-таки больше, чем пороков.

В отличие, например, от Платона, Ришельё не предлагает никаких учреждений, призванных обеспечить «исправление» личности, создание человека, соответствующего требованиям идеального общества.

Право свободы вероисповедания он провозглашал постоянно. Еще в Люсоне, в 1608 году, в первой же своей речи после прибытия в епархию он утверждал, что «разъединенные

принадлежностью к разным конфессиям могут быть объединены любовью»[176].

Это утверждение стало одним из лозунгов современного экуменического движения за межконфессиональный диалог и согласие различных Церквей. Однако мало кто знает, что едва ли не впервые в истории произнес эти слова четыреста лет назад, без малого, 24-летний французский епископ, когда в Европе, особенно в Испании, еретиков сотнями отправляли на костер.

В «Завещании» Ришельё повторяет, что подданные государства находятся в равном положении независимо от того, какой Церкви они принадлежат. Иные способы обращения в католичество, кроме проповеди, кардинал считал невозможными. Нет оснований утверждать, что Ришельё, как представитель французской аристократии, выражал исключительно ее интересы.

Один из его биографов справедливо отмечает, что Ришельё сам одновременно представлял все три сословия: его отец принадлежал французской знати; дед по материнской линии не имел знатного происхождения и дворянство ему было пожаловано за его деятельность юриста; сам же Арман де Ришельё был не только политическим деятелем, но и духовным лицом[177].

Подобный сословный «синтез» во многом определил и его политику. «Ришельё явился провозвестником “концепции гражданского мира”, гармонии интересов всех слоев общества, короля и народа», – считает Ю. В. Борисов[178]. Тогда в чем же на самом деле заключается суть его взглядов на роль дворянского сословия?

Это невозможно понять, если рассматривать, как принято, сквозь призму сословного строя – давно не существующего исторического явления. В действительности речь идет о необходимости существования социальной и духовной элиты, без которой невозможно представить себе полноценное общество.

Здесь важно не происхождение и не имущественное положение. Тонкий психолог, Ришельё понимал, что общественная жизнь, идеология, система ценностей зависят прежде всего от наиболее интеллектуальной и духовно развитой части общества, которая воспринимается – или, во всяком случае, должна восприниматься – остальными социальными группами как некий эталон. И тем, каким он будет, этот эталон, определяется и состояние общества в целом.

Отсюда и высокие требования Ришельё к представителям элиты – «нервам государства», его лучшим членам не в силу происхождения, но только благодаря своим личным достоинствам. Те же, чьи качества и образ жизни не могут

служить примером остальным, становятся недостойными своего положения и должны быть переведены в число «управляемого большинства» (Гаэтано Моски).

Морис Лелуар. Последняя встреча короля и его министра. *1910-е гг.*

Ришельё заложил фундамент для формирования принципиально нового типа государственной и общественной элиты – не сословной, но интеллектуальной, обладающей не столько привилегиями, сколько многочисленными обязанностями перед обществом, долг которой – всю свою жизнь посвятить благу

народа и страны.

Согласно Ришельё, чем выше положение – тем более высокие обязательства оно накладывает на тех, кто к нему принадлежит. Именно отсутствие такой элиты приводит к исчезновению единого общества, системы духовных ценностей, моральных норм, к низкому правосознанию и асоциальным установкам – наверное, можно сказать, что именно такая ситуация, к сожалению, сложилась и у нас в настоящее время.

Авторитарная власть, сторонником которой был Ришельё, не имеет ничего общего с тиранией и тоталитарными режимами.

Ее назначение – эффективная охрана граждан, безопасность государства, разумное правление, система единого и непротиворечивого законодательства, гарантирующего надлежащее исполнение органами государства и должностными лицами своих функций и защищенность всех слоев населения, а также осуществление внутренней и внешней политики, обеспечивающей экономическую и политическую стабильность, активной роли государства в сфере международных отношений.

Точно так же, как и элита, власть – не привилегия, не неограниченное право, а прежде всего – обязанность, долг перед государством и ответственность перед обществом. Как глава государства, так и высшие должностные лица почти что не вправе иметь личные интересы, считает Ришельё.

Потому они и должны в большинстве своем происходить из высших слоев общества, принадлежность к которым гарантирует соответствующее воспитание и обладание необходимыми качествами и чувством долга. С точки зрения Ришельё, человек, воспитанный в другой среде, обладает иным, узким мировоззрением и может быть не готов или не способен нести ответственность за общество и государство.

И в заключение

Идеи Ришельё не антигуманны, не жестоки, не бесчеловечны. Политические мыслители других поколений подчас гораздо более склонны к ограничению личной свободы индивида. Руссо, считающийся одним из наиболее ярких представителей французского Просвещения, полностью одобряет и считает необходимым контроль со стороны государства над религиозным сознанием граждан и применение санкций по отношению к тем, чьи религиозные убеждения не соответствуют навязываемому стандарту.

Ришельё же, которому порой пытались приписывать

человеконенавистнические чувства, всю свою жизнь считал свободу вероисповедания неотъемлемым правом каждого человека. Осада Ла-Рошели ни в коем разе не была «религиозной» – речь шла о подавлении оппозиции, угрожавшей безопасности и территориальной целостности государства.

Гугеноты Ла-Рошели требовали привилегий – Ришельё отказывался давать привилегии кому бы то ни было: привилегии протестантам нарушали бы права католиков, а Ришельё не допускал зависимости объема гражданских прав от религиозных убеждений. После взятия мятежного города кардинал в первую очередь распорядился доставить хлеб его жителям.

Участников вооруженного восстания не преследовали, некоторые его предводители вскоре поступили на службу в королевскую армию.

В целом идеи Ришельё были достаточно прогрессивны для его времени и, как и его практическая деятельность, сыграли значительную роль в дальнейшем становлении Европы и развитии политической мысли. Его теоретические работы представляют интерес не только для истории политических учений, но и с точки зрения политологии, этики, социологии, современной теории государства и права.

До сих пор политические взгляды кардинала Ришельё оставались в нашей стране еще менее изученными, чем история его правления. Однако это вовсе не означает, что они не представляют собой большого интереса для научного исследования. Немногочисленные работы наших авторов, посвященные этому историческому периоду, дают противоречивые и не всегда верные оценки личности и деятельности кардинала.

Наверное, наиболее справедливой характеристикой Армана де Ришельё остаются его собственные слова, сказанные им за несколько часов до смерти: «У меня не было других врагов, кроме врагов государства».

Александр Дюма. Жизнь Людовика XIV [179]

ГЛАВА II

1624–1626

Поручение графу Карлейлю во Франции. – Приезд герцога Бэкингема. – Его великодушие. – История принимает вид романа. – Попытки Бэкингема понравиться королеве. – Семнадцать придворных. – Кавалер де Гиз и Бэкингем на балу. – Великий Могол. – «Белая дама». – Приключение в садах Амьена. – Разлука. – Бэкингем снова перед королевой. – Последствия приключения в садах Амьена.

Источник несогласия между Луи XIII и Анной Австрийской должно искать в интригах Марии Медичи, которая, надеясь на кардинала Ришельё, думала, что стоит ей только уничтожить влияние на двадцатилетнего короля молодой прекрасной жены, как к ней вернется потерянная со времени убийства маршала д'Анкра власть. К этой причине вскоре присоединилась другая, независимая от всяких намерений и расчетов и возникшая по простому стечению обстоятельств.

В 1624 году английский двор послал в Париж в качестве чрезвычайного посланника графа Карлейля, которому было поручено просить у короля Луи XIII руки его сестры, Анриетты-Марии, для принца Уэльского, сына Джейкоба VI. Это предложение, о котором давно говорили, не делая его предметом дипломатических переговоров, было дружески принято французским двором, и граф Карлейль возвратился в Англию с положительным ответом.

В числе свиты графа был милорд Рич, впоследствии граф Голланд, один из прекраснейших кавалеров при английском дворе, хотя для французов красота его казалась безжизненной. Но, будучи очень богат и одеваясь всегда изящно, он произвел большой эффект среди дам, окружавших Анну Австрийскую, и особенно понравился м-м де Шеврез, которой, впрочем, с необыкновенной щедростью приписывали большую часть скандальных историй, происходивших в то время при французском дворе.

Портрет Людовика XIII в полный рост.
Гравюра. Конец XVII в.

Возвратившись в Лондон, милорд Рич рассказал своему другу герцогу Бэкингему все, что видел любопытного в Лувре и в Париже, говоря, что самое прекрасное и любопытное из всего им виденного – королева Франции, и что если бы он имел хоть малейшую надежду понравиться ей, то с радостью отдал бы счастье и жизнь, считая с избытком вознагражденным за потерю первого – взглядом, а второго – поцелуем.

Тот, к которому он обращался, играл тогда при дворе Джейкоба VI ту же роль, какую играли Лозен при дворе Луи XIV, а

герцог Ришельё – при дворе Луи XV.

Однако Провидение, щедрое к фавориту его величества короля Англии, наделило герцога Бэкингема еще большим безрассудством, чем его двух соперников по этому прекрасному качеству.

Теперь да будет нам позволено сказать несколько слов о личности, представляемой нами читателю и благодаря которой в нашу историю перейдет часть романа с его безумными приключениями, душераздирающими сценами и всякого рода случайностями.

После восьми лет серьезного и спокойного союза король и королева Франции должны были сделаться героями комедии, более интересными, более мучимыми, более подверженными общественному мнению, нежели когда-либо были Клелия или великий Кир.

Джордж Вильерс, герцог Бэкингем, родился 20 августа 1592 года, и, следовательно, в 1624 году ему было 32 года. Он слыл в Англии самым блистательным кавалером всей Европы; впрочем, у него оспаривали это достоинство «семнадцать вельмож Франции».

Его род по отцу был древним, а по матери – знаменитым; он был послан в Париж восемнадцати лет; около того времени, когда умер король Анри IV, причем той же смертью, которая спустя восемнадцать лет постигла герцога Бэкингема, он возвратился в Лондон, прекрасно говоря по-французски, умея отлично ездить верхом, превосходно драться всяким оружием и прелестно танцевать.

Он поразил Джейкоба VI красотой и ловкостью, участвуя в дивертисменте, данном в 1615 году в честь короля учениками Кембриджа. Джейкоб, никогда не способный противостоять прелести прекрасного лица и превосходно сидящей одежды, попросил представить молодого человека и сделал своим мундшенком.

Менее чем через два года новый фаворит был сделан кавалером, виконтом, маркизом Бэкингемом, главным адмиралом, охранителем пяти портов, и, наконец, в его распоряжение были предоставлены всяческие почести, дары, должности и доходы трех королевств.

Тогда-то, вероятно, для того чтобы помириться с принцем Уэльским, на которого он осмелился поднять руку, Бэкингем и предложил ему вместе инкогнито отправиться в Мадрид, чтобы посмотреть на предназначенную принцу в супруги инфантину. Может быть, именно оригинальность этого предложения была причиной того, что принц Уэльский согласился; наследник престола и фаворит короля так настоятельно просили, что

Джейкоб VI вынужден был согласиться.

Бэкингем и принц приехали в Мадрид, где оскорбили испанский этикет, так что начатые с эскуриальским кабинетом переговоры были прерваны и открылись новые, с французским двором. Милорд Рич приехал для этого в Париж и возвратился в Лондон, чтобы дать отчет Джейкобу VI в расположении, правда, не короля Луи XIII, но кардинала Ришельё. Тогда Бэкингем, назначенный представителем Великобритании, был послан в Париж, чтобы довести до конца переговоры.

С этих пор начинается упомянутый нами роман, который в своем драматическом и живописном течении так переплетается с историей, что в продолжение нескольких лет их невозможно отделить друг от друга. Впрочем, мы рады, что нам пришлось встретить среди исторических сухих фактов подробности, доставляемые нам фаворитом Джейкоба VI и Карла I, любовником такой королевы, как Анна Австрийская, соперником и врагом такого человека, как кардинал Ришельё, и погибшем так внезапно в середине цветущей и блистательной жизни.

Читатели, вероятно, увидят, что мы и постараемся им показать, как велико было влияние этого романа на историю Франции.

Итак, Бэкингем приехал в Париж. Он был, как уверяют все современные писатели, одним из обаятельнейших людей своего времени и явился при французском дворе с такой пышностью и таким блеском, что народ почувствовал к нему удивление, дамы – любовь, мужья – ревность, а волокиты – ненависть.

Луи XIII был одним из этих мужей, а Ришельё – одним из волокит.

Мы ныне далеки от той рыцарской любви, которая часто вознаграждалась за самые большие пожертвования одним взглядом или словом, возвышенность которой поэтизировала сам предмет. Тогда любили женщин как королев, а королев – как богинь. Герцог Медина, влюбленный до безумия в Елизавету Французскую, супругу своего короля Филиппа IV, сжег во время пиршества (в тот же день, когда Анна Австрийская выходила за Луи XIII) свой дворец со всем содержимым, – словом, совсем разорил себя, чтобы иметь возможность хоть одно мгновение держать в своих объятиях королеву Испании, которую он вынес из пламени, нашептывая слова любви.

Бэкингем сделал лучше – он не сжег своего дворца, но воспламенил два больших государства, играл будущим Англии, которую едва не погубил, играл собственной жизнью, которую и потерял ради возможности быть посланником при Анне Австрийской, несмотря на непреклонную и угрожающую волю

Ришельё.

Оставим пока эту трагическую развязку во мраке будущего и посмотрим, как Бэкингем явился уполномоченным при французском дворе и как первая его аудиенция оставила неизгладимые воспоминания в летописях этого двора.

Бэкингем, введенный в Тронный зал, подошел в сопровождении многочисленной свиты к королю и королеве и передал им свои аккредитивные грамоты. Он был в белом атласном, шитом золотом кафтане, поверх которого был накинут светло-серый бархатный плащ, расшитый драгоценным жемчугом.

Этот цвет, столь неавантажный для человека его лет, доказывает, как хорош был Бэкингем, поскольку в мемуарах того времени говорится, что «этот цвет шел к нему». Скоро заметили, что все жемчужины были пришиты такими тонкими шелковинками, что отрывались от собственной тяжести и рассыпались по полу.

Эта пышность, несколько грубая при странной утонченности, не могла бы понравиться в наше время, при господствующих ныне понятиях о чести, но тогда никто не посовестился принять жемчужины, так радушно предлагаемые щедрым посланником тем, кто, думая, что они оторвались случайно, бросились собирать их и хотели вернуть.

Таким образом, герцог сразу занял воображение молодой королевы, щедро наделенной дарами природы, но обиженной Фортуной, так как французский двор был тогда любезнейшим, но не богатейшим двором Европы.

Государственная казна, так заботливо собранная Анри IV в последние десять лет его жизни, по смерти его постепенно уменьшалась войнами принцев крови с государством, пять раз вынужденным купить мир у своих принцев. Поэтому казна была совершенно истощена, и августейшие лица, историю которых мы пишем, уже и тогда нуждались в деньгах, хотя не так сильно, как впоследствии.

В самом деле, когда Анне Австрийской приходилось питаться крохами от своих придворных и провожать польских посланников через неосвещенные комнаты, она не раз с горечью вспоминала о сокровищах, растраченных Бэкингемом для того только, чтобы вызвать у нее улыбку, благосклонный взгляд или одобрительный жест, между тем как Мазарини, которого она предпочла, поддержала, осыпала золотом и почестями, заставлял жить ее, гордую дочь цезарей, в полуразрушенных комнатах, заставлял ее, для которой, по словам одного из современников, было наказанием спать на голландском полотне, нуждаться в белье и отказывать Луи XIV-ребенку в новых простынях, в замене старых,

дырявых, через дырки которых, как говорит камердинер Лапорт, свободно могли проходить ноги.

Герцог Бэкингем, человек, опытный в делах любви, рассчитывал для приобретения расположения Анны Австрийской не только на свою красоту и не только на сияние драгоценных камней – этого было много, но недовольно, когда возбуждают подозрения короля и кардинала. Бэкингем, уверенный в том, что враги его сильны и опасны, хотел приобрести себе искусного и преданного союзника.

Он посмотрел вокруг себя и увидел м-м де Шеврез, способную отразить угрожавшие ему интриги. М-м де Шеврез, подруга Анны Австрийской, искательница приключений, хорошенькая, умная и смелая, торгуемая кардиналом Ришельё, который пытался ее купить, преданная всему, что называлось удовольствием, капризом и обманом, м-м де Шеврез могла сделаться незаменимым помощником.

Бриллиантовый узел в сто тысяч ливров и данные взаймы две тысячи пистолей, а может быть, и романтическая сторона предприятия, решили дело.

Бэкингем употребил старую хитрость, всегда отличную, так как она всегда удается. Он притворился влюбленным в м-м де Шеврез и покидал ее только тогда, когда дела посланника призывали его в Лувр или к кардиналу.

Со своей стороны, ободренная этой мнимой страстью, имевшей вид публично объявленной любви, королева с удовольствием принимала знаки необыкновенного уважения и нежности, которые ее смелый любовник расточал ей посреди двора, наполненного шпионами короля и кардинала.

Так как Бэкингему редко представлялись случаи видеться с королевой и особа ее была охраняема с необыкновенной заботливостью, то м-м де Шеврез придумала пышный бал в своем отеле. Королева приняла приглашение, предложенное фавориткой, и сам король не нашел предлога отказаться. Он даже подарил своей супруге по этому случаю бант с двенадцатью бриллиантовыми подвесками.

Герцог Бэкингем, для которого давалось празднество, решил, со своей стороны, придумать средство, чтобы, насколько возможно, не покидать королеву и следовать за ней, прикрывая свое инкогнито различными костюмами, с той поры, как она вступит в отель м-м де Шеврез, до того времени, пока она не сядет в карету, чтобы ехать обратно в Лувр.

Донос, сделанный кардиналу через некоторое время, сохранил нам всем подробности этого праздника, который отлично послужил замыслам герцога, но вместе с тем удвоил

ревность короля и кардинала, не остановив, впрочем, дальнейших смелых предприятий влюбленного посланника.

Сначала королева по выходе из кареты изъявила желание пройтись по саду м-м де Шеврез; она оперлась на руку герцогини и начала прогулку. Не успели они сделать и двадцати шагов, как вдруг подошел садовник и предложил королеве одной рукой корзинку цветов, а другой – букет. Анна взяла букет, но в это мгновение рука ее коснулась руки садовника и он шепнул ей несколько слов.

Королева была сильно удивлена – жест, которым выразилось это удивление, и румянец отмечены в упомянутом доносе.

Тотчас же распространился слух о любезном садовнике, и стали говорить, что это не кто иной, как сам герцог Бэкингем. Все сейчас же бросились искать его, но было уже поздно – садовник исчез, а королеве предсказывал будущее волшебник, державший ее прекрасную ручку в руках своих и говоривший ей такие странные вещи, что королева, слушая их, не в силах была скрыть своего смущения.

Наконец, смущение это возросло до такой степени, что она совсем потерялась, и тогда м-м де Шеврез, испуганная возможными последствиями подобного безрассудства, дала герцогу понять, что он перешел границы благоразумия и что следует вести себя осторожнее.

И все-таки, каковы ни были речи, которые слушала Анна Австрийская, она допускала их, хотя не была обманута ни видом садовника, ни видом волшебника. У королевы были хорошие глаза, и притом при ней была услужливая подруга, хорошо знавшая все эти тайны.

Герцог Бэкингем отличался в искусстве танца, которое, впрочем, в это время, как мы имели случай видеть по сарабанде, протанцованной кардиналом, не было в пренебрежении. Коронованные особы очень заботились об овладении этим искусством, чрезвычайно нравившемся дамам.

Анри IV очень любил балеты, в балете он в первый раз увидел прекрасную Анриетту де Монморанси, ради которой делал столько глупостей; Луи XIII сам сочинял музыку для балетов, которые танцевали перед ним, и особенно он любил один из них, называвшийся «Мерлезонский балет». Всем также известны успехи на этом поприще Граммона, Лозена и Луи XIV.

Поэтому нам не покажется странным, что Бэкингем с необыкновенным успехом играл роль в «Балете демонов», придуманном для этого вечера как самая лучшая забава для их величеств.

Король и королева аплодировали неизвестному танцору,

которого приняли – один из них действительно впал в ошибку – за одного из кавалеров французского двора. Наконец, по окончании балета их величества приготовились смотреть самое великолепное увеселение этого вечера; в нем Бэкингем тоже играл важнейшую роль, которую он себе присвоил очень смело и ловко.

Тогда было обыкновением льстить государям даже в их увеселениях, и орудием этой лести французские церемониймейстеры использовали выдуманных восточных государей. Обычай маскарадов, подобных тому, который мы сейчас опишем, продолжался до 1720 года и в последний раз был приложен к ночным празднествам, дававшимся м-м дю Мэн в ее дворце Со и известным как «Белые ночи».

Дело было в том, чтобы предположить, что всем государям земного шара, а особенно неизвестных стран, лежащих за экватором, баснословным суфиям, загадочным ханам, богачам-моголам, инкам, владельцам золотых рудников вздумалось однажды собраться всем вместе и прийти поклониться престолу короля Франции.

Как видно, идея была недурна, и, например, Луи XIV, государь довольно тщеславный, был обманут еще лучше, когда принимал мнимого персидского посланника, знаменитого Мехмет-Реза-Бека, и хотел, чтобы этот шарлатан был принят со всей пышностью, на какую был способен Версаль.

Восточные цари, о которых мы говорим, должны были быть изображаемы принцами царствующего во Франции дома. Герцоги де Гиз, де Роган Буйонский, де Шабо и де ла Тремуйль были избраны королем для увеселения.

Молодой кавалер де Гиз, сын того, которого называли le Balafre («Меченый»), игравший роль Великого Могола, был младшим братом герцога де Шевреза, тем самым, который убил на дуэли барона де Люца и его сына и который впоследствии, сев верхом на пробуемую пушку, погиб от ее разрыва.

Джордж Вильерс, 1-й герцог Бэкингем
(1592—1628)

Накануне празднества Бэкингем сделал визит кавалеру де Гизу, который, как и почти все вельможи того времени, сильно нуждаясь в деньгах, принужден был прибегнуть к разным средствам и все-таки боялся, что ему не удастся явиться на праздник м-м де Шеврез с тем великолепием, с каким бы он желал.

Бэкингем был известен своей щедростью и не раз снабжал из своего кошелька самых гордых и самых богатых. Поэтому

посещение это показалось де Гизу хорошим знаком, и он уже готовил в своем уме фразу, с которой хотел обратиться к щедрому посланнику, но тот предупредил его желания, подарив три тысячи пистолей, и предложил, кроме того, одолжить для увеличения блеска костюма де Гиза все алмазы короны Англии, которые Джейкоб VI позволил своему представителю увезти с собой во Францию.

Это было более, нежели смел надеяться кавалер де Гиз. Он протянул Бэкингему руку и спросил, чем может отблагодарить его за такую большую услугу.

– Послушайте, – отвечал Бэкингем, – я хотел бы, и это, может быть, пустая прихоть, но она мне доставит большое удовольствие, я хотел бы иметь возможность нести на себе некоторое время весь магазин бриллиантов, который я привез с собой. Одолжите мне ваше место на часть завтрашнего вечера – пока Великий Могол будет замаскирован, я буду Великим Моголом, когда же он должен будет снять маску, я отдам вам ваше место.

Таким образом, мы будем играть наши роли, вы – открыто, я – тайно. Мы оба составим одно лицо, вот и все. Вы будете ужинать, а я буду танцевать. Согласны ли вы на это?

Кавалер де Гиз нашел, что это дело маловажное, не стоит и говорить и тотчас же согласился на все, чего желал Бэкингем.

Кавалер считал себя одолженным герцогу и признавал в нем своего учителя, поскольку, хотя его собственные глупости и наделали много шума во Франции, он был далек, особенно в безрассудстве, от знаменитого в подобных проделках Бэкингема.

Как было условлено, так и сделано. Герцог, замаскированный, блистающий при свете люстр и ламп, представился глазам королевы в сопровождении многочисленной свиты, великолепие которой не равнялось пышности его наряда, но и не составляло с ней слишком резкого контраста.

Восточный язык богат метафорами и поэтическими намеками. Бэкингем употребил все свое искусство, чтобы украдкой сказать королеве несколько страстных комплиментов. Ситуация тем более нравилась искателю приключений, герцогу, и романтической Анне Австрийской, что была чрезвычайно опасной.

Король, кардинал и весь двор были при этом, и так как уже распространился слух, что герцог Бэкингем присутствует на балу, то все удвоили внимание, а между тем никто и не подозревал, что Великий Могол, в котором все видели кавалера де Гиза, был сам Бэкингем. Зрелище имело такой огромный успех, что король не мог удержаться, чтобы не выразить м-м де Шеврез своей благодарности.

Наконец, последовало приглашение их величеств к столу, когда нужно было снять маски в приготовленных для этого комнатах. Великий Могол и его оруженосец удалились вдвоем в кабинет – оруженосец был не кто иной, как кавалер де Гиз, который в свою очередь надел маскарадное платье и пошел ужинать в костюме Великого Могола, между тем как Бэкингем превратился в оруженосца.

Когда де Гиз вернулся к гостям, все стали расхваливать пышность его наряда и ловкость, с которой он танцевал. После ужина кавалер отправился в кабинет, к герцогу, ожидавшему его там. Тогда они снова поменялись ролями: кавалер сделался простым оруженосцем, а герцог снова возвысился до сана Великого Могола.

В этих костюмах они опять возвратились в зал. Нечего и говорить, что пышность наряда этого могущественного государя и почетное место, которое он занимал в ряду коронованных особ, доставили ему честь быть выбранным королевой для танца. Таким образом, Бэкингем до утра мог свободно выражать под маской и при общем смешении чувства, уже не бывшие тайной для королевы благодаря стараниям услужливой м-м де Шеврез.

Наконец, пробило четыре часа утра, и король изъявил желание вернуться домой. Королева не настаивала на том, чтобы остаться, потому как за несколько минут перед тем удалились цари Востока и с ними исчезла интрига бала. Анна Австрийская приблизилась к своей карете; лакей в ливрее стоял уже у дверец.

При виде королевы он преклонил одно колено, но, вместо того чтобы откинуть подножку, он протянул свою руку. Королева увидела в этом любезность своей подруги м-м де Шеврез, но эта рука так нежно и тихо пожала ей ножку, что она невольно опустила глаза на услужливого лакея и узнала в нем герцога Бэкингема. Как ни была приготовлена Анна Австрийская ко всем обличьям, в которых герцог мог являться перед ней, однако на этот раз удивление ее было так велико, что она тихонько вскрикнула и сильно покраснела.

Придворные тотчас подошли, чтобы узнать причину волнения королевы, но она уже сидела в карете с м-м де Ланнуа и м-м де Берне. Король отправился в своей карете вместе с кардиналом.

Можно ли сравнить историю того времени, столь богатую романтическими приключениями, анекдотическими эпизодами и интригами, подобными той, которую мы только что в точности описали, с нашей современной историей, сухой и лишенной живых подробностей, несмотря на публичность ежедневных актов, которой прежде не было и которая теперь так широка?

Впрочем, может быть, именно в этом отсутствии публичности

и состоит тайна этой богатой приключениями жизни, которую вели под покровом неизвестности, с такой трудностью нами приоткрываемым.

Через несколько дней слух об этом происшествии разнесся при дворе, и вместе с тем стали говорить, что в кабинете герцога Бэкингема есть портрет королевы, над которым размещается голубой бархатный балдахин с развевающимися белыми и красными перьями, и что другой, миниатюрный, портрет Анны Австрийской, осыпанный бриллиантами, не покидает груди Бэкингема.

Его необыкновенная преданность этому портрету, казалось, показывала, что он подарен самой королевой, и кардинал, вдвойне ревнивый, ибо был вдвойне обманут – как влюбленный и как политик, – провел по этому поводу несколько мучительно-бессонных ночей.

Герцогу Бэкингему со дня на день, и именно по причине этих толков о переодеваниях и портретах, становилось все труднее видеться с королевой. За м-м де Шеврез, о которой все знали как о поверенной этой рыцарской любви, следили не менее, чем за ее высокими протеже, так что Бэкингем, доведенный до крайности, решился отважиться на все, чтобы иметь свидание с глазу на глаз, хоть на час, с Анной Австрийской.

М-м де Шеврез спросила королеву, как она примет подобную попытку, и королева отвечала, что не будет помогать ни в чем, но и запрещать не станет, она только желает иметь возможность отрицать свое участие в этом деле. Этого было достаточно коннетабльше и герцогу.

В это время в Лувре было очень популярно поверье, что в этом старинном замке королей показывается привидение женского пола, называемое «Белой женщиной». Впоследствии это поверье заменилось другим, не менее популярным, о «Красном человеке».

Коннетабльша предложила Бэкингему сыграть роль привидения, и влюбленный герцог не колеблясь согласился тотчас на все. В костюме «Белой женщины» ему нечего было, по мнению м-м де Шеврез, бояться самых строгих аргусов королевы, которые, если заметят его, наверняка сами будут перепуганы до смерти и тотчас разбегутся.

Довольно долго продолжались переговоры о том, в какое время устроить свидание. Герцог хотел, чтобы это было вечером, м-м де Шеврез говорила, что именно в это время король иногда приходит к королеве.

Спросили мнение Анны Австрийской, которая сказала, что днем герцог лишится всех преимуществ своего костюма, а ночью

можно положиться на верность камердинера Бертена, который будет караулить и вовремя заметит приближение короля, и что на этот случай можно иметь в виду потаенную дверь, через которую герцог сможет уйти.

Итак, было решено, что Бэкингем войдет в Лувр около 10 часов вечера. В 9 он явился к м-м де Шеврез, у которой должно было произойти превращение. Коннетабльша обязалась приготовить все нужное – очевидно, что герцог приобрел в ней неоценимую помощницу.

Бэкингем нашел свой костюм готовым. Это было длинное белое платье, усеянное черными слезками и украшенное двумя мертвыми головами, одной на груди и другой сзади, между плечами, а фантастический головной убор, белый с черным, как и платье, а также огромный плащ и большая шляпа, вроде испанских сомбреро, довершали наряд.

Но тут явилось затруднение, не приходившее прежде в голову м-м де Шеврез, – при виде костюма, который должен был изменить внешность герцога столь странным образом, кокетство его возмутилось, и он решительно объявил, что не пойдет к Анне Австрийской в подобном наряде.

Герцог Бэкингем не был таким великим политиком, как кардинал Ришельё, но зато глубже его был посвящен в тайны любви и знал, что в женщине самая сильная страсть не может устоять против смешного, и находил лучше совсем не видеть Анну Австрийскую, нежели получить эту милость с тем только условием, что покажется ей смешным.

М-м де Шеврез отвечала, что нет другого средства проникнуть в покои королевы, что королева с большим трудом согласилась на это свидание, что она ожидает герцога в этот вечер и вряд ли простит человеку, по его слова, влюбленному до безумия, что, имея случай видеться с ней, он этим, давно желанным случаем, не воспользовался.

При том веселая подруга Анны Австрийской, быть может, заранее радовалась возможности увидеть английского посланника, человека, располагавшего судьбой двух могущественных государств Европы, переодетым в привидение. А может быть, и то, что королева согласилась на свидание, но, не доверяя самой себе, хотела найти в глазах своих оружие против своего сердца.

Итак, герцог Бэкингем принужден был покориться желанию м-м де Шеврез. Правда, и в этом более чем странном костюме, он рассчитывал на прекрасные благородные черты своего лица, но и тут он ошибся в своем расчете, не зная намерений м-м де Шеврез, которая в этот вечер, казалось, более благоволила к мужу, нежели

к любовнику.

М-м де Шеврез в своей высокой мудрости решила, что герцог должен обезобразить свое лицо, как обезобразил свою фигуру. Тогда Бэкингем предложил надеть черную полумаску, которая в то время была в большом употреблении, особенно между женщинами, хотя иногда ее надевали и мужчины. Но м-м де Шеврез возразила, что маска может упасть, и тогда в мнимой «Белой женщине» все узнают герцога Бэкингема.

Герцог снова вынужден был уступить – свидание было назначено на 10 часов, а между тем в спорах прошло более четверти часа. Он испустил глубокий вздох и совершенно покорился той, которую теперь принимал чуть ли не за своего злого гения.

За некоторое время перед описываемым нами происшествием, один физик по имени Норблен сделал изобретение: он приготовил кожицу телесного цвета, посредством которой можно было, прикрепляя ее мягким белым воском, совершенно изменить свою физиономию.

Ее разрезали по известному образцу, накладывали на некоторые части лица, которому она придавала совсем другой вид, а глаза, рот и нос оставались совершенно свободными. Благодаря изобретению, Бэкингем через пять минут сам не узнавал себя.

По окончании этой первой операции приступили к самому переодеванию. Герцог снял плащ и поверх своей одежды надел вышеописанное белое платье, заключил волосы в фантастический головной убор, покрыл полумаской лицо, уже обезображенное кожицей, надел шляпу с огромными полями и набросил на себя широкий плащ. В таком виде, полусмеясь-полудосадуя, он подал руку м-м де Шеврез, которая должна была ввести его в Лувр.

Карета коннетабльши ожидала их у дверей. Эту карету знали в Лувре, и поэтому она не могла возбудить подозрений, притом герцог должен был войти через малый вход, то есть через дверь, лестницу и несколько коридоров, предназначенных для коротких знакомых королевы и ее фаворитки.

У калитки Лувра их ожидал камердинер Бертен. Привратник при виде герцога спросил:

– Что это за человек?

– Это итальянский астролог, о котором спрашивала королева, – ответила подошедшая м-м де Шеврез.

Действительно, привратник был предупрежден об этом обстоятельстве, и, так как в то время подобные консультации случались очень часто, он не затруднился пропустить герцога, бывшего, впрочем, в сопровождении такого лица, что человек

столь низкого положения и не осмелился бы сделать ни малейшего замечания.

Пройдя калитку, они уже никого не встретили до самых покоев королевы. Анна Австрийская приняла предосторожность и удалила де Флотт, свою статс-даму, ожидая с весьма понятным страхом этого посещения, которое никогда не решилась бы принять, если бы уверенность подруги не ободрила ее. У дверей камердинер Бертен оставил м-м де Шеврез и герцога и пошел на лестницу караулить короля.

У м-м де Шеврез был ключ от комнаты королевы, поэтому ей не надо было стучать. Она отперла дверь, ввела герцога и сама вошла за ним, оставив ключ в замке, чтобы Бертен мог предупредить их в случае опасности.

Королева ожидала в своей спальне. Герцог прошел две или три комнаты и очутился лицом к лицу с той, которую так сильно желал видеть без свидетелей. К несчастью, его костюм, как мы уже сказали, далеко не украшал его, и, вследствие этого, произошло то, чего он так боялся: королева, несмотря на свой страх, не могла удержаться от смеха.

Морис Лелуар. Бэкингем и Анна Австрийская.
1890-е гг.

Тогда Бэкингем увидел, что ему ничего не остается делать, как разделить веселость королевы, и стал играть свою роль с таким остроумием, с такой веселостью и такой любовью, что расположение Анны Австрийской изменилось – она забыла о смешном облике герцога и стала слушать его умные и страстные речи.

Герцог скоро заметил перемену, произошедшую в настроении королевы, и воспользовался этим со своим обычным искусством. Он напомнил Анне Австрийской, что цель этого свидания – передать ей тайное письмо от ее золовки и умолял ее – этого письма не должен был видеть никто – удалить даже верную свою

подругу м-м де Шеврез.

Тогда королева, без сомнения, сама столько же желавшая этого свидания, сколько и Бэкингем, открыла дверь своей молельни и вошла в нее, оставив дверь открытой и дав знак Бэкингему следовать за ней. Как только герцог вошел в молельню, м-м де Шеврез, как бы в вознаграждение за все лишения, которым она подвергла его в этот вечер, тихонько притворила дверь.

Прошло около десяти минут с тех пор, как Анна Австрийская вошла в молельню, как камердинер Бертен вдруг вбежал запыхавшись, бледный, крича: «Король! Король!» М-м де Шеврез бросилась к дверям молельни и открыла их, тоже крича: «Король!»

Бэкингем, без своего волшебного платья, с естественным лицом, окаймленным длинными волосами, одетый в свой обыкновенный костюм, как всегда изящный и красивый, был у ног королевы. Как только он остался наедине с Анной Австрийской, то снял весь маскарад и, решившись на все, явился таким, каким был, то есть изящнейшим кавалером.

Понятно, что и Анна Австрийская, в свою очередь, предалась чувству, с которым тщетно старалась бороться. Поэтому коннетабльша нашла герцога у ее ног.

Между тем камердинер все кричал: «Король! Король!» М-м де Шеврез отперла дверь в маленький коридорчик, который вел из молельни в большой коридор. Герцог бросился в него, унося с собой костюм «Белой женщины». Бертен и м-м де Шеврез последовали за ним, а королева заперла дверь и возвратилась в свою комнату, но там силы ей изменили, она упала в кресло и стала ждать.

Герцог и камердинер хотели тотчас же уйти из Лувра, но м-м де Шеврез остановила их. Это была решительная женщина, никогда, ни при каких обстоятельствах не терявшая присутствия духа, и она заставила герцога снова надеть свое платье, головной убор, маску и плащ, и потом, когда его уже нельзя было узнать, она открыла дверь, позволив ему уйти.

Но приключения, ожидавшие Бэкингема в тот вечер, еще не кончились. Дойдя до конца коридора, он встретил нескольких лакеев и хотел вернуться, но тут его плащ упал. Случилось то, что предвидела м-м де Шеврез – увидев мрачное платье, усеянное слезками и мертвыми головами, лакеи сильно испугались и убежали, крича: «Белая женщина!»

Бэкингем сообразил, что нужно воспользоваться их испугом и решить дело одним ударом – он бросился преследовать их, и, между тем как они убегали им одним известными проходами, а

Бертен поспешно уносил в свою комнату мантию и шляпу, герцог достиг лестницы, сбежал по ней, отворил дверь и вышел на улицу.

М-м де Шеврез возвратилась к Анне Австрийской в восторге от своей хитрости и хохоча во все горло. Она нашла королеву бледной и дрожащей все в том же кресле, в которое она упала.

Однако Бертен несколько ошибся; король действительно вышел из своей комнаты, но не для того, чтобы пойти к королеве – на следующий день была назначена большая соколиная охота, и он, чтобы не терять времени утром, отправился ночевать на сборное место.

Поэтому он прошел мимо дверей королевы, даже не задержавшись, и не зашел проститься с женой, поскольку имел намерение на другой же день воротиться в Лувр.

Приехав с охоты, он узнал, что лакеи видели знаменитую «Белую женщину». Луи XIII был суеверен и верил во всякого рода привидения, но особенно в такие, известия о которых переходили из рода в род, по преданию. Он велел позвать лакеев, видевших привидение, расспросил их о всех малейших подробностях его одежды и манер, и так как рассказ их согласовался с тем, что он много раз еще в детстве слышал, то не сомневался в действительности появления «Белой женщины».

Но кардинал не был так легковерен. Он, подозревая, что за этим странным приключением скрывается какая-нибудь новая попытка Бэкингема, подкупил через посредство Буаробера камердинера герцога, Патрика О'Рейли и узнал от него желаемое событие, которое мы только что описали.

Между тем, король Джейкоб VI умер 8 апреля 1625 года, и двадцатипятилетний Карл I вступил на престол.

Бэкингем вместе с известием об этой неожиданной смерти получил приказание поспешить со свадьбой. Ему того не хотелось, он желал остаться в Париже как можно долее и рассчитывал при этом на затруднения, которые Рим чинил бракосочетанию, не давая своего согласия.

Но кардинал, столько же желавший удалить Бэкингема из Парижа, сколько тот желал там остаться, написал Папе, что если тот не пришлет разрешение, то свадьба совершится и без такового. Разрешение было послано с первым курьером.

Шесть недель спустя по смерти короля Джейкоба бракосочетание совершилось. Герцог де Шеврез был избран, чтобы представлять Карла I, родственником которого он был по Марии Стюарт, и 11 мая на возвышении, устроенном перед портиком церкви Нотр-Дам, кардиналом де Ларошфуко было дано брачное благословение мадам Анриетте и представителю ее

супруга.

Карл I с нетерпением ожидал свою супругу, поэтому в очень скором времени двор собрался в дорогу, чтобы проводить молодую королеву до Амьена. В этом городе случилось знаменитое приключение в саду, описанное, за исключением некоторых подробностей, одинаковым образом у Лапорта, м-м Моттвиль и Таллемана де Рео.

Три королевы – Мария Медичи, Анна Австрийская и м-м Анриетта, – не найдя в городе жилища, в котором могли бы поместиться все вместе, заняли отдельные отели. Отель Анны Австрийской находился близ Соммы; к нему прилегали большие сады, доходившие до реки.

Туда, по причине обширности этих садов и положения их, приходили две другие королевы, а с ними и весь двор. Бэкингем, употребивший все старания, чтобы замедлить выезд из Парижа, стал теперь делать все, что только можно, чтобы оттянуть выезд из Амьена – балы, празднества, увеселения, утомительные прогулки, отдых после последних, – все служило предлогом посланнику и самим королевам, находившим здешнюю жизнь много приятней, нежели жизнь, которую они вели в Лувре.

Скажем еще, что король и кардинал вынуждены были их оставить и за три дня до описываемого случая уехали в Фонтенбло.

Однажды вечером королева, «очень любившая поздно прогуливаться», как говорит хроника, оставалась долго в саду, при великолепной погоде, и тут случилось одно из тех происшествий, которые не достаточны, чтобы погубить жизнь и счастье людей, принимающих в них участие, но оставляют сомнение, может быть, даже пятно на их имени.

Теперь, правда, сомнений нет, нашлись несомненные доказательства, и потомство произнесло свой приговор. Невинность королевы признана всеми нынешними историками, даже самыми враждебными монархии, но современники судили иначе, ослепленные жаждой сплетен или увлеченные духом партий.

Королева опиралась на руку герцога, а м-м де Шеврез шла с милордом Ричем. После продолжительной прогулки по аллеям сада королева села и вокруг нее уселись все придворные дамы, но вскоре встала, не пригласив никого следовать за собой, подала руку герцогу и пошла с ним. Никто не осмелился следовать за королевой.

Стемнело, а королева и ее кавалер исчезли за живой изгородью. Впрочем, это исчезновение, как легко можно догадаться, не осталось без внимания, придворные обменивались

лукавыми улыбками и выразительными взглядами, как вдруг послышался сдержанный крик, в котором узнали голос королевы.

Тотчас Пютанж, первый конюший ее величества, перескочил через изгородь с обнаженной шпагой и увидел, что Анна Австрийская вырывается из объятий Бэкингема. При виде Пютанжа, приближавшегося с угрожающим видом, герцог оставил королеву и в свою очередь обнажил шпагу, но Анна Австрийская бросилась навстречу Пютанжу, крича Бэкингему, чтобы он немедленно удалился, если не хочет ее скомпрометировать.

Бэкингем послушался, и вовремя, так как весь двор уже приближался и мог стать свидетелем его дерзости. Однако герцог исчез.

– Ничего не случилось, – сказала королева придворным, – герцог Бэкингем ушел, оставив меня, а я вдруг так испугалась, почувствовав себя одной в такой темноте, что вскрикнула и испугала вас.

Все сделали вид, будто поверили этому рассказу, но понятно, что истина не замедлила открыться. Лапорт в своих мемуарах ясно говорит, что герцог забылся и захотел обнять королеву, а Таллеман де Рео, впрочем, очень недоброжелательный по отношению ко двору, идет еще дальше.

Ни бал м-м де Шеврез, ни появление «Белой женщины» не наделали столько шуму, как это происшествие. Последствия его для флиртовавших были ужасны – Бэкингем, вероятно, ему обязан своей ранней смертью, а Анна Австрийская страдала всю свою жизнь.

На другой день был назначен отъезд. Королева-мать хотела проводить свою дочь еще несколько лье, и в карету сели: Мария Медичи, Анна Австрийская, мадам Анриетта и принцесса де Конти.

Когда прибыли к месту, где должно было расставаться, кареты остановились, и герцог Бэкингем, вероятно, еще не видевший Анну Австрийскую после вчерашнего приключения, подошел к карете с тремя королевами, открыл дверцы и предложил руку мадам Анриетте, чтобы вести ее к назначенному для нее экипажу и где ее ожидала м-м де Шеврез, долженствовавшая сопровождать молодую королеву в Англию.

Герцог, как только посадил королеву в карету, сам тотчас воротился к экипажу королев французских, снова открыл дверцы и, несмотря на присутствие Марии Медичи и принцессы де Конти, взял край платья Анны Австрийской и несколько раз поцеловал его.

Когда же королева заметила ему, что это странное изъявление любви ее компрометирует, герцог поднял голову и

закрыл лицо занавеской кареты. Тогда присутствующие заметили, что он плачет, так как, хотя они и не видели его слез, они слышали рыдания. Анна Австрийская не имела мужества долее удерживаться и поднесла платок к глазам, чтобы скрыть свои слезы.

Наконец, как бы внезапно решившись, как бы победив себя большим усилием, Бэкингем, не прощаясь более, даже не соблюдая обычного этикета, быстро оставил королев, впрыгнул в экипаж Анриетты и приказал ехать.

Анна Австрийская возвратилась в Амьен, даже не стараясь скрыть печаль. Она думала, что это было последнее свидание с герцогом Бэкингемом, но ошибалась. Приехав в Булонь, Бэкингем нашел море таким, каким желал его найти – шумным и бурливым, так что не было никакой возможности продолжать путь.

Анна Австрийская, со своей стороны, узнав в Амьене об этой остановке, послала тотчас Лапорта в Булонь под предлогом узнать о здоровье мадам Анриетты и м-м де Шеврез. Очевидно было, что этим не ограничивалось поручение верному слуге и что сострадательное участие королевы простиралось не только на этих особ, но относилось еще к одной.

Дурная погода бушевала в продолжение восьми дней, и Лапорт три раза ездил в Булонь. Чтобы посланный королевы не был задержан ни на минуту, де Шон, временный губернатор Амьена, приказал городские ворота держать открытыми и ночью.

Возвращаясь из третьей своей поездки, Лапорт уведомил королеву, что в этот же вечер она увидит Бэкингема – герцог объявил, что депеша, полученная им от Карла I, заставляет его еще раз переговорить с королевой-матерью и что он через три часа отправится в Амьен. Эти три часа были необходимы, чтобы дать Лапорту время предупредить Анну Австрийскую. Кроме того, герцог умолял ее именем своей святой любви устроить так, чтобы он мог увидеться с ней наедине.

Эта просьба сильно смутила Анну Австрийскую, но герцог, вероятно, получил бы желаемое, поскольку королева, под тем предлогом, что доктор будто бы должен пустить ей кровь, просила всех уйти. Вдруг вошел Ножа Ботрю и громко объявил о приезде герцога Бэкингема и милорда Рича к королеве-матери по делам, не терпящим отлагательства.

Это известие, публично заявленное, разрушило планы Анны Австрийской – теперь ей трудно было остаться одной, не возбудив подозрений насчет причины уединения. Поэтому она велела позвать доктора и действительно распорядилась пустить себе кровь, надеясь, что это удалит всех, но, несмотря на все ее

просьбы, на все намеки, что она устала и желает отдохнуть, она не смогла удалить графиню де Ланнуа, которая по некоторым причинам считалась подкупленной кардиналом.

В 10 часов доложили о герцоге Бэкингеме. Графиня де Ланнуа уже готова была сказать, что королеву нельзя видеть, но Анна Австрийская, боясь, вероятно, как бы герцог, доведенный до отчаяния, не решился бы на какую-нибудь сумасбродную выходку, приказала его принять.

Как только герцогу передано было позволение войти, он буквально вбежал в комнату. Королева была в постели, а м-м де Ланнуа стояла у ее изголовья. Герцог остолбенел, увидев королеву, против своего ожидания, не одну. На лице его выразилось такое страдание, что Анна Австрийская сжалилась над ним и, как бы в утешение, сказала ему по-испански, что никак не могла остаться одна и что ее статс-дама осталась при ней почти против ее воли.

Тогда герцог упал на колени перед ее кроватью, целуя простыни с таким пламенным восторгом, что м-м де Ланнуа заметила о нарушении французского этикета, который не позволяет вести себя подобным образом с коронованными особами.

– Э, мадам, – отвечал герцог с нетерпением, – я не француз и обыкновения Франции не могут связывать меня. Я – герцог Джордж Вильерс Бэкингем, посланник короля Англии, и тем самым сам представляю коронованную особу. Итак, – продолжил он, – я могу принимать здесь приказания только от одной особы, и эта особа – королева!

Потом, обращаясь к Анне Австрийской, он сказал:

– Да, мадам, я на коленях ожидаю от вас повелений и клянусь, я исполню их, если только они не запретят мне любить вас! О, да, да! – вскричал он. – Да, мадам, я вас люблю, скорее, я вам поклоняюсь так, как люди поклоняются Богу. Да, я вас люблю и повторю признание в этой любви.

Перед целым светом, поскольку не знаю ни человеческого, ни божественного могущества, которое могло бы помешать мне вас любить. Теперь, – продолжил он, поднимаясь с колен, – теперь я сказал вам все, что хотел сказать, и прибавлю только, что отныне моя цель будет состоять в том, чтобы снова вас видеть, и я употреблю для этого все средства и достигну этой цели, несмотря на кардинала, на короля, на вас самих, если даже мне нужно будет для этого поставить вверх дном всю Европу…

При последних словах герцог схватил руку королевы, осыпал ее поцелуями, несмотря на усилия Анны Австрийской отнять ее, и потом опрометью бросился вон из комнаты.

Едва только дверь за ним закрылась, как вся энергия, поддерживавшая силы Анны Австрийской в его присутствии, оставила ее и она, громко рыдая, упала на подушку и приказала м-м де Ланнуа удалиться. Потом позвала донью Эстефанию, которой более всех доверяла, дала ей письмо и ящичек и велела отнести к герцогу. В письме королева умоляла Бэкингема уехать, в ящичке же был узел, украшенный двенадцатью бриллиантовыми подвесками и полученный ею от короля в день бала у м-м де Шеврез.

На другой день Анна Австрийская простилась с Бэкингемом в присутствии двора, и герцог, довольный полученным доказательством любви, вел себя со всей осторожностью, какую не мог бы требовать самый строгий этикет.

Через три дня море успокоилось, и Бэкингем вынужден был удалиться из Франции, где оставил по себе славу самого безрассудного, но вместе с тем и самого великолепного кавалера, какого едва ли помнит французский двор.

Однако приключение в Амьене принесло свои плоды – кардинал был уведомлен о нем и передал все королю, гнев которого он сумел довести до бешенства. Искусство этого министра вселять свои личные страсти в сердце своего государя было удивительно; вся жизнь Ришельё прошла в подобных действиях – в этом и состоит тайна его власти.

Луи XIII, не только не любивший уже королеву, но и начинавший по описанным причинам питать к ней ненависть, поддерживаемую памятью о поведении королевы-матери и ежедневными выходками министра, тотчас наказал служителей королевы, и преследование, бывшее до сих пор тайным, вдруг стало открытым. М-м де Берне была уволена, а Пютанж прогнан.

Анна Австрийская, как легко можно понять, живо почувствовала отсутствие коннетабльши, последовавшей за английской королевой в Лондон.

Все неблагоразумные поступки молодой королевы как нельзя лучше служили замыслам Марии Медичи. Делая вид, что желает примирения супругов, она старалась еще более усиливать их несогласие действиями, по видимости самыми доброжелательными к невестке.

Сначала она позволила королю сделать описанные нами домашние распоряжения, а потом приняла сторону Анны Австрийской и стала доказывать своему сыну, что его супруга невинна, что ее отношения с Бэкингемом никогда не переходили границ простой любезности, утверждая притом, что она была слишком хорошо окружена, чтобы дурно поступать. Всякий согласится, что это дурное успокоение для ревности мужа.

Наконец, она прибавляла, будто с Анной Австрийской теперь происходит то же, что прежде было с ней самой, что в юности она сама иногда, по свойственному первой поре жизни легкомыслию, могла внушить о себе дурное мнение своему супругу Анри IV, а между тем совесть ее ни в чем ее не упрекает.

Какое бы сыновнее почтение ни имел Луи XIII к своей матери, нам хорошо известно, что он должен был думать о ее мнимой невиновности.

Понятно, как мало влияния подобные доводы могли иметь на короля или, вернее сказать, какое влияние они на него имели. Луи XIII знал о всех фантастических превращениях Бэкингема и о всех хитростях, употребленных м-м де Шеврез. Все было объяснено ему кардиналом, дававшим королю читать донесения, которые делались его эминенции и против которых было бы трудно возражать и более искусному логику, чем Мария Медичи.

Поэтому Луи XIII, вместо того чтобы успокоиться доводами матери, удвоил строгости и удалил от Анны Австрийской даже Лапорта, слугу слишком усердного, который, если не помогал, то скрывал преступные или невинные интриги своей госпожи. При королеве осталась только м-м де ла Буасьер, такая же суровая, как впоследствии была м-м Ноайль. Итак, с этих пор с королевы, по-видимому, не спускали глаз.

Некоторые авторы утверждают, что перед своим отъездом из Парижа Бэкингем тайно получил совет уезжать как можно скорее под угрозой такой же участи, какая постигла Сен-Мара и Бюсси д'Амбуаза. Бэкингем понял совет, но пренебрег им, несмотря на его важность.

В самом деле, нельзя было арестовать и наказать посланника, но влюбленный искатель приключений мог в одну прекрасную ночь сделаться жертвой мщения, которому ни Ришельё, ни король не смогли бы помешать и за которое они бы даже не наказали, а сам Карл I вынужден был бы приписать происшествие несчастной звезде своего любимца.

Между тем против Анны Австрийской не только началось открытое преследование, но и составился заговор. М-м де Ланнуа, бывшая шпионка кардинала при королеве, уведомила его, что бриллианты, недавно подаренные королем Анне Австрийской, посланы ею, по всей вероятности, Бэкингему в ту ночь, которая последовала за возвращением его из Булони.

Ришельё тотчас написал леди Кларик, бывшей любовнице Бэкингема, предлагая ей 50 000 ливров, если она отрежет у герцога два бриллиантовых подвеска и пошлет ему. Через две недели кардинал получил желаемое – леди Кларик, будучи на большом балу, где был и герцог, воспользовалась теснотой и

незаметным образом отрезала их.

Кардинал был в восхищении – месть, в чем он не сомневался, была в его руках. На другой день король объявил королеве, что в Отель-де-Виль старшинами Парижа будет дан бал, и просил ее сделать честь старшинам, украсив себя бриллиантами, которые он подарил. Анна Австрийская отвечала, что все будет сделано по его желанию. Бал был назначен на третий день, и мщение кардинала, казалось, было близко.

Что же касается королевы, то она была так спокойна, как если бы ей не угрожала никакая опасность. Кардинал не мог понять этого спокойствия, бывшего, по его мнению, только личиной, под которой она, благодаря власти над собой, скрывала свое беспокойство.

Настал ожидаемый с таким нетерпением бал. Король и Ришельё приехали вместе; королева, по тогдашнему этикету, должна была приехать отдельно. В 11 часов доложили: «Ее величество королева!» Тотчас все глаза обратились на вошедшую Анну Австрийскую, особенно, как легко можно догадаться, глаза короля и кардинала.

Королева была блистательна – на ней был ее национальный испанский костюм, ее роскошные формы облекало зеленое атласное платье, шитое жемчугом, золотом и серебром. Широкие висячие рукава были застегнуты у локтей большими рубинами, служившими вместо пуговиц. Открытое платье позволило видеть прекрасную шею королевы, на голове ее был небольшой бархатный головной убор зеленого цвета, украшенный пером цапли и прекрасно оттенявший ее чудные серо-пепельные волосы, с плеча грациозно спадали ленты известного бриллиантового узла с двенадцатью подвесками.

Король подошел к королеве под предлогом сказать комплимент насчет ее красоты и пересчитал подвески – их было двенадцать. Кардинал остолбенел от удивления, поскольку в его судорожно сжатой руке было еще два.

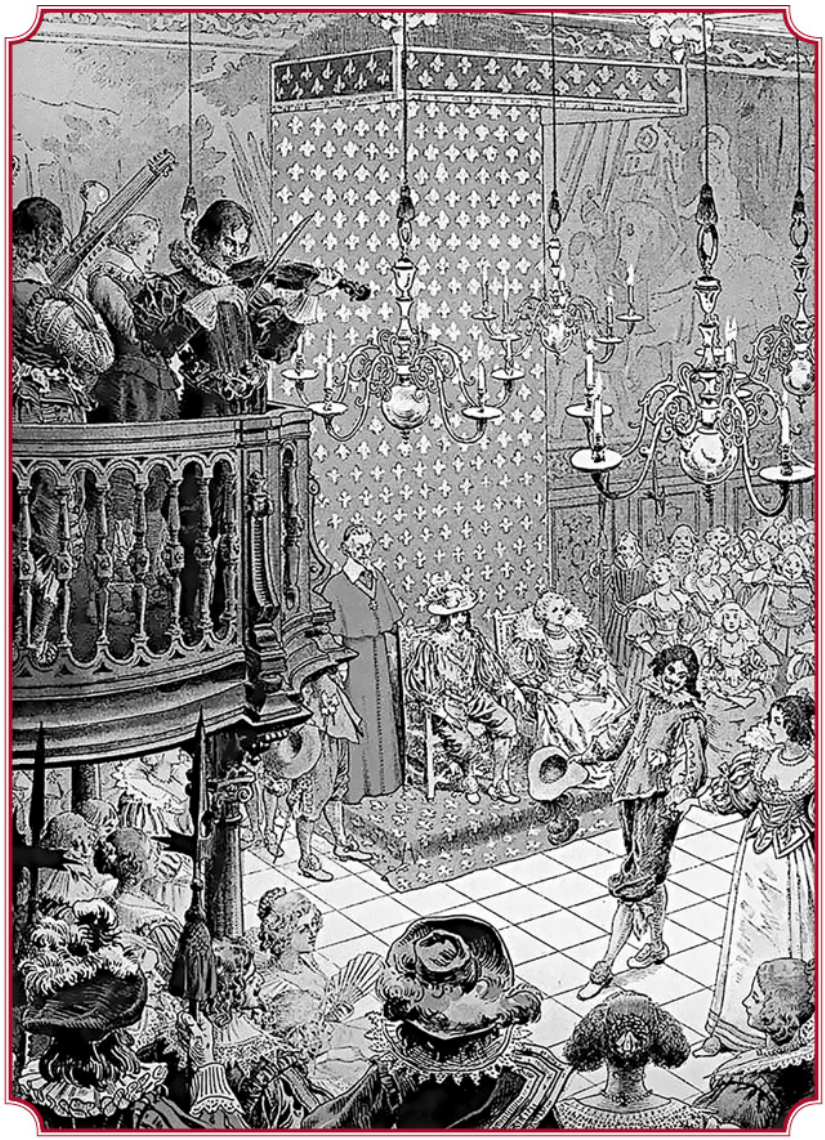
Вот как это получилось. Возвратившись с бала и раздеваясь, Бэкингем заметил похищение. Первой мыслью было, что это простое воровство, но, после некоторого размышления, он догадался, что бриллианты похищены с опасным намерением, с очевидно враждебной целью. Он тотчас приказал изложить запрещение на все порты Англии и запретил всем владельцам судов под страхом смерти оставлять берег.

И между тем, как все с удивлением и ужасом спрашивали себя о причинах этой меры, ювелир Бэкингема поспешно делал два подвеска, повторяющих исчезнувшие. В следующую ночь легкое судно, для которого одного было снято запрещение,

направилось к Кале, а спустя 12 часов запрещение было вообще снято.

Дэниэл Майтенс. Портрет Карла I Английского. *1632 г.*

Вследствие этого королева получила бриллианты на 12 часов раньше просьбы короля надеть их на бал в Отель-де-Виль. Вот в чем была причина ее спокойствия, столь удивлявшая кардинала. Удар был ужасен для него, зато он поклялся погубить тех, кто стал причиной его ошибки. Мы скоро увидим это мщение.



Морис Лелуар. Бал при дворе Людовика XIII. *1890-е гг.*

Читателям уже известно, что Мария Медичи, ослепленная жаждой власти, старалась разбудить вражду среди своих детей, ставила подозрения преградой между мужем и женой. Когда же Бэкингем уехал, а заговор с подвесками провалился, Луи XIII совершенно успокоился насчет герцога.

Вследствие этого королева-мать боялась сближения между сыном и невесткой, которое, по ее расчетам, могло уничтожить все ее влияние, поэтому она обратила внимание на герцога

Анжуйского, решив сделать его снова предметом подозрений ревнивого и предубежденного Луи XIII в покушениях на его жизнь и в сношениях с Анной Австрийской.

Король был несколько отвлечен от подозрений насчет брата сумасбродствами Бэкингема, но никогда не изгонял вовсе их из своего сердца. Поэтому при первых словах о сближении между Гастоном и Анной Австрийской старые дрожжи, давно уже закисавшие на дне его сердца, снова принялись бродить.

Королева-мать и Ришельё, интересы которых были одинаковыми в этих обстоятельствах, соединяли свои старания, чтобы усилить ревность короля. Тысячи услужливо подаваемых донесений доходили до Луи XIII.

Его уверяли, что Анна Австрийская, прекрасная молодая испанка, наскучив бесплодием и находя в пылкости своих чувств только холодного и меланхолического мужа, мечтала о смерти его величества как о конце рабства и уже решила заключить, в случае этой смерти, союз, более согласный с ее вкусом и характером.

После этого неудивительно, что Луи XIII тотчас вообразил себя окруженным заговорщиками. Итак, расположение его к жестоким наказаниям как нельзя лучше соответствовало желаниям королевы-матери и кардинала. Недоставало только заговора – явился заговор Шале.

ГЛАВА III

1626

Шале. – Его характер. – Заговор герцога Анжуйского, открытый Шале кардиналу Ришельё. – Кардинал и герцог Анжуйский. – Предложение женитьбы. – Арест в Блуа герцога Сезара Вандома и великого приора Франции. – Граф Рошфор. – Монастырь капуцинов в Брюсселе. – Заговор созрел. – Арест, суд и казнь Шале. – Королева в собрании Совета. – Ответ королевы.

Шале, потомок знаменитой фамилии, занимал должность хранителя королевского гардероба. Он был внуком маршала де Монлюка и вместе с тем по женской линии происходил из благородной фамилии Бюссе д'Амбуаз; сестра его была женой маршала, которому принадлежит честь храброй защиты Камбре

против испанцев.

Шале был прекрасным молодым человеком лет тридцати, очень изящным и любимым женщинами, насмешливым, безрассудным и тщеславным, вообще таким же, как и Сен-Мар. Незадолго до описываемого нами происшествия он имел дуэль, которая наделала много шума и поставила его в мнении тогдашнего общества хранителем преданий рыцарства.

Думая иметь причины жаловаться на некоего Понжибо, шурина графа де Люда, он встретил его на Новом мосту, заставил своего противника обнажить шпагу и убил его. Буаробер, имевший пристрастие к красивым молодым людям, как говорит Таллеман де Рео, воспел его смерть элегией.

Это было время заговоров против первого министра, который имел всю власть и оставлял королю только тень могущества, что заставляло старого архиепископа Бертрана де Шо, которого Луи XIII очень любил и которому часто обещал кардинальскую шапку, говорить: «Ах, если бы король был в милости, я был бы кардиналом!»

В то время еще не знали, как опасны эти заговоры для заговорщиков, тогда еще были живы Марильяк, Монморанси, Сен-Мар. Шале тоже был в заговоре против кардинала, то есть Шале следовал общему примеру.

Впрочем, этот заговор имел некоторую важность. Гастон, еще не обесславленный рядом низостей, которые сделал впоследствии, был во главе заговорщиков, побуждаемый Александром Бурбонским, великим приором Франции, и Сезаром, герцогом Вандомским. Они-то, говорят, предложили заговор Гастону и вовлекли в него Шале. Еще пять или шесть молодых людей предались герцогу Анжуйскому и сговорились убить кардинала.

Вот каким образом они предполагали исполнить это. Ришельё, под предлогом всегдашней болезни, оказавшей ему такие важные услуги во все продолжение его могущества, беспрестанно подвергавшегося нападениям и беспрестанно возрастающего, удалился на свою виллу Флери, откуда управлял делами государства.

Герцог Анжуйский и его приверженцы должны были заехать к кардиналу под предлогом, что их завлекла в эти края охота, попросить у него гостеприимства и потом, выбрав удобный момент, умертвить. Все подобные заговоры, кажущиеся нам теперь невозможными или, по крайней мере, весьма странными, были тогда в моде и часто случались по всей Европе.

Таким образом был убит Висконти в Миланском соборе, Джулио Медичи – во флорентийской соборной церкви, Анри III –

на улице де ла Фероннери и, наконец, маршал д'Анкр – на Луврском мосту.

Гастон, сбрасывая с себя иго временщика Луи XIII, следовал примеру этого короля относительно фаворита Марии Медичи. Все дело было в том, чтобы с успехом это исполнить, и они были уверены: убийство пройдет безнаказанным, тем более что король плохо скрывал свою ненависть к первому министру.

Итак, все было готово к исполнению плана, как вдруг Шале во всем открылся командору де Балансе, вследствие своей нерешительности или же желая привлечь его на свою сторону. Но – потому ли, что де Балансе принадлежал к партии кардиналистов, потому ли, что он разгадал намерения Гастона, или же действительно питал отвращение к убийству, – одним словом, он так повел дело, что уговорил Шале во всем открыться кардиналу.

Когда доложили, что Шале и командор де Балансе желают переговорить с его эминенцией наедине о чрезвычайно важных делах, Ришельё занимался в своем кабинете с человеком, телом и душой ему преданным, по имени Рошфор, умным и деятельным, которого мы встречаем во всех тайных делах того времени, переменяющего возраст и физиономию, под множеством различных костюмов, всегда очень хорошо ему идущих.

Его эминенция сделал знак Рошфору, который перешел в соседний кабинет, только перегородкой отделенный от кабинета, где работал кардинал.

Шале и де Балансе вошли, как только портьеры опустились за Рошфором. Шале был смущен и молчал, он понимал, что сделал глупость, вступив в заговор, и что делает другую, открывая все кардиналу.

Командор де Балансе говорил за него. Кардинал, сидя перед столом и поддерживая рукой подбородок, спокойно выслушал о страшном, направленном против его жизни, заговоре, и ни одна черта в его лице не выражала ничего, исключая спокойное внимание, с которым он слушал бы о всяком другом заговоре. Ришельё в высшей степени обладал мужеством, данным некоторым государственным людям, презирать убийц.

Выслушав все, он поблагодарил Шале и просил его прийти во второй раз, чтобы переговорить с ним наедине. Шале явился. Кардинал соблазнил его обещаниями, польстил самолюбию молодого человека, и Шале ничего не скрыл от него, однако с условием, чтобы никто из заговорщиков не пострадал. Ришельё согласился на все его желания.

Кардинал, собрав необходимые дополнительные сведения, отправился к Луи XIII и, рассказав ему все, просил быть

снисходительным к этому заговору, касающемуся только его жизни, и сохранить свою строгость для заговоров против самого короля. Король был изумлен великодушием министра и спросил, что тот намерен предпринять.

– Государь, – отвечал кардинал, – предоставьте мне довести это дело до конца, но так как я не имею стражи, то позвольте мне взять несколько вооруженных людей.

Король дал кардиналу 60 всадников, прибывших во Флери в 11 часов вечера накануне предполагаемого убийства.

Ришельё скрыл солдат, чтобы никто не мог подозревать об их присутствии.

Ночь прошла спокойно, а в 4 часа утра во Флери прибыли официанты герцога Анжуйского, объявляя, что по окончании охоты Гастон остановится у его эминенции, и, желая избавить его от хлопот, послал их приготовить обед.

Кардинал велел ответить, что он сам и замок его всегда готовы к услугам герцога и что, следовательно, герцог может располагать всем по своему усмотрению. Сам же Ришельё тотчас же, не говоря никому ни слова, отправился в Фонтенбло, где тогда находился Гастон.

Было 8 часов утра. Герцог собирался на охоту, как вдруг дверь отворилась и камердинер доложил: «Его эминенция, кардинал де Ришельё!» Вслед за камердинером показался кардинал, прежде чем Гастон успел изъявить свое несогласие. Молодой герцог, видимо, смутился при появлении знатного гостя, из чего министр мог заключить, что сказанное Шале – правда.

Пока Гастон искал слова для приветствия кардиналу, тот подошел к нему и сказал:

– Я имею много причин сердиться на ваше высочество.

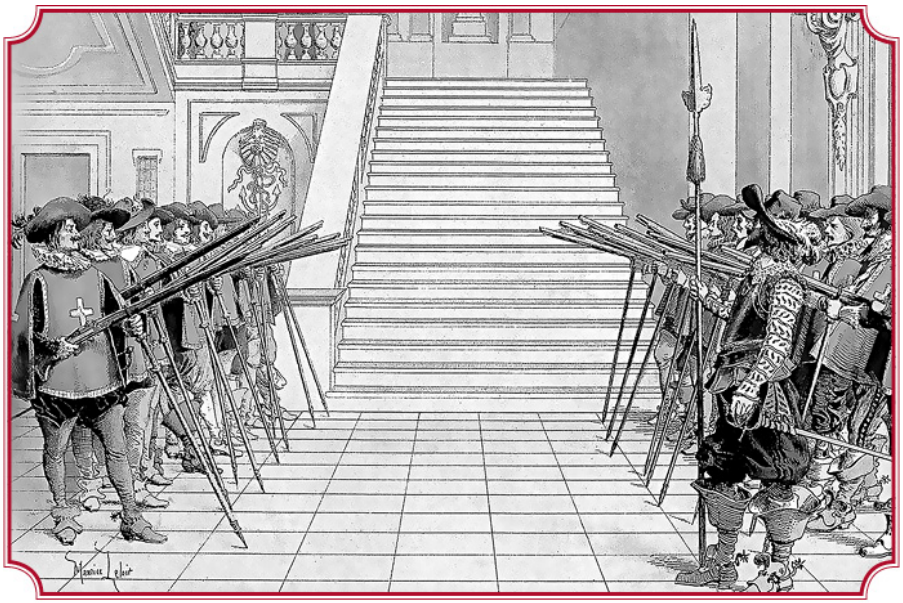
– На меня? – изобразил удивление испуганный Гастон. – А за что же, смею спросить?

– За то, что вам не угодно было приказать мне самому приготовить вам обед, между тем как это доставило бы мне ни с чем не сравнимое удовольствие принять ваше высочество как можно лучше, а вы прислали своих официантов, дав понять, что желаете избегнуть моего присутствия. Я уступаю вам свою виллу, и вы можете полностью располагать ею.

После этих слов кардинал, желая доказать герцогу, что он ему истинно предан, взял рубашку из рук камердинера и, почти насильно подав ее, пожелал приятной охоты и удалился. Гастон, поняв, что все открыто, отложил охоту под предлогом внезапного недомогания.

Однако великодушие Ришельё было притворным. Кардинал

очень хорошо понимал, что если он разом не расстроит этот союз принцев против него, в центре которого стоит королева, то рано или поздно он должен будет пасть вследствие какого-нибудь заговора, лучше организованного. Поэтому он постарался прежде всего расстроить союз, будучи уверен, что после ему не будет недостатка в средствах для поражения отдельных личностей.



Морис Лелуар. Гвардейцы кардинала. *1890-е гг.*

В то время все были заняты предполагаемой женитьбой герцога Анжуйского. Продолжительное бесплодие королевы, казалось, беспокоило Ришельё, который этим всегда вооружал Луи XIII против Анны Австрийской. Но и в этом отношении, как и во многих других, министр и молодой принц, имея свои интересы, не согласовались друг с другом.

Герцог Анжуйский, всю жизнь ни на минуту не терявший из виду престола и никогда не имевший достаточно смелости открыто его добиваться, желал взять себе в супруги какую-нибудь иностранную принцессу, род которой мог бы служить ему опорой, а государство – убежищем.

Ришельё же, а с ним и король хотели, чтобы Гастон женился на м-ль де Монпансье, дочери герцогини де Гиз. Гастон противился не потому, что молодая принцесса ему не нравилась, а потому только, что она приносила ему в приданое огромное состояние и ни малейшей опоры его честолюбивым планам.

Но Гастон был слишком слаб, чтобы в одиночку противиться,

он призвал на помощь своих друзей и составил при дворе между неприятелями кардинала партию, желавшую союза с иностранной принцессой.

Во главе этой партии были королева, великий приор Франции и его брат Сезар, герцог Вандомский. Кардинал легко привлек на свою сторону короля, показав ему все невыгоды того, что Гастон составит себе в чужом государстве убежище, чего так сильно желали мать и брат герцога. Испания, поддерживавшая королеву, слишком беспокоила короля в супружеских спорах, чтобы он согласился доставить новый повод для этих вмешательств.

Итак, король был убежден, что герцог Анжуйский для блага государства и безопасности престола должен вступить в брак с м-ль де Монпансье. Ришельё доказал также, что великий приор и герцог Вандомский препятствуют исполнению этого плана. Луи XIII с этих пор стал смотреть на побочных братьев как на своих врагов, но так хорошо умел скрывать свои чувства, что никто и не заметил новой ненависти, закравшейся в сердце короля вследствие наущений кардинала.

К сожалению, нелегко было разом арестовать обоих братьев, а арестовав одного, значило сделать себе из другого открытого смертельного врага. Скажем, в чем состояло это затруднение.

Герцог Вандомский был не только губернатором Бретани, но и мог иметь большие притязания на самодержавие в этой провинции по своей жене – прямой наследнице Люксембургского дома и дома де Пентьевр. Кроме того, носился слух, что Сезар хочет женить своего сына на старшей дочери герцога Реца, имевшего два важных места в этой провинции.

Итак, Бретань, жемчужина французской короны, которую с таким трудом присоединили к ней, могла снова отпасть. Кардинал представил это королю, яркими красками обрисовав в его воображении Испанию, являющуюся во Францию по призыву королевы, империю на границах с войском по призыву герцога Анжуйского и Бретань, восстающую по первому сигналу герцога Вандомского. Поэтому необходимо было предупредить катастрофу срочным арестом двух братьев.

Удача всегда приходит к тому, кто умеет ждать. Враги кардинала сами себя выдали. Великий приор, видя, что заговор раскрыт и Ришельё могущественнее, чем когда-либо, а имена его и брата не были произнесены в этом деле, думал, что кардинала только известили об угрожавшей опасности, но имена сообщников неизвестны. И он являлся к кардиналу с видом полнейшей преданности, а тот, со своей стороны, принимал его радушнее прежнего.

Отношение кардинала показалось великому приору таким

искренним, что, полагая себя в хороших отношениях с министром, он дерзнул просить о начальстве над морскими силами Франции.

– Что касается меня, – отвечал Ришельё, – то, вы видите, я весь к вашим услугам.

Великий приор поклонился.

– Да, с моей стороны препятствий не будет, – продолжил кардинал.

– С чьей же они могут быть? – спросил приор.

– Пожалуй, со стороны самого короля.

– Со стороны короля! Но что же король может иметь против меня?

– Ничего. Но всему виной ваш брат.

– Сезар?

– Да, король не доверяет герцогу Вандомскому. Говорят, герцог слушает и принимает людей злонамеренных. Сначала нужно загладить дурные впечатления, произведенные вашим братом на короля, потом мы подумаем о вас.

– Ваша эминенция, – сказал великий приор, – вы желаете, чтобы я съездил за братом в Бретань и привез его ко двору для оправдания перед королем?

– Действительно, это самое лучшее средство, – отвечал Ришельё.

– Но, – возразил великий приор, – прежде нужно получить заверения, что моему брату не будет никаких неприятностей, когда он явится ко двору.

– Послушайте, – сказал кардинал, – обстоятельства как нельзя лучше устраивают дело, и герцог Вандомский будет избавлен от половины пути. Король хочет ехать веселиться в Блуа, так вы отправляйтесь в Бретань и приезжайте в Блуа вместе с герцогом. Что же касается ручательства, которое вы требуете, то его вам может дать сам король, и я надеюсь, что в этом вы не получите отказа.

– Итак, я надеюсь и поеду тотчас после аудиенции у его величества.

– Ожидайте у себя приказания, оно не замедлит.

Великий приор вышел от министра, восхищенный разговором и вполне убежденный, что скоро будет адмиралом.

На другой день приор был приглашен в Лувр – министр сдержал слово. Луи XIII принял его чрезвычайно ласково, говорил с ним об удовольствиях, ожидающих его в Блуа, и приглашал его и брата на охоту в Шамбор.

– Но, – сказал великий приор, – брат мой знает, что ваше величество предубеждены против него, и, может быть, мне будет

трудно убедить его оставить свою провинцию.

– Пусть приезжает, – отвечал Луи XIII, – пусть смело приезжает, я даю мое королевское слово, что ему сделают не больше зла, чем вам.

Великий приор не понял двусмысленности этого ответа и уехал.

Прежде чем Ришельё решился начать борьбу с тремя сыновьями Анри IV, он захотел испытать, до какой степени простирается его власть над умом короля, и послал Луи XIII следующее письмо:

«Государь! Служа Вам, кардинал никогда не имел другой цели, кроме славы Вашего Величества и блага государства. Между тем, государь, он видит, к крайнему своему неудовольствию, себя причиной несогласия при дворе и близкое междоусобие, угрожающее Франции.

Жизнь ему будет не дорога, если придется пожертвовать ею для пользы Вашего Величества, но постоянная опасность быть умерщвленным на Ваших глазах – дело, которого человек с его характером должен избегать с большим, нежели всякий другой, старанием. Тысяча незнакомых людей ежедневно подходят к нему при дворе, и некоторые из них легко могут быть подкуплены его врагами.

Если Вы, Ваше Величество, прикажете, чтобы кардинал продолжал свою службу, он послушается без возражений, потому как не имеет других интересов, кроме государственных; он просит только об одном, не говоря уже о том, что Вашему Величеству было бы неприятно, если бы один из верных служителей умер так бесславно, в таком случае Ваша власть была бы унижена.

Вот почему кардинал всепокорнейше просит Вас, государь, дозволить ему удалиться, а недовольные, обезоруженные этим, не будут иметь более предлога к возмущениям».

Вместе с этим письмом Ришельё писал королеве-матери, прося убедить Луи XIII уволить его. И король, и его мать были встревожены. Луи XIII сам поспешил сделать визит кардиналу в его дворце, умолял министра не оставлять их в то время, когда его услуги всего нужнее, обещал полное покровительство против герцога Анжуйского и обязался давать ему знать обо всем и с точностью, о чем ему донесут на кардинала, не требуя никаких оправданий. Кроме того, король предложил Ришельё телохранителей.

Кардинал сделал вид, будто уступает просьбам короля, но отказался от телохранителей. Это было полным торжеством для министра – он увидел, что может сделать с Луи XIII, употребив

такое сильное средство.

Герцог Анжуйский, его открытый враг, сделал ему визит; принц Конде, которого он некогда велел арестовать и который просидел четыре года в Бастилии, послал уверить в своей преданности. Кардинал принимал все любезности с видом человека, который, чувствуя приближение смерти, забывает и прощает все.

В продолжение этого времени, его эминенция продолжал видеться с Шале и принимал его ласково. Шале думал, что он в большой милости у кардинала, который, по-видимому, сдержал данное слово – ни один из участников заговора не был обеспокоен. Поэтому Шале продолжал открывать кардиналу все предложения герцога Анжуйского.

Впрочем, в это время Гастон думал только о том, как бы ему найти удобное соседнее государство, куда он мог бы удалиться, чтобы избежать и надзора кардинала, и ненавистного брака с де Монпансье. Ришельё делал вид, будто соболезнует молодому принцу, и уговаривал Шале подстрекать герцога оставить Францию, уверенный, что это бегство окончательно погубит Гастона.

Между тем оставалось кончить важное дело в Блуа. Король отправился туда, оставив на время отсутствия графа Суассонского губернатором Парижа. В Орлеане королева-мать и герцог Анжуйский присоединились к его величеству. Кардинал, под предлогом болезни, выехал раньше, не желая утомлять себя большими переездами, и остановился не в Блуа, а в Борегаре, в прелестном маленьком домике, в одном лье от города.

Спустя несколько дней после приезда короля прибыли великий приор и герцог Вандомский; они в тот же вечер представились королю. Луи XIII принял их очень милостиво и предложил им поохотиться следующим утром, но братья извинились усталостью от долгого путешествия верхом. Король при прощании обнял их и пожелал спокойной ночи.

На другой день, в три часа утра, оба были арестованы в своих постелях и отвезены пленниками в замок Амбуаз, а герцогиня Вандомская получила приказание удалиться в принадлежащее ей поместье Анэ.

Король сдержал свое слово. Герцогу Вандомскому не сделано было больше вреда, чем великому приору, – их арестовали вместе и отвезли в одну и ту же темницу. Со стороны кардинала это было объявлением войны, объявлением неожиданным, но открытым и отчаянным.

Шале тотчас поспешил к Ришельё требовать исполнения данного ему обещания. Однако кардинал утверждал, что он не

изменил своему слову, и великий приор и герцог Вандомский арестованы не по причине участия в заговоре, но за дурные советы, даваемые ими герцогу Анжуйскому, одним устно, другим письменно.

Шале не был обманут этим ответом и потому, то ли вследствие раскаяния, то ли свойственного ему непостоянства, хотел через кого-нибудь передать кардиналу, чтобы тот на него более не рассчитывал и что он берет назад свое слово. Командор де Балансе, к которому он сначала обратился, не принял на себя поручение, предостерегая Шале, что тот готовит себе заточение, а может быть, и того хуже.

Но Шале не обратил внимания на предостережение и написал кардиналу, что оставляет его. Через несколько дней Ришельё узнал, что Шале снова присоединился к партии Гастона, а также что он возобновил связи с м-м де Шеврез, своей бывшей любовницей. После этого Шале заранее стал искупительной жертвой.

Между тем герцог Анжуйский был сильно встревожен арестом своих побочных братьев. Начиная бояться за самого себя, он серьезно стал искать убежище вне Франции или, по крайней мере, в каком-нибудь укрепленном городе государства, откуда он мог бы противиться кардиналу и вступать с ним в переговоры. В этом случае он хотел подражать принцам крови, которые являлись при дворе после каждого восстания богаче и могущественнее.

Шале предложил Гастону быть посредником в сделке или с недовольными вельможами, имеющими во Франции командорства, или с иностранными принцами. Действительно, он написал в одно и то же время маркизу де Лавалету, губернатору Меца, графу де Суассону, губернатору Парижа, и маркизу де Леску, любимцу эрцгерцога в Брюсселе.

Лавалет отказал, и не потому, что не питал неудовольствия к Ришельё, на которого сам имел много причин жаловаться, а потому что он вовсе не намеревался вмешаться в интригу, целью которой было расстроить брак сына Франции с м-ль де Монпансье, его близкой родственницей.

Граф Суассон послал к герцогу Анжуйскому Буайе и предложил ему 500 000 экю, 8000 пехоты и 500 всадников, если он тотчас оставит двор и приедет к нему в Париж. Что касается де Леска, то мы скоро увидим, каков был результат переговоров, начатых с ним.

Пока это все происходило, Лувиньи, младший из дома Граммонов, просил Шале быть у него секундантом на дуэли с графом де Кандалем, старшим сыном герцога д'Эпернона, с

которым он поссорился из-за герцогини де Роган, бывшей предметом любви обоих.

К несчастью, Лувиньи составил себе дурную репутацию в делах этого рода: у него за некоторое время до этого была дуэль, положившая неизгладимое пятно на его имя – подравшись с Гокенкуром, позднее маршалом Франции, он предложил снять мешавшие обоим шпоры, и, когда Гокенкур нагнулся, чтобы снять шпоры, Лувиньи пронзил его шпагой.

Гокенкур должен был шесть месяцев пролежать в постели и, по временам, был так плох, что духовник, считая его близким к смерти, просил простить Лувиньи, но Гокенкур, не терявший надежды на выздоровление, объявил, что в случае смерти он прощает врага, в противном – ни за что. Поэтому Шале упорно отказывался быть секундантом у Лувиньи.

Этот отказ, рассказывает Бассомпьер, до такой степени оскорбил этого злого человека, что он тотчас же отправился к кардиналу и рассказал все, даже чего не знал.

Лувиньи знал, что Шале писал от имени герцога Анжуйского де Лавалету, графу де Суассону и маркизу де Леску, но чего он не знал, а все-таки утверждал, будто бы Шале обязался убить короля и что герцог Анжуйский с верными друзьями обещал стоять у дверей его величества во время убийства, чтобы поддержать, в случае чего, Шале. Кардинал велел сделать письменное донесение и дал его подписать Лувиньи.

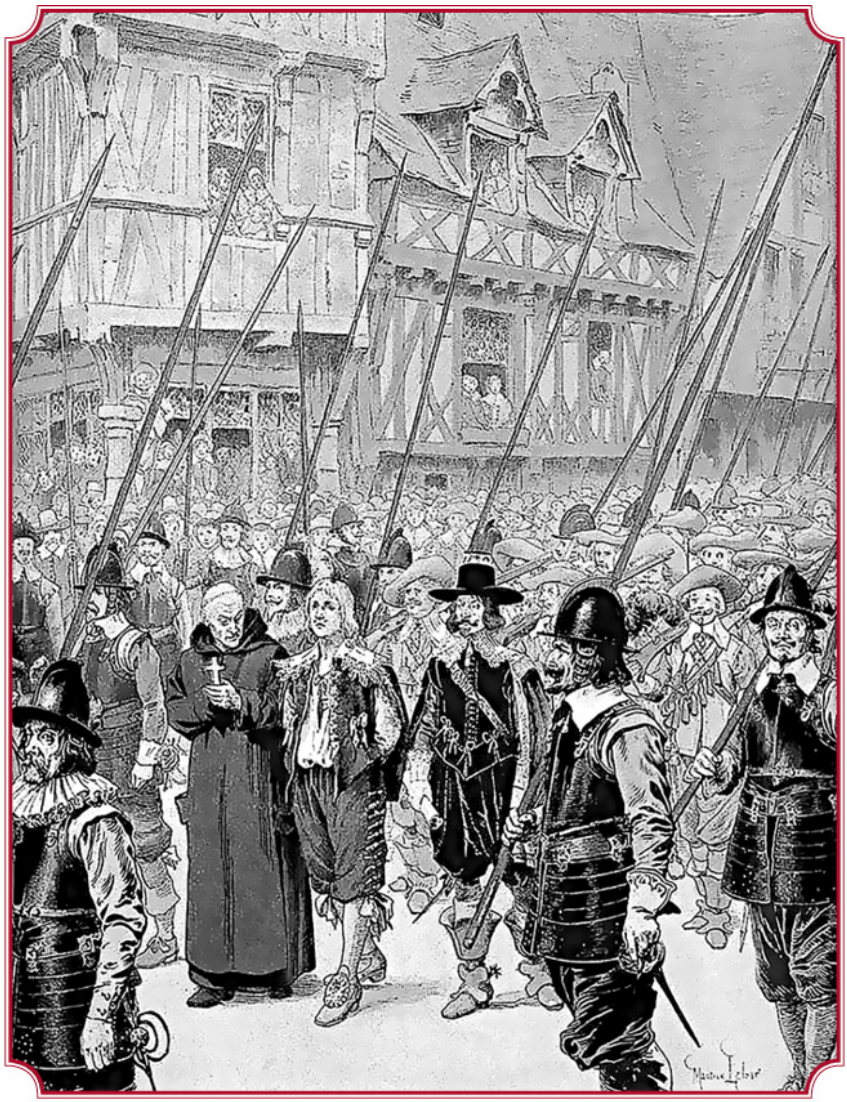
Против де Лавалета и графа де Суассона не было никаких доказательств; к тому же заговор с тем и другим был недостаточен для кардинала – в нем не была замешана королева.

Напротив, заговор, где бы участвовал эрцгерцог, вполне удовлетворял желаниям кардинала. Действуя расчетливо и осторожно, можно было вовлечь в него короля Испании, то есть брата Анны Австрийской. Итак, кардинал дождался заговора уже не против его одного, но и против короля – заговора, который показывал, что искали погибели министра не за что другое, как за его преданность королю и Франции.

В самом деле, кардинал до такой степени был всеми ненавидим и так хорошо знал эту всеобщую ненависть, что был уверен в своем падении непосредственно вслед за смертью Луи XIII. Вследствие этого он не мог властвовать иначе, как при помощи царственного призрака.

Поэтому все его старания имели целью сохранить существование этого призрака и сделать страшной королевскую власть. Вот причина, почему донос Лувиньи был принят с распростертыми объятиями. Рошфор получил приказание отправиться в Брюссель переодетым капуцином; мнимый монах

имел письмо от отца Жозефа, которое должно было служить рекомендацией в монастырях Фландрии.



Морис Лелуар. Графа Шале сопровождают к месту казни. *1890-е гг.*

Рошфор получил строгие наставления: он должен был держать себя так, чтобы все принимали его за настоящего монаха и чтобы никому не было известно, кто он такой. Он должен был путешествовать пешком, без денег, прося милостыню, и, вступив в братство капуцинов в Брюсселе, подчиниться всей строгости устава и всем суровостям ордена.

Рошфор должен был следить за движениями маркиза де Леска, который часто посещал монастырь капуцинов в Брюсселе. Рошфор, прибыв туда, выдавал себя за врага кардинала, рассказывал о нем столько дурного, столько неизвестных фактов, – одним словом, так хорошо сыграл свою роль, что все поддались обману и сам маркиз де Леск предупредил желания его эминенции, прося мнимого монаха возвратиться во Францию и взять на себя труд передавать письма чрезвычайно важные.

Рошфор притворился испуганным, маркиз настаивал; Рошфор говорил также, что невозможно оставить монастырь без разрешения высшего настоятеля, главы братства, и тогда маркиз попросил эрцгерцога переговорить с настоятелем, который, в уважение к столь высокой особе, согласился на все.

Рошфору разрешено было отправиться на воды в Форж, а маркиз де Леск вручил ему письма, предупредив, чтобы он не вез сам их в Париж, что было бы большой неосторожностью, но попросил бы того, кому они предназначены, самому за ними приехать.

Рошфор уехал и как только достиг Артуа, написал кардиналу обо всем. Кардинал поспешил отправить навстречу гонца, которому Рошфор вручил пакет от маркиза де Леска.

Ришельё распечатал его, прочел, велел снять копии и возвратил Рошфору, который продолжил свой путь и получил письма обратно недалеко от Форжа – таким образом, потери времени не было. Как только Рошфор получил пакет, он дал знать тому, кому он был адресован, чтобы тот приехал за ним. Это был адвокат Пьер.

Пьер выехал из Парижа, не подозревая, что, со времени получения им письма от мнимого монаха, он находится под бдительным присмотром кардинальской полиции, которая ни на мгновение не выпускает его из виду. Таким образом, он достиг Форжа, получил пакет из рук Рошфора, возвратился в Париж и прямо направился к Шале.

Граф, прочтя адресованные ему письма, дал требуемый от него ответ. Этот таинственный ответ составляет секрет для историков. Какого он был содержания никто не знал, кроме кардинала и, вероятно, короля, которому кардинал наверное сообщил его. Сам Рошфор об этом ничего не знал, так как письмо не бывало в его руках.

Этот документ послужил кардиналу основанием целой системы обвинений, так как, по его словам, он содержал двойное намерение – убийство короля и брак королевы с герцогом Анжуйским. Заговором этим вполне объяснялось сопротивление, оказываемое молодым принцем брачному союзу с м-ль де

Монпансье.

Шале был обвинен в том, что в соумышлении с королевой и герцогом Анжуйским он хотел лишить жизни короля. Одни говорили, что это намерение предполагалось исполнить посредством отравленной рубашки, другие утверждали, что оно должно было быть исполнено ударом кинжала.

Распускавшие последний слух не останавливались на этом, они рассказывали, что однажды Шале отдернул уже занавеску постели короля, чтобы совершить убийство, но отступил перед величием погруженного в сон короля, и нож выпал из его руки.

Одно замечание Лапорта, вполне соответствующее уложениям французского церемониала, снимает всякое вероятие этого происшествия – смотритель гардероба не остается в комнате короля, когда тот спит, а камердинер не выходит из комнаты все время, пока король остается в постели; следовательно, надо думать, что камердинер был соучастником Шале или Шале вошел к королю во время сна камердинера.

Как только король узнал от кардинала о заговоре, он хотел отдать приказ арестовать Шале и предать суду королеву и герцога Анжуйского, но Ришельё успокоил короля, прося подождать, пока «заговор созреет». Луи XIII согласился отложить мщение, но, для уверенности в том, что Шале будет у него в руках и что виновный не избежит предназначенной ему судьбы, назначил путешествие в Бретань, и двор за ним последовал. Шале, ничего не подозревая, отправился со всеми в Нант.

«Созревание» заговора должно было ускориться ответом на письмо Шале испанскому королю, в котором он убеждал его католическое величество заключить союз с недовольным французским дворянством. Надо заметить, что подобный же договор четырнадцать лет спустя стал причиной казни Сен-Мара и де Ту.

Ответ короля пришел во время пребывания Шале в Нанте. Без сомнения, кардинал нашел средство прочесть это письмо, как и письмо маркиза де Леска, прежде чем оно достигло своего назначения.

В тот самый день, как Шале получил ответ короля, он имел свидание с королевой и с братом короля и, говорят, оставался далеко за полночь у м-м де Шеврез.

Наутро он был арестован – заговор уже «созрел». Тайна хранилась не только со скрытностью, но и притворством, которые характеризуют политику кардинала и короля, так что новость об аресте Шале разразилась при дворе как удар грома. Королева, никогда серьезно не обвиняемая в желании убить короля даже самыми озлобленными ее врагами, исключая кардинала, знала о

письме, полученном накануне Шале, равно как и герцог Анжуйский и м-м де Шеврез.

Они подвергались ответственности, если не за заговор против жизни короля – они еще не знали, что обвинение кардинала будет простираться до такой степени, – то за злоумышление против государства, ибо письмо это имело целью призвать испанцев во Францию.

Впрочем, Шале, говоря правду, своей опрометчивостью сам дал средство кардиналу ко всем всевозможным обвинениям на его счет. Шале, от природы насмешливый, нажил себе при дворе много врагов, и даже сам король не был пощажен его насмешками.

Одевая его величество, он часто передразнивал его гримасы и обычные жесты, так что застенчивый и мстительный Луи XIII не раз замечал это в зеркале, перед которым стоял. Шале, надо сказать, не останавливался на этом, он открыто насмехался над холодностью и физической слабостью короля. Все эти насмешки, ставившие короля в неприязненные отношения к смотрителю гардероба, превратились в преступления, как скоро Шале был обвинен в измене.

На другой день после ареста Шале все узнали, что, вопреки законам государства, король назначил из состава парламента Бретани комиссаров для розыска по делу преступника. В этом суде должен был председательствовать Марильяк.

Многие думали, что хранитель государственных печатей отклонит сомнительную честь, которую ему оказали, ставя во главе временной комиссии. Но Марильяк душой и телом был предан кардиналу и не предчувствовал, что шесть лет спустя брат его будет осужден судилищем, подобным тому, в котором он теперь председательствует.

Между тем следствие началось с той энергией и скрытностью, которые кардинал умел употреблять в подобных делах. Двор, прибывший в Нант для увеселений, впал в глубокое уныние. Над городом царило что-то подобное онемению перед летней грозой, когда небо всем своим грузом словно давит на землю.

Королева чувствовала себя совершенно в руках врагов, Гастон искал возможности бежать, но, увидя измену самых близких к себе людей, уже боялся кому-либо довериться и предавался тщетной ярости и богохульству. Только м-м де Шеврез сохраняла присутствие духа и деятельность, прося всех за заключенного, но не находила ни одного, кто бы пожелал вместе с нею защищать бедного Шале.

Здесь Ришельё в первый раз явился свету в кровавом ореоле, который унаследовал от Луи XI. Арест герцога Вандомского и

великого приора поверг в уныние самых гордых храбрецов. М-м де Шеврез поняла, что ей нечего надеяться ни на королеву, ни на герцога Анжуйского, боявшихся за самих себя. Она написала г-же де Шале, прося ее поспешить в Нант и надеясь найти по крайней мере в сердце матери, то самоотвержение и геройство, которые она тщетно искала в сердцах своих друзей.

Следствие шло своим ходом. Шале, хотя и признавал письмо короля испанского, но отвергал свое как измененное. По его словам, его депеши маркизу де Леску никогда не содержали ни гнусного заговора с убийством короля, ни безумного предположения женить герцога Анжуйского на королеве, которая восемью годами старше его.

Он прибавлял, что это письмо, которое предъявил кардинал, оставалось почти шесть недель в его руках, ибо де Леск никогда не получил его и что гораздо меньше времени было бы достаточно человеку, имеющему столь искусных секретарей, чтобы превратить самое невинное письмо в нечто, заслуживающее смерти.

Это упорное отрицание привело Ришельё в сильное затруднение. Если бы дело шло только об осуждении Шале, его эминенция был достаточно уверен в преданности созданного им суда, чтобы не обращать на это никакого внимания, но дело было в том, чтобы навсегда погубить в глазах короля королеву и герцога Анжуйского. Луи XIII, как ни был доверчив, требовал доказательств, чтобы поверить обвинению.

В самом деле, король начинал сомневаться, и, кроме того, три лица, были ли они подговорены королевой, герцогом Анжуйским или м-м де Шеврез, продолжали восставать против брака герцога Анжуйского с м-ль Монпансье. Эти три лица: Баррадас, любимец короля, тем более имеющий влияние, что он наследовал в милостях Луи XIII и место Шале и во всех других отношениях был против своего предшественника; Тронсон, секретарь кабинета, и Советер, старший камердинер его величества.

Они представляли королю, что это очень плохая политика – соединить уже почти непокорного брата с непокорной фамилией Гизов, всегда так стремившейся к обладанию троном, что Гастон, присоединяя к своим уделам огромные богатства м-ль де Монпансье, сделается богаче, а следовательно, и могущественнее короля.

Эти суждения очень тревожили Луи XIII, и бессонные ночи имели вредное влияние на его здоровье. Пока кардинал был с ним, неопровержимые доводы могущественного политика уничтожали всякие рассуждения, но вслед за кардиналом

входили любимец Баррадас, секретарь Тронсон и камердинер Советер.

И когда, в свою очередь, эти трое покидали короля, они оставляли его, переполненного ненавистью, инстинктивно питаемой им к кардиналу, всеми наущениями одиночества, всеми призраками темноты.

Однажды утром Сюффрен, иезуит, духовник Марии Медичи, вошел без доклада, соответственно преимуществу занимаемой должности, в кабинет короля. Луи XIII, полагая, что это кто-нибудь из приближенных, не оглянулся – голова его опиралась на обе руки, он плакал.

Сюффрен понял, что минута выбрана дурно, и хотел потихоньку удалиться, избавив себя от объяснений, но в ту минуту, как он отворил дверь, намереваясь выйти, король поднял голову и увидел его. Тем не менее духовник сделал движение, чтобы удалиться. Луи XIII остановил его знаком.

– О, отец мой! – вскричал он, бросаясь весь в слезах в объятия Сюффрена. – Я несчастлив! Королева, моя мать, не забыла дело маршала д'Анкра и ее любимицы Галигай. Она всегда любила и любит моего брата больше меня! От этого она так и спешит женить его на моей двоюродной сестре де Монпансье.

– Государь, – отвечал иезуит, – я могу уверить ваше величество, что вы ошибаетесь в отношении к августейшей вашей родительнице. Вы – первенец ее сердца, как и ее чрева.

Не такого ответа ожидал Луи XIII и опустился в кресло, повторяя:

– Я очень несчастлив!

Иезуит вышел и тотчас поспешил к королеве-матери и кардиналу, которым сообщил о случившемся. Ришельё понял, что нужен решительный удар, которым можно было бы овладеть вновь колеблющимся умом короля, всегда готовым ускользнуть от него по всегдашней своей слабости. В тот же вечер, одевшись в светское платье, кардинал спустился в темницу к Шале.

Шале, содержавшийся с большой строгостью, был сначала удивлен видом входившего к нему незнакомца, но быстро узнал Ришельё. Тюремный сторож запер дверь за кардиналом, оставив его наедине с узником.

Полчаса спустя кардинал вышел из темницы и, хотя было уже поздно, сразу направился в покои короля. Луи XIII, считавший себя избавленным от кардинала по крайней мере до следующего утра, сначала не хотел его принять, но Ришельё настаивал, говоря, что пришел по важным государственным делам.

При этих словах, отворявших все двери, дверь королевской спальни отворилась перед кардиналом. Его эминенция безмолвно

подошел к Луи XIII и с почтительным видом подал ему вчетверо сложенную бумагу. Король принял и медленно развернул ее. Он знал обычаи кардинала и уже при входе его догадался, что бумага содержит важную новость.

И точно, это было полное признание Шале: он признавался, что письмо было им написано маркизу де Леску, он обвинял королеву, он обвинял брата короля.

Луи XIII побледнел при чтении признания Шале, и, подобно ребенку, который восстав против своего наставника и видя, что возмущение ведет к гибели, бросается в объятия того, от которого хотел за минуту до этого бежать, – король называет кардинала своим единственным другом, своим единственным спасителем и открывает ему свои сомнения, мучившие его, но, впрочем, давно известные кардиналу.

Ришельё просил короля назвать тех, кто внушили ему столь пагубные мысли, напоминая о данном его величеством слове, когда, после дела Флери, он хотел удалиться, и король обещал ему, если он останется, не иметь от него никаких тайн.

Луи XIII назвал Тронсона и Советера, но, полагая довольным исполнить обещание на две трети, не назвал Баррадаса. Кардинал более не настаивал, хотя и подозревал его отчасти виновным в сопротивлении короля.

Но Баррадас был человеком без всякой будущности, грубым и вспыльчивым, который рано или поздно должен был из-за своей фамильярности потерять расположение короля. В самом деле, за некоторое время перед этим, король, шутя, брызнул несколько капель флердоранжевой воды в лицо Баррадаса, и тот пришел в такой гнев, что, вырвав флакон из рук короля, разбил его об пол.

Площадь Вогезов в Париже. *Гравюра XVII в.*

Такой человек, без сомнения, не мог внушить кардиналу особые опасения. Его эминенция отлично знал переменчивость короля и не ошибался в отношении к Баррадасу, и, в самом деле, он недолго владел умом Луи XIII – влюбленный в прекрасную Крессиос, фрейлину королевы, и, во что бы то ни стало добиваясь ее руки, он возбудил ревность государя, который, сослав его в Авиньон, назначил ему преемником Сен-Симона.

Причиной этого назначения, говорил король спрашивающим у него о побуждениях к такой перемене, есть то, что «я вполне доволен Сен-Симоном за его верные отчеты по охоте, за его заботливость о моих лошадях и за то, что никогда не слюнявит мой рог». Понятно, что милость короля, основанная на подобных доводах, не могла долго продлиться.

Кардинал, как мы сказали, довольный своими доносами, удалился, заставив короля дать клятву – хранить в тайне содержание бумаги.

Король и кардинал провели, вероятно, совершенно разным образом наступившую ночь.

На следующий день распространился слух, что Шале сделал ужасные признания. Всем была известна слабость Гастона. Первой его мыслью было бежать, но куда? Лавалет отказался принять его в Меце, а довериться графу Суассону он боялся –

оставалась Ла-Рошель.

Утром принц явился к королю попросить у него позволения пуститься в морское путешествие. Король побледнел, увидя входящего брата, которого он не видел со времени доноса кардинала, и тем не менее поцеловал его очень нежно, а что касалось позволения, он послал Гастона просить об этом у его эминенции, говоря, что, со своей стороны, он не находит никакого препятствия к предполагаемому путешествию.

Гастон был обманут радушным приемом у короля, думая, что слух о признании Шале был ложным, и тотчас отправился в Борегард, на дачу Ришельё. Кардинал, сидевший у окна, из которого была видна дорога, должен был заметить его приближение с тем же удовольствием, которое чувствовал его любимый кот при виде крадущейся мыши.

У великих министров всегда бывает предпочитаемое животное, которому они расточают любовь и уважение, взамен ненависти и презрения, питаемых к человечеству. Ришельё обожал кошек, а Мазарини по целым дням играл с обезьяной и зябликом.

Кардинал вышел навстречу, проводил принца до кабинета со всеми знаками уважения, которые он привык оказывать тем из своих врагов, которые стояли выше его. Так, несмотря на просьбу садиться, на всевозможные настаивания Гастона, он стоял перед ним, и странно было видеть, как сидящий принц спрашивал разрешения у стоящего перед ним министра.

Гастон сообщил о своем желании предпринять морское путешествие.

– Каким образом, – спросил его кардинал, – ваше высочество желает путешествовать?

– Очень просто, частным образом, – отвечал Гастон.

– Не лучше ли было бы, – опять начал Ришельё, – подождать, пока вы будете мужем м-ль де Монпансье, и тогда путешествовать как принц?

– Если я вздумаю ждать до тех пор, пока я стану мужем м-ль де Монпансье, то я еще долго не увижу моря, ибо не рассчитываю жениться на ней.

– А почему же? – поинтересовался кардинал.

– Потому, – отвечал молодой человек, – что я одержим болезнью, не допускающей брака.

– Ба! – воскликнул кардинал. – У меня есть рецепт, которым я ручаюсь вылечить ваше высочество.

– В самом деле? А за какое время? – спросил Гастон.

– В десять минут, – жестко ответил Ришельё.

Гастон посмотрел на кардинала. Министр улыбался.

Молодому принцу эта улыбка показалась ядовитой, и он вздрогнул.

– И этот рецепт при вас? – несколько потерянно протянул он.

– Вот он, – сказал кардинал, вынув из кармана признание Шале.

Герцог Анжуйский знал руку заключенного. Обвинение, написанное его рукой, было ужасно, и лицо Гастона покрылось смертельной бледностью. Чувствуя себя невиновным, он тем не менее понял, что погиб.

– Я готов повиноваться, – сказал он кардиналу, – однако, хоть я и согласен жениться на м-ль де Монпансье, мне хотелось бы знать, что меня ожидает.

– Быть может, – отвечал кардинал, – ваше высочество в настоящее время должны бы удовольствоваться сохранением свободы и жизни.

– Как, – вскричал герцог Анжуйский, – меня ввергнут в темницу и будут судить! Меня, герцога Анжуйского!

– Во всяком случае, это было мнением вашего августейшего брата, – сказал кардинал, – но я отговорил его от такого решения, быть может, и справедливого, но слишком строгого. Я выпросил для вас еще более, если ваше высочество не будет долее откладывать брак, всеми нами желаемый.

Я выпросил вам герцогство Орлеан, герцогство Шартр, графство Блуа и, может быть, даже поместье Монтаржи, то есть почти миллион годового дохода, что вместе с княжествами Домб и ла Рош-сюр-Ион, с герцогствами Монпансье, Шателеро и Сен-Фаржо, которые вам принесет в приданое ваша супруга, составит нечто вроде полутораста миллионов.

– А что сделают с Шале? – спросил герцог. – Смотрите, кардинал, я не хочу, чтобы мой брак был запятнан кровью моего друга!

– Шале будет осужден, – сказал кардинал, – ибо он виновен, но…

– Но что? – спросил герцог Анжуйский.

– Но король имеет право помилования и не допустит, чтобы погиб дворянин, к которому он был расположен.

– Если вы мне ручаетесь за его жизнь, г-н кардинал, – сказал Гастон, который начал чувствовать немного менее отвращения к м-ль де Монпансье, с тех пор как узнал, с какими выгодами сопряжен этот союз, – я согласен на все.

– Я буду стараться всеми силами, – отвечал кардинал, – и сам не желал бы дать погибнуть человеку, оказавшему мне столь значительные услуги, как г-н Шале. Будьте спокойны, monsieur, и не мешайте правосудию исполнить свой долг, а милосердие

исполнит свой.

Усыпленный обещаниями, герцог Анжуйский уехал. Впоследствии в своем письме королю он утверждал, что кардинал определенно обещал сохранить жизнь Шале, а Ришельё, со своей стороны, это всегда отрицал.

Вечером того же дня король потребовал к себе Гастона. Принц, дрожа всем телом, явился к брату и нашел там королеву-мать, кардинала и хранителя печатей. При виде этих четырех строгих лиц он подумал, что его сейчас арестуют, но речь шла только о подписании некоего документа.

Это было признание в том, что граф де Суассон предлагал ему свои услуги, что королева, его невестка, писала ему несколько записок, отклоняя его брак с м-ль де Монпансье, и что аббат Скалья, савойский посланник, принимал участие во всей этой интриге. О Шале не было упомянуто ни слова.

Гастон радовался, что отделался так дешево. Он подтвердил данное кардиналу обещание жениться на м-ль де Монпансье и подписал признание, в силу чего ему позволено было оставить Нант. Но несколько дней спустя его снова призвали для празднования бракосочетания. М-ль де Монпансье приехала с матерью, герцогиней де Гиз, которая, несмотря на все свое богатство, не дала своей дочери в приданое ничего, кроме одного бриллианта, оценивавшегося, правда, в 80 000 экю.

Молодой принц поручил защищать условия своего контракта президенту ле Куанье и велел, чтобы дарование жизни Шале было в нем упомянуто как одно из самых важных. Но король, читая контракт, взял перо и собственноручно вычеркнул это условие, после чего ле Куанье не осмелился более настаивать.

Впрочем, кардинал, почти дав слово Гастону спасти жизнь Шале, отвел ле Куанье в сторону и сказал о желании короля предать Шале суду, но что он выпросил восемь дней на приведение приговора в исполнение. Во время этих восьми дней он обещал сделать все возможное и, кроме того, сам Гастон может действовать в это время.

Контракт был подписан без всяких дополнительных условий и основан на пустых обещаниях, поэтому и брачная церемония была грустна и холодна, не было никаких приготовлений, знаменующих брак принца крови. Новый герцог Орлеанский, как говорит один из современных историков, от которых не ускользает никакая мелочная подробность, не велел даже сшить себе новое платье для столь важного обряда, в котором он играл первую роль.

На следующий день после свадьбы принц уехал в Шатобриан, не желая оставаться в городе, где производился уголовный

процесс над его поверенным, прекращенный на время свадьбы, но долженствующий возобновиться с еще большим ожесточением.

В самом деле, судилище, которое на время было распущено, получило приказание собраться снова.

Тем временем приехала мать Шале. Она была одной из тех женщин высокого происхождения и возвышенных чувств, с которыми мы иногда встречаемся в истории.

С первой минуты прибытия в Нант она делала все, что только могла, чтобы получить доступ к королю, но, в силу данных распоряжений короля, нельзя было видеть. Она вынуждена была ждать.

Наконец, 18 августа, утром, приговор был объявлен:

«Уголовный суд, собранный в Нанте по повелению короля для проведения процесса графа де Шале и его сообщников, слушал допросы и признания вышеупомянутого Шале, касающиеся тайного заговора против короля и государства, после чего генеральный прокурор, комиссары, депутаты судилища объявляют вышеупомянутого Шале виновным в оскорблении личности короля, возмутителем спокойствия и т. д., поэтому присуждают вышеупомянутого Шале испытать обыкновенные и чрезвычайные пытки, претерпеть снесение головы, а телу его быть разрубленным на четыре части, имение же его конфисковать в пользу короля».

По обнародовании приговора мать несчастного еще энергичнее стала добиваться аудиенции Луи XIII, но он оставался недоступен. Однако она так умоляла, что ей обещали передать королю ее письмо. Вот это письмо, памятник гордости и горя:

«Государь!

Признаюсь, что тот, кто тебя оскорбляет, достоин здешних временных страданий и мук будущей вечной жизни, потому что ты – образ Бога. Но когда Бог обещает прощение всем просящим Его с истинным раскаянием, то Он тем самым учит царей поступать таким же образом.

А если слезы могут переменить постановления Небес, то неужели мои не в силах будут возбудить и твоего сожаления, государь? Могущество царей гораздо менее высказывается в правосудии, нежели в милосердии, наказывать менее похвально, нежели миловать. Сколько людей живет на этом свете, которые постыдно лежали бы под землей, если бы Ваше Величество не помиловали их!

Государь, ты – король, отец и властелин несчастного преступника, может ли он быть более зол, нежели ты милосерден? Разве не надеяться на твое милосердие не значит оскорблять тебя? Лучший пример для добрых есть милосердие,

злые же становятся не лучше, но хитрее и осторожнее вследствие наказания себе подобных.

Ваше Величество! На коленях умоляю Вас даровать жизнь моему сыну и не допустить, чтобы тот, кого я вскормила для Вашей пользы, умер для пользы кого-либо другого, чтобы дитя, которое я так старательно воспитывала, сделалось причиной печали остатка дней моих и, наконец, чтобы тот, кого я произвела на свет, преждевременно свел меня в могилу.

Увы! Зачем он не умер при рождении или от удара, полученного им в Сен-Жане или в какой-либо опасности, которой он подвергался ради Вашего Величества в Мотобане, Монпелье и в других местах; наконец, даже от руки того, кто причинил нам столько огорчений? Сжальтесь над ним, государь, его прошлая неблагодарность выкажет Ваше милосердие в еще более ярком свете.

Я Вам дала его восьми лет от роду; он был внуком маршала де Монлюка и президента Жанена. Родные его ежедневно Вам служат, не смея броситься к ногам Вашим, опасаясь разгневать Ваше Величество, однако и они со слезами на глазах, вместе со мной, просят Вас о жизни этого несчастного, будет ли он принужден окончить ее в вечном заточении или в иностранных армиях, неся службу Вашему Величеству.

И тем, государь, Вы можете избавить его родных от стыда и потери, удовлетворить правосудие, выказать свое милосердие, принуждая нас все более и более благословлять Вашу благость и вечно молить Бога о здоровье и процветании Вашей царственной особы, в особенности меня, которая является Вашей покорнейшей и послушнейшей слугой и подданной.

Де Монлюк».

Понятно, с каким нетерпением бедная мать ожидала обещанного ответа. Она получила его в тот же день, согласно обещанию короля. Он весь был написан его рукой. Тем, кто пожелает видеть логику в противоположность красноречию, ненависть в ответ горести, стоит только прочесть это письмо. Вот оно:

«*Г-же де Шале, матери.*

Если бы Бог не поставил Своими законами вечного пребывания в муках для невиновных, а миловал бы всех просящих прощения, тогда добрые и добродетельные не имели бы никакого преимущества перед злыми, у которых всегда нашлись бы слезы, чтобы изменить постановления небес.

Сознаюсь, что я бы охотно простил Вашего сына, если бы Бог, оказавший мне Небесную милость тем, что, избрав меня здесь, на

земле, Своим образом, присовокупил к этому еще и милость, оставленную Им единственно для Самого Себя, а именно – способность вникать в души людей.

Ибо тогда, по верным познаниям, почерпнутым мной из этой Небесной милости, я бы пощадил или поразил Вашего сына громом моего правосудия, как только бы узнал его истинное или мнимое раскаяние, вследствие которого, однако, Вы и теперь, хотя я не могу безошибочно судить, могли бы получить помилование от моего милосердия, если бы я один был обижен в этом деле.

Ибо знайте, что я не строгий и не жестокий король и что объятия моего милосердия всегда открыты для всех, кто с истинным сокрушением о совершенном проступке приходит ко мне смиренно просить прощения в нем. Но когда я бросаю взгляд на столько миллионов людей, полагающихся на мою бдительность, которым я – верный пастырь и которых Бог отдал на мое попечение как доброму отцу семейства, обязанному так же о них заботиться и так же руководить ими, как собственными детьми, чтобы впоследствии, по окончании этой жизни, отдать о них отчет, этим я Вам достаточно доказываю, что мое могущество гораздо менее выказывается в правосудии, нежели в милосердии и заботе, питаемой мной о моих верноподданных слугах, которые все надеются на мою доброту и которых я хочу спасти от предстоящей гибели справедливым наказанием одного, так как нет вернее того, что иногда строгое наказание одного есть милость для многих.

Если я Вам признаюсь, что многие живы из тех, которые давно уже должны лежать под землей и которых я простил, то и Вы должны признаться, что обида их, никак не могущая сравниться с гнусным преступлением Вашего сына, сделала их достойными моего помилования.

Вы сами можете убедиться в истине моих слов примером некоторых других, совершивших такое же преступление и уличенных в нем, которые, справедливо наказанные, гниют теперь в земле, между тем как если бы они пережили свое нечестивое и преступное предприятие, то корона, венчающая мою главу, была бы теперь причиной бедствий для тех самых, которые привыкли видеть священные лилии цветущими даже среди смут и беспорядков.

И эта могущественная держава, так хорошо и так счастливо управляемая и сохраняемая королями, моими предшественниками, была бы растерзана и расторгнута на части незаконными похитителями. Не считайте же меня жестокосерднее искусного хирурга, отнимающего иногда какой-нибудь

зараженный и гниющий член, чтобы спасти другие части тела, которые без этого маловажного отнятия стали бы добычей червей.

И будьте уверены, что если есть злые, делающиеся хитрее, то много и таких, которых исправляет страх наказания. Итак, встаньте, не просите меня более на коленях за жизнь человека, который хочет отнять ее у того, кого Вы сами называете его отцом и владыкой Франции, его матери и кормилицы.

Это рассуждение заставляет меня, моя кузина, сомневаться в том, что Вы кормили и воспитывали его для моей службы, потому что плоды воспитания, данного Вами, выказываются в таком варварском и злом намерении – совершить отцеубийство. Я скорее согласен допустить, чтобы он стал причиной печали остатка Ваших дней, чем несправедливо вознаградить его измену и вероломство гибелью моей собственной особы и всего моего народа, оказывающего мне полное, безусловное повиновение.

Я вполне сочувствую Вашему сожалению о том, что он не умер в Сен-Жане, Монтобане или другом месте, которые он старался защищать не для своего законного государя, но для врагов моего имущества, не ради спокойствия моего народа, но ради возмущения его.

Впрочем, если это правда, что нет худа без добра, я должен благодарить Бога за то, что могу обеспечить мое государство таким примером, и пусть он будет зеркалом для живущих теперь и для потомства, и пусть он научит их, как должно любить короля и верно служить ему, и да будет он страхом для многих других, которые, может быть, с большей отважностью приступили бы к подобному преступлению, если бы этот проступок остался безнаказанным.

Вот почему Вы и впредь тщетно будете умолять меня о сострадании, которого у меня более, чем я могу выразить, потому что я желал бы, чтобы эта обида касалась меня одного, иначе бы Вы давно получили прощение, о котором меня умоляете, но Вы сами знаете, что цари, будучи личностями народными, от которых зависит спокойствие государства, не должны ничего дозволять, что бы могло быть упреком их памяти и что они должны быть истинными покровителями правосудия.

Итак, мой сан не позволяет мне сносить что-либо, в чем могли бы упрекнуть меня мои верные подданные, и притом я страшился бы, чтобы Бог, царствующий над царями, как цари царствуют над народами, покровительствующий всегда добрым и святым делам и строго наказывающий несправедливость, не потребовал от меня под страхом наказания в вечной жизни отчета за несправедливое дарование временной жизни тому, кто не может ожидать от моего милосердия других обещаний, как тех,

которые я вам обоим дал в уважение слез, проливаемых Вами предо мной.

Я переменю приговор суда, смягчая строгость наказания, и буду молиться Всевышнему, чтобы Он был милостив и сострадателен к душе Вашего сына настолько, насколько он был жесток и безжалостен к своему государю, а Вам чтобы ниспослал терпение в Вашей скорби, как того желает Ваш добрый король

Луи».

Это письмо отняло последнюю надежду у м-м де Шале. Оно только смягчало казнь осужденного и уменьшало позор наказания. Оставался кардинал, но м-м де Шале знала, что просить его было бы совершенно бесполезно. Тогда женщина решилась на последнее – она обратилась к палачам.

Мы говорим: к палачам, поскольку в то время в Нанте их было двое: один из них, носивший звание государственного палача, приехал вместе с двором, другой был палачом города Нанта. Она, собрав все, что имела в золоте и дорогих вещах, дождалась ночи и, завернувшись в длинное покрывало, отправилась к тому и другому.

Казнь была назначена на следующее утро. Шале отрекся от признаний кардиналу, он громко говорил, что эти признания были продиктованы его эминенцией под условием дарования жизни, наконец, он потребовал очной ставки с Лувиньи, единственным свидетелем обвинения.

В этом не могли отказать. В 7 часов вечера Лувиньи был приведен в темницу и предстал лицом к лицу с Шале. Лувиньи был бледен и дрожал, Шале был тверд как человек, у которого совесть спокойна.

Он заклинал Лувиньи именем Бога, перед Которым он должен предстать, объявить, доверял ли он ему когда-либо тайну, касающуюся убийства короля и свадьбы королевы с герцогом Анжуйским. Лувиньи смутился и, отказавшись от предыдущих показаний, признался, что ничего такого не слыхал из уст Шале.

– Но каким же образом вы могли узнать о заговоре? – спросил хранитель печатей.

– Будучи на охоте, – отвечал Лувиньи, – я слышал, как несколько неизвестных мне людей, одетых в серое платье, говорили за кустом с каким-то придворным о том, о чем я донес г-ну кардиналу.

Шале презрительно улыбнулся и, обратясь к хранителю печатей, сказал:

– Теперь, милостивый государь, я готов умереть. – Потом он проговорил, понизив голос: – А! Кардинал – клятвопреступник,

это ты причина моей смерти!

Час казни приближался, но одно странное обстоятельство заставляло предполагать, что казнь будет отложена. Государственный и городской палач – оба исчезли, и их с самого рассвета тщетно искали.

Сначала подумали, что это хитрость, употребленная кардиналом, чтобы дать Шале отсрочку, во время которой была бы выпрошена для него отмена казни. Но скоро разнесся слух, что нашелся новый палач и что казнь будет только часом или двумя позже.

Этот новый палач был солдатом, приговоренным к виселице, которому обещано было прощение, если он согласится казнить Шале. Само собой разумеется, как ни ново было ему это ремесло, он не отказался.

В 10 часов все уже было готово к казни. Актуарий пришел предупредить Шале, что ему остается только несколько минут жизни.

Как тяжело молодому, богатому, красивому потомку одной из лучших фамилий Франции умирать из-за жалкой интриги, умирать жертвой подлой измены! Объявление Шале о приближающейся казни привело его в минутное отчаяние.

В самом деле, несчастный молодой человек казался покинутым всеми. Королева, поставленная в странное положение, не могла сделать ни одной попытки в его пользу. Брат короля удалился в Шатобриан, и о нем ничего не знали. М-м де Шеврез, после всевозможных попыток, внушенных ее быстрым, беспокойным умом, удалилась к принцу де Гимене, чтобы не присутствовать при гнусном зрелище смерти ее любовника.

Казнь герцога де Монморанси. *Гравюра. XVII в.*

Казалось, все оставили Шале, как вдруг он увидел свою мать, о присутствии которой в Нанте и не подозревал и которая, употребив все возможные усилия, чтобы спасти сына, пришла помочь ему умереть. М-м де Шале была одной из тех женщин, полных в одно и то же время и самопожертвования, и безропотной покорности судьбе.

Она сделала все, что только доступно человеческой силе, чтобы оспорить сына у смерти, теперь ей оставалось сопровождать его на эшафот, чтобы поддержать до последней минуты. И с этой целью, выпросив дозволения, она пришла к нему.

Шале бросился в ее объятия и пролил обильные слезы. Но, видя в матери столько твердости и мужества, он сам успокоился, поднял голову, отер слезы и сказал: «Я готов».

Вышли из темницы. У дверей его ждал солдат, которому для исполнения его обязанности был дан первый попавшийся меч, взятый у швейцарского солдата.

К месту казни, где возвышался эшафот, Шале шел между священником и матерью. Все сожалели об этом красивом, богато одетом молодом человеке, который был должен пасть под ударом палача, но были пролиты слезы и за эту благородную вдову, облаченную в траур по мужу и сопровождающую своего единственного сына на смерть.

Дойдя до подножия эшафота, она взошла по ступеням его вместе с осужденным. Шале опирался на ее плечо, духовник следовал за ними.

Солдат был бледнее и дрожал более приговоренного. Шале в последний раз поцеловал свою мать, стал на колени перед плахой и произнес короткую молитву: мать, опустившись подле на колени, присоединила к ней и свою. Несколько минут спустя Шале обратился к солдату:

– Бей, – сказал он, – я готов.

Весь дрожа, солдат занес меч и ударил. Шале испустил стон, но приподнял голову – он был ранен в плечо. Неопытный палач нанес удар слишком низко. Обагренный кровью, Шале обменялся с ним несколькими словами, а мать подошла еще раз, чтобы проститься. Потом он опять положил голову на плаху, и солдат нанес второй удар. Шале опять вскрикнул, он снова был только ранен.

– К черту этот меч! – сказал солдат. – Он слишком легок, и, если мне не дадут что-нибудь другое, я никогда не кончу! – И бросил меч.

Несчастный дополз до коленей своей матери и склонил ей на грудь свою окровавленную и изувеченную голову.

Солдату подали бочарный струг, но не оружия, а руки недоставало палачу.

Шале вновь занял свое место.

Зрители этой ужасной сцены насчитали тридцать два удара. На двадцатом осужденный еще простонал: «Иисус! Мария!»

Когда все было кончено, м-м де Шале встала и, подняв обе руки к небу, произнесла:

– Благодарю тебя, Создатель! Я считала себя только матерью осужденного, но я – мать мученика!

Она просила, чтобы ей отдали труп сына, и просьба ее была исполнена. Кардинал по временам бывал чрезвычайно милостив.

М-м де Шеврез получила приказание не выезжать из Верже, где она в то время находилась. Гастон узнал о смерти Шале за игорным столом и продолжал свое занятие. Королеве был отдан приказ явиться в Совет, где для нее было приготовлено место, на которое она и села. Тогда ей прочли донос Лувиньи и признание Шале. Ее упрекали в желании умертвить короля, чтобы выйти замуж за его брата.

До этой минуты королева молчала, но, выслушав последние обвинения, она встала и удовольствовалась ответом, сопровожденным одной из тех презрительных улыбок, столь привычных для прекрасной испанки:

– Я мало бы выиграла от перемены.

Этот ответ окончательно погубил ее в глазах короля, который до последней минуты своей жизни был уверен, что Шале, королева и брат были в заговоре с целью его умертвить.

Недостойный поступок Лувиньи недолго оставался безнаказанным – год спустя он был убит на дуэли.

Что касается Рошфора, то он имел дерзость возвратиться в Брюссель и даже после казни Шале оставался в своем монастыре, и никто не знал об его участии в судьбе бедняги. Но однажды, поворачивая за угол одной из улиц, он встретил конюшего графа де Шале и в испуге едва успел опустить капюшон на лицо, и потом, боясь быть узнанным, оставил город.

И в самом деле вовремя, так как тотчас двери монастыря были заперты, начались розыски, но оказалось поздно – Рошфор, обратясь снова в кавалера, уже скакал по дороге к Парижу и возвратился к кардиналу, гордясь успехом своего дела, которое, по его убеждению, он так благородно исполнил. Вот что значит совесть!

Глава IV

1627–1628

О том, что стало с врагами кардинала. – Политические и любовные замыслы Бэкингема. – Кончина герцогини Орлеанской. – Новые казни. – Милорд Монтегю. – Поручение, данное Лапорту. – Игра в карты. – Осада Ла-Рошели. – Трагическая кончина Бэкингема. – Печаль королевы. – Анна Австрийская и Вуатюр.

Благодаря любви Бэкингема, равнодушие короля к Анне Австрийской превратилось в холодность, после дела Шале эта холодность превратилась в антипатию, и далее мы увидим, как антипатия превращается в ненависть.

После рассказанных событий кардинал сделался высшим повелителем. Королевская власть затмилась в день смерти Анри IV и снова явилась в полном блеске только в день совершеннолетия Луи XIV.

Полустолетие, протекшее между двумя этими событиями, было временем царствования любимцев, если только можно назвать любимцами этих двух тиранов своих властелинов.

Королева, иногда посредством Лапорта, иногда стараниями м-м де Шеврез, удалившейся или, лучше сказать, удаленной в Лотарингию, продолжала сношения с герцогом Бэкингемом, который все еще находился под воздействием своей рыцарственной любви и не терял надежды, будучи уже почти любимым, сделаться счастливым любовником.

Вследствие этого он беспрестанно упрашивал короля Карла I о позволении возвратиться в Париж посланником, в чем король Луи XIII или, вернее, кардинал отказывал с таким же упорством, с каким его просили.

Тогда, не имея возможности приехать представителем дружелюбного государства, Бэкингем решил явиться неприятелем. Ла-Рошель стала если не причиной, то, по крайней мере предлогом для войны.

Бэкингем, располагавший силами Англии, надеялся вооружить против Франции еще Испанию, Германскую империю и Лотарингию. Конечно, Франция, какой бы она стараниями Анри IV и Ришельё ни была могущественной, не могла бы устоять против этого грозного союза, она принуждена была бы уступить. Тогда Бэкингем явился бы посредником, и одним из условий мира было бы возвращение герцога Бэкингема в Париж посланником.

Европа готовилась к войне, Франция – быть преданной мечу и огню, а причиной всему были любовь Бэкингема и ревность кардинала, поскольку о ревности короля никто и не думал. Луи XIII слишком не любил королеву, особенно после дела Шале, чтобы серьезно ее ревновать.

Очевидно, что всей этой поэме недоставало только Гомера, чтобы сделать из Бэкингема Париса, из Анны Австрийской – Елену, а из осады Ла-Рошели – осаду Трои. Ла-Рошель была одним из городов, данных гугенотам Анри IV во время обнародования Нантского эдикта, что дало повод Бассомпьеру, который сам был гугенотом, а между тем осаждал город, сказать: «Вы увидите, что мы будем так глупы, что возьмем Ла-Рошель!»

Этот город всегда был для кардинала предметом тревог – он был главным гнездом непокорных, средоточием раздора и мятежей. Давно ли советовали Гастону укрыться в нем?

Принц Анри де Конде был сослан в Венсен и уже никогда не мог оправиться от этого удара. Правда, Франция выиграла при этом – в продолжение трехлетнего своего заточения принц сошелся со своей женой и имел от нее двух детей: Анну Женевьеву Бурбонскую, известную позднее под именем герцогини де Лонгвиль, и Луи Бурбонского, ставшего впоследствии великим Конде.

Герцог Вандомский и великий приор были арестованы и заточены в замке Амбуаз. Ришельё одно время хотел судить их и казнить, но один сослался на права пэра Франции, а другой – на права Мальтийского ордена, рыцарем которого он был. Тем и кончилось дело, но, чтобы лучше следить за побочными сыновьями Анри IV, кардинал велел переместить их в Венсенский замок.

Граф де Суассон, обвиненный перед кардиналом в предложении сил и денег герцогу Анжуйскому, счел за лучшее, не ожидая возвращения короля и его министра, оставить Париж и, под предлогом путешествия ради здоровья, переехал Альпы и поселился в Турине. Кардинал, не будучи в силах выместить свою злобу на его особе, старался уязвить его – он велел написать де Бетюну, французскому посланнику в Риме, чтобы при папском дворе в титуле «его высочества» графу де Суассону было отказано.

Но это было тем временем, когда дипломаты были важными сановниками, и де Бетюн отвечал: «Если граф виноват, то его должно судить и наказать, если же невиновен, то будет совершенно напрасным оскорблять, унижая в то же время честь нашей короны. Я согласен лучше оставить свой пост, нежели быть оружием такой низкой мести».

Герцог Анжуйский сделался, после брака своего, принцем де Домб и де Рош-сюр-Ион, герцогом Орлеанским, Шартрским, де Монпансье и де Шателеро, графом де Блуа и сеньором де Монтаржи, но все эти новые титулы, вместо того чтобы возвеличить его, унизили, ибо были написаны в брачном контракте кровью Шале.

Новый герцог Орлеанский, находясь под постоянным надзором своих приближенных, ненавидимый королем, презираемый дворянством, уже не мог быть опасным для кардинала.

Итак, принц Анри де Конде был обессилен, великий приор и герцог Вандомский – заключены в Венсенский замок, граф де Суассон бежал в Италию, Гастон Орлеанский был обесчещен. Одна Ла-Рошель еще противилась воле Ришельё.

К несчастью, кардиналу не так легко было осудить город, как человека, – срыть город труднее, чем снести голову человеку. Кардинал только ждал случая наказать Ла-Рошель, и Бэкингем доставил ему этот случай.

Бэкингем, как мы видели, желал войны. Тогдашнюю Францию сравнительно нетрудно было вовлечь в войну – английский министр возбуждал несогласия между Карлом I и мадам Анриеттой так же, как Ришельё поступал с Луи XIII и Анной Австрийской. Следствием этих несогласий было то, что английский король отослал в Париж весь французский двор своей жены, подобно тому как сделал прежде Луи XIII с испанским двором Анны Австрийской, отправив его в Мадрид.

Однако хотя это нарушение одного из условий контракта и оскорбило короля Франции, он не считал это достаточным поводом для разрыва. Тогда Бэкингем, не дождавшись объявления войны, решил действовать другим способом. Он велел капитанам нескольких английских кораблей захватывать французские купеческие суда и адмиралтейским приговором объявил эти суда законным призом.

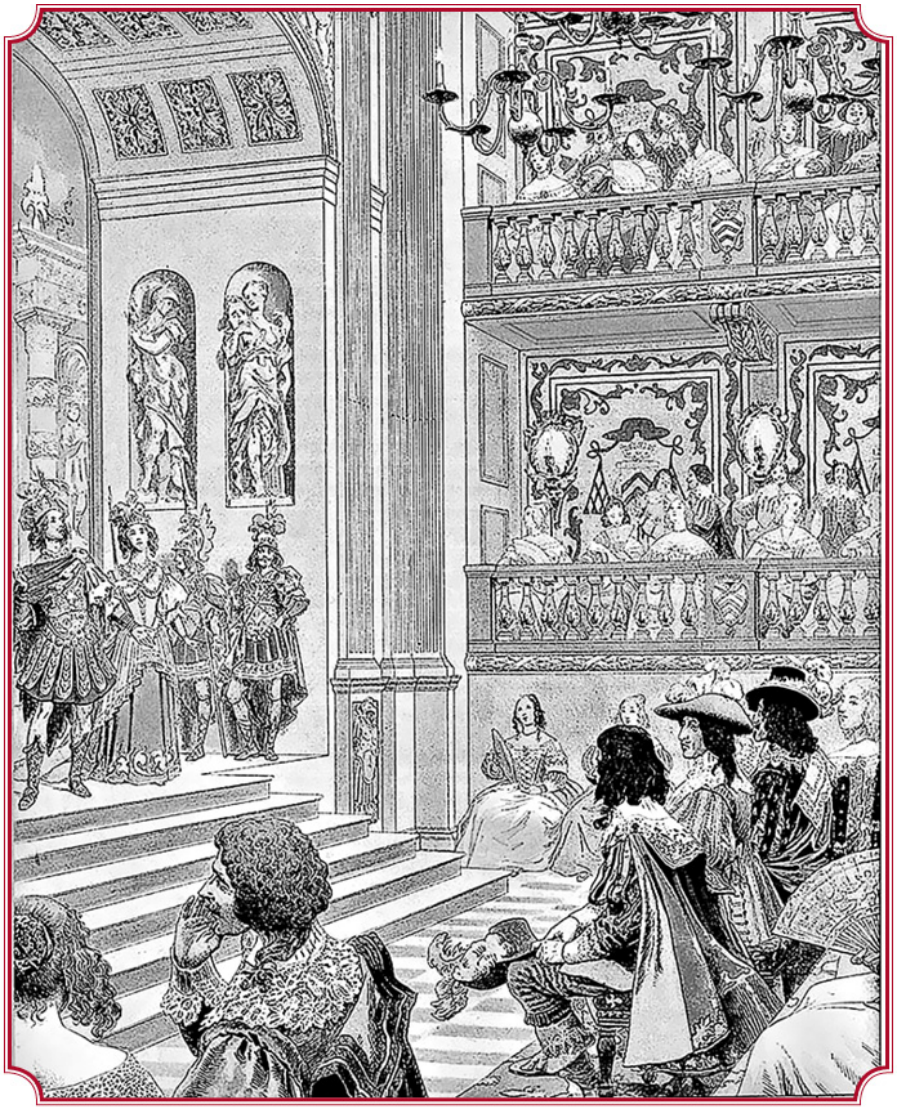
Это было серьезным нарушением существовавшего морского права, но Ришельё устремил все свое внимание на Ла-Рошель – он хотел получить двойную выгоду и одним ударом покончить как внутреннюю, так и внешнюю войну. Франция слабо протестовала против действий Карла I, давая понять его любимцу, что к окончательному разрыву могут привести меры более решительные.

Тогда Бэкингем склонил Карла I принять сторону французских протестантов и дать им помощь. Жители Ла-Рошели, будучи уверены в покровительстве Англии, послали к Бэкингему герцога де Субиза и графа Бранкаса. Любимец Карла I сделал для

них более, нежели они могли надеяться, и вывел из портов Англии стопарусный флот, и высадился на острове Ре, которым и завладел.

Но он не смог взять цитадель Сан-Мартен, геройски защищаемую графом де Туарас с двумястами пятьюдесятью солдатами против двадцати тысяч англичан. Наконец, желание Ришельё осуществилось. Подобно рыбаку, выжидающему удобную минуту, он мог теперь одним неводом захватить англичан и жителей Ла-Рошели – политических и религиозных врагов. Тотчас же было отдано приказание войскам двинуться к Ла-Рошели.

Два события на минуту отвлекли внимание Франции от того важного пункта, на котором оно было сосредоточено. М-ль де Монпансье, сделавшись герцогиней Орлеанской, родила в Нанте дочь, бывшую впоследствии la grande Mademoiselle и с которой мы познакомимся ближе во время Фронды и при дворе Луи XIV. Однако молодая принцесса, на которую Франция возлагала столько надежд, скончалась в родах – брак, обагренный кровью, не получил благословения небес.



Морис Лелуар. Премьера пьесы Пьера Корнеля «Сид». *1910-е гг.*

Другим событием стала казнь графа де Бутвиля. Этот дворянин, вынужденный укрыться в Нидерландах после двадцати двух дуэлей, оставил Брюссель, вздумав устроить двадцать третью посреди Королевской площади.

Он был схвачен и отведен в Бастилию вместе с секундантом, графом де Шапелем, убившим Бюсси д'Амбуаза, своего противника: обоим виновникам отсекли головы, несмотря на заступничество Конде, Монморанси и Ангулемов, и с падением этих двух голов, одна из которых принадлежала к дому

Монморанси, французское дворянство, столь щепетильное, всегда готовое драться на дуэли, протестовало уже не одними криками ужаса.

Впрочем, король до некоторой степени успокоил умы, назначив всем им свидание под стенами Ла-Рошели, объявив, что сам будет руководить осадой. Оставим кардинала выказывающим воинственный свой гений, как он уже выказал политический, и проследим маловажное происшествие, показывающее еще одну причину супружеской антипатии, которая между Луи XIII и Анной Австрийской должна была превратиться в ненависть.

Мы уже говорили, что намерение Бэкингема против Франции, внушенное причиной ничтожной, имело далеко идущие последствия: вооружив против Франции Англию, Бэкингем намеревался посредством Лиги привлечь на сторону Карла I герцогов Лотарингского, Савойского, Баварского и эрцгерцогиню, властвовавшую именем Испании во Фландрии.

И чтобы исполнить это намерение, уже подготовленное м-м де Шеврез, сосланной в Лотарингию после процесса Шале, Бэкингем послал милорда Монтегю, одного из своих самых искусных и надежных поверенных.

Но и Ришельё имел преданных агентов и надежных людей, причем даже между приближенными герцога Бэкингема. Он узнал о намерениях Бэкингема, как только они были задуманы, и сообщил о них королю, не скрыв, что любовь герцога к королеве была единственной причиной всех этих смут.

И когда Луи XIII занемог в Виллеруа, по дороге в Ла-Рошель, королева тотчас же поспешила к нему из Парижа. Старшему камергеру короля де Юмьеру был отдан приказ не впускать никого в комнату короля, не испросив разрешения у августейшего больного. Бедный камергер, полагая, что это приказание ни в каком случае не относится к королеве, пропустил ее без доклада. Десять минут спустя Анна Австрийская, вся в слезах, вышла из комнаты своего супруга, а де Юмьер получил приказание оставить двор.

Анна Австрийская возвратилась в Париж в тревоге, угадывая грозу, поднимающуюся со стороны Англии, как вдруг узнала, что поверенный герцога Бэкингема милорд Монтегю арестован.

Вот как это произошло. Ришельё, не упускавший из виду Портсмут, знал об отъезде Монтегю, который должен был прибыть в Лотарингию и Савойю через Фландрию. Кардинал именем короля отдал приказание де Бурбону, дом которого находился на границах Барруа, где должен был проезжать Монтегю, следить за ним и по возможности арестовать.

Де Бурбон имел сильное желание выслужиться перед

кардиналом, поэтому, тотчас же по получении приказа, он принял меры к его исполнению. Де Бурбон велел позвать двух басков, переодеться в слесарных подмастерьев и следовать повсюду за милордом Монтегю, находившимся тогда в Нанси, то ли вблизи, то ли вдали, смотря по обстоятельствам и их усмотрению.

Баски исполнили в точности данное им поручение и сопровождали Монтегю все время его путешествия. Когда же он прибыл в Барруа и был недалеко от французской границы, один из них поспешил вперед, чтобы уведомить своего господина. Де Бурбон тотчас же сел на лошадь и в сопровождении десятка своих друзей занял место на дороге, по которой надлежало ехать посланнику Бэкингема, и арестовал его, в то время как тот тешил себя мыслью, что почти достиг цели.

Милорда сопровождали дворянин Окенгем и камердинер, в чемодане которого был найден договор. Пленников отвезли в Бурбон, где они поужинали, а потом – в Куаффи, хорошо укрепленный замок. Поскольку опасались каких-либо действий со стороны герцога Лотарингского, то войска, находившиеся в Бургундии и Шампани, получили приказ окружить Куаффи, а затем сопроводить пленников в Бастилию.

С ужасом услышала королева о взятии под стражу милорда Монтегю – она знала о доверии герцога Бэкингема к этому дворянину и страшилась, чтобы с ним не было письма к ней от герцога, ибо в том положении, в котором она теперь находилась в отношении к королю, ей предстояло ни более ни менее, как быть высланной в Испанию.

Королева узнала, что среди войск, сопровождавших милорда Монтегю, имелся отряд жандармов, и вспомнила, что года два или три назад она доставила место юнкера в этом отряде Лапорту, одному из самых преданных ей людей, как это мы имели случай видеть, когда, после событий в Амьене, он попал в немилость короля.

Королева справилась, где мог находиться Лапорт, и узнала, что он взял отпуск, желая провести время поста в Париже. Итак, сама судьба приблизила его к королеве, которая секретно приняла его в Лувре в 12 часов ночи, и он не был никем узнан.

Анна Австрийская рассказала уже пострадавшему за свою королеву и готовому снова страдать Лапорту об ужасном положении, в котором она находилась.

– Я знаю только вас, как человека, которому могла бы довериться, и вы один в состоянии вывести меня из опасности, которой я подвергаюсь!

Лапорт уверил ее в своей преданности и спросил, чем он может ей это доказать.

– Вот в чем дело, – сказала королева, – надо, чтобы вы тотчас же возвратились в свой отряд и во время сопровождения милорда Монтегю нашли бы удобный случай переговорить с ним и узнать, нет ли чего, касающегося меня, в отнятых у него бумагах, и скажите ему, чтобы он в своих ответах ни под каким видом не произносил моего имени, что его никак не может спасти, а меня погубит!

Лапорт отвечал, что готов умереть за королеву. Анна Австрийская поблагодарила его, назвала своим спасителем, отдала ему все находившиеся при ней деньги, и преданный слуга отправился в ту же ночь.

Лапорт прибыл в Куаффи в то самое время, как войска выходили из него. Милорд Монтегю ехал верхом на маленькой лошади посреди солдат, по-видимому, свободный, но без шпаги и даже без шпор. Его везли в Париж не только открыто и днем, но лотарингские войска были даже предупреждены, что, как только заключенный выедет, будет сделано два пушечных выстрела, чтобы их уведомить об этом.

Они, следовательно, могли, если бы захотели, помешать шествию. Пушечные выстрелы раздались, и войска начали готовиться к сражению, но лотарингцы не трогались со своих квартир, и французское войско в девятьсот всадников под предводительством де Бурбона начало свой путь к Парижу.

Приехав в Куаффи, Лапорт занял свое место между товарищами, но, так как было известно, что отпуск его еще не кончен, барон де Понтье, знаменосец отряда и приверженец Анны Австрийской, хорошо понял, что причина, понудившая его вернуться в полк, была другая и гораздо более важная, нежели необходимость сопровождать пленника.

Он даже дал Лапорту это заметить во время марша, и так как Лапорт знал о преданности барона королеве и понимал, что тот будет ему нужен для сближения с милордом Монтегю, то, не говоря прямо о своем поручении, дал, однако, понять, что подозрения его основательны. Барон, видя, что Лапорт не намерен выдать свой секрет, имел достаточно скромности более не настаивать.

В ближайший же вечер барон удержал Лапорта у себя, не отпуская ночевать на общую квартиру отряда и рассчитывая, что этим даст Лапорту возможность скорее сблизиться с пленником.

В самом деле, чтобы доставить развлечение милорду Монтегю, с которым, несмотря на пленение, обходились как с вельможей, де Бурбон приглашал всякий вечер офицеров для составления ему партии. Лапорт, находившийся в числе офицеров, был также приглашен вместе с другими и никогда не

пропускал случая быть на этих собраниях.

Милорд Монтегю, видевший Лапорта во время путешествия герцога Бэкингема во Францию, сразу узнал его и, считая одним из самых преданных слуг королевы, понял, что он находится тут не без особой причины.

Улучив минуту, Монтегю устремил пристальный взгляд на Лапорта, и, когда тот обернулся в его сторону, они быстро обменялись взглядами, которых никто не заметил, исключая барона де Понтье, окончательно убедившегося, что Лапорт приехал для переговоров с пленником.

Барон де Понтье, чтобы, сколько возможно, конечно, не выказывая этого явно, помочь стараниям преданного слуги, назначил однажды вечером, когда недоставало четвертого для составления партии, Лапорта, который с радостью принял предложенное ему за карточным столом место.

Как только он сел, нога его встретила ногу милорда, и это дало ему понять, что Монтегю его узнал. Лапорт, со своей стороны, употребляя то же средство, старался предупредить пленника быть осторожным, а потом, во время разговора, посредством понятным только им фраз, они посоветовали друг другу быть как можно внимательнее.

Действительно, хотя и не было никакой возможности сказать что-нибудь друг другу, но можно было написать. Играя, Лапорт нарочно оставил карандаш, которым записывали призы, а милорд Монтегю спрятал его так, что никто не заметил.

На другой день, когда возобновилась игра, Лапорт снова поместился между пленником и бароном де Понтье; с другой стороны милорда сидел сам де Бурбон. Лапорт умышленно уронил часть колоды на пол. Милорд Монтегю, с обычной своей вежливостью, поспешил нагнуться, чтобы помочь Лапорту исправить неловкость, и вместе с картами поднял записку, которую незаметно спрятал в карман.

На другой день милорд Монтегю, всегда отличавшийся предупредительностью, при виде Лапорта подошел к нему и протянул руку. Лапорт поклонился в ответ на такую вежливость и почувствовал, что при пожатии руки милорд передал ответ на вчерашнюю записку.

Ответ был самый успокоительный. Милорд Монтегю утверждал, что не получал от Бэкингема никаких писем к королеве, что имя ее не упоминается в отнятых у него бумагах, и кончал свою записку уверением, что королева может быть спокойна и что он скорее умрет, нежели скажет или сделает что-либо неприятное для ее величества.

Морис Лелуар. Сен-Мара и де Ту везут на суд в Лион. *1910-е гг.*

Лапорт, хоть и обладал теперь необходимым, однако все-таки не торопился оставить отряд, продолжая всякий день играть с милордом. Он не мог послать письмо по почте из опасения, как бы оно не было перехвачено, не мог и оставить свой отряд без того, чтобы не возбудить возможных подозрений.

Как ни было велико нетерпение Лапорта, однако он медленно приближался к Парижу вместе с конвоем, пока, наконец, на Страстную пятницу, они не въехали в Париж, и так как в этот же день пленник был препровожден в Бастилию, то Лапорт, окончив свои обязанности относительно милорда, был уже совершенно свободен.

Королева узнала о его возвращении, и ее желание скорей увидеть своего посланника было так сильно, что в день приезда милорда Монтегю села в карету и велела проехать мимо шествия, где между жандармами увидела Лапорта, в свою очередь, заметившего ее и постаравшегося успокоить ее торжествующим знаком.

Тем не менее в течение всего этого дня Анна Австрийская была в большом беспокойстве, и, как только настала ночь, Лапорт, как и в первый раз, пробрался в Лувр, где нашел королеву, ожидавшую его с большим нетерпением.

Он начал с того, что подал ей записку милорда Монтегю, которую королева с жадностью перечитала несколько раз, а потом, глубоко вздохнув, сказала:

– Ах, Лапорт! Вот в продолжение уже целого месяца первый раз я вздохнула свободно. Но как же это вы, имея такую драгоценную новость, не могли передать мне это письмо пораньше или сами не привезли его с гораздо большей поспешностью?

Тогда Лапорт сказал, что считал безопаснее для королевы употребить все возможные меры предосторожности. Королева согласилась, что он был прав, действуя максимально осторожно; потом она надавала Лапорту множество обещаний, говоря, что еще никто до сих пор не оказывал ей такой важной услуги, как он.

Между тем король и кардинал старались ускорить осаду Ла-Рошели, где день ото дня дела шли все хуже.

С самого начала блокады, так хорошо организованной и не допускавшей в город подвоза съестных припасов, в особенности со времени возведения поперек рейда плотины, не дававшей кораблям возможности проникнуть в гавань, город чувствовал недостаток во всем и держался только мужеством, энергией и благоразумием мэра Гитона и примером, который подавали герцогиня де Роган и ее дочь, питавшиеся в продолжение трех месяцев лошадиным мясом и самым малым количеством хлеба.

Но не все имели даже лошадиное мясо или хлеб, народ нуждался во всем, и слабые в протестантской вере роптали. Король, извещаемый обо всем, что происходило в городе, старался поддерживать это несогласие, постоянно подавляемое и постоянно возрождавшееся, обещая выгодные условия сдачи города.

Магистраты земского суда восставали против мира; проходили собрания со спорами, доходившими до драки, и однажды городской глава и его приверженцы обменялись несколькими кулачными ударами с советниками земского суда.

Спустя короткое время после этой драки, следствием которой было то, что приверженцы короля вынуждены были искать приюта в его стане, от двух до трех сотен мужчин и столько же женщин, не будучи в силах долее переносить страшные лишения, решились оставить город и идти просить хлеба у королевской армии.

Осажденные, которых это освобождало от стольких бесполезных желудков, с радостью отворили им ворота, и печальная процессия направилась к королевскому стану, прося у короля милосердия. Но они просили милосердия у того, кому эта

добродетель была неизвестна.

Он отдал приказание раздеть мужчин донага, а на женщинах оставить одни рубашки, потом солдаты, взяв в руки кнуты, погнали несчастных, как стадо, обратно к городу, недавно ими оставленному и не хотевшему снова принять их.

Три дня стояли они в таком положении под стенами родного города, умирая от стужи и голода, обращая мольбы то к друзьям, то к врагам, пока, наконец, самые несчастные, как это всегда случается, не сжалились над ними – ворота отворились и им было позволено снова разделять беды покинутых ими.

Одно время думали, что скоро все кончится. Луи XIII, которого осада томила едва ли не более осажденных, потребовал к себе однажды своего оруженосца Бретона, приказал ему облечься в боевой наряд короля, украшенный лилиями, надеть его ток, взять в руки скипетр и идти в сопровождении двух трубачей объявить в соответствующей форме приказание мэру и городскому совету сдаться.

Вот это приказание:

«Тебе, Гитон, мэру города Ла-Рошель, именем короля, государя, моего и твоего единственного верховного властелина, приказываю немедленно созвать городское собрание, где всякий из моих уст мог услышать то, что я имею объявить вам от имени Его Величества».

Если бы мэр вышел к городским воротам и созвал бы городской совет, то Бретон должен был прочесть второе послание:

«Тебе, Гитон, мэру города Ла-Рошель, всем городским старшинам, пэрам и вообще всем, участвующим в управлении городом, именем моего Государя, моего и вашего единственного властелина, приказываю оставить свою непокорность, отворить перед ним ваши ворота и немедленно показать полное повиновение, должное ему как вашему единственному и естественному властелину.

Объявляю вам, что в таком случае он окажет вам свое милосердие и простит вам ваше преступление в вероломстве и возмущении.

Напротив, если вы будете упорствовать в вашей жестокости, отказываясь от милосердия такого великого монарха, я именем его объявляю, что нечего уже будет надеяться на его помилование и что вы должны будете ожидать от его оружия справедливого наказания, заслуженного вашими преступлениями, – одним словом, тех строгостей, которые такой великий Государь может и должен выказать таким недостойным подданным, как вы!»

Но, несмотря на великолепие одежды королевского оруженосца и на беспрестанно повторяемые звуки труб, ни мэр,

ни кто-либо другой не вышел к воротам, даже часовые не отвечали, и Бретон должен был оставить свои прокламации на земле.

Осажденные надеялись на обещание герцога Бэкингема напасть на неприятельский стан, которое и в самом деле было уже организовано, как вдруг случилось одно из тех неожиданных событий, какие уничтожают человеческие соображения и могут одним ударом спасти или погубить целое государство.

Бэкингем проводил свой план вторжения во Францию со всей энергией, на какую был способен, преодолевая сильную оппозицию в Англии, не имевшей действительных оснований для войны с Францией. Правда, с тех пор как война была начата, как протестанты увидели, до какой крайности доведены их единоверцы в Ла-Рошели, они стали желать, чтобы какой-нибудь сильный удар заставил короля и кардинала снять осаду.

Но Бэкингем, разбитый на острове Ре, берег свой удар до того времени, когда Лига объявит войну. Однако арест милорда Монтегю произвел волнение в Лиге, и герцог вынужден был отозвать свой флот, направившийся было к Ла-Рошели; флот возвратился на рейд Портсмута не только ничего не сделав, но даже и не попытавшись что-либо сделать.

Причиной тому было то, что Бэкингем, как мы уже сказали, все поджидал известия о готовности герцогов Лотарингского, Савойского и Баварского, а также эрцгерцогини вторгнуться во Францию.

При появлении флота, причины возврата которого были неизвестны, в Англии поднялся мятеж, народ толпился у отеля Бэкингема и даже умертвил его доктора. На другой день Бэкингем велел вывесить объявление, которым извещал, что флот был отозван только потому, что он сам собирается принять предводительство над ним. В ответ послышались угрозы:

– Кто управляет королевством?

– Король.

– Кто управляет королем?

– Герцог.

– Кто управляет герцогом?

– Дьявол…

– Пусть герцог бережется, а не то его постигнет участь его врача!

Эта угроза не обеспокоила Бэкингема, во-первых, потому, что он был храбр, а во-вторых, потому, что эти угрозы повторялись так часто, что он привык. Немудрено, что он преспокойно продолжал приготовления к войне, вовсе не заботясь о сбережении своей жизни.

23 августа, когда Бэкингем, после аудиенции, данной им в своем доме в Портсмуте герцогу де Субизу и посланным из Ла-Рошели, вышел из комнаты и обернулся, чтобы сказать что-то герцогу де Фриару, он вдруг почувствовал сильную боль. Увидев бегущего человека, он схватился за грудь, почувствовал рукоятку ножа, вырвал его из раны и закричал:

– О, злодей! Он убил меня!

И в ту же минуту он упал на руки окружающих и умер, не будучи в состоянии произнести ни слова.

Возле него на полу осталась шляпа, а в ней бумага со следующими словами: *«Герцог Бэкингем был врагом королевства, за это я и убил его».*

Тогда во всех окнах раздались крики:

– Держите убийцу! Убийца без шляпы!

Было много гулявших по улице, в ожидании выхода герцога, и в этой толпе был только один без шляпы, бледный, но казавшийся совершенно спокойным. Все бросились к нему с криками: «Вот убийца герцога!»

– Да, – ответил он, – я убил его!

Убийца был взят и отведен в суд. Там он признался во всем, говоря, что он хотел спасти королевство смертью того, кто давал королю дурные советы. Впрочем, он все время утверждал, что не имеет сообщников и что не личная ненависть к герцогу побудили его к убийству.

Впоследствии, однако, узнали, что этот человек, будучи лейтенантом, дважды просил у герцога капитанского чина, в котором ему дважды отказали. Имя его было Джон Фельтон; он умер с твердостью фанатика и спокойствием мученика.

Понятно, какое действие произвело известие о смерти Бэкингема в Европе, а особенно при французском дворе. Когда Анне Австрийской объявили об этом, она едва не лишилась чувств и проронила даже неосторожное замечание: «Это невозможно! Я только что получила письмо от него!»

Но вскоре не осталось никакого сомнения. Ужасная новость была подтверждена Луи XIII по возвращении его в Париж. Он сделал это, впрочем, со всей желчью своего характера, не взяв на себя труд скрыть от жены радость, которую он почувствовал.

Королева, со своей стороны, была столь же откровенна. Она заперлась со своими самыми приближенными, и они были свидетельницами пролитых ею слез. Время, успокоив ее грусть, не могло, однако, изгладить из памяти ее прекрасный образ герцога, который всем пожертвовал для нее и которому эта любовь стоила жизни.

Приближенные королевы, зная, какие нежные воспоминания

она сохранила о герцоге Бэкингеме, часто говорили с ней о нем, и она всегда с удовольствием принимала участие в этих разговорах.

Однажды вечером, когда несчастная королева, сидя у камина, с глазу на глаз разговаривала с Вуатюром, своим любимым поэтом, она, заметив его задумчивость, спросила, о чем он думает. Вуатюр отвечал ей в стихах с легкостью импровизации, характеризующих поэтов того времени:

Je pensais que la destinee
Apres tant d'injustes rigueurs,
Vous a justement couronnee
De gloire, d'é clat et d'honneurs,
Mais que vous é tiez plus heureuse
Lorsque vous é tiez autrefois,
Je ne veux pas dire amoureuse,
La rime le veut toutefois.
Je pensais, car nous autres poи tes
Nous pensons extravagamment,
Ce que dans l'é clat ou vous к tes,
Vous feriez, si dans ce moment
Vous avisiez en cette place
Venir le duc de Bouquinken
Et lequel serait en disgrв ce,
De lui ou du pи re Vincent.
Я думал, что судьба,
После стольких несправедливых гонений,
По справедливости увенчала Вас
Славой, сиянием и почестями;
Но что Вы были счастливее,
Когда Вы некогда были —
Я не хочу сказать: влюблены,
Но этого, однако же, хочет рифма.

Итак, в 1644 году Вуатюр говорил, что прекрасный герцог был бы предпочтен духовнику королевы, то есть шестнадцать лет спустя после убийства.

Глава V

1629–1638

Окончание и последствия войны. – Слухи о беременности Анны Австрийской. – Первый ребенок. – Кампанелла. – Рождение Луи XIV. – Общая радость. – Увеселения. – Гороскоп новорожденного. – Обозрение европейских государств.

Политические следствия осады Ла-Рошели известны. Ла-Рошель, осаждаемая кардиналом и доведенная посредством устроенной по его повелению плотины до голода, должна была сдаться 28 октября, после одиннадцатимесячной осады.

Что касается частного результата, то он состоял в совершенном разладе между королем и королевой, разладе, который еще более усилился смертью герцога Монморанси, испанской войной 1635 года и тайными сношениями Анны Австрийской с Мирабелем, испанским посланником. Читатель не забыл, что Лапорт был жертвой этих сношений, что он был посажен в Бастилию и что де Шавиньи, объявляя Луи XIII о беременности королевы, испросил для него прощение.

В начале нашего рассказа мы уже упомянули, что во Франции долго не верили этой радостной вести, и, когда, наконец, она подтвердилась, тысячи странных слухов распространились об этой беременности, ожидаемой так долго.

Мы знаем, что эти толки недостойны страниц истории, и не даем им никакой веры, но передаем их только для того, чтобы показать, что в изучении истории мы ничем не пренебрегли, что мы равно ознакомились с сочинениями Мезере, Левассера, Даниэля, с остроумными записками Бассомпьера, Таллемана де Рео и Бриенна, с архивами библиотек и с уличными слухами.

Уверяли, что королева вполне была убеждена в том, что не она сама была причиной своего бесплодия потому уже, что еще в 1636 году она почувствовала себя в первый раз беременной. Говорили, что эта первая беременность была удачно скрываема от короля и, быть может, этот первый исчезнувший ребенок есть то самое лицо, которое впоследствии появится под именем «железной маски».

Исчезновение этого младенца, который, по тем же толкам, был мужского пола, причинило много печали Анне Австрийской как матери, так и королеве. Здоровье Луи XIII день ото дня становилось хуже, и его величество мог умереть каждую минуту, оставляя вдову и жертву ненависти Ришельё.

Анна Австрийская уже имела перед глазами пример такой ненависти – королева Мария Медичи, решившаяся противодействовать кардиналу, была отправлена, несмотря на то что была матерью царствовавшего Луи XIII, в ссылку и жила в

самом несчастном положении в чужой земле.

Правда, сам кардинал казался осужденным на смерть – доктора говорили, что ему уже немного осталось жить. Но он так часто выдавал себя за больного и, как Тиберий, распускал слухи о приближении своих последних минут, что ему перестали верить.

Впрочем, был ли кардинал действительно болен и была ли его болезнь действительно смертельна, кто мог сказать, кто умрет прежде – король или кардинал? И если бы Ришельё пережил Луи XIII только шестью месяцами, то и этого времени было бы для него довольно, чтобы навсегда погубить королеву.

Говорили также, что с тех пор, как королева почувствовала свою вторую беременность, она пожелала ею воспользоваться, чтобы уверить Луи XIII в его виновности и заставить его признать плод наследником короны, если это будет сын. Следовательно, сцена, искусно подготовленная, происходившая у м-ль де Лафайет, с которой мы начали историю, была не чем иным, как комедией, в которой король должен был играть роль обманутого мужа.

Утверждения Гито, начальника телохранителей королевы, были причиной этих слухов или, по крайней мере, усиливали их. Гито рассказывал, что мысль ехать ужинать и ночевать в Лувр и в голову не приходила Луи XIII, что еще в продолжение этого достопамятного вечера 5 декабря королева сама посылала два раза в монастырь Благовещения к своему августейшему супругу, который, устав от борьбы и продолжительного сопротивления, склонился, наконец, на ее усиленные просьбы, а особенно на просьбы м-ль де Лафайет.

Что касается настоящего отца этих двух детей, то, как мы увидим, он явится впоследствии на сцену. Однако мы повторяем, что все это были только слухи, на которых историк не может основываться, хотя и упоминает о них.

Одно не подлежит сомнению, а именно то, что королева была беременной и что эта беременность радовала всю Францию. Но эта радость омрачалась опасением, как бы королева не родила девочку.

Анна Австрийская, предполагая, что у нее родится сын, пожелала найти астролога, который бы в минуту его рождения составил его гороскоп; она обратилась с этой просьбой к королю, поручившему столь важное дело кардиналу, и тот взялся отыскать такого чародея.

Ришельё, веря в астрологию, как это доказывают его записи, вспомнил о Кампанелле, в познаниях которого имел когда-то случай убедиться, но Кампанелла выехал из Франции. Кардинал приказал узнать о его судьбе, и ему сообщили, что Кампанелла

схвачен итальянской инквизицией как колдун и сидит в Милане в тюрьме, ожидая приговора.

Ришельё имел достаточно влияния – он настоятельно потребовал освобождения Кампанеллы, и в этом ему не было отказано. Королеве объявили, что она может быть спокойна, и астролог, который составит гороскоп новорожденного, уже по дороге во Францию.

Наконец настала вожделенная минута. 4 сентября 1638 года в 11 часов вечера королева почувствовала первые боли родов. Она была тогда в Сен-Жермен-ан-Лэ, в павильоне Анри IV, окна которого выходили к воде.

Неизвестный художник. Анна Австрийская с сыновьями — будущими Людовиком XIV и Филиппом I Орлеанским. *XVII в.*

Ожидаемые последствия родов так интересовали парижан,

что многие лица, которым нельзя было оставаться в Сен-Жермен или дела удерживали в Париже, в последние дни беременности королевы расставили вестовых по дороге из Парижа в Сен-Жермен для получения самых быстрых и последних известий.

К несчастью, мост Нейльи был сорван и через реку был устроен паром, который перевозил весьма медленно, но жадные искатели новостей, предупредившие изобретение телеграфа, поставили часовых на левом берегу реки, которые сменялись каждые два часа и должны были передавать известия на противоположный берег.

Им было приказано делать отрицательные знаки, если королева еще не разрешилась, стоять смирно, сложив руки крест-накрест, если родится дочь, и, наконец, подняв шляпы, кричать, если королева произведет на свет дофина.

В воскресенье, 5 сентября, около 5 часов утра, боли усилились, и г-жа Филандр тотчас уведомила короля, который не спал всю ночь, что его присутствие необходимо. Луи тотчас явился к королеве и дал повеление, чтобы Гастон, принцесса Конде и графиня Суассон пришли в комнату королевы.

В 6 часов принцессы были введены к Анне Австрийской.

В противоречие правилам церемониала, требующим, чтобы в это время комната королевы была наполнена определенными лицами, при Анне Австрийской, кроме короля и лиц, о которых мы упомянули, находилась еще герцогиня Вандомская – в знак особого благоволения, Луи XIII разрешил ей присутствовать при родах.

Кроме того, в комнате родильницы находились г-жа Лансак, нянька будущего новорожденного, статс-дамы де Сенесей и де Флотт, придворные дамы, две камер-юнгферы, будущая мамка и акушерка г-жа Перонн. В прилежащей к павильону комнате, рядом с той, в которой находилась королева, был специально устроен алтарь, перед которым епископы Льежский, Меосский и Бовеский, по совершении литургии, поочередно, должны были читать молитвы до тех пор, пока королева не разрешится.

С другой стороны, в большом кабинете королевы, также смежном, были собраны: принцесса Гимене, герцогини Тремуйль и де Буйон, г-жи Виль-о-Клерк, де Мортемар, де Лианкур, герцоги Вандомский, Шеврез и Монбазон, г-да де Лианкур, де Виль-о-Клерк, де Брион, де Шавиньи, наконец, архиепископы Бургский, Шалонский, Манский и старшие придворные чины.

Луи XIII с большим беспокойством прохаживался из одной комнаты в другую. Утром в 11 с половиной часов акушерка возвестила, что королева разрешилась, и, спустя минуту, среди глубокого молчания и беспокойства, последовавших за этим

известием, она воскликнула:

– Радуйтесь, государь! Теперь престол Франции не перейдет в женский род, Бог дал королеве дофина!

Луи XIII тотчас взял младенца из рук акушерки и показал его в окно, крича:

– Сын, господа, сын!

По условленным знакам раздались радостные восклицания, перешли Сену и по живому телеграфу в один миг долетели до Парижа.

Потом Луи XIII, внеся дофина в комнату королем, приказал епископу Меосскому, старшему придворному священнику, немедленно окрестить новорожденного (малым крещением) в присутствии всех принцев, принцесс, герцогов, герцогинь, государственного канцлера и всей придворной свиты.

Затем он отправился в часовню старого замка, где с большим торжеством был совершен благодарственный молебен. Наконец, король собственноручно написал длинное письмо к собранию городского парижского магистрата, приложил свою печать и приказал тотчас же отослать.

Празднества, которые король назначил городу в своем письме, превзошли даже его ожидания. Все дворянские дома были иллюминованы большими, из белого воска, факелами, вставленными в большие медные канделябры. Кроме того, все окна были украшены разноцветными бумажными фонарями, дворяне вывесили на транспарантах свои гербы, а простые горожане нарисовали множество девизов, относившихся к причине праздника.

Большой дворцовый колокол не умолкая звонил весь этот и последующий день; то же происходило и на Самаритянской колокольне. Колокола эти звонили в том случае, когда у французской королевы рождался сын, а также в день рождения королей и в час их кончины. В продолжение целого дня, равно как и на другой день, в Арсенале и Бастилии стреляли из всех орудий.

Наконец, в тот же день вечером – так как фейерверк не мог быть приготовлен ранее следующих суток – на площади городской ратуши были разложены костры, и каждый приносил вязанку горючего материала, так что был разожжен такой сильный огонь, что на другом берегу Сены можно было читать самую мелкую печать.

По всем улицам были расставлены столы, за которые все садились выпить за здоровье короля, королевы и дофина. Пушечные выстрелы не умолкали, и горели веселые огни, зажигаемые жителями в соревновании друг с другом.

Посланники, со своей стороны, соперничали в роскоши и праздновали торжественное событие. В окнах дома венецианского посланника висели гирлянды цветов и искусственных плодов удивительной работы, над которыми красовались фонари и восковые факелы, между тем как большой хор музыкантов, расположившись в торжественной колеснице в шесть лошадей, проезжал по улицам, играя самые веселые песни. Английский посланник дал в саду своего отеля блистательный фейерверк и раздавал вино всему кварталу.

Духовенство также приняло участие в общей радости, и священнослужители наполняли хлебом и вином корзины являвшихся к ним нищих.

Иезуиты, везде и всегда одни и те же, преисполненные хвастовства и желания показать себя, вечером 5 и 6 сентября иллюминовали свои дома с наружной стороны тысячами факелов, а 7-го на их дворе был сожжен грандиозный фейерверк с огненным дельфином среди прочих огней, осветивших балет и комедию, которые были представлены учениками иезуитов по этому случаю.

Во время этого счастливого события кардинала не было в Париже, он находился в Сен-Кантене, в Пикардии. Ришельё написал королю поздравительное письмо и предлагал назвать дофина Феодосием, то есть Богоданным.

«Надеюсь, – говорил он в своем письме, – что как он есть Феодосий по дару, который Бог дал Вам в нем, то он будет также Феодосием по великим качествам императоров, это имя носивших». С тем же курьером Ришельё поздравлял королеву, но это письмо было коротко и холодно – «Великая радость, – пишет Ришельё в своем официальном послании, – немногословна».

Между тем астролог Кампанелла приехал во Францию и был представлен кардиналу, с которым отправился в Париж. Кардинал объяснил астрологу причину, по которой он вызвал его, и приказал составить гороскоп дофина, не скрывая ничего, что откроет наука.

Тяжелая ответственность легла на бедного ученого, быть может, несколько сомневавшегося в науке, к которой прибегали, поэтому он сначала начал отговариваться, но кардинал настаивал, давая понять, что он недаром освободил его из тюрьмы, и Кампанелла изъявил свою готовность выполнить поручение.

Его представили ко двору и привели к дофину, которого он попросил раздеть донага, и внимательно его осмотрел, затем он отправился к себе домой, чтобы составить предсказание.

Все с нетерпением, как и следовало, ожидали последствий

наблюдений, но, когда увидели, что астролог не только не является ко двору, но и не дает о себе никаких известий, королева, потеряв терпение, сама послала за ним. Кампанелла явился, но объявил, что его наблюдения над телом дофина еще не полны.

Дофина снова раздели, астролог снова внимательно осмотрел его и впал в глубокое раздумье. Наконец, упрашиваемый кардиналом, выразил на латинском языке гороскоп в следующих словах:

«Этот младенец будет очень горд и расточителен, как Анри IV; он будет вместе с тем иметь много забот и труда во время своего царствования; царствование его будет продолжительно и в некоторой степени счастливо, но кончина будет несчастной и повлечет беспорядки в религии и государстве».

В то же время астрологом другого рода был составлен еще один гороскоп. Шведский посланник Гроциус писал министру Оксенштерну, спустя несколько дней после рождения Луи XIV:

«Дофин уже переменил трех кормилиц, потому что от него у них не только пропадает молоко, но он еще их кусает. Пусть соседи Франции остерегаются столь раннего хищничества».

28 июля следующего года Авиньонский вице-легат Сфорца, чрезвычайный папский нунций, представил королеве в Сен-Жермен пеленки, окропленные святой водой, которые его святейшество имел обыкновение посылать первенцам французской короны, как бы в знак того, что Папа признает этих принцев старшими сынами Церкви. Сверх того, вице-легат благословил от имени его святейшества дофина и августейшую мать.

Папские пеленки, великолепно вышитые золотом и серебром, лежали в двух ящиках, обитых малиновым бархатом. Ящики были открыты в присутствии самого короля и королевы.

Бросим теперь беглый взгляд на Францию и Европу и посмотрим, какие государи тогда царствовали и какие люди родились или вскоре родятся, чтобы содействовать славе этого дитяти, которое при рождении было названо «Богоданным», а через тридцать лет заслужило или, по крайней мере, получило имя Луи Великого.

Перечислим европейские державы. В Австрии царствовал Фердинанд III. Он родился в 1608 году, в один год с Гастоном Орлеанским, и, сделавшись в 1625 году королем Венгерским, в 1627-м – королем Богемским, в 1636-м – королем Римским, и, будучи, наконец, избран императором, обладал самым большим и могущественным государством на свете.

В одной Германии его власть признавали шестьдесят

светских властителей, сорок князей духовных, девять курфюрстов, между которыми было три или четыре короля. Сверх того, не считая Испании, которая была ему скорее рабой, чем союзницей, ему повиновались Нидерланды, герцогство Миланское и королевство Неаполитанское.

Таким образом, со времени Карла V перевес был на стороне Австрии с могуществом которой не могло сравниться ни одно европейское государство. На это-то могущество и нападал с таким ожесточением кардинал Ришельё, не сделавший ему, однако, того вреда, который мог бы сделать, если бы не был принужден отвлекаться от политических дел ради забот о собственной безопасности.

Император Священной Римской империи
Фердинанд III (1608—1657)

После Австрии следовала Испания, управляемая старшим поколением дома Австрийского; Испания, которую Карл V возвысил до степени великой нации и Филипп II поддержал на той высоте, на которую поставил отец его; Испания, короли которой, благодаря рудникам Мексики и Потози, считали себя настолько богатыми, что могли бы купить все земли, но не делали этого потому, что были достаточно сильны, чтобы завоевать их.

Филипп II еще кое-как в состоянии был поднять ту ужасную

тяжесть, которая досталась ему в наследство, но легко было предвидеть, что слабый преемник Филиппа III не снесет этого бремени. Филипп IV, царствовавший в это время, потерял по слабости своей Руссильон, по причине своего тиранства – Каталонию, по нерадению своему лишился и Португалии.

Англия занимала третье место. С этой эпохи она домогалась исключительного господства на морях и хотела играть роль посредника между другими державами. Но чтобы достигнуть этой цели, ей нужно было иметь не такого слабого короля, как Карл I, и народ, не столь разъединенный, как народ трех королевств.

Дело, которое Англии нужно было кончить в это время, состояло в той религиозной революции, жертвой которой по прошествии шести лет пал сам Карл I.

Потом следовала Португалия, покоренная в 1580 году Филиппом II и снова завоеванная в 1610 году герцогом Браганцским; Португалия, которая, кроме своих европейских владений, обладала островами Мадейра, Азорскими, крепостями Танжерской и Карашской, королевствами Конго и Ангола, Эфиопией, Гвинеей, частью Индии и на границах – Китая – городом Макао.

Затем Голландия, которая заслуживает нашего особенного внимания, ибо мы часто будем иметь с ней дело, а ее поражения доставили Луи XIV титул «Великого».

Голландия, состоявшая из семи соединенных провинций, богатых пастбищами, но бедных зерновым хлебом, нездоровых и находящихся под постоянной угрозой затопления, от которого ее защищают плотины, и заслужившая название Северной Венеции из-за своих болот, каналов и мостов; Голландия, которую полувековая свобода и трудолюбие поставили в ряд второстепенных наций и которая, если не остановить ее быстрого возвышения, сделается первостепенной; Голландия, эта новая Финикия, соперница Италии по торговле, опасная для нее своим путем вокруг мыса Доброй Надежды, более удобным для сообщения с Индией, нежели все три караванные дороги, оканчивающиеся в Смирне, Александрии и Константинополе; соперница Англии по мореходству, моряки которой хвалились прозвищем «метельщиков моря» и приняли метлу на свой флаг, не предвидя, что некогда будут наказаны лозами, сорванными с их флага; Голландия, которая, наконец, по положению своему сделалась морской державой и которую принцы Оранские, лучшие генералы тогдашней Европы, сделали воинственной державой.

Далее начинают выходить из-под своих снегов северные народы – датчане, шведы, поляки и русские. Но эти народы,

непрерывно воюя между собой, казалось, должны были решить вопрос о первенстве на севере, прежде чем могли заняться вопросами общеевропейской политики. Дания, правда, уже имела своего Христиана IV, Швеция – своих Густава Вазу и Густава-Адольфа, но Польша еще ожидала Яна Собесского, а Россия – Петра I.

По другую сторону континента, на другом горизонте Европы, в то время как северные державы возвышались, а южные падали – Венеция, эта экс-царица Средиземного моря, которой сто лет ранее завидовали все королевства, пораженная в самое сердце открытием Васко да Гама пути мимо мыса Доброй Надежды, трепетавшая одновременно перед Турцией и Австрией и слабо защищавшая свои сухопутные границы, не походила более на саму себя и стала все более и более клониться к упадку, превратившему ее в самую прекрасную и поэтическую развалину, еще и ныне существующую.

Флоренция была спокойна и богата, но ее великих герцогов уже не было на свете. Из потомков Тиберия Тосканского – Козимо I, из внуков Джованни Черной Шайки остался один Фердинанд II. Флоренция, всегда гордая, притязала на звание «Афин Италии», но ее притязания этим и ограничивались.

Потомки ее великих художников были не лучше потомков ее великих герцогов – ее поэты, живописцы, скульпторы и архитекторы так же походили на Данте, Андреа дель Сарто и Микеланджело, как ее теперешние великие герцоги походили на Лоренцо и Козимо.

Генуя, как и ее сестра и соперница Венеция, клонилась к упадку. Она уже поставила точку в ряду своих великих людей, уже совершила все свои великие предприятия, и мы увидим, как наследник Андреа Дориа приходит в Версаль просить прощения за то, что продавал порох и ядра алжирцам.

Савойю и считать не для чего – она была раздираема междоусобной войной, и притом господствующая партия была почти вся на стороне Франции.

Швейцария была только, как и теперь, естественной границей между Францией и Италией, она продавала своих солдат принцам, которые были в состоянии их покупать, и славилась той продажной храбростью, которую ее сыны доказали 10 августа и 29 июля.

Таково было состояние Европы. Посмотрим теперь, каково было состояние Франции. Она не занимала еще важного места между европейскими государствами. Анри IV, вероятно, сделал бы ее первой европейской державой, если бы не кинжал Равальяка.

Ришельё доставил ей уважение Европы, но, кроме Руссильона и Каталонии, он мало увеличил ее территорию. Он выиграл сражение при Авейне с имперцами, но потерпел поражение при Корби против испанцев, и неприятельский авангард дошел до Понтуаза.

У французов было едва 80 000 войска, а флот, которого при Анри II и Анри IV вовсе не было, начал создаваться только при Ришельё. Луи XIII имел лишь 45 миллионов дохода, то есть почти 100 миллионов нынешней монетой, и со времени Карла V не видели, чтобы 50 000 солдат могли собраться под начальством одного полководца и в одном месте.

Но, занятый возвышением Франции, истреблением нарушителей спокойствия государства, унижением принцев крови и аристократических фамилий, которые, несмотря на подавление их еще Луи XI, поддерживали беспрерывные междоусобные войны, кардинал вовсе не имел времени подумать о делах второстепенных, которые если и не составляют величие народа, то служат возвышению народного благосостояния.

Большие проезжие дороги, не говоря уже о проселочных, забытые правительством, были почти непроходимы и небезопасны в отношении разбойников; узкие, худо вымощенные, грязные улицы Парижа с 6-ти вечера делались собственностью мошенников, воров и разбойников, которых нимало не стесняли фонари, скупо рассеянные по городу, и которых, конечно, не могли обуздать 45 худо оплачиваемых ночных стражей Парижа.

Вообще дух Франции был склонен к бунтам. Принцы крови бунтовали, вельможи бунтовали, и мы сейчас увидим возмущение парламента. Дворянство было проникнуто духом какого-то варварского рыцарства – малейшее обстоятельство подавало повод к дуэли и из каждой дуэли рождались битвы между четырьмя, шестью или даже восемью человеками.

Эти битвы, несмотря на запрещение, происходили повсюду: на Королевской площади, против Кармде-Шоссё, за Шартрё, на Пре-о-Клер и так далее. Но уже Ришельё провел в этом отношении некоторые мероприятия и, подобно Тарквинию Гордому, сбивал головы, бывшие выше других, а если в описываемую нами эпоху оставались еще типы прошедшего века, то это были только герцог Ангулемский, граф Бассомпьер и граф Бельгард.

Однако и Бассомпьер уже сидел в Бастилии, а герцог Ангулемский, проведший в ней четыре или пять лет в регентство Марии Медичи, не замедлил возвратиться в нее при правлении Ришельё.

Что же касается судебной власти, того невежества, в которое

она впала, то яснее всего это видно по двум процессам – процессу Галигай, которая была сожжена как колдунья в 1617 году, и процессу Урбана Грандье, который был сожжен как колдун в 1634-м.

В литературе Франции также наблюдался застой. Италия открыла блестящий путь человеческому уму: Данте, Петрарка, Ариосто и Тассо один за другим появились на литературном горизонте. Спенсер, Сидней и Шекспир наследовали им в Англии, Гийом да Кастро, Лопе де Вега и Кальдерон – кроме сочинителя или сочинителей романсеро, этой кастильской «Илиады», – процветали в Испании, в то время как во Франции Малерб и Монтень коверкали язык, которым начинал говорить Корнель. Однако и запоздалая проза, и поэзия начинали оживляться во Франции.

Корнелю, о котором мы уже упоминали и который в это время дал на сцену свои образцовые произведения – «Сида», «Цинну» и «Полиевкта», было 32 года, Ротру – 29, Бенсераду – 26, Мольеру – 19, Лафонтену – 17, Паскалю – 15, Боссюэ – 11, Лабрюйеру – 6, Расин же скоро должен был родиться. Наконец, девице де Скюдери, готовившей влияние женщин на общество, было не более 31 года, а Нинон и г-же Севинье, завершившим ее дело, соответственно – 21 и 12.

ГЛАВА VI

1639–1643

Рождение герцога Анжуйского. – Замечания о сентябре. – Благосклонность к Сен-Мару. – Французская Академия. – Трагедия «Мириам». – Первое представление трагедии «Мириам». – Фонтрайль. – Ла Шене. – Г-н ле Гран. – Анекдот о Сен-Маре. – Фабер. – Страшный заговор. – Отъезд короля на юг Франции. – Болезнь кардинала. – Последние минуты кардинала. – Два суждения об этом министре.

В первые два-три года жизни Луи XIV важными обстоятельствами были: кончина патера Жозефа, о котором мы уже упомянули в начале нашего рассказа, возрастающее расположение короля к Сен-Мару вместо девицы д'Отфор и, наконец, рождение у королевы второго сына, герцога Анжуйского,

последовавшее 21 сентября.

Это обстоятельство обращает внимание на то странное влияние, которое месяц сентябрь имел на тогдашний век. Кардинал родился 5 сентября 1585 года, король – 27 сентября 1600-го, королева – 22 сентября 1601-го, дофин – 5 сентября 1638-го, герцог Анжуйский – 21 сентября 1640-го, наконец, Луи XIV умер в сентябре 1715 года.

Вследствие изучения этих обстоятельств ученые пришли к выводу, что и сотворение мира было также в сентябре, – это очень обрадовало Луи XIII и служило ему порукой будущего благополучия его государства.

Между тем, хотя королева и не вернула своего прежнего влияния на короля, их отношения сделались лучше, в то время как постоянными угнетениями со стороны кардинала Луи XIII все более и более тяготился, и его расположение к нему стало незаметным образом превращаться в тайную ненависть, чего кардинал при своем проницательном уме не мог не заметить.

И то сказать, все окружающие короля были на стороне его высокопреосвященства – слуги, придворные, чиновники и любимцы. Во всем многочисленном придворном штате только трое – де Тревиль, Дезэссар и Гито – твердо держали: два первые – сторону короля, последний – сторону королевы.

Луи XIII снова сблизился с девицей д'Отфор, но это сближение, несмотря на то что в нем не было ничего предосудительного, могло быть пагубно для кардинала, потому что и королева питала самую искреннюю дружбу к этой фрейлине.

Ришельё сумел удалить д'Отфор, как некогда удалил м-ль де Лафайет, и заменил ее молодым аристократом, на которого он мог рассчитывать. Луи XIII, как и всегда, не противился распоряжениям своего министра, ибо для него было как бы все равно – иметь ли у себя фавориток или фаворитов, хотя, по всей вероятности, любовь его к одним была не так прочна, как к другим.

Молодым человеком, представленным королю в качестве нового фаворита, был маркиз Сен-Мар, имя которого стало известным благодаря прекрасному роману Альфреда де Виньи.

Ришельё давно уже заметил, что король с особенным удовольствием разговаривает с этим молодым человеком, и, рассчитывая на него, поскольку и маршал д'Эффиа, отец маркиза, был им облагодетельствован, желал доставить ему у короля то место, которое занимал Шале.

Этим кардинал как бы желал показать, что одинаковые причины порождают обыкновенно и одинаковые последствия.

Итак, Сен-Мар поступил ко двору Луи XIII, но не в качестве гардеробмейстера, каковую должность занимал тогда Лафор, а как главный шталмейстер малой конюшни.

Сен-Мар более полутора лет не доверял опасному благорасположению, которое ему оказывали. Он помнил обезглавленного Шале, изгнание Баррадаса и, по своей молодости, красоте и богатству, мало заботился о приобретении королевского благорасположения, последствия которого могли быть для него крайне опасны. Но Ришельё и судьба влекли его по этому пути, сопротивляться было невозможно.

Впрочем, Луи XIII ни к кому не был так расположен, как к Сен-Мару, и при всех громко называл его своим милым другом, не мог быть без него ни одной минуты, так что, когда Сен-Мар приехал на осаду города Арраса, король взял с него слово, что тот будет писать ему два раза в день. И если в продолжение суток от Сен-Мара не было письма, то король весь вечер скучал, даже плакал, говоря, что Сен-Мар, без сомнения, убит и что он всегда будет сожалеть об этой потере.

Между тем кардинал не переставал питать ненависть к королеве, а со вторыми, удачными родами королевы она еще более усилилась. Поэтому его преосвященство, выстроив себе великолепный кардинальский дворец, кажется, пожелал при освящении своего нового жилища показать новый пример своего мщения королеве.

Известно, что кардинал любил поэзию. В 1635 году он основал Французскую Академию, которую Сан-Жермен назвал «птичником Псафона»; благодарные академики превозносили Ришельё выше небес и по его приказанию раскритиковали «Сида». Скажем больше, они велели написать портрет его высокопреосвященства на фоне огромного солнца, от которого расходились сорок лучей, и каждый оканчивался на имени академика.

Кардинал показывал себя большим любителем поэзии и во время своих литературных занятий никого не принимал. Однажды, разговаривая с Демаре, он вдруг спросил:

– В чем, как вы думаете, я нахожу наиболее удовольствия?

– По всей вероятности, – отвечал Демаре, – в том, чтобы сделать Францию счастливее.

– Вы ошибаетесь, – возразил Ришельё, – в сочинении стихов.

Как в этом, так и в других ситуациях, кардинал не любил возражений. Однажды д'Этуаль самым скромным образом заметил кардиналу, что между его стихами, которые его преосвященство сам изволил ему читать, он нашел один тринадцатистопный стих.

– Что за беда, сударь! – отвечал Ришельё. – Мне так было угодно. И будь он одной стопой больше или меньше, это все равно – он у меня пойдет!

Но, несмотря на возражение великого министра, этот стих не прошел ему даром: стихи писать – не то что писать законы!

Хорошо ли, худо ли, но кардинал окончил, однако, свою трагедию «Мириам», которую он сочинил при помощи Демаре, и, желая поставить ее на новоселье в своем новом дворце, пригласил короля, королеву и весь двор на представление. Зала, в которой должна была быть представлена трагедия, стоила ему 300 000 экю.

В один и тот же вечер его преосвященство должен был одержать две победы: одну над королевой, то есть отомстить ей за все прошедшее, другую – над слушателями, то есть получить единодушные похвалы за свою трагедию. В пьесе было много сатиры и едких намеков, направленных против Анны Австрийской, осуждались и ее отношения к Испании, и ее любовь к Бэкингему. Поэтому следующие стихи не могли не обратить на себя внимания:

Та, которая вам кажется небесным светилом,
Есть пагубное светило моей семьи,
И, может быть, для государства…
Далее король говорил опять:
Внутри, Акаст, различными путями
Все царству моему стараются вредить:
Волнуют мой народ, я окружен врагами,
То явно, то тайком, хотят меня убить.

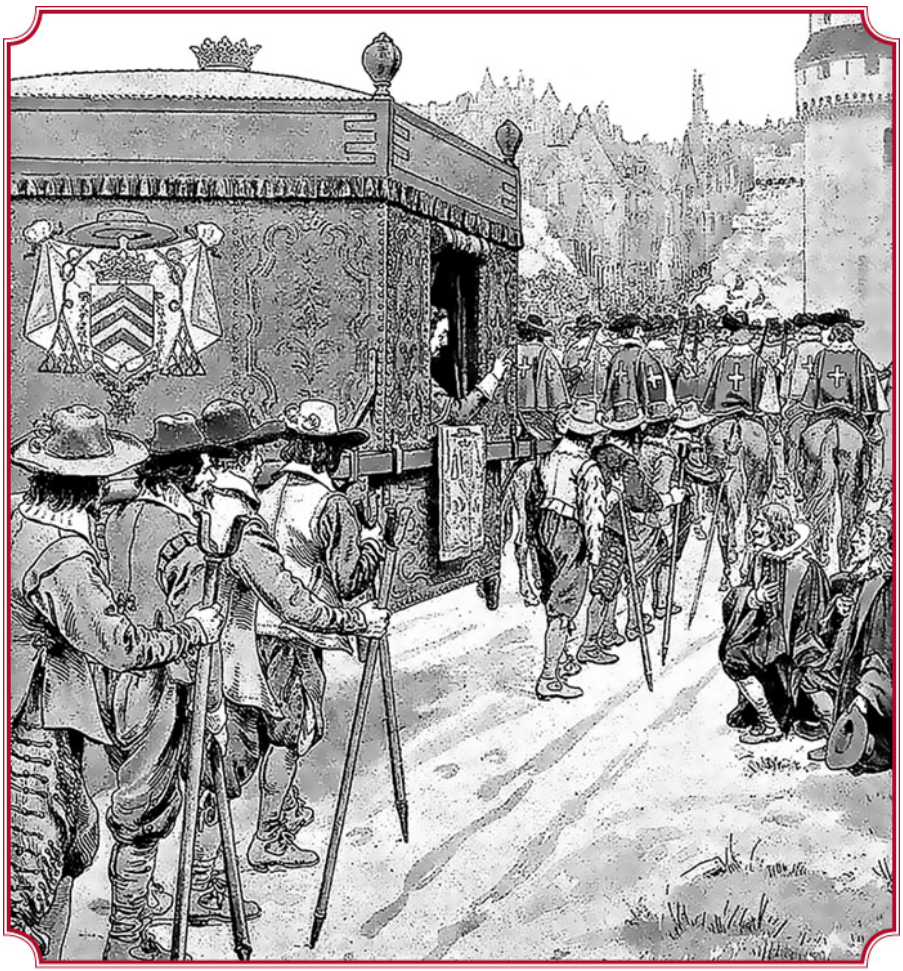
Мало того, когда Мириам была обвинена в преступлениях против государства, она сама обвинила себя в другом преступлении, и, видя, как все ее оставляют, говорит своей наперснице:

Преступной чувствуя себя, влюбившись в иностранца,
А он, в любви своей, погубит наше государство.

Все эти стихи сопровождались громкими рукоплесканиями. Кардинал, восхищенный успехом своей трагедии и мщением, был вне себя от радости – он то и дело высовывался из своей ложи, для того чтобы себе самому аплодировать или водворить тишину, дабы зрители не проронили ни одного слова из прекраснейших мест его пьесы. Что касается Анны Австрийской, то можно себе

представить, как она себя чувствовала!

Пьеса была посвящена королю академиков Демаре, который взял на себя ответственность за ее содержание. Король принял посвящение; правда, в то же время он отказался принять посвящение ему «Полиевкта», чтобы не платить Корнелю то, что Моторон заплатил за посвящение ему «Цинны», то есть двухсот пистолей. Вследствие этого «Полиевкт» был посвящен королеве.



Морис Лелуар. Носилки Ришельё. *1910-е гг.*

Сен-Мар вместе с Фонтрайлем присутствовал на представлении. Они оба сидели в ложе короля, много между собой разговаривали и мало слушали. За такое невнимание кардинал возымел недоверчивость к одному и поклялся отомстить другому.

Спустя некоторое время, Фонтрайль, Рювиньи и несколько

других дворян находились в приемной кардинала, в Рюэле, ожидая какого-то иностранного посланника. Ришельё вышел из своей комнаты, чтобы встретить важного гостя, и, увидя Фонтрайля, который не только был некрасив, но еще имел сзади и спереди горбы, сказал ему:

– Посторонитесь, не стойте на виду, г-н Фонтрайль! Посланник не за тем ведь приехал во Францию, чтобы смотреть на уродов!

Фонтрайль заскрежетал зубами и удалился, не ответив.

«Ах, злодей! – говорил он про себя. – Ты мне вонзил нож в сердце, но, будь спокоен, при малейшем удобном случае я отомщу тебе!»

С этой минуты единственным желанием Фонтрайля было отомстить кардиналу, и дерзкое, безрассудное слово Ришельё отозвалось ему ровно через год в ужасном заговоре, какого до сих пор не бывало.

Фонтрайль был в числе лучших друзей Сен-Мара. Он дал ему понять, что для него стыдно служить шпионом кардиналу и обманывать короля, который осыпал его ласками и благодеяниями. Сен-Мар не любил короля и принимал его дружбу, пожалуй, с некоторым отвращением, но он был честолюбив и видел, что против кардинала составляется заговор. Поэтому Сен-Мар не удержался и принял в нем участие.

Фавориту надоело быть подчиненным, и он попросил себе место обер-шталмейстера, которое король ему дал, несмотря на сопротивление Ришельё. Но прежде чем Сен-Мар получил новое назначение, кардинал узнал об этом от первого камердинера его величества Ла Шене, который был шпионом его преосвященства.

Министр, желая в самом начале помешать успеху Сен-Мара, поспешил приехать в Лувр, чтобы принести на него жалобу. Луи XIII советовал Сен-Мару никому не говорить о будущем своем назначении, о котором знали только он и Ла Шене. Сен-Мар клялся, что никому ничего не говорил, обвинял Ла Шене и просил выгнать его из дворца. В то время король ни в чем не отказывал своему фавориту – Ла Шене с бесчестием был выгнан и отправился жаловаться кардиналу, который с ужасом увидел, до чего дошла власть нового любимца.

Желающие знать, как Сен-Мар достиг этого могущества, могут почерпнуть подробные сведения из записок Таллемана де Рео. Впрочем, Сен-Мар был странный фаворит и вечно ссорился со своим государем, ибо, исключая кардинала, Сен-Мар любил все, что ненавидел Луи XIII, и ненавидел то, что тот любил.

Между тем представление трагедии «Мириам», как можно было видеть, отнюдь не сблизило или, лучше сказать, не

помирило королеву и кардинала. Имея после двух родов уже более силы и влияния, она уговорила герцога Орлеанского – этого вечного заговорщика и изменника своим соучастникам – попытаться предпринять что-нибудь против Ришельё.

Ободряемый Фонтрайлем и ослепленный любовью короля, Сен-Мар желал сделаться главой заговора, ибо полагал, что и сам Луи XIII рано или поздно согласится принять участие в заговоре.

В то время готовились к войне с Испанией. Каталония желала присоединиться к Франции, чтобы доказать, что Франция может рассчитывать на Арагон и Валенсию. Генерал Ламот-Худанкур прислал к кардиналу курьера по имени Лавалле для уведомления об этом обстоятельстве. Кардинал ответил, что через два или три месяца он сам вместе с королем приедет в Испанию.

Вследствие этого обещания, которое он действительно намеревался исполнять, кардинал потребовал к себе в августе 1641 года адмирала Брезе, приказал ему немедленно вооружить корабли, стоящие в гавани Бреста, и вести их через Гибралтар к Барселоне, между тем как король отправился сухим путем на Перпиньян. И так как Ришельё назначил эту экспедицию на конец января, то адмиралу нельзя было терять время и он обещал в течение недели выехать из Парижа.

Получив приказания кардинала, адмирал Брезе должен был представиться с ними королю. Пользуясь своим высоким званием, он явился прямо в кабинет его величества. Король стоял у окна и так горячо разговаривал с Сен-Маром, что ни тот, ни другой не заметили присутствия адмирала.

Поэтому последний, хотя и против своего желания, услышал часть разговора – Сен-Мар изливал свой гнев на кардинала, упрекал его в различных преступлениях, и король, казалось, не защищал своего первого министра.

Брезе не знал, что и делать, но добрый гений вдохновил его, и он, молча, затаив дух, вышел из королевского кабинета, не будучи замечен. Брезе был одним из самых преданных кардиналу людей, но он был также и честным человеком. Что ему было делать? Пересказать министру содержание разговора – выглядело бы шпионством, а умолчать об услышанном – значило изменить дружбе.

Тогда он решил воспользоваться первым случаем, чтобы как-нибудь поссориться с Сен-Маром, вызвать его на дуэль, убить его и тем все покончить. Однако случаю было угодно распорядиться иначе: в продолжение четырех или пяти дней адмирал ни разу не встретился с обер-шталмейстером.

Прошло еще два дня, а Брезе безуспешно искал случая встретиться с Сен-Маром. Недельный срок кончился, и нужно

было выезжать в Брест. При встрече кардинал напомнил Брезе о времени отъезда, тот попросил отсрочки еще на два дня; прошли и эти дни, а молодой адмирал все не выезжал из Парижа. Наконец, заметив холодное обращение с ним кардинала и не зная, что делать, он обратился к Нуайе и все ему рассказал.

– Хорошо, – сказал Нуайе, – вы не отправляйтесь ни сегодня, ни завтра.

– А если кардинал будет сердиться на то, что я ему не повинуюсь? – с некоторым замешательством спросил адмирал.

– Если кардинал будет сердиться, – заявил Нуайе, – я все беру на себя.

Полагаясь на это обещание, Брезе остался. На другой день кардинал, увидев его, сказал с ласковой улыбкой:

– Вы хорошо сделали, г-н адмирал, что взяли отсрочку и что вы остались. Теперь можете ехать в Брест и будьте спокойны, я не забываю ни моих друзей, ни моих врагов!

Адмирал Брезе уехал, а Ришельё стал еще более внимательно следить за Сен-Маром, сильная привязанность короля к которому тревожила его все больше.

Между тем заговор развивался. Фонтрайль, переодевшись в капуцина, поехал в Испанию, чтобы лично представить испанскому королю договор, в который с ним хотели вступить Гастон Орлеанский, королева, де Буйон и Сен-Мар. Любимец Луи XIII по гордости своей думал, что никто не может поколебать королевского к нему расположения, но ошибался – настал черный день и для него. Король потерял к нему любовь, и вот по какому случаю.

Авраам Фабер, впоследствии ставший маршалом Франции, служил тогда капитаном в королевской гвардии, и король был о нем очень хорошего мнения. Уверяют даже, что однажды Луи XIII, вспомнив, каким образом он освободился от маршала д'Анкра, признался Фаберу в намерении умертвить кардинала, давая понять, что исполнение замысла он хочет поручить ему. Фабер, как говорили, покачал головой и отвечал:

– Государь, я не Витри.

– Кто же вы? – спросил король.

– Государь, я – Авраам Фабер, слуга ваш на все другое, но не на убийство.

– Хорошо, – резюмировал Луи XIII, – я хотел только вас испытать, Фабер, я вижу, что вы благородный человек, и благодарю вас за это. Благородные люди со дня на день встречаются всё реже.

Однако Фабер, несмотря на смелость своего ответа, не потерял хорошего к себе отношения короля. Однажды он

разговаривал с его величеством об осадах и сражениях, а Сен-Мар, будучи молод, храбр и предприимчив, во многих мнениях не соглашался с Фабером и довольно дерзко ему противоречил. Этот спор гордости со знанием наскучил королю, и, желая прекратить его, Луи XIII сказал:

– Послушайте, г-н Ле Гран (так звали Сен-Мара со времени получения звания обер-шталмейстера), вы не правы… Странно, человек, который ничего никогда не видел, хочет спорить с опытным в своем деле.

– Ваше величество, – отвечал удивленный Сен-Мар, как бы гневаясь на то, что король не захотел принять его сторону, – на свете есть много вещей, которые с помощью рассудка и воспитания можно знать, даже не видев их.

Затем, сделав королю легкий поклон, Сен-Мар направился прочь и, проходя мимо Фабера, сказал:

– Благодарю вас, г-н Фабер, я не забуду того, чем вам обязан.

Король не расслышал последних слов своего фаворита. Проводив его глазами и оставшись наедине с Фабером, он спросил:

– Что сказал вам этот ветреник?

– Ничего, ваше величество, – отвечал капитан.

– А мне послышалось, что он позволил себе какую-то дерзость.

– Кто же смеет говорить дерзость в присутствии вашего величества… притом, я бы их не стерпел.

– А знаете ли, Фабер, – продолжил король после некоторого молчания, – я хочу сказать вам все.

– Мне, ваше величество? – удивился капитан.

– Да, вам, как человеку честному… знаете ли, мне этот Ле Гран надоел… ужасно надоел!

– Ле Гран? – Капитан несколько растерялся.

– Ну да, Фабер, Ле Гран мне в тягость, вот уже полгода, как он мне опротивел.

Фабер вытаращил глаза.

– Но, ваше величество, – сказал он после минутного молчания, – все знают, что г-н Ле Гран пользуется особенным благорасположением вашего величества.

– Да, – продолжал король, – да, это заключают из того, что он остается при мне, когда все уходят, но он остается совсем не для того, чтобы разговаривать со мной наедине, нет, Фабер, совсем не то – он уходит в гардеробную читать Ариосто. Мне кажется, никто не может лучше меня знать, что он значит в моем доме, не так ли? Итак, я вам говорю, что нет на свете человека, который имел бы так мало благодарности и был так склонен к порокам, как Сен-

Мар.

Он иногда по целым часам заставляет меня ожидать себя в карете, между тем как сам гоняется за хорошенькими Марион Делорм или Ла Шомеро. Он меня разоряет, Фабер, государственные доходы не в состоянии покрывать его издержки. Знаете ли вы, что в настоящее время у него до трехсот пар одних сапог?

В тот же день Фабер известил кардинала о положении, в котором Сен-Мар находился при короле. Ришельё не хотел этому верить, он три или четыре раза заставил капитана повторить разговор его с королем, спрашивая, были ли то собственные слова его величества.

Вполне полагаясь на честность Фабера и не сомневаясь в его донесении, но, видя, что Сен-Мар, несмотря на охлаждение короля, остается совершенно спокойным, кардинал подозревал, что какой-нибудь заговор поддерживает эту власть обер-шталмейстера. И он не ошибался – Сен-Мар, потеряв расположение короля, был поддерживаем королевой и герцогом Орлеанским. К тому же договор был уже принят в Мадриде, и Фонтрайль возвратился в Париж с лестными обещаниями испанского короля.

Спустя несколько дней после этого события, де Ту пришел к Фаберу, своему приятелю, чтобы склонить его на сторону Сен-Мара, но при первых же словах Фабер его остановил:

– Милостивый государь, я знаю о Сен-Маре многое, чего вам не могу сказать. И прошу вас, не говорите мне о нем.

– В таком случае, – предложил де Ту, – поговорим о чем-нибудь другом?

– Пожалуй, но только не о делах государственных, ибо предупреждаю вас, что перескажу об этом кардиналу.

– Ах! Боже мой! – воскликнул де Ту. – Какое же добро сделал вам его высокопреосвященство, что вы сделались таким его другом? Он даже не дал вам гвардейской роты, вы ее купили!

– А вам не стыдно, – возразил Фабер, – угождать мальчику, который только вышел из пажей? Берегитесь, де Ту! Не встречайтесь с ним более, ибо, поверьте мне, он ведет вас по худой дороге!

Не говоря более ни слова, Фабер распрощался с де Ту, который по нерешительности своего характера пришел в большое недоумение и удивление.

Между тем пришло время отъезда, о котором Ришельё говорил адмиралу Брезе. Король выехал из Сен-Жермен 27 февраля 1642 года. В Лионе он остановился, чтобы отслужить благодарственный молебен за Сен-Кампенскую победу, которую

граф Гебриан одержал над генералом Ламбуа. Выходя из церкви по окончании молебна, отслуженного кардиналом, король встретил депутацию жителей Барселоны, которые приглашали его в свой город.

Все шло как нельзя лучше: победами графа Гебриана кардинал наносил удары империи, при помощи Ламот-Худанкура он порабощал Испанию.

Король и кардинал отправились в дальнейший путь через Вьенну, Валенсию, Ним, Монпелье и Нарбонну. В Нарбонне Фонтрайль присоединился ко двору. Он вез с собой договор, заключенный между ним и герцогом Оливаресом; договор был подписан чужими именами: Фонтрайль подписался как Клермон, герцог Оливарес – как дон Гаспар Гусман. Этот договор привел Сен-Мара в совершенный восторг.

Он получил также блистательные обещания письменно или устно от Гастона. Здоровье короля было так слабо, что, казалось, недолго оставалось ожидать смерти. Гастон, в этом случае, обязывался разделить регентство с Сен-Маром, поэтому бывший любимец короля был более чем спокоен и весел, что немало тревожило кардинала.

Уезжая в Нарбонну, король имел целью завоевание Руссильона и окончание осады Перпиньяна. Но здесь с кардиналом случилось чрезвычайное – у него образовался сильный нарыв на руке, и, одержимый лихорадкой и с трудом перенося боль, он объявил, что не может ехать далее. Король остался еще на несколько дней в Нарбонне, ожидая, что кардиналу сделается лучше, однако болезнь усиливалась, и король, чтобы не терять напрасно времени, решился ехать в лагерь без своего министра.

Между тем кардинал, оставшийся в Нарбонне, тем более беспокоился о своей болезни, что она давала Сен-Мару, его врагу, возможность снова сблизиться с королем. Он догадывался, что какой-то ужасный заговор составлен против него, а следовательно, и против Франции, и в то время, когда требовалась вся его энергия, весь его гений, как нарочно, сильная лихорадка удерживала его в постели, вдали от короля, вдали от осады, вдали от государственных дел.

К довершению несчастья, врачи объявили кардиналу, что морской воздух ему вреден, и если он останется в Нарбонне, то болезнь может усилиться. Ришельё вынужден отправиться в Прованс; он выехал из Нарбонны в столь отчаянном состоянии, что перед отъездом велел призвать к себе нотариуса и продиктовал ему свое духовное завещание.

В то время как кардинал отправился искать лучшего климата

в Арле и Тарасконе, король, на котором снова лежала ответственность за все дела королевства, чувствовал себя не в силах заниматься в одно и то же время войной и политикой. Поэтому, думая, что Ришельё еще в Нарбонне, он отправился 10 июня в этот город в сопровождении своих приближенных, между которыми находились также Сен-Мар и Фонтрайль.

Филипп де Шампань.
Кардинал Ришельё на смертном одре. *После 1642 г.*

Но вот что произошло в то время, как король возвращался в Нарбонну – так, по крайней мере, рассказывает Шарпантье, главный секретарь кардинала.

Ришельё, отправляясь в Тараскон, остановился за несколько лье до этого города на одной станции для отдыха. Не успел еще кардинал войти в комнату, как ему доложили о приезде испанского курьера с весьма важными известиями и что курьер требует аудиенции у его высокопреосвященства. Шарпантье представил курьера кардиналу, и тот вручил письмо.

При чтении этого письма кардинал сделался еще бледнее и сильная дрожь пробежала по всему его телу. Он приказал всем удалиться, кроме Шарпантье, и, когда они остались одни, попросил:

– Г-н Шарпантье, прикажите принести мне бульону, я чувствую себя совершенно расстроенным.

Когда принесли бульон, Ришельё сказал:

– Заприте дверь на ключ. – И еще раз перечитал депешу. Передавая ее Шарпантье, он приказал: – Теперь ваша очередь. Прочтите ее и снимите с нее копию.

То, что Ришельё дал прочитать своему секретарю, было договором испанского короля с заговорщиками. По снятии копии его преосвященство попросил к себе де Шавиньи, того самого, который три года тому назад известил короля о беременности королевы.

– Г-н де Шавиньи, – сказал Ришельё, – возьмите с собой Нуайе и поезжайте с этой бумагой к его величеству. Найдите его, где бы он ни был. Король скажет вам, что это вздор, но вы настаивайте на аресте Ле Грана. И скажите, что если депеша ложная, то всегда будет время вернуть ему свободу, а между тем, если неприятель вступит в Шампань и герцог Орлеанский овладеет Седаном, то тогда помочь беде будет труднее.

Де Шавиньи тоже прочитал депешу, которую ему следовало отдать королю, и, взяв с собой Нуайе, немедленно отправился в путь. Посланные нашли короля в Тарасконе. В то время как король разговаривал со своими придворными, между которыми находились и Сен-Мар с Фонтрайлем, ему доложили о приезде двух государственных секретарей. Король, догадываясь, что они приехали от кардинала, тотчас же попросил их к себе в кабинет.

Фонтрайль не мог не догадаться о причине, по которой явились к королю де Шавиньи и Нуайе. Видя, что конференция между ними и королем затягивается, он отвел в сторону Сен-Мара и шепотом сказал ему:

– Послушайте, Ле Гран, мне кажется, дела приобрели худой оборот! Не лучше ли нам бежать?

– Ба! – отвечал Сен-Мар. – Какой вы глупец, любезный Фонтрайль!

– Милостивый государь, – возразил ему Фонтрайль, – если вам отрубят голову, вы, по вашему высокому росту, еще останетесь красивым и стройным человеком, а я, по правде сказать, слишком мал и не могу так легко рисковать головой, как вы… Итак, я ваш покорный слуга. – С этими словами Фонтрайль поклонился и уехал.

Что кардинал думал, то действительно и случилось. Король раскричался, рассердился и отослал де Шавиньи обратно к кардиналу, говоря, что только при другом, безусловном доказательстве он может решиться посадить в тюрьму Ле Грана и что все это ничего более, как интриги кардинала против несчастного юноши.

Де Шавиньи возвратился к министру и через несколько дней привез королю подлинник испанского договора.

Когда де Шавиньи вошел, Луи XIII разговаривал с Сен-Маром. Де Шавиньи подошел к королю, будто явился с обыкновенным визитом, без особой надобности, но, разговаривая с королем, тихонько потянул его за полу платья, что делал тогда, когда ему надо было сообщить королю нечто особенное. Луи XIII тотчас повел его в свой кабинет.

Сен-Мар пришел на этот раз в некоторое беспокойство и хотел последовать за королем и де Шавиньи, но тот значительным тоном заявил ему:

– Г-н Ле Гран, мне нужно кое-что сказать его величеству!

Сен-Мар посмотрел на короля и заметил, что его величество бросил на него свойственный ему суровый взгляд. Предчувствуя свою погибель, он устремился к себе, чтобы взять деньги и бежать, но не успел он войти в свою комнату, как к главным дверям дома, занимаемого двором, были поставлены солдаты.

Ему едва удалось выйти через заднюю дверь в сопровождении своего камердинера Беле, который скрыл его в доме одного мещанина, дочь которого он любил. Камердинер выдумал какой-то предлог, чтобы склонить хозяина и его дочь, не знавших Сен-Мара, спрятать его у себя дома.

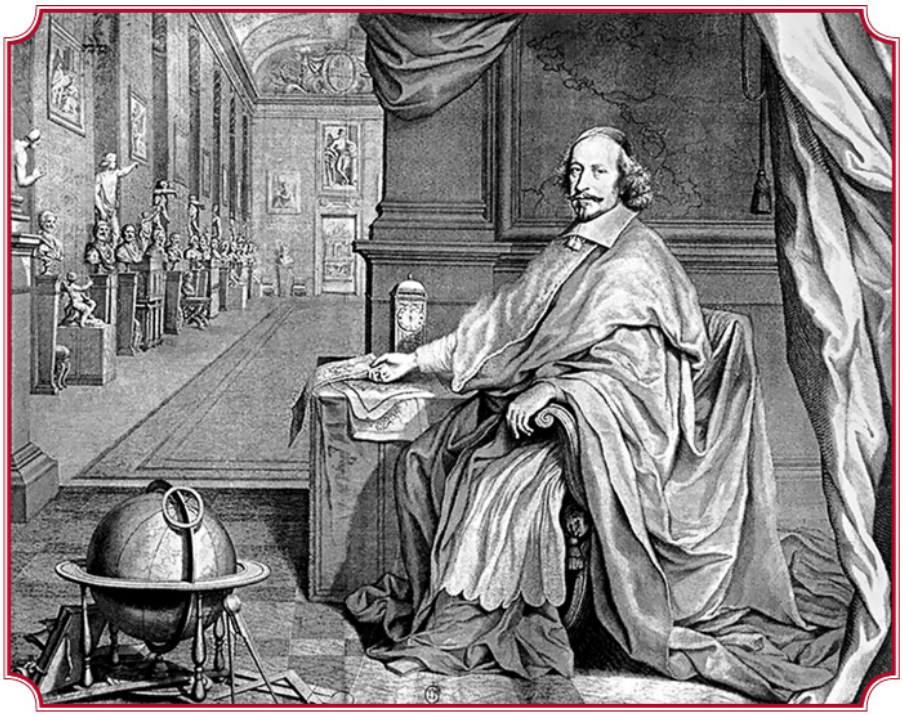
Вечером Сен-Мар приказал одному из своих слуг посмотреть, не отворены ли где-нибудь городские ворота, через которые он мог бы выйти из Нарбонны. По лености или от страха, но лакей не выполнил данного ему поручения и донес своему господину, что все ворота заперты. Лакей солгал, потому как в эту ночь было приказано не запирать те ворота, через которые ожидали въезда маршала Ла Мейльере со свитой. Итак, Сен-Мару суждено было остаться в Нарбонне.

На другой день утром мещанин, выйдя из дома к обедне, услышал, что при звуке труб на перекрестках объявляют о поиске беглеца и что тот, кто выдаст Ле Грана, получит в награду 100 золотых экю, кто же скроет его, будет предан смерти.

«Эге, – сказал про себя мещанин, – не о том ли господине идет речь, что скрывается у меня?» – И с этими словами, подойдя к одному из глашатаев, попросил его прочитать ему приметы беглеца. Он сразу узнал, что человек, скрывающийся в его доме, тот самый, которого разыскивают, поэтому он тут же объявил об этом и повел за собой стражу, которая арестовала Ле Грана.

Подробности процесса и смерти Сен-Мара так известны, что мы даже не будем здесь о них говорить. Скажем только, что де Ту, как предсказал ему Фабер, был на дурной дороге, однако же прошел благородно по ней до конца и в пятницу 12 сентября взошел на тот же эшафот, на котором умер его друг Сен-Мар, – он не захотел ни изменить, ни расстаться с ним.

Но кардиналу недолго оставалось наслаждаться своим торжеством. Возвращаясь в Париж, он велел нести себя на знаменитых своих носилках, перед которыми распадались стены и сокрушались дома. В Рюэле ему сделалось лучше и он потребовал, чтобы врач его де Жюиф прорезал ему нарыв.



Робер Нантейль. Кардинал Мазарини в своей библиотеке. *1659 г.*

Врач повиновался, но объявил в тот же день академику Жаку Эспри, что его высокопреосвященство долго жить не будет. Ссора, происшедшая между королем и кардиналом, по всей вероятности, ускорила кончину последнего. Причиной этой ссоры были капитан мушкетеров де Тревиль, его свояк Дезэссар, Тилльяде и Ла Саль, которых Ришельё считал своими врагами.

Он до того докучал королю, что, наконец, трем последним было велено 26 ноября подать в отставку, однако Луи XIII хотел, чтобы их места остались незамещенными. Это желание короля привело кардинала в отчаяние, так как он видел, что все ожидают его скорой кончины, и, когда она последует, Дезэссар, Тилльяде и Ла Саль тотчас же вступят вновь в свои должности.

Тогда он напал на Тревиля, которого король тоже отстаивал, и послал ему отставку 1 декабря, объявив в то же время через

своего адъютанта, чтобы он не отчаивался и продолжал рассчитывать на благорасположение к нему короля, что он посылается в Италию на самый непродолжительный срок.

Тревиль уехал в тот же день, и король сказал Шавиньи и Нуайе, что он удаляет этих четырех вернейших своих слуг только в угоду кардиналу, чтобы не ссориться с ним в те немногие дни, которые тому осталось прожить на свете.

Слова эти были переданы кардиналу и так сильно на него подействовали, что боль в боку усилилась и пришлось прибегнуть к помощи врачей, которые дважды пускали ему кровь.

1 декабря, в тот самый день, когда Тревиль получил отставку и уверения короля, что отставка будет непродолжительна, кардиналу сделалось, по-видимому, лучше, но к 3 часам пополудни лихорадка усилилась. В следующую ночь кардинал находился в таком же состоянии, несмотря на то что были сделаны еще два кровопускания.

Во время болезни кардинала при нем находились его ближайшие родственники и близкие друзья; маршалы Брезе, Ла Мейльере и г-жа д'Эгийон также не отходили от кардинала.

2 декабря утром составился консилиум. К двум часам пополудни его величество, которому напомнили, что грешно питать ненависть к умирающему, приехал навестить кардинала и вошел к нему в сопровождении Вилькье и нескольких адъютантов. Ришельё, увидев подходящего к постели короля, немного приподнялся.

– Государь, – сказал он, – я знаю, что мне пришла пора отправиться в вечный, бессрочный отпуск, но я умираю с той радостной мыслью, что всю жизнь посвятил на благо и пользу отечества, что возвысил королевство вашего величества на ту степень славы, на которой оно теперь находится, что все враги ваши уничтожены. В благодарность за мои заслуги, прошу вас, государь, не оставить без покровительства моих родственников. Я оставляю государству после себя много людей, весьма способных, сведущих и указываю именно на Нуайе, де Шавиньи и кардинала Мазарини.

– Будьте спокойны, г-н кардинал, – отвечал король, – ваши рекомендации для меня священны, но я надеюсь еще не скоро употребить их.

При этих словах кардиналу была поднесена чашка с бульоном. Король взял ее с подноса и подал кардиналу, затем, под предлогом, что дальнейший разговор может беспокоить больного, он вышел из комнаты, и заметно было, что, проходя через галерею и глядя на картины, которые вскоре должны были ему принадлежать, ибо в своем завещании Ришельё отказывал

свой дворец дофину, он весело улыбался, несмотря на то что с ним шли приятели больного – маршал Брезе и граф д'Аркур, – которые проводили его до Лувра и которым он сказал, что не выйдет из дворца, пока кардинал не умрет.

Увидев вернувшегося д'Аркура, кардинал протянул ему руку и произнес печально:

– Ах, д'Аркур, вы лишитесь во мне доброго и истинного друга.

Эти слова сильно подействовали на графа, который, как ни были крепки его нервы, не мог удержаться и горько заплакал.

Потом, обращаясь к г-же д'Эгийон, больной сказал:

– Милая племянница, я хочу, чтобы после моей смерти вы… – И при этих словах он понизил голос, и, так как г-жа д'Эгийон была у его изголовья, никто не слышал, что он сказал, видели только, как она со слезами на глазах вышла из комнаты.

Тогда, подозвав к себе двух врачей, постоянно находившихся поблизости, Ришельё спросил:

– Господа, я спокойно жду смерти, но скажите мне, прошу вас, сколько времени остается мне еще жить?

Врачи с беспокойством посмотрели друг на друга, и один из них отвечал:

– Ваше высокопреосвященство, Бог, Который знает, как вы необходимы для блага Франции, не захочет, по благости Своей, так скоро прекратить вашу жизнь.

– Хорошо, – согласился кардинал. – Позовите ко мне Шико.

Шико был частным врачом короля. Это был весьма ученый человек, и кардинал питал к нему большое доверие. Как только Шико показался в дверях, больной спросил:

– Шико, я вас прошу не как врача, а как друга, сказать мне откровенно, сколько остается мне еще жить?

– Вы меня извините, – отвечал Шико, – если я вам скажу правду?

– Для того-то я вас и просил к себе, – заметил Ришельё, – ибо к вам одному имею доверенность.

Шико пощупал пульс больного и, немного подумав, отвечал:

– Г-н кардинал, через двадцать четыре часа вы или выздоровеете, или умрете.

– Благодарю, – прошептал Ришельё, – вот ответ, которого я желал. – И он сделал Шико знак, что хочет остаться один.

К вечеру лихорадка значительно усилилась и пришлось еще два раза сделать кровопускание. В полночь Ришельё пожелал причаститься. Когда священник приходской церкви Св. Евстафия вошел со Святыми Дарами и поставил их вместе с Распятием на стол, специально для того приготовленный, кардинал сказал:

– Вот Судия, который скоро будет меня судить. Молю Его от всего сердца осудить меня, если я когда-либо имел намерением что-нибудь другое, кроме блага религии и государства.

Больной причастился, а в 3 часа был соборован. Со смирением отрекаясь от гордости, бывшей опорой всей его жизни, он обратился к своему духовнику:

– Отец мой, говорите со мной, как с великим грешником, и обращайтесь со мной, как с самым последним из ваших прихожан.

Священник велел кардиналу прочитать «Отче наш» и «Верую», что тот исполнил с большим благоговением, целуя Распятие, которое держал в руках. Все думали, что он немедленно скончается, так безнадежно было его положение. Г-же д'Эгийон сделалось дурно, и она вынуждена была уехать к себе, где ей пустили кровь.

На другой день, 3 декабря, положение больного сделалось еще хуже, и, видя, что нет никакой надежды на выздоровление, врачи перестали давать лекарства. После 11 часов по городу разнесся слух о кончине кардинала, а в 4 часа пополудни король вторично приехал в кардинальский дворец и, к крайнему своему удивлению, быть может, и к неудовольствию, увидел, что больному сделалось немного лучше.

Некто Лефевр, врач из города Труа в Шампани, дал кардиналу проглотить пилюлю, которая так спасительно подействовала. Его величество оставался при больном около часа, изъявляя сильную печаль, и удалился не с такой радостью, как в первый раз.

Ночь кардинал провел спокойно, лихорадка уменьшилась, так что все думали уже о выздоровлении. Лекарство, принятое около 8 часов утра и значительно облегчившее состояние больного, еще более увеличило надежды приверженцев кардинала, но сам Ришельё не верил своему мнимому выздоровлению и около полудня отвечал пажу, присланному королевой узнать о его здоровье:

– Скажите ее величеству, что если она имеет причины на меня гневаться, то я умоляю ее во всем простить меня.

Едва паж вышел из комнаты, как кардинал почувствовал приближение смерти и, обратившись к г-же д'Эгийон, невнятно проговорил:

– Племянница, мне очень худо, я умираю и прошу вас, удалитесь. Ваша печаль терзает мое сердце, не присутствуйте при моей кончине…

Герцогиня хотела что-то сказать, но кардинал сделал столь умоляющий знак рукой, что она тотчас вышла. Едва она закрыла

за собой дверь, как кардинал впал в беспамятство, уронил голову на подушку и перешел в вечность.

Так умер, на 58 году жизни, в своем дворце и почти на глазах короля, который ничему так во все продолжение своего царствования не радовался, как этой смерти, Жан Арман дю Плесси, кардинал Ришельё.

Как о всяком человеке, который держал в своих руках кормило правления, так и о кардинале Ришельё существует два суждения: суждение современников и суждение потомства. Скажем сначала о первом.

«Кардинал, – говорил Монтрезор, – имел много хороших и много дурных качеств. Он был умен, но ум его не превышал обыкновенного. Не будучи знатоком изящного, он безотчетно любил все хорошее и никогда не мог отличить достоинств в произведениях ума. Он всегда завидовал тем, кого видел в славе и почестях.

Он питал вражду ко всем великим людям, какого бы звания они ни были, и все, кто сталкивался с ним враждебно, должны были почувствовать силу его мщения. Люди, которых он не мог осудить на смерть, провели жизнь в изгнании.

В продолжение его правления беспрестанно составлялись заговоры против его жизни, в которых иногда участвовал и сам король, но кардинал всегда торжествовал над ненавистью своих врагов. Наконец, кардинал – на катафалке, оплакиваемый немногими, ненавидимый почти всеми и рассматриваемый толпой только зевак, которые теснятся во дворце его».

Перейдем теперь к рассмотрению суждений потомства. Кардинал Ришельё, живший почти на равном расстоянии во времени между Луи XI, целью которого было сокрушить феодализм, и Национальным конвентом, который уничтожил аристократию, имел, кажется, подобно им, свое кровавое назначение.

Могущество вельмож, ослабленное Луи XII и Франсуа I, совершенно пало при Ришельё, приготовив своим падением безмятежное, неограниченное и деспотическое царствование Луи XIV, который напрасно искал вельмож и находил только придворных. Постоянные смуты, тревожившие более двух столетий Францию, прекратились в правление Ришельё.

Гизы, которые простирали руку к скипетру Анри III, принцы Конде, занесшие ногу на первую ступень трона Анри IV, Гастон, примеривавший на своей голове корону Луи XIII, обратились почти в ничто при Ришельё. Все, что вступало в борьбу с железной волей кардинала, разбивалось как хрупкое стекло.

Однажды Луи XIII, уступая просьбам своей матери, обещал

ревнивой и мстительной флорентинке лишить кардинала своей милости. Тогда собрался совет, членами которого были Марильяк, герцог де Гиз и маршал Бассомпьер; Марильяк предлагал убить Ришельё, герцог де Гиз – отправить в ссылку, Бассомпьер – заключить его в тюрьму, и каждый из них подвергся той участи, которую готовил кардиналу: Бассомпьер был посажен в Бастилию, герцог де Гиз – изгнан из Франции, Марильяк кончил жизнь на эшафоте, а сама королева Мария Медичи, которая хотела лишить его королевской милости, впала в немилость и умерла в Кельне в безвестности и нищете.

Пале-Рояль. *Гравюра. Конец XVII в.*

И что замечательно, всю эту борьбу кардинал выдержал не для себя, а для Франции, и враги, над которыми он торжествовал, были не только его врагами, но и врагами королевства.

Если Ришельё заставил короля вести жизнь скучную, несчастную и уединенную, если мало-помалу лишил его друзей, любимиц и семейства, то это было необходимо, для того чтобы эти друзья, любимицы и семейство не высасывали соки умирающего государства, которое, чтобы не погибнуть, имело нужду в его эгоизме, ибо не одну только внутреннюю борьбу вела Франция, к ней, по несчастью, присоединились еще и войны внешние.

Все эти вельможи, которых он истреблял, принцы крови, которых он изгонял, все эти незаконнорожденные дети королей, которых он заключил в тюрьмы, призывали во Францию иноплеменников, и те, спеша на призыв, вторгались с трех сторон в королевство: англичане через Гиень, испанцы через Руссильон,

империцы через Артуа.

Он прогнал англичан, отняв у них остров Ре и осадив Ла-Рошель, усмирил имперцев, отклонив Баварию от союза с ними, разорвав заговор их с Данией и посеяв раздоры в католической германской лиге, смирил Испанию, основав в ее тылу новое Португальское королевство, которое некогда Филипп II обратил в провинцию, а герцог Браганцский теперь сделал снова самостоятельным государством.

Средства его, конечно, были коварны или жестоки, но результат был велик. Шале пал, но он был в заговоре с Лотарингией и Испанией; Монморанси пал, но Монморанси вступил во Францию с оружием в руках; пал и Сен-Мар, но он призывал иноплеменников в королевство.

Может быть, без этой внутренней борьбы и удался бы тот обширный план, который впоследствии возобновили Луи XIV и Наполеон. Ришельё хотел от Нидерландов присоединить земли до самого Антверпена и Мехельна, он придумывал средство отнять у Испании Франш-Конте, присоединил Руссильон к Франции. Будучи сначала простым монахом, он силой своего гения сделался не только великим политиком, но и великим полководцем.

И когда пала Ла-Рошель, вследствие планов, перед которыми преклонились Шомберг, маршал Бассомпьер и герцог Ангулемский, он сказал королю: «Государь, я не пророк, но уверяю ваше величество, что если вы соблаговолите последовать моему совету, то даруете мир Италии в мае, покорите гугенотов Лангедока в июле и возвратитесь в свою резиденцию в августе». И каждое из этих предсказаний исполнилось в свое время, так что Луи XIII поклялся всегда следовать советам Ришельё.

Наконец, пробил последний час этого великого человека, который, по словам Монтескье, заставил своего государя играть вторую роль в своей монархии, но первую в Европе, унизил короля, но возвеличил его царствование, укротил бунты так, что потомки составлявших Лигу могли только составить Фронду, подобно тому как, после царствования Наполеона, потомки Вандеи 93 года могли составить лишь Вандею 1832 года.

notes

Примечания

1

Нантский эдикт – указ, изданный королем Генрихом IV в 1598 г. в целях прекращения религиозных конфликтов и законодательно устанавливающий статус протестантов (гугенотов) во Франции.

2

Ковы – козни (*устар.*).

З

Янсенисты – последователи янсенизма, религиозно-политического неортодоксального католического течения во Франции и Голландии в XVII–XVIII вв.

4

Она закрылась после смерти кардинала.

Вереды – нарывы, гнойники (*устар.*).

6

Надеясь пережить Людовика XIII, Ришельё хотел передать регентство Анне Австрийской и принцу Конде (сын которого был женат на его племяннице). С самой королевой у кардинала установились за последнее время довольно сносные отношения, так что он рассчитывал в любом случае остаться у кормила правления.

7

Должность Главного прево была сродни современной должности министра юстиции. Также в его ведении находились полицейские службы и вопросы обеспечения личной безопасности короля.

8

Генрих Лотарингский, герцог де Гиз (1550–1588), был главой Католической Лиги, основанной в 1576 г. Лига представляла собой политическое объединение, одной из основных задач которого была антипротестантская деятельность, выражавшаяся зачастую в экстремальных формах. Политическая популярность де Гиза, вкупе с отсутствием у Генриха III прямых наследников, делала главу Лиги возможным претендентом на трон в случае смерти короля (убийство Генриха III также связывают с деятельностью Католической Лиги). Убит в 1588 г. по приказу Генриха III.

9

Жак Клеман (1567–1589) – доминиканский монах, убивший Генриха III. Очевидно, организаторами убийства были руководители Лиги; Клеману отводилась роль исполнителя.

10

Короли династии Валуа правили во Франции в период с 1328 по 1589 г. С 1594 г. (год прихода к власти Генриха Наваррского) во Франции начинается период правления Бурбонов.

11

Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'Etat Recueillis et publies par M. Avenel. – T. VIII. – P. 5.

12

Hanotaux G. et La Force, duc de. Histoire du cardinal de Richelieu. – Paris, 1932.– T. I. – P. 69.

13

Диоцез представляет собой часть Католической Церкви, образованную по территориальному принципу и находящуюся под управлением одного епископа. (В восточных Церквах аналогом диоцеза является епархия.)

14

В апреле 1609 г. Ришельё в одном из писем к знакомым отмечал, что Люсонское епископство можно назвать самым глухим и грязным во всей Франции.

15

G. Hanotaux. Histoire du cardinal de Richelieu.—T. I. – P. 108.

16

XIX Вселенский собор был открыт 13 декабря 1545 г. в Тридент. Работа Собора длилась с перерывами 18 лет и завершилась в 1563 г.

17

Richelieu Armand de. Testament politique. – Amsterdam, 1700.– Part. I. – P. 7.

Carmona M. Richelieu. – Paris, 1983.– P. 431.

19

Последний довод короля *(лат.)*.

Кнехт Р. Ришельё. – Ростов-на-Дону, 1997.– С. 96–97.

21

Ультрамонтаны – приверженцы направления внутри Католической Церкви. Название образовано от латинских слов ultra (за, по ту сторону) и montes (горы). Имеется в виду местонахождение Рима – «за горами», т. е. за Альпами.

В период, о котором идет речь, сторонники данного течения отстаивали приоритет духовной власти над светской во всех вопросах, включая сугубо политические, не связанные с религией аспекты; также выступали за ограничение самостоятельности национальных Церквей и против отнесения к сфере исключительного ведения последних слишком широкого круга вопросов.

22

Исаак де Бенсерад.

Erlanger Ph. Richelieu. – Paris, 1996.

Черкасов П. П. Кардинал Ришельё. – М., 1990.– С. 376.

25

Такую сцену де Виньи изображает в романе «Сен-Мар».

26

A. *Poincare.* Rapport et notices sur l'edition des Memoires du cardinal de Richelieu. – Paris, 1905.– T. 1.– P. 3–9.

27

L. Batiffol. Les faux Memoires du cardinal de Richelieu. «Revue de deux Mondes». – Paris, 1921.– P. 869–894.

P. Bertrand. Les vraies et les faux Memoires du cardinal de Richelieu. Revue historique. – Paris, 1923.—T. 141.

29

M. Deloche. Les vraies Memoires du cardinal de Richelieu. Revue des questiond historiques. – 1928.– T. 109, № 3–4.

Вступление французского издателя. (*Примеч. ред.)*

31

Ришельё не высказывался подобным образом о себе самом. Эпиграф представляет собой несколько искаженное изложение фразы из «Политического завещания», где говорится о том, что государственные деятели вынуждены лишаться отдыха и благоденствия, с тем чтобы «видеть многих людей, могущих спать без страха в тени их бдений и жить счастливо благодаря их лишениям». (*Richelieu Armand Jean du Plessis, cardinal de.* Testament politique. – Amsterdam, 1700.– Part II. – P. 25).

32

Отцом Марии был великий герцог Тосканский Франческо-Мария I Медичи, матерью – эрцгерцогиня Жанна Австрийская. После смерти герцога в 1587 г. ему наследовал Фердинанд – его брат и дядя Марии, оставивший кардинальский сан и ставший великим герцогом Тосканским под именем Фердинанда Первого. Медичи были крупными банкирами, что обеспечивало им как экономическое, так и определенное политическое влияние в Европе.

33

В числе претендентов на брак с Марией Медичи были герцог де Браганс, наследник правившего ранее в Португалии рода; эрцгерцог Матиас, наследник и брат правящего императора Рудольфа. Предполагалась также возможность брака с принцем де Водемоном. Здесь, вероятно, идет речь о брате императора. Брак не состоялся, так как переговоры длились слишком долго и дядя Марии начал поиски других кандидатов.

Брак был заключен, согласно условиям договора, 6 октября 1600 г. во Флоренции (Генриха IV представлял дядя Марии). Это было одним из пунктов брачного контракта; среди других – положение об отказе Марии от прав на наследство своих родителей и обеспечение Генрихом своей жене ежегодной ренты.

Договор был подписан 17 января 1601 г. в Лионе. Причиной конфликта между Францией и Савойей было маркграфство Салюс. Война была начата с целью заставить герцога Савойского выполнить условия заключенного ранее договора, согласно которому часть территорий герцогства переходила Франции.

36

У Генриха и Марии родилось шестеро детей: Людовик (род. 1601), Николя (1607–1611), Гастон (род. 1608), Елизавета (род. 1602), Кристина (род. 1606), Анриетта-Мария (род 1609). Автор сравнения имеет в виду, что число детей каждого пола было таким же, как и число лилий в гербе (где было три лилии). Возможно, неясность в тексте объясняется погрешностью редактора или переписчика, написавшего «вслед за тем» вместо «всего» или «таким образом».

37

Екатерина-Анриетта де Бальзак д’Антраг, маркиза де Верней (1579–1633), была матерью двоих детей Генриха IV: Генриха, герцога де Верней (1601–1682), и Габриэль-Анриетты (ум. 1627), ставшей впоследствии супругой Бернара де Ногаре, герцога д’Эпернона.

38

Кончино Кончини, сын одного из министров тосканского герцога и муж Элеоноры Галигай. Приехал во Францию с Марией Медичи; в 1601 г. принял французское подданство. В 1610-м стал маркизом д'Анкром. С 1614 – маршал Франции. Был убит 24 апреля 1617 г.

39

Элеонора Галигай, супруга Кончини. Была приближенной Марии еще в Тоскане; приехала с ней во Францию. Сожжена на Гревской площади 8 июля 1617 г.

40

Кристина Лотарингская, жена Фердинанда I Медичи, племянница Екатерины Медичи.

41

Шарль де Гонто, герцог де Бирон, адмирал и маршал Франции. Был казнен 31 июля 1602 г. по обвинению в заговоре. Его отец, Арман де Гонто-Бирон, маршал Франции, был крестным отцом Ришельё.

42

Жак дю Перрон (1556–1618) – епископ Эвре с 1595 г. Упомянутая встреча состоялась 4 мая 1600 г. Ее результаты имели немалое значение для самого Перрона, ставшего кардиналом в 1604 г.

43

Филипп дю Плесси-Морней (1549–1623) – губернатор Сомюра и член Государственного совета с 1587 г. Дю Перрон указал на наличие в его работе «De l'institution de l'Eucharistie» (1598) нескольких сотен искаженных цитат, что и послужило причиной дебатов в Фонтенбло, начатых по инициативе автора указанного трактата.

44

Шарлотта-Маргарита де Монморанси (1594–1650) – супруга Генриха II де Бурбона, принца Конде.

Совет впоследствии соблюден не был. Во время регентства Марии Медичи основную роль в управлении делами государства играли супруги Кончини. Известна крайняя неприязнь к ним как французского дворянства, так и народа.

46

Елизавета Французская стала супругой Филиппа IV 18 октября 1615 г.

47

Елизавета Французская (1545–1568) – дочь Генриха II и Екатерины Медичи, супруга Филиппа II, короля Испании. По слухам, была отравлена.

48

Брак Анриетты Французской и Карла I состоялся в июне 1625 г.

49

Цезарь, герцог Вандомский (1594–1665) – сын Генриха IV и Габриели д'Эстре.

50

Дочь Генриха I де Гиза, супруга Франсуа де Бурбона, принца де Конти.

51

Оба брата были арестованы в 1626 г. за участие в заговоре Шале. Цезарь, после четырех лет тюремного заключения отказался от губернаторства в Бретани и уехал в Голландию. Впоследствии вернулся во Францию; в 1641 г. обвинялся в участии в подготовке убийства Ришельё. Бежал в Англию; во Францию вернулся после смерти Людовика XIII.

Впоследствии был заключен брак между Людовиком XIII и Анной Австрийской, а также между Елизаветой Французской и Филиппом IV.

53

Имеется в виду регентство Бланки Кастильской, длившееся с 1248 по 1254 г. и имевшее место во время участия ее сына, Людовика IX, в Крестовом походе.

54

Церемония состоялась в Сен-Дени 13 мая 1610 г., накануне убийства Генриха IV.

55

Генрих IV был убит Равайаком 14 мая 1610 г.

56

Людовик XIII родился 27 сентября 1601 г.; на момент гибели Генриха IV ему было восемь лет.

57

С 1605 по 1621 г. Папой был Павел V (Боргезе).

58

Жан-Рудольф Камерариус опубликовал во Франкфурте в 1607 г. книгу, где предсказывалось, что Генрих IV умрет насильственной смертью в возрасте 56 лет, 8 месяцев и двадцати одного дня.

59

Филипп III (1578–1621) стал королем Испании в 1598 г.

Это решение было вынесено не 13-го, а 20 декабря 1413 г. Теологический факультет осудил мнение Жана Пети, который, стремясь оправдать убийство Людовика Орлеанского, публично утверждал 8 марта 1407 г., что при определенных обстоятельствах позволительно убийство правителей.

61

XV Вселенский собор открылся 5 ноября 1414 г. в Констанце; работа Собора была завершена в 1418 г. Из решений Собора наиболее известно осуждение учений Джона Уиклифа (ум. 1384) и Яна Гуса (ок. 1370–1415); также низложение Балтазара Коссы (избранного Папой в 1410 г. в Пизе под именем Иоанна XXIII). Декрет, о котором упоминается в «Мемуарах», был принят Собором на пятнадцатой сессии 6 июля 1415 г.

62

Хуан де Мариана (1537–1624) – испанский иезуит. Возражал против теории Макиавелли; выступал за сословную конституционную монархию и против тирании; отрицал право государства вмешиваться в дела Церкви и настаивал на разделении светской и духовной властей; полагал, что народ имеет право восстания против тирана. Упомянутый труд был издан в Толедо в 1599 г.

63

Пьер Коттон (1564–1626) – иезуит, был духовником Генриха IV, впоследствии – духовником Людовика XIII.

64

Клавдий Аквавива (1542–1615) стал генеральным настоятелем Общества Иисуса в 1581 г. Декрет, изданный им 6 июля 1610 г., осуждал доктрины в защиту цареубийства и запрещал иезуитам любые выступления, противоречащие положениям декрета.

65

Роберт Беллармин (1542–1621) – философ и теолог, иезуит, кардинал с 1568 г. Известна его полемика с Яковом I, в ходе которой Беллармин доказывал, что правители получают власть не непосредственно от Бога, а лишь при посредстве общей воли, т. е. воли народа, являющегося носителем политической власти, которую он делегирует королю. Беллармин считал недопустимой тиранию, но также возражал и против цареубийства. Главной причиной несогласия с Яковом I служило утверждение Беллармина о том, что народ вправе избирать власть. В результате обращения Якова к европейским монархам книги Беллармина были осуждены и сожжены в ряде стран, в том числе и во Франции.

66

Цезарь Бароциус (1532–1607) – настоятель конгрегации ораторианцев в Италии, кардинал с 1596 г. В Риме был опубликован его труд по истории Церкви в двенадцати томах; в одиннадцатом томе доказывалось, что Сицилия по праву должна принадлежать Святому Престолу.

67

Регентство Екатерины Медичи длилось с 5 декабря 1560 г. до 17 августа 1563 г., то есть до достижения совершеннолетия Карлом IX.

68

Матиас наследовал своему брату Рудольфу, императору Германии, в 1612 г.

69

Имеются в виду суверенные правители (принцы), не являющиеся королями, – как например, герцоги Савойи или Лотарингии.

70

Речь идет о Нантском эдикте 1598 г., согласно которому протестантам принадлежало право собирать Генеральную ассамблею каждые три года.

71

Возможно, под «пожаром в христианском мире» Ришельё подразумевает Тридцатилетнюю войну, развязанную Габсбургами. Франция открыто вступила в нее в 1635 г. Война началась в 1618 г.; очевидно, указанное место «Мемуаров» было отредактировано позже этой даты.

72

Речь идет о Нантском эдикте 1598 г.

73

Даниэль Шамье (1565–1621) – теолог, деятель Реформации. Убит при взятии Монтобана 17 октября 1621 г.

Гаспар де Колиньи, маршал де Шатийон – внук убитого в Варфоломеевскую ночь адмирала Колиньи.

75

Эдмон Ришер (1559–1631) – синдик Парижского теологического факультета.

Никола Кофто – доминиканец, епископ в Дардани с 1617 г.; епископ Марселя с 1621 г.

77

Анри Кончини (1603–1631), который после ареста и казни родителей в 1617 г. был вынужден вернуться во Флоренцию.

78

Никола, герцог Орлеанский, умер 17 ноября 1611 г. в возрасте четырех лет.

79

Гастон-Жан-Батист – третий сын Генриха IV и Марии Медичи. После смерти брата получил титул герцога Орлеанского.

Герцога де Сюлли.

81

Восстание состоялось 5 июля 1611 г.

82

Бартелеми Жакино (SJ) был духовником принцессы Марии-Анриетты, будущей английской королевы.

83

Генрих III был убит Жаком Клеманом 1 августа 1589 г.

84

«Смиренные братья» (Freres Humilies) – монашеская конгрегация, основанная в XII в. Имеется в виду покушение на св. Шарля Борроме (1538–1584), кардинала и архиепископа Милана, которое предпринял 26 октября 1569 г. Жером Фарина, принадлежавший к этому ордену. Причиной, вероятно, было недовольство намерением Борроме реформировать орден. Покушение привело к упразднению ордена в феврале 1571 г. Папой Пием V.

Леопольд Австрийский – двоюродный брат Рудольфа II.

86

Карл IX Ваза (1550–1611).

87

Сигизмунд III – король Швеции; избран королем Польши в 1587 г.

88

Густав-Адольф (Густав III; 1594–1632) – король Швеции.

Луи Доле – адвокат, доверенное лицо Кончини.

Епископ-суфраган – епископ диоцеза, входящего в церковную провинцию. Церковная провинция представляет собой объединение нескольких соседствующих друг с другом диоцезов, управляемое архиепископом (митрополитом), стоящим во главе важнейшего диоцеза провинции. Епископы-суфраганы подчинены главе провинции. Суфраганами архиепископа Санса являлись семь епископов, в их числе – епископы Парижа (Анри де Гонди), Орлеана (Габриэль де л'Обеспин), Шартра (Филипп де Шеверни).

91

Согласно папской привилегии, право на пребенду (доход с церковного имущества), ставшую вакантной в январе или июле, принадлежало ученому Университета, чье имя было вписано в специальный регистр раньше остальных.

Мария Кончини (род. в 1608 г.).

93

Becanus – латинское написание фамилии Мартина Бекана (Martin Becan). Запрет книги Папой Павлом V состоялся 3 января 1613 г.

Дворец Люксембург.

95

Книги, внесенные в Индекс запрещенных книг, подразделялись на четыре категории. Ко второй относились те, что были написаны на темы политики или морали.

96

Сигизмунд Баторий – правитель Трансильвании с 1581 г., сдал ее Императору в 1602 г. Умер в Праге в 1613 г.

97

Франческо Суарес (1548–1617) – иезуит, философ и теолог. Преподавал в иезуитских коллегиях, в том числе с 1580 по 1585 г. – в Римской (Григорианский университет), позднее – в Саламанке. Сыграл значительную роль в развитии философии права и политической философии. В частности, его философские труды имели впоследствии определенное влияние на онтологию Мартина Хайдеггера; социально-политические взгляды были восприняты рядом мыслителей (в том числе Г. Гроцием, в основу работы которого «О праве войны и мира» лег трактат Суареса «О законах»).

Основные соч.: «Комментарии к “Суммам” св. Фомы» (1590), «Метафизические рассуждения» (1597), «О законах» (1612), «Защита католической апостольской веры от заблуждений англиканской секты» (1613).

98

Игнатий Арман (1562–1638) – иезуит, ректор коллежа в Турноне, стал провинциалом Общества Иисуса во времена правления Генриха IV.

99

Фронтон Ле Дюк (1558–1624) – иезуит, профессор теологии коллежа в Клермоне.

100

Жак Сирмон (1559–1651) – иезуит, теолог. Стал духовником Людовика XIII в 1637 г.

101

Анри-Луи де ла Рош-Позе (1577–1651) – епископ Пуатье с 1611 г.

Имеется в виду ордонанс 1374 г.

103

Шарль д'Альбер (1578–1621) – герцог де Люинь (с 1619 г.). Был пажом Людовика XIII; в апреле 1621 г. стал коннетаблем Франции. Фактически управлял делами государства от имени короля после смерти Кончини.

Генеральные Штаты Соединенных Провинций (Нидерланды).

105

«Годовое право» (полетта) – ежегодный взнос, составляющий 1/60 от цены должности, дающий право перехода ее по наследству.

106

Согласно ордонансам Карла IX от 1568 г., передача должности была действительна, если состоялась не позднее, чем за сорок дней до смерти занимавшего ее ранее лица. Генрих IV установил, что, если платилась полетта, смерть обладателя должности не приводила к потере права ее передачи, которое могли осуществить наследники.

107

Речь идет о клятве, которую назначенный на должность судья давал в том, что он ничего не обещал, не давал и не платил прямо или косвенно за свою должность.

108

Маргарита Французская (Валуа; 1553–1615) – дочь Генриха II и Екатерины Медичи. Первая жена Генриха IV; брак был аннулирован в 1599 г. по причине бесплодия супруги.

109

Жанна д'Альбре (1528–1572) – королева Наварры, мать Генриха IV.

110

Речь Ришельё на Генеральных Штатах была издана в 1615 г. в Париже. Далее приводится основная часть комментариев по этому изданию, принадлежащих Ришельё (дано курсивом).

111

Аристот, кн. 4 Этики, гл. 1.

112

Платон, 1-е письмо Дионисию.

113

Боден в своей «Республике» (работа Бодена, издаваемая в России под титулом «Шесть книг о государственном правлении». – *Е. Г.)*.

114

Карл Великий.

115

В Сардике, кан. 8 и 11; 2-й Лионский, кан. 3.

116

Святой Людовик.

117

Франциск I.

118

Латеранский собор при Александре III, кан. 8.

119

Кн. 2 и 26 Кодекса Феодосия.

120

Акт. 15, кан. 9.

121

Кан. 9.

122

Кан. 3, кан. 13.

Феодосий, Аркадий, Гонорий, Юстиниан также этого придерживались.

Кн. 6, гл. 281. Кн. 5, гл. 20, 21, 39, 225 etc. Кн. 6, гл. 143.

125

Кн. 5, письмо 32. Кн. 10, письмо 78.

126

Кн. 2 «Истории» Сульпиция Севера.

127

Матф. 24.

Гл. 51, ст. 51.

129

Гл. 16, ст. 18.

130

1 Царств, 12, 14 и 25. 3 Царств, 1, 12 и 13. Екклесиаст, 10, 8.

131

Эжинар в «Жизни Карла Великого» причиной падения империи называл безнравственность и неверие. Сальвиан, епископ Марселя, говорил то же о галлах, указывая, что к их краху привело пренебрежение к святыням. Павел Диакон объяснял потерю и падение королевства лангобардов той же причиной.

132

Иосия – царь Иудеи (640–609 гг. до н. э.). Осуществил религиозную реформу, в основу которой было положено устройство, описанное в книге Второзакония. При нем был восстановлен Храм в Иерусалиме и запрещены языческие культы.

133

Плиний, кн. 7, гл. 2.

134

Мф. 22, 1—14.

135

Анна Австрийская.

136

Шарль Валуа (1573–1650) – сын Карла IX и Мари Туше. Впервые был заключен в тюрьму за участие в заговоре Бирона.

137

Аллюзия к игре в «тридцать одно».

138

Орден Гроба Господня, основанный в 1174 г. английским королем Генрихом II, прекратил свое существование после отделения англиканской Церкви. Его имущество, находившееся за границей, перешло во владение Мальтийского ордена (иоаннитов).

139

«Семнадцатью сеньорами» называли несколько дворян, задававших тон и определявших направление моды при дворе. В их число входил и Анри дю Плесси де Ришельё, старший брат Армана де Ришельё.

140

Клод Лотарингский (1578–1657), принц де Жуанвиль и герцог де Шеврез (с 1612 г.). Стал вторым мужем вдовы де Люиня – фаворитки Анны Австрийской, получившей известность благодаря участию в антиправительственных заговорах (во время правления Людовика XIII).

141

Графиня де Суассон.

142

Луи де Бурбон.

143

Имеется в виду Дворец Правосудия.

Яков I (1603–1625).

145

Анри дю Плесси (1580–1619).

Себастьян Дори Галлигай – брат маршала д'Анкра.

147

Намек на инцидент, о котором рассказывается в тексте «Мемуаров» за 1615 г. Марсийак был побит маркизом де Рошфором за высказывания против Гастона Орлеанского.

148

Анаксарх – греческий философ. Находился в свите Александра Македонского во время похода в Малую Азию.

149

В «Политическом завещании» Ришельё неоднократно говорит об особой ответственности правителей – как политической, так и моральной.

150

Здесь в тексте «Мемуаров» неточность. Роберт Убалдини покинул Францию в декабре 1616 г.; его сменил Ги Бентивольо.

Автор имеет в виду гугенотов. – *Примеч. пер.*

152

Ирод Агриппа I, внук Ирода Великого. Умер в Кесарии в 44 г. н. э. В «Мемуарах» подразумевается описание его смерти, содержащееся в Деяниях Апостолов: «Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он умер, будучи изъеден червями» (Деян. 12, 23).

153

95 тезисов, в которых осуждалось использование индульгенций в качестве финансового источника для строительства собора Св. Петра в Риме, были опубликованы Лютером в 1517 г.

Lettres, instructions di plomatiques et papiers d'Etat du cardinal de Richelieu. – Recueillis et publics par M. Avenel. – Paris, 1853.– T. I. – P.23. *(Пер. автора.)*

Черкасов П.П. Кардинал Ришельё. – М.,1990.– С. 374.

156

Там же. – С. 376.

Черкасов П. П. Указ. соч. – С. 374.

Richelieu A. Testament politique. – Paris, 1764.– P. 184. *(Пер. автора.)*

159

Там же. – С. 191.

Richelieu A. Op. cit. – C. 192.

161

Там же. – С. 217.

162

Там же. – С. 225.

163

Там же. – С. 322.

Там же. – С. 245.

165

Там же. – С. 263.

Там же. – С. 262.

167

Там же. – С. 264.

Там же. – С. 277.

169

Там же. – С. 288.

Там же. – С. 293.

171

Там же. – С. 294.

Там же. – С. 301.

173

Там же. – С. 304.

Там же. – С. 306.

175

Там же. – С. 310.

176

Цит. по: *G. Hanotaux.* Histoire du cardinal de Richelieu. – Paris, 1932.– T. I. – P. 88. *(Пер. автора.)*

177

См.: Comte de Saint Aulaire. Richelieu. – Paris, 1932.– С. 31.

Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. – М.,1991.– С. 33.

179

Приводятся фрагменты обширного художественно-документального исследования А. Дюма, имеющие непосредственное отношение к Ришельё.